Краснодарский университет МВД России

УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(11 сентября 2020 г.)

Краснодар
2020

УДК 343
ББК 67.408
У26

Одобрено
редакционно-издательским советом
Краснодарского университета
МВД России

Редакционная коллегия:
А. Л. Осипенко, доктор юридических наук, профессор (председатель);
К. В. Вишневецкий, доктор юридических наук, профессор (заместитель председателя);
В. С. Соловьев, кандидат юридических наук (ответственный секретарь);
П. В. Максимов, кандидат юридических наук;
И. А. Паршина, кандидат юридических наук, доцент;
А. З. Хун, кандидат юридических наук, доцент

Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф. (11 сент. 2020 г.) / редкол.: А. Л. Осипенко, К. В. Вишневецкий, В. С. Соловьев, П. В. Максимов, И. А. Паршина, А. З. Хун. – Краснодар : Краснодарский университет МВД России, 2020. – 488 с.

У26

ISBN 978-5-9266-1663-4

Содержатся материалы Международной научно-практической конференции «Уголовная политика и культура противодействия преступности», состоявшейся в Краснодарском университете МВД России 11 сентября 2020 года.

Для профессорско-преподавательского состава, адъюнктов, курсантов, слушателей образовательных организаций МВД России и сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 343
ББК 67.408

ISBN 978-5-9266-1663-4

© Краснодарский университет МВД России, 2020

Бабаев Михаил Матвеевич,
Заслуженный деятель науки РФ,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник
направления уголовно-правовых исследований
Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Пудовочкин Юрий Евгеньевич,
доктор юридических наук, профессор,
главный научный сотрудник – руководитель направления
уголовно-правовых исследований
Центра исследований проблем правосудия
Российского государственного университета правосудия

Противоречия между национальными и международными судебными инстанциями

Развитие международного права и отношений международного сотрудничества в области прав человека и предупреждения преступности вызвало существенную трансформацию системы национального права в любой стране мира. Россия в данном случае не исключение. Принятие новой Конституции, ратификация Европейской конвенции о правах человека, признание юрисдикции Европейского Суда по правам человека – эти и иные факты современной правовой истории определили новую для России конфигурацию отношений внутринациональных и международных судебных инстанций, состояние и динамика которой складывается и протекает весьма непросто.

Рассматривая взаимоотношения международных и национальных судов в точки зрения теории противоречий, полагаем необходимым сделать несколько важных оговорок. Во-первых, наш анализ будет ограничен лишь отношениями российских судов с Европейским Судом по правам человека, учитывая, что Россия отозвала свою подпись под Римским статутом Международного уголовного суда, а иные международные судебные инстанции обладают либо компетенцией, не связанной с разрешением собственно уголовно-правовых конфликтов (Орган по разрешению споров ВТО, Международный суд ООН), либо компетенцией, не связанной с Россией (международные трибуналы ad hoc, Межамериканский суд по правам человека). Во-вторых, анализ должен быть, по возможности, дифференцированным, в зависимости от того, идет ли речь о взаимоотношениях Европейского Суда по правам человека с Конституционным Судом РФ либо с Верховным Судом РФ, принимая во внимание специфику компетенции самих национальных судов.

Отношения Европейского Суда по правам человека и судов национальных государств, в целом развиваясь в духе гармонии и сотрудничества, тем не менее, не лишены некоторых сложностей, о которых специалистам хорошо известно. Во многих случаях сложности эти касаются непосредственно уголовного права, уголовно-правовых отношений и уголовной политики. Наиболее типичными в этой области являются проблемы, связанные с установлением пределов действия уголовного закона, толкованием понятия «уголовное наказание», определением сферы применения гарантий прав человека при «уголовном обвинении», порядка использования доказательств по уголовному делу, соблюдения прав, осужденных и некоторые другие.

Напомним лишь некоторые конкретные ситуации:

– дело «Веебер (Veeber) против Эстонии» (Постановление от 21.01.2003 № 2 по жалобе № 45771/99) касалось вопросов установления времени совершения преступления и применения уголовного закона с обратной силой;

– дело «Ходорковский и Лебедев против России» (Постановление от 25.07.2013 по жалобам № 11082/06 и 13772/05) упомянуло вопрос фактической декриминализации общественно опасных деяний без внесения изменений в уголовный закон;

– дело «Энгель [Engel] и другие против Нидерландов» (Постановление от 08.06.1976 по жалобам № 5100/71, 5101/71, 5102/71, 5354/72 и 5370/72) сформулировало основные походы к пониманию «уголовной сферы» для целей применения законодательства о защите и гарантиях прав обвиняемых;

– дело «Сергей Золотухин (Sergey Zolotukhin) против Российской Федерации» (Постановление от 10.02.2009 г. по жалобе № 14939/03) дало развернутое толкование принципа «non bis in idem», значимое для разграничения преступлений и административных правонарушений;

– дело «Компания G.I.E.M. С.р.л. и другие (G.I.E.M. S.r.l. and Others) против Италии» (Постановление от 28.06.2018 по жалобе № 1828/06) связано с подтверждением уголовно-правовой природы конфискации имущества и применением этой меры вопреки истечению сроков давности;

– дело «Уэлч (Welch) против Соединенного Королевства» (Постановление от 9.02.1995 по жалобе № 17440/90) обсуждало вопрос о правовой природе конфискации доходов от оборота наркотических средств и применении соответствующих положений закона с обратной силой;

– дело «М. против Германии» (Постановление от 17.12.2009 по жалобе № 19359/04) исследовало уголовно-правовую природу такой профилактической меры как превентивное заключение;

– дела «Кафкарис против Кипра» (Постановление от 12.02.2008 по жалобе 21906/04), «Винтер и другие против Соединенного Королевства [Vinter and Others v.United Kingdom]» (Постановление от 09.07.2013 по

жалобам № 66069/09, 130/10 и 3896/10) дали оценку пожизненному лишению свободы без возможности досрочного освобождения от наказания;

– дело «Аль-Саадун и Муфзи против Соединенного Королевства [Al-Saadoon и Mufdhi v.United Kingdom] (Постановление от 02.03.2010 по жалобе № 61498/08) признало смертную казнь жестоким и бесчеловечным наказанием;

– дела «Грава против Италии [Grava v. Italy]» (Постановление от 10.07.2003 по жалобе № 43522/98 «Монкорне де Комон против Франции [Montcornet de Caumont v. France]» (Постановление от 13.05.2003 по жалобе № 59290/00) обсуждали вопросы разграничения понятия «наказание» и «режим отбывания наказания»;

– дело «Михайлова [Mikhaylova] против Российской Федерации» (Постановление от 19.11.2015 по жалобе № 46998/08) фактически потребовало распространить гарантии права на бесплатную юридическую помощь обвиняемым в совершении преступлений на дела об административных правонарушениях;

– дело «Ваньян (Vanyan) против Российской Федерации» (Постановление от 15.12.2005 по жалобе № 53203/99), в совокупности с множеством иных аналогичных дел, дало оценку провокации сотрудников правоохранительных органов.

Даже столь обширное изложение одних только наименований решений Европейского Суда по правам человека не отражает и малой толики дел, связанных с защитой прав и свобод человека при рассмотрении уголовных дел судами национальных государств. Но за каждым таким решением кроется различие в подходах национальных судов и Европейского Суда к проблеме применения законодательства, отражающего уголовно-политические и уголовно-правовые решения государства.

Это **различие, отражая противоположные взгляды судебных инстанций на существо проблемы, по сути, всегда означает наличие между ними противоречий. Другое дело, что до момента разбирательства дела в Европейском Суде по правам человека это противоречие не является явным, оно развивается и протекает латентно**. Обращение же человека в Европейский Суд «выводит его из тени» делает достоянием общественности. При этом, однако, не стоит думать, что латентное противоречие в любом случае является полностью неизвестным специалистам. В п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.06.2013 № 21 «О применении судами общей юрисдикции Конвенции о защите прав человека и основных свобод от 4 ноября 1950 года и Протоколов к ней» указано: «Правовые позиции Европейского Суда по правам человека, которые содержатся в окончательных постановлениях Суда, принятых в отношении Российской Федерации,

являются обязательными для судов. С целью эффективной защиты прав и свобод человека судами учитываются правовые позиции Европейского Суда, изложенные в ставших окончательными постановлениях, которые приняты в отношении других государств – участников Конвенции. При этом правовая позиция учитывается судом, если обстоятельства рассматриваемого им дела являются аналогичными обстоятельствам, ставшим предметом анализа и выводов Европейского Суда». Тем самым по существу признается, что судебная практика в России должна складываться «с учетом» мнения Европейского Суда по тем или иным проблемам, даже если это «мнение» формально не является обязательным для России. Это означает, что **потенциальные конфликты в толковании закона между Европейским Судом и национальными судами, которые предвидятся Верховным Судом РФ, должны стать предметом постоянного мониторинга судов общей юрисдикции**. Высшая судебная инстанция не только указывает на необходимость выявлять эти конфликты, но и предлагает разумный способ их профилактики: не допускать различных толкований уголовно-правовых и иных правовых норм в ситуациях, которые аналогичны тем, что уже стали предметом оценки Европейского Суда по правам человека.

Когда и если конфликт национальных судов и Европейского Суда по правам человека возникает и становится предметом специального разбирательства, то в значительной части случаев государства разделяют правоту подходов Европейского Суда по правам человека, признают собственную ошибку в толковании национальных правовых актов или даже в определении их содержания и, следуя логике постановления международной судебной инстанции, либо вносят коррективы в тексты действующих нормативных актов, либо меняют устоявшиеся подходы к их интерпретации. Гуманитарно-правовой конфликт между человеком и государством, таким образом, оказывается исчерпанным, основы для его потенциального повторения исключенными, а отношения международного суда и внутригосударственных судов гармонично согласованными.

Вспомним, как при всех сложностях, оказавшихся в итоге преодолимыми, менялась отечественная практика квалификации незаконного оборота наркотических средств, выявляемого по итогам оперативных мероприятий, как менялась практика судебного разбирательства по уголовным делам об автотранспортных преступлениях в ситуации наличия решения по делу об автотранспортном административном правонарушении по тому же факту, как менялось понятие «закон, подлежащий применению», для целей решения вопросов об обратной силе уголовного закона, как оптимизировался судебный процесс в связи с введением нормативного понятия «разумный срок» судопроизводства и т. д.

«Победу» международной инстанции в конфликте Европейского Суда по правам человека и национальных судов нельзя воспринимать как «поражение» последних. Сами эти термины «победа» и «поражение» в данном случае неприемлемы, поскольку в выигрыше от разрешения конфликта оказываются обе стороны. В конце концов дело, которое рассматривается в Европейском Суде по правам человека – это неспор между национальным и международным судом, это спор между государством и гражданином, арбитром в котором выступает международный судебный орган. И разрешение этого спора, хотя и выявляет различные позиции национальных и международных судов, основано на комплементарной юрисдикции Европейского Суда по правам человека, который призван не «наказать» государство, а вместе с государством выработать оптимальный подход к толкованию законов и защите прав человека.

Рассматривая этот аспект взаимоотношений Европейского Суда по правам человека и национальных судов в аспекте уголовной политики, надо отметить одно важное обстоятельство. По общему правилу, Европейский Суд по правам человека не задается целью дать оценку положениям национальных уголовных и иных законов. Он оценивает лишь то, как применение этих законов сопрягается с гарантиями прав человека, установленными Европейской конвенцией 1950 года. В этой связи мыслимы и реально существуют ситуации, когда нарушение прав человека Европейский Суд усматривает в фактах применения вполне легитимного законодательства. Здесь возникают проблемы не с качеством самих законов, подлежащих применению, а с качеством самой правоприменительной практики, которая в силу решений Европейского Суда, должна быть скорректирована в целях наиболее полного обеспечения прав человека.

Однако **в некоторых, достаточно редких случаях несовпадение подходов Европейского Суда по правам человека и национальных судов к вопросам соблюдения прав человека базируется на негативной оценке положений национальных нормативных актов со стороны международной организации.** Здесь проблема оценки содержания и толкования норм права перерастает в истинный конфликт, когда национальные суды отказываются воспринимать, принимать и исполнять решения Европейского Суда, содержащие негативную оценку нормативных правовых актов, которые для национальных судов выступают непререкаемой основой правоприменения.

Возникновение противоречивых подходов неизбежно и вполне предсказуемо, особенно в ситуации, когда единый стандарт прав человека устанавливается для государств, имеющих различия, порой существенные, в уровне экономического развития, в истории становления и закрепления

демократических институтов, в духовных ценностях, правовой инфраструктуре и традициях и т. д. Однако проблема состоит в том, что когда эти противоречия касаются оценки содержания нормативных правовых актов, возникает конфликт юрисдикций и полномочий, с одной стороны, Европейского Суда, а с другой стороны, высших национальных судов и прежде всего, Конституционного Суда, в деле оценки легитимности национальных нормативных правовых актов.

Когда конфликт международного и национальных судов проистекает из оценки практики применения национальных правовых норм, которые в свою очередь Конституционным Судом РФ признаны соответствующими Конституции страны, он разрешается относительно понятно – путем корректировки самой практики (как в процессе пересмотра уже состоявшихся судебных решений в порядке надзора, так и «на перспективу» в отношении всех иных решений). В данном случае нет возможности в Конституционном Суде РФ оспорить саму эту практику. Конституционный Суд РФ, исходя из законодательства, определяющего его компетенцию, оценивает не факт применения закона в конкретной ситуации (как это делает Европейский Суд по правам человека), а сам закон, подлежащий применению.

Но когда конфликт связан с оценкой законов, подлежащих применению, проблема многократно осложняется, приобретает политический оттенок и обсуждается уже не только в категориях защиты прав человека, но и в категориях вмешательства во внутренние дела государства.

Когда Европейский Суд приходит к выводу, что нарушение прав человека в той или иной ситуации связано с содержанием национального законодательства, не совместимого с нормами и принципами Европейской конвенции, и предписывает принять меры «общего характера» для исправления ситуации, всегда возникает необходимость на национальном уровне рассмотреть вопрос об изменении действующего законодательства. В этом случае ситуация может развиваться в трех направлениях.

Во-первых, государство может признать правоту международной инстанции и провести законодательную реформу во исполнение решения Европейского Суда. Один из примеров такой ситуации – отражение в проекте нового Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях вопросов состязательности в производстве по делам об административных правонарушениях, а также установление возможности предоставления бесплатной юридической помощи лицу, в отношении которого ведется производство по делу об административном правонарушении, в целях реализации постановления Европейского Суда по правам человека от 19.11.2015 г. по делу «Михайлова против России»; создание механизма, обеспечивающего достаточные гарантии

беспристрастности судов, рассматривающих дела об административных правонарушениях, путем включения стороны обвинения (представителя прокуратуры или других государственных органов) в процессы с устными слушаниями в целях реализации постановления Европейского Суда по правам человека от 20.09.2016 г. по делу «Карелин против России»[1].

Во-вторых, государство может пересмотреть и скорректировать свою позицию относительно оценки тех или иных законоположений, используя при этом механизм конституционного судопроизводства. Так, например, Конституционный Суд РФ в определениях от 24.05.2005 № 257-О по жалобам гражданина А.А. Хорошенко и от 9.06.2005 № 248-О по жалобе граждан В.А. Захаркина и И.Н. Захаркиной не нашел оснований для конституционной дисквалификации положений Уголовно-исполнительного кодекса, запрещающего предоставление осужденным к пожизненному лишению свободы долгосрочных свиданий с близкими родственниками в течение первых десяти лет отбывания наказания. Однако в свете позиции Европейского Суда по правам человека, выраженной в постановлении от 30.06.2015 по делу «Хорошенко против России» пересмотрел свою позицию и в постановлении № 24-П от 15.11.2016 «По делу о проверке конституционности пункта «б» части третьей статьи 125 и части третьей статьи 127 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Вологодского областного суда и жалобой граждан Н.В. Королева и В.В. Королевой», согласившись с тем, что толкование положений Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским Судом по правам человека содержит повышенные гарантии прав определенной категории граждан, не посягая при этом на иные охраняемые Конституцией РФ ценности, вынес иное решение, признав соответствующие нормы УИК РФ неконституционными.

В-третьих, государство может упредить возникновение конфликта, когда посредством конституционного толкования будет выявлен конституционно-правовой смысл тех или иных предписаний законодательных актов, который не будет расходиться с уже озвученным по иным делам мнением Европейского Суда, станет обязательным для всех правоприменителей внутри страны и не потребует корректировки законов парламентом. Такая ситуация имела место, к примеру, в постановлении Конституционного Суда РФ от 29.11.2019 № 38-П «По делу о проверке конституционности положений статей 1070 и 1100 Гражданского кодекса Российской Федерации и статьи 22 Федерального закона «Об основах

[1] См.: Доклад Министерства Юстиции Российской Федерации «Мониторинг выполнения постановлений Европейского Суда по правам человека 2018 год». [Электронный ресурс]: http://european-court-help.ru/ispolnenie-reshenii-evropeiskogo-sud/ (дата обращения: 09.10.2020).

системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» в связи с жалобой гражданки А.», в котором Суд признал оспариваемые заявительницей нормы соответствующими Конституции РФ, в том числе со ссылкой на постановление Европейского Суда по правам человека от 23.03.2016 по делу «Блохин (Blokhin) против Российской Федерации» (жалоба № 47152/06), и распространил правила о возмещении вреда, причиненного незаконным судебным решением, на случаи неправомерного помещения несовершеннолетних в центр временного содержания.

Однако в исключительно редких ситуациях, когда нормы национального законодательства признаются Конституционным Судом РФ соответствующими Конституции РФ, когда текущая судебная практика правоприменения развивается в соответствии с выявленным Конституционным Судом РФ конституционно-правовым смыслом этих норм, позиция Европейского Суда по правам человека, утверждающая о несоответствии национальных норм и практики их применения положениям Европейской конвенции 1950 года, порождает болезненно острое противостояние международных и национальных судов и в целом международного и национального правопорядка. Показательной иллюстрацией такой ситуации является известное постановление Европейского Суда по правам человека от 04.07.2013 по делу «Анчугов и Гладков против России» (жалобы № 11157/04 и 15162/05) в котором международный суд пришел к выводу о том, что не только положения уголовно-исполнительного законодательства России, но и установленное ч. 3 ст. 32 Конституции РФ ограничение избирательных прав граждан, содержащихся в местах лишения свободы по приговору суда, нарушает гарантированное статьей 3 Протокола № 1 к Конвенции о защите прав человека и основных свобод субъективное право на участие в выборах.

В подобных ситуациях **конфликт в вопросах толкования прав человека и надлежащих мер их защиты перерастает в спор о приоритете международных правовых актов и решений международных судебных инстанций перед отечественными правовыми решениями** [1] . Только относительно недавно методика разрешения этого спора была определена Конституционным Судом РФ в

[1] Этой проблеме посвящено значительное число публикаций, некоторые из них см.: Калиниченко П.А. К вопросу о коллизии между постановлениями ЕСПЧ и Конституцией России в свете позиции Конституционного Суда РФ // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 42–48; Осипов М.Ю. О некоторых проблемах разрешения коллизий между Конституцией РФ и решениями Европейского Суда по правам человека // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 2 (63). С. 55–60; Будаев К.А. О некоторых разногласиях Европейского суда по правам человека и Конституционного суда Российской Федерации по защите прав и свобод граждан России: пути их разрешения // Lex Russica. 2017. № 12 (133). С. 95–109.

постановлении от 14.07.2015 № 21-П [1] и закреплена в главе XIII.1 Федерального конституционного закона от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации».

Конституционный Суд РФ признал, что взаимодействие европейского конвенционного и российского конституционного правопорядков невозможно в условиях субординации, поскольку только диалог между различными правовыми системами является основой их надлежащего равновесия, и от уважения Европейским Судом по правам человека национальной конституционной идентичности во многом зависит эффективность норм Конвенции о защите прав человека и основных свобод в российском правопорядке. Признавая фундаментальное значение европейской системы защиты прав и свобод человека и гражданина, частью которой являются постановления Европейского Суда по правам человека, Конституционный Суд РФ готов к поиску правомерного компромисса ради поддержания этой системы, оставляя за собой определение степени своей готовности к нему, поскольку границы компромисса в данном вопросе очерчивает именно Конституция Российской Федерации. Конституционный Суд РФ признал себя последней инстанцией по разрешению в рамках действующего конституционного регулирования вопроса о возможности исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека, которая обязана находить при осуществлении данного полномочия разумный баланс, с тем чтобы принятое им решение, с одной стороны, отвечало бы букве и духу постановления Европейского Суда по правам человека, а с другой – не вступало бы в противоречие с основами конституционного строя РФ и установленным Конституцией России правовым регулированием прав и свобод человека и гражданина.

Таким образом, установлено, что **возможные противоречия между национальными и международными судами в вопросах толкования и оценки положений внутригосударственных нормативных актов должны разрешаться с позиций соответствия этих актов Конституции России**. Как отметил В.Д. Зорькин, «конституционный текст в любом случае сохраняет свое высшее методологическое значение при

[1] Постановление Конституционного суда РФ от 14.07.2015 № 21-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 1 Федерального закона «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней», пунктов 1 и 2 статьи 32 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», частей первой и четвертой статьи 11, пункта 4 части четвертой статьи 392 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 13, пункта 4 части 3 статьи 311 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, частей 1 и 4 статьи 15, пункта 4 части 1 статьи 350 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации и пункта 2 части четвертой статьи 413 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы».

интерпретации нормативных положений, затрагивающих или ограничивающих права человека, но вместе с тем сохраняется возможность для конструктивного диалога национальных высших судов и наднациональных юрисдикционных органов, так как очевидно, что прямого столкновения текста конституции или основного закона и текста обязательного для конкретного государства международного соглашения быть не может». Он же признал, что отказ от исполнения постановлений Европейского Суда по правам человека возможен только в исключительных случаях, в качестве последнего средства, которое предусмотрено Основным законом, как своего рода его самозащита от наднационального толкования конвенционных норм, расходящегося с конституционными положениями[1].

Таким образом, можно подвести промежуточный итог. Противоречия между национальными и международными судами, складывающиеся по вопросам защиты прав и свобод человека, выступают объективным, неизбежным и необходимым источником развития судебной практики и судебной политики. В основе разрешения этих противоречий лежит, в первую очередь, консенсус различных судебных инстанций и компромисс. Когда и если позиция Европейского Суда по правам человека не противоречит положениям Конституции РФ, государство корректирует свою правовую практику в направлении, заданном авторитетной международной инстанцией, посредством: а) непосредственного применения национального законодательства с учетом правовых позиций Европейского Суда; б) применения национального законодательства в его конституционном истолковании Конституционным Судом РФ, не расходящимся с решениями и позициями Европейского Суда по правам человека; в) внесения корректив в национальные правовые акты во исполнение решений Европейского Суда. В редких, исключительных случаях, когда позиция Европейского Суда по правам человека затрагивает вопросы конституционной идентичности страны, противоречие между международным и национальным правопорядком разрешается Конституционным Судом РФ на основе приоритета конституционных норм.

[1] Зорькин В.Д. Национальные и межгосударственные суды: проблемы взаимодействия [Электронный ресурс]: http://www.ksrf.ru/ru/Info/Conferences/ Documents/2019 Report.pdf (дата обращения: 05.10.2020).

Вишневецкий Кирилл Валерьевич,
доктор юридических наук, профессор,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Кашкаров Алексей Александрович,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Голубихина Наталья Валерьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
конституционного и административного права
Краснодарского университета МВД России

Криминология соучастия. Постановка проблемы

В конструкции норм Особенной части Уголовного кодекса Российской Федерации (далее по тексту – УК РФ) законодатель закрепляет уголовную ответственность исключительно за индивидуальную преступную деятельность, это соответствует принципу индивидуализации наказания и принципу вины, а также конкретизирует указанные принципы уголовной ответственности в нормах и положениях Особенной части УК РФ. Однако фактически более 1/3 всех регистрируемых преступлений в Российской Федерации совершаются двумя и более лицами.

Уголовно-правовой институт соучастия в преступлении является достаточно сложным, как отмечают некоторые исследователи теоретически запутанными и по этой причине сложным для правоприменител [1] . Однако, рассмотрению института соучастия в преступлении теорий уголовного права уделено достаточно много внимания, о чем свидетельствует монографические исследования последних лет [2], вместе с тем вопрос связанный с криминологической характеристикой соучастия является рассмотренным в не достаточной мере. Криминологические аспекты характеристики соучастия в

[1] Джулай Д.И. Криминологические и социально-психологические аспекты соучастия в преступлении (на примере Мурманской области) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2012. № 3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/kriminologicheskie-i-sotsialno-psihologicheskie-aspekty-souchastiya-v-prestuplenii-na-primere-murmanskoy-oblasti (дата обращения: 01.08.2020).

[2] Соучастие в преступлении: проблемы квалификации и назначения наказания / под ред. Ю.Е. Пудовочкина: Монография. М.: РГУП, 2019, С. 150, 508.

преступлении рассматривались в публикациях Д.И. Джулай, Л.М. Прозументова[1], а также в диссертационном исследовании 2002 года Н.Ю. Клименко «Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия»[2]. Указанное свидетельствует о недостаточном внимании к вопросам криминологической характеристики института соучастия в преступлении.

Соучастие в преступлении, как и само преступление, это социальное явление, однако, соучастие в преступлении наполняется различного рода социокультурными связями, которые возникают, формируются и существуют между соучастниками. Такого рода взаимосвязь между соучастниками в преступлении обусловлена стремлением достичь общий преступный результат, а также сложением имеющихся у соучастников навыков, знаний, умений, социальных связей и т. п., все это позволяет минимизировать интеллектуальные, физические, финансовые и прочие затраты для достижения общественно опасного результата.

Собственно, в соучастии в преступлении переплетаются представляющие особый интерес для теории криминологии явления и процессы, а именно: само преступление, личность преступника (исполнителя преступления), личность лиц, которые оказывают влияние на преступника (организатор, подстрекатель, пособник), социальные связи, которые возникают между преступником и иными лицами, причастными к преступлению, мотивационные процессы, которые послужили движущей силой для совершения преступления в соучастии. Анализ этого явления представляет криминологический характер, отмечает Л.М. Прозументов, поскольку имеет целью изучение также детерминант, обусловивших возникновение и существование данного явления, а также разработку мер предупреждения этого негативного социального явления[3].

Именно криминологическая характеристика личности соучастника позволит сформировать психологические портреты не только исполнителя, но и организатора, подстрекателя и пособника.

Представляется, что соучастие в преступлении с точки зрения криминологии должно рассматриваться более широко, не ограничиваться

---

[1] Прозументов Л.М. Криминологические аспекты института соучастия в действующем уголовном праве России // Научный вестник Омской академии МВД России. 2016. № 4 (63). С. 3–7; Прозументов Л.М. Некоторые криминологические вопросы института соучастия в уголовном праве РФ // Вестник ТГПУ. 2006. № 11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-kriminologicheskie-voprosy-instituta-souchastiya-v-ugolovnom-prave-rf (дата обращения: 01.08.2020).

[2] Клименко Н.Ю. Уголовно-правовые и криминологические признаки форм соучастия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2002.

[3] Прозументов Л.М. Некоторые криминологические вопросы института соучастия в уголовном праве РФ // Вестник ТГПУ. 2006. №11. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/nekotorye-kriminologicheskie-voprosy-instituta-souchastiya-v-ugolovnom-prave-rf (дата обращения: 01.08.2020).

законодательно закреплёнными в Главе 7. (Соучастие в преступлении) УК РФ положениями, тем более, что при описании более чем сорока составов преступлений, закреплённых в Особенной части УК РФ, законодатель использует признаки, характеристики и юридический инструментарий, который присущ организатору, подстрекателю или пособнику наделяя их при этом повышенной общественной опасностью и как следствие индивидуализирует их, что позволяет закреплять такого рода деяния в качестве самостоятельного состава преступления в Особенной части УК РФ. Кроме того, законодатель криминализирует в Особенной части УК РФ и иные виды совместной преступной деятельности, которые по своему содержанию не соответствуют видам соучастников, закреплённых в ст. 33 УК РФ, речь идёт о прикосновенности к преступлению и посредничестве.

Иванов Пётр Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
заслуженный юрист Российской Федерации,
заслуженный профессор Академии управления МВД России,
главный научный сотрудник отдела по исследованию проблем
отраслевого управления научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России

Шитов Артём Сергеевич,
адъюнкт кафедры организации
оперативно-разыскной деятельности
Академии управления МВД России

Уголовная политика в области борьбы с налоговой преступностью и особенности ее реализации подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации

В настоящее время сложилась непростая ситуация. Обостряются вызовы и угрозы экономической безопасности (глобальная конкуренция, неустойчивость развития отечественной и мировой экономики, слабая инвестиционная активность, подверженность финансовой системы глобальным рискам, использование дискриминационных мер в отношении ключевых секторов экономики Российской Федерации, необоснованные санкции со стороны Евросоюза, распространенность по всему миру пандемии коронавируса и т. п.). В этих условиях, на наш взгляд, следует

удерживать некий баланс между социально-экономической и уголовной политикой. Последняя должна отчасти снять накал напряженности. В этом контексте уголовная политика выступает неотъемлемой частью социально-экономической политики[1], генеральным направлением которой выступает обеспечение экономической (включая налоговой) безопасности от криминальных посягательств. Многочисленные внутренние и внешние угрозы создают опасность социально-экономической и финансовой стабильности[2].

Под реализацией подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции (далее – ЭБиПК) территориальных органов внутренних дел (далее – ОВД) уголовной политики в области борьбы с налоговыми преступлениями нами понимается «проведение в жизнь норм уголовного закона, предусматривающего ответственность за совершение названных видов преступлений, посредством проведения комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, предусмотренных принятыми федеральными законами «О полиции» [3] и «Об оперативно-розыскной деятельности»[4].

Академик В.Н. Кудрявцев в свое время писал, что уголовная политика государства «определяет, а затем и реализует те цели, для которых создается и функционирует система уголовной юстиции»[5]. Его высказывания находят воплощение через конкретную деятельность, которая в условиях правового государства начинается с принятия законодательных и иных нормативных правовых актов. Заканчивается эта деятельность их реализацией, тем самым проводя в жизнь цели и задачи уголовной политики.

Уголовная политика в области борьбы с налоговой преступностью реализуется в различных формах (законотворческая, правоприменительная и иная деятельность). Из-за ограниченности объема настоящей научной статьи нам не представляется возможным более подробно останавливаться на них. В последующих своих работах мы обязательно вернемся к ним.

Особенности реализации подразделениями ЭБиПК уголовной политики, прежде всего, обусловлены:

---

[1] Мы исходим из того, что уголовная политика – это сложное многоплановое явление. В России к проблемам ее разработки правоведы обратились во второй половине XIX века.

[2] Экономическая безопасность России: Общий курс: Учебник / под ред. В.К. Сенчагова. 3-е изд., перераб. и доп. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2009. С. 29–33; С. 48–55.

[3] О полиции: Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // СЗ РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

[4] Об оперативно-розыскной деятельности: Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ // СЗ РФ. 1995. № 33. Ст. 3349.

[5] Кудрявцев В.Н. Эффективность закона как средства осуществления уголовной политики // Основные направления борьбы с преступностью. М.: Юрид. лит., 1975. С. 78.

– особым правовым статусом подразделений ЭБиПК и их сотрудников. Указанное подразделение на сегодня – головная служба в системе территориальных ОВД по организации оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) по борьбе с налоговыми преступлениями. Основной объем непосредственной реализации уголовной политики приходится на них. Разумеется, и другие оперативные подразделения полиции участвуют в реализации уголовной политики в рассматриваемой нами области;

– наличием (позитивным влиянием на состояние уголовной политики) Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности», ориентирующего на достижение целей обеспечения налоговой безопасности. Оперативно-розыскное законодательство накладывает свой отпечаток на современное состояние уголовной политики в части выбора наиболее эффективных форм и методов реализации приоритетных ее направлений. В то же время следует отметить, что в принятых законодательных актах, в том числе указанных, уже непосредственно реализуется уголовная политика. Здесь мы усматриваем взаимообусловленность. Говоря об этом, нельзя не заметить, что существует устоявшаяся в теории уголовного права точка зрения, согласно которой уголовная политика как система включает в себя несколько подсистем, а именно: а) профилактическую политику; б) уголовно-правовую политику; в) уголовно-процессуальную политику; г) оперативно-розыскную политику; д) уголовно-исполнительную политику[1]. Как видим, оперативно-розыскная политика представлена как относительно самостоятельная подсистема уголовной политики. Следовательно, она имеет свою структуру[2];

– вызовами и угрозами, указанными в Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года, утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 [3]. Среди них налоговые преступления выступают в качестве основного источника угрозы налоговой безопасности;

– тем, что осуществление ОРД как основная функция подразделений ЭБиПК создает необходимое условие для проведения в жизнь норм уголовного закона и принципа неотвратимости наказания.

---

[1] Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 31.

[2] Основными элементами структуры уголовной политики выступают: цели, задачи, понятие, содержание, принципы, основные этапы развития. Функции, субъекты реализации, уровни также входят в число этих элементов.

[3] О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года: Указ Президента Российской Федерации от 13 мая 2017 г. № 208 // СЗ РФ. 2017. № 20. Ст. 2902.

Руководители территориальных органов МВД России на региональном уровне и их подразделений ЭБиПК, обеспечивая реализацию уголовной политики в области борьбы с налоговыми преступлениями, обязаны предпринимать меры по недопущению фактов вмешательства подчиненных в коммерческие споры путем давления на бизнес, а также оставления без внимания случаев установления обстоятельств, способствовавших уклонению от уплаты налогов (сборов) и иных противоправных деяний, совершенных в налоговой сфере. Многолетняя практика показывает, что тем самым минимизируются предпосылки для продолжения их использования при совершении аналогичных преступлений.

В теории уголовного права нет единого мнения по вопросу о понятии «уголовная политика». На сегодня существует достаточно много мнений. Так, Г.Ю. Лесников считает, что уголовная политика – это «система мер правового, организационного и иного (внеправового) характера, направленная на разработку комплексных программ предупреждения и борьбы с преступностью, ресоциализации преступников, занимающая особое место в системе государственной власти России, позволяющая осуществлять мониторинг и составлять краткосрочные и долгосрочные прогнозы преступности»[1]. Не вдаваясь в дискуссию, отметим, что разработка комплексной программы, скорее всего, не цель уголовной политики, а средство ее реализации. Приведем еще одну дефиницию. «Уголовная политика – это крупномасштабная деятельность государства стратегического характера по обеспечению безопасности граждан, общества и самого государства от криминальных посягательств» [2] . Определяя таким образом, мы не отождествляем ли понятия «уголовная политика» и «единая политика в сфере борьбы с преступностью». Такая опасность, на наш взгляд, существует. В связи со сказанным не исключаем необходимость глубокой научной проработки затронутого нами вопроса.

Говоря об уголовной политике вообще, следует отметить, что правоведы часто поднимают проблему, связанную с разработкой концепции уголовной политики. Мы разделяем их мнение. Одновременно хотим подчеркнуть, что такая концепция применительно анализируемого нами направления уголовной политики должна быть ориентирована на обеспечение налоговой безопасности, предусматривающей систему мер в первую очередь по пополнению консолидированного бюджета страны и по

---

[1] Лесников Г.Ю. Уголовная политика современной России (методологические, правовые и организационные основы): автореф. … докт. юрид. наук. М., 2005. С. 5.

[2] Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч. 1. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 25.

недопущению преступного посягательства на средства налоговой сферы[1]. В этом мы видим суть стратегии уголовной политики.

Среди ученых юристов неоднозначно воспринят радикально-либеральный подход в уголовной политике и его продолжают активно обсуждать [2]. Например, существует точка зрения, согласно которой «состояние и тенденции современной уголовной политики в России свидетельствуют … о ее системном кризисе». В частности, С.И. Винокуров пишет: «… это находит подтверждение, в том числе, в неприемлемой, как представляется, стратегии «сдерживания преступности» путем безграничной либерализации и псевдогуманизации уголовной ответственности за счет необоснованной полной либо частичной декриминализации преступлений, ранее традиционно признаваемых опасными, искусственного занижения уровня общественной опасности многих уголовных деяний (особенно в сфере экономики)» [3]. И на сегодняшний день, на наш взгляд, имеют место эти факты. Мы их видим на примере преступлений налоговой направленности[4].

---

[1] Среди системы мер не менее значимым является установление подразделениями ЭБиПК имущества, подлежащего конфискации. См. об этом подробнее: Иванов П.И., Сонин В.В. К вопросу об установлении подразделениями ЭБиПК имущества, подлежащего конфискации, по делам об экономических и коррупционных преступлениях // Конфискация имущества: правовые основы и практика применения: сборник материалов научно-практической конференции (Москва, 28 марта 2012 года). М.: Академия управления МВД России, 2013. С. 104–109.

[2] Радикально-либеральный подход в уголовной политике широко обсуждается среди ученых юристов. См. об этом подробнее: Алексеев А.И., Овчинский В.С., Побегайло Э.Ф. Российская уголовная политика: преодоление кризиса. М.: Норма, 2006.

[3] Винокуров С.И. Необходима смена приоритетов уголовной политики в России // Уголовная политика на современном этапе: состояние, тенденции, перспективы (памяти Г.М. Миньковского): сборник статей Всероссийской научно-практической конференции (Москва, 29 ноября 2013 года). М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 57.

[4] Налоговые преступления, предусмотренные ст. 198, 199, 199.1 УК РФ, для многих регионов России из-за поднятия порогового значения размеров ущерба стали недосягаемыми. См. об этом подробнее: О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и ст. 28.1 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: Федеральный закон от 1 апреля 2020 г. № 73-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2020). Как нам представляется, широкомасштабному ведению борьбы с налоговыми правонарушениями не способствует также новая система оценки деятельности подразделений ЭБиПК. См. об этом подробнее: О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности: Указание Генпрокуратуры России № 35/11, МВД России № 1 от 24.01.2020 г. // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.09.2020).

В качестве дополнительных аргументов можно привести: дальнейшую криминализацию налоговой сферы[1], крайне низкий уровень обеспечения возмещения причиненного преступными действиями бюджету Российской Федерации материального ущерба[2].

Как нам представляется, успешной реализации уголовной политики в рассматриваемой области во многом мешают существующие на сегодня проблемы.

Одной из проблем является некоторое несоответствие уголовной политики современным реалиям в налоговой сфере. Не случайно глава государства на расширенном заседании коллегии ФСБ России[3] потребовал более активного очищения от криминала стратегически важных отраслей экономики, в том числе и налоговой сферы. Последняя ориентирована на создание оптимальных условий для ведения бизнеса и исполнения налоговых обязательств посредством последовательного снижения совокупной налоговой нагрузки, качественного улучшения налогового администрирования. При этом качественное налоговое администрирование является на сегодня одним из условий эффективного функционирования налоговой системы и экономики государства[4].

Озабоченность главы государства состоянием дел в налоговой сфере вызвана, по крайней мере, двумя взаимосвязанными между собой обстоятельствами. Во-первых, неуплата налогов ведет к сокращению

---

[1] Налоговая сфера как важный сегмент российской экономики пока что не считается криминологически «чистым». См. об этом подробнее: Иванов П.И., Шитов А.С. К вопросу об оперативно-розыскной деятельности подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции по выявлению и раскрытию налоговых преступлений на потребительском рынке // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2020. № 2 (26). С. 143–149; Иванов П.И., Шитов А.С. Оперативно-розыскное противодействие налоговой преступности: поисковые признаки и их учет в правоприменительной деятельности // Вестник Владимирского юридического института. 2020. № 1 (54). С. 57–60; Иванов П.И., Шитов А.С. Некоторые элементы оперативно-розыскной характеристики налоговых преступлений, совершаемых на потребительском рынке // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2020. № 3 (52). С. 90–97.

[2] На это обстоятельство обращается внимание руководителей территориальных органов МВД России на региональном уровне и в Обзоре МВД России об организации работы по предупреждению, выявлению и пресечению налоговых преступлений подразделениями ЭБиПК за 2019 г. (№ 1/5338 от 19 мая 2020 г.). Документ опубликован не был.

[3] Текст официального выступления Президента Российской Федерации В.В. Путина на расширенном заседании коллегии ФСБ России 20 февраля 2020 года. URL: http://www.kremlin.ru/events/president/news/62834 (дата обращения: 20.09.2020).

[4] Об утверждении концепции системы планирования выездных налоговых проверок: приказ ФНС России от 30 мая 2007 г. № ММ-3-06/333@ // Экономика и жизнь. № 23. Июнь. 2007. В этом документе содержатся сведения о схемах преступной минимизации налоговых обязательств.

бюджетных поступлений и расходованию средств[1]. А это приводит к недофинансированию расходов на социальные нужды, и в первую очередь на здравоохранение, образование, культуру, спорт, правоохранительную деятельность. Во-вторых, нельзя не заметить увеличение темпов роста транснациональной преступности[2], которая пытается контролировать отрасли многих национальных экономик, прежде всего, путем отмывания доходов от криминальной деятельности. Даже международное сообщество высказывает свою озабоченность в части проникновения ее на легальные финансовые рынки[3]. По мнению экспертов, среди множества финансовых преступлений[4] в мире не менее распространенными считаются налоговые преступления. На сегодня международное сотрудничество правоохранительных органов России выходит на качественно новый уровень, предполагающий, прежде всего, тесное сотрудничество с зарубежными правоохранительными органами.

---

[1] Иванов П.И. Оперативно-разыскное обеспечение деятельности по защите бюджетных средств от преступных посягательств // Труды Академии управления МВД России. – 2016. – № 2 (38). – С. 31.

[2] К транснациональным экономическим преступлениям помимо уклонения от уплаты налогов относят мошенничество, хищение денежных средств и ценных бумаг, отмывание денег. Нередко преступления в налоговой сфере связаны с контрабандой, фальшивомонетничеством, легализацией (отмыванием) доходов, полученных преступным путем. Более того, зачастую скрытые от налогообложения суммы используются в дальнейшем в ходе осуществления иных видов криминальной деятельности, таких как легализация денежных средств, незаконное предпринимательство, незаконные операции в сфере валютного регулирования.

[3] Об актуальности противодействия транснациональной преступности во многом свидетельствуют также принятые на международном уровне следующие документы: «Конвенция по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок», принятая Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) 21 ноября 1997 года. Российская Федерация присоединилась к настоящей Конвенции Федеральным законом от 1 февраля 2012 г. № 3-ФЗ «О присоединении РФ к Конвенции по борьбе с подкупом иностранных должностных лиц при осуществлении международных коммерческих сделок» // СЗ РФ. 2012. № 6. Ст. 622; «Многосторонняя конвенция по выполнению мер, относящихся к налоговым соглашениям, в целях противодействия размыванию налоговой базы и выводу прибыли из-под налогообложения» (Заключена в г. Париже 24 ноября 2016 года). Данный документ ратифицирован Федеральным законом от 1 мая 2019 г. № 79-ФЗ // СЗ РФ. 2020. № 10. Ст. 1281; Модельная конвенция ООН «Об устранении двойного налогообложения в отношении налогов на доходы и на капитал»; Типовая конвенция ООН «Об избежании двойного налогообложения в отношениях между развитыми и развивающимися странами».

[4] Многие государства к финансовым преступлениям относят и таможенные преступления. Среди них самым «популярным» видом налоговых преступлений является уклонение от их уплаты, которое может совершаться в форме непредставления в налоговые органы информации о доходах, сокрытия реальных доходов посредством внесения ложных или искаженных сведений в финансовые документы, а также использования поддельных документов.

Налоговая преступность как международное правовое явление стала первопричиной создания Координационного совета руководителей органов налоговых (финансовых) расследований государств – участников СНГ[1], призванного принять действенные меры по борьбе с налоговой преступностью, а именно путем разработки механизма борьбы с преступностью в сфере экономики, финансов и налогообложения, оказания правовой помощи по делам о финансовых преступлениях, взаимного обмена информацией об уклонении от уплаты налогов.

Другой не менее важной проблемой является отсутствие единой правоприменительной практики в части, касающейся преступлений налоговой направленности. Складывается парадоксальная ситуация, когда судебно-следственная практика по-разному складывается в различных регионах, хотя казалось бы, одно уголовное законодательство. Только лишь сами правоприменители его нормы трактуют по-своему. В результате, на сегодняшний день иы имеем достаточно много норм Уголовного закона, касающихся, прежде всего, преступлений в сфере экономической деятельности, которые просто на просто «не работают» в интересах прав добросовестных собственников и предпринимателей.

Наконец, еще одна проблема, которая как бы ключевая. Она связана с необходимостью создания системы единой политики в сфере борьбы с преступностью[2]. В настоящее время, как мы уже отмечали, уголовная политика имеет достаточно много составных частей[3]. Отсюда невольно возникают вопросы: как их совместить в одно целое?; какая из них является главенствующей?; какие критерии их разграничения?; какова сущность и содержание каждого из них? На наш взгляд, названные вопросы требуют углубленного изучения, чтобы ответить на них аргументированно.

Проведенное нами выборочное изучение и анализ позволило определить перспективные направления разработки концептуальных положений уголовной политики в рассматриваемой нами области:

---

[1] На территории государств – участников СНГ действует модельный закон «Об оперативно-розыскной деятельности». См. об этом подробнее: О модельном законе «Об оперативно-розыскной деятельности»: Постановление Межпарламентской Ассамблеи государств – участников Содружества Независимых Государств от 6 декабря 1997 года № 10–12 // Информационный бюллетень Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. № 16. 1998.

[2] В юридической литературе можно встретить и иные термины: «государственная политика борьбы с преступностью», «социальная политика», «правовая политика», «внутренняя политика».

[3] Уголовная политика и ее реализация органами внутренних дел: учебник для слушателей образовательных организаций высшего образования системы МВД России: в 2-х ч. / под ред. заслуженного юриста РФ, докт. юрид. наук, профессора Л.И. Беляевой. Ч.1. М.: Академия управления МВД России, 2014. С. 31.

определение основных направлений борьбы с налоговой преступностью;

создание условий, при которых невыгодно было бы совершать преступления налоговой направленности;

поиск наиболее эффективных форм и методов упреждения транснациональной организованной налоговой преступности совместными усилиями государств – участников СНГ. Для этого, на наш взгляд, необходимо углубленно изучать и обобщать отечественный и зарубежный опыт;

уточнение и обновление понятийно-категориального аппарата, используемого для объяснения явлений и процессов, происходящих при реализации уголовной политики. Со своей стороны считаем важным привести его в единую систему;

разработка методики оценки криминальной (в том числе уголовно-правовой) ситуации, которая выступает как предпосылка разработки и реализации уголовной политики. По мнению исследователей, на формирование уголовной политики существенное влияние оказывает и уголовно-правовая ситуация. Мы полагаем, что в настоящее время наблюдается «чрезмерная» либерализация законодательства по делам о налоговых преступлениях. Такая политика наблюдается с 2009 г., а именно с момента принятия Концепции модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанной на основании поручения Президента РФ № Пр-3169 от 28 ноября 2009 г.[1];

совершенствование оценки уголовно-правовой ситуации и её влияния на реализацию уголовной политики. Для этого в числе концептуальных положений, на наш взгляд, должны быть определены основные пути;

правовое и организационное (в том числе информационное) обеспечение уголовной политики. Как нам представляется, весьма важным в организационном обеспечении является прогнозирование уголовной политики. Помимо этого целесообразно разработать критерии оценки для определения эффективности уголовной политики;

совершенствование механизма обеспечения возмещения материального ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации преступлениями налоговой направленности;

борьба с нецелевым использованием и хищением государственных средств, коррупцией, теневой и криминальной экономикой. Несмотря на принимаемые меры, сохраняется высокий уровень криминализации и коррупции в экономической сфере, значительная доля теневой экономики.

---

[1] Концепция модернизации уголовного законодательства в экономической сфере, разработанная на основании поручения Президента Российской Федерации № Пр-3169 от 28 ноября 2009 г. Документ опубликован не был.

Мы полагаем, что основополагающими идеями уголовной политики в обеспечении налоговой (экономической) безопасности России должны быть:

деофшоризация национальной экономики. Преступный доход, полученный в результате совершения налогового преступления, нередко в последующем легализуется путем использования оффшорных компаний. Чтобы как-то приостановить использование подобных схем, практическая реализация этой меры могла бы стать одним из механизмов в системе сдерживания;

эффективная защита прав собственности;

подверженность финансовой системы Российской Федерации глобальным рискам (в том числе в результате влияния транснациональной организованной налоговой преступности, а также уязвимость существующей системы противодействия);

избыточные административные барьеры;

основные вызовы и угрозы налоговой безопасности;

оптимизация налоговой нагрузки на хозяйствующие субъекты с учетом необходимости обеспечения устойчивого развития экономики страны и модернизации ее производственно-технологической базы.

В заключение хотели бы подвести некоторые итоги.

Во-первых, мы отдаем себе отчет в том, что не все особенности реализации подразделениями ЭБиПК нашли отражение в настоящей работе. Остановились лишь на основных из них.

Во-вторых, в обеспечении налоговой безопасности наряду с указанными подразделениями ОВД участвуют и другие оперативные подразделения полиции. Тем самым и они являются субъектами реализации уголовной политики.

В-третьих, принимая комплекс оперативно-розыскных мер по своевременному выявлению и раскрытию налоговых преступлений, подразделения ЭБиПК добиваются минимизации последствий от указанных видов преступлений. Действенность уголовной политики в первую очередь зависит от того, насколько она способствует реализации основного принципа неотвратимости наказания лиц, совершивших преступления налоговой направленности в рассматриваемой сфере. Повышение ее эффективности напрямую связано с надлежащей организацией оперативно-розыскного обеспечения налоговой безопасности.

Иванцов Сергей Вячеславович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Приоритетные направления развития системы мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием сети интернет

С течением времени терроризм и террористическая деятельность приобрели все более выраженный международный, транснациональный характер, что неразрывно связано с изменениями, происходящими в мире, включая те, что вызваны процессами глобализации и техническим прогрессом, в авангарде которого идет стремительное развитие информационно-коммуникационных технологий, прежде всего, ресурсов и сервисов сети интернет. Как показала практика, обозначенные процессы благоприятствуют не только развитию мировой экономики, науки и других сфер общественно полезной деятельности, но и преступности в целом, особенно ее отдельным видам, в том числе и тем, которым ранее не было присуще обращение к сфере современных информационных и иных технологий. К этим видам с полной уверенностью можно отнести террористическую преступность, проявляющуюся в конкретных преступлениях террористической направленности[1].

На сегодняшний день террористическая деятельность и относящиеся к ней преступления, представляют собой крайние формы экстремизма, при этом им присущи наивысший уровень общественной опасности, расширение причиняемых вредных последствий, усложнение комплекса детерминантов, а также механизма совершения соответствующих деяний, для которого типичным стало осуществление предварительной и непосредственной преступной деятельности стало использование широких возможностей информационно-коммуникационных технологий[2].

О недостатках в предупреждении преступлений террористической направленности свидетельствуют и данные статистики, указывающие на

[1] См.: Иванцов С.В., Борисов С.В., Узембаева Г.И., Музычук Т.Л., Тищенко Ю.Ю. Актуальные проблемы совершенствования мер криминологического предупреждения преступлений экстремистской направленности, совершаемых с использованием информационно-телекоммуникационных сетей // Всероссийский криминологический журнал. 2018. Т. 12. № 6. С. 776–784.

[2] См.: Иванцов С.В., Борисов С.В. Организованные формы экстремистской и террористической деятельности: регламентация и реализация ответственности // Общество и право. 2016. № 2. С. 91–97.

тенденцию к их ежегодному количественному росту[1]. О недостаточной эффективности существующих антитеррористических мер, в том числе направленных на предотвращение распространения соответствующей опасной идеологии посредством таких технологий, в частности, говорится в Стратегии национальной безопасности РФ [2]. В Стратегии противодействия экстремизму в РФ до 2025 года[3] сеть интернет и иные информационно-телекоммуникационные сети также рассматриваются в качестве основных средств коммуникации для организаций экстремистского и террористического толка. Также подчеркивается, что указанные сети активно используются для того, чтобы вовлекать в такие преступные объединения новых участников, координировать их противоправную деятельность, в том числе по пропаганде и оправданию терроризма, призывам к террористической деятельности.

При этом особо отмечается, что угрозу терроризма можно минимизировать только при условии устранения существующих и непрерывно расширяющихся и видоизменяющихся источников и каналов, через которые распространяется экстремистская и террористическая идеология.

В Концепции противодействия терроризму в РФ[4] распространение экстремистской и террористической идеологии через информационно-телекоммуникационные сети и средства массовой информации отнесено к числу основных внешних факторов, способствующих возникновению и распространению терроризма в России. Впрочем, как нам представляется, в настоящее время распространение соответствующей идеологии с помощью информационно-коммуникационных технологий целесообразно рассматривать в качестве фактора, имеющего не только внешнее, но и внутреннее происхождение.

Исходя из приведенных документов следует, что государство устойчиво придерживается позиции, согласно которой экстремизм и терроризм рассматриваются в качестве неразрывно взаимосвязанных и пересекающихся негативных социально-правовых явлений, что в полной мере относится и к преступлениям, имеющим террористическую или экстремистскую направленность. Эта же точка зрения является

---

[1] См.: Сайт МВД России, раздел «Состояние преступности»: URL: https://мвд.рф/ (дата обращения: 08.08.2020).

[2] См.: Стратегия национальной безопасности Российской Федерации (утв. Указом Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[3] См.: Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 г. (утв. Президентом РФ 28 ноября 2014 г., Пр-2753) // Сайт Следственного комитета РФ: URL: http://www.scrf.gov.ru (дата обращения: 08.08.2020).

[4] См.: Концепция противодействия терроризму в Российской Федерации (утв. Президентом РФ 5 октября 2009 г.) // Российская газета. 2009. 20 октября.

превалирующей и научной среде[1]. Общность данных понятий и явлений обусловлена, в частности, тем, что им присуща схожая идеологическая платформа, причем нередко именно ненависть и вражда на национальной, расовой, религиозной, политической и иной почве служит тем внутренним катализатором, который приводит к различным террористическим проявлениям. Более того, соответствующие убеждения и основанные на них мотивы и цели служат идеологической основой для формирования террористических и экстремистских организаций и сообществ, которые, в свою очередь, придают экстремисткой и террористической деятельности более опасный организованный, транснациональный характер[2].

Для решения задач, обозначенных в указанных документах, необходимо сформировать всесторонне проработанную научную основу, ориентированную на обеспечение соответствующих направлений правоохранительной деятельности и включающую в себя результаты комплексного изучения уголовно-правовых и криминологических особенностей преступлений террористической направленности, в совершении которых используются информационно-коммуникационные технологии, с выделением современных проблем предупреждения данных преступлений и уголовной ответственности за их совершение, а также направлений по их решению.

Учитывая специфику преступлений, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, в сочетании с террористической направленностью рассматриваемых уголовно наказуемых деяний, придающей им повышенную общественную опасность, профилактика таких посягательств, направленная на недопущение даже приготовительной преступной деятельности, должна иметь приоритетное значение для каждого отдельного государства и всего мирового сообщества. Принимая во внимание тот факт, что данные преступления характеризуются высокой латентностью, приоритетным видом их предупреждения является именно общая профилактика, ориентированная на всех граждан, причем ее основными средствами целесообразно избрать электронные и информационно-

[1] См.: Иванцов С.В., Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности, совершаемые с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовая и криминологическая характеристика: монография. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019; Иванцов С.В., Узембаева Г.И. Противодействие преступлениям экстремистской направленности, совершаемым с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей: уголовно-правовые и криминологические аспекты: монография. М.: Юрлитинформ, 2018.

[2] См.: Борисов С.В., Жеребченко А.В. Возбуждение ненависти, вражды, унижение человеческого достоинства: проблемы установления и реализации уголовной ответственности: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2015. С. 4.

телекоммуникационные сети, прежде всего сеть интернет[1]. Ключевым элементом международной стратегии предупреждения терроризма, от которого в первую очередь зависит эффективность ее практической реализации, должно быть именно сотрудничество государств-членов ООН, причем не только и даже не столько по уголовным делам, сколько при формировании комплекса мер, направленных на устранение детерминирующих факторов, в первую очередь тех, что обусловливают транснационализацию террористической деятельности.

Так, в Декларации Совета министров в рамках ОБСЕ говорится о том, что необходимо сформировать всеобъемлющий подход на всех уровнях предупреждения насильственного экстремизма и радикализации, приводящих к терроризму, и противодействия таковым посредством координации действий между национальными властями, сотрудничества между государствами-участниками и их взаимодействия с различными международными и региональными организациями[2].

Представляется, что в настоящее время назрела острая потребность в формировании и реализации единой международной концепции противодействия терроризму, включающей требования к средствам массовой информации относительно освещения определенных событий, прежде всего связанных с преступлениями, которые могут относиться к террористической деятельности, включая причастность к таковым представителей тех или иных этнических или иных социальных групп. В противном случае для еще большего распространения экстремистской и террористической идеологии достаточно будет сделать репост соответствующих сообщений средств массовой информации, использующих ресурсы сети интернет. При этом научно обоснованная, плановая миграционная политика, согласованная и проводимая на межгосударственном и национальном уровнях, упорядочит распределение вынужденных мигрантов по странам и регионам последних, что позволит снизить риски вовлечения соответствующих лиц в криминальную и иную противоправную деятельность, в том числе уменьшит эффективность идеологического воздействия террористических и экстремистских сообществ и организаций на мигрантов через электронные и информационно-телекоммуникационные сети.

Особую актуальность в предупреждении преступлений террористической направленности имеют меры, направленные на

---

[1] См.: Иванцов С.В., Бадамшин С.К. Преступления террористической направленности: особенности международно-правовой регламентации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. 131–135.

[2] См.: п. 6 Декларации Совета министров о предупреждении насильственного экстремизма и радикализации, ведущих к терроризму, и противодействии им // Двадцать вторая встреча Совета министров ОБСЕ (Белград, 3–4 декабря 2015 г.). Белград, 2015. С. 9–17.

выявление и перекрытие источников финансирования террористических и экстремистских объединений, в том числе и каналов поступления денежных средств через сервисы сети интернет, а также на борьбу с преступлениями, которые совершаются такими криминальными объединениями в целях получения необходимых им денег, иного имущества, оружия, боеприпасов и т. д. Эти направления противодействия также нуждаются в согласованных усилиях всех государств.

На федеральном уровне предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей, целесообразно планировать, организовывать и осуществлять в рамках противодействия более широкому явлению – экстремизму и, прежде всего, таким его типичным проявлениям, как преступления экстремистской направленности. Превентивная деятельность в рассматриваемой области основана на положениях нового Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» [1] и других нормативных правовых актах, регламентирующих различные аспекты противодействия информационному экстремизму.

Так, в соответствии с частями 3-5 ст. 15.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [2] Правительством РФ принято постановление[3], которым утверждены Правила создания, формирования и ведения единой автоматизированной информационной системы «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети итернет и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети интернет, содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено».

Вместе с тем одних только правовых мер, а также вытекающих из них действий по контролю за миграционными процессами, блокировке сайтов или иных ресурсов сети интернет еще недостаточно для полномерного предупреждения проявлений экстремизма и терроризма,

---

[1] См.: Федеральный закон от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2016. № 26 (ч. I). Ст. 3851.

[2] См.: Собрание законодательства РФ. 2006. № 31 (ч. I). Ст. 3448.

[3] См.: Постановление Правительства РФ от 26 октября 2012 г. № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещен» // Собрание законодательства РФ. 2012. № 44. Ст. 6044.

осуществляемых с использованием электронных или информационно-телекоммуникационных сетей. Тот же самый сайт, но только с измененным названием может возникнуть вновь, поэтому такая блокировка не способна существенно ограничить возможности по совершению данных преступлений.

Сегодня необходимы комплексные профилактические программы, ориентированные на молодежь, учитывающие и разъясняющие особенности современного многонационального и многоконфессионального общества, необходимость взаимодействия между людьми разных национальностей и вероисповеданий, возможности по самореализации, предупреждению социальных конфликтов и выходу из них без нарушения закона, в том числе без применения насилия, опасность международных и иных террористических и экстремистских организаций и сообществ, бесперспективность терроризма как способа решения каких бы то ни было проблем и задач, предлагающие направления применения своих знаний, навыков и способностей в социально полезной деятельности.

Предупреждению криминальной активности террористической направленности в сети интернет могут способствовать меры, направленные на постоянное или временное прекращение функционирования тех или иных интернет-ресурсов, блокировку сайтов и т. п. Также этому могут способствовать меры, ориентированные на обеспечение эффективного доказывания таких преступлений и выявление лиц, их совершающих.

Разрешение данных проблем возможно только на основе разработки и принятия новых межведомственных документов стратегического планирования в области противодействия терроризму и экстремизму с акцентированием внимания на преступлениях, совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий. При этом предупреждение преступлений террористической направленности, в том числе совершаемых с использованием информационно-коммуникационных технологий, должно представлять собой единую систему правовых, организационных, технических и иных мер, планируемых, реализуемых и контролируемых на международном и национальном уровнях при согласованном задействовании всех государственных и муниципальных органов власти, учреждений и иных институтов.

Игнатов Александр Николаевич,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Найденов Роман Игоревич,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы статистического учета преступлений против жизни

Исследование феномена преступности предполагает как установление его внутренней сущности, так и его внешних проявлений. Качественно-количественные показатели (абсолютные и относительные) являются основными критериями оценки состояния преступности. Попытки выработка мер противодействия преступности без опоры на соответствующие реальному положению дел данные о состоянии преступности, обречены на провал.

Именно возможность оперирования соответствующими максимально полными и достоверными данными об уровне и состоянии преступности в нашем обществе позволяет избежать ошибок в сфере реализации криминологической политики, информировать население о масштабах и характере криминальных угроз и минимизировать различные их проявления[1].

Ценность человеческой жизни и здоровья обусловливают то исключительное криминологическое, социальное и даже, как указывает В.В. Лунеев, политическое значение, которое имеет целостный анализ криминального насилия, его тенденций и закономерностей проявления[2]. При этом одним из самых весомых криминологических показателей является уровень убийств (минимально латентного насильственного преступления) в стране, поскольку он является тем показателем, который в целом характеризует уровень насилия в обществе, и, в конечном счете, уровень преступности и всей социально-правовой ситуации в стране. В свою очередь, изменения показателей уровня и состояния

[1] Игнатов А.Н. Об уровне преступности и деятельности правоохранительных органов (часть 1) // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2012. № 27. С. 48.

[2] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 407.

насильственной преступности свидетельствуют об эффективности или неэффективности криминологической политики государства и удачном или неудачном распределении сил и реализации мер и средств противодействия преступности и, соответственно, позволяют принимать необходимые рациональные управленческие решения[1].

Криминологическое исследование количественно-качественных характеристик состояния преступности, закономерностей ее существования и развития осуществляется посредством использования в рамках конкретной исследовательской программы конкретно-научных исследовательских приемов и методов с целью анализа первичных данных (прежде всего, соответствующей статистической информации) о преступности. Наряду с данными официальной уголовно-правовой статистики, в зависимости от задач исследования, актуальным является использование различного рода социальной статистики (демографической, экономической, медицинской и пр.)[2].

На сегодняшний день информационной базой исследования состояния преступности являются данные первичного статистического учета всех выявленных фактов преступлений, а также лиц их совершивших, которые представляются в виде статистических сводок уполномоченными службами в соответствующие информационные подразделения и центры и итоге аккумулируются и обобщаются ГИАЦ МВД России.

В свою очередь, согласно межведомственным нормативным актам, ГИАЦ МВД России обязано обеспечить представление государственной статистической отчетности о преступности в Генеральную прокуратуру Российской Федерации, Министерство Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий, Федеральную службу безопасности Российской Федерации, Федеральную службу исполнения наказаний, Федеральную службу судебных приставов, Федеральную таможенную службу, Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации в целом по Российской Федерации, а также по субъектам Российской Федерации, а информационные центры МВД, ГУ МВД, УМВД

[1] Игнатов А.Н. О «статистических» проблемах исследования насильственной преступности // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2018. С. 119–123.

[2] Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 131–132.

обязано обеспечить представление статистических данных в соответствующие территориальные органы[1].

Безусловно, выработанная на сегодня практика статистического учета и соответствующие данные о состоянии преступности в России[2] позволяют получить общее представление о состоянии преступности как по стране в целом, так и по отдельным регионам, т. е. позволяют в целом осуществить оценку состояния преступности и рассчитать ее основные качественно-количественные показатели.

Однако следует отметить, что статистические сведения о состоянии преступности имеют определенную ограниченность, что, в силу отсутствия в формах статистической отчетности тех или иных показателей, не позволяет оперировать данными относительно определенных видов преступности, а также относительно некоторых категорий лиц, их совершающих.

Хотя уголовно-статистический учет является, прежде всего, характеристикой результатов деятельности правоохранительных органов, а не самого преступного сообщества, и в этом случае данный учет служит репрезентативной и независимой выборкой генеральной совокупности. При этом следует учитывать разрозненность, как по форме, так и по содержанию статистических отчетов различных ведомств, а также недостатки отечественной системы учета преступности, прежде всего, органов внутренних дел, в значительной мере обусловленное

---

[1] Приказ Генпрокуратуры России № 39, МВД России № 1070, МЧС России № 1021, Минюста России № 253, ФСБ России № 780, Минэкономразвития России № 353, ФСКН России № 399 от 29.12.2005 (ред. от 15.10.2019) «О едином учете преступлений» (вместе с «Типовым положением о едином порядке организации приема, регистрации и проверки сообщений о преступлениях», «Положением о едином порядке регистрации уголовных дел и учета преступлений», «Инструкцией о порядке заполнения и представления учетных документов») (Зарегистрировано в Минюсте России 30.12.2005 № 7339) // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_57951/; Приказ Генпрокуратуры России от 02.07.2012 № 250 (ред. от 27.12.2019) «Об утверждении форм федерального статистического наблюдения № 1-ЕГС, № 2-ЕГС, № 3-ЕГС, № 4-ЕГС» // [Электронный ресурс]. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=EXP& n=739075#023210731540686003.

[2] Состояние преступности в России (за январь-декабрь 2019 года) / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики // [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/analytics; Сведения о состоянии преступности и результатах расследования преступлений (форма федерального статистического наблюдения № 4-ЕГС) за 2019 год / Генеральная прокуратура Российской Федерации. Главное организационно-аналитическое управление. Управление правовой статистики // [Электронный ресурс]. URL: http://crimestat.ru/analytics; Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года / Министерство внутренних дел Российской Федерации. ФКУ «Главный информационно-аналитический центр» // [Электронный ресурс]. URL: https://мвд.рф/reports/item/19412450.

несовершенством самих форм статистической отчетности (из-за недостатков архитектоники и несогласованности их различных форм и показателей между собой) и методики учета преступности в стране[1].

Как отмечает М.В. Валуев, несмотря на то, что большинство данных о преступности в настоящее время носят открытый характер (сведения, содержащиеся в различных статистических сборниках в средствах массовой информации и пр.), нередко отдельные виды криминального насилия невозможно точно выделить из общего массива насильственной преступности как таковой, поскольку отдельной статистики по некоторым видам насильственной преступности нет даже на региональном уровне. Данные преступления механически включаются в показатели, характеризующие насильственную преступность[2].

Таким образом, ряд проблем статистического учета преступлений против жизни обусловлены недостатками отечественной системы учета преступности, прежде всего, несовершенством и несогласованностью самих форм статистической отчетности.

Существенно усложняет статистический учет преступлений против жизни несовершенство имеющихся на сегодня методик данного учета, применяемых органами внутренних дел и иными правоохранительными органами.

Так, например, ведомственные формы статистической отчетности оперируют обобщенным показателем умышленных убийств и покушений на убийство. Выявить сколько же регистрируется в стране покушений на убийство, а сколько оконченных убийств практически не представляется возможном. Более того, такого рода подход к формированию статистической отчетности не позволяет выделить показатели по конкретным видам умышленных убийств и лицам, их совершившим.

Следует также учитывать, в силу конструкции Особенной части Уловного кодекса РФ, а также конструкции конкретных уголовно-правовых норм, фактически устанавливающих ответственность за преступления против жизни, значительная часть убийств регистрируется и попадает в статистические отчеты как преступления против здоровья (например, в случае умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего (ч. 4 ст. 111 УК РФ), либо как преступления, посягающие на иные, кроме общественных отношений по охране жизни и здоровья, общественные отношения

---

[1] Игнатов А.Н. О «статистических» проблемах исследования насильственной преступности // Современные проблемы теории и практики борьбы с преступностью: материалы III Всероссийской научно-практической конференции. СКФ ФГБОУВО «Российский государственный университет правосудия», 2018. С. 119–123.

[2] Валуев М.В. Основные криминологические показатели групповой преступности, стимулируемой идеями социальной справедливости // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2017. Т. 8. № 4 (30). С. 55–57.

(например, посягательство на жизнь сотрудника правоохранительного органа (ст. 317 УК РФ), посягательство на жизнь лица, осуществляющего правосудие или предварительное расследование (ст. 295 УК РФ), посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля (ст. 277 УК РФ) и пр.).

Проблемы статистического учета преступлений против жизни обусловлены также таким объективно присущим и неотъемлемым свойством преступности, как ее латентность, а также отсутствием в арсенале правоохранительных органов надежного инструментария ее расчета, хотя бы относительно основных видов насильственных преступлений (убийств, тяжкого вреда здоровью и пр.).

Необходимо отметить, что, несмотря на насильственный характер преступных посягательств, среди разнообразных факторов латентности насильственной преступности, существенную роль играют именно факторы, связанные с поведением жертвы преступления.

Так, по данным ВНИИ МВД России, каждый третий, получивший тяжкий вред здоровью, не обращался в правоохранительные органы. Медицинские учреждения тоже зачастую не сообщают правоохранительным органам о случаях обращения лиц с повреждениями насильственного характера. Поэтому неслучайно в последнее время отмечается возрастающая латентность преступлений, сопряженных с причинением вреда здоровью[1]. Поведение жертв преступлений против жизни (покушений) и здоровья, направленное на сокрытие данных фактов, является фактором детерминации и латентизации более тяжких преступлений, в том числе убийств[2].

Наиболее информативными по своим содержательным характеристикам являются статистические учеты Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации[3], содержащие, в том числе развернутую информацию о лицах (социально-демографическая, уголовно-правовая характеристика и пр.), осужденных по различным составам преступлений. Кроме того, показатели судимости позволяют делать выводы об эффективности правоохранительной системы относительно выявления, раскрытия и расследования насильственных преступлений. Однако стоит учитывать, что при большой содержательной полноте

---

[1] Алиев Р.Х. Общая характеристика насильственной преступности // Общество: политика, экономика, право. 2007. № 2. С. 14.

[2] Игнатов А.Н. Общая характеристика факторов латентности убийств // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. 2011. Т. 24. № 2. С. 213–219.

[3] Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации за 12 месяцев 2019 года. Форма № 10-а / Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации // [Электронный ресурс]. URL: http://www.cdep.ru.

данные о судимости представляют собой лишь «верхушку айсберга» фактически совершаемых и регистрируемых преступлений и лиц, их совершивших.

Глобализационные и интеграционные мировые процессы диктуют необходимость применения единых мировых стандартов в области учета и анализа преступности. Однако сложившаяся на сегодня мировая практика свидетельствует о проблемах в данной сфере. Так, мировой анализ уровня убийств традиционно осуществляется на основании данных официальной статистики государств-респондентов[1]. Но являются ли репрезентативными указанные расчеты, учитывая: 1) различия в уголовном и процессуальном законодательстве в большинстве стран мира (даже относительно убийства – самого древнего преступления на планете, существующего во всех ранних и современных правовых системах, – юридические и статистические дефиниции в разных странах далеко не всегда совпадают); 2) отличающуюся в разных странах методологию сбора и подход к отображению в статистических отчетах данных по уровню преступности; 3) разное состояние (соответственно и интенсивность деятельности) правоохранительной системы, на которую возложена обязанность оценки уровня преступности, и т. д.?

К сожалению, в условиях, когда в стране остаток не разысканных без вести пропавших лиц в несколько раз превышает зарегистрированные убийства, когда по тысячам неопознанных трупов причина смерти в подавляющем большинстве – несчастный случай, когда существующие формы ведомственной отчетности делают невозможным подсчет жертв убийств, а существенные изменения в динамике преступности коррелируют, прежде всего, со сменой руководства МВД (которое, кстати, продолжает отчитываться по показателям регистрации и раскрытия преступлений)[2], данные официальной статистики вызывают, по меньшей мере, недоверие.

Мировой тенденцией стало создание и укрепление аналитических подразделений в правоохранительных органах развитых стран. В эпоху информационного общества иначе и быть не может. Однако, к сожалению, одной из основных составляющих в аналитической работе осталась манипуляция со статистическими показателями. Данные показатели совсем не воспроизводят реальное состояние противодействия преступности, а показывают лишь движение учетных документов об обнаруженных и раскрытых преступлениях, в которых достаточно четко прослеживается определенная воля и желание руководителей правоохранительных органов. Растущая же, как по уровню, так и по

[1] 2011 Global Study on Homicide: trends, contexts, data. United Nations Office on Drugs and Crime (UNODC), Vienna, 2011, 126 p.

[2] Игнатов А.Н. Убийство: криминолого-статистического исследование: Монография. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 94–139.

профессионализму преступность и жесткие субъективистские требования власти относительно ее снижения накладываются на ограниченные возможности МВД, иных правоохранительных органов, их разрозненность в регистрации преступлений, определяют неполный, искаженный и «управляемый» учет преступлений [1]. Сегодня есть все основания констатировать, что подобная ситуация характерна не только для стран постсоветского пространства, но и для ряда европейских стран, утопающих в преступности мигрантов.

Таким образом, проблемы статистического учета преступлений против жизни в основном обусловлены такими факторами, как: недостатки отечественной системы учета преступности (несовершенство и несогласованность форм статистической отчетности и пр.); несовершенство имеющихся на сегодня методик учета, применяемых правоохранительными органами; особенностями уголовного законодательства, устанавливающего ответственность за преступления против жизни; факторами латентности преступлений против жизни, в том числе связанными с поведением жертвы преступления.

Карнаушенко Леонид Владимирович,
доктор исторических наук, профессор,
начальник кафедры теории
и истории права и государства
Краснодарского университета МВД России

Социокультурные аспекты противодействия противоправному поведению

Государство осуществляет управляющее воздействие на граждан посредством норм права. Именно в нормативно-правовых актах выражается воля государства по ключевым вопросам внутренней политики. Правотворчество – один из ключевых признаков любого государства. В процессе правотворчества государство в формализованно-обезличенном виде создает правила поведения для граждан, нарушение которых предполагает формальные негативные санкции со стороны правоохранительных органов как интегрального элемента государственной власти. Вместе с тем, сила принуждения института государства отнюдь не безгранична. Особенно это касается демократических, а не диктаторских (авторитарных, тоталитарных) политических режимов. История знает различные жестокие, бесчеловечные формы и способы принуждения граждан, применявшиеся диктаторскими режимами. Например, после

[1] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции. Изд. 2-е, перераб. и доп. М.: Волтерс Клувер, 2005. С. 304.

военного переворота в Чили 11 сентября 1973 г. диктатор А. Пиночет превратил центральный стадион Сантьяго в концентрационный лагерь, куда заключил десятки тысяч своих политических противников[1]. Однако такое системное насилие возможно лишь посредством жестоких диктатур, которых становится все меньше в современном глобальном обществе XXI в.

В отличие от диктатур, в правовом демократическом государстве в условиях информационного общества возможности принуждения граждан ограничены, в том числе и спецификой пенитенциарной системы, способной разместить в местах лишения свободы лишь определенное число граждан. Кроме того, подобные репрессии в отношении людей не соответствуют духу, принципам, идеологии демократии. Проводимые репрессивные мероприятия быстро становятся достоянием широкой (в том числе и международной) общественности – в этом ключевую роль играет глобальная компьютерная сеть Интернет. В этой связи вполне закономерно, что в современных условиях государство стремится установить диалог с людьми, добиться добровольности, осознанности в отношении исполнения законов, различных нормативно-правовых актов. Насилие как инструмент государственной власти постепенно отходит на второй план, становится имплицитным.

Однако в условиях отказа от практик широкого применения легитимного насилия (или создания угроз его применения для граждан) государству необходимы иные сдерживающие, а также стимулирующие факторы, способные оказать положительное влияние на сознание и поведение граждан.

В нынешних условиях для достижения идеала правомерного поведения большинства граждан необходим серьезный социокультурный фундамент, который закладывается в структуру личности в подростковом и юношеском возрасте. Именно в этот период времени формируется мировоззрение, ценностный мир человека, его духовно-нравственная система координат. Обычно данные эффекты достигаются в рамках процесса социализации. Как отмечают исследователи, социализация – это «процесс интеграции индивида в социальную систему, вхождение в социальную среду через овладение её социальными нормами, правилами и ценностями, знаниями, навыками, позволяющими ему успешно функционировать в обществе»[2].

Следует отметить, что социализация – неоднородный, сложный, многоаспектный процесс. В структуре социализации выделяются различные вспомогательные процессы, одним из которых выступает правовая социализация. Именно эта разновидность социализации формирует образ государства, права, правовой реальности в сознании людей.

---

[1] Шевелев В.Н. Сальвадор Альенде // Диктаторы и боги: Чаушеску. Пиночет. Мао Цзедун. Пол Пот. Ростов-на Дону, 1999. С. 89–93.

[2] Ковалёва А.И. Социализация личности: норма и отклонение. М., 1996. С. 79.

По мнению Т.А. Радченко, «правовая социализация – процесс освоения (интернализации) личностью стандартов нормативного, правомерного поведения. Правовая социализация осуществляется в русле общей социализации, но имеет свои специфические особенности. Она имеет исторически обусловленный характер. Каждому конкретному обществу присущи свой тип государственного устройства, свое представление о праве, свои правила и способы участия индивидов в делах общества»[1].

Неоднородность процесса правовой социализации оказалась в центре внимания И.П. Усимовой. С точки зрения исследователя, «процесс правовой социализации личности имеет пять стадий: первичную (ребенок до поступления в школу получает первые представления о правилах поведения); начальную (субъект усваивает основы знаний о праве и его роли в жизни); переходную (доминируют физиологическое, психическое развитие и политические, правовые представления могут отличаться неустойчивостью); базовую (осознанно овладевает правовыми ценностями, руководствуется ими, приобретает навыки активной социально-правовой деятельности); позднюю продолжающуюся (закрепляются имеющиеся правовые знания, накапливаются новые, личность активно включается в социально-правовую деятельность)»[2].

Таким образом, правовая социализация охватывает значительный промежуток времени, от дошкольного до зрелого возраста. Очевидно, что в эти периоды сознание человека весьма существенно изменяется. Это особенно ярко проявляется именно в аспекте освоения права как феномена духовной жизни общества. В подростковом и юношеском возрасте активно формируются такие элементы социокультурной системы координат личности как правовое сознание и правовая культура. Они выступают тем духовно-нравственным стержнем, который в значительной мере отвечает за доминирование правомерного поведения. Именно так среди различных элементов жизнеощущения личности формируются правовое сознание и правовая культура, непосредственно связанные с интеграцией правовых ценностей и идеалов в структуру личностных ориентаций, формированием целостного образа права в сознании людей.

А.В. Кученев полагает, что «правовое сознание – некая сумма эмоций, чувственных переживаний, идей, знаний, воззрений, в которых выражается отношение человека к правовой действительности»[3]. В свою

---

[1] Радченко Т.А. Правовая социализация личности // Вестник Адыгейского государственного университета. Сер.1: Регионоведение: философия, история, социология, юриспруденция, политология, культурология. 2010. № 4. С. 193.

[2] Усимова И.П. Правовая социализация личности: дис. … канд. юрид. наук. М., 2007. С. 153.

[3] Кученев А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22–25.

очередь Е.А. Рябов отмечает, что правосознание – это «совокупность представлений и чувств, выражающих отношение людей, социальных общностей к действующему или желаемому праву»[1].

Исследователи при анализе правового сознания акцентируют внимание на его эмоционально-чувственной доминанте. Именно этот фактор придает неповторимую специфику психологического восприятия права, особенно в подростковом и юношеском возрасте, когда мироощущение, социальное настроение превалируют над рационально-логическими компонентами сознания. Кроме того, в этом возрасте человеку зачастую бывает непросто в полной мере освоить обезличенные формализованные правовые конструкты.

Исследователи обращают внимание на сложную структуру правового сознания, которое включает «рациональные компоненты или правовую идеологию – система знаний о праве и правовых явлениях в обществе; эмоциональные элементы, называемые правовой психологией; информационный аспект – это получение и осознание информации правовой сферы; оценочный – оценка информации после ее получения; волевой – подразумевает принятие решения о применении правомерного или неправомерного поведения»[2].

Специфика правового сознания проявляется в том, что, получив информацию о государстве, праве, законах, человек не просто усваивает ее и формирует специфическое отношение к ней; он «переживает» ее, чувственно окрашивает, адаптирует свое доминирующее мироощущение согласно полученной информации. Здесь проявляются и механизмы обыденного, а не специализированного сознания, свойственные большинству людей.

Еще одним значимым социокультурным элементом, позволяющим человеку в ходе правовой социализации освоить сложные комплексы знаний, осознать свое отношение к государству и праву, выступает правовая культура.

Как полагает Л.А. Петручак, правовая культура представляет собой «исторически сложившуюся, обусловленную экономическим, политическим, социальным и духовным уровнем развития общества разновидность культуры, которая материализуется в формировании, передаче, сохранении правовых ценностей, служащих ориентиром юридически значимого поведения, и представляет собой качественное

[1] Рябов Е.А. Правовое сознание и проблемы его формирования в современной России: социально-философский аспект: дис. … канд. филос. наук. М., 2003. С. 3.

[2] Кученев А.В. Современное понимание и структура правосознания // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 1. С. 22–25.

состояние правовой системы, степень правового развития личности и общества»[1].

М.Н. Марченко полагает, что правовая культура – это «система ценностей и норм, укоренившихся в сознании и мотивации, обусловливающих поведение индивида и выражающихся в традициях, стиле взаимоотношений между личностью и правом»[2]. Исследователь обращает внимание на тесную взаимосвязь правовой культуры с государством и проводимой политикой, в частности, в аспекте воздействия на сознание людей. Именно поэтому «правовая культура всегда ориентирована государством и обществом на формирование и развитие правового и политического сознания людей, их ценностно-нормативного комплекса и тем самым – поведения и деятельности их в правовой сфере. Такого рода воздействие осуществляется путем закрепления определенных правовых взглядов, духовных ценностей, тех или иных правовых ориентаций и наклонностей; путем введения в правовое сознание личности, социальных групп и общества в целом, новых взглядов, правовых ценностей и идей, а также ломки устаревших правовых стереотипов, взглядов и правовых ценностей»[3].

И.А. Демидова при анализе правовой культуры указывает на важное значение социально-исторических аспектов ее формирования и развития. Правовая культура «представляет собой совокупность юридических ценностей, отражает качественное состояние правовой системы (степень совершенства и эффективности права, правосознания и юридической практики), уровень правового развития личности (её представлений, идей, убеждений, знаний, установок, умений, навыков, действий и т. п.), обеспечивает юридическую коммуникативность, упорядоченность и управляемость общественных отношений, законность и правопорядок, прогрессивно влияет на формирование всех сфер жизнедеятельности общества, отдельных индивидов, их коллективов, организаций, всего населения»[4].

Правовая культура выполняет ряд важных функций в процессе правовой социализации, формирования гражданского облика индивидов. По мере накопления информации о государстве и праве (посредством системы образования, а также и самообразования), человек формирует собственные представления о социальном порядке, законности, социальной справедливости и т.п. Правовая культура способствует

---

[1] Петручак Л.А. Правовая культура современного российского общества: теоретико-правовое исследование: дис. … д-ра юрид. наук. М., 2012. С. 74.

[2] Марченко М.Н. Правовая культура как социологическая категория // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2013. № 2. С. 45–61.

[3] Там же.

[4] Демидова И.А. Определение правовой культуры в теории права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2017. № 2. С. 28–33.

добровольности соблюдения норм права на основе понимания их важности как для общества в целом, так и отдельной личности. Именно поэтому освоение правовой культуры – один их важных элементов правовой социализации.

Освоение правовой культуры, формирование правового сознания – составные элементы более широкого процесса интеграции человека в систему духовной культуры. В случае, если интеграция в духовную культуру, духовную жизнь общества происходит нормально, в подавляющем большинстве случаев государство получает законопослушного гражданина с активной жизненной позицией. Напротив, в случае дисфункций, нарушений данного процесса формируется особый личностный облик с деформированной системой жизнеощущения, мировоззрения, ценностей, в том числе – деформированной правовой культурой и правовым сознанием. Это весьма опасно для института государства, грозит продуцированием системных социальных проблем.

Отдельной проблемой современной России является криминализация сознания значительной части населения (уровень криминализированности, вместе с тем, существенно различается – о «мягких» форм принятия произведений массовой культуры, пропагандирующих криминальные антиценности и идеалы до глубокой интеграции в реальную криминальную субкультуру). Наличие данной проблемы объяснятся действием ряда факторов, которые связаны как с объективной ситуацией в России (сложная социально-экономическая обстановка, непростая криминогенная ситуация, кризис духовной культуры и т. д.), так и субъективными аспектами, связанными с менталитетом, психологией, ценностями россиян (особенно молодежи), их мировосприятием и жизнеощущением, прежде всего, в социально-политической сфере. Ситуация, когда сознание миллионов людей криминализировано, снижает позитивные эффекты правовой социализации. В результате те знания о государстве и праве, которые люди усваивают в детстве, юношестве, вступают в конфликт со сложившейся объективной реальностью. Как отмечал в свое время К. Манхейм, этот феномен целесообразно именовать как «хаос антагонистических оценок».[1] Подобное противоречивое состояние сознания человека нарушает целостность восприятия окружающих явлений, процессов, феноменов, в том числе и права. В группе риска в данной ситуации оказывается молодежь, так как ее лабильное сознание зачастую оказывается не в состоянии справиться с данной проблемой, которая, в свою очередь, оказывает непосредственное воздействие на ухудшение криминогенной обстановки, распространение противоправного поведения среди

[1] Манхейм К. Диагноз нашего времени / пер. с нем. и англ.; Отв. ред. и сост. Я.М. Бергер и др. М., 1994.

значительных по численному составу групп населения. Именно поэтому государство призвано приложить максимальные усилия для недопущения возникновения условий для «хаоса антагонистических оценок».

Таким образом, противоправное поведение представляет собой существенную опасность для государства, так как под угрозой оказываются социальный порядок, безопасность, стабильность – как общества в целом, так и отдельной личности. У государства в распоряжении имеются как формальные, так и неформальные инструменты противодействия противоправному поведению граждан. Однако формальные носят ограниченный характер в рамках демократического политического режима, и этот факт осознают не только представители государственной власти, но и сами граждане. Координируя свои усилия в рамках акций гражданского неповиновения, они могут наносить и ущерб государству, преднамеренно не платя налоги, штрафы и т.п. Например, «выборгское воззвание» депутатов распущенной императором Николаем II Государственной Думы первого созыва 1906 г. содержало призывы не платить налоги и не служить в армии[1]. Также часть программы действий «Координационного совета» белорусской оппозиции в 2020 г. содержит призывы к массовой неуплате налогов, преднамеренному изъятию населением иностранной валюты из банков и др.[2]

В свою очередь, тоталитарный и авторитарный политические режимы могут применять жесткие меры к массовым правонарушениям, вплоть до смертной казни, зачастую грубо нарушая права человека. Такие действия позволяют достигать нужный эффект лишь в тактическом плане, но в стратегическом – зачастую наблюдается обратное, так как диктатурам весьма сложно десятилетиями держать население в страхе, беспрекословном подчинении. Это подтверждает и факт того, что большинство из наиболее известных диктаторских режимов XX в. уже прекратили свое существование.

Именно поэтому современному государству особенно важен социокультурный фундамент права. Лишь полноценная интеграция граждан в пространство духовной культуры позволяет сформировать устойчивые конструкты правового сознания, правовой культуры. В этой ситуации происходит не просто усвоение правовой информации. У человека формируется мировоззрение, мироощущение, аксиологические ориентации, позволяющие ему воспринимать государство и право в позитивном ключе, как элемент обеспечения порядка, стабильности, удовлетворения экзистенциальных потребностей личности. В ситуации, когда социокультурная система координат личности полноценно сформирована, риски противоправного поведения существенно снижаются

[1] http://istmat.info/node/36357 (дата обращения: 11.08.2020).
[2] https://news.tut.by/economics/697346.html (дата обращения: 21.08.2020).

(полностью их исключить, однако, не представляется возможным, так как существуют и риски ситуативных негативных факторов). Периодически под воздействием ряда объективных факторов имеют место деформация правовой культуры и правового сознания граждан. Именно поэтому государство, помимо формирования социокультурных оснований позитивного восприятия права, также призвано осуществлять грамотную, рациональную политику, прежде всего, в экономической и социальной сферах, не допускать снижения жизненного уровня людей, массовой безработицы, проведения мероприятий, направленных на продуцирование социальной несправедливости, сеющих рознь среди граждан и т. п. Подобные объективные факторы способны разрушить сформированный социокультурный фундамент восприятия государства и права, способствовать криминализации сознания и ухудшению криминогенной обстановки.

Козаев Нодар Шотаевич,
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Современное уголовное право и проблема искусственного интеллекта

Следует отметить, что в настоящее время в Российской Федерации отсутствует легальное определение искусственного интеллекта. Вместе с тем, Б.Д. Надгорская в своей работе отмечает, что «термин «искусственный интеллект» в 1956 г. предложил Д. Маккартни»[1].

Общепринято, что искусственный интеллект – это область научных знаний и технологий создания интеллектуальных машин и интеллектуального программного обеспечения.

Подметим, что одной из ключевых особенностей интеллектуальных вычислительных систем является их способность приобретать знания посредством обучения (самоидентификации) и применять эти знания для решения определенной проблемы. Сегодня, искусственный интеллект представляют собой наиболее перспективную комбинацию для автоматизации решения задач, не входящих в первичные заводские настройки специальной техники с возможностями самообучения.

За последнее десятилетие искусственный интеллект все больше распространяется в роботизированных решениях, обеспечивая гибкость и

[1] Нагродская Б.В. Новые технологии (блокчейн / искусственный интеллект) на службе права: научно-методическое пособие / под ред. Л.А. Новоселовой. М., 2019. С. 99.

возможность обучения там, где раньше использовались неизменные производственные настройки и с определенным алгоритмом[1]. Вместе с тем, сегодня это уже состоявшийся факт, что без искусственного интеллекта невозможно повышение конкурентоспособности в мире и национальной безопасности.

Сфера его применения расширяется и в настоящее время искусственный интеллект уже широко используются в сфере образования, медицинского обслуживания, пенсионного обеспечения, охраны окружающей среды, осуществления государственного управления, правоприменительной деятельности и цифровой экономики и др.[2]

Уже как данность и то, что преступники активно используют возможности информационно-телекоммуникационных технологий для совершения отдельных видов преступлений. И как следствие, преступления в информационной сфере, совершаемые с использованием новейших цифровых технологий, являются одной из значимых проблем XXI века и представляют собой угрозу национальной информационной безопасности. Революционное развитие цифровых технологий привело к росту высокотехнологичной преступности и в информационной сфере, совершаемой как отдельными преступниками, так и сформировавшимися организованными преступными группами и сообществами.

Хотя сегодня распространение искусственного интеллекта как инструментария противоправной деятельности ограничивается невысоким уровнем автоматизации процессов и ресурсоемкостью обучающих алгоритмов, продолжающееся внедрение искусственных интеллектуальных систем в различные сферы общественных отношений все более приближают реализацию негативных сценариев их применения.

В этих условиях сохраняется необходимость дальнейшего совершенствования отечественного уголовного законодательства с учетом существующей динамики общественных отношений в условиях развития информационного общества и цифровизации, в том числе в связи с тем, что использование инструментария технологии искусственного интеллекта вызывает новый, ранее не виданный рост количества угроз стабильности общества и государства. Поэтому, развитие современного уголовного законодательства должно учитывать тенденции общественно опасных деяний. В связи с этим исследование вопросов уголовно-правовой ответственности за деяние, совершенные с использованием систем искусственного интеллекта и роботов, приобретает особое значение.

Субъекты преступной деятельности традиционно активно реагируют на появление инноваций. Система преступной деятельности развивается, приспосабливаясь к обстоятельствам новой реальности и используя

---

[1] Арямов А.А., Грачева Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В., Иванов С.А. Девиации в цифровом мире: уголовно-правовое измерение / под ред. Ю.В. Грачевой. Ч. I. М., 2019. С. 9, 20.

[2] Цифровое право / под ред. В.В. Блажеева, М.А. Егоровой. М., 2020. С. 11.

новейшие способы совершения преступлений и передовые технологии, прилагая усилия, чтобы обойти мероприятия, проводимы правоохранительными органами для предупреждения и расследования противоправных деяний.

Следует признать, что система преступной деятельности фактически и система деятельности государства по борьбе с преступностью действуют в условиях активного противоборства на физическом и интеллектуальном уровне, где информационная составляющая является ключевой[1].

В настоящее время распространение преступной деятельности с использованием возможностей искусственного интеллекта ограничено ввиду незначительного объема решений и устройств, функционирующих на основе искусственного интеллекта, среди населения. Вместе с этим при повсеместном их внедрении в повседневную жизнь следует ожидать значительного увеличения проблем в этой сфере.

Уже сегодня искусственные интеллектуальные системы могут быть использованы для совершения разнообразных преступлений, включая:

− причинение смерти или вреда здоровью человека различной степени тяжести;

− нарушение права на неприкосновенность частной жизни;

− незаконное получение или неправомерное разглашение охраняемой законом тайны;

− нарушение правил охраны труда;

− мошенничество;

− нарушение безопасности дорожного движения и эксплуатации транспорта;

− террористического характера и экстремисткой направленности;

− нарушение правил обращения с оружием и предметами, представляющими повышенную опасность для окружающих;

− нарушение правил оборота наркотических средств, психотропных веществ и их аналогов;

− преступления в сфере компьютерной информации;

− иные.

Не ставя цели охватить все возможные преступления, отметим, что многочисленные примеры подготовки и совершения подобных противоправных деяний можно совершить уже сейчас.

В частности, в настоящее время преступниками для подготовки и совершения террористических актов используются беспилотные летательные аппараты самолетного и вертолетного действия. Такие факты в новейшей истории преступности имеются, а кроме того российскими спецслужбами выявлены и пресечены на стадии подготовки уже несколько подобных случаев.

---

[1] См.: Камалова Г.Г. Криминалистическое содержание и сущность защиты информации в деятельности по выявлению и раскрытию преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Ижевск, 2002. 178 с.

Например, осенью 2015 г. в Ингушетии была задержана организованная преступная группа, планировавшая взорвать здания территориальных подразделений МВД и ФСБ с помощью беспилотного летательного аппарата, а 6 января 2018 г. была предпринята попытка, обезвреженная военными, атаки сирийских объектов группой беспилотных летательных аппаратов самолетного типа[1].

Как отмечалось, на современном уровне развития систем искусственного интеллекта и робототехники возможно применение технологии искусственного интеллекта для совершения отдельных преступлений. Например, предусмотренного ст. 137 Уголовного кодекса РФ – нарушения права на неприкосновенность частной жизни, так как системы искусственного интеллекта и роботы функционируют, собирая, аккумулируя и обрабатывая большие массивы личных данных, в том числе медицинских.

Последнее особо значимо в условиях борьбы с пандемией, когда обмен подобными данными необходим в научно-исследовательских и оперативно-управленческих целях, и несанкционированный доступ к ним видится меньшим злом по сравнению с угрозой распространения вирусной инфекции. Полученные данные искусственная интеллектуальная система использует для построения информационных моделей поведения владельца или пользователя системы. Так, Б. Шермер выделяет следующие основные способы нарушения права на неприкосновенность частной жизни в процессе использования интеллектуальных устройств: передача собранных системой данных третьим лицам и несанкционированный сбор данных непосредственно системой[2].

При этом общественная опасность нарушения неприкосновенности частной жизни усугубляется накоплением данных, собранных в традиционно закрытых для стороннего наблюдения ситуациях, так как технические средства, используемые в быту, медицинских и социальных целях, получают доступ к наиболее «чувствительным» данным человека[3].

Кроме того, следует согласиться, что существует ряд ситуаций, при которых «определение юридической ответственности за действия

---

[1] Террокоптер: как бандиты с помощью дрона хотели взорвать МВД и ФСБ // РИА Новости. [Электронный ресурс] Режим доступа: https://ria.ru/20180207/1514160209.html (дата обращения: 03.09.2020).

[2] Schermer B.W. Software agents, surveillance, and the right to privacy: a legislative framework for agentenabled surveillance. Leiden: Leiden University Press, 2007. P. 10–11.

[3] Камалова Г.Г. Этические и правовые вопросы охраны права на неприкосновенность частной жизни при создании и использовании робототехники и систем искусственного интеллекта // Информационное пространство: обеспечение информационной безопасности и право: сб. науч. тр. / под ред. Т.А. Поляковой, В.Б. Наумова, А.В. Минбалеева. М.: ИГП РАН, 2018. С. 235.

искусственного интеллекта может быть затруднено в большей степени, в силу их сложности и специфичности»[1].

П.М. Морхат считает, что к ним относятся ответственность:

− за непринятие искусственным интеллектом мер по предотвращению убийства, если они потенциально могли быть реализованы;

− за злоупотребление искусственным интеллектом правом в судебном процессе, когда два юнита искусственного интеллекта, выступающие представителями сторон в суде, парализуют своими действиями деятельность судебной инстанции;

− за самостоятельное отключение искусственным интеллектом своих программных и аппаратных функций, блокирующих возможность причинения вреда человеку;

− за создание юнитом искусственного интеллекта по своему усмотрению робота или иного устройства, способного причинить вред человеку и предназначенного для этой цели[2].

Как справедливо отмечает И.Н. Мосечкин, сегодня в уголовном законодательстве «отсутствуют какие-либо составы преступлений, связанные с совершением общественно опасных деяний посредством использования нейронных сетей, искусственного интеллекта или самим искусственным интеллектом»[3].

Однако это не означает, что традиционные субъекты преступной деятельности, использующие в своей деятельности перечисленные системы, не могут быть привлечены к уголовной ответственности уже в настоящее время.

Исследователи полагают, что уголовно-правовая ответственность должна быть установлена за следующие виды общественно опасных деяний, связанных с системой искусственного интеллекта или роботом:

− использование системы искусственного интеллекта или робота с целью совершения преступление (робот как орудие/предмет преступления);

− при совершении автономно действующей системой искусственного интеллекта или роботом действий, могущих быть квалифицированными в качестве преступных;

---

[1] См.: Морхат П.М. Правосубъекность юнитов искусственного интеллекта и ответственность за их действия // Право и государство: теория и практика. 2017. № 11 (155). С. 30–36.

[2] Морхат П.М. Указ соч. С. 32–33.

[3] Мосечкин И.Н. Искусственный интеллект и уголовная ответственность: проблемы становления нового вида субъекта преступления // Вестник СПб. ун-та. Сер.: Право. 2019. № 3. С. 462.

− при грубом нарушении правил эксплуатации систем искусственного интеллекта или роботов, повлекшем причинение вреда жизни и здоровью человека либо создающих им реальную угрозу[1].

С учетом изложенного полагаем, что введение специальной уголовной ответственности в сфере применения искусственного интеллекта необходимо:

− если была допущена ошибка при создании системы искусственного интеллекта, приведшая впоследствии к событию преступления;

− при противоправном доступе к системе и ее данным, повлекшем ее модификацию;

− при принятии автономной самообучающейся системой решения о совершении преступного деяния;

– при создании системы искусственного интеллекта для совершения преступлений.

Касаясь вопросов уголовно-правовых аспектов наказания. Применимые уголовно-правовые виды наказаний к «сильному» искусственному интеллекту и решениям, основанным на нем, также требуют обсуждения научным сообществом уже сегодня, забегая вперед. При их выборе нужно учитывать указанное выше отсутствие у искусственного интеллекта способности испытывать чувства, включая чувство самоопределения и страдания. Поэтому многие устоявшиеся меры ответственности представляются бессмысленными при применении в отношении устройств и решений на базе искусственного интеллекта.

При этом, хотя сегодня обосновываются возможности «перевоспитания» искусственного интеллекта посредством его перепрограммирования и утилизации устройства, остается открытым вопрос о характере этих мер и их отличии от перепрограммирования обычного средства вычислительной техники и утилизации иных вещей.

Резюмируя вышеизложенное, мы можем прийти к следующим выводам:

– технологии искусственного интеллекта может быть использовано при совершении мошенничества, преступлений в сфере компьютерной информации, актов терроризма, нарушений в сфере обеспечения безопасности дорожного движения, нарушений права на неприкосновенность частной жизни и иных;

– в настоящее время в уголовном законодательстве отсутствуют специальные составы преступлений, связанные с использованием искусственного интеллекта, а к традиционным субъектам применимы существующие нормы Общей части УК РФ;

[1] Юридическая концепция роботизации: монография / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, С.Б. Нанба. М.: Проспект, 2019. С. 921–923.

– в условиях цифровизации следует усилить уголовную ответственность по ряду существующих преступлений путем введения в норму статьи УК РФ соответствующего квалифицирующего признака, что в свою очередь в доктрине и правоприменительной практике приведет к ревизии вопроса о субъективной стороне совершенного деяния.

Никуленко Андрей Вячеславович,
доктор юридических наук, доцент,
ученый секретарь ученого совета
Санкт-Петербургского университета МВД России

Обстоятельства, исключающие преступность деяния: возможности совершенствования правовой регламентации

В теоретическом плане проблема правомерности причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, относится к числу сравнительно новых и наиболее сложных проблем российского уголовного права.

Эффективная защита личности, общества и государства от общественно опасного посягательства обеспечивается не только установлением соответствующих уголовно-правовых запретов, но и путем регламентации правомерного причинении вреда при защите от общественно опасных посягательств, задержании лиц, совершивших общественно опасные деяния, и при устранении опасности. Тем самым обеспечивается реализация положений ч. 2 ст. 45 Конституции РФ, согласно которой каждый вправе защищать свои права и свободы всеми способами, не запрещенными законом. Кроме того, уголовный закон исключает ответственность лиц и в ряде иных случаев причинения вреда, связанных с принуждением, исполнением приказа или распоряжения, а также с обоснованным риском.

Необходимая оборона, задержание лица, совершившего преступление или иное общественно опасное деяние, крайняя необходимость и иные обстоятельства, указанные в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, представляют собой, несомненно, общественно полезную деятельность (за исключением, пожалуй, обстоятельства, предусмотренного ст. 40 УК РФ). Право на их осуществление имеют все без исключения граждане, а для сотрудников правоохранительных органов (МВД, ФСБ и других) представляет собой прямую обязанность, возложенную на них законами и иными нормативными актами.

С момента вступления в силу действующего уголовного закона прошло более 20 лет, однако практика применения норм об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, до сих пор не выработала единого подхода.

Небезупречны с точки зрения законодательной техники и соответствующие законодательные формулировки статей, содержащихся в главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации. Кроме того, проблемным вопросом остается согласование положений нормативно-правовых актов, регламентирующих причинение вреда охраняемым законом интересам, с нормами УК РФ (в частности, Федеральных законов «О полиции», «О противодействии терроризму», «О Федеральной службе безопасности») [1] . Причем это регулятивное законодательство также подвержено изменениям. Например, в 2015 г. были расширены полномочия сотрудников ФСБ на применение физической силы, специальных средств и оружия[2].

Наряду с развитием уголовного законодательства, продолжает формироваться соответствующая судебно-следственная практика, также требующая анализа в целях выработки мер по оптимизации правоприменения (прежде всего – квалификации обстоятельств, исключающих преступность деяния). По данным того же В.И. Михайлова, при оценке действий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, в результате чего причинён вред интересам, охраняемым уголовным законом, судами нормы главы 8 УК России практически не применяются[3].

Кроме того, статистика не свидетельствует об однозначном улучшении ситуации в рассматриваемой сфере: например, в 2010 г. в России по статье 108 УК РФ зарегистрировано 473 преступления, выявлено лиц, совершивших преступление – 631, в 2014 г. уже 280 преступлений, а выявлено 426 лиц, их совершивших [4], в 2015 – 308 преступлений, в 2016 – 292, в 2017 – 244. По статье 114 УК РФ в 2010 г. зарегистрировано 1067 преступлений, выявлено лиц, совершивших преступление – 1313, в 2014 г. соответственно 1094 преступления и 1296 лиц, совершивших преступление, в 2015 – 1297 преступлений, в 2016 – 1272, в 2017 – 1143. Таким образом, на фоне значительного сокращения

[1] Федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ «О полиции» // Собрание законодательства РФ. 14.02.2011. № 7. Ст. 900; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146; Федеральный закон от 03.04.1995 № 40-ФЗ «О Федеральной службе безопасности» // Собрание законодательства РФ. 10.04.1995 № 15. Ст. 1269.

[2] Федеральный закон от 30.12.2015 № 468-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

[3] См. подр.: Михайлов В.И. О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Проблемы кодификации уголовного закона: история, современность, будущее (посвящается 200-летию проекта Уголовного уложения 1813 года) // Мат. VIII Российского конгресса уголовного права 30–31 мая 2013 г. М., 2013. С. 157.

[4] См.: Коррупция: состояние противодействия и направления оптимизации борьбы // под ред. проф. Долговой А.И. М.: Российская криминологическая ассоциация, 2015. С. 333.

количества зарегистрированных убийств, предусмотренных ст. 108 УК РФ, количество преступлений, связанных с причинением вреда здоровью, предусмотренных ст. 114 УК РФ, остается практически неизменным. На наш взгляд, представленная статистика не может в полной мере отражать действительное положение дел.

Долгое время в отечественном уголовном законодательстве были закреплены лишь два обстоятельства, исключающих общественную опасность и противоправность деяния – необходимая оборона и крайняя необходимость. В современном УК РФ их список был расширен до восьми. В науке уголовного права выделяются и иные, не включенные в законодательный перечень обстоятельства (например, согласие потерпевшего, выполнение специального задания, оперативный эксперимент и др.). Кроме того, положения других нормативно-правовых актов позволяют включить в этот перечень еще ряд обстоятельств, при которых возможно правомерное причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам[1].

На сегодняшний день, с учетом «небывалого», по мнению Генеральной Прокуратуры РФ, за последние годы снижения уровня преступности – на 9,6%, с 2 388 476 до 2 160 063 преступлений[2] и, однако, все нарастающей угрозы со стороны различных террористических и экстремистских организаций на первый план выходит концепция, которая получила название – право безопасности.

Термин «меры безопасности» был употреблен проф. Д.А. Шестаковым[3]. Кроме него, вопросами о мерах безопасности активно занимается на протяжении уже довольно длительного времени профессор Н.В. Щедрин[4]. Право безопасности предусматривает возможность причинения любого вреда для обеспечения общественной безопасности и личной безопасности причинителя вреда. В последнее время мы видим множество примеров уничтожения «боевиков», иных опасных и организованных преступников. Причем задерживать их явно никто и не собирался. Ни у надзирающих органов, ни у подавляющей части населения страны это не вызывает ни малейших вопросов.

---

[1] См. об этом, напр: Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. С. 202; Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // Собрание законодательства РФ. 13.03.2006 № 11. Ст. 1146; Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. 14.08.1995 № 33. Ст. 3349.

[2] Российская газета. 2017. 27 февраля. Официальная статистика МВД России // URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/folder/101762/item/9338947/ (дата обращения: 21.05.2018).

[3] Шестаков Д.А. Еще раз о праве безопасности в связи с правом противодействия преступности // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2014. № 1 (32). С. 13–14.

[4] Щедрин Н.В. Меры безопасности как средство предупреждения преступности. Дисс. … докт. юрид. наук. Екатеринбург, 2001. С. 32.

О внесудебном способе расправы (правда, не называя его правом безопасности) в свое время писали Д.А. Корецкий и С.Ф. Милюков[1]. Кроме того, право на причинение вреда прямо предоставлено ст. 22 Федерального закона «О противодействии терроризму» [2], ст. 16 Федерального закона «Об оперативно-розыскной деятельности»[3].

Тем временем, отклонен и направлен на доработку проект № 147239 от 11 апреля 2017 года Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О полиции» и отдельные законодательные акты Российской Федерации», которым предполагалось уравнять права военнослужащих и полицейских по применению оружия.

И, наконец, формальное соответствие этих фактов причинения вреда Уголовному кодексу РФ даже не рассматривается. Дается лишь ответ на вопрос – правомерно применено оружие или нет. Остальное (имеется в виду соответствие нормам УК) незначимо?

На наш взгляд, это вопиющая несправедливость – уголовное законодательство становится вторичным по отношению к «ведомственному». К тому же на деле оказывается, что оно написано лишь для граждан (в части обстоятельств, исключающих преступность деяния), а на сотрудников «силовых» структур распространяется лишь когда их необходимо привлечь к уголовной ответственности за нарушение правил применения оружия.

Невероятно, но эта позиция находит поддержку среди ученых, которые утверждают, что уголовное законодательство распространяется лишь на случаи применения силы и оружия обычными гражданами. Сотрудники правоохранительных органов должны действовать в соответствии с требованиями нормативных правовых актов, непосредственно регулирующих их профессиональную (служебную) деятельность[4].

Разумеется, часть третья статьи 37 УК РФ распространяется на всех лиц…, однако п. 28 ППВС РФ от 27.09.2012 № 19 говорит: «Сотрудники правоохранительных органов … не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия…».

---

[1] Корецкий Д., Милюков С. Внесудебная репрессия как законный способ борьбы с преступностью // Уголовное право. 2004. № 1. С. 112–113.

[2] Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму» // СЗ РФ. 13.03.2006. № 11. Ст. 1146.

[3] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» // СЗ РФ. 14.08.1995. № 33. Ст. 3349.

[4] Михайлов В.И. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X. Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. докт. юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 157–160.

Но таким образом ограничивается сфера действия УК России «отраслевыми» (ведомственными) нормативными правовыми актами. Не имеет право на таковое и Верховный Суд РФ.

Важно и то, что нормы об обстоятельствах, исключающих преступность деяния, являются в большинстве своем дозволительными, то есть рассчитанными на их активную реализацию гражданами, однако без достаточных юридических знаний, дополнительных разъяснений малоприменимы как гражданами, так и сотрудниками правоохранительных органов. По справедливому мнению В.И. Михайлова, «Нормативное регулирования случаев причинения правомерного вреда интересам, охраняемым уголовным законом, осуществляется нормами различных отраслей законодательства из-за высокого уровня обобщения, присущего уголовно-правовым нормам…»[1]. По его же сведениям, при оценке действий военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов и иных лиц, в результате чего причинён вред интересам, охраняемым уголовным законом, судами нормы главы 8 УК России практически не применяются.

Разумеется, мы не подвергаем сомнению право государства на вооруженный отпор агрессору, в том числе путем его физического уничтожения. Даже если таковым «агрессором» выступают собственные граждане, объединившиеся в преступные террористические или экстремистские организованные группы. С целью обеспечения общественной безопасности мы всецело поддерживаем жесткие силовые методы противодействия им. Однако, на наш взгляд, такой способ реагирования не вполне укладывается в рамки правового поля и потому не может служить универсальным основанием для правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам.

Мы абсолютно солидарны с мнением Г.С. Шкабина[2], формулирующего возможные варианты развития правового регулирования правомерного причинения вреда.

Так, существует возможность их отраслевого регулирования, то есть иные законы и даже подзаконные акты аккумулируют в себе отдельные виды таковых обстоятельств, тогда как в уголовном законе останутся лишь имеющиеся и/или сформулированные в обобщенном виде (например, исполнение закона). Или, что наиболее предпочтительно, все случаи правомерного причинения вреда при обстоятельствах, исключающих преступность деяния, будут регулироваться исключительно уголовным законодательством. Напомним, в случае конкуренции с иными нормативными актами уголовно-правовые нормы имеют над ними

[1] Михайлов В.И. О концепции нормативного правового регулирования случаев причинения правомерного вреда // Материалы VIII Российского конгресса уголовного права 30–31 мая 2013 г. М., 2013. – С. 157.

[2] См.: Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 37–38.

приоритет (согласно ст. 2 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ). Законы, согласно ч. 3 ст. 2 Федерального закона от 13.06.1996 № 64-ФЗ «О введении в действие Уголовного кодекса Российской Федерации»[1], должны применяться лишь «в части, не противоречащей Уголовному кодексу Российской Федерации». «Другие законы и иные нормативные правовые акты, действующие на территории Российской Федерации, подлежат приведению в соответствие с Уголовным кодексом Российской Федерации» (ч. 2 ст. 2 этого Закона)[2].

Наличие обстоятельств, исключающих преступность деяния, в иных, нежели Уголовный кодекс РФ, нормативных правовых актах, в том числе, не имеющих статус закона, на наш взгляд, порождает ряд коллизионных проблем. Во-первых, это снижение статуса самого уголовного законодательства, исключительной прерогативой которого выступает определение преступности и наказуемости деяний, а также их непреступности. Во-вторых, отражение в «отраслевом» или специальном законодательстве порождает коллизии между различными законами, что, в конечном счете, приводит к проблемам их правоприменения. В-третьих, наконец, подобная бланкетность и неудобна и нелогична. Чтобы признать поведения лица правомерным, необходимо обратиться не к единому нормативному правовому акту – Уголовному кодексу, а проверить его поведение на соответствие нормам, прямо не предусматривающим уголовную ответственность.

Являясь последовательными приверженцами соблюдения принципа системности в праве, тем более уголовном, представляющем собой карательное начало, мы обоснованно полагаем, что обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут выделиться в самостоятельную подотрасль, которая будет содержать в своей структуре все обстоятельства, исключающие преступность деяния, в том числе те, которые в настоящее время урегулированы иными нормативными правовыми актами. Актуальным представляется предложение об изменении нынешнего названия главы 8 УК на «Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния», с изъятием из нее чужеродных в этом отношении обстоятельств, указанных сейчас в ч. 1 ст. 40 и ст. 42 УК РФ[3].

---

[1] Собрание законодательства РФ. 17.06.1996. № 25. Ст. 2955.

[2] См.: Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. Дисс. … канд. юрид. наук. СПб., 2011. С. 86.

[3] См. подробнее: Милюков С.Ф. Обстоятельства, исключающие общественную опасность деяния. СПб., 1998. С. 6–9; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. СПб.: Издательство «Юридический центр», 2015. С. 173. Интересно также предложение К.И. Попова о переименовании указанной главы в Обстоятельства правомерного причинения вреда. См. подр.: Попов К.И. Обстоятельства правомерного причинения вреда // Российский следователь. 2010. № 1. С. 17–20.

Разработка концептуальных основ обстоятельств правомерного причинения вреда позволила выработать определение обстоятельств, исключающих преступность деяния[1], которое, на наш взгляд, в дальнейшем должно получить соответствующее закрепление в уголовном законодательстве.

Обстоятельства, исключающие преступность деяния – это предусмотренные уголовным законом, объективные основания правомерного причинения вреда охраняемым уголовным законом интересам, совершаемые для защиты иных более значимых охраняемых уголовным законом интересов или достижения общественно полезных целей.

Законодательное закрепление подобного определения, как своеобразного эпиграфа к главе 8 Уголовного кодекса Российской Федерации, возможно позволит, наконец, положить конец спору о юридической природе указанных обстоятельств, а также позволит сместить акцент в сфере действия норм, закрепленных в иных нормативных правовых актах в уголовно-правовое русло, а также оценивать совершенные при указанных обстоятельствах, деяния, исключительно с точки зрения уголовного законодательства.

Пихов Аслан Хазрет-Алиевич,
доктор юридических наук, доцент,
начальник кафедры деятельности
органов внутренних дел в особых условиях
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Противодействие транснациональной преступности: отдельные вопросы

К сожалению, в России отсутствует какой-либо нормативный документ, в приводился бы перечень преступлений, имеющих или способных иметь транснациональный характер, отсутствует постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации, обобщающего практику судов по разрешению вопросов действия уголовного закона в пространстве, в том числе с учетом транснационального характера осуществляемой преступной деятельности. Остановимся на отдельных проблемных вопросах, касающихся противодействия транснациональным преступлениям, выявленных при анализе норм Общей и Особенной частей Уголовного кодекса Российской Федерации. В первую очередь, затронем

[1] О необходимости такого понятия говорит и Г.С. Шкабин. См., напр.: Шкабин Г.С. Указ соч. С. 39.

проблему регламентации действия уголовного закона в пространстве с учетом транснационального характера преступления.

В теории уголовного права высказано мнение о том, что положения о территориальном и экстерриториальном действии уголовного закона, содержащиеся в статьях 11–13 УК РФ, не обладают необходимой полнотой, поскольку не содержат предписаний, касающихся сложных единичных преступлений, стадий развития преступной деятельности и ее осуществления в соучастии[1]. В частности, законодатель не определяет понятия продолжаемых и длящихся преступлений, не учитывает возможность выполнения объективной стороны преступления на территории иностранного государства (государств) и Российской Федерации, а равно возможность участия в преступлении двух и более лиц, находящихся в разных странах, в том числе и в России. В связи с этим согласимся с мнением М.Г. Решняк, предлагающей закрепить соответствующие правила действия уголовного закона в пространстве непосредственно в Общей части УК РФ[2]. Так, положения о территориальном и экстерриториальном действии уголовного закона, учитывающие наличие стадий и возможность соучастия в преступлении, предусмотрены в Модельном Уголовном кодексе для стран СНГ[3] и в уголовном законодательстве Белоруссии, ФРГ, Франции и США.

Следующая проблема касается законодательного определения организованной группы, содержащегося в ч. 3 ст. 35 УК РФ, в соответствии с которой «преступление признается совершенным организованной группой, если оно совершено устойчивой группой лиц, заранее объединившихся для совершения одного или нескольких преступлений». Проблема состоит в том, что данное определение базируется на понятии группы лиц (ч. 1 ст. 35 УК РФ), исходя из которого любая преступная группа, в том числе и организованная, должна включать как минимум два человека, тогда как в п. «а» ст. 2 Конвенции ООН против транснациональной организованной преступности «организованная преступная группа» определяется как структурно оформленная группа в составе *трех или более лиц*, существующая в течение определенного периода времени и действующая согласованно с целью совершения одного или нескольких серьезных преступлений или преступлений, признанных таковыми в соответствии с данной Конвенцией, с тем чтобы получить,

[1] См.: Решняк М.Г. Современные проблемы действия уголовного закона в пространстве: монография. М.: Юрлитинформ, 2013. С. 102.

[2] См.: там же. С. 132–138.

[3] См.: ст. 13 Модельного уголовного кодекса для государств – участников СНГ // Приложение к Информационному бюллетеню Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ. 1997. № 10.

прямо или косвенно, финансовую или иную материальную выгоду.[1] Ситуацию с имплементацией положений рассматриваемой Конвенции в российскую систему права усугубляет и тот факт, что в ч. 3 и 4 ст. 35 УК РФ международно-правовое понятие организованной преступной группы «распадается» на признаки двух самостоятельных форм соучастия в преступлении – организованной группы и преступного сообщества (преступной организации), причем последняя из них может представлять из себя структурированную организованную группу или объединение организованных групп, что вновь обращает нас к выделенной проблеме, в том числе касающейся численности такой группы.

Применительно к статьям Особенной части УК РФ, касающимся транснациональных преступлений, следует отметить, что основные проблемы противодействия им связаны с законодательным определением таких уголовно наказуемых деяний и с установлением пределов наказуемости лиц, их совершающих. Проблемы формулирования понятий различных видов транснациональных преступлений во многом обусловлены многоуровневой бланкетностью соответствующих уголовно-правовых норм, отсылающих к различным нормативным правовым актам, в том числе и международного характера.

Представляется, что наличие в Общей части УК РФ институтов соучастия в преступлении и неоконченного преступления делает излишним включение в Особенную часть УК РФ таких статей, как 205.1 и 205.3 об ответственности за содействие террористической деятельности и прохождение обучения в целях осуществления террористической деятельности. Например, определение цели террористического акта в виде дестабилизации деятельности органов власти или международных организаций либо воздействия на принятие ими решений является излишне широкой формулировкой, поскольку совершение любого из действий, относящихся к объективной стороне данного преступления, само по себе неизбежно дестабилизирует деятельность указанных органов и организаций. То есть такая дестабилизация полностью охватывается внешним проявлением террористического акта и может быть отнесена к признакам его объективной стороны.

В настоящее время необходимо разграничивать между собой преступления, предусмотренные ст. 282.2 и 205.5 УК РФ. При разрешении этого вопроса необходимо учитывать, что данные преступления различаются между собой по направленности деятельности соответствующих организаций: если экстремистская организация связана с осуществлением экстремистской деятельности, то террористическая организация – с элементом последней в виде террористической

[1] См.: Иванцов С.В. Оценочные признаки организованных форм преступной деятельности: вопросы квалификации // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 3. С. 57–58.

деятельности. То есть ст. 282.2 и 205.5 УК РФ УК РФ соотносятся как общая и специальная нормы, конкуренция которых разрешается в пользу второй из них. Полагаем, что соответствующие разъяснения целесообразно предусмотреть в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации, посвященных преступлениям террористической[1] и экстремистской направленности[2]. Применительно к транснациональным преступлениям эти разъяснения важны, поскольку террористическая и экстремистская деятельность в последние годы в своем осуществлении нередко имеет координирующее начало, исходящее от международных террористических и экстремистских организаций.

Одним из наиболее очевидных индикаторов оценки характера и степени общественной опасности тех или иных видов преступлений со стороны государства служит строгость наказания, установленная на уровне санкций соответствующих статей УК РФ. Такая оценка находит свою конкретизацию в практике судов, выносящих приговоры именем Российской Федерации, причем строгость фактически назначенного наказания может приближаться к высшему или низшему пределам наиболее строгого вида наказания в санкции уголовно-правовой нормы, либо вовсе не доходить до этого вида, а равно состоять в его условном применении. То есть практика судов наглядно демонстрирует, как правоприменители оценивают общественную опасность определенных видов преступлений, возникает ли у них потребность в повышении или понижении строгости уголовного закона. Вместе с тем, именно законодатель задает определенные масштабы в измерении общественной опасности преступления на практике, поскольку только он уполномочен принимать, изменять либо дополнять уголовный закон, а равно признавать его утратившим силу полностью или в какой-либо части[3].

Поэтому строгость наказания за транснациональные преступления должна быть исследована в следующей последовательности:

– высший предел санкции соответствующей статьи Особенной части УК РФ, а равно возможности статей Общей части УК РФ для повышения или понижения строгости наказания за рассматриваемые преступления;

---

[1] См.: Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 9 февраля 2012 г. № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Российская газета. 2012. 17 февраля.

[2] См.: Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности» // Российская газета. 2011. 4 июля.

[3] См.: Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М.: ЗАО «ЮрИнфоР», 2013. С. 70–71.

– сведения судебной статистики о фактически назначаемых наказаниях и их размерах либо сроках, а равно об условном их применении.

Выделенные проблемы находят свое проявление и в последних дополнениях уголовного законодательства, сделанных под эгидой усиления борьбы с экстремизмом. Так, санкции ч. 1 и 2 новой ст. 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности» изначально не соотнесены и не согласованы с санкциями других уголовно-правовых норм об ответственности за различные виды преступлений экстремистской направленности, что создает условия для нарушений принципа справедливости. Например, лицо, финансировавшее совершение нескольких особо тяжких преступлений на почве национальной ненависти, может понести менее строгую ответственность по сравнению с тем, кто финансировал преступление небольшой тяжести, совершенное по тем же мотивам.

Сходная проблема возникает и при анализе многих других преступлений транснационального характера, в том числе взяточничества как наиболее распространенного коррупционного явления[1]. В частности, не вполне согласующимся с курсом на непримиримое противодействие коррупции выглядит законодательное изменение размера штрафа и способа его исчисления применительно к даче и получению взятки, а также посредничеству во взяточничестве. Согласно ч. 2 ст. 46 УК РФ штраф может исчисляться в величине, кратной стоимости предмета или сумме коммерческого подкупа или взятки. При этом штраф устанавливается в размере до стократной суммы коммерческого подкупа или взятки, но не может быть менее двадцати пяти тысяч рублей и более пятисот миллионов рублей. Так, посредничество во взяточничестве, совершенном в особо крупном размере (ч. 5 ст. 291.1 УК РФ), наказывается штрафом, который может доходить до восьмидесятикратной суммы взятки.

Частные проблемы уголовно-правовой регламентации ответственности за транснациональные преступления встречаются и в других статьях Особенной части УК РФ. Так, в ч. 1 ст. 127.1 УК РФ установлена ответственность за куплю-продажу и совершение иных сделок с человеком вне зависимости от целей данных действий, тогда как обеспечивающие действия в виде вербовки, перевозки, передачи, укрывательства или получения человека образуют состав преступления только при их совершении с целью эксплуатации потерпевшего. Это является существенным недостатком уголовного закона, необоснованно усложняющим уголовное преследование всех участников торговли людьми

[1] См.: Иванцов С.В. Использование международного опыта в системе контроля организованной преступности // Черные дыры в Российском законодательстве. 2010. № 6. С. 97–100; Иванцов С.В. Транснационализация коррупции и международно-правовые средства ее предупреждения // Закон и право. 2015. № 5. С. 20–24.

вне зависимости от целей данного преступления[1]. Кроме того, не обосновано наличие самого перечня действий, обеспечивающих совершение купли-продажи и иных сделок с человеком, поскольку все они могут быть отнесены к соучастию в данном преступлении в виде пособничества. На наш взгляд, во избежание установления излишних уголовно-правовых запретов в виде самостоятельных положений Особенной части УК РФ об ответственности за содействие тем или иным преступлениям целесообразно расширить законодательное определение пособничества в преступлении, содержащееся в ч. 5 ст. 33 УК РФ, посредством его дополнения указанием на иное существенное содействие совершению преступления.

Нами выделены лишь отдельные проблемы уголовного закона, имеющиеся в нормах его Общей и Особенной частей, связанные с построением системы уголовно-правовых норм об ответственности за преступления, которые имеют или потенциально могут иметь транснациональный характер. Вместе с тем, для эффективного уголовно-правового противодействия транснациональной преступности вовсе не обязательно вводить в УК РФ новые статьи. Более перспективным видится совершенствование существующих уголовно-правовых норм, придание им согласованного, системного характера. Для разъяснения особенностей применения национального уголовного законодательства в отношении преступлений транснационального характера и придания данной практике единообразного характера большое значение имеют разъяснения Пленума Верховного Суда РФ, в настоящее время такие особенности не учитывающие.

[1] См.: Иванцов С.В. Международное сотрудничество в сфере предупреждения незаконной миграции // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 4. С. 62–67.

Чечель Григорий Иванович,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры уголовного права
и процесса юридического института
Северо-Кавказского федерального университета

Убийство из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем: особенности квалификации

В статье исследуются спорные вопросы квалификации убийства из корыстных побуждений, сопряженные с разбоем. Обосновывается необходимость квалификации данных деяний по совокупности преступлений.

Использование всей силы законов в борьбе с преступностью в первую очередь зависит от правильного понимания правоприменительными и правоохранительными органами смысла и содержания уголовно-правовых норм.

Квалификация преступления – важнейшее уголовно-правовое понятие, является одним из важнейших требований законности, поскольку она обеспечивает правовые гарантии соблюдения прав и свобод как потерпевшего, так и лица, совершившего преступление.

Переход нашей страны на рыночные отношения явился определяющей причиной роста общей численности преступлений против собственности.

Ректор Московского гуманитарного педагогического университета Ильинский И. на основе анализа сообщил, что в крайней нищете в России находится 13,4% населения, в нищете существует 27,8%, в бедности пребывает 38,8%[1].

Как считает экономист Оксана Дмитриева в России в настоящее время две трети населения имеют доходы ниже прожиточного минимума, а прожиточный минимум – это некая условная, счетная единица[2].

По данным НИИ Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, в системе ценностных ориентаций современных российских жителей значение человеческой жизни значительно меньше, чем ценности успеха, денег, комфорта и иных благ. А для отдельной части населения (13,3%) человеческая жизнь и вовсе не представляет какой-либо ценности[3].

---

[1] Чем дальше – тем страшнее? Доклад. Социальный портрет молодежи РФ // Ставропольская правда, 6 июля 2011 г.

[2] Воробьев А. Бедность в кривом зеркале//Ставропольская правда (Новый вторник), 30 октября 2018 г.

[3] Богданова Л.Н. К вопросу о ценности человеческой жизни (по результатам исследования толерантности населения) // Уголовное право и современность: сборник статей: Вып. 4 / отв.ред. Жалинский А.Э. М., 2012. Том 1.

Экономическое, в первую очередь, неравенство населения не может не влиять на преступность корыстной направленности.

В соответствии с Уголовным Кодексом РСФСР 1960 года, в п. «а» ст. 102 предусматривалась уголовная ответственность только за убийство из корыстных побуждений. Однако Федеральным законом № 73-ФЗ от 21 июля 2004 г. «О внесении изменений в Уголовный Кодекс Российской Федерации» п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ был существенно изменен, в соответствии с чем, в настоящее время, уголовная ответственность наступает за убийство из корыстных побуждений или по найму, а равно сопряженное с разбоем, вымогательством и бандитизмом.

Изменив конструкцию состава преступления, предусмотренного п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ и предусмотрев уголовную ответственность за убийство из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем, законодатель не разъяснил как квалифицировать данные деяния – по совокупности, или указанные деяния следует квалифицировать лишь по п. «з» ч. 2 ст. 105 УК РФ. Четкого разъяснения по данному вопросу не было дано и Верховным Судом РФ.

Все это, естественно, вызвало как и на практике, так и в теории Уголовного права различные толкования и предложения относительно квалификации данных деяний.

Так, Волженкин В.В. полагал, что законодатель вполне учел совершение при убийстве из корыстных побуждений такого преступления как разбой и повысил санкцию за данное, единое преступление. Назначение наказания отдельно за разбой приведет к двойной ответственности за содеянное[1]. Таким образом, Волженкин В.В. полагает, что убийство из корыстных побуждений полностью поглощает предварительно совершенное разбойное нападение и дополнительной квалификации разбойного нападения не требуется.

Салимжанова М.В. также полагает, что основным группировочным признаком корыстной преступности, также как и насильственной является своеобразный характер мотивации – корысть. А далее она утверждает, что в последние обычно не включаются грабежи, разбои, вымогательство, бандитизм и другие посягательства на чужую собственность, но совершенные с помощью насилия[2].

Марцев А. и Токарчук Р. полагают, что позиция квалификации убийства из корыстных побуждений, сопряженного с разбоем, по совокупности составов преступлений не соответствует требованиям

---

[1] Волженкин В.В. Принцип справедливости и проблемы множественности преступлений по УК РФ // Законность, 1999, № 12.

[2] Проблемы криминологии. Материалы Всероссийской научной конференции Южного Федерального округа. Краснодар. 2003. С. 151.

принципам справедливости, согласно которому никто не может нести уголовную ответственность дважды за одно и то же преступление[1].

С указанным мнением авторов вряд ли можно согласиться. Квалификация деяний определяется не санкцией, а прежде всего признаками конкретного состава преступления.

В соответствии со ст. 162 УК РФ разбой определяется как нападение в целях хищения чужого имущества, совершенное с применением насилия, опасного для жизни и здоровья, либо с угрозой применения такого насилия. Кроме того в соответствии с п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ разбойное нападение сопряжено с причинением тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

С учетом изложенного трудно понять мнение Васенцова А. утверждающего, что сам разбой, при котором совершается умышленное убийство, квалифицируется по п. «в» ч. 4 ст. 162 УК РФ[2].

Из содержания ст. 162 УК РФ бесспорно видно, что разбойное нападение не предусматривает лишение жизни потерпевшего. Целью разбойного нападения является завладение чужими ценностями, сопряженное с подавлением воли потерпевшего и оказанию сопротивления, а также на причинение тяжкого вреда здоровью.

Таким образом, при завладении чужим имуществом диспозицией состава разбоя предусматривается насилие опасное для жизни или здоровья, либо угроза применения такого насилия, исключая умышленное лишение жизни потерпевшего.

Из этого следует, что при убийстве, сопряженном с разбойным нападением, имеет место не конкуренция уголовно-правовых норм, а два самостоятельно совершенных преступления - убийство и разбой.

В соответствии с п.6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 декабря 2002 г. «О судебной практике по делам о краже, грабеже и разбое» разбой признается оконченным преступлением с момента нападения в целях хищения чужого имущества, совершенного с применением насилия, опасного для жизни и здоровья потерпевшего, или угрозой применения такого насилия, т. е. с целью завладения чужим имуществом, находящимся при потерпевшем.

Не достигнув цели при разбойном нападении – завладения чужими ценностями, находящимися при потерпевшем (оказание сопротивления и др.) У виновного возникает новая цель – лишение жизни потерпевшего с целью завладения данным чужим имуществом. Именно данные деяния охватываются другим, самостоятельным составом преступления – убийство из корыстных побуждений. Следовательно, при убийстве из

---

[1] Марцев А., Токарчук Р. Вопросы совокупного вменения разбоя или вымогательства и преступлений против жизни // Уголовное право. 2008 г. № 2. С. 39.

[2] Васецов А. Неоднократность и совокупность преступлений при квалификации убийств // Законность, 2000 г. № 6. С. 14.

корыстных побуждений, сопряженным с разбойным нападением виновное лицо совершает два самостоятельных преступления. При этом разрыв во времени может быть минимальным.

Следует отметить и то, что до сих пор нет единства и в понимании субъективной стороны при квалификации убийства из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем.

Так, Гаухман Л. считает возможным квалифицировать по совокупности как умышленное убийство из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем и даже в том случае, когда умысел на умышленное убийство из корыстных побуждений возник до совершения разбойного нападения – убийство из корыстных побуждений и разбой[1].

Аналогичного мнения придерживается и Кардава А., утверждая, что заранее намеченное убийство потерпевшего из корыстных побуждений зачастую имеет место при разбое[2].

Однако вряд ли можно согласиться с данным мнением.

Убийство из корыстных побуждений прежде всего предполагает предварительный и только прямой умысел на лишение жизни потерпевшего. При разбойном же нападении умысел на лишение жизни, как уже нами было отмечено, возникает в процессе нападения в случае, если при разбойном нападении виновный не достиг поставленной цели – завладения ценностями, находящимися при потерпевшем.

Для признания убийства совершенного из корыстных побуждений, исходя из сказанного, следует в обязательном порядке установить, что умысел у виновного возник до совершения убийства на завладение чужим имуществом, что при корыстном убийстве намерение прямо направлено на лишение жизни как средства достижения преступной цели.

Точное установление всех признаков субъективной стороны является необходимым условием правильной квалификации общественно опасного деяния.

Из этого следует вывод, что если умысел виновного на убийство из корыстных побуждений возник до совершения нападения и эта цель достигнута, то данное деяние следует квалифицировать лишь как убийство из корыстных побуждений и дополнительная квалификация – разбой не требуется. Насилие, опасное для жизни для жизни и здоровья, причиняемое в процессе умышленного убийства выступает лишь как способ лишения жизни потерпевшего.

---

[1] Гаухман Л. Квалификация разбоя // Советская юстиция. 1971 г. № 1. С. 20.

[2] Кардава А. Соотношение умышленного убийства из корыстных побуждений и разбоя // Советская юстиция, 1976 г. № 4. С.12.

Абисова Кристина Сергеевна,
преподаватель-методист группы
профессионального обучения
учебного отдела Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Деятельностный подход в исследовании террористических форм преступного поведения

Одной из наиболее актуальных современных глобальных проблем всего человечества является преступность. По мере развития человечества развивается и преступность: появляются новые виды преступлений, совершенствуются способы совершения преступлений, в преступную деятельность вовлекаются новые слои на селения, возрастает организованность преступной деятельности. Поражают темпы и масштабы развития транснациональной преступности [1]. Терроризм представляет собой один из наиболее массовых и общественно опасных видов преступной деятельности, отражающий все указанные негативные тенденции и характеристики актуального состояния преступности.

Являясь частью правовой реальности, а так же ключевой криминологической категорией, преступность представляет собой массовое, системное, криминальное (уголовно запрещенное) поведение части членов общества. Интегрирующим, фундаментальным признаком данного феномена, отображающего его как системную целостность является уголовно-запрещенное поведение человека[2].

Поведение человека – форма проявления его осознанной активности. Утверждение о том, что человек формируется в процессе биопсихологической и социальной эволюции, основой которой является деятельность в различных ее формах, можно признать аксиомой [3]. Поскольку возникновение и развитие социальных систем является продуктом человеческой активности, постольку и преступность в широком социальном контексте реализуется через проявление этой активности – деятельности человека.

---

[1] Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 22.

[2] Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 6–7.

[3] Каган М.С. Человеческая деятельность (опыт системного анализа). М.: Полит-издат, 1974. С. 52–56.

Деятельность носит системный характер и подчинена общей мотивации в рамках единой программы поведения, и заключается в изменении и преобразовании внешнего мира и самого деятеля[1].

Характерная черта современной общественной жизни людей заключается в том, что она проявляет себя только через их деятельность, имеет различные виды и формы и направлена на преобразование объективной природной и социальной действительности. Познание преступности, основанное на изучении предметной деятельности человек, способствует углублению знаний о природе преступного поведения и возможных мерах и направлениях превенции и минимизации его проявлений.

Преступная деятельность представляет собой систему преступных и тесно связанных с ними до преступных и пост криминальных деяний, объединенных общим мотивом[2]. Рассматривая преступность как разновидность предметной деятельности, проявляющейся в системе других видов социальной активности, можно найти объяснение такому виду насильственной, идеологически мотивированной преступности как терроризм.

Предметно-практическая сторона терроризма находит своё отражение в террористической деятельности, которая направлена на реализацию идей и целей терроризма. Криминологически значимой является необходимость восприятия террористической деятельности не как разрозненных преступных актов, а напротив как системного человеческого поведения.

Террористическая деятельность отличается среди всей массы форм криминального поведения своей сложностью. Террористическая деятельность представляет собой не только совершение определенных видов преступлений, но и включает в себя допреступные и посткриминальные деяния.

Это подтверждает широкий круг преступлений террористического характера, предусмотренных УК РФ – это деяния направленные на: вовлечение в совершение преступлений террористического характера и иное содействие террористической деятельности, непосредственно совершение террористического акта, публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма, захват заложников, заведомо ложное сообщение об акте терроризма, создание террористического сообщество или организацию его деятельности, организацию незаконного вооруженного формирования или участие в нем и пр.

---

[1] Зелинский А.Ф. Криминальная психология. К.: Юринком Интер, 1999. С. 84–88.

[2] Шеслер А.В., Шеслер С.С. Криминальный профессионализм: понятие и признаки // Gaudeamus Igitur. 2015. № 2. С. 72.

В целом, весь массив преступлений, в том числе террористического характера, выступает, как социальная, в частности криминальная, практика людей и проявляется в конкретной предметной деятельности. Если абстрагироваться от формально-оценочной стороны преступных деяний, то с точки зрения формы и механизмов взаимодействия с социальной средой, преступления ничем не отличаются от других видов социальной активности человека. В общепринятом понимании термин «практика» означает целесообразную и целенаправленную деятельность любого субъекта общественных отношений, которую субъект осуществляет для достижения определенной цели. Таким образом, практика – это и есть деятельность, определенный уровень ее социальной организации.

Деятельность имеет культурно-историческую природу и возникает как способ воспроизводства социальных процессов, самореализации человека, его связей с окружающим миром. Любая сфера социальной практики является определенным видом человеческой деятельности [1]. Социальные практики (вся деятельность человека в его историческом развитии) в современном экспоненциально развивающемся обществе нередко трансформируются в уголовно-запрещенные социальные практики, как отражение социальной аномии.

Данное законодателем в примечании 2 к статье 205.2 УК РФ определение понятия «террористическая деятельность» хотя и имеет ряд существенных недостатков, наиболее полно отражает совокупность преступлений террористического характера, определяющих сущность данной категории, охватывающей, в том числе и преступные деяния по «культивированию» и распространению идеологии терроризма, а также «практику терроризма» в целом[2].

Важно подчеркнуть, что социальные практики являются базой, на которой строится общество. На основе социальных практик формируются социальные институты как взаимосвязанные наборы социальных практик с особым предметным характером деятельности.

Преступность в социальном и психологическом аспектах предстает, прежде всего, как продукт деятельности человека, результат его социальной активности и проявляется в массовых повседневных практиках, которые можно обозначить термином «криминальные практики». Последние в силу своей широкой распространенности фактически в ряде случаев предстают как социальные институты[3].

---

[1] Андреева Г.М. Социальная психология. М.: МГУ, 1980.

[2] Игнатов А.Н. Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 84.

[3] Давыдов В.В., Громыко Ю.В. Теория деятельности и социальная практика [Электронный ресурс] // Доклад на III Международном конгрессе по теории деятельности / Альманах «Восток». 2005. Вып. 7/8 (31/32). С. 70.

Исходя из указанного, можно сформулировать вывод, что криминальная практика – это распространенный вид социальной практики, специфического социального опыта, запрещенный уголовным законом. Криминальная практика приобрела черты конкретной предметной деятельности, содержанием которой является совершение таких деяний, которые сейчас и в определенном социокультурном пространстве запрещены уголовным законом. Отсюда, необходимо подчеркнуть принципиальную важность деятельностного подхода по анализу процессов развития конкретных видов социальной практики.

Таким образом, эволюция преступного поведения террористов достигла сегодня такого уровня, что его невозможно рассматривать как отдельные поведенческие акты, а необходимо воспринимать как разновидность преступной деятельности, охватывающей в своем системном единстве соответствующие формы допреступного, преступного и посткриминального поведения. Более того, стабильность, системность и массовость террористических криминальных практик свидетельствует о тенденции институализации терроризма в современном социуме.

Аведян Аркадий Аведикович,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

О ненасильственном характере оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ)

Статья 319 УК РФ предусматривает ответственность за публичное оскорбление представителя власти при исполнении им своих должностных обязанностей или в связи с их исполнение. Среди ученых существуют диаметрально противоположные взгляды относительно насильственного характера оскорбления представителя власти, равно как и относительно целесообразности установления уголовной ответственности за данное деяние вообще.

Так, И.Е. Сулейманова относит преступление, предусмотренное ст. 319 УК РФ, к группе насильственных преступлений, посягающих на порядок управления, на основании того, что данные действия являются разновидностью способов психического насилия информационного характера и, соответственно, способны причинить потерпевшему психическую травму. А, учитывая то, что данные действия совершаются в отношении представителя власти и непосредственно в связи с его законной

деятельностью публично, они причиняют вред порядку управления[1]. Отметим, что, исходя из того, что клевета также содержит элементы психического насилия, данный автор, предлагает криминализировать клевету в отношении представителя власти в связи с исполнением им своих должностных обязанностей[2].

Оскорбление представителя власти заключается, как отмечает А.Г. Брагина, в негативной оценке не личности потерпевшего в целом, а именно личности представителя власти и осуществляемой им профессиональной деятельности, которая является для виновного лица воплощением системы государственного принуждения как таковой[3]. Как преступление в сфере порядка управления, оскорбление представителя власти может иметь общественную опасность исключительно в случае совершения данного деяния публично. В свою очередь, согласно уголовно-правовой доктрине, в случае, когда оскорбление нанесено при отсутствии посторонних, но впоследствии стало им известно со слов виновного, потерпевшего или иных лиц, о публичности не может быть и речи[4]. Если исключить из рассматриваемого состава преступления такой его конструктивный признак, как публичность, то из единственным объектом данного преступления будет выступать честь и достоинство частного лица, поскольку, как верно утверждает П.А. Филиппов, оскорбление представителя власти, совершенное в условиях отсутствия третьих лиц, нанести вред авторитету органов власти никаким образом не может[5].

Относя оскорбление представителя власти к числу ненасильственных преступлений против исполнительной власти, сопряженных с посягательством на личность, Г.А. Агаев обосновывает это тем, что вред интересам государственной власти, ее авторитету может быть причинен в данном случае только тогда, когда власть в лице своего представителя унижена в глазах неопределенного количества людей. В свою очередь, при непубличном оскорблении представителя власти затрагивается только честь и достоинство самого потерпевшего, т. е. может иметь место преступление против личности, предусмотренное ст. 130 УК РФ, поскольку «представитель власти, и особенно сотрудник право-охранительного органа, по своим деловым и моральным качествам должен

---

[1] Сулейманова И.Е. Насильственные преступления против представителей власти в сфере порядка управления: уголовно-правовое и криминологическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Уфа, 2015. С. 28.

[2] Там же. С. 15.

[3] Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2006. С. 8.

[4] Сулейманов М.Х. Уголовно-правовая борьба с преступлениями, посягающими на деятельность представителей власти и общественности по охране общественного порядка: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Ташкент, 1984. С. 99.

[5] Филиппов П.А. Публичность как обязательный признак оскорбления представителя власти // Уголовное право. 2017. № 6 С. 65–68.

быть способным спокойно переносить такие действия, и не может допустить того, чтобы в результате оскорбления снизилась его активность в исполнении служебных обязанностей»[1].

По мнению П.А. Филиппова, признание общественной опасности деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ и его криминализация вообще являются безосновательными и объяснимо скорее давними правовыми традициями, нежели объективно существующими однозначными и явными основаниями криминализации. Учитывая то, то установление уголовной ответственности за оскорбление представителя власти при отсутствии уголовной ответственности за оскорбление частных лиц, противоречит конституционному принципу равенства, предусмотренное ст. 319 УК РФ деяние следует декриминализировать[2]. Исследования судебной практики показывают, что оскорбление сотрудники полиции как представителя власти (осуществляемое преимущественно (82,9% случаев) в форме нецензурной брани либо оскорбительных словесных выражений (16,06%) не может нарушить его деятельность. В ответ на оскорбление сотрудники продолжают осуществлять свою нормальную (законную) деятельность, в том числе деятельность, направленную на задерживание оскорбивших их лиц с целью дальнейшего привлечения последних к установленной уголовным законодательством ответственности[3].

Учитывая существенный превентивный (относительно иных преступлений против представителей власти) потенциал ст. 319 УК РФ и не вступая в полемику относительно целесообразности установления уголовной ответственности за оскорбление представителя власти, мы можем утверждать о ненасильственном характере данного деяния.

Оскорбление представителя власти, по мнению Е.В. Смолякова, «состоит в унижении чести и достоинства представителя власти, под которым следует понимать отрицательную оценку личности, сопровождающуюся негативной эмоциональной реакцией потерпевшего»[4]. При этом оскорбление может повлечь, как указывает А.Г. Брагина, общественно опасные последствия, в частности, «моральный вред, проявляющийся в возникновении у потерпевшего дискомфортного

---

[1] Агаев Г.А. Преступления против порядка управления: проблемы теории и практика применения законодательства: автореф. дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. Санкт-Петербург, 2006. С. 11, 30.

[2] Филиппов П.А. О необходимости декриминализации уголовной ответственности за оскорбление представителя власти (ст. 319 УК РФ) // Балтийский гуманитарный журнал. 2017. № 3. С. 365–371.

[3] Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2017. С. 213–214, 216.

[4] Смоляков Е.В. Уголовно-правовое противодействие преступлениям, посягающим на здоровье, честь и достоинство представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Краснодар, 2015. С. 12.

состояния, сопровождающегося такими отрицательными эмоциями, как страх, переживания, чувство незащищенности, обида, возмущение, горе, чувство утраты. … Последствия данных действий зависят от различных факторов: способа оскорбления (словесного, письменного, действием); количества лиц, присутствовавших при оскорблении или которым стало известно об оскорблении; особенности личности потерпевшего»[1].

Рассмотрение оскорбления представителя власти как проявления психического насилия, способного причинить потерпевшему – представителю власти психическую травму, по нашему убеждению, является несостоятельным в силу следующего.

Во-первых, при оскорблении представителя власти негативная оценка дается не конкретной личности, а лицу, олицетворяющему власть, являющемуся ее носителем и ее реализующему. Тот факт, что общественная опасность оскорбления представителя власти имеет место исключительно в случае совершения данного деяния публично свидетельствует о его направленности против авторитета органов власти, а не против личности конкретного представителя власти.

Во-вторых, оскорбление не способно причинить представителю власти психическую травму, что обусловлено, как самим характером информационного воздействия при оскорблении, так и личностными характеристиками лиц, являющимися представителями власти.

В соответствии с приведенным выше и разделяемым нами подходом к пониманию и определению насилия [2] , таковым является такое противоправное энергетическое (физическое) и/или информационное (психическое) воздействие на человека, которое способно причинить ему смерть, физическую и/или психическую травму, а также ограничить свободу его волеизъявления или действий. Независимо от каких-либо факторов НЕВОЗМОЖНО расценивать как психическую травму негативную эмоциональную реакцию потерпевшего, выражающуюся в таких отрицательных эмоциях, как страх, обида, гнев, переживания, чувство незащищенности, чувство утраты, горе и пр. Причем, письменная или словесная форма, равно как и количество лиц, присутствовавших при оскорблении, или которым стало известно об оскорблении либо какие-либо другие факторы, на наш взгляд, не влияют на «травматичность» оскорбления.

Что касается оскорбления действием, то среди ученых данный вопрос является актуальным и спорным. Мы полностью разделяем

---

[1] Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2006. С. 195–200.

[2] Игнатов А.Н. О насилии, его видах и их уголовно-правовом отражении // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2016. № 4 (37). С. 59–65; Игнатов А.Н. Насилие как способ совершения преступления: понятие и сущность // Форум права. 2010. № 3. С. 144–151.

позицию ученых, что оскорбление представителя власти может быть осуществлено путем физического воздействия, поскольку такое воздействие «может выражать явно отрицательную оценку (отношение) к личности потерпевшего, но только с одной оговоркой: оскорбление действием не должно причинить физическую боль потерпевшему» [1]. В случае, когда различного рода оскорбительные действия (пощечина, таскание за волосы или части тела, попадание на кожные покровы и в глаза жидкостей, срывание одежды, забрасывание предметами, и т. п.) имеют травматичный характер и как минимум причиняют физическую боль потерпевшему, такого рода действия необходимо рассматривать как применение насилия, не опасного для жизни или здоровья, и квалифицировать по ст. 318 УК РФ.

Что же касается особенностей личности потерпевшего, то выполнение лицом функций представителя власти, в частности служба в правоохранительных органах, определяет наличие соответствующих личностных качеств (моральная и стресс устойчивость и пр.), позволяющих надлежащим образом выполнять свои служебные функции, в том числе в экстремальных ситуациях. Как констатирует А.Г. Брагина, «представители власти нередко действуют в условиях, когда любые противоправные действия в их адрес не осуждаются, а оправдываются даже теми, в чьих интересах они действуют»[2]. Действительно, такого рода ситуации, к сожалению, часто являются неотъемлемым фоном несения службы сотрудниками правоохранительных органов, что учитывается при морально-психологической и служебно-боевой подготовке последних. Поэтому наличие необходимых (в том числе с точки зрения профессиональной пригодности к службе) личностных качеств у лица, являющегося представителем власти исключают возможность причинения ему вреда в виде психической травмы посредством информационного воздействия в форме оскорбления, составляющего объективную сторону деяния, предусмотренного ст. 319 УК РФ.

Таким образом, ненасильственный характер оскорбления представителя власти определяется направленностью данного деяния против авторитета органов власти , а не против личности конкретного представителя власти (о чем свидетельствует установление уголовной ответственности за его совершение исключительно при наличии признака публичности), а также самим характером информационного воздействия при оскорблении и личностными характеристиками лиц, являющимися представителями власти.

---

[1] Филиппов П.А. Преступления против порядка управления: теоретико-прикладные проблемы и доктринальная модель уголовного закона: дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08. М., 2017. С. 217.

[2] Брагина А.Г. Уголовная ответственность за оскорбление представителя власти: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. Красноярск, 2006. С. 196–197.

Акаева Ксения Альбертовна,
преподаватель кафедры криминологии
и уголовно-исполнительного права
Уральского юридического института МВД России

Детерминанты преступности несовершеннолетних и особенности личности несовершеннолетнего преступника

На протяжении многих лет проблема преступности несовершеннолетних вызывает научный и практический интерес, как со стороны ученых, так и со стороны правоохранительных органов.

Изучение преступлений, совершенных несовершеннолетними имеет свои особенности. Одним из важных аспектов изучения преступности несовершеннолетних является изучение личности преступника.

Понятие «личность преступника» законодательно не закреплено, но исходя из научных взглядов можно проанализировать суть данного понятия.

В.Н. Кудрявцев определяет понятие «личность преступника» как личность любого человека, виновно совершившего общественно опасное деяние, запрещенное законом под угрозой уголовного наказания[1].

По мнению В.И. Адвийского «личность преступника» – это абстрактное операционное понятие, включающее в себя главные черты и свойства, присущие тем, кто совершил уголовно наказуемое деяние[2].

Ю.А. Воронин понятие «личность преступника» понимает, как совокупность типичных социальных, психологических и нравственных характеристик лиц, совершивших преступления вследствие деформированного нравственного и правового сознания, негативной социальной направленности[3].

Соответственно, большинство ученых определяют специфической чертой «личности преступника» – ее антиобщественную направленность и общественную опасность, именно это и отличает преступников от законопослушных граждан.

Полагаем, что наиболее интересным на наш взгляд является определение сформулированное Ю.А. Ворониным, так как оно наиболее полно отражает признаки этого термина и раскрывает причины совершения преступления.

При рассмотрении личности преступника несовершеннолетнего необходимо большое внимание уделять возрасту. Ведь именно в

---

[1] Кудрявцев В.Н. Криминология: Учебник. М.: Юр. Норма, НИЦ ИНФРА-М, 2015. С. 151.

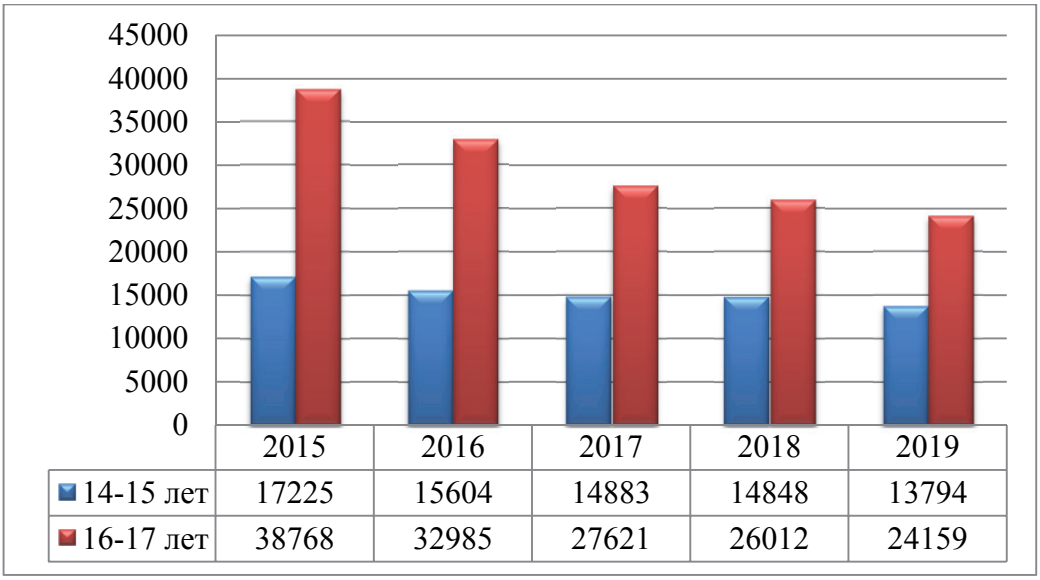
[2] Авдийский В.И. Криминология: учебник для бакалавров. М.: Юрайт, 2015. С. 101.

[3] Воронин Ю.А. Введение в криминологию. Курс лекций. М.: Флинта,2008. С. 82.

подростковом возрасте меняется структура личности: биологические, психические, психологические и нравственные изменения.

Возрастной период несовершеннолетнего подразделяется на две группы: 14–15 лет и 16–17 лет. Данные две группы во многом различаются по криминологическим показателям. Коэффициент преступности в 14–15 лет значительно ниже, чем в 16–17 лет.

Так, согласно официальной статистике ГИАЦ МВД России с 2014 по 2019 год наблюдается тенденция снижения количества несовершеннолетних лиц, совершивших преступление в обеих группах.



	2015	2016	2017	2018	2019
14-15 лет	17225	15604	14883	14848	13794
16-17 лет	38768	32985	27621	26012	24159

Рис. 1. Возрастной критерий несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в период с 2015–2019 гг. в Российской Федерации

В группе 14–15 летних доля лиц, которые совершили кражу, грабеж, причинение вреда средней тяжести выше. Среди 16–17 летних – доля лиц, совершивших убийство, изнасилование, умышленное причинение тяжкого вреда здоровью выше.

Благодаря такому признаку, как пол можно определить гендерные особенности данного вида преступности.

Согласно наблюдениям, несовершеннолетние преступники женского пола составляет 9%,что говорит о существенном преобладании несовершеннолетних мужского пола в совершении преступлений.

Так, доля совершенных убийств между женщинами и мужчинами несовершеннолетнего возраста составляет 1/11; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью – 1/35. Если учитывать такой признак, как пол, то мы можем сделать вывод о том, что преступность несовершеннолетних мужского пола значительно превышает преступность женского пола, особенно при совершении насильственных преступлений.

Согласно проведенным исследованиям учеными, наблюдается значительный рост преступности несовершеннолетних женского пола, в некоторых регионах выступают на одном уровне с «взрослой» женской преступностью – 13–17%[1].

Что касается преступлений, совершенных учащимися либо студентами в период с 2015 по 2019 г., то в целом наблюдается тенденция снижения. Однако в 2015 году наблюдается рост выявленных учащихся/студентов, совершивших преступления (39 536, +3,2; 71,4%)[2]. Начиная с 2016 по 2019 год наблюдается снижение: 2016 год – 35 028 (-12,4%); 2017 год – 31 158 (-10,0%); 2018 год – 30 598 (-3,2); 2019 год – 28 468 (-7,0%). Удельный вес от общего числа выявленных несовершеннолетних: 2016 год – 72,1%; 2017 год – 74,2%; 2018 год – 74,6%; 2019 год – 75%.

Таким образом, активные меры профилактики должны быть направлены именно на эту категорию несовершеннолетних (учащихся и студентов).

Также следует отметить, что одним из основных особенностей личности несовершеннолетнего преступника является низкий уровень образования. Более 35% несовершеннолетних имеют лишь основное общее образование (менее 10-ти классов), 3% – имеют начальное или среднее профессиональное образование, а остальные полное общее образование (все 11 классов).

Большая часть несовершеннолетних не получила образования, полагаем, что причиной является плохая успеваемость, нежелание учиться, конфликты с преподавателями и сверстниками либо антиобщественное поведение.

Лица, совершившие преступление в подростковом и юношеском возрасте в редких случаях прекращают свою преступную деятельность. Согласно опросу несовершеннолетних, отбывающих наказания в воспитательных колониях, который предоставлен в учебном пособии под редакцией В.Я. Кикотя всего 70% воспитанников и 75,5% воспитанниц, отбывавшие наказание в воспитательных колониях первое преступление совершили до 16 лет[3]. Уже 53,5% юношей и 48,7% девушек имеют 2–3 и

---

[1] Ережипалиев Д.И. Преступность несовершеннолетних на современном этапе развития российского общества // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 99.

[2] Сведения о лицах, совершивших преступления на территории России по итогам 2015 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», раздел 1, форма 492. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16 (дата обращения: 07.09.2020).

[3] Кикоть В.Я., Лебедев С.Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительных органов». М.: ЮНИТИ-ДАНА,2017. С. 197.

более судимостей. На сегодняшний день данная категория несовершеннолетних значительно меньше совершают преступления. В сравнении с 2015 годом (14 208; +0,8%; 25,1%) в 2019 году наблюдается тенденция снижения преступлений, совершенными лицами, ранее отбывавшие наказание (9 357; -6,8%; 24,7%)[1].

Показатели преступности несовершеннолетних, совершенных в соучастии возрастают в целом до 48-50% (учитывая в группе и взрослых).

Так, например распространенная в настоящее время движение «Арестанский уклад един» (АУЕ), провозглашающее «равенство всех перед единым тюремным законом». Участники придерживаются уголовных понятий, признают авторитетов преступного мира, насильственно навязывают свое мнение сверстникам, проецируя на взаимоотношения тюремные поведенческие схемы.

В структуре преступности несовершеннолетних совершенных при их соучастии 3% составляет умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, менее 3% – умышленные убийства с покушениями, изнасилования – около 8%[2].

На общем фоне динамики снижения числа несовершеннолетних лиц, совершивших преступления в составе группы (соучастия) наблюдается снижение данного показателя. Однако исключением составляет 2015 год, в котором наблюдается рост числа несовершеннолетних, совершивших преступления в составе группы (соучастия).

Таблица 1

Динамика изменения количества несовершеннолетних, совершивших преступления в составе группы (соучастие) в Российской Федерации в 2014–2018 гг.

Год	Количество	+ / - в %	Удельный вес %
2015	23 348	3,3	42,2
2016	21 463	-9,2	44,2
2017	19 889	-7,3	46,8
2018	19 508	-1,9	47,7
2019	17 882	-8,3	47,1

Особое внимание заслуживает такой признак личности преступника, как нравственно-психологическая характеристика. Он выражает отношение преступника к обществу, определяет его ценности, устои, а

[1] Сведения о лицах, совершивших преступления на территории России по итогам 2018 г. // ФКУ «Главный информационно-аналитический центр Министерства внутренних дел Российской Федерации», раздел 1, форма 492. [Электронный ресурс]. URL: http://10.5.0.16. (дата обращения: 07.09.2020).

[2] Бурлаков В.Н. Криминология: учебное пособие. СПб.: Питер, 2013. С. 123.

также к социально положительным ролям, на что могут повлиять на психовозрастные особенности несовершеннолетних[1].

Н. А. Коломытцев выделяет такие негативные качества несовершеннолетнего преступника, как: агрессия, грубость, упрямость, нечувствительность, эмоциональная неуравновешенность, тщеславие, ослабление чувства стыда[2].

В данном случае речь идет о возрастных особенностях несовершеннолетнего, то есть о криминогенной деформации. Эмоциональная неуравновешенность наблюдается чаще всего у подростков с задержкой умственного развития, психопатиями, неврозами. В большинстве случаев они связаны с неблагоприятными условиями жизни и воспитания. Следует, отметить, что большинство несовершеннолетних преступников уверенны в своей безнаказанности.

Исходя из анализа соответствующей картины личности несовершеннолетнего преступника, мы можем говорить о том, что основные причины и условия лежат в самой личности, и соответственно предлагаем раскрыть в данном параграфе.

Процесс воспитания и формирования личности, несомненно, во многом зависит от семьи и родителей. Большая часть несовершеннолетних преступников воспитываются в неблагополучных семьях и подвергаются насилию, ненависти, агрессии со стороны своих родителей. В таких семьях проявляются скандалы, пьянство, наркомания, а также отсутствуют нравственные устои и культура. Такое аморальное поведение родителей приводит несовершеннолетнего к совершению с особой жестокостью преступлений, в том числе насильственного характера.

Из-за неблагоприятных условий в семье, ежегодно большое количество подростков уходит из дома. Соответственно, вытекает следующая причина – безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних. Ведь ребенок, уйдя из дома, находит поддержку среди «подобных себе». И вместе они начинают осуществлять аморальный и бесконтрольный образ жизни, который в итоге приведет к девиантным поступкам.

Даже если ребенок из благополучной семьи, он также может находиться в плохом окружении вне дома. Причиной такого поведения несовершеннолетнего является отсутствие должного контроля за поведением ребенка, так как родители заняты трудовой деятельностью и не способны контролировать своего ребенка вне дома, а также

---

[1] Кикоть В.Я., Лебедев С.Я. Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов, обучающихся по направлениям подготовки «Юриспруденция» и «Правоохранительных органов». М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017. С. 199.

[2] Коломытцев Н.А. Личность преступника, как криминологическая проблема // Диалог. 2016. № 3. С. 47.

психологическое давление со стороны сверстников в школе, во дворе, в спортивных и культурных секциях. Таким образом, еще одним из криминогенных факторов является окружение несовершеннолетнего.

Еще одной из специфичных причин девиантного поведения несовершеннолетнего является организация досуга. Ведь на сегодняшний день многие детские оздоровительные лагеря, санатории закрыты, либо присутствует высокая стоимость путевки в детский лагерь либо санаторий.

Также одной из наиболее распространенных причин выступает катастрофическое положение организацией досуга по месту жительства. Многие детские учреждения, кружки, организации и отряды прекратили свое существование, а помещения, принадлежавшие им, передаются в аренду коммерческим структурам.

Таким образом, ввиду отсутствия должной организации досуга несовершеннолетних, проявляется следующая причина – средства массовой информации, а также интернет-пространство, в частности «социальные сети», а также компьютерные игры, фильмы о насилии и жестокости, которые негативно влияют на психическое состояние несовершеннолетнего, что в последствии приводит к совершению противоправные деяний.

Исходя из этого, следует сказать, что вышеуказанные причины и условия в определенной степени поддаются нейтрализации и регулировании. Но для того, чтобы все же снизить условия, способствующих совершению преступлений необходимо формировать в молодежи нравственное воспитание.

На основе проведенного анализа значительного эмпирического материала Главного информационно-аналитического центра Министерства внутренних дел Российской Федерации по итогам 2019 года, портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации нами исследованы особенности личности несовершеннолетнего преступника, его социально-демографические (пол, возраст, образование), уголовно-правовые (преступление, совершенное в группе и единолично) и нравственно-психологические черты (установки, убеждения и мотивы), исходя которых выделены основные криминологические особенности личности несовершеннолетнего преступника, которые можно представить следующим образом. Несовершеннолетний преступник – это, как правило, лицо в возрасте 14–17 лет, учащийся либо студент, не имеющий постоянного источника дохода, совершающее преступление в результате отрицательного давления со стороны взрослых, обладающий, как правило, враждебностью, беспризорностью, обладающий особой жестокостью, внушительностью и эмоциональной неуравновешенностью.

Следует отметить, что недостаток внимания, неблагополучное воспитание, домашнее насилие, безнадзорность и беспризорность, отсутствие организации досуга, а также влияние СМИ и интернета –

являются основными факторами вовлечения несовершеннолетних в преступную деятельность и условиями, которые способствуют криминологической девиации несовершеннолетних.

Акопов Сурен Межлумович,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Анализ обоснованности законодательного решения о дифференциации мошенничества в специальных нормах Уголовного кодекса Российской Федерации

С момента дополнения Уголовного кодекса Российской Федерации специальными составами мошенничества, в доктрине уголовного права не утихает дискуссия относительно обоснованности данных нововведений, с точки зрения их актуальности, теоретической и практической значимости. Оценка последних, на наш взгляд, должна производиться посредством анализа доводов и обоснований, представленных авторами соответствующего законопроекта и нашедших отражение в содержании служебного документооборота, сопровождающего законотворческую деятельность, в частности, в содержании пояснительной записки к законопроекту о дифференциации мошенничества на отдельные составы.

Анализируя содержания пояснительной записки[1] к законопроекту № 53700-6, «о дифференциации мошенничества на отдельные составы» подготовленной Верховным Судом России, как автором рассматриваемого законопроекта[2], буквально соответствующей содержанию официального отзыва ВС РФ на данный законопроект[3], представляется возможным оценить актуальность, степень обоснованности дифференциации мошенничества на отдельные составы, а также соответствие предполагавшихся в обосновании законопроекта № 53700-6 и действительных уголовно-правовых последствий Федерального закона от

[1] Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» (в части дифференциации мошенничества на отдельные составы)» // http://sozd.duma.gov.ru/download/74A1FF66-826B-4D7F-8587-062D3617B2A3.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 05.04.2012 № 6 «О внесении в Государственную Думу Федерального Собрания Российской Федерации проекта Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации»// http://www.consultant.ru.

[3] Письмо Верховного Суда РФ от 25.05.2012 № 2-ВС-2733/12 «О проекте Федерального закона № 53700-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и иные законодательные акты Российской Федерации» // URL: http://www.consultant.ru.

29.11.2012 № 207-ФЗ. При этом представляется необходимым отдельно оценить изложенные в пояснительной записке к законопроекту общее обоснование актуальности и значимости нововведений и частные доводы о необходимости дополнения УК РФ специальными антимошенническими нормами, позволяющими дифференцировать мошенничество на отдельные составы. Обозначенный алгоритм оценки доводов, представленных авторами законопроекта, предопределяется структурой сопровождающей его пояснительной записки: в ней отдельно приводятся общие обоснования актуальности и значимости дифференциации мошенничества на отдельные составы и частные доводы о необходимости дополнения УК РФ конкретными специальными антимошенническими нормами.

Обосновывая актуальность проектных поправок, ВС РФ на стр. 1 в абз. 1, 2 пояснительной записки, указывает, что «Ежегодно за совершение мошенничества в целом по Российской Федерации осуждается более 25 тысяч лиц» и при этом приводит статистику, свидетельствующую, что число осужденных за мошенничество в период с 2009 по 2011 годы снижается значительными, порядка 10%, темпами: «по статье 159 УК РФ за мошенничество в 2011 г. было осуждено 25 557 лиц, … в 2010 г. – 29 056, в 2009 г. – 32 229 лиц)».

С нашей точки зрения, ни уровень преступности, ни ее положительная и даже отрицательная динамика сами по себе не обуславливают актуальности вопроса о внесении изменений в действующее законодательство без разъяснения причин, характеризующих вышеобозначенные статистические показатели. Актуальность рассматриваемого редактирования закона могла бы быть действительно обоснованной статистическими данными о том, что на фоне неуклонного и весьма значительного снижения числа обвинительных приговоров за мошенничество такими же темпами растет и число оправдательных приговоров по реабилитирующим основаниям, что (хотя бы косвенно) свидетельствовало бы о необходимости изменения законодательства, но авторы законопроекта на такую статистику не ссылаются.

Представляется, что приведенная статистика, свидетельствующая о сокращении числа осужденных за мошенничество, может в одинаковой степени обосновывать как, с одной стороны, необходимость внесения поправок в Уголовный кодекс, содержательно не обеспечивающий решение стоящих перед ним задач, так и, с другой стороны, недопустимость таких поправок и вмешательства в отлаженную работу эффективного механизма борьбы с преступностью.

Говоря об актуальности предлагаемой дифференциации мошенничества, авторы законопроекта указывают (стр. 1, абз. 2, 3 пояснительной записки): что «Действующая редакция статьи 159 УК РФ, предусматривающая уголовную ответственность за мошенничество, в том числе в сфере экономики, фактически воспроизводит по существу

аналогичную норму УК РСФСР.С развитием в стране экономических отношений, модернизацией банковского сектора, развитием отрасти страхования, инвестиционной деятельности, информационных и промышленных технологий и предоставлением новых видов услуг неизбежно появляются новые схемы, способы хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество. … закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий».

С нашей точки зрения, ссылка на то, что состав мошенничества в УК РФ фактически воспроизводит признаки мошенничества, регламентированные УК РСФСР, сама по себе не свидетельствует об устаревании законодательства, но, напротив, может свидетельствовать об обоснованности и безупречности выработанных теорией и практикой устоявшихся правовых позиций в законодательном описании составообразующих признаков известного с давних времен преступления.

Кроме того, в обобщенном виде вышеприведенная аргументация актуальности редактирования норм о мошенничестве основывается на том, что, якобы, устаревшие нормы УК РФ не обеспечивают решения стоящих перед ним задач ввиду того, что «появляются новые схемы, способы хищения чужого имущества» и общий состав мошенничества «не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий». Кроме того, в абз. 3 на стр. 4 пояснительной записки авторы указывают, что «Деяния, ответственность за которые предлагается установить в статьях 1593–1596 УК РФ … не являются столь распространенными как иные, предусмотренные законопроектом, однако отрасль страхования, инвестиционная деятельности активно развиваются, информационные технологии стремительно внедряются в нашу жизнь, в том числе в финансовый сектор экономики».

Удивительно, но еще в XIX – начале XX века классики русского уголовного права, борясь с «многословием» законодательства, ратуя за необходимость перехода «от конкретного в пользу общего» в процессе разработки Нового уголовного уложения 1903 г., ссылались на ту же самую аргументацию, но приходили к выводам, диаметрально противоположным мнению авторов рассматриваемого законопроекта, но, на наш взгляд, абсолютно обоснованным умозаключениям.

Так, в частности, Д.А. Червонецкий отмечал, что «…формы обманной преступности крайне изменчивы и разнообразны… Преступники новейшей формации, прибегающие в своей деятельности к уточненным способам обмана и пользующиеся нередко самим кодексом закона для

того, чтобы на законном основании получать имущественную выгоду, легко могут ускользать от репрессий вследствие пробелов в законе. Отсюда – необходимость в законодательстве такого общего понятия мошенничества, которое являлось бы для судьи надежным орудием борьбы со всевозможными проявлениями современной обманной преступности. Еще в 1804 году Фейербах писал: «Ничто так не является необходимым, как общее понятие о мошенничестве, которое послужило бы судье верным руководством в лабиринте возможных случаев»»[1].

И.Я.Фойницкий в 1871г. отмечал, что «История нашего права каждым своим шагом свидетельствует, что прогресс законодательства относительно мошенничества состоял в постепенном отрешении от конкретного в пользу общего»[2]. Известные ученые признавали «практически бесполезным … пересмотр постановлений … относительно мошенничества с целью согласования их с прогрессом финансовых, промышленных и торговых отношений, имевших место в течение последнего века». Приоритетной признавалась «задача, завещанная историей: … «довести историческое развитие до конца» путем объединения всех имущественных обманов в общем понятии мошенничества»[3]. «Установление … единого понятия мошенничества взамен казуистики действующего законодательства, отвечая потребностям судебной практики, вместе с тем, является вполне рациональным, с уголовно-политической точки зрения. Социальная сторона мошенничества – его рост и вширь и вглубь общественной жизни, разнообразие форм и видов обманной преступности… Но мошенничество – преступление будущего: в социально-экономических условиях развивающейся жизни коренятся ростки новой обманной преступности. Для борьбы с такой преступностью недостаточны казуистические постановления, – законодатель не в состоянии предусмотреть все формы обмана, какие создаст жизнь; необходимы общие формулы мошенничества, которые не оставляли бы в законе пробелов в пользу преступников наиболее ловких и опасных»[4].

Таим образом, актуальность дифференциации мошенничества на виды, обосновываемая авторами законопроекта тем, что «появляются новые схемы, способы хищения чужого имущества», с нашей точки зрения, весьма сомнительна.

---

[1] Червонецкий Д.А. Мошенничество по уголовному уложению. Юрьев: тип. К. Маттисена, 1906. 25 с.; стр. 7. [Электронный ресурс] URL: https://dlib.rsl.ru/viewer/01003740086#?page=10.

[2] Фойницкий И.Я. Мошенничество по русскому праву: Сравн. исслед. Ив. Фойницкого, представл. в Юрид. фак. С.-Петерб. ун-та для получения степ. магистра прав. Санкт-Петербург: тип. т-ва «Обществ. Польза», 1871. VIII, 256, 289 с. С. 82.

[3] Червонецкий Д.А., указ. раб. С. 14–15.

[4] Там же. С. 16.

Дифференциация мошенничества на виды – есть (цитируя классиков) «иррациональный, с уголовно-политической точки зрения», «практически бесполезный пересмотр постановлений относительно мошенничества с целью согласования их с прогрессом финансовых, промышленных и торговых отношений», забирающий «у судьи надежное орудие борьбы со всевозможными проявлениями современной обманной преступности», поскольку «законодатель не в состоянии предусмотреть все формы обмана, какие создаст жизнь». «Необходимы общие формулы мошенничества, которые не оставляли бы в законе пробелов в пользу преступников наиболее ловких и опасных». Соглашаясь с приведенными высказываниями известных ученых, считаем, что убеждения авторов законопроекта о достаточной обоснованности его актуальности ссылкой на постоянно изменяющиеся виды мошенничеств – есть результат логической ошибки в стремлении побороть болезнь посредством борьбы с ее проявлениями и симптомами. Такое «лечение», как правило, приводит к результатам, противоположным ожидаемым.

Подобные логические ошибки представляются роковыми в любой сфере деятельности. Так, например, аналогичную ошибку допускали военные авиаконструкторы. Анализируя расположение и концентрацию пробоин на вернувшиеся с боевого вылета штурмовиках, авиаконструкторы пытались дополнительной броневой защитой укрыть те части самолета, которые имели максимальную концентрацию пробоин. В результате вес штурмовика увеличивался, что влекло снижение его скорости, маневренности и вынуждало снижать полезную нагрузку, отказавшись от части вооружения и боеприпасов. Логическая ошибка состояла в том, что не нужно было дополнительно защищать какие бы то ни было части вернувшихся штурмовиков, поскольку, выполнив боевую задачу, они вернулись на свой аэродром. Анализу должны были подлежать самолеты, которые были уничтожены ПВО противника, чтобы установить нуждающиеся в дополнительной броневой защите места критических повреждений, повлекшие гибель штурмовика.

Представляется, что цель совершенствования или модернизации какой-либо системы не должна подменять собой изначальные цели и задачи, стоящие перед такой системой. Актуальность совершенствования какого-либо механизма может быть обусловлена только его неработоспособностью или, как минимум, низкой эффективностью. Решение какой бы то ни было задачи, будь то броневая защита самолета, избавление от неприятных или «стыдных» симптомов болезни, равно как и совершенствование системы уголовно-правовых норм, с нашей точки зрения, не являются и не могут подменять главных целей таких устремлений – обеспечить живучесть боевой машины, победить болезнь, защитить объекты уголовно-правовой охраны и предупредить преступления научно- и логически обоснованными средствами.

Неопровергнутая эффективность существующих средств, с нашей точки зрения, исключает актуальность и логическую обоснованность их совершенствования.

В абз. 4, 5 на стр. 1 пояснительной записки отмечается, что «закрепленный в Уголовном кодексе Российской Федерации состав мошенничества не в полной мере учитывает особенности тех или иных экономических отношений, а также не позволяет обеспечить на должном уровне защиту интересов граждан, пострадавших от мошеннических действий. … указанные преступления совершается в самых различных сферах общественных отношений, затрагивают интересы, как отдельных граждан, так и больших групп граждан и причиняют общественным отношениям существенный вред». Далее, опровергая свой же вывод, в абз. 5 на стр. 4 пояснительной записки, Верховный Суд подтверждает эффективность общей номы о мошенничестве: «действующая редакция статьи 159 УК РФ охватывает все случаи хищения чужого имущества или приобретения права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием». Приведенные взаимоисключающие выводы, на наш взгляд, исключают обоснованность актуальности и практической значимости дифференциации мошенничества на отдельные составы.

Воспроизводя определение общего состава мошенничества, авторы законопроекта указывают (абз. 3 стр. 2 пояснительной записки), что «данная норма не предполагает возможности привлечения к ответственности лиц, совершающих правомерные гражданско-правовые сделки». После этого авторы законопроекта буквально воспроизводят содержание абз. 3 и 4 п. 2 Определения Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 61-О-О[1], в котором КС РФ аргументировано доказывает, что мошенничество под прикрытием гражданско-правовой сделки полностью охватывается основным составом мошенничества. Те, в обобщенном виде аргументация сводится к следующему: «К сожалению, ст. 159 УК не предусматривает ответственности за ущерб, причиненный в результате правомерной гражданско-правовой сделки и КС РФ это подтверждает». Логичным выводом из данной посылки было бы предложение о криминализации предпринимательства, как такового, но, естественно, законопроект такового не предусматривает.

Представляется, что приведенная аргументация актуальности проектного редактирования УК явно свидетельствует об обратном: статья 159 УК РФ не требует редактирования, поскольку, как установлено Конституционным Судом РФ, ст. 159 УК РФ и в действующей редакции

[1] Определение Конституционного Суда РФ от 29.01.2009 № 61-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб гражданина Сухарева Александра Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 147 Уголовного кодекса РСФСР и статьей 159 Уголовного кодекса Российской Федерации» // http://www.consultant.ru.

охватывает содержание мошенничества, совершенного под прикрытием правомерных гражданско-правовых отношений.

Как указано в пояснительной записке (абз.1 стр. 2), «настоящий проект федерального закона подготовлен с учетом … результатов проведенного Верховным Судом Российской Федерации совещания с участием верховных, краевых, областных и равных им судов, а также изучения … приговоров по делам о мошенничестве, анализа высказанных судьями позиций относительно необходимости установления в отдельных статьях Уголовного кодекса Российской Федерации ответственности за различные виды мошенничества». Представляется, что вступившие в силу приговоры, вынесенные судьями, одновременно считающими необходимым изменять содержание уголовно-правовых норм о мошенничестве, должны были сопровождаться частными определениями или постановлениями, вынесенными в порядке ч. 4 ст. 29 УПК РФ, о том, что «при судебном рассмотрении уголовного дела выявлены обстоятельства, способствовавшие … нарушению прав и свобод граждан». В защиту законопроекта было бы логичным привести статистику о том, что «в связи с отсутствием состава или события преступления в 2011 году было прекращено уголовное преследование такого-то числа лиц, обвинявшихся в мошенничествах, содержащих признаки проектных ст. 159.1–159.6 УК РФ, но ответственность за которые не охватывается содержанием ст. 159 УК РФ». Такая статистика, безусловно, обосновывала бы актуальность реформирования законодательства. Вместе с тем, такой статистики не приводится и не указывается, изучались ли частные определения и постановления о нарушении прав и свобод граждан положениями уголовно-правовых норм о мошенничестве, подобные запросу Салехардского городского суда о конституционности положений ст. 159.4 УК РФ[1]. Более того, во взаимосвязи с презумпцией законности, справедливости и обоснованности не отмененного судебного решения, отсутствие таких разъяснений свидетельствует о необоснованности предлагаемой «дифференциации мошенничества на отдельные составы».

Таким образом, представляется, что процессы представления и обсуждения законопроекта № 53700-6 «о дифференциации мошенничества по составам», нашедшего практическую реализацию в положениях Федерального закона от 29.11.2012 № 207-ФЗ о дополнении Уголовного кодекса России частями 5–7 статьи 159 УК РФ, а также статьями 159.1–159.6 УК РФ характеризовались существенными нарушениями принципов законодательной технологии. Представленный на обсуждение

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 11.12.2014 № 32-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 159.4 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с запросом Салехардского городского суда Ямало-Ненецкого автономного округа» // Официальный интернет-портал правовой информации http://www.pravo.gov.ru.

законопроект не имел должных обоснований актуальности, а также теоретической и практической значимости предлагаемых нововведений. Обоснование актуальности совершенствования антимошеннических норм УК РФ характеризуется логической противоречивостью и непоследовательностью, что позволяет усомниться в обоснованности дифференциации мошенничества на отдельные составы.

Алексеева Елена Эдуардовна,
адъюнкт Академии управления МВД России

К понятию нравственности как фундаментальной основы уголовного судопроизводства Российской Федерации

За свое существование Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации претерпел немало изменений. Того требовали как складывающаяся политическая, так и криминогенная обстановка в стране. Внесенные изменения коснулись различных сторон жизни общества, в том числе, они затронули и процессуальную деятельность следственных органов, складывающейся в сфере раскрытия и расследования преступлений в сфере экономики.

Для построения демократического общества руководством нашей страны был выбран основным направлением своей деятельности создание правового государства, что нашло свое закрепление в Конституции Российской Федерации. Однако при реализации построения возникли существенные трудности, к которым можно отнести неразвитость гражданского общества, которая во многом известна ошибками реформаторов начала 1990-х годов (политическая неструктурированность общества), правовой нигилизм, медленное развитие рыночного хозяйства, что не даёт свободу предпринимательству; не обеспечение равенства граждан перед законом и судом, которые прописаны на бумаге[1].

Отсутствие правовой культуры в обществе напрямую зависит от уровня культуры самого общества, а оно, как известно, руководствуется в жизни такими категориями, как мораль и нравственность, и поэтому построение правового государства невозможно без них.

Так, в послании Федеральному Собранию, Владимир Путин определил основой государственного устройства всей страны нравственность человека и справедливость социальных отношений, и предупредил: «Общество решительно отторгает спесь, хамство, высокомерие и эгоизм, от кого бы всё это ни исходило, и всё больше ценит

[1] Чиглинцева А.А. Основные проблемы развития правового государства в России // Журнал Актуальные исследования. 2020. № 10 (13). С. 1.

такие качества, как ответственность, высокая нравственность, забота об общественных интересах, готовность слышать других и уважать их мнение»[1].

Нельзя не отметить, что нравственные постулаты, ценности прочно вошли и в деятельность правоохранительной системы Российской Федерации. Так, в своем выступлении заместитель Министра МВД России А.А. Гостев указал, что становление Российского государства, обеспечение законности и правопорядка в стране невозможно без постановки вопросов нравственного воспитания, вопросов этики поведения любого руководителя, в том числе руководителя-сотрудника органов внутренних дел[2].

В борьбе с преступностью, охраной правопорядка, нравственности отводится особая роль. Если рассматривать значимость нравственности в направлении борьбы с преступностью, то можно заметить, что оценка гражданами своих действий и действий работников правоохранительных органов с точки зрения морально – нравственных категорий нередко переплетается с оценкой эффективности работы уголовного и уголовно-процессуального характера. Так, Томин В.Т. пишет: «Я не назову следователя или оперативного работника безнравственным, если он с целью изобличения подозреваемого, введет его в заблуждения. (Неэтичным будет, если следователь прямо соврёт). Я назову деятельность следователя или оперативного уполномоченного безнравственной, если они не будут изобличать преступников, если они под влиянием неспецифичной этики окажутся не в состоянии делать это»[3]. Поэтому нравственность нужно расценивать как средство достижения целей не только уголовного судопроизводства, но и для целей достижения всей правоохранительной системы России в целом по защите и обеспечению правопорядка в обществе и государстве, поскольку эти категории позволяют реализовать в полной мере права человека и гражданина при минимуме ущемления законных интересов лиц, вовлеченных или вовлекаемых в уголовное судопроизводство. Таким образом, нравственные категории, выступая своеобразным буфером между обществом и государством, способно повлиять на разумное разрешение возникших противоречий между интересами достижения уголовно – правовых и уголовно – процессуальных целей и правами и свободами граждан, которые оказались его участниками.

---

[1] Послание президента Российской Федерации [Электронный ресурс]. URL: http://www.kremlin.ru/acts/bank/41550 (дата обращения: 30.10.2020).

[2] Выступление заместителя Министра МВД России генерал-полковника полиции А.А. Гостева [Электронный ресурс]. URL: http://petrovka-38.com/arkhiv/item/etika-sotrudnika-politsii-v-sovremennykh-usloviyakh (дата обращения: 30.10.2020).

[3] Томин В.Т., Поляков М.П., Попов А.П. Очерки теории эффективного уголовного процесса / под ред. проф. В.Т. Томина. Пятигорск, 2000. С. 11.

Обращаясь к категории «нравственность», которая не всегда понимается однозначно, необходимо сказать, что в самом общем смысле она понимается как моральное качество человека, некие правила, которыми руководствуется человек в своём выборе[1]. То есть нравственность выступает основа формирования личности, его внутренних установок, принципов и качеств, определяющих его поведение в жизни и обществе.

Необходимо отметить, что некоторыми исследователями (А.И. Бродский, А.А. Гусейнов, А.Ю. Смирнов и др.) категория «нравственность» рассматривается в контексте также существующих категорий как «мораль», «этика», «культура» [2], что указывает на многогранность этой категории, о ее всеохватываемости и проникновении во сферы жизнедеятельности человека, общества и государства, а также подобное деление указывает на междисциплинарный характер «нравственности». Об этом говорит и И.Р. Чинкин, предлагая для раскрытия базовых характеристик «нравственности» обратиться к такой нравственной категории как «мораль». По мнению, например, Н.В. Продановой рассмотрение нравственности требует междисциплинарного подхода, т. к. само понятие нравственности имеет междисциплинарный статус[3]. В связи с чем, необходимо все же определить место морали в системе нравственности ввиду неоднозначности и множественности подходов к определению.

Исходя из определения понятия нравственности в широком смысле определенного как особая форма общественного сознания и вид общественных отношений, где мораль тождественна понятию нравственности. В более узком смысле, понятие нравственности используется для обозначения части или уровня морали в целом, при этом под нравственностью в ряде случаев подразумевают внутреннюю или интериоризированную сторону морали, в то время как последняя рассматривается как внешняя по отношению к индивиду[4].

Согласно философскому словарю синонимом «нравственности» также является «мораль»[5]. Между тем, подобное отождествление этих категорий не всегда было таковым. Так, по определению Гегеля, который разграничивал понятия «нравственность» и «мораль», считал что «мораль – это сфера реальной свободы, в которой субъективная воля полагает себя

---

[1]Апресян Р.Г. Нравственность // Новая философская энциклопедия. М.: Мысль, 2000. Т. 3. С. 23.

[2] Смирнов А.Ю. Этноментальные характеристики российского правосознания в контексте глобализирующегося общества: монография. Ставрополь: Изд-во СевКавГТУ, 2011. С. 135.

[3] Белоножко Л.Н. Средства массовой информации в системе духовно-нравственного развития личности: автореф. дис. ... канд. социолог. наук. Тюмень, 2017. С. 18.

[4] Мораль, нравственность // Краткий философский словарь / под. ред. М. Розенталя и П. Юдина. М.: Гос. изд-во политической литературы, 1952. С. 305–306.

[5] Философская энциклопедия. М.,1970. Т. 5. С. 499.

так же, как и объективная воля, свободная не только в себе, но и для себя, как рефлексия самосознания к добру, как совесть; нравственность – есть идея свободы, как живое добро, которое в своем самосознании имеет свое знание, а через его действование свою действительность, равно как самосознание имеет в нравственном бытии свою в себе и для себя сущую основу и движущую цель; нравственность есть понятие свободы, ставшее наличным миром и природой самосознания»[1].

Подход к отождествлению понятий «морали» и «нравственности» остается превалирующим и в наши дни, в связи с чем, с подобным подходом диссертант согласен и необходимости в выделении морали в отдельную категорию не требуется.

По мнению А.М. Герасимова: «Нравственность – это учение о добре, его возможностях по формированию духовных и социальных качеств человека и гражданина, основанных на идеях свободы, равенства, справедливости и позволяющих ему (человеку и гражданину) обеспечить личные интересы без ограничения общественных благ»[2].

Как верно указывает И.Ю. Фомичев, в современном обществе происходит институционализация моральной нормативности как одного из атрибутов профессиональной деятельности, что отражает наметившееся в общественном сознании представление о должном как основе нравственного благополучия социума[3].

Конституционно закрепленные нормы в статьях, разделах и главах приравнивают нравственность с фундаментальными ценностями, как основы конституционного строя, обеспечение достойной жизни, обеспечение обороны страны и безопасности государства. Для носителей государственной и общественной власти нравственные ориентиры воплощаются в характере полномочий, обязательствах по защите прав и свобод человека и юридической ответственности[4]. В связи с чем, нравственность как конституционная ценность – это фундаментальная гуманитарная ценность, закрепляемая в конституции в системе других ценностей, являющихся объектом конституционной защиты и одновременно ограничителем поведения, запрещенного нормами конституционного права[5].

---

[1] Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.: ред. и сост. Д.А. Коримов и В.С. Нерсесянц; авт. вступ. ст. и примеч. В.С. Нерсесянц. М.: Мысль, 1990. С. 524.

[2] Герасимов А.А. Нравственность в уголовном праве России: автореф. дис… канд. юр. наук. Саратов, 2006. С. 7.

[3] Фомичев И.Ю. Профессиональная этика как постмодернистская форма институционализации морали. Тюмень: ТИУ, 2016. С. 198.

[4] Магадов Ш.Р. Нравственность как конституционная ценность Российской Федерации: автореф. дис. … канд.юр.наук. М., 2006. С. 10.

[5] Там же С. 9–10.

Как видно, «нравственность», есть фундаментальная основа, которая регулирует не только поведение человека внутри жизни общества, но и направляет само общество по определенному пути развития, став гарантом его защиты. Одновременно выступающая сдерживающим фактором человеческого поведения в целях обеспечения стабильного существования и развития государственности в России.

Алихаджиева Инна Саламовна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовно-процессуального права
и криминалистики
Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)

О соотношении нравственности и уголовного права: осмысление теоретических подходов

Правовые и философские воззрения на то, что есть право и нравственность, какова их взаимосвязь, взаимодействие и взаимообусловленность, подвергались на протяжении столетий заметному переосмыслению. В научных трудах при анализе их соотношения превалируют два подхода – ценностно-этический и социально-регулятивный или предлагается методология, сочетающая в себе их элементы[1].

В рамках первого право и нравственность рассматриваются как явления, связанные друг с другом содержательно и логически. Исходя из этико-философской традиции, вместе с правом нравственность как общечеловеческая ценность вобрала в себя основанные на многовековом опыте поколений представления о добре и зле. Справедливо утверждение Е.А. Лукашевой о том, что «право – категория этическая, и не может быть права, к которому неприложимы были бы моральные оценки, прежде всего с позиций добра, зла, честного, бесчестного и др.»[2].

Второй же подход основан на общности регулятивных функций двух феноменов и присущей им нормативности. Исторически право возникает как бы для компенсации «недостаточности» морали [3]. Как пишет

[1] Костин Ю.В. Проблемы соотношения права и нравственности в современной юридической науке // Ученые записки ОГУ. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2008. № 1. С. 219.

[2] Лукашева Е.А. Право, мораль, личность / отв. ред. В.М. Чхиквадзе. М.: Наука, 1986. С. 120.

[3] Сурия Пракаш Синха. Юриспруденция. Философия права. Краткий курс / пер. с англ. В.М. Ашмарина. М.: Академия, 1996. С. 86.

О.И. Цыбулевская, «право как регулятор человеческого поведения «вырастает» из норм нравственности. На разных этапах своего развития правовые регуляторы почти сливались с моральными. И продолжалось это в течение довольно длительного периода. Только со временем право оформилось в законодательство и писаную судебную практику»[1].

Существующие научные позиции относительно понимания соотношения права и нравственности позволяют условно дифференцировать их на четыре группы:

Первая включает идею о том, что право есть абсолютное отражение норм нравственности, нравственность и право органически едины. Как отмечал Н.И. Хлебников, «бесполезно отыскивать различие права от нравственности, т. е. от идей добра и справедливости… Полное отделение их немыслимо, ибо доброе, справедливое и правовое находятся в постоянной связи, составляя элементы единого духа. То, что мы первоначально сознаем как доброе, т. е. как должное, но добровольно исполняемое, мы затем смотрим на это как на справедливое, и кончаем тем, что делаем его правовым»[2]. Г.В. Мальцев утверждал, что социально-историческое и культурное развитие человечества гораздо больше говорит нам о единстве морали и права, чем об их противоположности[3]. Напротив, критикуя такой подход, И.В. Михайловский указывал, что он реализуется в полицейском государстве, ибо «чреват чрезмерным расширением прав государства за счет прав личности, жизнь человека во всех ее мелочах является предметом государственной регламентации. Государство, руководствуясь принципом общего блага и заботой о благополучии каждого гражданина, присваивает себе право принудительно проводить в жизнь нравственные начала (например, наказывать за нежелание работать, за неоказание помощи нуждающимся)»[4].

Ко второй относится теория пересечения правовых норм и нравственных воззрений, на что указывали зарубежные и русские мыслители и современные отечественные правоведы[5]. Так, в работе

---

[1] Цыбулевская О.И. Нравственные основания современного российского права / под ред. Н.И. Матузова. Саратов: Изд-во Саратовской гос. акад. права, 2004. С. 21.

[2] Хлебников Н.И. Право и государство в их обоюдных отношениях. Исследование о происхождении, сущности, основных началах и способах развития цивилизации вообще. Варшава: Типография Варшавского жандармского округа, 1874. С. 52.

[3] Мальцев Г.В. Соотношение нравственности, морали и права в философии Гегеля и современность. М., 1977. С. 143.

[4] Михайловский И.В. Очерки философ. Т. 1. Томск ии права: В.М. Посохин, 1914. С. 32; Его же. История философии права / под ред. Д.А. Керимова. СПб.: Санкт-Петербургский университет МВД РФ, 1998. С. 147.

[5] Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект / под ред. С.Ю. Наумова. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2003. С. 128; Ершов Ю.Г. Философия права: учебное пособие. Екатеринбург: Изд-во Урал. академии гос. службы, 2011. С. 52.

«Социально-этическое значение права, неправды и наказания» Г. Еллинек писал: «Право есть только часть нравственности, которая составляет необходимое условие данного общественного порядка. Соблюдение таких нравственных требований только желательно, а не необходимо: это своего рода этическая роскошь»[1]. По его мнению, право объединяет в себе нравственные нормы, необходимые в данную эпоху для существования народа, а потому государство их гарантирует посредством превращения нравственности в право. Право основано не на внешнем принуждении, а внутреннем убеждении людей в разумности, целесообразности, моральности юридических норм. Право никогда не предписывает совершения безнравственных действий.

Это свойство права в русской философии выразил В.С. Соловьев. «Право позитивное (выраженное в форме актов власти) и естественное (нравственность, обычаи, мораль), – подчёркивал он, – дополняют друг друга. Право есть не нравственность вообще, а лишь нижний ее предел, но именно это и делает право осуществимым на общеобязательном уровне»[2]. В духе диалектики всеединства он полагал, что «право является инструментом всеобщей организации нравственности, выступает в качестве принудительного требования реализации определенного минимального добра, определенного минимума нравственности», или «этического минимума»[3].

Вслед за В.С. Соловьевым А.С. Ященко, сторонник теории этического минимума, объяснял свою позицию тем, что «право есть лишь наиболее закрепленное и гарантированное осуществление нравственных требований. Жизнь и силу свою общественная нравственность получает в полном энергии и властною мощью обладающем праве»[4]. Русский юрист и философ, он подвергал критике параллелизм права и нравственности ввиду некорректности их логического анализа, ибо сопоставлять нормы права и нравственности позволительно в условиях одной эпохи и одной социальной среды[5].

Ту же позицию образно изложил Е.Н. Трубецкой, полагавший, что право и нравственность не совпадают, а пересекаются как две окружности: «Нравственные предписания объемлют в себе часть права; с другой стороны, предписания правовые обнимают в себе часть нравственности; но

---

[1] Еллинек Г. Социально-этическое значение права, неправды и наказания. М.: Издание Н.Н. Клочкова, 1910. С. 48.

[2] Соловьев В.С. Право и нравственность. Минск: Харвест, М.: АСТ, 2001. С. 33.

[3] Соловьев В.С. Оправдание добра: нравственная философия. Сочинения: В 2 т. Т. 1 / сост., общ. ред. и вступ. ст. А.Ф. Лосева и А.В. Гулыги; примеч. С.Л. Кравца. М.: Мысль, 1988. Т. 1. С. 262.

[4] Ященко А.С. Философия права Владимира Соловьева. Теория федерализма. Опыт синтетической теории права и государства. СПб.: Алетейя,1999. С. 76.

[5] Ященко А.С. Указ. соч. С. 84.

вместе с тем существует множество таких нравственных требований, которые не имеют правового значения, и много таких правовых норм, которые или вовсе не имеют нравственного содержания или даже прямо безнравственны»[1].

Г.Ф. Шершеневич усматривал взаимопересечение нравственности и права в том, что «они лежат в одной плоскости. Оба нормируют поведение человека в отношении других людей с социальной точки зрения. Оба принимают во внимание как социальный результат поведения, так и мотивы поведения. Оба имеют социальное происхождение и социальную поддержку. Но нравственность вырабатывается только обществом, тогда как право, хотя и может вырабатываться тем же путем (обычное право), но способно вырабатываться и особыми общественными органами (закон)»[2].

И.В. Михайловский считал право и нравственность самостоятельными, влияющими друг на друга сферами, и отрицал их противоположность. По его мнению, правовые и нравственные нормы имеют одинаковую природу и цель – достижение добра, они дополняют друг друга и обеспечивают взаимное прогрессивное развитие. Право во многом способствует отмиранию архаических, отживших норм морали. Давая позитивную оценку теории этического минимума, которая «неотразимо доказала, что часть нравственных норм представляет собой вместе с тем и нормы юридические», И.В. Михайловский в то же время полагал, что она не учитывает огромную массу юридических норм, не имеющих никакого отношения к нравственности. Отвергавший какую-либо перспективу полного обретения правом нравственного содержания, он писал: «Жизнь дает примеры юридических норм, не только безразличных с точки зрения нравственности, но и прямо противных нравственности, безнравственных. Укажем для примера на регламентацию проституции и домов терпимости. Мы берем юридические нормы современного права и сравниваем с ними нравственные воззрения современных людей. Не подлежит сомнению, что эти воззрения относятся, безусловно, отрицательно и к факту продажи своего тела женщиной, и к факту покупки его, т. е. превращения личности в средство для удовлетворения животной страсти. Могут быть разные мнения относительно «свободной любви», но тут все мнения сходятся: проституция – дело безнравственное. Что же, неужели мы скажем, что государство, разрешая дома терпимости и регламентируя проституцию, реализует этим минимум половой нравственности? Сложные мотивы,

[1] Трубецкой Е.Н. Труды по философии права. СПб.: Издательство Русского Христианского гуманитарного Института, 2001. С. 306.

[2] Шершеневич Г.Ф. Общая теория права: учебное пособие (по изданию 1910–1912 гг.). М.: Юридический колледж МГУ, 1995. С. 15.

заставляющие государство так поступать, лежат в другой плоскости, ничего общего с нравственностью не имеющей»[1].

Вслед за И.В. Михайловским П.И. Новгородцев, разделяя утверждение о том, что право есть минимум требований, предъявляемых обществом к лицу, не признавал право полным воплощением нравственности. В некоторых случаях право противоречит нравственным нормам, и к его области могут относиться не только действия, безразличные с нравственной точки зрения, но даже и запрещаемые нравственностью. Право «никогда не может всецело проникнуться началами справедливости и любви. Не будучи всецело нравственным, право дает известный простор личным интересам и стремлениям, даже эгоистическим и своекорыстным. Нравственность, напротив, представляет собой воплощение альтруистических начал, в связи с чем ее требования имеют более всеобъемлющий и безусловный характер. Вместе с тем ни право без нравственности, ни нравственность без права не могут рассчитывать на прочное существование и развитие», что подтверждает их неразрывную внутреннюю связь[2].

Третья основана на противоречии права и нравственности. Абсолютную противоречивость правовых положений нравственности отмечал в своих трудах русский писатель Л.Н. Толстой. Он считал право безусловным злом и явлением безнравственным, так как оно прибегает к принуждению, т.е. насилию над человеком. Он призывал к неисполнению государственных законов: «Когда закон человеческий требует того, что противно закону божескому, человек не может и не должен повиноваться»[3]. Наиболее вредным для общественного блага Л.Н. Толстой считал закон уголовный. «Законы правительств, так называемые уголовные законы, – указывал мыслитель, – более всего другого поддерживают в народе суеверие разумности мести. Ничто не препятствует столько улучшению общественного устройства, как предположение о том, что такое улучшение может быть достигнуто государственными законами, исполнение которых утверждается наказаниями. Деятельность эта – как установления законов, так и наказания за неисполнение их – более всего отвлекает людей от того, что может действительно содействовать улучшению их жизни, а именно – от нравственного совершенствования» [4] . А потому все несогласное с требованиями нравственности в действующих правопорядках не есть

[1] Михайловский И.В. Очерки философии права. С. 32.

[2] Новгородцев П.И. Право и нравственность // Правоведение. 1995. № 6. С. 107.

[3] Толстой Л.Н. Путь жизни. Сборник / сост., коммент. А.Н. Николюкин. М.: Высш. шк., 1993. С. 213.

[4] Толстой Л.Н. Указ. соч. С. 224.

право[1], и если закон противоречит нравственности, он подлежит либо отмене, либо несоблюдению.

В рамках четвертой признается автономность права и нравственности при отрицании их единства и возможной взаимосвязи. Характерной особенностью научного диспута мыслителей конца XIX века являлось и опровержение какой-либо общности права и нравственности, что выводилось посредством различных свойств двух явлений. Право возникает и существует как частное право, независимое от морали и государства.

Отрицание нравственности юридических установлений привело к широкому распространению идеи о ее превосходстве над правом. При отстаивании самостоятельности права, его несводимости к нравственности Б.Н. Чичерин критиковал ошибочные, по его мысли, суждения В.С. Соловьева. Право «не есть только низшая ступень нравственности, как утверждают морализующие юристы и философы, а самостоятельное начало, имеющее свои собственные корни в духовной природе человека. Эти корни лежат в потребностях человеческого общежития». Такой подход «лишает право самостоятельного значения и делает его слугой нравственности, что ведет к нежелательным последствиям – к принудительному осуществлению нравственных начал. Принудительная нравственность – это уже безнравственность»[2].

В этико-правовых исследованиях Л.И. Петражицкий признавал право ценностью, которое выше нравственности, и критиковал те учения, согласно которым право является низшим по отношению к нравственности[3]. Напротив, приверженность теории о праве как минимуме нравственности объяснялась ее сторонниками принуждением, отдалявшим его от нравственных требований, не допускающих насилие и обеспечивающих реализацию своих предписаний иными средствами[4].

Об ошибочности подобного подхода к нормативно-ценностному регулятору, коим является нравственность, пишет и Ю.Г. Ершов: «С этой точки зрения нравственные представления о принципах права способны подменить право разнообразными и противоречивыми представлениями о добре и зле, справедливом и несправедливом»[5].

---

[1] На этой точке зрения стояли защитники старого естественного права. См.: Кузнецов К.А. Очерки по теории права. Одесса: Издание А.А. Ивасенко, 1915. С. 55; Соловьев В.С. Предварительные замечания о праве вообще // Власть и право: из истории русской правовой мысли / сост. А.В. Поляков, И.Ю. Козлихин. Л.: Лениздат,1990. С. 99.

[2] Чичерин Б.Н. Философия права. СПб.: Наука, 1998. С. 79.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. СПб.: Лань, 2000. С. 132.

[4] Чебыкин И.К. О проблеме нравственности в русской философско-правовой мысли // Вестник КрасГАУ. 2011. № 3. С. 179.

[5] Ершов Ю.Г. Указ. соч. С. 80.

С.С. Алексеев отвергал научный тезис о превосходстве нравственности над правом, поскольку «…наряду с общепринятой и передовой моралью существует и порой сохраняет крепкие позиции мораль отсталая, архаичная, фиксирующая порядки, отвергнутые историей и прогрессом… Идея первенства морали, ее безграничного превосходства может внести неопределенность в общественную жизнь, стать оправдательной основой для произвольных действий. … С учетом этого обстоятельства, а также максималистской императивности морали, ее известной неопределенности, расплывчатости, ее прямой зависимости от многих факторов духовной и политической жизни – с учетом всего этого сама идея приоритета морали над правом может вести и на практике ведет к ряду негативных последствий – к утверждению идей патернализма, вмешательства всесильного государства во имя добра и справедливости в частную жизнь»[1].

Анализируя сложившиеся в науке подходы к соотношению права и нравственности, следует отметить, что правы, на наш взгляд, те представители философско-правовой мысли, которые разделяют идею о тесной взаимосвязи двух феноменов. Их взаимное соприкосновение и пересечение есть условие эффективной правовой регуляции в социуме. Право, по нашему убеждению, выполняет одну из основополагающих функций – функцию защиты нравственных ценностей и при том является мерилом их социальной значимости как более всего нуждающихся в охранении им. Право отлично от нравственности принудительной составляющей и репрессивные нормы как экстраординарная мера, облечённая в юридическую форму, всецело оправдываются идеей оберегания нравственности как общего блага, как общественного интереса.

Достичь отражения в праве абсолютного максимума всех нравственных норм теоретически возможно, однако тотальное возведение нравственности в ранг права приведет к возмездию за вольнодумство, внутренние намерения и желания[2]. Вся история человечества убедительно показывает, что моралистическая законность не только не способствует нормальной жизни общества, а наоборот оказывает разрушительное воздействие на экономику, политическую и духовную жизнь людей[3]. Для недопущения подобного в правотворческом процессе законодатель должен придерживаться принципа баланса нравственного и правового регулирования общественных отношений, избегая антинравственных новелл.

---

[1] Алексеев С.С. Философия права: история и современность, проблемы, тенденции, перспективы. М.: НОРМА, 1999. С. 62.

[2] Цыбулевская О.И. Злоупотребление правом как нравственная проблема // Вестник ВолГУ. 2003. № 6. С. 58.

[3] Ершов Ю.Г. Указ. соч. С. 80.

Таким образом, нравственно-правовая концепция о соприкосновенности двух феноменов включает четыре типа их взаимодействия: единство (тождественность); взаимопересечение (право часть нравственности, его «этический минимум»); противоречивость; автономия (самостоятельность). Из них верной является позиция о частичном пересечении права и нравственности, их взаимном дополнении друг друга. Соотношение нравственности и права находит свое выражение в том, что нравственность представляет собой совокупность духовных абсолютов, идеалов и идей, определяющих характер отношений между людьми в соответствии с выработанными человечеством понятиями о добре и зле, справедливом и несправедливом, достойном и недостойном. Право же путем внешнего принуждения пытается устранить угрозу представляющего опасность нарушения нравственных постулатов как общечеловеческих ценностей. Закрепление в праве норм нравственности означает обязанность следования им под страхом применения санкций. В иных случаях поддержание нравственных предписаний, не подкрепленное правом, остается без его принудительной силы и основывается на внутренней убежденности личности сознательно следовать духовно-нравственным требованиям.

Исследование теоретических воззрений о соотношении нравственности и уголовного права позволило сделать следующие выводы:

1. Не каждое деяние, помещенное в УК, можно отнести к безнравственному, так или иначе посягающему на добродетель. В дореволюционной, советской и российской теории соотношение морали и уголовного права являлось предметом активной дискуссии. К примеру, А.А. Герцензон считал аморальность пятым признаком преступления[1]. Его позицию разделял Н.Д. Дурманов[2]. Развивая эту мысль, Н.Ф. Кузнецова писала, что все без исключения преступления аморальны, хотя «близость соприкосновения их со сферой аморальной различна»[3]. И.И. Карпец указывал, что общественно опасное есть одновременно безнравственное, так как оно мешает достижению тех целей, которые стоят перед государством[4]. Г.А. Кузнецов идентифицировал правовую норму как

[1] Герцензон А.А. Понятие преступления в советском уголовном праве. М.: Госюриздат, 1955. С. 51.

[2] Дурманов Н.Д. Понятие преступления / отв. ред. М.Д. Шаргородский. М., Л.: Изд-во АН СССР, 1948. С. 229.

[3] Кузнецова Н.Ф. Уголовное право и мораль. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1967. С. 50.

[4] Карпец И.И. Уголовное право и этика. М.: Юрид. лит. 1985. С. 91.

норму нравственную[1]. А.Ф. Шишкин выражал уверенность в том, что закон осуждает то, что осуждает и мораль[2].

Противники такой позиции опровергают утверждение о безнравственности всех преступлений и аргументируют это тем обстоятельством, что законодатель может отклониться от подлинно моральной оценки криминализируемого деяния, которое в результате этого не воспринимается как общественно опасное поведение[3]. Н.С. Таганцев утверждал: «Преступное не может и не должно быть отождествлено с безнравственным: такое отождествление, как свидетельствуют горькие уроки истории, ставило правосудие на ложную стезю: вносило в область карательной деятельности государства преследование идей, убеждений, страстей и пороков, заставляло земное правосудие присваивать себе атрибуты суда небесного»[4]. «Без использования определенного минимума безнравственных средств, – отмечал В.С. Устинов, – общество не может обойтись. В связи с этим я не могу, как Л.Н. Толстой, отрицать права на существование уголовной кары, так же как власти и государства. Я лишь выступаю против ложного постулата «законно – значит нравственно». Но использование безнравственных средств должно быть обставлено жестким частоколом демократических процедур и общественного контроля… хотим мы или не хотим, но все законы, даже основанные на понимании права как справедливости, не могут быть нравственными. И эта тяжелая необходимость служит фактором, будоражащим нашу совесть, способствует поиску эффективных нравственных средств борьбы со злом»[5].

Критическое переосмысление российского исторического прошлого показывает: на протяжении многих десятилетий в действующее законодательство были введены формы поведения, вредности для общества с точки зрения нравственности не представляющие. Многие из уголовно-правовых запретов служили инструментом для произвола, массовых репрессий, расправы с инакомыслием, а потому, на наш взгляд, воспринимать безусловно все нормы уголовного закона как соответствующие фундаментальным нравственным ценностям нельзя.

Приравнивать норму права к нравственной норме представляется неверным и потому, что сфера безнравственного значительно шире сферы

---

[1] Кузнецов Г.А. Нравственно-правовое воспитание подростков. Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 1989. С. 12.

[2] Шишкин А.Ф. Основы коммунистической морали. М.: Госполитиздат, 1955. С. 40.

[3] Никулин С.И. Нравственные начала уголовного права. М.: Изд-во УМЦ при ГУК МВД РФ, 1992. С. 12.

[4] Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть Общая: В 2 т. Т. 1. М.: Наука, 1994. С. 40.

[5] Законодательство Российской Федерации: теоретические вопросы, проблемы и перспективы («Круглый стол» журнала) // Государство и право. 1992. № 10. С. 11.

преступного. Преступление есть крайняя форма повышенно опасного безнравственного поведения, однако причислить к преступному все безнравственное невозможно. Н.С. Таганцев объяснял это тем, что «заповеди нравственности субъективны, а нормы права объективны, нормы права даются извне, суть же норм нравственности – жизненный уклад, сложившийся сообразно с развитием человека, со средой, в которой он родился и живет. Поэтому преступное не может и не должно быть отождествляемо с безнравственным»[1].

2. Нормы нравственности отражаются на эффективности уголовно-правовых норм. Гармоничность нравственности и права, их взаимопроникновение отражаются на эффективности запретов уголовного закона. Эффективность права вообще теоретики обусловливают, прежде всего, воплощением в нем нравственных идей и принципов, совпадающих с общечеловеческими началами[2]; внутренним единством права и морали[3]; внутренней моральностью права[4]. Справедливо утверждение А.М. Герасимова о том, что «императивный характер свойственен уголовному законодательству, нравственная обусловленность которого становится гарантией позитивной направленности всей совокупности уголовно-правовых норм и положений. Напротив, отсутствие нравственной составляющей в уголовном законе стимулирует всевозможные злоупотребления со стороны субъектов уголовно-правовых отношений, препятствуя осуществлению охраны интересов личности, общества и государства от преступных посягательств, а также предупреждению преступлений»[5].

Усматривая прямую зависимость между нравственными основаниями уголовного права и его эффективностью, А.И. Бойко пишет, что уголовный закон «в состоянии исполнять общественные надежды лишь в том случае, если в его регламентах полно и без фальши отражены общечеловеческие представления о добре и зле, допустимом и необходимом, справедливости воздаяния. В его запретах должны фиксироваться те поступки, которые давно заклеймены господствующей

---

[1] Таганцев Н.С. Указ. соч. С. 44.

[2] Рарог А.И. Некоторые аспекты эффективности уголовно-правовых норм // Уголовно-правовой запрет и его эффективность в борьбе с современной преступностью. Саратов: Сателлит, 2008. С. 79.

[3] Панов А.Т., Панова Ю.А. Некоторые проблемы эффективности уголовного законодательства // Эффективность уголовного законодательства Российской Федерации и обеспечение задач, стоящих перед ним: сб. науч. ст. Всерос. науч.-практ. конференции (г. Саратов, 25-26 марта 2004 г.): В 2 ч. Ч. 2 / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов: Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2004. С. 106.

[4] Туманов В.А. Внутренняя моральность права – одно из важнейших условий его эффективности // Государство и право. 1993. № 8. С. 57.

[5] Герасимов А.М. Нравственность в уголовном праве: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2006. С. 5.

моралью и другими формами общественной саморегуляции… Тогда всякий случай юридической расправы над преступником будет иметь поддержку обывателя; тогда с уверенностью можно говорить о воспитательной (педагогической, стимулирующей) функции уголовного права…»[1].

Аналогичную позицию занимает Т.Г. Даурова, полагающая, что «трудно говорить об эффективности уголовно-правовой нормы, нарушителя которой законопослушные граждане не только не порицают, но рассматривают в качестве жертвы правоохранительных органов. Именно присутствие в Уголовном кодексе недостаточно нравственных или откровенно аморальных норм (а в нашем недавнем прошлом их было немало) – одна из причин такого искажения обыденного правосознания»[2]. Именно тогда «…ни законодатель, ни правоприменитель не могут рассчитывать на эффективное осуществление права, если граждане проявляют к нему безразличие, недоверие, либо внутренний протест»[3].

С.В. Тасаков, рассуждая о соответствии норм уголовного закона нравственности, подмечает: «Эффективность уголовно-правовых норм во многом зависит от того, насколько в обществе осуждаемо то или иное деяние, запрещенное данными нормами. Нормы не действуют или действуют неэффективно, если они противоречат общественному мнению и нормам нравственности»[4]. Между тем при проведении прямой параллели эффективности уголовного закона и общественного мнения о его запретах, на наш взгляд, следует учитывать, что за последние десятилетия в российском обществе степень морального осуждения ненормативного поведения варьируется[5]. По данным ВЦИОМ, дача и получение взятки, уклонение от уплаты налогов, сопротивление сотрудникам правоохранительных органов в той или иной мере оправдывают 15–35% респондентов[6].

---

[1] Бойко А.И. Религиозный ренессанс и уголовное право // Уголовное право: стратегия развития в XXI веке: материалы 4-й Международ. науч.-практ. конференции. М.: ТК Велби, Изд-во Проспект, 2007. С. 34.

[2] Даурова Т.Г. Указ. соч. С. 26.

[3] Сорокин В.В. Право и православие. Барнаул: Изд-во Алтайского университета, 2007. С. 173.

[4] Тасаков С.В. Нормы нравственности как социальный фундамент уголовного права // Российская юстиция. 2005. № 12. С. 8.

[5] Алихаджиева И.С. Нравственность как этическая категория и уголовный закон: понятие и соотношение // Пути и механизмы обеспечения конкурентоспособности российских регионов: материалы Всерос. науч.-практ. конференции (г. Саратов, 24–25 апреля 2007 г.). Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2007. С. 105.

[6] Около трети россиян оправдывают уклонение от уплаты налогов и супружескую измену [Электронный ресурс] // ВЦИОМ: [сайт]. [2017]. URL: https://wciom.ru/index.php?id=236&uid=116050 (дата обращения: 17.10.2017).

Низким ресурсом эффективности уголовного закона также чреват конфликт уголовно-правовых норм и норм морали отдельных социальных групп. Справедливо мнение Ю.Е. Пудовочкина о том, что «если общество теряет качество монолитности, если множащиеся мелкие социальные группы исповедуют различные системы ценностей, формирование номенклатуры преступлений значительно усложняется. Необходимо особое искусство законодателя в части отбора ценностей, благ, защита которых требует уголовной репрессии. В противном случае актуализируется известная формула, что население будет видеть наказание, но не будет видеть за ним преступления»[1]. В этой связи для обретения нравственностью консолидирующего общество начала при модернизации уголовного закона законодателю следует, по возможности, учитывать систему моральных норм всех социальных групп. Это условие применимо, если допустимые варианты поведения отдельных групп не противоречат фундаментальным стандартам нравственности, составляющим суть человеческих отношений (добро и зло, справедливое и несправедливое, совестливость и бессовестность, честь и бесчестие, милосердие и жестокость и т. д.), которыми определяется ценностно-нормативная ориентация общества на данном этапе его развития.

3. Нравственные ориентиры обусловливают главенство объектов уголовно-правовой охраны и содержание, систему уголовно-правовых норм. Французский социолог Габриэль де Тард во второй половине XIX века справедливо отмечал: «Система добродетелей, так же как и система преступлений и порока, меняется вместе с ходом истории»[2], а это «требует от законодателя особой выверенности при формулировании и введении уголовно-правовых запретов» [3] . Как известно, процесс криминализации деяний обусловлен объективно возникшей на данном этапе развития общества необходимостью защиты общественных отношений, приоритетно нуждающихся в уголовно-правовой охране. А.Э. Жалинский, исследуя понятие преступления в современном мире, указывал, что «характеристика общественной опасности преступлений меняется при изменении экономической системы общества, политических процессов, происходящих в нем, и, наконец, под влиянием изменений в сфере морали и нравственности»[4].

---

[1] Пудовочкин Ю.Е. Преступление и наказание в изменяющемся мире // Противодействие преступности: уголовно-правовые, криминологические и уголовно-исполнительные аспекты: материалы III Российского Конгресса уголовного права (г. Москва, 29-30 мая 2008 г.). М.: Проспект, 2008. С. 472.

[2] Тард Г. Преступник и преступление. Сравнительная преступность. Преступления толпы / сост. и предисл. В.С. Овчинского. М.: ИНФРА-М, 2004. С. 33.

[3] Сучкова В.В. Общественная нравственность в сфере половых отношений как объект уголовно-правовой охраны: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 65.

[4] Жалинский А.Э. Уголовное право в ожидании перемен: теоретико-инструментальный анализ. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2009. С. 352.

Перечень объектов, их иерархия, способ изложения в тесте уголовно-правовой нормы представляют собой суждение законодателя о том, какие общественные отношения подлежат первостепенной защите с позиции нравственности, чем подчеркивается особая вредность деяния для нравственных ориентиров общества. Не случайно, как и советские, российские правоведы предлагают рассматривать аморальность новым признаком преступления[1].

Обращая внимание на тесную связь нравственности с уголовным правом, Е.В. Епифанова полагает необходимым учитывать этот факт законодателю при проведении криминализации и декриминализации деяний. Уголовное право должно основываться на общечеловеческих ценностях, нравственных представлениях общества, принципах справедливости, гуманизма, а также общепризнанных нормах международного права[2].

А.И. Бойко доказывает тезис «о приоритете (духовном и юридическом) нравственности перед государственным правом, ибо «мораль одушевляет уголовное право»[3], ибо «сила и безопасность царств состоят в нравственных опорах»[4], а не наоборот»[5]. Такой подход, однако, опасен другой крайностью: «Законодательство, возводящее все моральные принципы в ранг права, приводит к тому, что преступление (как нравственное понятие) становится поводом для карательной репрессии против всего общества, развращающей его сверху донизу. В этом случае наказанию подлежит не только уличенное и доказанное преступное деяние, но и сам образ мыслей, внутреннее намерение»[6]. По нашему мнению, не вся совокупность нравственных требований может найти практическое отражение в уголовном законодательстве, ибо нравственность несоизмеримо обширнее права. Искусность правотворца состоит в безошибочном выборе из всего массива наиболее важных нравственных правил для придания им общеобязательного характера через уголовный закон.

---

[1] Бойко А.И. Системная среда уголовного права: автореф. дис. … д-ра юрид. наук. М., 2008. С. 23.

[2] Епифанова Е.В. Криминализация и декриминализация деяний // Российская юстиция. 2006. № 5. С. 30.

[3] Коган В.М. Социальный механизм уголовно-правового воздействия. М.: Наука, 1983. С. 34.

[4] Мордвинов Н. Мнение 25 сентября 1811 г. // Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете. Книга II. М.: Университетская Типография, 1860. С. 228.

[5] Бойко А.И. Указ. соч. С. 24.

[6] Цыбулевская О.И., Милушева Т.В. Власть и реформы в России: нравственно-правовой аспект / под ред. С.Ю. Наумова. Саратов: Поволжская академия государственной службы им. П.А. Столыпина, 2003. С. 128.

4. Нравственная составляющая определяет вектор эволюции уголовного закона. Нравственность отражается на развитии задач и функций уголовного законодательства, элементов построения его системы. Весь процесс преобразований уголовного закона немыслим без прочных нравственных основ. Уголовный закон есть формализация нравственных начал, а пренебрежение ими возводит совершенное лицом деяние до высшей степени безнравственности. В то же время действие уголовно-правовых норм, безнравственных по сути, чревато ничем не ограниченным произволом и тотальной репрессией в отношении невиновных. Консервативный, лишённый нравственной составляющей нормативный акт дестабилизирует политическую и социальную обстановку, ставит под угрозу устойчивость, прочность существующих общественных отношений.

С целью сохранения и поддержания нравственной сущности положений Уголовного кодекса законодателю следует осуществлять постоянную ревизию его базовых элементов – понятий, институтов, принципов, задач, оснований ответственности, аккумулирующих главные идеи закона, через призму нравственности. Учитывание, в первую очередь, нравственной составляющей при пересмотре всей совокупности преступлений и санкций за них обусловливает нравственную направленность развития уголовного законодательства. И напротив, пренебрежение нравственными нормами при реформировании уголовно-правовых положений с необоснованным возрастанием репрессивности приводит к искажению ценностного значения проведенных изменений, а в целом к регрессу нормативного акта и самого общества.

Таким образом, не любое право допустимо трактовать как абсолютно гармонирующее с нравственностью. В период кризиса в обществе нравственность и право разобщаются, право отклоняется от нравственных требований, что влечет за собой дисфункцию права как инструмента социальной регуляции. Ориентация права на нравственные абсолюты обусловлена потребностью дальнейшего существования общества, ибо нравственная составляющая права есть ценностный императив, без которого невозможно функционирование никакого сообщества. Выхолащивание из правовых положений вечных и незыблемых нравственных ценностей приводит к утрате правом своей духовной сущности, а значит и отторжению его предписаний субъектами права.

Уголовный закон не может воплотить в себя всю полноту нравственных императивов. Несмотря на то, что современное уголовное законодательство имеет прочные духовные корни и гуманистическую природу, оно не может выражать всей полноты нравственных повелений. Полного воплощения в нем нравственных установлений не достигнуто и объективно достигнуто быть не может в силу невозможности права уголовного подвергнуть охране всю область нравственности. В нем заложен тот минимум нравственности, который обусловливает

позитивную направленность уголовного права. Возможно говорить об увеличении в нем нравственных начал, изыскании и использовании нереализованных возможностей по усилению нравственных основ уголовно-правовых запретов. При этом нормы нравственности, хотя и выполняющие функцию непосредственного и опосредованного регулирования общественных отношений, довлеть над правом уголовным не должны, ибо их непререкаемое первенство возродит массовую и неограниченную карательность всего, с требованиями нравственности не согласного.

Уголовный закон есть форма защиты нравственных абсолютов принудительными средствами. Перечень составляющих его посягательств на оберегаемые публичные отношения, обладающие повышенной социальной ценностью, выражает в том числе понимание законодателем общественной вредности деяния для нравственности социума и обусловливает нравственную направленность развития уголовного закона. Напротив, пренебрежение основополагающими нравственными началами при формировании перечня деяний, признаваемых на данном историческом этапе преступными, обусловливает нравственно-правовые коллизии и, как следствие, стагнацию, репрессивность и архаичность уголовного закона.

Уголовный закон не будет иметь должной эффективности, если его положения противоречат их нравственной обусловленности. Охрана незыблемых общественных устоев юридически безнравственными средствами неизбежно влечет кризис правоприменения и подрывает фундамент уголовного права. Чем выше степень соответствия уголовного права общепризнанным требованиям нравственности, тем выше его эффективность и вероятность достижения поставленных им целей. Непрерывная ревизия нравственного базиса российского уголовного закона способна повлиять на сокращение в нем очевидно несправедливых норм, противоречащих нравственности как своеобразному мерилу того, что является жизнеспособным и эффективным.

Андрейчик Артем Олегович,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Содействие террористической деятельности как специальный вид соучастия

Человечеству давно известны случаи, когда в совершении преступлений принимало участие несколько лиц, причем некоторые из них не являлись непосредственными его исполнителями, то есть такими лицами, которые хотя и не совершали преступление непосредственно, но без участия которых, выраженного в различных формах, преступление совершено быть не может.

В отечественном уголовном праве для определения меры ответственности указанных лиц, описанию их роли в совершаемом преступлении, а также справедливому назначению наказания на протяжении длительного периода времени существует уникальный по своей природе институт соучастия в преступлении.

Анализ развития института соучастия в отечественном уголовном праве показывает, что он был известен еще в Русской Правде, в которой выделялись такие формы соучастия, как исполнитель, пособник и подстрекатель. С принятием Уголовного кодекса Российской Федерации в 1996 году законодателем дана дефиниция соучастию. Так, согласно положений ст. 32 УК РФ, под соучастием в преступлении следует понимать умышленное совместное участие двух или более лиц в совершении умышленного преступления.

Специалистами отмечается, что включение законодателем специального соучастного поведения в Особенную часть УК РФ, по существу, приводит к созданию фикций, а оправданность такого юридического приёма вызывает сомнение[1]. Вместе с тем, следует учитывать, что законодатель при конструировании норм уголовного закона довольно давно применяет приёмы, связанные с криминализацией особых видов преступного поведения, реализуемого в соучастии. Отечественный законодатель определяет, что при соответствующей ситуации и при определенной последовательности организация, укрывательство, вовлечение образует самостоятельные составы преступлений. Детальный анализ действующей редакции УК РФ свидетельствует о том, что в Особенной части УК РФ содержится более сорока норм, которые

[1] Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 118.

устанавливают самостоятельную уголовную ответственность за организацию преступной деятельности, за финансирование преступной деятельности, за склонение к совершению преступления, за вовлечение в преступную деятельность [1]. Своевременное привлечение к уголовной ответственности лиц, чьи деяния характеризуются проявлением специальных соучастных действий даёт возможность эффективно осуществить превенцию в отношении иных преступлений, которые находятся в определённой связи с уголовно наказуемыми видами соучастных преступных деяний.

Норма УК РФ, предусматривающая ответственность за содействие террористической деятельности (ст. 205.1 УК РФ) вызывала много вопросов по поводу необходимости и эффективности ее введения. Действительно, норма предусматривает перечень своеобразных видов соучастия. При этом, как указывают исследователи, обязательный признак соучастия в преступлении – это взаимная осведомленность соучастников о совместных действиях, в то же время специфика терроризма такова, что он представляет собой не только единичные конкретные преступления или их серии, в большинстве случаев речь приходится вести именно о террористической деятельности, как разновидности осознанной противоправной деятельности человека[2].

По мнению М.В. Феоктистова, по своей правовой природе действия, о которых говорится в диспозиции ст. 205.1 УК РФ, представляют собой соучастие в соответствующих преступлениях террористической направленности. В частности, склонение и вовлечение выступают типичными формами подстрекательства; вооружение и финансирование – это не что иное, как физическое пособничество, а обучение лица – интеллектуальное пособничество в преступлениях террористического характера [3]. Исходя из этого, М.В. Феоктистов резюмирует, что целесообразность включения ст. 205.1 УК РФ в закон трудно поддается объяснению.

На наш взгляд, верной является позиция, согласно которой, в случаях осуществления содействия террористической деятельности как таковой, т.е. осуществления самостоятельного вида криминальной

---

[1] Кашкаров А.А., Кашкаров А.А. Новый взгляд на уголовно-правовой институт прикосновенности к преступлению // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 2. С. 154–158.

[2] Гаджималикова З.Х. Вопросы соотношения понятий «вовлечение в террористическую деятельность» и «подстрекательство» // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. Т. I. С. 33.

[3] Феоктистов М.В. Ответственность за терроризм и проблемы совершенствования Российского уголовного законодательства // Терроризм в России и проблемы системного реагирования / под ред. профессора А.И. Долговой. М., 2004. С. 149.

практики – организации, подстрекательства, пособничества террористической деятельности как специфического вида преступной деятельности (без конкретизации умысла непосредственно на совершение того или иного преступления, а с умыслом на содействие террористической деятельности в целом), ст. 205.1 УК РФ является единственным адекватным уголовно-правовым инструментом противодействия ей и превенции совершения конкретных преступлений террористической направленности[1].

Как отмечает А.А. Арутюнов, террористический акт (ст. 205 УК РФ), как правило, совершается в соучастии. Действия каждого соучастника будут при этом квалифицироваться со ссылкой на ст. 33 УК РФ. Фактически ст. 205.1 УК РФ дублирует положения ст. 33 УК РФ применительно к преступлениям террористического характера[2].

Однако, на наш взгляд, ч. 1 ст. 205.1 УК РФ предусматривает более широкий круг деяний, нежели нормы об ответственности за подстрекательство к преступлениям террористического характера и пособничество в их совершении, позволяя квалифицировать целый ряд проявлений содействия террористической деятельности, которые не охватываются общими нормами об ответственности за соучастие в преступлениях террористического характера.

Как показывает практика, террористы часто используют, так называемых, «слиперов», вербуя их из числа профессиональных преступников или сочувствующих террористам лиц, без вхождения последних непосредственно в состав террористических организаций. В данном случае действия лица, склоняющего, вербующего или осуществляющее иное вовлечение лица в совершение преступлений, предусмотренных в диспозиции ч. 1 ст. 205.1 УК РФ следует рассматривать как самостоятельное специфическое преступное деяние. Таким образом, по сути, в одной норме законодатель предусматривает ответственность, как за специальное общеопасное подстрекательство к террористической деятельности (при вовлечении в совершение какого-либо из преступлений, предусмотренных статьями 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ), так и за

[1] Игнатов А.Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за преступления террористического характера // Вестник Московского университета МВД России. 2017. № 6. С. 98–101; Игнатов А.Н. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за содействие террористической деятельности // Проблемы применения уголовного и уголовно-процессуального законодательства: сборник материалов международной научно-практической конференции / Коллектив авторов; под ред. В.М. Зимина; Т.Ю. Новиковой, Е.А. Ануфриевой, В.П. Бодаевского, Д.А. Захарова. Симферополь: ИТ «АРИАЛ», 2018. С. 55–58.

[2] Арутюнов А.А. Соучастие в преступлении. М.: Статут, 2013. С. 218.

вовлечение в террористическую деятельность как самостоятельное специфическое преступное деяние[1].

Указанное в полной мере относится и к остальным общеопасным видам соучастия, предусмотренным ст. 205.1 УК РФ. Если имеет место содействие террористической деятельности в форме соучастия в совершении конкретных преступлений террористического характера, указание при квалификации содеянного на ст. 33 УК РФ и конкретную норму особенной части УК РФ не требуется, а применяется ч. 1 ст. 205 УК РФ, как специальная по отношению к ним норма[2].

С учетом вышеизложенного резюмируем, что уголовно-правовые нормы о соучастии в совершении преступлений террористического характера не способны охватить все случаи специального соучастия в террористической деятельности, ответственность за которые установлена ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие террористической деятельности. Таким образом, включение ст. 205.1 УК РФ в российское уголовное законодательство позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств противодействия террористической деятельности, создать нормативную основу для раннего уголовно-правового реагирования на факты содействия террористической деятельности, в том числе, в форме специального соучастия в совершении конкретных преступлений террористического характера, так и в случаях содействия террористической деятельности как таковой.

[1] Гаджималикова З.Х. Вопросы соотношения понятий «вовлечение в террористическую деятельность» и «подстрекательство» // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы: материалы Всерос. науч.-практ. конф. (23 июня 2017 г.): в 2 т. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2017. Т. I. С. 34–35.

[2] Игнатов А.Н., Сапрунов А.Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 39–45.

Антонов Андрей Николаевич,
кандидат юридических наук,
старший научный сотрудник
Ульяновского государственного университета,
сотрудник ООН[1]

К вопросу о разделении юрисдикции международных органов правосудия на постконфликтных территориях

По причине полного или частичного отсутствия/паралича местных органов, или их некомпетентности и/или сомнения в их беспристрастности, создание и деятельность специализированных международных (или с международным участием) структур представляется единственно возможным реальным способом относительно быстрого решения проблем правоохранительной деятельности на постконфликтных территориях. Вспомним, что временные администрации ООН в Косово и Тиморе имели в своей структуре штат международных прокуроров и судей, а также необходимое количество вспомогательного персонала. Аналогично полиции, прокуроры и судьи изначально приняли на себя деятельность, связанную с уголовным преследованием по всем видам преступлений, а позже оставили за собой только дела о военных преступлениях, организованной и транснациональной преступностью, а также резонансными тяжкими межэтническими преступлениями.

На первом году существования Миссия по делам временной администрации ООН в Косово[2] (далее – МООНК) производство по делам обвиняемых в военных преступных в Косово осуществлялось только местными специалистами, оставшимися в провинции после ухода сербских властных структур. Понятно, что среди судей, прокуроров, присяжных заседателей, защитников и других участников процесса, сербов или вовсе не было, либо их были единицы[3]. В 1999 и начале 2000 годов такими «моноэтническими» составами был проведён ряд «показательных» судебных заседаний над сербами, обвинёнными в военных преступлениях. Было вынесено несколько необоснованных и порой катастрофически низкокачественных и националистически-предвзятых судебных решений.

[1] Представленные в настоящей статье мнение и выводы являются авторскими, возможно не совпадающими с официальной позицией ООН по рассматриваемым вопросам и не налагающими на Организацию никаких обязательств.

[2] Англ.: United Nations Interim Administration Mission in Kosovo (UNMIK).

[3] См.: Пресс релиз МООНК от 14 Сентября 1999 года (код документа UNMIK/PR/43) (http://www.unmikonline.org/press/press/pr43.html). Оценка ситуации с национальными меньшинствами в Косово (период с ноября 1999 по январь 2000) // Рапорт Миссии ОБСЕ в Косово; § 23 (http://www.osce.org/documents/mik/2000/02/1116_en.pdf).

Обвиняемые и подследственные сербы находились в предварительном заключении без достаточных оснований и необоснованно долго. С другой стороны, во независимые наблюдатели сообщали о многих случаях отказов в возбуждении уголовных дел или освобождении арестованных этнических албанцев. Происходило это как по национальным симпатиям, так и по причине страха или угроз со стороны албанского населения[1]. После ряда акций, проведённых этими лицами в местах заключения (в том числе массовых голодовок), им наконец удалось привлечь внимание международной общественности.

Для решения этой проблемы было принято Распоряжение МООНК №2000/6 «О назначении и прекращении полномочий международных судей и прокуроров»[2]. Статья 1 этого документа установила, что Специальный представитель Генсека ООН (глава МООНК, далее – СПГС) может назначать международных судей во все суды и прокуратуры региона. Международные судьи и прокуроры наделялись полномочиями самостоятельно принимать к производству любые дела, подпадающие под юрисдикцию суда или прокуратуры, в которую они назначены.

Казалось, что институт международных судей и прокуроров как-бы «встроенных» в систему косовского правосудия должен был бы обеспечить необходимую степень объективности при расследовании и судебном рассмотрении отдельных категорий дел, особенно межэтнического характера. Однако даже когда международный судья председательствовал в судебном заседании, два других профессиональных судьи из числа местных судей были албанцами. В случаях, когда они не соглашались с мнением международного судьи, они просто «заголосовывали» его, таким образом добиваясь принятия желаемого большинством приговора. Такие решения немногим отличались от принятых ранее судами, составленными только из местных судей.

Для предотвращения таких ситуаций было принято Распоряжение МООНК № 2000/64 «О передаче дел международным судьям и прокурорам и изменении места рассмотрения дела»[3]. Этот документ

---

[1] См.: Рекомендации организации Международная амнистия по судебной системе. Документ Международной амнистии, 4 февраля 2000, код документа EUR 70/006/2000, с. 3 // Сайт Международной амнистии [электронный ресурс] Режим доступа. – https://www.amnesty.org/en/documents/eur70/006/2000/en/ (дата обращения: 04.09.2020).

[2] См.: UNMIK Regulation 2000/6 *On the Appointment and Removal of International Judges and International Proseutors* // Сайт МООНК [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_06.htm (дата обращения: 04.09.2020).

[3] См.: UNMIK Regulation 2000/64 *On Assignment of International Judges/ Prosecutors and/or Change of Venue* // Сайт МООНК [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.unmikonline.org/regulations/2000/re2000_64.htm (дата обращения: 04.09.2020).

предусмотрел порядок подачи и рассмотрения заявлений о передаче дела в полное ведение международных специалистов. С того времени любой участник процесса, как местный так и международный, в любой момент мог подать такую петицию, приведя достаточное обоснование. В случае, если проверка показывала наличие достаточных причин, Директор Департамента правосудия МООНК направлял ходатайство Главе Миссии, который при положительном ответе выносил одно из следующих решений:

– передать международному прокурору уголовное дело, находящееся на стадии предварительного расследования;

– передать компетенцию по разрешению всех вопросов, связанных с расследованием на досудебной стадии, международному судье;

– передать дело на рассмотрение суду в составе трёх международных судей.

В то же время, одновременно с правоохранительными структурами МООНК (и позже – ЕС), юрисдикцию по расследованию преступлений на территории всей Югославии, в соответствии со статей 1 и 8 своего Устава (статута), имел и Международный трибунал по бывшей Югославии (далее – МТБЮ).

При этом, в соответствии с ч. 2 ст. 9 Устава, юрисдикция МТБЮ являлась (и является) преимущественной по отношении к национальным правоохранительным органам: *«Юрисдикция Международного трибунала имеет приоритет по отношению к юрисдикции национальных судов. На любом этапе судебного разбирательства Международный трибунал может официально просить национальные суды передать производство по делу Международному трибуналу…»*.

Несмотря на очевидные благие цели формирования МТБЮ, имеется и огромное количество критики в его адрес, связанной как с общими вопросами его легитимности, так и с эффективностью его процедур по отношении к их стоимости, и политизированностью выносимых там решений [1]. Однако большинство наблюдателей не видит серьёзной проблемы технического плана – конфликта юрисдикций, порождённого недостаточно детальной проработкой процесса действия органов МТБЮ по сбору доказательств на территории стран бывшей Югославии. Так, отвечая на запросы Правозащитной консультативной коллегии[2] МООНК (далее – ПКК) по отдельным жалобам, СПГС признавал, что Полиция МООНК не производила расследований, потому что они были переданы МТБЮ. Однако, в большинстве случаев в материалах дела указания об этом не было, а выводы приходилось делать на основании разрозненной

[1] См. напр.: Локленд Д. Пародия на правосудие. Гаагский трибунал против Слободана Милошевича, 2009, 184 с.

[2] Англ.: Human Rights Advisory Panel (HRAP).

информации[1]. Кратко рассмотрим связанные с этим факты и выводы, представленные ПКК МООНК, где автор проработал долгое время, в решении по делу *Remištar v. UNMIK*[2].

Заявителем в этом деле являлась жена сербского полицейского Н.Ремиштара, захваченного и убитого Освободительной армией Косово[3] (далее – ОАК), как подозревалось – с ведома Р.Харадиная. В процессе рассмотрения жалобы, Коллегия запросила копию следственного дела, находившегося в производстве Полиции МООНК, однако получила только ограниченное количество несистематизированного материала, где не было даже подтверждения официального возбуждения уголовного дела; семья погибшего никогда не уведомлялась о прогрессе процесса расследования.

Одновременно, Коллегия установила, что МТБЮ проводило «параллельное» расследование похищения и убийства Н. Ремиштара, как части большого расследования против Р.Харадиная и других в деле *Prosecutor v. Haradinaj et al* (IT-04-84). МТБЮ имел ряд отделений на местах в бывшей Югославии, которые «изначально были созданы в качестве форпостов для [службы Прокурора] и были расположены в Белграде, Сараево, Загребе, Приштине, Банья-Луке и Скопье. … Офис в Приштине был полностью закрыт в 31 декабря 2012 года»[4].

С учётом этой информации, и зная из практики какой секретностью была окутана работа следователей МТБЮ «на земле», Коллегия сделала обоснованное предположение о том, что официальные структуры МООНК могли быть оставлены в неведении о деятельности МТБЮ. Такой вывод напрашивался из-за отсутствия информации о работе МТБЮ в материалах Полиции МООНК, предоставленных ПКК.

Коллегия высказала озабоченность тем, что следственные материалы Полиции МООНК могли были быть переданы МТБЮ (или даже изъяты им) без надлежащего оформления запроса и каких-либо документальных следов такой передачи. Если это так, то: «такое положение вещей делает практически невозможным отслеживание документов и доказательств по делу, а также удостоверение их подлинности. Ненадлежащая документальная фиксация передачи следственных документов и вещественных доказательств, существенно подрывает судебные

---

[1] См.: HRAP, *Vitošević/Marmarević*, cases nos. 139/09 et al, opinion of 23 January 2014, §§ 72, 88, 98, 127–132.

[2] См. *Remištar v. UNMIK, дело № 245/09,* Заключение от 17 октября 2014 г. // Официальная страница ПКК [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.unmikonline.org/hrap/Eng/Pages/Cases.aspx (дата обращения: 04.09.2020).

[3] Алб.: Ushtria Çlirimtare e Kosovës (UÇK).

[4] See: *Tribunal closes field offices in Croatia and Kosovo* // Официальная страница МТБЮ [электронный ресурс] – Режим доступа. – http://www.icty.org/sid/11180 (дата обращения: 04.09.2020).

перспективы возможных будущих уголовных дел, а соответственно и права заинтересованных сторон»[1].

Как известно, 29 ноября 2012 года, МТБЮ завершил деятельность по делу *Haradinaj et al* (IT-04-84*bis*-T). Ни один из обвиняемых не был признан виновным в причастности к похищению и убийству офицера Ремиштара. Признавая, что не все расследования приводят к установлению и наказанию виновных, тем не менее, по мнению Коллегии, обязательства полностью расследовать обстоятельства похищения и гибели не прекращаются с вынесением оправдательного приговора, и это дальнейшее расследование не должно быть простой формальностью[2]. Такое же мнение высказано Европейским Судом по правам человека (далее – ЕСПЧ) в решении по делу *Брекнелл против Соединённого Королевства*: «нельзя недооценивать обязательность расследования тех или иных обязательств незаконных убийств, даже через много лет после событий, так как общественная заинтересованность в преследовании и осуждении виновных неоспорима, в особенности в отношении военных преступлений и преступлений против человечности»[3].

По мнению ПКК, после окончания Трибуналом работы по этому делу, в соответствии с обязанностью продолжать расследование, вытекающей из статьи 2 Европейской конвенции, материалы следствия должны были быть возвращены в Косово и переданы в ведение Миссии ЕС (далее – EULEX), которая в декабре 2008 года приняла на себя от ООН правоохранительную функцию. В дальнейшем уже соответствующие органы EULEX должны были бы использовать все имеющиеся в их распоряжении средства либо для продолжения расследования, либо для его прекращения/приостановления до появления новых обстоятельств, а также соответствующего уведомления семье погибшего. Неизвестно, были ли переданы материалы следствия Миссии EULEX и были ли предприняты какие-либо следственные или процессуальные действия, но к сожалению заявитель никакой информации не получала.

Как видим, существующая неразбериха с подследственностью и пониманием длящейся обязанности расследовать незаконные лишения жизни в конце концов приводит к тому, что виновные остаются на свободе, а заявителям и потерпевшим причиняются дополнительные душевные страдания.

Но это далеко ещё не конец истории о «параллельной юрисдикции» в Косово. В 2011 году для проведения независимого расследования обвинений, содержащийся в докладе сенатора Дик Марти о бесчеловечном

---

[1] HRAP, *Remištar v. UNMIK*, № 245/09, решение от 17 октября 2014, § 110.

[2] См. HRAP, *Remištar v. UNMIK*, № 245/09, решение от 17 октября 2014, § 115; см. ещё напр.: HRAP, *Mladenović*, № 99/09, решение от 26 июня 2014, § 192–194.

[3] См.: ECtHR, *Brecknell v. The United Kingdom,* no. 32457/04, judgment of 27 November 2007, § 69.

обращении и незаконной торговле человеческими органами в Косово[1], Советом Европы была создана Специальная Следственная рабочая группа (англ.: *Special Investigative Task Force*, SITF). Доклад фокусировался на преступлениях, совершённых ОАК в Косово и Албании, а именно – незаконной деятельности по изъятию и продаже человеческих органов пленных. Мандат SITF охватывал расследование обстоятельств преступлений, описанных в вышеупомянутом докладе, и, при необходимости, подготовке материалов для дальнейшего привлечение ответственных за них лиц к уголовной ответственности[2].

Летом 2014 года глава SITF заявил, что выводы группы в большой мере подтверждают обвинения, содержащиеся в докладе Д. Марти 2011 года, и что ими были собраны достаточные доказательства для вынесения обвинительного заключения в отношении бывших командиров ОАК. Обвинительное заключение подлежало направлению для рассмотрения в «специальный судебный механизм, который сможет обеспечить полностью независимое, беспристрастное, открытое и безопасное его рассмотрение»[3].

В 2015 году было принято решение о создании Специализированной судебной палаты (англ.: *Specialist Chambers*) и Службы прокурора (англ.: *Specialist Prosecutor's Office*) под эгидой Евросоюза «для расследования и уголовного преследований лиц за тяжкие преступления межнационального и международного характера, которые были совершены во время вооружённого конфликта в Косово, а также и по его окончании, в 1998, 1999 и 2000 годах»[4]. Парламент Косово принял соответствующие поправки в Конституцию специальный закон, являющийся *lex specialis* по отношению к местным УК и УПК[5]. Эта новая структура унаследовала все

---

[1] См.: Report of the Committee on Legal Affairs and Human Rights of the Council of Europe *Inhuman treatment of people and illicit trafficking in human organs in Kosovo*, № AS/Jur (2010) 46, 12 December 2010 // Вебсайт Совета Европы [электронный ресурс] Режим доступа. – http://assembly.coe.int/CommitteeDocs/2010/20101218_ajdoc462010 provamended.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

[2] Более подробно см. на вебсайте SITF [электронный ресурс] Режим доступа. - www.sitf.eu (дата обращения: 04.09.2020).

[3] *Statement by the Chief Prosecutor of the Special Investigative Task Force (SITF) on investigative findings* // Вебсайт HLC [электронный ресурс] – Режим доступа. http://www.hlc-rdc.org/wp-content/uploads/2014/07/Press_release_EN.pdf (дата обращения: 01.06.2020).

[4] См. сайт Специализированной судебной палаты [электронный ресурс] Режим доступа. – https://www.scp-ks.org/en/specialist-prosecutors-office/role-spo (дата обращения: 04.09.2020).

[5] См. Law on Specialist Chambers and Specialist Prosecutor's Office, Law No.05/L-053 // Сайт косовского Парламента [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.kuvendikosoves.org/common/docs/ligjet/05-L-053%20a.pdf (дата обращения: 04.09.2020).

незаконченные расследования преступлений, связанных с конфликтом, формально завершившимся в июне 1999 года.

В сентябре 2016 года, функции SITF были переданы косовскому Специальному прокурору, для продолжения начатой следственной работы и их дальнейшей передачи службы Прокурора Косовской Специализированной палаты. Однако, по причине многочисленных задержек политического характера, до середины 2018 года реально работать ни Палаты, ни прокурорская служба так и не начали.

Основная причина задержек кроется в серьёзном противодействии со стороны нынешних кругов власти в Косово, большинство из которых получили доступ к власти так или иначе в связи с их ролью в деятельности ОАК во время конфликта. Соответственно, многие из имеют реальные шансы оказаться в списке обвиняемых, преследуемых новой структурой. Организация ветеранов ОАК не раз открыто выражала своё недовольство согласием косовских властей на создание Специализированной палаты. В декабре 2017 и январе 2018 наблюдалась массированная подготовка общественного мнения через различные СМИ к тому, что закон может быть аннулирован.

Также, как мы видим, юрисдикция Палат тоже претерпела существенное видоизменение, по сравнению с мандатом SITF. Она не ограничена деятельностью ОАК и её юрисдикция *ratione temporis* охватывает период с начала 1998 по конец 2000 года. Значит, не исключено, что Палаты могут полностью или частично перефокусироваться на преступления сербов – представителей «кровавого режима Милошевича», по примеру МТБЮ и косовского правосудия.

Вновь политика оказывает очевидное влияние на работу структур международного правосудия, что в очередной раз ставит под сомнение их беспристрастность. Однако, поскольку от Косовского «национального» правосудия ожидать профессионализма и беспристрастности в этом направлении вообще нереалистично, работа Палат всё-таки может пролить хоть какой-то свет на преступления ОАК против сербов и других неалбанцев, о которых много говорили, но в судебных процессах ни в Косово ни в Гааге их наказания не было.

Также, имеются случаи привлечения к проведению расследований специализированных подразделений из других стран или международных организаций для проведения расследований различных ситуаций, провести которые своими силами, или обеспечить беспристрастность, представляется затруднительным. Например, даже международная администрация ООН в Косово приглашала сотрудников итальянской финансовой полиции (итал.: *Guardia di Finanza*[1]).

[1] См.: Официальный вебсайт Guardia di Finanza [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.gdf.gov.it/ (дата обращения: 04.09.2020).

Кроме расследования преступлений как таковых, большую проблему представляют вопросы установления и восстановления прав собственности на недвижимое имущество, как частной, так и государственной, общественной собственности, а также собственности коммерческих организаций. Для решения вопросов, связанных с жилой недвижимость, в ноябре 1999 года Косово был создан Директорат жилой собственности (англ.: *Housing and Property Directorate*, HPD). Этой структуре была передана полная юрисдикция по рассмотрению споров граждан по поводу прав собственности на жилые помещения; у судов полностью изъяли подобные дела из производства. За время деятельности Директората (конец 2007 года), им было рассмотрено 29160 жалоб [1]. Вопросами управления и реформирования государственной, общественной и коммерческой собственности занималась другая организация – Косовское траст-агентство (англ.: *Kosovo Trust Agency,* КТА), созданное в 2002 году. Судебными исками, связанными с собственностью организаций, находившихся в ведении КТА, занималась Особая палата Верховного суда Косово по вопросам КТА.

Однако, наряду с несомненным положительным эффектом деятельности этих специализированных структур, занимающихся исключительно вопросами собственности, отмечены и недостатки. Одним из наиболее серьёзных назывался уже упомянутый выше порождаемый ими конфликт юрисдикций с общими судами. Как неоднократно отмечалось ОБСЕ, суды не только не используют решения HPD в обосновании своих решений, но и при возможности сами выносят решения по жалобам, находящимся в юрисдикции HPD, порой с совершенно противоположным результатом[2].

Подводя итог, отметим, что у расследования преступлений специализированными международными структурами несомненно есть и положительные и отрицательные стороны. Деятельность иностранных/смешанных специальных следственных структур порождают конфликты с существующими национальными органами. Конфликты эти разного уровня и степени интенсивности, но их продуктом становится если не «неразбериха», то по крайней мере определённое расшатывание действующих систем. В результате, виновные могут уйти от ответственности, а потерпевшим могут быть причинены дополнительные душевные страдания, связанные с затянутыми на долгий срок расследованиями, информация о которых последним практически недоступна.

---

[1] См.: *Final report of the Housing and Property Claims Commission*. UNMIK, Pristina, 2007, p. 40.

[2] См.: OSCE Mission in Kosovo, *Conflicting Jurisdiction in Property Disputes*, Monthly Report – April 2006 // Официальный сайт ОБСЕ [электронный ресурс] Режим доступа. – http://www.osce.org/kosovo/37717?download=true (дата обращения: 04.09.2020).

Бабакина Дарья Васильевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминальная субкультура как фактор детерминации преступности несовершеннолетних

Несмотря на постепенное снижение абсолютных показателей, серьезное беспокойство сегодня вызывает негативная тенденция ухудшения качественных характеристик преступности несовершеннолетних лиц, в том числе вовлечение их в групповое совершение преступлений, а также увеличение тяжести и общественной опасности совершаемых ими преступных деяний. Ситуация усугубляется тем, что имеет место не только интенсивная криминализация различных сфер жизнедеятельности общества, появление новых высокотехнологических способов совершения преступлений, в том числе с использованием информационных технологий и информационно-коммуникационных сетей, но и традиционное для криминалитета (в том числе экстремистского и террористического толка[1] стремление вовлечь несовершеннолетних лиц в сферу своей криминальной деятельности. В арсенале инструментария, используемого криминалитетом для указанной цели, одно из ключевых мест занимает криминальная субкультура.

Как известно, криминальный мир не ограничивается местами принудительного содержания, а представлен в нашем социуме в двух формах, как пенитенциарной средой, так и преступным миром в гражданском обществе. Именно криминальная субкультура является средством и социальным каналом передачи социально-значимой для криминалитета информации, в том числе установок, ценностей и традиций преступного мира. Общественная опасность поражения среды несовершеннолетних криминальной субкультурой обусловлена тем, что несовершеннолетние становятся «подпиткой» криминалитета, дающей возможность существования сложившихся криминальных практик и традиций, а также тем, как показывают сегодняшние реалии, что несовершеннолетние оказались включены в процесс материального обеспечения криминалитета, находящегося в местах принудительного содержания.

Криминальная субкультура представляет собой динамичное явление, которое развивается по законам общественной системы, в том числе

[1] См.: Козаев Н.Ш., Старостина С.А. Экстремизм как угроза национальной безопасности: вопросы теории и практики // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2019. № 4 (58). С. 32–35.

преступности [1] . В целом, на наш взгляд, проблему криминальной субкультуры как системного элемента существования преступного мира, с одной стороны, и как фактора детерминации преступности, с другой стороны, необходимо рассматривать в контексте концепции антропологического кризиса, в качестве характерных признаков которого философская антропология выделяет: трансформацию ценностного сознания всех (политической, социальной, научной, культурной) сфер жизни социума; эскалация и культивирование массовой культуры; маргинализация человека, трансформации его идентичности и утрата субъективной индивидуальности вследствие виртуализации самосознания под влиянием технологического прогресса; развитие технологий манипуляции человеческим сознанием; нивелирование локальных культур под влиянием глобализации; экологический кризис планетарного масштаба и прочие[2]. Распространение криминальных субкультур в нашем обществе ученые связывают с происходящими на протяжении последних трех десятков лет социально-экономическими и политическими процессами, сопровождающимися значительными качественными изменениями преступности, в частности, распространением в обществе элементов тюремной (пенитенциарной) субкультуры как одного из составляющих элемента преступности [3] . К сожалению, как отмечает Н.В. Царахова, «состояние современной молодежной политики, в компетенцию которой должна входить и деятельность по предупреждению и пресечению различных девиаций, характеризуется недостаточностью социализирующих механизмов, обусловленной утратой влияния и доминирующей роли значительного количества государственных институтов ранней социализации. Российской власти не удалось воссоздать какое-либо эффективное подобие, по степени влиятельности, разрушенным в период социальной транзиции, агентов социализирующего воздействия, таких как, например, комсомол, пионерия и др.»[4].

Распространению криминальной субкультуры как фактора детерминации преступности несовершеннолетних способствует также кризис института семьи. Семья всегда была и остается главной социальной группой в системе социализации личности, поскольку несовершеннолетний постоянно, в силу неумения и неспособности

---

[1] Щеголева А.Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 263.

[2] Игнатов А.Н., Хун А.З. Социальные факторы детерминации насильственной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 326.

[3] Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133). С. 181.

[4] Царахова Н.В. Наркотизм в субкультуре современной российской молодежи: дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2015. С. 3.

преодолевать жизненные трудности нуждается в поддержке ближайшего окружения. К сожалению, как отмечают ученые неразвитость института планирования семьи и отсутствие государственного контроля в данной сфере обуславливает увеличение доли неблагополучных семей. Недаром к основным причинам существования преступности ООН относит такой фактор, как неправильное родительское воспитание, а семейное насилие, в том числе по отношению к детям, в качестве фактора, обуславливающего цикличность насилия в обществе и детерминирующего насильственную преступность. В результате, эмоциональное отчуждение ребенка со стороны родителей вынуждает его искать понимание и возможность реализоваться любым путем и самоутвердиться в неформальных группах ровесников[1]. Это обусловлено тем, что общение для ребенка составляет основу и движущую силу всего его психического развития. Компенсируя недостаток любви, внимания и заботы со стороны родителей, ребенок ищет их в неформальной группе. Таким образом, необходимое ребенку социальное и эмоциональное благополучие ему обеспечивают неформальные дружеские связи с ровесниками[2]. При этом, дефицитом общения, фактором социальной незрелости, отсутствием надлежащего жизненного опыта и адаптированности к жизни, при наличии актуальной потребности подростка выразиться и выделиться в неформальной группе, нередко умышленно пользуются взрослые лица, имеющие определенный авторитет в данной неформальной группе.

По мнению ученых, главной угрозой для молодого поколения социально-культурной сфере является нарастающее влияние на сознание индивидов сети Интернет, в результате которого традиционные формы коммуникаций подвергаются негативным трансформациям, а из социокультурного пространства человека исключаются источники знаний и культурных универсий, как литература, искусство, наука[3]. Как отмечает А.Н. Игнатов, «в условиях идеологического вакуума и культурного обнищания человека происходит активное манипулирование его сознанием, побочным эффектом или же прямым результатом чего являются проявления преступного поведения. … А акцентировать внимание на криминогенном влиянии сети Интернет, крайне перенасыщенной порнографией и пропагандирующей культ насилия и жестокости продукцией, стимулируя при этом потребителей к обмену информацией и получению и повышению собственного «статуса»

[1] Игнатов А.Н., Хун А.З. Социальные факторы детерминации насильственной преступности // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 330–333

[2] Щеголева А.Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 265.

[3] Царахова Н.В. Наркотизм в субкультуре современной российской молодежи: дис. ... канд. соц. наук. Майкоп, 2015. С. 3.

потребителя, вообще не имеет смысла»[1]. Использование современных информационных технологий и ресурсов для распространения криминальной субкультуры является сегодня одной из причин массового характера криминализации подростковой среды. Данные технологии, помноженные на возможности социальных сетей, при минимальных финансовых, человеческих, ресурсных и временных затратах, при колоссальном охвате аудитории оказывают максимальное разрушительное воздействие на сознание несовершеннолетних и молодежи[2].

Успешность поглощения среды несовершеннолетних криминальной субкультурой и ее детерминирующая роль в преступном поведении последних непосредственно определена психофизиологическими особенностями лиц данной возрастной группы.

Активнодеятельная природа человека всегда выступает в единстве общественных и естественных качеств, проявляется в процессе реализации человеком своих биологических и социальных способностей, задатков и возможностей. При этом возраст преступника коррелирует не только с соматическим и психическим здоровьем преступника, но и некоторым образом определяет жизненные цели, потребности человека, круг интересов, образ жизни и т. п., что влияет на формирование мотивации и механизм реализации преступного поведения[3]. Возрастные особенности преступника также являются фактором, определяющим характер и способ совершаемых преступных деяний[4].

Опасность и потенциал, с точки зрении детерминации преступного поведения, негативного влияния криминальной субкультуры на несовершеннолетних определяется тем, что несовершеннолетний возраст – это период развития человека, являющийся фундаментом самосознания, самооценки, саморегулирования и самоопределения его личности[5]. Широко известно, что несовершеннолетний возраст обуславливает такие характерные черты личности, как: физическая слабость (определяемая ею беззащитность, беспомощность, пониженная способность к сопротивлению), социальная и психологическая незрелость, низкий

---

[1] См.: Игнатов А.Н. Кризис духовной сферы как фактор детерминации экстремизма, терроризма и криминального насилия в целом // Вестник Калининградского филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2015 № 3 (41). С. 48–50.

[2] Антонян Е.А., Борисов Е.А. К вопросу о популяризации криминальной субкультуры среди молодежи // Lex russica (Русский закон). 2017. № 12 (133). С. 181.

[3] Игнатов А.Н. Понятие и общая характеристика личности преступника // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. 2019. Т. 5 (71). № 1. С. 320.

[4] См.: Качмазов О.Х., Козаев Н.Ш. Возрастные особенности личности квартирного вора в современных условиях // Бюллетень Владикавказского института управления. 2005. № 15. С. 270–275.

[5] Щеголева А.Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 265.

уровень самокритичности и самоконтроля, завышенная самооценка, особые потребностно-мотивационные механизмы, специфические психологические и поведенческие реакции, легкая возбудимость, повышенная интенсивность и эмоциональность переживаний при равнодушии к переживаниям других людей, импульсивность, несдержанность, вспыльчивость, впечатлительность, ранимость, доверчивость, внушаемость, конформность и пр. Именно данные субъективные факторы позволяют отнести несовершеннолетних к наиболее уязвимой, с точки зрения асоциального воздействия, группе.

Указанные объективные и субъективные факторы активно используются представителями преступного мира в целях распространения криминальной субкультуры в среде несовершеннолетних, играющей роль «мягкой силы» по вовлечению несовершеннолетних в преступную деятельность и детерминации их преступного поведения.

Криминальная субкультура, пропагандируя преступные образ жизни, ценности и традиции, законы и порядки, обеспечивает моральную поддержку, манипулирует переживаниями (эмоциями) и сознанием несовершеннолетнего, старается максимально удовлетворить его потребности (прежде всего в коммуникации, самовыражении и самоактуализации), зачастую используя измененное сознание, тем самым легко подавляя позитивные социальные установки личности, а на массовом уровне искажает общественное сознание, подрывает морально-нравственные и духовные основы семьи и общества[1].

Детерминистическая роль криминальной субкультуры определяется рядом факторов: 1) через вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру обеспечивается системный механизм самодетерминации преступности (активность и сплоченность криминального элемента, преемственность поколений и пр.); 2) вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру обеспечивает самовоспроизводство преступности посредством совершения преступлений, направленных непосредственно на развитие и распространение криминальной субкультуры и вовлечение несовершеннолетних в преступную и антиобщественную деятельность; 3) вовлечение несовершеннолетних в криминальную субкультуру обеспечивает самовоспроизводство преступности посредством совершения под воздействием криминальной субкультуры (нарушающей правильный процесс и социально одобряемую модель формирования личности) новых преступлений несовершеннолетними, а также через взаимосвязь преступности несовершеннолетних с рецидивной и профессиональной преступностью.

[1] Щеголева А.Н. Механизм использования криминальной субкультурой психофизиологических особенностей несовершеннолетнего возраста // Вестник Воронежского института МВД России. 2019. № 2. С. 263–264.

Таким образом, учитывая роль криминальной субкультуры в самодетерминации и самовоспроизводстве преступности, корреляционную взаимосвязь преступности несовершеннолетних и рецидивной и профессиональной преступности, «цену потери» обществом многих представителей молодого поколения, попадающего под влияние криминального мира и встающего на преступный путь в несовершеннолетнем возрасте, а также несовершенную систему социальной реабилитации и затраты на ресоциализацию данных лиц, очевидно, что противодействие криминальной субкультуре в среде несовершеннолетних является одной из приоритетных задач общества и государства по противодействию преступности и обеспечению безопасности от криминальной угрозы.

Бадалов Артур Эдуардович,
заместитель начальника полиции
(по оперативной работе) ОМВД России
по Калининскому району Краснодарского края

Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера в борьбе с преступлениями коррупционного характера: проблемы полноты и системности правовых предписаний

Одной из мер борьбы с коррупционной преступностью является конфискация имущества коррупционера, которая, исходя из принципа неотвратимости ответственности, исключает экономическую целесообразность совершения коррупционного преступления, тем самым способствуя его предупреждению. Так, в частности, в соответствии с п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, среди прочего, конфискации подлежат полученные в результате совершения коррупционных преступлений, предусмотренных частями 3 и 4 ст. 184 УК РФ, частями 5–8 ст. 204 УК РФ, а также ст. 290 УК РФ, деньги, ценности и иное имущество, а также любые доходы от этого имущества. При этом антикоррупционное уголовное законодательство в п. «б» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ регламентирует возможность конфискации имущества и доходов, в которые были преобразованы полностью или частично предметы коррупции, что исключает целесообразность трансформации предметов коррупции в иное имущество.

На первый взгляд, регламентируемые главой 15.1 УК РФ основания и порядок конфискации имущества, которые неоднократно совершенствовались в процессе развития отечественного уголовного

законодательства[1], всецело способствуют экономической нецелесообразности коррупционной деятельности. Вместе с тем, представляются справедливыми выводы профессора В.А. Казаковой о низкой антикоррупционной эффективности действующих законоположений о конфискации имущества[2]. Значительное число изменений антикоррупционных положений УК РФ о конфискации имущества, призванных повысить эффективность рассматриваемых мер уголовно-правового характера, с нашей точки зрения, безусловно, способствует повышению, но, тем не менее, полностью не обеспечивает необходимой степени антикоррупционной защищенности общественных отношений, в связи с чем, институт конфискации имущества, как иная антикоррупционная мера уголовно-правового характера, нуждаются в дальнейшем совершенствовании и модернизации.

Так, к примеру, регламентируя основания конфискации имущества, полученного коррупционным путем, п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ содержит исчерпывающий перечень составов коррупционных преступлений, предусмотренных частями 3 и 4 ст. 184 УК РФ, частями 5–8 ст. 204 УК РФ, а также ст.290 УК РФ, предмет которых может быть конфискован. Принцип законности исключает возможность применения уголовного закона по аналогии и распространения вышеобозначенных оснований конфискации имущества, полученного в результате иных преступлений коррупционного характера, не перечисленных в п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ. В данном случае мы имеем ввиду относительно новые составы коррупционных преступлений, не вошедшие в исчерпывающий перечень преступлений, регламентируемый п. «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, предметы которых подлежат конфискации: «Мелкий коммерческий подкуп» (ст. 204.2УК РФ), «Мелкое взяточничество» (ст. 291.2 УК РФ), а также «Посредничество в коммерческом подкупе» (ст. 204.1 УК РФ), «Посредничество во взяточничестве» (ст. 291.1 УК РФ) и «Посредничество в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса» (ч. 5 ст. 184 УК РФ).

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 25.12.2008 № 280-ФЗ, от 04.05.2011 № 97-ФЗ, от 20.07.2011 № 250-ФЗ, от 07.12.2011 № 420-ФЗ, от 01.03.2012 № 18-ФЗ, от 10.07.2012 № 107-ФЗ, от 12.11.2012 № 190-ФЗ, от 28.06.2013 № 134-ФЗ, от 02.07.2013 № 150-ФЗ, от 02.11.2013 № 302-ФЗ, от 21.12.2013 № 365-ФЗ, от 28.06.2014 № 179-ФЗ, от 21.07.2014 № 277-ФЗ, от 31.12.2014 № 530-ФЗ, от 31.12.2014 № 532-ФЗ, от 03.07.2016 № 324-ФЗ, от 06.07.2016 № 375-ФЗ, от 26.07.2017 № 203-ФЗ).

[2] Казакова В.А., Иншаков С.М. Конфискация имущества как мера противодействия коррупции // Уголовно-исполнительное право. 2019. Т. 14 (1-4), № 3. С. 263–268.

Вместе с тем, в соответствии с седьмым принципом борьбы с коррупцией[1], принятым в соответствии с Резолюцией № (97) 24 Комитета министров Совета Европы «О двадцати принципах борьбы с коррупцией», которые, в свою очередь, должны учитываться государствами-участниками Конвенции об уголовной ответственности за коррупцию[2], страны-участницы берут на себя обязательства «Обеспечивать соответствующие меры для конфискации и лишения доходов в результате случаев коррупции». Профессор А.Г. Кибальник справедливо отмечает, что «вступая в международные обязательства, государство учитывает свои национальные правовые нормы, возможность в случае необходимости их изменения в целях приспособления к принимаемым государством международным обязательствам»[3].

Таким образом, в связи с дополнением уголовного закона нормами об ответственности за мелкое взяточничество и мелкий коммерческий подкуп, представляется логичным и соответствующим требованиям международных договоров Российской Федерации регламентировать возможность конфискации имущества, полученного в результате названных преступлений, а также доходов от этого имущества. Такое дополнение представляется необходимым во исполнение требований научности, оперативности и непрерывности совершенствования законов (в том числе с точки зрения международного права»[4]), как принципов законодательной технологии[5].

В целях систематизации положений УК РФ о конфискации имущества, полученного в результате преступлений коррупционного характера, а также легальной регламентации дальнейшей принадлежности предметов мелкого коммерческого подкупа и мелкого взяточничества, предлагаем дополнить пункт «а» части 1 статьи 104.1 УК РФ ссылками на статьи 204.2УК РФ «Мелкий коммерческий подкуп» и 291.2 «Мелкое взяточничество», а также ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», ст. 204.1 УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе» и ч. 5 ст. 184 УК РФ, об ответственности за посредничество в

---

[1] Резолюция № (97) 24 Комитета министров Совета Европы «О двадцати принципах борьбы с коррупцией» (принята Комитетом министров 6 ноября 1997 года на 101-й сессии) // Совет Европы. Официальный сайт. // http://www.coe.int/ru/.

[2] Конвенция об уголовной ответственности за коррупцию (Страсбург, 27 января 1999 года), Преамбула, абз. 12 // Общественный антикоррупционный комитет. Официальный сайт // http://www.stopcorruption.ru/item_338.htm.

[3] Кибальник А.Г., Шипков О.Н. Формы влияния международного права на российское уголовное право // Общество и право. 2011. № 4 (36). С. 157–160.

[4] Охотский Е.В. Участие России в международном антикоррупционном сотрудничестве // Вопросы государственного и муниципального управления. 2019. № 1. С. 224.

[5] Бахвалов С.В. Законодательная технология: некоторые проблемы теории и методологии: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Нижний Новгород, 2006. С. 8.

оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса.

Оценивая необходимость регламентации в уголовном законе специальных оснований конфискации предмета посредничества в коррупционных преступлениях, можно предположить, что таковые являются излишними, поскольку фактически дублируют уже предусмотренные законом положения об основаниях конфискации предмета получения взятки или коммерческого подкупа, что, на первый взгляд, соотносится как часть и целое. Такое дублирование, безусловно, противоречит принципам юридической техники, в связи с чем, абсолютно недопустимо в процессе совершенствования уголовного законодательства.

Вместе с тем, с нашей точки зрения, в процессе анализа допустимости и необходимости регламентации специальных оснований конфискации предметов посредничества в коррупционных преступлениях (наряду с действующими основаниями конфискации предметов получения коррупционных доходов) следует иметь ввиду, что предмет коррупции и предмет получения коррупционного вознаграждения являются разными по объему и содержанию понятиями. При этом, на примере взяточничества отметим, что предмет получения коррупционного вознаграждения включает в себя только предмет получения взятки, а предмет коррупции – не только предмет получения взятки, но и предмет посредничества во взяточничестве, образующий коррупционные доходы посредника.

Проведенный анализ судебной практики свидетельствует о том, что абсолютное большинство посреднических действий характеризуясь корыстной мотивацией посредника, влекло незаконное обогащение последнего за счет содействия совершению преступления коррупционного характера. Таким образом, в большинстве случаев посредничества во взяточничестве предмет коррупции включает в себя не только предмет получения взятки, но и предмет незаконного обогащения посредника (или посредников) в совершении коррупционного преступления.

Исходя из обозначенного соотношения разных по объему и содержанию понятий предмета получения коррупционного вознаграждения и предмета коррупции, можно сделать вывод о том, что регламентируемые пунктом «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ основания конфискации предметов получения коррупционного вознаграждения в виде ссылок лишь на ст. 290 и 204 УК РФ, не обеспечивают в полном объеме регламентации оснований конфискации доходов от коррупционной деятельности, чего требуют международно-правовые обязательства.

Таким образом, регламентируемые ст. 104.1 УК РФ основания конфискации коррупционных доходов не обеспечивают в полном объеме возможности конфискации предметов посредничества коррупционном преступлении, в частности, предмета незаконного вознаграждения посредника (или посредников) за осуществление посреднических действий.

На актуальность рассматриваемой проблемы квалификации «самовознаграждения» посредника указывали в своих трудах профессор П.С. Яни[1], профессор А.В. Грошев[2] и др. ученые.

Необходимо также отметить, что Верховный Суд РФ в практике применения рассматриваемых антикоррупционных мер уголовно-правового характера уделяет особое внимание судьбе коррупционных доходов посредника, освобожденного от уголовной ответственности на предусмотренных законом основаниях. Так, «освобождение от уголовной ответственности взяткодателя либо лица, совершившего коммерческий подкуп, которые активно способствовали раскрытию и (или) расследованию преступления и в отношении которых имело место вымогательство взятки или предмета коммерческого подкупа, не означает отсутствия в их действиях состава преступления. Поэтому такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей, переданных в виде взятки или предмета коммерческого подкупа» [3] . При обозначенном подходе представляетя очевидным, что, коль в соответствии с позицией верховного правоприменителя «такие лица не могут признаваться потерпевшими и не вправе претендовать на возвращение им ценностей», то и дальнейшая принадлежность предметов коррупционно-посреднической деятельности должна быть законодательно регламентированной, что позволит суду принять соответствующее решение о конфискации такого имущества в точном соответствии с международно-правовыми антикоррупционными требованиями. Однако, исходя из содержания пункта «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, суд не вправе принять решение о конфискации имущества, полученного в результате совершения посредничества в совершении коррупционного преступления, поскольку пункт «а» ч. 1 ст. 104.1 УК РФ не содержит ссылки на соответствующие составы посредничества в коррупционных преступлениях.

Обозначенные обстоятельства свидетельствуют о существенных недостатках уголовно-правового регулирования оснований конфискации имущества, полученного в результате коррупционно-посреднической деятельности, а также в результате совершения мелких коррупционных преступлений.

Исходя из международно-правовых требований признания незаконным любого коррупционного обогащения, включая коррупционно-

---

[1] Яни П.С. Квалификация «самовознаграждения» посредника во взяточничестве // Законность. М., 2015, № 1. С. 20–25.

[2] Грошев А.В. Мнимое посредничество во взяточничестве: вопросы квалификации // Российский следователь. 2012. № 23. С. 36–38.

[3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019 № 59) «О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях» абз.1 п.30 // http://www.consultant.ru.

посредническое вознаграждение, и необходимости обеспечения правовых оснований конфискации доходов от такой деятельности, предлагаем дополнить пункт «а» части первой статьи 104.1 УК РФ ссылками на ст. 291.1 УК РФ «Посредничество во взяточничестве», ст. 204.1 УК РФ «Посредничество в коммерческом подкупе», а также ч. 5 ст. 184 УК РФ, «Посредничество в оказании противоправного влияния на результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса».

Предложенные дополнения обеспечат всецелое исполнение международных антикоррупционных обязательств и внутриотраслевую системность уголовно-правовых мер борьбы с коррупционной преступностью.

Баландин Владислав Игоревич,
референт отделения информации ОИОС ГУ МВД России
по Самарской области

К вопросу об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях

Современное уголовное право в Российской Федерации имеет склонность к чрезмерной политизации[1]. Все чаще криминализация конкретных деяний объясняется политической целесообразностью решением тактических задач государства. Власть в процессе государственного управления очень активно пользуется возможностями уголовного закона, применяя уголовно-правовой запрет как один из наиболее быстрых и радикальных методов воздействия на людей. В особенную часть УК РФ вводятся новые статьи, либо меняются формулировки уже существующих. Помимо правотворчества, изменения также касаются правоприменения. В 2020 году вспышка коронавирусной инфекции SARS-nCoV-2 вынудила государство оперативно реагировать на изменившийся уклад жизни общества. В этих условиях появилась необходимость в правовой оценке относительно новых деяний, которые ранее в ней не нуждались. Речь идет о распространении заведомо недостоверной, ложной информации о коронавирусе журналистами или гражданами через информационно-телекоммуникационную сеть «Интернет», в том числе через социальные сети и приложения-мессенджеры. Такого рода информация получила в СМИ название «Fake news».

[1] См.: Кленова Т.В. Квалификация преступлений и уголовная политика // Государство и право 2012. № 4. С. 55.

Ранее, весной 2019 года, были приняты поправки в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» (Федеральный закон от 18.03.2019 № 31-ФЗ) и изменения в статью 13.15 КоАП РФ (Федеральный закон от 18.03.2019 № 27-ФЗ), направленные на противодействие фейкам – недостоверной общественно значимой информации, распространяемой под видом достоверных сообщений и создающей угрозу для безопасности. При этом в 2019 г. дела об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 13.15 КоАП РФ, возбуждались органами внутренних дел крайне редко. Так, за 2019 г., по данным Международной правозащитной группы Агора (официальная статистика по количеству административных дел по ч.9 ст.13.15 КоАП РФ отсутствует), выявлено лишь 13 дел по различным «фейкам», в основном, локального значения[1]. Такое незначительное количество дел вызвано отсутствием у властей политической мотивации применять данную статью. Ситуация кардинально изменилась в конце марта 2020 г., когда для государства стала очевидной угроза эпидемии и перед правоохранительными органами была поставлена задача реагировать на возможные информационных угрозы[2]. 31 марта 2020 г. был принят и одобрен Советом Федерации, а на следующий день утвержден Президентом РФ законопроект № 929651-7 о внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, которым глава 24 УК РФ была дополнена статьями 207.1 и 207.2, устанавливающими уголовную ответственность за публичное распространение заведомо ложной информации об обстоятельствах, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан и за публичное распространение заведомо ложной общественно значимой информации, повлекшее тяжкие последствия. Причем, новые статьи расположились следом за статьей 207 УК РФ «Заведомо ложное сообщение об акте терроризма». Подобная оперативность подтверждает опасения государства по поводу возникновения паники у людей вследствие появления недостоверной информации о масштабе распространения инфекции и массовых беспорядков. Очевидно, что

[1] См.: Доклад Международной Агоры: «Эпидемия фейков: борьба с коронавирусом как угроза свободе слова» // URL: https://www.agora.legal/news/2020.06.15/Doklad-Mezhdunarodnoi-Agory-%C2%ABEpidemiya-feikov-borba-s-koronavirusom-kak/1039 (дата обращения: 23.09.2020).

[2] См.: В СК России создана рабочая группа по противодействию распространению ложной информации о коронавирусной инфекции // URL: https://sledcom.ru/news/item/1451926/ (дата обращения: 23.09.2020); Колокольцев утвердил план мероприятий МВД по борьбе с распространением коронавируса // URL: https://tass.ru/obschestvo/8086455 (дата обращения: 23.09.2020); Кабмин создал центр, который займется опровержением фейков о ситуации с коронавирусом в РФ // URL: https://tass.ru/obschestvo/8115699 (дата обращения: 23.09.2020).

контроль информации о распространении вируса и об эпидемии в целом стал именно политическим вопросом.

Возникают закономерные вопросы об общественной опасности вышеуказанных криминализированных деяний. По мнению В.Е. Жеребкина, поскольку общественная опасность не имеет заранее установленных признаков, законодатель при ее оценке не опирается на какие-либо точно определяемые понятия[1].

Стоит признать, что оценки законодателя о границах преступного и непреступного, как и всякие оценки не лишены субъективизма, конъюнктурных соображений и возможных ошибок[2].

Криминализация подобного рода проводится государством и поддерживается гражданами уже невзирая на реальную опасность, которая исходит от деяний. Они объявляются опасными, уже только потому, что выступают отступлением от среднего стандарта. Опасность политического свойства в криминализации деяний, не обладающих общественной опасностью, но состоящих в демонстрации или выражении «инаковости», заключается прежде всего в официальном ограничении общего объема свободы в социуме. В итоге, уголовное право из средства, призванного обеспечивать свободу личности, может быть средством, эту свободу подавляющим. Так, в результате мониторинга СМИ и информации в сети «Интернет», за 1 полугодие 2020 г. удалось выявить 42 случая уголовного преследования по ст.207.1 УК РФ в 24 регионах России. Причем первое уголовное дело возбудили уже через два дня после вступления закона в силу. Поводом стал пост в одном из местных сообществ в социальной сети «ВКонтакте» о том, что зараженного вирусом мужчину якобы отпустили из больницы на общественном транспорте[3]. По ст. 207.2 УК РФ уголовные дела за 1 полугодие 2020 г. не возбуждались.

Стоит признать, что границы составов преступления, предусмотренного статьей 207.1 УК РФ и административного правонарушения, предусмотренного частью 9 статьи 13.15 КоАП РФ являются размытыми и порождают межотраслевую коллизию и другие негативные последствия, в результате чего правоприменитель дезориентируется при квалификации деяний. Проанализированная практика привлечения лиц к ответственности подтверждает, что фактически одно и то же деяние может быть квалифицировано и как уголовное деяние, и как административное правонарушение.

---

[1] См.: Жеребкин В.Е. Логический анализ понятий права. Киев: Вища школа, 1976. С. 144.

[2] См.: Пудовочкин Ю.Е. Оценка судом общественной опасности преступления: Научно-практическое пособие. М.: РГУП, 2019. С. 10.

[3] См.: Первое в России уголовное дело о «коронавирусном» фейке возбуждено в Петербурге // URL: https://novayagazeta.ru/articles/2020/04/08/84786-boleznennoe-sostoyanie (дата обращения: 23.09.2020).

В ограниченные сроки законодатель в процессе конструирования новых уголовных норм не мог учесть и продумать возможные проблемы правоприменения. Существующие в данный момент в сыром виде нормы нуждаются в устранении выявленных правоприменительной практикой недочетов посредством корректировки их диспозиции и санкции. Например, в статье 207.1 УК РФ конструктивные признаки состава преступления, отражающие характеристики объективной и субъективной стороны преступления, позволили бы отграничить данный состав от практически идентичного по конструкции состава административного правонарушения, предусмотренного частью 9 статьи 13.15 КоАП РФ. Статья 207.2 УК РФ не разрешает коллизию, а наоборот создает дополнительные трудности для правоприменителя в части конкуренции двух новых уголовно-правовых норм. Верховный Суд Российской Федерации признал, что по смыслу уголовного закона предмет преступления, предусмотренного статьей 207.2 УК РФ, является более широким по отношению к предмету преступления, предусмотренного статьей 207.1 УК РФ. Таким образом, несоответствие предметов двух преступлений и отсутствие критериев их различия дает большой простор для усмотрения при трактовке понятия «общественно значимая информация». Факт наличия недостатков в юридической технике и противоречий в правоприменительной практике подтверждается тем, что в первый месяц действия рассматриваемых уголовных норм Верховный Суд в двух обзорах судебной практики по вопросам противодействия распространению на территории российской федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) пытался разрешить спорные вопросы правоприменения. В этих обзорах суд ограничился обтекаемыми формулировками, разъяснением известных положений о действии закона во времени, а также отмечена необходимость учета только умышленной формы вины и признанно публичным распространение информации в мессенджерах.

Таким образом, введение в УК РФ новых статей 207.1 и 207.2 УК РФ и внушительный рост числа уголовных дел показали включенность уголовно правового регулирования во внутренние политические процессы. Потенциально полезные намерения властей бороться с дезинформацией и предупреждать панику у населения в целях защиты общественных интересов сталкиваются с большим количеством проблем в правоприменении из-за неточных юридических конструкций и недостаточного обоснования общественной опасности при криминализации деяния.

В целях разрешения конфликтных ситуаций в правоприменительной практике предлагаются следующие практические рекомендации:

Во-первых, необходимо изменить статью 207.1 УК РФ, учитывая предмет разграничения преступления и аналогичного административного

правонарушения. На мой взгляд, оснований для криминализации данного деяния с такой наиболее широкой диспозицией недостаточно, и введение новой нормы представляется явно избыточным. В качестве компромисса возможно введение конструктивных признаков, отражающих повышенную степень общественной опасности. Такими признаками могут быть наличие специальной цели в виде дестабилизации деятельности органов власти, либо совершение данного деяния из хулиганских побуждений. Конструктивным признаком может служить также совершение деяния в отношении объектов социальной инфраструктуры.

Во-вторых, так как по задумке законодателя общественная опасность рассматриваемых преступлений состоит в создании паники у населения, то в целях недопущения привлечения граждан к необоснованной уголовной ответственности стоит ограничить применение данных составов во времени, периодом введения режима «повышенной готовности» или объявления «Чрезвычайной ситуации» в соответствии с ФЗ от 21.12.1994 № 68-ФЗ «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера». Компромиссом может служить введение административной преюдиции по таким делам, аналогично делам о возбуждении ненависти и вражды.

В-третьих, необходимо сформулировать на уровне толкования закона систему критериев оценки достоверности общественно значимой информации и обстоятельств, представляющих угрозу жизни и безопасности граждан. К таким критериям, например, можно отнести, источник информации, степень его авторитетности, анонимность или открытость. Исходя из проанализированных материалов дел, можно сделать вывод о том, что любая информация от неофициального или анонимного источника считается недостоверной, пока не подтверждена государством. То есть на практике действуют презумпции достоверности официальной информации и исключения возможности распространения ложной или несвоевременной информации государственными структурами.

В-четвертых, необходимо устанавливать причинно-следственную связь между публикацией недостоверных сведений и возможностью наступления указанных в законе угроз или фактически наступившими опасными последствиями, а также субъективное отношение лица к ним.

Наконец, государству необходимо поощрять старания IT-компаний, внедряющих различные технологии по борьбе с дезинформацией, например фактчекинг и последующая маркировка сомнительной информации, предоставление доступа к авторитетным или официальным источникам.

Бархатова Екатерина Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Восточно-Сибирского института МВД России

Меликян Наринэ Погосовна,
курсант 3 курса
факультета правоохранительной деятельности
Восточно-Сибирского института МВД России

Соотношение оснований освобождения от уголовной ответственности с принципами справедливости и равенства перед законом

Уголовное законодательство Российской Федерации строится на принципах равенства граждан перед законом, гуманизма, справедливости, законности, вины. Данные принципы вытекают из Конституции Российской Федерации и призваны обеспечить равный доступ всех граждан государства к справедливому правосудию, качество его отправления. Вместе с тем, в ряде случаев возникает вопрос о конкуренции данных принципов между собой. Устанавливая в уголовном законе конкретную норму в целях обеспечения соблюдения одного принципа, законодатель нередко нарушает другой, руководствуясь принципом «из двух зол выбираю меньшее». Данный подход объясним стремлением обеспечить уголовно-правовую охрану всех возможных нормальных общественных отношений, существующих в жизни государства. Вместе с тем, следует разобраться в том, нет ли возможности сделать это иным путем, сохраняя баланс и не отдавая предпочтения ни одному из принципов.

Неравноправие принципов прослеживается на примере многих норм уголовного закона, но в данной статье мы остановимся на нормах, регламентирующих основания освобождения от уголовной ответственности.

Статья 76^1 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба. Статья касается ряда преступлений экономического характера. Вопросы возникают уже при изучении диспозиции ч. 1 данной статьи. Предусмотрено освобождение от уголовной ответственности за неуплату налогов в случае, если виновный возместит государству причиненный ущерб. Возможно, в рамках политики либерализации уголовного законодательства, в частности в сфере ответственности за преступления экономического характера, законодатель таким образом пытался избежать излишнего давления на лиц, совершивших преступление, и расценил

возмещение ими вреда как демонстрацию готовности исправиться и не повторять подобных действий в будущем. Вместе с тем к моменту возмещения ущерба (а в данном случае имеется в виду лишь сумма неуплаченных налогов без дополнительных штрафных санкций, таких, например, как в ч. 2 рассматриваемой статьи) виновный мог получить доход, используя неуплаченные в качестве налога денежные средства для наращивания капитала и развития бизнеса. Как указывает Пенум Верховного Суда российской Федерации, указанная сумма уплачивается с учетом пеней и штрафов[1]. Об этом же говорится и в примечании 3 к ст. 198 УК РФ. Возможно, в этой связи законодатель посчитал целесообразным не устанавливать дополнительные ограничения. Вместе с тем, учитывая, что деяние является не просто нарушением норм налогового законодательства, а преступлением, полагаем, дополнительные штрафные санкции не были бы излишними, тем более с учетом сумм ущерба бюджету, который должен быть причинен для возникновения основания уголовной ответственности. В настоящем виде, по нашему мнению, норма нарушает принцип справедливости, если сравнивать ее с иными положениями о возмещении ущерба, указанными в ч. 2 ст. 76^1 УК РФ.

Ст. 76^2 УК РФ предусматривает возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с назначением судебного штрафа. По смыслу статьи предполагается, что, если виновный имеет финансовую возможность оплатить судебный штраф, то он освобождается от уголовной ответственности, если же нет – то освобождение по данному основанию исключается. Очевидно, что такое условие нарушает принцип равенства граждан перед законом, предоставляя привилегию более обеспеченным людям и усиливая социальную стратификацию российского общества.

Введение судебного штрафа как мера расширения инструментария уголовно-правового воздействия, по нашему мнению, хотя и экономически обосновано, но не эффективно с точки зрения профилактики преступности. Так, если при деятельном раскаянии преступник заглаживает вред всеми доступными ему законными способами, при примирении с потерпевшим приносит извинения, демонстрирует свое сожаление о содеянном, то в ситуации уплаты судебного штрафа он просто (как бы не цинично это звучало) покупает свободу.

Таким образом, на основании изучения двух оснований освобождения от уголовной ответственности через призму принципов справедливости и равенства граждан перед законом, приходим к выводу о нарушении данных принципов в указанных нормах. Предлагаем включить в ч. 1 ст. 76^1 УК РФ указание на дополнительные компенсационные

[1] О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: постановление пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант плюс».

выплаты наряду с причиненным ущербом, пеней и штрафами (назначенными в рамках предписаний Налогового кодекса РФ). Положение о судебном штрафе, по нашему мнению, подлежит исключению из уголовного закона.

Башинская Инна Геннадьевна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Теоретико-правовые основы противодействия коррупции в сфере культуры

Коррупция сопровождает человечество с древнейших времен. Причины ее зарождения для всех государств определяются исторической эпохой и фазой их социально-экономического развития. По оценкам аналитиков, уровень коррупции в России оценивается 30 позицией в перечне из 160 государств.

Обобщающие признаки коррупции сформулированы еще в 1990 г. VIII Конгрессом ООН в руководстве, «Практические меры борьбы с коррупцией», где наиболее опасные проявлений коррупции разделены на две большие группы:

коррупционные хищения государственного или общественного имущества;

злоупотребление государственными служащими своим служебным положением в целях незаконного получения каких-либо преимуществ при отсутствии признаков хищения[1].

Основным актом Российской Федерации в системе мер борьбы с коррупцией является ФЗ № 273 «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. В соответствии с положениями которого, преступления относятся к коррупционным в тех случаях, когда имеет место: злоупотребление служебным положением или служебными полномочиями, дача взятки, получение взятки, коммерческий подкуп либо иное незаконное использование физическим лицом своего должностного положения вопреки законным интересам общества и государства в целях получения выгоды в виде денег, ценностей, иного имущества или услуг имущественного характера, иных имущественных прав для себя или для

[1] Практические меры борьбы с коррупцией: Материалы Секретариата VIII Конгресса ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями. Гавана, 1990 г. / Консультант Плюс. URL: http://base.consultant.ru/ cons/cgi/line.cgi?req=doc; base=LAW; n=34685; fld 134dst=100543; rnd=189271.8731899465004774; ts= 0189271921431632138425/ (дата обращения: 10.09.2020).

третьих лиц либо незаконное предоставление такой выгоды указанному лицу другими физическими лицами.

Коррупция в уголовно-правовом смысле – это явление, при котором должностные лица сознательно пренебрегают своими обязанностями или действуют вопреки им ради дополнительного материального или иного вознаграждения[1].

Самыми распространенными проявлениями коррупции является взяточничество, которым пронизаны практически все сферы жизнедеятельности, включая культуру.

Современный период времени характеризуется разнообразием форм коррупционных схем реализации, в условиях рыночной экономики, свободной торговли и демократии завуалированными формами коррупции являются:

лоббизм (продавливание чьих-либо интересов путем денежного вознаграждения, в одном случае подкупа, в другом случае спонсирования),

фаворитизм (покровительство, попустительство, получение незаконных привилегий, назначение услуг или предоставление ресурсов от должностного лица родственникам, знакомым, в соответствии с их принадлежностью к определенному кругу)[2],

протекционизм своего рода влиятельная поддержка, помощь кому-нибудь в устройстве его дел,

а так же инвестирование коммерческих структур за счет госбюджета, перевод государственного имущества в акционерные общества, и т. д.

В целях противодействия коррупции законодателем приняты ряд Федеральных Законов, направленных на обеспечение прозрачности закупочной деятельности, это

ФЗ № 223 от 18.07.2011 г., «О закупках товаров, работ, услуг отдельными видами юридических лиц»;

ФЗ № 44 от 5.04.2013 г. «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»;

К сожалению, следует отметить, что ФЗ не решают возложенных на них задач «железного занавеса» от коррупционных действий.

Отдельные представители сферы культуры считают, что эти федеральные законы принесли их учреждениям лишь рост коррупции. Так, директор Эрмитажа Михаил Пиотровский высказался на этот счет следующим образом: «Больше зла, чем пользы, и рост коррупции принес

[1] Волосников С.С. Коррупция. Характеристика понятия // Молодой ученый. 2017. № 20 (154). С. 332–334. URL: https://moluch.ru/archive/154/43667/ (дата обращения: 06.09.2020).

[2] Савина А.О. Фаворитизм и его влияние на Российское государство и социум // Молодой ученый. 2020. № 1 (291). С. 209–212. URL: https://moluch.ru/archive/291/65809/ (дата обращения: 06.09.2020).

учреждениям культуры федеральный закон регламентацией заказов на поставки товаров, выполнение работ, поскольку государственные учреждения обязаны делать выбор не в пользу участника конкурса или тендера, способного создать наиболее художественно значимое и представляющее культурную ценность произведение искусства, а в пользу более дешевого исполнителя»[1]. В качестве примера, указывается ситуация, когда в организации была IT-компания, которая должна была внедрить новую компьютерную систему. Она выиграла тендер, потому что предложила самые низкую цену. В итоге их работы на месяц зависли все компьютеры, т. к. у компании не было навыков работы в музейных условиях.

Если же говорить о коррупционных преступлениях в учреждениях культуры, то здесь доминируют «откаты» при заключении договоров на строительство и ремонт, а также отдельные виды коррупционных нарушений: передача спекулянтам большей части билетов на популярные спектакли, минуя этап их свободной продажи через билетные кассы, распределение ролей или постановок среди близких родственников или «любимчиков» и т. п.

Любое должностное лицо, которое вправе распределять какие-либо не принадлежащие ему ресурсы по своему усмотрению, подпадает под критерии коррупционных рисков. Здесь можно привести пример громкого уголовного дела «Седьмой студии» – театральной труппы, созданной режиссёром Кириллом Серебренниковым, которое было рассмотрено 26.06.2020 г. Подсудимых было четверо: Кирилл Серебренников, бывший директор «Гоголь-центра» Алексей Малобродский, бывший директор «Седьмой студии» Юрий Итин и директор Российского академического молодежного театра Софья Апфельбаум.

Суть их коррупционной деятельности заключалась в следующем. Министерство культуры выделило более 214 млн руб. на развитие современного искусства. Для реализации этой задачи Кирилл Серебренников создал проект «Платформа» и ставил спектакли в рамках этого проекта. Проект реализовывала автономная некоммерческая организация «Седьмая студия». По версии следствия, участники проекта намеренно завышали расходы, что позволило им совершить хищение на сумму не менее 133 млн. руб. Позже Минкульт снизил свои требования до 128,9 млн руб. (иск удовлетворен). После задержания главного бухгалтера «Седьмой студии» Нины Масляевой, Кирилл Серебренников стал подозреваемым по делу. Сама Нина Масляева признала вину и стала сотрудничать со следствием, и подтвердила, что обналичивала большие суммы и ежемесячно получала за это по 150 тыс.рублей.

[1] МОСКВА, 12 фев РИА Новости, Мария Ганиянц // Электронный ресурс. ria.ru›20090212/161896033.html (дата обращения: 10.09.2020).

В итоге, все фигуранты осуждены, кроме срока наказания, помимо возмещения иска им назначены штрафы от 200 до 800 тыс. рублей. Кроме этого, суд запретил Итину и Малобродскому три года занимать административно-хозяйственные должности в государственных учреждениях культуры[1].

В ноябре 2019 года Тихоокеанский флотский военный суд признал бывшего ректора Дальневосточного гос. университета (ДВФУ) Сергея Иванца виновным в растрате 20 млн. рублей. Эту сумму ВУЗ заплатил подрядчику за фактически не выполненный контракт. По данным следствия, в 2011 году между гос. университетом и ООО «Современный университет» был заключен контракт на создание информационно-технической системы ВУЗа на сумму около 650 млн рублей. Система должна была создаваться в несколько этапов и заработать в 2013 году, но этого не произошло. Тем не менее в сентябре 2015 года были составлены и подписаны акты выполнения работ по третьему этапу проекта, и исполнитель получил со счетов ДВФУ свыше 20 млн рублей. До передачи в суд дело было переквалифицировано на ст. 160 УК РФ («Присвоение или растрата»). Суд назначил Иванцу наказание в виде 7 лет лишения свободы в колонии и выплаты штрафа в размере 500 тыс. руб.[2]

На констатацию всех подобных фактов уйдет огромное количество времени, но мы изначально не ставили такой цели, поэтому остановимся на вопросах позволяющих организовать антикоррупционную деятельность. На наш взгляд, ее можно представить комплексом мероприятий, направленных на: профилактику коррупции, борьбу с коррупцией, и минимизацию и (или) ликвидацию последствий коррупционных правонарушений.

Многие руководители учреждений культуры полагают, что борьба с коррупцией – компетенция только правоохранительных органов, и недооценивают свои возможности в этой сфере. Не нужно ждать, когда «тайное станет явным», и «из искры разгорится пламя», чтобы эффективно противодействовать коррупции в учреждении культуры, достаточно наладить систему профилактики, позволяющую реагировать на возможные «искры» коррупционной составляющей.

Под профилактикой коррупции понимается введение в организации элементов корпоративной культуры как организационной структуры правил и процедур, которые регламентированы внутренними нормативными документами и обеспечивают недопущение коррупционных правонарушений.

---

[1] МОСКВА, 26 июн РИА Новости, Виктор Званцев // Электронный ресурс. ria.ru›20090212/161896033.html (дата обращения: 10.09.2020).

[2] ВЛАДИВОСТОК, 11 ноя РИА Новости. // Электронный ресурс. ria.ru› 20090212/161896033.html (дата обращения: 10.09.2020).

Профилактику в учреждениях мы предлагаем начать с анализа организации их деятельности, что позволит выявить потенциальные риски коррупционных правонарушений (сразу заметим, они свойственны только бизнес-процессам). Такой анализ рекомендуется проводить не реже 1 раза в три года, а также при обновлении организационной структуры управления, создании новых структурных подразделений, перераспределении функциональных обязанностей между заместителями руководителя учреждения.

Анализ на коррупционные проявления следует проводить по следующим направлениям:

– *административно-хозяйственная деятельность*, которая обеспечивает функционирование организации в целом (материально-техническая база, строительство, ремонт и реконструкция занимаемых помещений, транспортное, медицинское и прочее обслуживание текущей хозяйственной деятельности, обеспечение питания и т. п.);

– *управленческая деятельность* нацелена на определение приоритетных направлений в работе организации, эффективное функционирование в соответствии с ее основными целями и задачами, обеспечение реализации уставных целей, экономическую эффективность, управление внутрикорпоративным взаимодействием и т. п.;

– *финансово-экономическая деятельность* по управлению финансами организации, их распределению, выплатам, учету доходов и расходов и т. д. В зависимости от профиля организации в ее деятельности могут быть выделены другие бизнес-процессы.

В деятельности учреждений культуры коррупционные риски чаще всего преобладают в административно-хозяйственной деятельности, поскольку реализуются на основе возмездных гражданско-правовых договоров. «Критическая точка» коррупционного риска заключается в механизме заключения этих договоров, в том числе выборе контрагентов и определении условий договоров.

Именно поэтому важно, с учетом анализа сложившийся судебно-следственной практики, составить описание возможных бизнес-процессов, способных породить коррупционные правонарушения.

Поскольку для каждого учреждения культуры свойственны характерные только ему бизнес-процессы, то для их дальнейшего анализа, разделим все учреждения культуры на четыре группы. При классификации мы учитываем специфику организаций, которая обусловливает их хозяйственные, административные, управленческие и иные потребности.

Группа 1. Учреждения искусства: театры, организации эстрадного и циркового искусства, оркестры и филармонии.

В них выделяют следующие бизнес-процессы:

творческая деятельность – определение содержательной составляющей при реализации культурной и творческой части в деятельности

организации: подготовка сценариев концертных программ и мероприятий, постановка спектаклей, определение актерского состава и т. п.;

деятельность по организации зрительской аудитории: продажа входных билетов, распространение пригласительных (бесплатных) билетов, организация групповых посещений мероприятий текущего его репертуара.

Группа 2. Образовательные и научные учреждения: учебные заведения, научно-исследовательские институты.

Бизнес-процессы преобладают в:

научной деятельности – в процессе по созданию и внедрению научных разработок профильного характера, включая образовательные программы;

учебном процессе – в процессе деятельности по обеспечению содержательной составляющей и ее реализации в рамках учебного процесса, в том числе организация приема абитуриентов, реализация дополнительных и платных профильных образовательных программ и оказание платных услуг, включая деятельность преподавательского состава.

Группа 3. Учреждения истории и культуры: музеи, библиотеки. Для них характерны бизнес-процессы в следующих видах:

научная деятельность – деятельность научно-исследовательского характера в рамках профиля и направленности организации, нацеленная на сохранение и поддержание исторических и культурных традиций, изучение исторических фактов, биографий и т. п.;

деятельность по созданию и сохранению культурных и исторических фондов: формирование, сохранение и изучение музейных и библиотечных фондов, распоряжение ими;

организация культурных мероприятий и оказание дополнительных услуг – деятельность по продвижению, популяризации как организации в целом, так и профиля ее деятельности: проведение семинаров, конференций, научных дискуссий, а также иных мероприятий, в том числе на коммерческой основе, связанных с использованием фондов организации.

Группа 4. Прочие организации: парки культуры и отдыха, зоопарки, планетарии, ботанические сады и заповедники, лектории и др. У этой группы могут быть другие бизнес-процессы, каждое учреждение культуры определит их самостоятельно.

К числу должностей с повышенным коррупционным риском для административно-хозяйственной деятельности относятся:

руководитель учреждения;

главный бухгалтер;

руководители структурных подразделений – инициаторов закупки, руководитель отдела закупок (контрактный управляющий) либо иное

лицо, в чьи полномочия входит подготовка и/или заключение договоров, а также принятие исполнения по ним (руководитель приемной комиссии при проведении реконструкции, главный инженер и т. п.)[1].

Проанализировав деятельность организации и определив лиц, деятельность которых сопряжена с бизнес-проектами, следует приступить к Подготовке, изданию и утверждению локальных нормативных актов, регулирующих вопросы предупреждения и противодействия коррупции, в которых необходимо определить:

конкретно какие действия подпадают под понятие понятия антикоррупционной деятельности;

механизмы реализации обязанностей сотрудников в сфере противодействия коррупции;

четко регламентированные меры ответственности за совершение коррупционных правонарушений (дисциплинарная ответственность работника).

Признаки коррупционных правонарушений чаще всего связаны с конфликтом интересов и личной заинтересованностью.

Конфликт интересов – это ситуация, при которой личный интерес должностного лица, в функции которого входит предотвращать конфликт интересов, влияет на исполнение им должностных обязанностей.

Конфликт интересов сопровождается личной заинтересованностью, т. е. возможностью получения должностным лицом или его родственниками доходов в виде денег, иного имущества (имущественных прав), услуг имущественного характера или выгод (преимуществ).

Например, ситуация, когда один из родственников является руководителем учреждения, а другой находится в непосредственном подчинении. При принятии решения о премировании такого подчиненного сразу же встанет вопрос о конфликте интересов, равно как и при заключении договоров коммерческого характера с родственниками.

Если конфликт интересов все же возможен либо уже возник (бывает и такое, например, изменилось семейное положение) лицо обязано сообщить об этом в письменном виде непосредственно начальнику или иному ответственному лицу.

Предотвратить и урегулировать риски возникновения конфликтов интересов можно одним из способов:

изменить должностное или служебное положение работника, устранив непосредственную подчиненность или подконтрольность одного из них другому;

пересмотреть и изменить функциональные обязанности работника;

[1] Зайнулин К. Коррупция в учреждениях культуры: проводи // Справочник руководителя учреждения культуры» № 6 июнь 2016. С. 22–31.

перевести работника на должность, функциональные обязанности которой не связаны с конфликтом интересов;

добровольно отказаться от участия в обсуждении и принятии решений по вопросам связанных с конфликтом интересов;

уволить работника по его инициативе;

уволить работника по инициативе работодателя за совершение дисциплинарного проступка, то есть за неисполнение или ненадлежащее исполнение работником по его вине возложенных на него трудовых обязанностей - непринятие работником мер по предотвращению или урегулированию конфликта интересов, стороной которого он является (п. 7.1 ч. 1 ст. 81 ТК РФ).

Изучив перечни операций с повышенными коррупционными рисками, и должностей с высоким коррупционным риском, типовых ситуаций коррупционных правонарушений, характерных для организации, следует разработать внутренний документ «Положение о конфликте интересов (личной заинтересованности)», в котором определить порядок выявления и урегулирования конфликтов интересов, возникающих у работников.

«Положение о конфликте интересов (личной заинтересованности)» должно включать:

цели и задачи;

используемые понятия и определения;

круг лиц, попадающих под его действие;

основные принципы управления конфликтом интересов в организации;

порядок раскрытия конфликта интересов работником организации и порядок его урегулирования;

обязанности работников в связи с раскрытием и урегулированием конфликта интересов;

определение лиц, ответственных за прием сведений о возникшем конфликте интересов и рассмотрение этих сведений;

ответственность работников за несоблюдение положения о конфликте интересов.

В целях информирования о реализуемых антикоррупционных мероприятиях, следует ознакомить сотрудников с их обязанностями и ответственностью в области коррупционных правонарушений, порядком работы по предупреждению, выявлению и борьбе с коррупционными нарушениями, а также внутренними локальными актами. Такое информирование может быть разовым, например при приеме на работу, переводе на другую должность, и периодическим в рамках обучающих мероприятий.

Рациональным представляется: включить в трудовые договоры работников обязанности по предупреждению и противодействию

коррупции. Если работник не исполнит их, к нему возможно применение мер дисциплинарного взыскания, включая увольнение.

Специфика деятельности конкретной организаций диктует и свои особенности. Например, в трудовые договоры работников образовательных организаций можно включить нормы о запрете репетиторства с учащимися соответствующего подразделения. В трудовые договоры с артистами, певцами, музыкантами филармоний и музыкальных театров – запрет на указание своего должностного статуса при осуществлении индивидуальной концертной деятельности на праздниках частного характера (юбилеях, свадьбах).

Антикоррупционная деятельность в сфере культуры представляет собой комплекс разносторонних мероприятий, позволяющих предупредить коррупцию, реагировать на ее проявления, устранить ее последствия.

Цель введения стандарта антикоррупционного поведения состоит в придании образу профессиональной деятельности и бытовой жизни сотрудника антикоррупционного характера.

Проблему коррупции в учреждениях культуры не следует преувеличивать, но также не стоит ее недооценивать и считать несущественным фактором.

Следует заметить, что именно руководитель учреждения культуры несет ответственность за неудовлетворительные результаты профилактической работы.

По решению учредителя к руководителю могут быть применены меры дисциплинарного взыскания, вплоть до увольнения. Согласно п. 10 ч. 1 ст. 81ТК РФ руководитель может быть уволен за неоднократное грубое нарушение своих трудовых обязанностей. Под этим понимается неисполнение руководителем возложенных на него трудовым договором обязанностей, которое могло повлечь причинение имущественного ущерба возглавляемой им организации. Руководитель также несет полную материальную ответственность за прямой действительный ущерб, причиненный учреждению (ст. 277 ТК РФ).

Экономический и репутационный вред от проявлений коррупции очевиден, а потому следует сосредоточиться именно на профилактике, чтобы не допустить коррупционные злоупотребления в коллективе учреждения. Работа по противодействию коррупции должна быть системной и регулярной. В силу латентности коррупционных преступлений большое значение следует придавать индивидуальной профилактике.

Бикмашев Виталий Абдулхаевич,
кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный юрист Кубани,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Стратегия противодействия экстремизму в нормативных правовых актах Российской Федерации

Среди приоритетных задач органов внутренних дел – противодействие экстремизму

В.В. Путин[1]

С развалом СССР, в России, как и в остальных постсоветских республиках, стала ухудшаться экономическая, политическая, национальная, межэтническая и религиозная обстановка.

В соответствии с ч. 5 ст. 13 Конституции РФ в России запрещается создание и деятельность общественных объединений, цели или действия которых направлены на насильственное изменение основ конституционного строя и нарушение целостности Российской Федерации, подрыв безопасности государства, создание вооруженных формирований, разжигание социальной, расовой, национальной и религиозной розни.

25 июля 2002 года, в рамках конституционных положений, был принят Федеральный закон «О противодействии экстремистской деятельности». Одновременно, в Уголовный кодекс Российской Федерации были внесены поправки и изменения, касающиеся вопросов криминализации деяний, связанных с экстремизмом: ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности», ст. 282^1 УК «Организация экстремистского сообщества», ст. 282^2 УК РФ «Организация деятельности экстремистской организации».

В Федеральном законе РФ № 114-ФЗ экстремизм трактуется как:

– насильственное изменение основ конституционного строя или нарушение территориальной целостности Российской Федерации;

– публичное оправдание терроризма и иная террористическая деятельность;

– возбуждение социальной, расовой, национальной или религиозной розни;

[1] В.В. Путин. Высказывание на расширенном заседании коллегии МВД России http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/62860 28/02/2018.

– пропаганда исключительности, превосходства, либо неполноценности человека по признаку его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии;

– нарушение прав, свобод и законных интересов человека и гражданина в зависимости от его социальной, расовой, национальной, религиозной или языковой принадлежности или отношения к религии и т. д.

Более лаконичное определение экстремистской деятельности, на наш взгляд, появилось в июле 2007 года в Примечании 2 к ст. 282[1] УК РФ – это преступления, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Из содержания определений, имеющих место в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» и в Примечании 2 к ст. 282[1] УК следует выделить четыре общих, на наш взгляд, признака экстремистской противоправности – это мотивация национальной, расовой, религиозной и социальной принадлежности.

Дадим краткое правовое определение содержанию этих признаков:

Национальность – принадлежность гражданина или человека к определенной нации, народности или к определенному национальному государству;

Раса – система человеческих популяций, характеризующихся сходством по комплексу определенных наследственных биологоческих признаков, имеющих внешнее фенотипическое проявление и сформировавшихся в определенном географическом регионе. Все расы делятся на 4 группы: 1) негроидная; 2) монголоидная; 3) австралоидная; 4) европеоидная;

Религиозность – вовлеченность в религию и следование религиозным ориентирам;

Социальная группа – объединение людей, имеющих общий значимый социальный признак, на котором основано их участие в некоторой деятельности, связанной системой отношений, которые регулируются формальными или неформальными социальными институтами[1].

По мере развития Российского общества в ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» вносились изменения и дополнения. В 2007 году в Закон добавили пункт, предусматривающий финансирование экстремистской деятельности. В последствии данная деятельность была признана преступлением.

Всего за 18 лет существования Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности» в него было внесено 21 поправка. Одно из

[1] Климанов А.М., Пешков Д.В., Розовская Т.И. Преступления против конституционных прав и свобод человека и гражданина: научно-практическое пособие. Москва: Юрлитинформ, 2015.

последних изменений (от 31.07.2020 г. № 299-ФЗ) касалось терминов «делимитации», «демаркации» и «редемаркации». Поскольку эти слова упоминаются в статье 1 ФЗ «Основные понятия», на наш взгляд, необходимо было бы раскрыть их правовое содержание.

Демилитация границы – проведение государственной границы на местности с обозначением ее специальными пограничными знаками.

Демаркация границы – проведение государственной границы на местности с обозначением ее специальными пограничными знаками.

Редемаркация – проверка ранее демаркированной границы и восстановление или замена разрушенных пограничных знаков.

В целях конкретизации положений ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» 28.11.2014 г. № Пр-2753 был утвержден Указ Президента РФ «Стратегия противодействия экстремизму в Российской Федерации». Просуществовав не полных 6 лет данный Указ был отменен, поскольку на смену ему Указом Президента Российской Федерации от 29 мая 2020 г. № 344 была утверждена новая редакция «Стратегии противодействия экстремизму в Российской Федерации до 2025 года».

Новая Стратегия была разработана в целях обеспечения и конкретизации положений ФЗ от 25.07.2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Указа Президента РФ от 31.12.2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

В чем же состоит отличие содержательной части новой Стратегии от предыдущей?

На наш взгляд, прежде всего в детальной конкретизации. Так, например, в ст. 1 раздела I «Общие положения» говорится, что одним из основных источников угроз национальной безопасности Российской Федерации является экстремистская деятельность, осуществляемая националистическими, радикальными, общественными, религиозными, этническими и иными организациями и объединениями, направленная на нарушение единства и территориальной целостности Российской Федерации, дестабилизацию внутриполитической и социальной обстановки в стране. Более того, в ст. 2 говорится, что данная Стратегия является документом стратегического планирования, в котором определяются цель, задачи, основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму.

Среди основных понятий в Стратегии используются новые термины, такие как «идеология насилия».

По-новому воспроизведено определение «радикализм».

По сравнению с предыдущей редакцией сужен круг «субъектов противодействия экстремизму» в новой Стратегии не предусмотрены институты гражданского общества, организации и физические лица.

В разделе II «Основные источники угроз экстремизма в современной России» внимание акцентируется на внешних и внутренних экстремистских угрозах.

В Стратегии подчеркивается, что количество преступлений экстремистской направленности достаточно мало, однако каждое такое преступление способно вызвать повышенный общественный резонанс и дестабилизировать внутриполитическую и социальную обстановку как в отдельном регионе, так и в стране в целом.

К наиболее опасным проявлениям экстремизма новая Стратегия относит возбуждение ненависти либо вражды, унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, принадлежности к какой-либо социальной группе, распространение призывов к насильственным действиям, организацию и проведение протестных акций, массовые беспорядки, подготовку и совершение террористических актов.

С последним положением сложно согласиться по той причине, что родовым объектом ст. 205 УК РФ «Террористический акт» выступает «Общественная безопасность и общественный порядок», а в ст. 280 УК РФ «Публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности» – «Основы государственной власти».

Пункт «в» данного раздела дополнен положением, которое предусматривает с одной стороны – предотвращение любых форм дискриминации по признаку социальной, расовой, национальной, языковой, политической, идеологической или религиозной принадлежности, а с другой стороны – формирование в обществе атмосферы неприятия пропаганды и оправдания экстремистской идеологии, ксенофобии, национальной или религиозной исключительности.

В разделе III «Цель, задачи и основные направления государственной политики в сфере противодействия экстремизму» правотворческим новшеством является пункт «и», предполагающий противодействие экстремизму в области обеспечения участия институтов гражданского общества в реализации государственной политики. Данное противодействие предусматривает 4 направления.

Раздел IV «Инструменты и механизмы реализации настоящей Стратегии» выделяет инструменты реализации новой Стратегии, к которым относит нормативно-правовые акты, документы стратегического планирования, государственные программы в сфере противодействия экстремизму.

Основные этапы реализации новой Стратегии в отличие от предшествующего документа выделены в отдельный V раздел, реализация которого предусматривает 2 этапа. Ранее действующая Стратегия 2014 года предполагала 3 этапа.

Раздел VI «Целевые показатели реализации Стратегии» предусматривает динамику изменения количества зарегистрированных преступлений и административных правонарушений экстремистской направленности выявленных лиц, совершивших такие преступления и правонарушения, по годам. Кроме того, к показателям следует отнести и долю преступлений насильственного характера в общем количестве преступлений экстремистской направленности. Помимо этих показателей предполагается учитывать количество общественных, религиозных объединений и организаций, в отношении которых приняты судебные решения о запрете или ликвидации.

В заключительном VII разделе «Ожидаемые результаты реализации Стратегии» предполагается, что новая Стратегия будет способствовать:

во-первых, стабилизации общественно-политической ситуации в стране;

во-вторых, сокращению случаев проявления ксенофобии и радикализма в обществе;

в-третьих, повышению уровня общественной безопасности;

в-четвертых, укреплению межнациональных (межэтнических) и межконфессиональных отношений;

в-пятых, развитию духовного и гражданского единства многонационального народа Российской Федерации.

Все вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что принятые нормативно-правовые акты по противодействию экстремистской деятельности должны сократить количество экстремистских угроз, уменьшить долю преступлений насильственного характера и сформировать в российском обществе, во-первых, атмосферу нетерпимости к экстремистской деятельности, а, во-вторых, неприятие экстремистской идеологии.

Буз Стелла Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского Университета МВД России

Сарапкина Юлия Константиновна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Актуальные проблемы квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности

Государственная власть в Российской Федерации осуществляется на основе принципа разделения властей и представлена законодательной, исполнительной и судебной ветвями власти. При таком разделении, тем не менее, существует и взаимосвязь ветвей власти. В частности, в процессе привлечения лица к уголовной ответственности участвуют органы исполнительной власти и суды. В связи с этим, нарушение законности на досудебном этапе может повлечь принятие неправосудного судебного акта, так как судья примет решение, опираясь на недопустимые доказательства.

Необходимость рассмотрения состава преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 303 УК РФ обусловлена реализацией сотрудниками оперативных подразделений в рамках своей профессиональной деятельности одного из этапов привлечения к уголовной ответственности. Особенностью данной деятельности является конспиративность, т.е. сама процедура познания остаётся тайной, но результаты могут быть переданы органам дознания, следователю или суду. При этом существует неустранимый недостаток таких результатов – невозможность проверки источника информации. Подобные сведения подтверждаются другими фактами. Таким образом, сотрудник оперативного подразделения может самостоятельно формировать нужные ему результаты своей деятельности, либо вносить изменения в уже имеющиеся материалы.

Законодатель относительно недавно отреагировал на подобную противоправную практику. Необходимо также отметить, что новый состав преступления носит бланкетный характер и опирается на уголовно-процессуальное и оперативно-розыскное законодательство. Несомненно, дополнение УК РФ данной новеллой позволило устранить пробел в законодательстве по обеспечению легитимности отправления правосудия, однако формулировка диспозиции ч. 4 ст. 303 УК РФ требует дополнительной законодательной доработки.

Фальсификация результатов оперативно-розыскной деятельности в структуре преступлений против правосудия представляет особую общественную опасность, ведь наряду с интересами правосудия, оно затрагивает и интересы личности – участников судопроизводства. Рассмотрим данный состав преступления детально.

Объектом фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности являются общественные отношения, обеспечивающие достижение целей судопроизводства в сфере процессуального доказывания.

Помещение фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности в главу УК РФ «Преступлений против правосудия» связано с тем, что следствием совершения рассматриваемого преступления является неправильное принятие судебного решения, т.е. цель судопроизводства не достигается.

Но что относится к предмету фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности? В п. 36.1 ст. 5 УПК РФ законодатель даёт следующее определение:

«…сведения, полученные в соответствии с федеральным законом об оперативно-розыскной деятельности, о признаках подготавливаемого, совершаемого или совершенного преступления, лицах, подготавливающих, совершающих или совершивших преступление и скрывшихся от органов дознания, следствия или суда»[1].

Как подмечает в своём исследовании Нагиленко Б.Я.: «Само понимание термина «результаты ОРД» подразумевает завершенность деятельности в целом или определенного ее этапа и получение информации, позволяющей сделать выводы или заключения о выполненной работе»[2].

Результаты, полученные в ходе ОРМ, могут служить поводом и основанием для возбуждения уголовного дела, использоваться в доказывании по уголовному делу, поэтому фальсификация результатов ОРД является одним из звеньев цепи последующих действий органов правосудия и приводит к вынесению неправильных и незаконных решений. Однако результаты ОРД могут использоваться не только в сфере уголовного судопроизводства. Добытые в рамках проведения ОРМ сведения используются при решении вопроса о допуске граждан к специфическим видам деятельности, в таком случае от достоверности полученных сведений зависит деловая репутация лиц. Такой является

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 27.10.2020) // Российская газета от 22 декабря 2001 г. № 249 // СПС «ГАРАНТ».

[2] Нагиленко Б.Я. О понятии результата оперативно-розыскной деятельности // Оперативник (сыщик). 2006. № 4. С. 21–26; Теория оперативно-розыскной деятельности: Учебник / под ред. К.К. Горяинова, В.С. Овчинского, Г.К. Синилова. М., 2006. С. 556–557.

деятельность, связанная с государственной тайной, эксплуатацией объектов, представляющих повышенную опасность для жизни и здоровья людей, окружающей среды, а также о выдаче разрешений на частную и детективную деятельность[1].

Однако официальных критериев, по которым определяются оперативно-служебные документы и акты, законодателем не установлены. В ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» нет статьи, которая бы регламентировала основные требования к оперативной документации, данный вопрос остаётся в ведомственной сфере регулирования. Стоит отметить, что оперативные сотрудники часто используют процессуальные документы из других отраслей права для оформления и предоставления результатов своей работы. В частности, это может быть рапорт об обнаружении признаков преступления, предусмотренный ст. 143 УПК РФ. Но данный рапорт скорее подпадает под предмет ч. 2 и ч. 3 ст. 303 УК РФ, как часть доказательственной базы по уголовному делу. Иным примером является акт личного досмотра лица, производимый в соответствии со ст. 27.7 КоАП РФ. Однако данная процедура является административной, и нарушения при её осуществлении квалифицируются по ч. 1 ст. 303 УК РФ. Необходимо установление чётких критериев результатов оперативно-розыскной деятельности, которые бы отграничивали их от административных и уголовно-процессуальных документов.

Под объективной стороной изучаемого состава преступления понимаются действия, выражающиеся в подделке, искажении, подмене подлинной информации или ее носителя информацией ложной, мнимой, происходящей из ненадлежащего источника или полученной с нарушением установленного порядка. Т. е. под фальсификацией понимается внесение заведомо ложных сведений в итоговый оперативно-служебный документ, либо его составления на основе мнимого или вымышленного источника информации.

В.Л. Кудрявцев отмечал, что результаты ОРД могут быть сфальсифицированы, «...исходя из этимологии слова фальсификация ...», а также единства и дифференциации содержания и формы, путём внесения не соответствующих действительности изменений в их содержание при неизменности формы; подмены одного результата ОРД другим, аналогичным ему, но с изменённым содержанием, не соответствующим действительности; создания нового результата ОРД, ранее не существовавшего, содержание которого не соответствует действительности[2].

---

[1] Федеральный закон Российской Федерации от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (ред. от 02.08.2019 г). // Российская газета от 18 августа 1995 г. № 160 // СПС «ГАРАНТ».

[2] Кудрявцев В.Л. Некоторые теоретико-методологические проблемы объективной стороны фальсификации доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности (ст. 303 УК РФ) // Евразийская адвокатура. 2018. № 4 (35). С. 59–64.

При этом преступление считается оконченным в момент т. н. предоставления результатов оперативно-розыскной деятельности органам дознания, следователю или суду, так как именно после этого они приобретают доказательственное значение и могут стать основанием для производства следственных действий или принятия судебных решений.

Под субъектом рассматриваемого преступления понимается лицо, уполномоченное на осуществление оперативно-розыскной деятельности. В данном случае мы исходим из положений ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», нормативных актов ведомств, которые определяют перечень оперативных подразделений и границы их полномочий, а также должностных инструкций конкретных сотрудников государственных органов исполнительной власти.

Субъективная сторона рассматриваемого преступления выражается в виде умышленной формы вины с прямым умыслом и специальной целью: уголовное преследование лица, заведомо непричастного к совершению преступления, либо причинение вреда чести, достоинству и деловой репутации.

Стоит отметить, что фальсификация результатов ОРД будет являться преступлением в том случае, когда данные результаты представляются в отношении лица, заведомо не причастного к совершению якобы выявленного преступления. Понятие заведомости раскрыто в ряде документов высшего судебного органа, с учетом этого оперативный сотрудник должен достоверно знать, что лицо, в отношении которого он фальсифицирует результаты ОРД, безусловно непричастно к совершению преступления[1].

Таким образом, законодатель связал условия объективной и субъективной стороны преступления. Предоставление результатов оперативно-розыскной деятельности осуществляется с целью дополнения доказательственной базы, создании повода и основания для возбуждения уголовного дела, проведения отдельных следственных действий, принятия судебных решений и т. п. Если же фальсификация осуществляется не для переноса собранных сведений в уголовное дело, а, например, в личное дело будущего сотрудника государственной организации или частного детективного агентства, то тут налицо намеренное создание ложного негативного портрета личности, из-за чего человека, конечно же, не возьмут на работу. Однако, такая цель скорее характерна для преступлений против личности.

Рассмотрим судебную практику по данному преступлению. Интересный случай описан в приговоре № 1-3/2019 1-84/2018 от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-3/2019 Задонского районного суда.

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» (ред. от 03.03.2015) // СПС «ГАРАНТ».

Сотрудник оперативного подразделения Уврачев Е.В. буквально «создал» преступление: он заставил директора автозаправочной станции принять на работу «нужного» человека, после чего новый работник АЗС оказал услугу сотруднику полиции с нарушением требований законодательства. При этом все эти действия были оговорены заранее между оперуполномоченным и мнимым преступником. Судья принял решение о признании виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ, ч. 4 ст. 303 УК РФ Уврачева Е.В. Примечательно, что в приговоре указан следующий перечень фальсифицированных документов и носителей информации, содержащих результаты оперативно-розыскной деятельности: акт проверочной закупки; объяснения лиц, участвовавших в проведении оперативно-розыскных мероприятий; постановление о предоставлении результатов оперативно-розыскной деятельности дознавателю, органу дознания, следователю, прокурору, в суд; постановление на проведение ОРМ; компакт диски, содержащие результаты проведения ОРМ «Наблюдение»; направление на исследование; рапорт об обнаружении признаков преступления[1].

Не менее интересным является приговор № 1-100/2019 от 22 августа 2019 г. по делу № 1-100/2019 Брянского районного суда. Согласно приговору подсудимые Гусейнов Р.А. и Милехин О.С., являясь оперативными сотрудниками группы по контролю за оборотом наркотиков МО МВД России «Брянский», пытались склонить потерпевшего к соучастию в фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности. Данная фальсификация представлялась провокацией другого лица потерпевшим на совершение преступления, предусмотренного ст. 228.1 УК РФ. Другими словами, подсудимые пытались склонить потерпевшего к убеждению другого лица продать ему наркотическое средство. При этом указанный акт сбыта был бы задокументирован подсудимыми, а результаты проведения ОРМ переданы следователю. Однако, потерпевший сообщил о противоправных действиях Гусейнова Р.А. и Милехина О.С. в УФСБ России по Брянской области, сотрудникам которого удалось пресечь противоправную деятельность. Судья принял решение о признании виновными в совершении преступлений, предусмотренных п. «а» ч. 3 ст. 286 УК РФ, ч. 3 ст. 30, ч .4 ст. 303 УК РФ, п. п. «б,г» ч .4 ст. 228.1 УК РФ обоих подсудимых[2].

Несколько иная ситуация описана в приговоре № 1-195/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-195/2019 Ишимского городского суда. Согласно приговору, подсудимый Трайзе М.В., будучи оперуполномоченным уголовного розыска, сфальсифицировал результаты

[1] Приговор № 1-3/2019 1-84/2018 от 4 сентября 2019 г. по делу № 1-3/2019 судьи Задонского районного суда Барминой Г.А. / URL: https://sudact.ru.

[2] Приговор № 1-100/2019 от 22 августа 2019 г. по делу № 1-100/2019 судьи Брянского районного суда Паскановой Е.А. / URL: https://sudact.ru.

оперативно-розыскной деятельности. Его действия выразились во внесении заведомо ложных сведений в бланк опроса лица, по которым следовало, что именно это лицо совершило преступление. В дальнейшем подсудимый также подделал бланк опроса третьего лица, которое якобы купило похищенные вещи у «подозреваемого». При этом, в приговоре указывается о корыстной заинтересованности подсудимого: желании получить премиальные выплаты. Судья принял решение о признании виновным в совершении преступлений, предусмотренных ч. 4 ст. 303 УК РФ, ч. 3 ст. 303 УК РФ Трайзе М.В[1].

Таким образом, мы видим, что фальсификация выражается не только в занесении ложных сведений в оперативно-служебные документы, но и создание самого события преступления. Однако в данный судебных актах говорится о следующих целях подсудимых:

1) преступный умысел на улучшение своих служебных показателей по выявлению преступлений;

2) создание видимости своей результативной служебной деятельности, искусственного завышения статистических показателей работы;

3) сохранить и упрочить свое должностное положение, а также содействовать своему дальнейшему продвижению по службе;

4) сокрытие упущений в работе, облегчении своей работы.

Таким образом, цели фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности не ограничиваются стремлением к уголовному преследованию заведомо невиновного в совершении преступления лица, либо причинении вреда его достоинству, чести или деловой репутации. Более того, фальсификация может выражаться и в создании самого преступления, что не равноценно классическому изменению ряда фактов в оперативных документах. В том числе, можно прийти к выводу, что фальсификация результатов ОРД, направленная на то, чтобы виновный смог избежать уголовной ответственности, под данную норму не попадает.

Считаем целесообразным выделение данного состава в отдельную статью Особенной части УК РФ – 303.1, так как по объективной стороне преступления фальсификация доказательств и результатов ОРД принципиально отличаются друг от друга. Кроме того, существует необходимость в выделении квалифицированных видов данного состава преступления, что позволит учесть степень общественной опасности рассматриваемого преступления, повлекшего тяжкие последствия, а также обеспечить системный подход, дифференциацию уголовной ответственности за фальсификацию доказательств и результатов оперативно-розыскной деятельности.

[1] Приговор № 1-195/2019 от 18 июля 2019 г. по делу № 1-195/2019 судьи Ишимского городского суда Шарапова А.Ю. / URL: https://sudact.ru.

Булгакова Виктория Руслановна,
адъюнкт
Барнаульского юридического института МВД России

Особенности института уголовной ответственности за подделку документов в период существования Российской империи

Развитие института уголовной ответственности за подделку документов берет свои истоки с момента зарождения Древнерусского государства (середина IX в.). При этом, серьезным изменениям он подвергся в период существования Российской империи (с XVIII в. до 1917 г.).

Во времена правления Петра I (1682–1725 гг.) правовая основа регулирования жизнедеятельности государства оставляла желать лучшего. Это было связано с частым внесением законодательных поправок, в год принималось более ста царских указов. Однако, несмотря на это, в сфере развития института уголовной ответственности за подделку документов в исследуемый период внесены ряд нововведений.

В 1715 г. принимается Артикул воинский, предусматривающий ответственность не только за подделку официальных документов и печатей, но и частных документов[1].

Устанавливаются образцы документов («генеральные формуляры»), включающие такие реквизиты, как: дата составления, подписания документа, его наименование, подпись и ряд других[2].

В период царствования Екатерины II (1725–1727 гг.) вводится новый вид документа – бланки, имеющие следующие реквизиты: наименование учреждения, адресат, регистрационный индекс, заголовок, автор, подпись и дата[3].

При Николае I, в 1832 г., издается Свод законов Российской империи, в котором в отдельную группу выделяются «Преступления и проступки против порядка управления» (Разделе IV). Впервые устанавливается наказание за: «выдавание себя за другого человека, путем предоставления чужих документов»; «подделку печати»; «составление подложных указов, предписаний»; «использование поддельных

[1] Артикул воинский 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 04.08.2020).

[2] Лебедев В.И. Реформы Петра I. Сборник документов. М., Гос.соц.-эк. изд-во, 1937 [Электронный ресурс]. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/general.htm (дата обращения: 17.08.2020).

[3] Бойцова Ж.А. К вопросу об истории развития российского законодательства об уголовной ответственности за подделку документов // Вестник Московского университета МВД России. 2014. № 6. С. 114.

официальных документов, печатей, в целях совершения иного преступления».

Появляются и новые способы подделки документов: подчистка, поправка. При этом, уголовная ответственность наступала и в ситуации, когда виновный подделал документ, но не воспользовался им[1].

Большое влияние на становление института уголовной ответственности за подделку документов оказало «Уложение о наказаниях уголовных и исправительных» (1845 г.) (Глава III «О самовольном присвоении власти и составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» (ст. 289–302) и Глава IV «О подлогах по службе» (ст. 361–364)).

Примечательно, что в Главе III, субъект преступления был общим («подлог документов, позволяющих выдать себя за другого» (ст. 290); «составление и употребление подложных (подписанных от имени императора) документов: манифестов, указов, грамот» (ст. 291); «предоставление подложного свидетельства о болезни, бедности, хорошем поведении» и др. (ст. 300); «подделка большой государственной или иной государевой печати и ее употребление» (ст. 295)), а в Главе IV – специальный (должностное лицо) (подделка, злонамеренная переправка или подчистка указов императора» (ст. 361); «выдача заведомо ложного свидетельства о болезни, бедности, хорошем поведении и др.» (ст. 364); «проставление фальшивой подписи, составление акта от имени отсутствующих или задним числом, а также с намерением или из корыстных и иных личных видов нарушении правил засвидетельствования актов и др.» (ст. 362)).

Предметами преступных посягательств выступали: официальный документ (указы императора, манифесты, грамоты; справки о болезни, бедности), печати («государевы» или должностного лица).

За совершение подделки документов или печати предусматривалось наказание в виде: лишения определённых прав, ссылки на каторжные работы, тюремного заключения, отстранения от должности (в случае совершения подлога по службе).

Помимо этого, впервые на законодательном уровне была предпринята попытка дать дефиницию «официальному документу». В частности, под ним понимался любой документ, исходящий от имени императора или подписанный им.

В 1903 г. было принято Уголовное уложение. Не смотря на то, что данный кодифицированный акт так и не вступил в силу по всей территории России, он все же нуждается в исследовании.

---

[1] Свод законов Российской империи, Т. 15 [Электронный ресурс]. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/37.html (дата обращения: 03.08.2020).

Большую роль в выделении норм, связанных с фальсификацией документов в отдельный блок, сыграл Н.С. Таганцев. Он считал, что изготовление поддельных документов само по себе не является общественным опасным деянием, но в ситуации, когда эти документы вводятся в юридических оборот, то под угрозу ставятся интересы общества, государства, а также права и свободы граждан[1]. Однако, не смотря на все предпринимаемые попытки, в одной главе закрепить все противоправные деяния, совершаемые с использованием документов, Н.С. Таганцеву не удалось.

В результате, в Главе 21 «О подлоге» были предусмотрены составы преступлений, совершаемые общим субъектом[2]. Их также можно разделить и на две группы, имеющие: 1) материальный способ совершения («подделка или переделка повеления» (ст. 437); «употребление за настоящий документ заведомо поддельного» (ст. 448) и др.); 2) интеллектуальный – «выдача заведомо ложного свидетельства» (ст. 444); «заведомо ложное изложение обстоятельств» (ст. 445).

Предметом преступлений выступали: частные и официальные документы, печати, свидетельство о состоянии здоровья, вид на жительство и другие.

Нормы, предусматривающие ответственность за подделку документов служащими (должностными лицами), были включены в Главу 37 «О преступных деяниях по службе государственной и общественной» (например, «составление служащим документа с заведомо неверным изложением»).

В соответствии с Уголовным уложением 1903 г. за подделку документов предусматривались: исправительные работы, арест, каторга либо тюремное заключение.

Следует также отметить и тот факт, что происходящие в период существования Российской империи законодательные изменения, в сфере подделки документов, были неразрывно связаны с эволюционирующей системой делопроизводства. В период правления Петра I возникает коллежское делопроизводство. Коллегии выступали центральными отраслевыми органами управления. К ним относился и Сенат, в котором в самостоятельное подразделение, занимающееся различной документацией, выделяется канцелярия. При Александре I создаются министерства, отличающиеся от предыдущих органов, единоначальной формой устройства. Принимаются правовые акты, регламентирующие процесс создания, утверждения документа, выдвигаются требования к его форме, содержанию, реквизитам. Возникновение новых видов документов, а

[1] Таганцев Н.С. Уголовное уложение 22 марта 1903 года. Спб., 1904. С. 575.

[2] Анисимов В.П. Новое уголовное уложение, утв. 22 марта 1903 г. Санкт-Петербург [Электронный ресурс]. URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 03.08.2020).

также усложненный процесс их выдачи, выступает фактором, толкающим на совершение подделки. Реакцией государства на это и явилась такая «насыщенная» законотворческая деятельность, исследуемая в рамках настоящей статьи.

Резюмируя вышесказанное, отметим, что рассмотренный период установления уголовной ответственности за подделку документов характеризуется следующими особенностями:

1) появляются новые способы подделки (подчистка, поправка, переделка);

2) расширяется перечень предметов преступления (частные и официальные документы, печати, свидетельства, вид на жительство и др.);

3) видами наказаний выступают: исправительные и каторжные работы, тюремное заключение, арест, лишение определённых прав;

4) предпринимается попытка законодательного закрепления термина «официальный документ» (исходящий исключительно от органов государственной власти).

5) в отдельную группу выделяются преступления, связанные с фальсификацией («О лживой присяге и подобных сему преступлениях» (Артикул воинский 1715 г.); «Самовольное присвоение власти и составление подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» (Свод законов Российской империи 1832 г.); «О самовольном присвоении власти и составлении подложных указов или предписаний и других исходящих от правительства бумаг» (Уложение 1845 г.); «О подлогах» (Уголовное уложение 1903 г.)).

Габрусь Николай Николаевич,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Географические и геополитические факторы детерминации преступности на территории Республики Крым

Преступность, имея в своей основе в качестве интегрирующего, фундаментального признака, отображающего его как системную целостность, криминальное (уголовно-запрещенное) поведение человека как биосоциального существа[1], в своем внешнем проявлении представляет собой довольно разнообразную криминальную реальность. Это обусловлено, в том числе и географическими и, тесно связанными с ними, геополитическими факторами.

[1] Игнатов А.Н. Понятие общеуголовной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 1 (39). С. 6–10.

В процессе рефлексии феномена преступности учитываются внешние (объективные) и внутренние (субъективные) факторы, влияющие на его содержание и динамику[1]. Одним из перспективных направлений современной криминологической науки, изучающей закономерности распространения в пространстве и изменения во времени качественно-количественных показателей преступности, обусловленных взаимодействием компонентов социальных, природных и антропогенных подсистем на локальном, региональном и глобальном уровнях, является география преступности. С прикладной точки зрения, для разработки эффективных программ борьбы с преступностью необходимо обладать точным представлением о сложившейся качественно-количественной характеристике преступности исследуемой территории, знать ее тенденции и закономерности для осуществления прогнозирования[2]. Качественно-пространственные особенности преступности могут быть детерминированы взаимосвязью совершения отдельных преступлений с географическими (в т. ч. пространственно-геометрическими) характеристиками определенных территорий или точек пространства, в пределах которых они совершаются[3]. Исследование географии и топографии преступности дает возможность установления криминологической и криминалистической характеристики отдельных видов преступлений, а также оценки криминогенного потенциала отдельных территорий или точек пространства в криминалистических, оперативно-розыскных и, в конченом итоге, в превентивных целях[4].

Рассматривая детерминацию преступности с позиций системного подхода, следует учитывать, что ее состояние и региональные особенности зависят и от таких факторов, как наличие (особенности размещения и взаимодействия) на изучаемой территории природных, производственно-территориальных и социально-территориальных комплексов и их компонентов.

---

[1] Игнатов А.Н., Ильянович Е.Б. Методологические основы исследования преступности // Общество и право. 2015. № 2 (52). С. 130–131.

[2] Яшенков В.О. Использование ГИС при анализе и прогнозировании состояния преступности на региональном и локальном уровнях // Обеспечение общественной безопасности и противодействие преступности: задачи, проблемы и перспективы. Материалы Всероссийской научно-практической конференции, 2020. С. 547–550.

[3] Игнатов А.Н., Пахомов С.В. О необходимости исследования качественно-пространственных особенностей преступности // Теория и практика противодействия преступности в Азиатско-Тихоокеанском регионе (к 95-летию образования Дальневосточного юридического института МВД России): сборник материалов международной научно-практической конференции, 2016. С. 323–325.

[4] Игнатов А.Н., Пахомов С.В. Влияние качественно-пространственных особенностей местности на выбор и реализацию способа совершения преступления // Общество и право. 2016. № 3 (57). С. 145–146.

Республика Крым является уникальным государственным образованием. Уникальность данного территориального образования определяется его специфическим географическим и геополитическим положением, сложными демографическими характеристиками (многонациональность, этническое и конфессиональное разнообразие и пр.) состава населения, а также имеющими место сегодня сложными геополитическими и социально-экономическими процессами[1].

Безусловно, географическое положение определенных территорий во многом определяет влияние на них природных факторов, прежде всего, планетарного масштаба (климат, температура окружающей среды, флора и фауна и пр.). Как указывает А.Н. Игнатов, биологические процессы на всех уровнях системной организации, от молекулярного до социального, динамически связаны с физическими природными факторами – прежде всего космофизическими и метеорологическими. На уровне отдельных видов преступлений этот факт уже давно установлен. Свидетельством тому являются выявленные во всём мире закономерности зависимости, например, количества ДТП от солнечной и геофизической активности, существование календарно-температурного фактора детерминации насильственной преступности и пр.[2]

Климатически условия способствуют выращиванию на территории полуострова каннабиноидов и иных наркосодержащих растений, соответственно, осуществлять деятельность, связанную с изготовлением, производством, сбытом и иными формами незаконного оборота наркотических средств.

Однако, рассматривая такой географический фактор, как наличие природных комплексов и их компонентов, следует учитывать, прежде всего, то, что климат в Республике Крым, а также его природно-климатические особенности определяют специфику экономики полуострова и связанную с ней масштабную миграцию населения. Крым, учитывая его географическое положение, климат и имеющийся курортно-рекреационный потенциал, всегда являлся курортным регионом. При этом в силу объективных, прежде всего, природно-климатических, факторов туристский и рекреационный бизнес в Крыму стабильно имеет четко выраженный сезонный характер.

Сезонность туристского и рекреационного бизнеса обуславливают сезонность миграционных потоков, а также связанных с ними криминогенных процессов. Миграция, как известно, тесно связана с криминализацией и виктимизацией населения. Помимо сугубо

[1] Криминологический анализ угроз экстремистского характера в Крымском федеральном округе: монография / А.Н. Игнатов, А.А. Кашкаров, Д.В. Новиков. Симферополь: Крымский филиал Краснодарского университета МВД России, 2016. С. 8–22.

[2] Игнатов А.Н. Природные факторы детерминации преступности: постановка проблемы // Криминология: вчера, сегодня, завтра. 2011. № 23. С. 26.

экономических функций, миграция выполняет и социальные, главной из которых можно определить стремление, благодаря изменению места проживания, более полно удовлетворить потребности мигранта. При этом наиболее виктимной социальной группой являются сами мигранты, в первую очередь – незаконные, во многих случаях, находящиеся в зависимости от организованной, в том числе транснациональной, преступности, промышляющей в данной сфере[1].

Мигранты (трудовые мигранты, беженцы, вынужденные переселенцы и прочие нетрудоустроенные категории лиц), прежде всего нелегальные, находясь в уязвимом, с точки зрения возможности защиты своих прав и обеспечения своей безопасности, положении, нередко становятся жертвами различных, в том числе насильственных, преступлений[2]. Туристы и отдыхающие также в значительной мере пополняют ряды жертв различного рода преступлений, от корыстно-насильственных и мошенничества, до изнасилований и преступлений против жизни и здоровья. Следует также учитывать существенный вклад в сезонные колебании уровня преступности в Республике Крым миграции профессиональных преступников, так называемых, «гастролеров», мигрирующих по территории страны и ближнего зарубежья с целью осуществления преступной деятельности.

Как указывают специалисты «сезонность, а также недостаточно прозрачный механизм ценообразования в курортной сфере делают его привлекательным для легализации средств, добытых преступным путем, а также укрывания доходов и неуплаты налогов незарегистрированными субъектами туристического бизнеса. Во время курортного сезона увеличивается количество мелких краж, административных правонарушений, правонарушений в сфере трудоустройства, налогообложения и другие»[3].

---

[1] Вишневецкий К.В. Социальная миграция как фактор криминализации и виктимизации населения // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всероссийской научно-практической конференции, приуроченной к годовщине вхождения Республики Крым и города федерального значения Севастополя в состав Российской Федерации. Краснодарский университет МВД России, Крымский филиал. 2015. С. 10–14.

[2] Игнатов А.Н. Латентность преступлений, совершаемых на почве ненависти // Противодействие ксенофобии, экстремизму и терроризму в современном обществе: Научные труды Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Игнатова А.Н.; Институт экономики и права (филиал) ОУП ВПО «Академия труда и социальных отношений» в г. Севастополе. Симферополь: КРП «Издательство «Крымучпедгиз», 2012. С. 151–156.

[3] Кравченко Н.А., Иванов С.И. Причины и условия роста уровня теневой экономики (на примере Крымского федерального округа) // Общество и право. 2015. № 4 (54). С. 165–168.

Миграционные потоки на территории полуострова связаны также с такими проявлениями криминальной деятельности, как организация и осуществление незаконного игорного бизнеса, а реализация на его территории проекта по созданию масштабных «игорных зон» не может не стать объектом внимания профессиональной и организованной преступности[1].

Таким образом, сезонная трудовая (преимущественно нелегальная) миграция, а также сезонная туристская миграция в Республике Крым обуславливают сезонную миграцию криминального элемента, а также сезонные колебания уровня регистрируемой на территории полуострова преступности, отражающие уровень криминализации и виктимизации полуострова.

Что касается такого географического фактора, как наличие производственно-территориальных комплексов и их компонентов, то Республика Крым имеет следующие особенности.

Республика Крым, является аграрным регионом, в котором сельское хозяйство (животноводство, садоводство, выращивание зерновых культур и пр.) занимает значительную долю в отраслях материального производства. Реализация курортно-рекреационного потенциала региона и туризма и ресторанно-гостиничного бизнеса обусловили развитие сельского хозяйства. Данная тенденция является фактором, определяющим интерес участников российского аграрного бизнеса к территории полуострова. При этом закономерный процесс поглощению и/или ликвидации более мелких, неконкурентоспособных предприятий региона под давлением более крупных участников данного бизнеса происходит не всегда законными путями. Кроме того, учитывая дотационный и субсидиарный характер финансовой поддержки развития сельского хозяйства Республики Крым, данная отрасль с точки зрения контроля и потребления финансовых потоков не может не оставаться без «внимания» представителей криминального бизнеса, а также криминально ориентированных чиновников различных уровней[2].

Также следует учитывать, что курортные регионы, традиционно являются сферой реализации криминальных рейдерских технологий результатом реализации которых является криминальный захват земли, равно как целых производственных и санаторно-курортных комплексов[3].

---

[1] Игнатов А.Н., Кашкаров А.А., Заброда Д.Г. Факторы криминализации экономики Крыма в транзитивный период // Вестник экономической безопасности. 2017. № 4. С. 73–81.

[2] Там же.

[3] Кудрявцева Л.В., Ставило С.П. Организационные основы криминологического изучения причин и условий преступности в курортном регионе // Общество и право. 2014. № 4 (50). С. 175–176.

Географические факторы, связанные с особенностями социально-территориальных комплексов и их компонентов, имеют следующее детерминистическое значение. Недостаточные объемы социально доступного жилья, а также недостаточно развитая инфраструктура досуга и отдыха полуострова являются фактором детерминации различного рода проявлений бытовой, насильственной и корыстной преступности.

Что касается геополитических факторов детерминации преступности на территории Республики Крым, то они связаны со сложным географическим положением региона на политической карте мира, а также со сложившейся на сегодня санкционной и иной недоброжелательной политикой отдельных стран по отношению к России.

Указанные факторы повлияли как на состояние экономической преступности, так и на состояние организованной преступности, а также на уровень экстремистской и террористической угрозы.

Так, например, так называемые международные санкции, введенные по отношению к региону, обусловили существенное изменения состояния и структуры регионального рынка контрабанды, с одной стороны став преградой нелегального ввоза-вывоза с территории полуострова по определенным каналам (в частности через морскую инфраструктуру) тех или иных групп товаров, а с другой стороны привели к стимулированию такого ввоза товаров и появлению новых рынков контрабандной продукции (в том числе с участием сопредельных государств).

Сложности с поставками на территорию Крыма продовольствия и различных товаров привели к активному развитию их контрабанды с территории Украины. Масштабы данного явления обуславливают осуществление данного вида преступной деятельности исключительно в организованной форме, что невозможно без активного взаимодействия с организованной преступностью и коррумпированными чиновниками либо коммерческими структурами, подконтрольными правоохранительным органам соседнего государства. При этом ситуация усложняется наличием устоявшихся связей криминалитета полуострова с организованной преступностью на территории Украины, которую, как известно, проходят многие из крупных наркотрафиков, перемещаются лица для занятия в порноиндустрии, осуществляется контрабанда, торговля людьми, оружием и т. д.[1]

Рассматривая геополитические факторы детерминации экстремистской и террористической преступности на территории Республики Крым, следует учитывать, что угроза политического,

[1] Кашкаров А.А., Игнатов А.Н. Основные причины совершения преступлений экстремистского характера в Крыму в современных условиях // В книге: Противодействие экстремизму и терроризму в крымском федеральном округе: проблемы теории и практики. Крым, 2015. С. 102.

национального, религиозного экстремизма и терроризма, в том числе международного, как отмечает А.Н. Игнатов, является, с точки зрения ее источника, как «внутренней», так и «внешней». Сегодня инициация и поддержание экстремистской и террористической деятельности в Крыму, как и в России в целом, осуществляется преимущественно из-за рубежа. Внешние силы, стремящиеся ослабить экономическую и оборонную мощь России, стремятся активно использовать для этого представителей криминального мира, действуя при этом как через отдельных его представителей при совершении различных провокаций, так и через преступные организации, используя последние в целях вмешательства в политику, экономику или при попытках дестабилизации обстановки в том или ином регионе. Экстремистская и террористическая деятельность поддерживается в организационном плане и финансируется через различные «гуманитарные», «миссионерские» и «просветительские», религиозные, правозащитные, политические и иные организации и движения и их представительства. Учредителями и спонсорами таких организаций в большинстве случаев оказываются зарубежные «оппоненты» России. Именно таким путем сегодня осуществляется пропагандистская деятельность экстремистского характера; насаждение идей шовинизма, национализма и сепаратизма; провоцирование и поддержание межэтнических и межконфессионных конфликтов; создание предпосылок для массовых нарушений общественного порядка, вооруженных конфликтов и государственных переворотов[1].

Таким образом, подводя итоги, можем констатировать, что географические и геополитические факторы играют существенную роль в детерминации преступности и ее региональных проявлений на территории Республики Крым. При этом следует учитывать, что данные факторы, проявляющиеся в комплексе внешних и внутренних детерминант, обладают как криминогенным, так и антикриминогенным потенциалом, что необходимо использовать в превентивных целях на региональном уровне. Именно учет региональных особенностей в сочетании с традиционным системным подходом к проблеме детерминации преступности позволит выработать эффективные меры минимизации уровня преступности на территории Крыма.

[1] Игнатов А.Н. Современные угрозы криминологической безопасности Республики Крым // Проблемы переходного периода: адаптация нормативно-правовых актов Крымского федерального округа к законодательству Российской Федерации: материалы Всеросс. науч.-практ. конф., 13 марта 2015 г. / под общ. ред. С.А. Буткевича. Симферополь: ДИАЙПИ, 2015. С. 46–48.

Горбенко Татьяна Витальевна,
преподаватель-методист отделения
методического обеспечения
учебного процесса учебного отдела
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России,
адъюнкт кафедры уголовного процесса
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовые основания реализации института ускоренного досудебного производства

Актуальным вопросом анализа и совершенствования уголовно-процессуальной деятельности на протяжении длительного времени остается вопрос дифференциации процессуальной формы.

Традиционно определено существование двух направлений дифференциации форм осуществления уголовно-процессуальной деятельности: усложнение и упрощение формы по определенным категориям уголовных дел. В рассматриваемом контексте уделим внимание упрощенной форме уголовного процесса, призванной сбалансировать стремление к рационализации, оптимизации и удешевлению, уголовного судопроизводства при сохранении гарантий правосудия, прав и законных интересов участников уголовного судопроизводства.

В российском уголовно-процессуальном праве отсутствует законодательное закрепление и определение института ускоренного досудебного производства, хотя он получил широкое научное осмысление. Указанный термин используется для обобщения разрозненных уголовно-процессуальных норм, регламентирующих порядок реализации особых форм досудебного производства, подпадающих под сущность рассматриваемого явления.

С практической точки зрения, ускоренное досудебное производство по уголовным делам можно определить как форму реализации уголовно-процессуальных отношений, призванную обеспечить права и законные интересы участников уголовного судопроизводства, осуществляемую посредством специального порядка производства по уголовному делу, которому присущи изъятия из общего процессуального порядка в целях сокращения сроков расследования, оперативного достижения целей и задач уголовного судопроизводства, рационализации и оптимизации уголовно-процессуальной деятельности.

По своей сути институт ускоренного досудебного производства охватывает уголовно-процессуальные нормы, предусматривающие порядок осуществления: 1) производство дознания сокращенной форме с

последующим рассмотрением дела в особом порядке; 2) досудебное соглашение о сотрудничестве, сопровождающееся особым порядком судебного разбирательства; 3) прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

С целью уяснения сущности и особенностей института ускоренного досудебного производства представляется целесообразным провести анализ уголовно-правовых оснований его реализации.

Под уголовно-правовыми основаниями реализации ускоренного досудебного производства, с нашей точки зрения, необходимо понимать систему материально-правовых норм, применение и реализация которых предполагает возможность применения конкретной уголовно-процессуальной формы ускоренного досудебного производства.

Уголовно-процессуальное законодательство в качестве одного из оснований применения особого порядка принятия судебного решения (ст. 314 УПК РФ), а также прекращения уголовного дела или уголовного в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа (ст. 25.1 УПК РФ) предусматривает совершение лицом преступления небольшой и средней тяжести, напрямую связывая их с такой уголовно-правовой категорией, как степень общественной опасности преступления.

Таким образом, в качестве одного из уголовно-правовых оснований реализации института ускоренного досудебного производства следует выделить категорию преступления по степени тяжести.

Следует отметить, что уголовно-процессуальный порядок реализации досудебного соглашения о сотрудничестве не определяет категорию степени тяжести преступлений, в случае совершения которых возможно его применение. То есть заключение досудебного соглашения о сотрудничестве, сопровождающееся особым порядком судебного разбирательства, не предполагает каких-либо ограничений по степени общественной опасности рассматриваемых преступлений. Хотя, как указывает Т.В. Топчиева, согласно статистическим данным, чаще всего, досудебное соглашение о сотрудничестве применяется по уголовным делам о тяжких и особо тяжких преступлениях[1]. На наш взгляд, следует учитывать сложившуюся на сегодня необходимость решения вопроса о законодательном ограничении оснований заключения досудебного соглашения о сотрудничестве в соответствии с определенными категориями преступлений по степени их тяжести.

В качестве уголовно-правового основания реализации института ускоренного досудебного производства в связи с назначением меры

[1] Топчиева Т.В. Досудебное соглашение о сотрудничестве в российском уголовном процессе: автореф. дис. … канд. юрид. наук. СПб., 2013. С. 16.

уголовно-правового характера в виде судебного штрафа также выступает совершение лицом преступления впервые (ст. 76.2 УК РФ).

При этом следует учитывать, что совершение лицом преступления впервые предполагает, в том числе, совершение лицом одного или нескольких преступлений, ни за одно из которых оно не было осуждено; предыдущий приговор в отношении лица на момент совершения нового преступления не вступил в законную силу; предыдущий приговор в отношении лица на момент совершения нового преступления вступил в законную силу, но ко времени его совершения имело место одно из обстоятельств, аннулирующих правовые последствия привлечения лица к уголовной ответственности (например, освобождение лица от отбывания наказания в связи с истечением сроков давности исполнения предыдущего обвинительного приговора, снятие или погашение судимости); предыдущий приговор в отношении лица вступил в законную силу, но на момент судебного разбирательства устранена преступность деяния, за которое лицо было осуждено; освобождение лица от уголовной ответственности[1].

На наш взгляд, актуальным и необходимым является решение вопроса об установлении данного уголовно-правового основания также в отношении реализации таких форм ускоренного досудебного производства, как производство дознания сокращенной форме с последующим рассмотрением дела в особом порядке, а также досудебное соглашение о сотрудничестве, сопровождающееся особым порядком судебного разбирательства.

В соответствии с уголовно-процессуальным законодательством в качестве основания реализации такой формы ускоренного досудебного производства, как производство дознания в сокращенной форме с последующим рассмотрением дела в особом порядке предусмотрено, в частности то, что подозреваемый признает свою вину, характер и размер причиненного преступлением вреда, а также не оспаривает правовую оценку деяния, приведенную в постановлении о возбуждении уголовного дела (п. 2 ч. 2 ст. 226.1 УПК РФ). Прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа возможно в случае, когда

[1] Постановление Хангаласского районного суда Республики Саха (Якутия) от 15 октября 2014 г. по делу № 10-2/14 (ключевые темы: примирение сторон – прекращение уголовного дела – обвинительный приговор – обвиняемый – заглаживание вреда). Режим доступа: URL: https://sudact.ru/regular/court/reshenya-khangalasskii-raionnyi-sud-respublika-sakha-iakutiia/?page=28 (дата обращения: 13.11.2020); Калинина О.М. Освобождение от уголовной ответственности в связи с примирением с потерпевшим: современные реалии. Государство и право. 2015. № 6. С. 98-101; Семенова Д.М. Основание и пределы дифференциации уголовной ответственности в условиях множественности преступлений: дис. ... канд. юрид. наук. Самара, 2019.

лицо возместило ущерб или иным образом загладило причиненный преступлением вред (ст. 25.1 УПК РФ). В свою очередь, заключение досудебного соглашения о сотрудничестве возможно при условии, что лицо обязуется совершить в целях содействия следствию в раскрытии и расследовании преступления, изобличении и уголовном преследовании других соучастников преступления, розыске имущества, добытого в результате преступления (ч. 2 ст. 317.1 УПК РФ).

Таким образом, в качестве основания применения указанных форм ускоренного досудебного производства выступает деятельное раскаяние лица в различных его проявлениях. При этом, на наш взгляд, необходимо рассмотреть вопрос об унификации требований относительно содержания действий лица, указывающих на его деятельное раскаяние, как проявление желания и согласия на применение той или иной указанной формы ускоренного досудебного производства по уголовному делу.

Подводя итоги, следует отметить, что унификация и систематизация уголовно-правовых оснований реализации института ускоренного досудебного производства позволит выстроить более четкую по содержанию и логичную систему форм ускоренного досудебного производства, таких в частности, как производство дознания сокращенной форме с последующим рассмотрением дела в особом порядке, досудебное соглашение о сотрудничестве, сопровождающееся особым порядком судебного разбирательства, а также прекращение уголовного дела или уголовного преследования в связи с назначением меры уголовно-правового характера в виде судебного штрафа.

Гринберг Станислав Аркадьевич,
адъюнкт факультета подготовки научно-педагогических
и научных кадров по кафедре криминологии
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Профессиональная преступность и ее предупреждение

Возрастающее влияние преступной среды на экономические, социальные и политические процессы в России предопределяют реальную угрозу национальной безопасности. Представители преступного мира сейчас хорошо организованы, информированы, технически оснащены, тщательно планируют и подготавливают преступления, тем самым укрепляя и развивая профессиональные начала преступности. Преступный мир, являясь неотъемлемой частью социального развития, на протяжении столетий совершенствовал, оттачивал свою деятельность сообразно развитию общества, его экономики и научно-технического прогресса. В

результате консолидация преступных элементов, начавшаяся на заре цивилизации с простейших и замкнутых профессиональных преступных групп и прошедшая длительный эволюционный путь развития, завершилась созданием профессиональных преступных синдикатов [1]. Общественная опасность организованных форм преступной деятельности обусловлена масштабностью и тяжестью причиняемого вреда, спецификой мотивации и иными характеристиками, отличающими их от единолично совершаемых или групповых преступлений. Организованная преступность отличается активным и, нередко, эффективным использованием механизмов противодействия социальному контролю – от коррупционного инструментария до открытого насильственного устранения представителей власти. В свою очередь, профессиональная направленность организованных форм преступной деятельности определяет разнообразие способов, конспиративность и закрытость последней, даже в криминальной среде, что существенным образом усложняет реализацию государством задачи по эффективному противодействию данном виду преступности.

Профессиональную преступность можно определить как совокупность преступлений, совершаемых с целью извлечения основного или дополнительного дохода лицами, для которых характерен криминальный профессионализм [2]. Г.А. Аванесов отмечает, что профессиональная преступность – это концентрированное выражение криминального потенциала общества. «Если отдельное преступление – негативный штрих в биографии человека, рецидив – пунктирная линия, то профессиональная преступность – это сплошная криминальная полоса» [3]. С.В. Иванцов подчеркивает, что профессиональная преступность аккумулирует криминальный опыт; она является источником криминальной эволюции. Состояние профессиональной преступности является индикатором способности общества, его правоохранительных институтов, противодействовать преступности и минимизировать уровень ее проявлений [4].

Имеющиеся на сегодня теоретические воззрения относительно профессиональной преступности опираются на традиционные характеристики, присущие данному явлению. В то же время, преступный

---

[1] См.: Иванцов С.В. Обеспечение органами внутренних дел системного подхода в изучении и предупреждении организованной преступности [Электронный ресурс]: монография. Электрон. текстовые данные. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2017.

[2] См.: Гуров А.М. Профессиональная преступность. Прошлое и современность. М., 1990. С. 40–41.

[3] См.: Криминология: учебник для студентов вузов / под ред. Г.А. Аванесова. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. С. 402–403.

[4] См.: Иванцов С.В. Криминальный профессионализм в системе российской организованной преступности и вопросы его предупреждения органами внутренних дел // Человек: преступление и наказание. 2008. № 3 (62). С. 181–186.

профессионализм претерпел существенные трансформации, что обусловлено социально-политическими, экономическими и иными изменениями в нашем обществе и взаимообусловленными изменениями состояния, регуляторов и коммуникации криминальной среды. Несомненной, не подлежащей временным изменениям, характеристикой профессиональной преступности является то, что она является частью преступности, ее специфическим видом[1].

Под профессией (лат. professio, от profetore – объявляю своим делом) понимается род трудовой деятельности, требующей определенной подготовки и являющейся источником существования. Криминальная профессия может рассматриваться как разновидность деятельности, предполагающей наличие определенной специфической криминальной подготовки (специализации и квалификации), необходимой именно для совершения и сокрытия преступлений[2]. Лиц, обладающих криминальным профессионализмом, называют преступниками-профессионалами.

При этом криминальный профессионализм включает криминальный промысел, который состоит из обеспечения средствами к ведению определенного образа жизни преступными способами и криминальной специализации, которая слагается из морально-психологической готовности к совершению преступления, умений и навыков, направленных на достижение преступного результата и уклонение от ответственности за совершенное преступление. В свою очередь, преступники-профессионалы различаются по критериям специализации. Криминальную специализацию можно определить как наличие узкопрофессиональных навыков и умений, направленных на подготовку и совершение однотипных преступлений.

По мнению Е.В. Фарышева, криминальная специализация заключается «в систематическом совершении профессиональными преступниками тождественных преступлений»[3]. Следует отметить, что при наличии системных связей профессиональной преступности с преступность в целом, не целесообразно рассматривать криминальную специализацию в привязке к систематичности совершения преступления (устойчивости, протяженностью во времени преступной деятельности), так как интенсивность рецидива у преступников-профессионалов может быть абсолютна различна. Специалист, являющийся преступником-

[1] См.: Репецкая А.Л. Криминальный профессионализм постсоветского периода: трансформация признаков и ее детерминация // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 4 (9). С. 228–235.

[2] См.: Профессиональная преступность и ее предупреждение // Криминология: Учебник / Под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2015. С. 237–238.

[3] См.: Фарышев Е.В. Современное понятие и содержание профессиональной преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 3 (33). С. 90–93.

профессионалом, может совершить, например, несколько крайне сложных, с точки зрения способа совершения, приготовления и пр., преступлений, совершение которых иными лицами невозможно в силу отсутствия соответствующей подготовки и иных субъективных факторов.

Начало XXI в. характеризуется тем, что среди профессиональных преступников все чаще встречаются лица, получившие специальные навыки и использующие их в криминальных целях (военные, юридические, спортивные, технические и др.). Такие категории профессиональных преступников не только непосредственно участвуют в преступлениях, но и могут выступать в роли консультантов, помощников, экспертов и т. д. При этом профессиональные преступники образуют специфическую организованную криминальную среду со своей специализацией, взаимопомощью, обменом опытом и информацией, специфическим обучением и воспитанием криминальной субкультурой.

Вместе с развитием профессиональной преступности появляются особые негативные тенденции. К их числу следует отнести: возрождение опасных криминальных профессий (например, похищение людей, торговля людьми), распространение новых опасных видов криминальной деятельности (например, использование потерпевших для трансплантации органов, незаконное усыновление, преступления в сфере высоких технологий), повышение образовательного и интеллектуального уровня профессиональных преступников. Среди профессиональных преступников увеличивается количество лиц, прошедших специальную подготовку в Вооружённых Силах, МВД, различных спецподразделениях, наблюдается рост организованности профессиональной преступности (например, создание преступных сообществ определенной направленности), возрастает техническая оснащенность преступников-профессионалов, криминальная субкультура активно влияет на общество средства массовых коммуникаций, прежде всего сеть Интернет[1].

С.Я. Лебедев, отмечая высокую степень общественной опасности профессиональной преступности, подчеркивает, что она является наиболее устойчивым для профилактического воздействия типом организованной преступной деятельности, при воздействии на которую в отдельных случаях проявляется криминальный террор (убийство свидетелей, работников правоохранительных органов и органов правосудия) и криминальный экстремизм как в местах лишения свободы, так и в гражданском обществе (массовые беспорядки, неповиновение представителям власти, акции вандализма, массовый террор). Профессиональная преступность аккумулирует криминальный опыт, является источником криминальной эволюции, носителем криминальной

[1] См.: Иванцов С.В. Основные тенденции российской организованной преступности XXI в // Вестник Московского университета МВД России. 2007. № 2. С. 83–86.

субкультуры, является важнейшим механизмом криминальной самодетерминации[1].

В результате профессиональная преступность сегодня приобретает более высокий уровень организованности, а организованная преступность приобретает все более профессиональный характер[2]. Группы преступников-профессионалов получили возможность совершать новые, ранее не известные в силу своей сложности и масштабности преступления, которые требуют высокой организации выполнения преступного замысла[3]. Сегодня организованные формы профессиональной преступности являются ключевыми «игроками» криминального рынка. Именно организованные формы профессиональной преступности во многом определяют конъюнктуру криминального рынка и являются его ключевой «рабочей силой». Организованные формы профессиональной преступной деятельности являются наиболее общественно опасными формами профессиональной преступности, поскольку их существование неизбежно (в силу законов рынка) влечет за собой дифференциацию криминальной специализации, а появление узкой специализации порождает новые виды криминальной деятельности и повышение квалификации преступников-профессионалов.

Учитывая особую опасность криминального профессионализма и его влияние на становление и укрепление организованной преступности следует подчеркнуть роль органов внутренних дел по борьбе с профессиональной преступностью, что определяется разнообразием и широтой компетенции, обширным спектром полномочий по осуществлению оперативно-разыскной, административной, уголовно-процессуальной и иных видов деятельности.

Предупреждение профессиональной преступности органами внутренних дел представляет собой сложную систему профилактических мероприятий. Вместе с тем деятельность ОВД по предупреждению рецидивной и профессиональной преступности должна соответствовать базовой модели государственной системы предупреждения преступности и ее организованных форм, однако специфика борьбы с этими явлениями проявляется пока только на специально-криминологическом уровне[4].

---

[1] См.: Криминологи: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М.: Юнити-Дана, Закон и право, 2007. С. 519.

[2] См.: Иванцов С.В. Особенности предупреждения организованной преступности в местах лишения свободы // Обеспечение безопасности в учреждениях и органах УИС. Сборник материалов круглого стола. 2018. С. 149–155.

[3] См.: Ишигеев В.С., Романова Н.Л., Бондарь А.Я. Криминальный профессионализм в XXI веке как объект криминологического исследования // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2019. № 4 (37). С. 132–137.

[4] См.: Криминология: учеб. пособие для студентов вузов, обучающихся по специальности 021100 «Юриспруденция» / под ред. С.Я. Лебедева, М.А. Кочубей. М.: ЮНИТИ-ДАНА, Закон и право, 2007. С. 301–303.

Сотрудники ОВД, наряду с оперативно-разыскными мерами, должны активно использовать специальные меры профилактики профессиональной преступности, к которым следует отнести совершенствование правоприменительной деятельности, методик предупреждения и расследования преступлений, сведение к минимуму безнаказанности лиц, их совершивших, участвовать в деятельности государственных органов (федеральных и местного самоуправления) по вторичной социализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. Особое внимание сотрудники ОВД должны уделять координации усилий органов уголовно-исполнительной системы и органов местного самоуправления, государственных и общественных органов в социальной реабилитации осужденных, в том числе несовершеннолетних, взаимодействовать с представителями различных конфессий в организации религиозного воспитания осужденных[1].

В целом деятельность сотрудников ОВД должна быть направлена на разрушение преступного мира и криминальных традиций, пресечение профессиональной преступной деятельности, лишение их возможности продолжать преступную карьеру. Повышению эффективности деятельности правоохранительных органов способствует специализация работников уголовного розыска, других подразделений, адекватная криминальной специализации преступников-профессионалов. При этом техническая оснащенность и профессионализм сотрудников ОВД должны превосходить профессионализм криминальный[2].

[1] См.: Иншаков С. М. Криминология: учебник. М., 2000. С. 188.

[2] См.: Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел: учебник для студентов, обучающихся по направлению подготовки Юриспруденция и правоохранительная деятельность (3-е издание, переработанное и дополненное). М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2019.

Грошев Сергей Николаевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры государственно-правовых дисциплин
Восточно-Сибирского института МВД России

Революционный террор: к вопросу о деятельности партии «Народная воля»

Проблема терроризма, да и иных радикальных течений остается крайне актуальной, несмотря на высокое социально-экономическое развитие человеческого общества, которое позволяет в той или иной степени снять все социальные противоречия. В этой связи крайне интересна история одного из самого нашумевшего революционно-террористического движения, существовавшего в царской России в период заката империи.

«Народная воля» – партия достаточно противоречивая. Большинство историков, царского периода, советского и постсоветского, представляют это движение сугубо террористическим и в целом неблагоприятным для политического развития России, да и большинство постсоветских журналистов[1]. Тем не менее, опираясь на достаточно широкий круг источников можно заявить, что террор в деятельности «Народной воли» никогда не играл первую скрипку.

Необходимо отметить, что масштабы «Народной воли» по тому времени были беспрецедентны. С.С. Волк подсчитал, что она объединяла 80–90 местных, 100–120 рабочих, 30–40 студенческих, 20–25 гимназических и 20–25 военных организаций по всей стране – от Гельсингфорса (Хельсинки) до Тифлиса (Тбилиси) и от Ревеля (Таллина) до Иркутска[2]. Эти подсчеты далеко не исчерпывающи. Л.Н. Годунова установила, что военных кружков «Народной воли» было не менее 50 как минимум в 41 городе[3].

Народовольцы вели активную пропагандистскую работу среди всех слоев населения, ставя себе цель свержение самодержавия. Характерной особенностью агитационной работы «Народной воли» являлось то, что основной упор был сделан на тезис о том, что народ является основной движущей силой революции, а сама революция должна произойти через пропаганду и агитацию.

---

[1] В аннотации к роману белогвардейского атамана П.Н. Краснова «Цареубийцы» (М., 1994) деятели «Народной воли» представлены как «террористы-мракобесы», ведущие «безумную охоту» на «выдающегося человека» – царя. Этот взгляд пропагандирует и газета «Книжное обозрение» (см., напр.: 1995. № 9).

[2] Волк С.С. Народная воля (1879–1882). М., 1966. С. 272–273 (карта), 276.

[3] Годунова Л.Н. Военная организация народовольцев // Вопросы истории. 1973. № 9.

Одним из способов достижения революционных целей «Народной волей» стал функция «красного террора» в целях дезорганизации царского правительства и возбуждения народных масс [1]. По сути, террор народовольцев рассматривался как прелюдия революции. Некоторые авторы склонны рассматривать террор народовольцев, как следствие ответа на террор царских властей[2].

Авторы, выступающие с критикой в адрес «Народной воли» сетуют на то, что народовольцы совершили удачное покушение на императора Александра II. Тем не менее, историки, критикующие революционеров за убийство царя-Освободителя, умалчивают тот факт, что популярность убитого монарха к концу 70-х годов XIX столетия уже не была так высока в народе. Мало того, к моменту своей трагической гибели царь приобрел нелицеприятное в народе прозвище – Вешатель, за жестокость при подавлении крестьянских восстаний [3]. В этой ситуации, жестокость народовольцев к царю выглядит вполне объяснимой.

Народовольцы неоднократно заявляли, что если бы царь отказался от власти в пользу народа, то террор в отношении царских должностных лиц был бы немедленно прекращен. В свое время Исполнительный комитет «Народной воли» издал резолюцию, цитирую: «Если бы Александр II сознал, <...> как несправедливо и преступно созданное им угнетение, и, отказавшись от власти, передал бы ее всенародному Учредительному собранию, <...> тогда мы оставили бы в покое Александра II и простили бы ему все его преступления»[4].

Не смотря на давления народовольцев и иных революционных сил, царь не хотел отказываться от идеи самодержавной власти. Даже проект конституции графа М.Т. Лорис-Меликова, смысл которой сводился к образованию в лице временных комиссий (из чиновников и выборных от «общества») совещательного органа при Государственном совете, который сам был совещательным органом при царе[5], – даже этот проект Александр II согласился рассмотреть скрепя сердце, воскликнув при этом: «Да ведь это Генеральные Штаты!» 1 марта 1881 г. незадолго до своей гибели царь, вопреки мнению историков, одобрил не сам проект «конституции», а только лишь ее «основную мысль относительно пользы и своевременности привлечения местных деятелей к совещательному участию в изготовлении центральными учреждениями законопроектов», и приказал 4 марта

---

[1] Литература партии «Народная воля». М., 1930. С. 50.

[2] Троицкий Н. «Народная воля» и её «красный террор» // Индивидуальный политический террор в России (XIX – начало XX в.): Материалы конференции. М., 1996. С. 17–23.

[3] Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978. С. 225–238, 244–247; Миско М.В. Польское восстание 1863 г. М., 1962. С. 317.

[4] Революционное народничество 70-х годов XIX в.: Сб. документов и материалов: В 2 т. Т. 2. М.; Л., 1965. С. 223–224.

[5] Полный текст «конституции» Лорис-Меликова: Былое. 1918. № 4/5. С. 162–166.

инициировать созыв Совета министров, в целях согласования правительственного сообщения о данном «конституционном» проекте[1].

После успешного покушения народовольцев на царя, 10 марта 1881 г. Исполком «Народной воли» вновь заявил о готовности прекратить террор и перенаправить свою деятельность в русло конструктивной работы по просвещению населения. «Надеемся, что чувство личного озлобления не заглушит в вас сознания своих обязанностей, – гласит письмо ИК. – Озлобление может быть и у нас. Вы потеряли отца. Мы теряли не только отцов, но еще братьев, жен, детей, лучших друзей. Но мы готовы заглушить личное чувство, если того требует благо России. Ждем того же и от вас». Исполком «Народной воли» утверждал о бессмысленности искоренить революционное движение: «революционеров создают обстоятельства, всеобщее недовольство народа, стремление России к новым общественным формам. Весь народ истребить нельзя... Поэтому на смену истребляемым постоянно выдвигаются из народа все в большем количестве новые личности, еще более озлобленные, еще более энергичные». ИК ставил царя перед дилеммой: «или революция, совершенно неизбежная, которую нельзя предотвратить никакими казнями, или добровольное обращение верховной власти к народу. В интересах родной страны, <...> во избежание тех страшных бедствий, которые всегда сопровождают революцию, Исполнительный комитет обращается к вашему величеству с советом избрать второй путь»[2].

В свою очередь новый император Александр III, имевший крайне реакционные взгляды, избрал путь террора в отношении революционеров и не внял требованиям и давлению радикально настроенных масс[3]. Тем самым, пророческие строки в указанном заявлении Исполнительного комитета «Народной воли» сбылись в самых худших сценариях. «Страшный взрыв, кровавая перетасовка, – гласит письмо, – судорожное революционное потрясение всей России»[4].

В заключении необходимо отметить, что так называемый «красный террор» народовольцев был, прежде всего, ответом на террор царской администрации, а не самоцелью и главенствующей идее этого многочисленного революционного движения. Партию «Народная воля» ни в коем случае нельзя воспринимать как террористическую организацию, так как методы работы царских правоохранительных органов также не отличались излишней гуманностью и соблюдением прав человека.

---

[1] См. об этом рассказ П.А. Валуева (в записи М.И. Семевского) // ИРЛИ РО. Ф. 274. Оп. 1. Д. 16. Л. 553. Проект правительственного сообщения опубликован: Русский архив. 1916. Кн. 1. С. 21-26; Былое. 1918. № 4/5. С. 173–177.

[2] Текст письма см. в кн.: Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 191–195.

[3] Пометка Александра III на первой странице лорис-меликовского проекта (Былое. 1918. № 4/5. С. 162).

[4] Революционное народничество 70-х годов. Т. 2. С. 193.

Гузеева Ольга Сергеевна,
кандидат юридических наук,
судья Арбитражного суда Московской области

Иерархия конституционных ценностей и объект уголовно-правовой охраны

Генетическая связь объекта преступления с конституционными ценностями закономерно обуславливает необходимость обращения к теории конституционных ценностей для познания проблем значимости и иерархии объектов, а также непосредственно связанной с этим оценки общественной опасности преступлений.

Принятие в 1993 году Конституции РФ, провозгласившей человека, его права и свободы высшей ценностью, и развернувшаяся на этом фоне реформа уголовного законодательства породили один из важнейших в теоретическом отношении вопрос относительно иерархи объектов уголовно-правовой охраны и их отражения в тексте уголовного закона. Приведение УК РФ в соответствие с «современной иерархией социальных ценностей, принятых в демократическом государстве» было провозглашено одной из приоритетных задач реформы в Концепции уголовного законодательства РФ[1].

Накануне принятия УК РФ 1996 года в рассуждениях на эту тему А.В. Наумов писал, что последний советский уголовный закон «как закон своего времени отражал приоритеты тоталитарного, основанного на коммунистической идеологии, государства, в связи с чем на первое место в числе задач уголовного кодекса была поставлена задача охраны государственных интересов, затем – общественных и уже только потом – личных. … В связи с коренной перестройкой нашего общества – признанием приоритета общечеловеческих ценностей по отношению к классовым и иным – предполагаются соответствующие изменения в уголовном законодательстве»[2]. Последовавшее в 1996 году нормативное решение ч. 1 ст. 2 УК РФ, установившей свой порядок изложения объектов уголовно-правовой охраны воспринимался в науке как одно из важных доказательств ценностной переориентации уголовного закона, как обеспечение его соответствия конституционной иерархии ценностей. «Шкала ценностей объектов, находящихся под охраной уголовного законодательства, построена исходя из международного законодательного опыта и провозглашенных Россией приоритетов, которые можно

[1] Концепция уголовного законодательства Российской Федерации // Государство и право. 1992. № 8. С. 42–45.

[2] Российское уголовное право. Общая часть. Учебник / под ред. А.В. Наумова. М.: МВШМВД России, 1994. С. 11.

представить как охрану интересов «личности – общества – государства – мира и безопасности человечества»[1]. Активно поддерживая это обновление, А.В. Наумов указывал, что обеспечить общественные и государственные интересы никак не удастся, если не обеспечить при этом права отдельной личности; и только через соблюдение прав и свобод человека в демократическом обществе можно прийти к соблюдению общественных и государственных интересов[2].

Надо сразу признать, что такое законодательное решение было неоднозначно встречено в науке. Так, например, В.И. Борисов высказался о необходимости приоритетной охраны не интересов отдельной личности, а государственных интересов, объясняя свою позицию тем, что «только в обществе, где обеспечены социальная стабильность, государственные порядок и безопасность, общественное согласие, возможно реальное обеспечение защиты личных, физических и духовных прав человека и гражданина»[3]. Аналогичную позицию озвучил В.В. Мальцев: «Основы конституционного строя и безопасности Российской Федерации – это тот объект, который и исторически, и по содержанию, и по значению в современных условиях, да и по характеру его закрепления в Конституции, несомненно важнее интересов отдельной личности. Ибо без обеспечения основ конституционного строя, целостности и безопасности Российского государства такие интересы могут оказаться пустой фикцией в стихии социального катаклизма»[4]. Вполне категорично высказался В.Д. Филимонов: «ни о каком приоритете интересов личности над интересами государства, по крайней мере в сфере уголовного законодательства, речи быть не может. Ни одно указание действующей Конституции, ни одно положений Уголовного кодекса РФ не предусматривает преимущественной защиты интересов личности по сравнению с защитой государственных интересов»[5].

Дискуссия относительно приоритетов уголовно-правовой охраны имеет достаточно мощный идеологический и политический «заряд», подтверждая приверженность авторов той или иной социально-

---

[1] Уголовное право России. Общая часть. Учебник / под ред. В.П. Ревина. 2-е изд., испр и доп. М.: Юстицинформ, 2010. С. 10.

[2] Наумов А.В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Проспект, 2006. С. 409–410.

[3] Борисов В.И. Решение вопросов Особенной части в новом Уголовном Кодексе Украины // Уголовное право в XXI веке: материалы Международ. науч.-практ. конф. (Москва, МГУ им. М.В. Ломоносова, 31 мая–1 июня 2001 г.). М.: ЛексЭст, 2002. С. 78.

[4] Мальцев В.В. Введение в уголовное право. Волгоград: ВА МВД России, 2000. С. 141.

[5] Филимонов В.Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003. С. 37.

философской и политико-правовой идее. Она вряд ли может быть когда-либо разрешена или прекращена, но обречена стать выразителем конкуренции либеральных и коммунитарных идей в уголовном праве. Вместе с тем, за любой такой идеей, коль скоро она проникает в уголовный закон, возникает существенный ряд сугубо прикладных, правотворческих и правоприменительных последствий.

Формальный порядок изложения объектов охраны, безусловно, имеет важное уголовно-политическое значение, но гораздо важнее воплощение этой иерархии в тексте закона. И.Э. Звечаровский совершенно прав, когда указывает, что «изменение в приоритетах объектов уголовно-правовой охраны на уровне постановки задач перед уголовным законодательством само по себе еще недостаточно. Для этого необходимо, чтобы данное изменение нашло свое отражение не только в расположении соответствующих глав Особенной части, но и в содержании самого нормативного материала»[1].

Однако прикладное воплощение в тексте уголовного закона и в практике его применения заявленных в ч. 1 ст. 2 УК РФ приоритетов порождает непростые вопросы относительно сопоставительной оценки общественной опасности преступлений против личности по сравнению с преступлениями, посягающими на иные объекты, и вытекающие отсюда многие другие вопросы, касающиеся криминализации деяний, наказуемости преступлений, определения иных уголовно-правовых последствий их совершения. В частности, можно ли утверждать, что преступления против личности, ее прав и свобод должны признаваться более опасными деяниями, нежели иные преступления, можно ли на этой основе проводить сопоставительный анализ серединных значений санкций за преступления, посягающие на различные объекты, создает ли повод дли критики практика активной криминализации посягательств на государственные и общественные интересы, в том числе за счет расширения представлений о границах злоупотребления правом и следовательно сокращения объема допустимой свободы в реализации прав человека, и т. д.

Любые ответы на эти вопросы следует признать умозрительными, если они основываются исключительно на идеологических аргументах и не сопровождаются обращением к учению о конституционных ценностях, особенно если признать, как было установлено, что любой объект уголовно-правовой охраны есть вместе с тем и конституционная ценность. **Иерархия объектов преступления в уголовном праве есть прямое отражение иерархии конституционных ценностей.**

[1] Звечровский И.Э. Современное уголовное право России: понятие, принципы, политика. СПб.: Юридический центр Пресс, 2001. С. 26.

Проблема конституционных ценностей, составляя предмет конституционной аксиологии [1], обоснованно привлекает повышенное внимание специалистов. При этом тема иерархии этих ценностей является здесь, пожалуй, одной из наиболее сложных, причем сложность возникает уже с установления самого факта наличия такой иерархии. Анализ практики Конституционного Суда РФ показывает, что словосочетание «конституционные ценности» в связке со словами «иерархия» или «приоритет» непосредственно в тексте решений Суда не употребляется. Но в некоторых Особых мнениях судей Конституционного Суда РФ отчетливо усматривается позиция специалистов по этому вопросу. В частности, Г.А. Гаджиев последовательно указывает, что все конституционные ценности образуют единство, основанное на вытекающей из конституционного права иерархии ценностей [2], а потому одним из принципов конституционно-правовой аксиологии является возможность не только уравновешивания двух конституционных принципов, но и придание большего веса одной из коллидирующих конституционных ценностей[3]. В тоже время некоторые конституционные ценности не могут быть признанными находящимися в состоянии иерархии [4]. Возможная

[1] См.: Крусс В.И. Российская конституционная аксиология: актуальность и перспективы // Конституционное и муниципальное право. 2007. № 2; Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12; Таева Н.Е. Нормы Конституции Российской Федерации как форма выражения социальных ценностей // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 5; Бондарь Н.С. Российское конституционное право в ценностном измерении: как правовой отрасли, юридической науки, учебной дисциплины // Конституционное и муниципальное право. 2013. № 11; Татаринов С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в укреплении и развитии конституционных ценностей // Вестник Томского государственного университета. 2018. № 432.

[2] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

[3] Особое мнение Судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по определению Конституционного Суда РФ от 10.10.2013 № 1485-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Борохова Олега Викторовича, Кауца Вячеслава Артуровича и Федотова Андрея Юрьевича на нарушение их конституционных прав частью 2 статьи 1.7 и пунктом 5 части 1 статьи 24.5 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях».

[4] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.11.2005 № 10-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 48 и статьи 58 Федерального закона "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации", пункта 7 статьи 63 и статьи 66 Федерального закона "О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации».

коллизия относительно равнозначных ценностей, ни одна из которых очевидно не превалирует над другой, по мнению Г.А. Гаджиева, может быть разрешена с использованием той юридической методологии, которую предложил Европейский Суд по правам человека в Постановлении от 19.02.1998 по делу «Боуман против Соединенного Королевства»: необходимо искать справедливый баланс между равнозначными конституционными ценностями, когда ни одной из этих ценностей не отдается безусловный приоритет, а действие одного принципа (ценности, права) создает имманентные пределы для другого принципа (права или конституционной ценности)[1].

Идея иерархии конституционных ценностей находит поддержку у многих иных ученых. А.А. Кондрашев прямо пишет: «конституционные ценности не могут быть равнозначны как с позиции места в системе социальных регулятивных связей, так и с точки зрения важности для общества тех отношений, которые охраняются той или иной ценностной установкой»[2]. Ему вторит Т.С. Масловская, утверждая о наличии определенной иерархии конституционных ценностей, о признаваемых высших ценностях, формально определяющих конституционные приоритеты, и иных конституционных ценностях[3]. Аналогично мнение А.А. Сухановой: «текст Конституции позволяет говорить о наличии некой иерархии в системе конституционных ценностей, поскольку существуют нормы, прямо или косвенно закрепляющие приоритет одних конституционных ценностей перед другими. Так, например, ст. 2 Конституции Российской Федерации содержит следующее положение: «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью», при этом выражение «высшая ценность» употребляется только применительно к институту прав и свобод человека и гражданина, подобная значимость иных конституционных ценностей в Конституции не закрепляется. Очевидно, что «высшая ценность» — это в первую очередь нравственная

[1] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Г.А. Гаджиева по постановлению Конституционного Суда РФ от 02.12.2013 № 26-П «По делу о проверке конституционности пункта 2 статьи 4 Закона Челябинской области «О транспортном налоге» в связи с запросом Законодательного Собрания Челябинской области».

[2] Кондрашев А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 24.

[3] Масловская Т.С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 6. С. 59–60.

категория, но, употребленная в конституционном контексте, она превращается в юридическую категорию, правовую норму»[1].

Признание наличия иерархии и ее построение создает предпосылки для соответствующей разработки методологии правотворческих и правоприменительных решений и их оценки. С.П. Маврин пишет: «важное значение при оценке конституционности принятых законодательных актов Конституционным Судом РФ с точки зрения воплощения в них конституционных требований имеет не только соблюдение иерархии конституционных ценностей, но и правильное правопонимание природы и выстраивание отношений координации и гармонизации между ними в рамках измерения шкалы конституционных норм и ценностей»[2].

Авторы, признающие наличие таких «отношений координации» между конституционными ценностями, в последнее время отчетливо свидетельствуют и вершину их иерархии. При этом если некоторые специалисты лишь выражают опасение, что в современных условиях «существует риск преобладания тех конституционных ценностей современной России, которые охватывают государственно-властные аспекты, и прежде всего государственный суверенитет, что может привести к «мобилизационному конституционализму», когда другие, не связанные с государственным суверенитетом конституционные ценности рассматриваются как второстепенные, которыми можно пренебречь»[3]. То А.А. Кондрашев категорично утверждает, что в последние 15 лет «Конституционный Суд РФ в своих решениях активно руководствовался приоритетом именно публичных, коллективно-государственных ценностей в ущерб защите личных прав граждан», а «гуманитарная составляющая» в его решениях «сдвинута в сторону приоритетной защиты именно государственных интересов, которые рассматриваются как защита общественных потребностей»[4]. Применительно к отдельным решениям Конституционного Суда такой вывод подтверждают и сами судьи. В особом мнении судьи Конституционного Суда РФ А.Л. Кононова по делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса РФ указывается, что Суд «допустил беспрецедентное смещение ценностей в сторону публичных, и прежде всего государственных, интересов в пользу репрессивного характера права. Употребляемая неоднократно

[1] Суханова А.А. Конституционные ценности современной России: иерархия и конкуренция // Вестник Челябинского государственного университета. 2015. № 23 (378). Право. Вып. 44. С. 53–54.

[2] Маврин С.П. Конституционные ценности и их роль в российской правовой системе // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 3 (27). С. 12.

[3] Киреев В.В., Щипачев Б.М. Конституционное развитие современной России: ценности и риски // Проблемы права. 2014. № 3 (46). С. 21–26.

[4] Кондрашев А.А. Конфликт конституционных ценностей в теории и практике конституционного правосудия в России // Вестник Сибирского юридического института МВД России. 2018. № 4 (33). С. 25.

Конституционным Судом РФ формула о балансе частных и публичных интересов, по нашему мнению, искажает шкалу конституционных ценностей, поскольку баланс предполагает нивелирование, уравновешивание, равнозначность интересов отдельной личности и государства, что заведомо ставит личность в подчиненное и незащищенное положение, деформирует само понятие правового государства. Конституция говорит не о балансе, а о предпочтении гуманитарных ценностей»[1].

Переложение такой иерархии на сферу уголовного права влечет вполне определенные уголовно-политические и уголовно-правовые последствия. При этом подход к оценке объектов уголовно-правовой охраны с позиций иерархического строения конституционных ценностей, при всей сложности самой этой иерархии, дает неоспоримые преимущества законодателю и правоприменителю в сфере уголовно-правового противодействия преступлениям, снимая неопределенность в их оценке и значимости. Именно посредством такой иерархии Конституция определяет наиболее важные для обеспечения нормального функционирования общества и государства направления уголовных репрессий. Как верно отмечает И.И. Рогов, делается это, как правило, опосредованно, путем провозглашения особой ценности тех или иных общественных отношений и необходимости их защиты[2].

Однако такой подход может иметь место только при условии признания наличия самой иерархии конституционных ценностей. Вместе с тем, это утверждение не является бесспорным. Так, применительно к проблеме иерархии прав человека судья Конституционного Суда РФ Н.С. Бондарь указывает: «Конституция Российской Федерации не предполагает какой-либо иерархии прав и свобод человека и гражданина, в том числе в зависимости от их материального содержания и сфер реализации, а исходит из того, что все права и свободы человека и гражданина, включая те, что не получили в ней своего непосредственного текстуального закрепления (статья 55, часть 1), являются равноценными и образуют единый, взаимосогласованный комплекс. Это корреспондирует сложившемуся в современном мировом сообществе подходу к правам

[1] Особое мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации по постановлению Конституционного Суда РФ от 14.07.2005 № 9-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 113 Налогового кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки Г.А. Поляковой и запросом Федерального арбитражного суда Московского округа».

[2] Рогов И.И. Общая характеристика Уголовного кодекса Республики Казахстан // Новое уголовное законодательство стран СНГ и Балтии: сборник науч. ст. М.: ЛексЭст, 2002. С. 127.

человека, согласно которому все права человека универсальны, неделимы, взаимозависимы и взаимосвязаны»[1].

Иные авторы придают такой позиции общее звучание. Г.Б. Ройзман, к примеру, пишет: «иерархия в системе конституционных ценностей имеет относительный характер, поскольку установить нормативное закрепление иерархии конституционных ценностей невозможно. Определение места той или иной конституционной ценности в целостной иерархии не может быть предопределено ни нормативным (декларативным) ее закреплением в качестве ценности более высокого порядка по отношению к другим, ни доктринальным толкованием конституционных норм, закрепляющих ценности общества и государства. По сути, иерархия ценностей зависит от результата процесса нахождения баланса между частным и публичным интересом в случае, если такой баланс в принципе возможен, либо от результата выбора (предпочтения) либо частного, либо публичного интереса. При этом функция такого выбора возложена также на публично-властный субъект – Конституционный Суд Российской Федерации, что вряд ли может быть свидетельством объективности при нахождении подобного «баланса интересов»[2]. Эту мысль поддерживает С.Э. Несмеянова: «Принимая во внимание практику Европейского суда по правам человека и решения Конституционного суда РФ, необходимо констатировать, что суды не определяют верховенство конкретных ценностей при разрешении спора (при наличии конкуренции ценностей). Они лишь определяют приоритет конкретной ценности в конкретных правоотношениях», причем такой приоритет может определяться только применительно к конкретной ситуации»[3].

В этих суждениях, как нам представляется, содержатся предпосылки для опровержения самой идеи наличии заданной Конституцией РФ иерархии социальных ценностей. Действительно, **текст Конституции РФ не содержит указаний на то, что какая-либо из провозглашенных в нем непосредственно или вытекающих из его толкования и конкретизации ценностей обладает приоритетом перед другими**. Сторонники нормативной иерархии, как правило, ссылаются на положения ст. 2 Конституции РФ, согласно которой «Человек, его права и свободы являются высшей ценностью». Однако наряду с этим утверждением,

---

[1] Мнение судьи Конституционного Суда Российской Федерации Н.С. Бондаря по определению Конституционного Суда РФ от 4.10.2012 № 178-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Коршуновой Ольги Николаевны на нарушение ее конституционных прав статьей 34 Закона Российской Федерации «О государственных гарантиях и компенсациях для лиц, работающих и проживающих в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях».

[2] Ройзман Г.Б. Ценности в конституционном праве Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Челябинск, 2012. С. 8–9.

[3] Несмеянова С.Э. К вопросу об иерархии конституционных ценностей // Правовая парадигма. 2017. Т. 16. № 4. С. 72–74.

Конституция содержит и иные, в частности, ч. 3 ст. 55, в соответствии с которой «права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства». При этом, и ст. 2, и ст. 55, согласно предписаниям ст. 16, 64 и 135 Конституции РФ, они равновелики в том отношении, что могут быть изменены или опровергнуты только в специально установленном самой Конституцией РФ порядке. И **если Конституция допускает возможность ограничения прав человека как высшей ценности, исходя из соображений защиты иных ценностей, вопрос о наличии иерархии и соподчиненности между конституционными ценностями не может считаться изначально решенным на уровне самой Конституции**. В противном случае остается без фундаментальных оснований вопрос о том, в силу чего государство допускает ограничение высших ценностей ради защиты ценностей, находящихся на нижних ступенях их иерархии, в основании пирамиды. При наличии предустановленной иерархии при проведении и реализации уголовной политики «не срабатывают» ни соображения крайней необходимости, в силу которых недопустимо причинение вреда большему благу ради защиты менее ценного блага, ни соображения необходимой обороны, требующие особых условий причинения вреда высшим ценностям. Обобщенно говоря, жесткое следование концепции наличия предустановленной иерархии конституционных ценностей, лишает саму уголовную политику и уголовное право конституционных оснований.

Густова Элла Владимировна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Тяжкие последствия в уголовном праве: толкование и правоприменение

Действующий Уголовный закон РФ характеризуется высокой степенью абстрактности правовых норм, наличием некорректности отдельных определений, правовых предписаний, содержащих оценочные признаки, норм, наполненных спецификой терминов и понятий[1]. Такая особенность неуклонно вызывает сложность в правоприменении.

[1] Савельева О.А. Роль судебного толкования в применении уголовного закона: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М., 2006. С. 3.

На сегодняшний день, учитывая состояние теории уголовного права сложно говорить о тяжких последствиях как об абсолютно определенной дефиниции. Их значение и определение, скорее, носят относительный характер[1].

Важным представляется рассмотреть, что вкладывает законодатель в смысл определения «тяжких последствий», как на этапе создания современного Уголовного кодекса, так и при криминализации новых видов преступлений.

На сегодняшний день на данную тему обращено много взглядов ученых-теоретиков, в первую очередь, потому что такое явление, как «тяжкие последствия» используются законодателем в Уголовном кодексе довольно часто (77 раз), уступая по количеству общих упоминаний только групповому характеру. Данный признак понимается в различных трактовках и является оценочным, а значит позволяет правоприменителю рассматривать его в соответствии со своей компетенцией, опытом, правосознанием, опираясь на обстоятельства конкретного дела.

Анализируя Уголовный кодекс РФ, можно увидеть, что не существует единого подхода к определению и установлению данной категории. Тяжкие последствия, практически во всех случаях, обозначаются достаточно разнообразно. При конструировании диспозиций статей Особенной части УК РФ законодатель не всегда придерживается единой методики их учета и оценки в санкциях конкретных статей. Из всех случаев употребления тяжких последствий в УК РФ можно выделить отдельные способы их закрепления.

Первый – законодатель лишь воспроизводит в законе отдельный термин «тяжкие последствия», при этом никак не конкретизируя его. Примером такого выражения служат ч. 3 ст. 145[1], ч. 4 ст. 183, ч. 2 ст. 201, ч. 3 ст. 285 УК РФ, где о совершенном преступном деянии говориться как о деянии, которое повлекло или причинило тяжкие последствия. Существенный недостаток такого способа изложения заключается в отсутствии возможности получить информацию о тяжких последствиях и их характерных признаках.

Второй – «тяжкие последствия» указываются законодателем в диспозиции статьи и наступление данных последствий является обязательным или альтернативным конструктивным признаком объективной стороны состава преступления. Примером этого может служить ч. 1 ст. 224 УК РФ «Небрежное хранение огнестрельного оружия, создавшее условия для его использования другим лицом, если это повлекло смерть человека или иные тяжкие последствия».

Третий – законодатель раскрывает «тяжкие последствия», путем перечисления других признаков, являющихся равнозначными тяжким

[1] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений 2-е изд., перераб. и дополн. М., 2004. С. 115.

последствиям. Например, в п. «б» ч. 3 ст. 131 УК РФ указывается изнасилование повлекшее по неосторожности причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшей, заражение ВИЧ-инфекцией или иные тяжкие последствия. Таким образом, некоторые виды тяжких последствий перечисляются непосредственно в законе. Одними из наиболее часто употребляемых последствий являются причинение смерти потерпевшему, причинение вреда здоровью различной тяжести. И здесь возникает вопрос: «Почему законодатель в одних статьях под тяжкими последствиями понимает тяжкий вред здоровью, а в других средней тяжести?» Например, в п. «а» ч. 3 ст. 127^1 предусмотрено в качестве квалифицирующего признака деяние, повлекшие по неосторожности смерть, причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего или иные тяжкие последствия», а в п «в» ч. 2 ст. 333, п. «в» ч. 2 ст. 334, п. «д» ч. 2 ст. 335 УК РФ – деяния с причинением тяжкого или средней тяжести вреда здоровью либо иных тяжких последствий. Кроме того, в некоторых статьях Особенной части и вовсе отсутствует степень нанесения вреда, заключая его в абстрактной формулировке «причинение вреда здоровью», что автоматически включает в себя и причинение легко вреда здоровью (ч. 3 ст. 137, ч. 2 ст. 228^2, ч. 2 ст. 237, ст. 246, ч. 1 ст. 248 УК РФ). Не совсем логичным и правильным представляется употребление в двух статьях Особенной части УК РФ (ст. 247, ч. 2 ст. 252) признака «существенный вред здоровью», так как в теории уголовного права выделяют три основных вида вреда здоровью: легкий, средний и тяжкий, то в таких случаях возникают сложности в определении и понимании данного вреда здоровью.

Полагаем, при использовании такого рода оценочных признаков, необходимо создать в тексте уголовного закона дефиницию классического образца, устанавливая рамки понимания, обозначаемого ими явления или процесса.

Значительную роль в толковании тяжких последствий стоит отвести разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, который зачастую в постановлениях дает разъяснение и понимание таких последствий, так например, Постановление от 18 октября 2012 г. № 21 «О применении судами законодательства об ответственности за нарушения в области охраны окружающей среды и природопользования». В пункте 5 указано, что под иными тяжкими последствиями применительно к ст. 246 УК РФ следует понимать, в частности, такое ухудшение качества окружающей среды и ее компонентов, устранение которого требует длительного времени и больших финансовых затрат (например, массовые заболевания или гибель объектов животного мира, в том числе рыбы и других водных биологических ресурсов; уничтожение условий для их обитания и воспроизводства (потеря мест нагула, нереста и зимовальных ям, нарушение путей миграции, уничтожение кормовой базы); уничтожение объектов растительного мира, повлекшее существенное сокращение

численности (биомассы) указанных объектов; деградация земель). При этом массовой гибелью (заболеванием) считается превышение среднестатистического уровня гибели (заболевания) животных в три или более раза. Тем не менее есть отдельные нормы, которые не содержат ни законодательного пояснения, ни судебного разъяснения их понимания и в этой связи встает вопрос о необходимости аутентичного либо судебного толкования отдельных квалифицирующих обстоятельств, например, массового заболевания или отравления людей, существенного нарушения прав и законных интересов граждан или организаций и др.

Анализируя тяжкие последствия, содержащиеся в статьях Особенной части УК РФ, стоит отметить и неоднозначную законодательную технику их изложения. Так, если в некоторых нормах при указании на наступление тяжких последствий законодатель использует союз *«или»*, например, ч. 2 ст. 299 «то же деяние, соединенное с обвинением лица в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления либо повлекшее причинение крупного ущерба или иные тяжкие последствия», в других наречие *«равно»* – ч. 2 ст. 344 «… если это деяние повлекло утрату, уничтожение или повреждение находящихся под охраной наряда оружия, боеприпасов, взрывчатых веществ или взрывных устройств либо предметов военной техники, а равно иные тяжкие последствия» и имеются случаи когда употребляется соединительный союз *«и»*, так, в ст. 284 УК РФ: «...если это повлекло по неосторожности их утрату и наступление тяжких последствий». Получается, что в последнем случае законодателем признано необходимым наступление двух вредных результатов: утраты документов, предметов и далее – тяжких последствий. Таким образом, необходимо систематизировать и привести в единую форму юридико-техническое оформление тяжких последствий в УК РФ.

С практической же точки зрения, вопрос о признании обстоятельств в качестве тяжких в каждом конкретном деле остается открытым. В каждом конкретном случае судом должны быть учтены все обстоятельства дела, установлен реальный размер причиненного вреда. При этом, как бы парадоксально это не звучало, в теории уголовного права уже существует гипотеза, согласно которой при принятии решения о том, признавать какое-либо из деяний, повлекшим тяжкие последствия, судом должен учитываться не только вред, существующий в объективной реальности (то есть непосредственно причиненный, но и тот, который причиняется опосредованно. В качестве примера можно привести ситуации, в которых при убийстве человека большое семейство остается без кормильца, при клевете на человека – он заканчивает жизнь самоубийством, при хищении какого-либо имущества на производстве появляются задержки, срывы графиков, появление неустоек и штрафов и т. д.

Подводя итог вышесказанному, очевидно, что основу наступления тяжких последствий составляют преступные деяния, посягающие на такие

объекты, как жизнь и здоровье человека – смерть и причинение вреда различной тяжести, однако, не смотря на явные главенствующие позиции, данные деяния не являются единственными.

Анализируя Особенную часть УК РФ, а также учебную литературу, можно прийти к выводу, что данный список можно расширить следующими видами тяжких последствий: заражение потерпевшего ВИЧ (заведомо); распространение эпидемии и эпизоотии; массовая гибель животных; значительное изменение радиоактивного фона; хищение и/или уничтожение изъятых из оборота предметов; имущественный ущерб (в значительном и крупном объеме); повреждение и/или уничтожение оружия, боеприпасов, военной техники и т. д.; вынесение незаконного приговора лишения свободы. Но и нет оснований утверждать, что этот перечень является исчерпывающим, возможно наличие и других тяжких последствий.

Данилов Данил Борисович,
старший преподаватель кафедры
оперативно-разыскной деятельности
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовые средства минимизации криминальных рисков в сфере производства и распределения объектов недвижимого имущества

Процесс криминализации деяния, на ряду с признанием его общественной опасности, связан с определением видов наказаний назначаемых за его совершение, а также установлением их размеров.

Задача уголовного права состоит в удовлетворении чувств социальной справедливости[1]. В связи с этим уголовному закону отводится одно из наиболее важных мест в процессе регулировании общественных отношений, которые складываются в социуме. Уголовное законодательство регулирует множество сторон общественной жизни, среди которых наиболее важное значение имеют вопросы противоправных деяний и соответствующей реакции со стороны государства на их совершение в виде наказуемости[2].

[1] Наумов А.В. Реализация уголовно-правовых норм и деятельность следователя: учеб. пособие. Волгоград: Изд-во ВСШ МВД СССР, 1983. С. 64.

[2] Полуэктов А.Г. Место института освобождения от уголовной ответственности в системе уголовно-правовых средств воздействия в отношении лиц, преступивших уголовный закон // Проблемы экономики и юрид. практики. 2017. № 4. С. 108.

Вместе с этим вопросы наказуемости представляют собой крайнюю меру, применение которой, о чем свидетельствуют результаты анализа законодательства, не обладает однозначностью и неоспоримостью. Предусмотренный ст. 7 УК РФ принцип гуманизма предполагает не только достижение цели защиты человека, но и условия реализации закрепленного комплекса уголовно-правовых мер, при этом даже сам процесс позитивного движения к их достижению способен оказать позитивное влияние на лицо, преступившее положения уголовного закона, в противном же случае их нельзя признать целесообразными[1]. Именно на это и рассчитан институт освобождения от уголовной ответственности, который представляет собой, по своей сути, альтернативу осуждению лица[2].

Как и всякая иная сфера экономических отношений, рынок недвижимого имущества не лишен рисков финансовых потерь. Которые многократно возрастают в связи с притоком в строительную сферу недобросовестных застройщиков, риэлторов, а также иных лиц стремящихся извлечь сверхприбыль из осуществляемой ими предпринимательской деятельности, тем более что данная сфера экономики отличается высокой степенью конкуренции. Противоправной деятельности, в сфере рынка недвижимого имущества, способствует несовершенство законодательства, регулирующего порядок осуществления сделок по приобретению в собственность объектов недвижимости[3].

Остроту проблеме криминальных рисков в сфере производства и распределения объектов недвижимого имущества, придает установившийся в последние пять лет, устойчивый рост мошенничеств в сфере недвижимости. На данное обстоятельство обращалось внимание Финансовым университетом при правительстве России. Согласно данным проведенного им исследования, за последние 5 лет число ежегодно совершаемых преступлений в сфере недвижимости в стране возрастает на 18%.

Изложенные обстоятельства, наряду с растущим потребительским спросом объектов недвижимого имущества, обусловливают постоянный рост стоимости квадратных метров, стимулируя солидный приток денежных средств. Как и всякая иная сфера экономических отношений, долевое строительство жилья и иных объектов недвижимости не лишена рисков финансовых потерь. Которые многократно возрастают в связи с притоком в строительную сферу недобросовестных застройщиков, стремящихся извлечь сверхприбыль из осуществляемой ими предпринимательской деятельности, тем более что данная сфера

[1] Новиков В.А. Освобождение от уголовной ответственности: дис… канд. юрид. наук. Краснодар, 2003. С. 3.

[2] Полуэктов А.Г. К вопросу о генезисе института освобождения от уголовной ответственности // Пробелы в Российском законодательстве. 2017. № 4. С. 194.

[3] Куликов В. Крыша в зоне риска // Российская газета от 14 сентября 2020 г. № 206.

экономики отличается высокой степенью конкуренции. Противоправной деятельности, в сфере долевого строительства недвижимого имущества, способствует несовершенство законодательства регулирующего прозрачность сделок по приобретению в собственность недвижимого имущества.

Анализ генезиса оснований освобождения от уголовной ответственности позволяет прийти к заключению, что освобождение от уголовной ответственности представляет собой самостоятельный институт, что не оспаривается большинством ученых. Однако, как показывает анализ его развития, он видоизменяется и совершенствуется, приобретая форму компромисса в урегулировании уголовно-правового конфликта, что особенно важно для преступлений в сфере экономической деятельности.

Процесс криминализации общественно-опасных деяний в сфере экономической деятельности, в первую очередь носит регулятивный характер. Определяя допустимые и недопустимые формы экономической деятельности, зачастую законодатель предусматривает возможность избежать уголовной ответственности, посредством выполнения необходимых условий, как правило, носящих компенсационный характер.

Установив уголовную ответственность за противоправные действия недобросовестных застройщиков, состоящие в привлечении денежных средств граждан, с нарушением установленного законодательством России порядка, законодатель попытался минимизировать вероятность причинения имущественного ущерба гражданам, участвующим в долевом строительстве. Очевидно, вероятность угрозы причинения имущественного ущерба обусловлена допускаемыми застройщиком нарушениями, установленного законом порядка, привлечения денежных средств граждан для строительства многоэтажных домов. В свою очередь, признание данного деяния общественно опасным и его юридическое закрепление в ст. 200^3 УК РФ должно способствовать повышению превентивной функции уголовного законодательства, в части охраны имущественных интересов граждан, что в условиях роста числа «обманутых дольщиков» имеет принципиальное значение[1].

[1] Пояснительная записка к проекту федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации и Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях в части установления уголовной ответственности за нарушение требований законодательства об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости и нецелевое использование денежных средств, уплачиваемых участниками долевого строительства по договору участия в долевом строительстве» [Электронный ресурс] // http://docs.cntd.ru/document/420227745 (дата обращения: 17.08.2020).

Принимая во внимание неоспоримое значение нормы ст. 200^3 УК РФ, в контексте рассматриваемых вопросов, её юридическая архитектоника ставит не мало вопросов перед правоприменителем в части толкования её положений и их практической реализации. По нашему мнению, одной из таких проблем является использование законодателем достаточно общих понятий, в основном определяющих содержание объективных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 200^3 УК РФ. В частности, устанавливая основание уголовной ответственности в ст. 200^3 УК РФ, законодатель использует формальную технику конструирования признаков объективной стороны, ограничиваясь описанием признаков деяния состоящего в привлечении денежных средств от граждан «с нарушением законодательства РФ об участии в долевом строительстве», совершенное либо в крупном размере (3 млн рублей), либо группой лиц по предварительному сговору или в особо крупном размере (5 млн рублей).

Принимая во внимание бланкетный характер диспозиции анализируемой нормы, установление признаков общественно опасного деяния, требует обращения к нормативно-правовым актам, определяющим порядок и основания привлечения денежных средств участников долевого строительства для строительства (создания) многоквартирных домов и (или) иных объектов недвижимости, имеющим иную отраслевую принадлежность[1].

При этом, для признания преступления оконченным достаточно самого факта нарушения требований законодательства РФ об участии в долевом строительстве. Полагаем, избранная законодателем формальная конструкция нормы ст. 200^3 УК РФ должна служить правовой основой оперативного реагирования на факты нарушения законодательства и обеспечивать упреждающее воздействие до причинения потерпевшему реального имущественного ущерба.

Однако, на ряду с очевидными преимуществами формальной конструкции анализируемой нормы, ее практическое применение может создать не мало сложностей в случаях изменения обстоятельств, при которых на момент привлечения денежных средств граждан, застройщик соответствовал требованиям законодательства об участии в долевом строительстве, но последующем, в результате тех или иных событий перестала соответствовать им. Исходя из буквального толкования нормы ст. 200^3 УК РФ можно сделать вывод, что она не может распространять свое действие на подобные факты, поскольку в анализируемая статья устанавливает ответственность за привлечение, а не пользование

[1] Об участии в долевом строительстве многоквартирных домов и иных объектов недвижимости и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон от 30 декабря 2004 № 214-ФЗ (в ред. ФЗ от 1 июля 2017 № 141-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 3 января 2005 № 1 (часть I) ст. 40.

денежными средствами граждан в нарушение установленного законодательством порядка.

Но при таком подходе, нивелируется главная её цель – защита имущественных интересов дольщиков, поскольку, инвестировав денежные средства в долевое строительство, при подобных обстоятельствах, повышается риск заморозки финансовых активов граждан вместе со строящимся объектом недвижимости, что приведет к возникновению уголовно-правового конфликта.

В целях преодоления подобных ситуаций, законодатель предусмотрел возможность её разрешения путем выполнения определенных условий, сформулированных в примечании 2 к ст. 200^3 УК РФ.

Несмотря на то, что уголовный закон не приемлет аналогии уголовно-правовых норм, считаем уместным преломить имеющийся законодательный опыт урегулирования уголовно-правового конфликта, возникающего в связи с уклонением от исполнения налоговых обязательств и на исследуемую сферу экономической деятельности.

Главным аргументом в избранной нами позиции является очевидный факт недобросовестного пользования застройщиком денежными средствами граждан, привлеченными в нарушение установленного законом порядка, оплаты своих услуг и строительства объекта жилой недвижимости. В то время как платежный потенциал суммы привлеченных денежных средств может быть существенно понижен в условиях инфляции и роста рыночной стоимости недвижимого имущества. С учетом изложенных обстоятельств, считаем необходимым возложения на застройщика, пользующегося определенный период времени деньгами, бремени возмещения понесенных убытков, в связи с обесцениванием денежных средств. Таким образом, естественным является возложение на застройщика инфляционных рисков, он ответственности за весь объем денежных средств участников долевого строительства, размещенных на его счету.

Таким образом, на основании изложенного, считаем, что при решении вопроса об освобождении от уголовной ответственности по ст. 200^3 УК РФ необходимо наряду с возмещением потерпевшему реального ущерба, предусмотреть необходимость уплаты соответствующих процентов по денежным обязательствам.

Добренков Алексей Иванович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
организации деятельности подразделений
по обеспечению безопасности дорожного движения
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Административная преюдиция как средство обеспечения безопасности дорожного движения: современное состояние и пути развития

Уже не одно десятилетие одним из приоритетных направлений государственной политики Российской Федерации является обеспечение безопасности дорожного движения. Ежегодно в результате дорожно-транспортных происшествий гибнут свыше 15 тысяч человек, свыше 35 тысяч – становятся инвалидами, наносится огромный экономический и экологический ущерб.

Государство принимает меры для улучшения сложившейся ситуации. В настоящее время Стратегией безопасности дорожного движения [1], рассчитанной на 2018–2024 годы, определены целевые показатели, к которым, в частности, относится социальный риск, составляющий не более 4 погибших на 100 тысяч населения.

Для достижения поставленных целей в стране реализуется ряд крупномасштабных мероприятий, такие как Федеральная целевая программа «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [2] и национальный проект «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [3]. Они содержат в себе несколько направлений, осуществление которых направлено на достижение необходимых результатов. Среди

[1] Об утверждении Стратегии безопасности дорожного движения в Российской Федерации на 2018–2024 годы [Распоряжение Правительства РФ от 08.01.2018 № 1-р] // Официальный сайт Правительства РФ [электронный ресурс]. URL: http://static.government.ru/ media/files/g6BXGgDI4fCEiD4xDdJUwlxudPATBC12.pdf.

[2] О федеральной целевой программе «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [Постановление Правительства РФ от 03.10.2013 № 864] // Официальный сайт федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2013–2020 годах» [электронный ресурс]. URL: http://www.fcp-pbdd.ru/about_program/index.php.

[3] Паспорт приоритетного проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проекта, протокол от 21.11.2016 № 10] // Официальный сайт национального проекта «Безопасные и качественные автомобильные дороги» [электронный ресурс]. URL: https://bkdrf.ru/uploads/documents.

данных направлений можно выделить совершенствование действующего законодательства в области обеспечения безопасности дорожного движения.

К сожалению, на сегодняшний день административные санкции не оказывают должного превентивного эффекта, поэтому дополнением к ним в рамках обеспечения безопасности дорожного движения служат уголовно-правовые меры противодействия дорожно-транспортным преступлениям. Одним из инструментов данного направления является административная преюдиция.

На сегодняшний день в области дорожного движения административная преюдиция установлена статьей 264.1 УК РФ для случаев управления транспортными средствами лицом в состоянии опьянения, которое подвергнуто административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями 2, 4 или 6 статьи 264 или статьи 264.1 УК РФ.

Анализируя статистические данные за последние пять лет (с момента введения статьи 264.1 УК РФ), можно сделать ряд выводов. С каждым годом количество регистрируемых преступлений, предусмотренных статьями 264 и 264.1 УК РФ становиться меньше. Это можно связать с реализацией вышеназванных мероприятий, направленных на повышение безопасности дорожного движения. Отдельно стоит выделить динамику преступлений, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ, которая гораздо больше снижается по отношению к преступлениям, предусмотренным статьей 264 УК РФ. Это может говорить о превентивном свойстве административной преюдиции в области дорожного движения. Нельзя не отметить рост количества преступлений, предусмотренных статьей 264.1 УК РФ в 2016 году, однако его можно связать с тем, что в 2015 год стал «переходным» для правоприменителей, которые в течении него адаптировались к новому составу преступления, предусмотренного статьей 264.1 УК РФ.

Вместе с тем, по нашему мнению, что институт административной преюдиции не исчерпал свои превентивные возможности в сфере дорожного движения.

Проведенное нами исследование дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними [1], показало, что

[1] Добренков А.И. Предупреждение дорожно-транспортных преступлений, совершаемых несовершеннолетними: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08; [Место защиты: Московский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.Я. Кикотя]. М., 2019.

действующие административно-правовые запреты и санкции не могут в полной мере оказывать предупредительное воздействие на участников дорожного движения в части предупреждения случаев, когда лицо самостоятельно управляет транспортным средством, не имея на это права, либо совершает повторную передачу управления транспортным средством лицу, не имеющему права управления.

По нашему мнению, для предупреждения таких фактов необходимо вводить уголовную ответственность. Для этого целесообразно изложить статью 264.1 «Нарушение правил дорожного движения лицом, подвергнутым административному наказанию» Уголовного кодекса Российской Федерации в следующей редакции:

1. Передача управления транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления транспортным средством (за исключением учебной езды) или лишенному такого права, лицом, подвергнутым административному наказанию за передачу управления транспортным средством лицу, заведомо не имеющему права управления транспортным средством, – наказывается штрафом в размере от ста тысяч до ста пятидесяти тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от полугода года до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо обязательными работами на срок до двухсот сорока часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до полутора лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до полутора лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

2. Управление транспортным средством лицом, не имеющим права управления транспортным средством (за исключением учебной езды), подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством без права управления, – наказывается штрафом в размере от ста пятидесяти тысяч до двухсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от полугода года до одного года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо обязательными работами на срок до трехсот шестидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо принудительными работами на срок до года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет, либо лишением свободы на срок до года с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до двух лет.

3. Управление автомобилем, трамваем либо другим механическим транспортным средством лицом, находящимся в состоянии опьянения, подвергнутым административному наказанию за управление транспортным средством в состоянии опьянения или за невыполнение законного требования уполномоченного должностного лица о прохождении медицинского освидетельствования на состояние опьянения либо имеющим судимость за совершение в состоянии опьянения преступления, предусмотренного частями второй, четвертой или шестой статьи 264 настоящего Кодекса либо настоящей статьей, – наказывается штрафом в размере от двухсот тысяч до трехсот тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от одного года до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо обязательными работами на срок до четырехсот восьмидесяти часов с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо принудительными работами на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет, либо лишением свободы на срок до двух лет с лишением права занимать определенные должности или заниматься определенной деятельностью на срок до трех лет.

Данная мера, по нашему мнению, позволит предупредить факты управления транспортными средствами лицами, не имеющими права управления, что в свою очередь позволит предупредить ряд дорожно-транспортных преступлений и повысить безопасность дорожного движения в целом.

Долин Вячеслав Александрович,
кандидат философских наук,
доцент кафедры гуманитарных
и социально-экономических дисциплин
Белгородского юридического института МВД России
имени И.Д. Путилина

Специфика культуры противодействия религиозному экстремизму: российский контекст

Противодействие религиозному экстремизму является одной из важнейших проблем осуществления правоохранительной деятельности в современной России. Для эффективного противодействия религиозному экстремизму необходимо всестороннее изучение данного феномена. Однако исследование проблемы противодействия религиозному

экстремизму с позиций философии[1], политологии[2], уголовного права[3] или нескольких научных дисциплин[4] оказывается недостаточным. В исследовании проблемы противодействия религиозному экстремизму назрела необходимость поиска и обоснования комплексного подхода.

Значимость поиска и обоснования данного подхода определяется двумя обстоятельствами. Первое из них – множество проявлений религиозного экстремизма, среди которых выделяют четыре основных:

– религиозный экстремизм как состояние сознания (общественного и реже – индивидуального);

– религиозный экстремизм как идеология, основанная на религиозной доктрине;

– религиозный экстремизм как совокупность действий по реализации религиозных доктрин;

– религиозный экстремизм как религиозная организация, обладающая признаками, подпадающими под определение «экстремистская организация».

Второе обстоятельство – комплексный характер причин, порождающих основные проявления религиозного экстремизма. С позиций сферного подхода изучения общества, важнейшими причинами, порождающими религиозный экстремизм, являются экономические, социальные, политические и духовно-культурные причины. А поскольку общество представляет собой еще и сферу существования и самореализации личности, то следует выделить и отдельную группу личностно-психологических причин возникновения религиозного экстремизма. Суммируя вышеприведенные размышления о причинах, порождающих основные проявления религиозного экстремизма, будет обоснованным утверждать, что религиозный экстремизм порождается и индивидуально-психологическими, и социальными причинами. С методологических позиций следует сделать важную оговорку: выделение двух групп причин осуществляется без абсолютизации роли одной из групп причин.

Объект исследования в статье – религиозный экстремизм, ее предметом – особенности культуры противодействия религиозному экстремизму в России.

---

[1] См., например: Вертий М.Ю., Скворцова Т.А., Семенцов А.М. Религиозный экстремизм как политико-правовой феномен // Философия права. 2007. № 1 (20). С. 114–119.

[2] См., например: Плужников Е.Н. Понятие религиозного экстремизма и его проявления в современной России // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. 2010. № 1. С. 71–78.

[3] См., например: Кобец П.Н. Противодействие религиозному экстремизму в современной России // Российский следователь. 2005. № 9. С. 45–49.

[4] См., например: Антонян Ю.М., Ростокинский А.В., Гилинский Я.И. Экстремизм и его причины. Монография. М.: Логос, 2010. 288 с.

Для обеспечения полноценного исследования предмета статьи следует уточнить методологические основания. Под религиозным экстремизмом в данной статье понимаются «…крайние действия религиозных элементов в политической жизни»[1]. В контексте исследования предмета статьи наибольший интерес представляет культурологический подход к исследованию преступности (А.И. Алексеев, Я.И. Гилинский, О.Н. Бибик, А.В. Симоненко), который акцентирует внимание на взаимосвязи феномена преступности и основных форм культуры современного общества[2]. Названный подход к преступности формируется в дисциплинарном поле криминологии[3]. По мнению А.В. Симоненко, «рассмотрение проблем культуры в современной криминологии есть не растворение ее предмета во множестве проблем, а его уточнение и дополнение тем аспектом, который наряду с прочими составляет социальные и психолого-педагогические причины преступности»[4]. Таким образом, концептуальной основой исследования являются фундаментальные положения и закономерности криминологии, а также представления культурологии о сущности, структуре, динамике и исторической эволюции культуры.

На пересечении предметных областей культурологии и криминологии формируется представление о криминологической культуре. В содержательном аспекте криминологическая культура представляет собой «…особую область криминологического знания о культуре…»[5] и является «…составляющей частью социальной культуры, с ориентацией на субъекта правоохранительной деятельности и объект превентивного правоохранительного воздействия…»[6].

На основе выделяемых А.В. Симоненко составляющих криминологической культуры следует выделить три элемента культуры противодействия религиозному экстремизму:

– научное знание о культурной детерминированности преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности, возможностях и границах превентивного воздействия на нее социокультурными средствами;

---

[1] Филимонов Э.Г. Социальная и идеологическая сущность религиозного экстремизма. М.: Знание, 1983. С. 6.

[2] Бибик О.Н. Культурное измерение уголовно-правовых и криминологических исследований: теоретические и практические аспекты: автореферат дис. … докт. юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия, 2015. 37 с.

[3] См. также: Квашис В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 13–20.

[4] Симоненко А.В. Криминологическое познание культуры в контексте теоретического наследия отечественной криминологии // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 2 (30). С. 99.

[5] Там же. С. 99.

[6] Там же. С. 99.

– научное понимание сущности и значения криминологической социокультурной детерминации законопослушного поведения, противоположного религиозному экстремизму, а также выработка культурологических механизмов воздействия на преступников, совершающих преступления экстремистской направленности;

– криминологическое просвещение как научно-просветительское криминологическое воздействие на общественное сознание, которое формирует уровень криминологической культуры личности, общества и государства, способствующий предупреждению преступлений экстремистской направленности и безопасности в данной сфере[1].

Рассмотри выделенные элементы подробнее. Начнем с научного знания о культурной детерминированности преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности, возможностях и границах превентивного воздействия на нее социокультурными средствами (первый элемент культуры противодействия религиозному экстремизму). Поскольку в данном элементе речь идет о религиозном экстремизме как об объективно существующем феномене, подчиняющемся собственным законам, то его правомерно обозначить как *онтологические основы противодействия религиозному экстремизму*.

Начнем с вопроса о культурной детерминированности преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности. Согласно сформированному в XX веке десакрализованному пониманию содержания культуры, к культуре относится все созданное человеком, вне зависимости от его социально-культурной ценности. Поскольку в рамках данного понимания к культуре относятся и деструктивные проявления человеческой деятельности (например, алкоголизм, наркомания и связанные с ними субкультуры), преступления и преступность экстремистской направленности также рассматриваются как феномены культуры. Важно понимать, что подобное понимание не является оправданием преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности, поскольку отсутствует признание его социально-культурной ценности.

После выяснения связи культуры с преступлениями и преступностью религиозно-экстремистской направленности перейдем к вопросу о характере детерминации последних. Является общепризнанным факт наличия связи между религией (религиозной культурой) и преступлениями (или преступностью) экстремистской направленности в содержательном и организационном аспектах. Хотя совершенно очевидно, что религиозный экстремизм – весьма специфический «продукт» религии (религиозной культуры), формирующийся не во всех случаях. Даже если в истории конкретной религии существует практика благословления крайних мер в

[1] Симоненко А.В. Указ. соч. С. 99.

политической сфере (например, объявление крестового похода или джихада), это не дает оснований для категорического отнесения данной религии к экстремистским организациям.

Данная взаимосвязь отражена в статье 3.1 Федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», в которой прописан запрет на признание в качестве экстремистских материалов цитат и содержания в целом священных текстов религий России, внесших наибольший вклад в ее духовно-культурное своеобразие – православного христианства, суннитского ислама, ортодоксального иудаизма и тибето-монгольского буддизма (Библия, Коран, Танах и Ганджур соответственно) [1]. Включение их в число «самых совершенных вероучений»[2] выглядит обоснованным.

Сложный характер детерминации преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности очевиден в контексте порождения традиционными религиями экстремистских интерпретаций собственного вероучения, культа и организации. Отнесение их к конкретной религии с приставкой «псевдо» является оправданным, но при этом осложняет поиск ответа на вопрос о причинах подобной детерминации. Ограниченные рамки статьи не позволяют выстроить четкое и аргументированное обоснование, поэтому вывод следует выразить в качестве постулата. По нашему мнению, религиозный экстремизм есть порождение неканонических интерпретаций конкретной религии, которое становится возможным в условиях возрождения интереса к национальной и религиозной идентичности в достаточно секуляризированном обществе. Выражаясь предельно просто, отдельный человек стремится быть «правильным» представителем своей нации и(или) религии, но из-за слабой осведомленности в проблеме или откровенной манипуляции становится жертвой навязанной экстремистской интерпретации авторитетной религиозной традиции.

Полученный вывод позволяет перейти к научному пониманию сущности и значения криминологической социокультурной детерминации законопослушного поведения, противоположного религиозному экстремизму, а также выработке культурологических механизмов воздействия на преступников, совершающих преступления экстремистской направленности (второй элемент культуры противодействия религиозному экстремизму). Поскольку данный элемент имеет практическое значение и относится к поведению личности (законопослушной или преступника), то будет правильным охарактеризовать его как *праксеологически-поведенческую форму противодействия религиозному экстремизму*.

---

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

[2] Хвыля-Олинтер А.И., Лукьянов С.А. Опасные тоталитарные формы религиозных сект. М.: Свято-Владимирское братство, 1996. 83 с.

В контексте выделенной связи между стремлением личности к обретению национально-религиозной идентичности и ее включением в практики религиозного экстремизма возникает вопрос о том, что считать проявлениями «правильной» национально-религиозной идентичности в поведении отдельной личности. Коварство идеологии религиозного экстремизма состоит в том, что в ней, образно говоря, «мед смешан с ядом»: национально-религиозная идентичность отдельной личности отождествляется со своеобразной и содержательно узкой (фундаменталистской) интерпретацией религиозного сознания. Данная интерпретация рассматривается как единственно верная, которая по факту толкает личность к совершению преступлений «во славу Бога» и «во имя подлинной веры». Парадокс данной ситуации состоит в том, что категоричность стремления отдельной личности к «подлинной вере» в секулярном обществе несет в себе угрозу выбора экстремистски перерожденной формы веры. Сказанное не означает, что всякий человек, ищущий путь к Богу, непременно станет «добычей» религиозно-экстремистских организаций. Речь идет лишь о вероятности, которая достаточно высока для того, чтобы отрицать ее существование вообще или игнорировать ее как несущественную.

Однако выделенный парадокс ослабевает на уровне общественного сознания. Как известно из духовного опыта христианства, человек спасается в церкви, т. е. в общении и взаимодействии с единоверцами. Опыт существования личности в исламе свидетельствует о том, что вербовке в религиозно-экстремистские организации наиболее подвержены личности либо маргинализированные в своей национально-культурной среде, либо оказавшиеся за ее пределами (например, трудовые мигранты в России).

Поэтому в завершение исследования элементов культуры противодействия религиозному экстремизму рассмотрим криминологическое просвещение как научно-просветительское криминологическое воздействие на общественное сознание, которое формирует уровень криминологической культуры личности, общества и государства, способствующий предупреждению преступлений экстремистской направленности и безопасности в данной сфере (третий элемент культуры противодействия религиозному экстремизму). Данный элемент также имеет практическое значение, но относится к средствам формирования сознания и поведения личности как элемента криминологической культуры личности. Поэтому данный элемент будет правильным охарактеризовать как *праксеологически-инструментальную форму противодействия религиозному экстремизму*.

При реализации криминологического просвещения как научно-просветительского криминологического воздействия на общественное сознание важно осознавать специфику последнего. В современном

российском обществе оно носит секуляризованный характер. И даже формирование «постсекулярного состояния общества» (Ю. Хабермас), которое заботится «… о продолжении существования религиозных сообществ в беспрестанно секуляризирующемся окружении»[1], не отменяет результатов прошедших трех столетий секуляризации. В контексте представлений о культуре следует помнить об одной из ее закономерностей развития, выделенной Г. Гегелем: «культура ничего не оставляет позади себя». В результате сосуществования религии и светской культуры в современном секуляризированном обществе возможно выделить следующие варианты религиозной идентичности:

– верующие (в православной терминологии – «воцерковленные») – активные представители религии, составляющие ядро церкви (общины);

– традиционалисты – положительно относятся к религии и религиозной культуре, но малоактивны в религиозной сфере;

– не определившиеся с собственной религиозной идентичностью;

– атеисты (не обязательно воинствующие!) – не веруют в Бога, не признают авторитет священных текстов и не выполняют религиозные предписания.

Наложение тенденции возрождения религиозной жизни на секуляризованное общественное сознание способно дать неоднозначные результаты, среди которых и потенциальная восприимчивость к экстремистским интерпретациям религиозного сознания и практики. В этой связи возникает вопрос о наиболее оптимальной модели криминологического просвещения для достаточно секуляризованного общества, которым является современная Россия.

Ограниченные рамки статьи позволяют высказать лишь главную идею, без выдвижения аргументов и разбора возможных возражений. С позиций представлений о культуре, наиболее продуктивным путем является дифференциация и специализация криминологических просветительских программ под различные варианты религиозной идентичности. В идеале субъекты, реализующие данные программы, должны представлять все варианты религиозной идентичности, представленные в российском обществе. Сами же программы не должны сводиться к традиционному для различных конфессий обучению религии, что предельно остро ставит вопрос об их содержании и организационно-правовых формах, в которых они будут осуществляться.

Подведем итоги. На основе проведенного исследования специфики культуры противодействия религиозному экстремизму в российском контексте возможно сделать предварительный вывод о продуктивности переноса представлений о культуре в контекст криминологических

[1] Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. С. 120.

представлений. В данной статье рассмотрены три элемента культуры противодействия религиозному экстремизму, к которым относятся:

– онтологические основы противодействия религиозному экстремизму, рассматривающие детерминированность преступлений и преступности данного вида, а также о возможностях и границах превентивного воздействия на них социокультурными средствами;

– праксеологически-поведенческая форма противодействия религиозному экстремизму, рассматривающая поведение законопослушной личности и преступника, совершающего преступления религиозно-экстремистской направленности;

– праксеологически-инструментальная форма противодействия религиозному экстремизму, рассматривающая воздействие на общественное сознание как инструмент формирования сознания и поведения личности.

Также следует понимать, что дисциплинарные рамки криминологии оказываются узкими для анализа специфики культуры противодействия религиозному экстремизму в ее расширенном понимании, поскольку феномен религиозного экстремизма гораздо шире проблематики преступлений и преступности религиозно-экстремистской направленности, которую исследует криминология. И действительно, нормативные правовые предписания, приводимые в переченевой дефиниции понятия «экстремизм» федерального закона «О противодействии экстремистской деятельности», соответствуют нормам конституционного, уголовного и административного права [1] . Однако исследование специфики культуры противодействия религиозному экстремизму в ее расширенном понимании, ее возможностей и ограничений является предметом отдельного исследования.

Дубницкая Анна Валерьевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Криминологический подход к исследованию влияния психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних

Основанием написания статьи является проблема формирования преступного и виктимного поведения у несовершеннолетних. Несовершеннолетние являются одной из групп риска вовлечения в преступную деятельность, что связано с незавершенным характером их

[1] Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ (последняя редакция) «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «КонсультантПлюс».

правовой социализации, характеризуются повышенной уязвимостью в отношении преступных посягательств. В связи с этим криминологическая безопасность несовершеннолетних является приоритетным направлением деятельности органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

Однако, несмотря на комплекс мер обеспечения криминологической защиты несовершеннолетних, число преступных посягательств в отношении детей и подростков увеличивается, отмечается также рост количества тяжких и особо тяжких преступлений с участием несовершеннолетних [1]. Данные обстоятельства свидетельствуют о необходимости проведения комплексных криминологических исследований, направленных на выявление и профилактику факторов и процессов виктимизации и криминализации несовершеннолетних.

Данная проблема широко обсуждается в научном сообществе, однако результаты изучения причин и факторов криминализации и виктимизации несовершеннолетних представляются недостаточными для эффективного противодействия обозначенным деструктивным процессам. Сравнительно высокий уровень криминализации и виктимизации несовершеннолетних обусловливает важность теоретических изысканий, которые будут способствовать расширению инструментария (способов разрешения) для воздействия на сложившуюся ситуацию.

При подготовке к первому и наиболее важному этапу написания диссертационного исследования – выбору темы (проблемы исследования)[2] с целью выявления криминогенных факторов мы использовали метод контент-анализа публикаций в средствах массовой информации о преступлениях, совершенных несовершеннолетними и в отношении них.

Большой общественный резонанс вызывают случаи насилия в школьной среде, связанные с гибелью учеников и учителей. В ходе изучения публикаций в Интернете о вышеупомянутых происшествиях обнаружена взаимозависимость между систематическими издевательствами несовершеннолетних и формированием у них преступного или виктимного поведения, а точнее распространенной практики самооправдания участников конфликтов, которые являлись объектами психического насилия.

На выездном совещании в Тюмени секретарь Совета Безопасности Российской Федерации Н.П. Патрушев отметил, что в России увеличилось

---

[1] Координационное совещание по вопросам профилактики, выявления, пресечения и расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними и в отношении них. URL: https://genproc.gov.ru/smi/news/genproc/news-1890336/ (дата обращения: 28.09.2020).

[2] Грибанов Е.В. Методические заметки о подготовке диссертационных исследований и оформлении их результатов в юридической отрасли научного знания // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2 (48) С. 100–102.

число чрезвычайных ситуаций в образовательных организациях. В 2017–2018 гг. в восемнадцати регионах нашей страны обучающимися совершено двадцать четыре резонансных преступления с использованием оружия и взрывных устройств, в результате которых погибли и были ранены учителя и другие ученики[1]. По мнению Н.П. Патрушева, основными причинами подростковой преступности являются индивидуализм среди подростков, их нетерпимость и пренебрежение правами других, а непосредственное влияние оказывает негативная информация в Интернете, в том числе идеи культа насилия[2]. На наш взгляд, помимо вышеперечисленных факторов, способствующих формированию преступного и виктимного поведения несовершеннолетних, необходимо также выделить психическое насилие.

Рассматривая взаимосвязь между психическим насилием и тенденциями криминализации и виктимизации несовершеннолетних, следует обратить внимание на три важных момента. С одной стороны, объекты психического насилия зачастую имеют деформированную модель самоопределения, в результате которой они не могут адекватно влиться в социальную среду сверстников (и в ряде случаев реализуют негативную модель социальной активности на основании деформированного самовосприятия, сформировавшегося в процессе осуществляемого по отношению к ним психического насилия со стороны членов семьи, сверстников и т. д.). С другой стороны, психическое насилие способствует накоплению агрессии (зачастую подавляемой как извне, так и самим объектом насильственных практик). В результате повышается вероятность развития конфликтных сценариев в молодежной среде, причем уровень проявления агрессии значительно превышает показатели проявления агрессии, типичные для несовершеннолетних, не сталкивавшихся с регулярной практикой психического насилия. Наконец, отдельного внимания заслуживает и то, что психическое насилие, будучи явлением социальным, оказывает влияние как на объект насильственных практик, так и на социальных субъектов, его осуществляющих.

Безнаказанное осуществление психического насилия зачастую влечет за собой ложное чувство вседозволенности, результатом которого может быть постепенное усугубление ситуации, проявляющееся во все более жестоких формах насильственных действий. В такой ситуации выплеск агрессии со стороны жертвы травли (буллинга) может быть несоразмерен единичному случаю, послужившему «последней каплей», –

[1] Тревожная кнопка в школе. Патрушев назвал причины подростковой преступности. URL:https://rg.ru/2019/02/19/reg-urfo/patrushev-zaiavil-o-roste-podrostkovoj-prestupnosti-na-urale.html/ (дата обращения: 28.09.2020).

[2] «Унижение на основе разного имущественного положения». Глава СК РФ объяснил мотивы керченского стрелка Рослякова. URL: https://www.interessant.ru/people/unizhieniie-na-osnovie-ra/ (дата обращения: 28.09.2020).

скорее речь идет о том, что недавняя жертва склонна отыграться на своих мучителях за все те страдания, которые она претерпела по их вине. Как результат, могут иметь место крайние формы жестокости, оправдываемые идеями справедливого отмщения. Все это свидетельствует о том, что наличие психического насилия, которое представляет собой крайне деструктивное социальное явление, таит в себе существенные социальные риски, некоторые из которых носят крайне негативный характер.

Психическое насилие является сложным междисциплинарным понятием, которое в зависимости от последствий может выступать составной частью общей преступности и иметь свои специфические особенности, что позволяет рассматривать ее в качестве самостоятельного объекта криминологического изучения. В отечественной уголовно-правовой науке отсутствует единый подход к определению понятия «психическое насилие». Большинство авторов под психическим насилием понимают угрозу применения насилия, шантаж, истязание, принуждение, понуждение, вовлечение, обман, издевательство [1] . В психиатрии, педагогике, психологии вышеперечисленные формы насилия и иные проявления психического насилия обозначают как психологическое или эмоциональное насилие. С целью выбора приемлемой терминологии нами были проанализированы международно-правовые нормы и нормативные правовые акты Российской Федерации и выявлен дисбаланс используемых терминов. Так, в части 1 ст. 19 Конвенции ООН «О правах ребенка» используется термин «психологическое насилие». В статье 14 Федерального закона от 24 июля 1998 г. № 124-ФЗ «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации» также применяется термин «психологическое насилие». А в ч. 4 ст. 8.1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» и иных нормативных правовых актах употребляется термин «психическое насилие».

Выявленные противоречия осложнили выбор подходящей терминологии и ее отражение в формулировке темы диссертационного исследования. Для решения поставленной проблемы использовался метод определения понятий в рамках логики. Так, психологическое (эмоциональное) насилие может быть частью психического насилия. Однако психическое насилие не является разновидностью

[1] См.: Фокин М.С., Дворцов В.Е. Уголовно-правовая характеристика угрозы как вида психического насилия // Вестник Тихоокеанского государственного университета. 2013. № 4 (31). С. 277; Гертель Е.В. Уголовная ответственность за угрозу: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2006. С. 14; Безручко Е.В. Угроза применения насилия или психическое насилие: какой термин предпочтительнее? // Юристъ-Правоведъ. 2015. № 2 (83). С. 40; Симонов В.И., Шумихин В.Г. Квалификация насильственных посягательств на собственность. М., 1993. С. 21 и др.

психологического (эмоционального) насилия, так как психическое насилие уголовно наказуемо, а психологическое законодательно не регламентируется, хотя тоже воздействует на психику человека. Таким образом, термин «психическое насилие» является наиболее подходящим, отражает специфику рассматриваемых проблем диссертационного исследования, а также совпадает с выдвинутыми гипотезами.

Выдвинутые нами гипотезы связаны с формированием преступного и виктимного поведения несовершеннолетних из-за перенесенных актов психического насилия. Для анализа текущей ситуации в области влияния психического насилия на криминогенное и виктимное поведение несовершеннолетних необходимо прибегнуть к выбору инструментария, который позволит проверить выдвинутые гипотезы. На первом этапе был разработан инструментарий:

1) исследование нормативно-правовых документов;

2) использование метода исторического познания категории психического насилия в историческом срезе;

3) исследование и систематизация научных трудов в отечественной криминологической и уголовно-правовой науке, в отечественной виктимологии, в области педагогики, социологии, психологии и психиатрии, которые затрагивают основы рассматриваемой нами проблематики (психическое насилие как уголовно-правовая категория, процессы криминализации, виктимизации несовершеннолетних, причины, условия и факторы формирования криминогенной направленности личности несовершеннолетних);

4) направление официальных запросов в органы и учреждения системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних;

5) использование метода контент-анализа публикаций в средствах массовой информации о преступлениях, совершенных несовершеннолетними, для выявления факторов формирования преступного и виктимного поведения, являющихся разновидностью психического насилия;

6) формулирование гипотезы о влиянии психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних;

7) применение иных методов криминологического исследования.

Второй этап предусматривает изучение категории психического насилия с точки зрения представителей органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних: сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, иных подразделений органов внутренних дел, члены комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, учителя, социальные педагоги, психологи и представители администрации школ, различных учреждения социального обслуживания.

Для сбора эмпирической информации использовались следующие методы: анкетирование, интервьюирование, официальное обращение к представителям органов и учреждений системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних.

И, наконец, на завершающем этапе предусмотрено проведение анкетирования несовершеннолетних лиц, отбывающих наказание в воспитательных колониях, поставленных на учет в подразделениях по делам несовершеннолетних органов внутренних дел, содержащихся в центрах временного содержания, спецприемниках, обучающихся в общеобразовательных организациях.

Следует подчеркнуть, что исследование столь сложной, комплексной проблемы требует разностороннего освещения ключевых ее составляющих, причем речь идет о соединении теоретического и практического аспектов. Это означает прежде всего то, что необходимо сформировать понимание общей взаимосвязи между психическим насилием, с одной стороны, и виктимным и преступным поведением – с другой, с опорой на наработки тех аспектов психологического и социологического знания, которые касаются моделей поведения членов общества, их статусно-ролевой определенности, механизмов социализации, а также причин нарушения процессов социализации. Также представляют интерес конфликтологические знания, поскольку конфликтную природу имеют как предпосылки проблемы, так и ее прямые последствия.

Вместе с тем, несмотря на то что теоретическое исследование взаимосвязи между психическим насилием и преступным, а также виктимным поведением может способствовать выявлению ряда важных закономерностей, оценка степени проявленности этой взаимосвязи требует анализа эмпирических данных, что и обусловливает важность третьего пункта проводимого исследования.

Елец Сергей Александрович,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Проблемные вопросы квалификации клеветы

Основной состав клеветы (ч. 1 ст. 128^1 УК РФ) сформулирован законодателем как «распространение заведомо ложных сведений, порочащих честь и достоинство другого лица или подрывающих его репутацию».

Криминализация клеветы имеет конституционно-правовую основу. В соответствии со ст. 21 Конституции РФ достоинство личности охраняется государством, ст. 23 предусматривает охрану чести и доброго имени.

Для правильной квалификации названного посягательства необходимо обратить внимание на отдельные положения, касающиеся характеристики его состава, тех или иных его элементов и признаков.

Вопрос об объекте рассматриваемого преступления носит в науке дискуссионный характер. По существу основного непосредственного объекта клеветы в литературе сложились различные мнения. С точки зрения ряда исследователей, объектом рассматриваемого преступления выступают честь и достоинство личности, охраняемые в соответствии с Конституцией РФ [1]. Аналогичной точки зрения ранее придерживался И.С. Ной и другие авторы[2].

Согласно другой позиции, объектом клеветы выступают общественные связи, содержание которых составляют честь, достоинство другого лица или его репутация[3]. Пожалуй, с данной позицией следует согласиться, так как преступление нарушает именно общественные отношения в рассматриваемой сфере.

Ряд авторов признает двуобъектный характер клеветы. А.А. Власов указывал, что объектом преступления, с одной стороны, выступает честь, а с другой, – установленные в обществе правила межличностного общения. Если деяние совершено в отношении несовершеннолетнего или психически больного, то это преступление только против общественного порядка [4]. Действительно, трудно представить себе наличие чести и достоинства у психически больного лица. Однако указанными благами вполне может обладать и несовершеннолетний.

С.С. Омельченко считает, что клевета посягает на доброе имя лица[5]. Действительно, в упомянутой ст. 23 Конституции РФ выделяется защита доброго имени человека. Полагаем, что термин «репутация» включает в качестве составляющей и доброе имя потерпевшего.

С точки зрения буквы уголовного закона, ст. 128[1] УК РФ призвана защитить три социально-правовых блага: честь, достоинство и репутацию. Дать их точное уголовно-правовое толкование весьма сложно, ибо они носят достаточно оценочный и абстрактный характер.

---

[1] См., напр.: Зубкова В.И. Ответственность за преступления против личности по законодательству России. М., 2005. С. 215; Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 211.

[2] Ной И.С. Охрана чести и достоинства личности в советском уголовном праве. Саратов, 1959. С. 5. См. также: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. М., 1998. С. 284; Уголовное право. Особенная часть. М., 1998. С. 116.

[3] Уголовный закон в практике мирового судьи: научно-практическое пособие / под ред. А.В. Галаховой. М., 2005. С. 115.

[4] Власов А.А. Проблемы судебной защиты чести, достоинства и деловой репутации: автореф. дис. … докт. юрид. наук. М., 2000. С. 15.

[5] Омельченко С.С. Уголовно-правовая оценка клеветы и оскорбления: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2008. С. 15.

Признание репутации как блага, входящего в объект клеветы, признается не всеми авторами. Так, Н.К. Рудый указывал, что честь и репутация соотносятся друг с другом как целое и часть и, следовательно, выделять последнюю в УК РФ не имеет смысла[1]. Однако в связи с тем, что еще в дореволюционной науке выделяли объективное и субъективное содержание чести, полностью отождествить ее с репутацией, рассмотреть последнюю в качестве составного элемента чести в полной мере нельзя. Репутация – это объективная общественная оценка свойств личности.

Подобное понимание чести характерно и для современных исследований. Так, А.А. Власов указывает, что честь – это и общественная, объективная оценка личности и в то же время осмысление самой личностью такой оценки, т.е. самооценка[2]. Таким образом, репутация и входящее в нее доброе имя лица – внешняя сторона чести как социально-правового блага.

При этом высказано мнение о том, что объектом охраны может быть только положительная репутация личности[3]. Действительно, разве может уголовный закон ставить под защиту честь и репутацию вора в законе, преступника.

Некоторые авторы не признают возможности отнесения достоинства к объекту клеветы. Это обусловлено тем, что распространение заведомо ложных измышлений направлено на изменение отношения к лицу со стороны окружающих, при этом сам потерпевший осознает ложность клеветнических сведений, что не может влиять на его внутреннюю самооценку и осознание полезности обществу. Данная позиция представляется достаточно корректной, в большей мере достоинство может затрагивать распространение порочащих, но правдивых сведений, что не является в настоящее время уголовно-наказуемым деянием.

Статья 152 ГК РФ предусматривает, что нормы о защите деловой репутации гражданина применяются к защите деловой репутации юридического лица. Однако в литературе высказана идея о том, что потерпевшим от клеветы может быть только физическое лицо[4]. Действительно, родовой и видовой объекты посягательства – отношения в сфере обеспечения чести, достоинства и репутации личности, на это прямо указывает законодатель. В других статьях гл. 17 УК РФ для обозначения потерпевшего используются термины «человек», «потерпевший», «люди». И только в ст. 128[1] УК РФ в указанном контексте применяется понятие «лицо». Как известно, лицо может быть и физическим, и юридическим. Конечно, ч. 4 и 5 рассматриваемой статьи исключают наличие в них

---

[1] Рудый Н.К. Уголовно-правовая охрана чести, достоинства и репутации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 2002. С. 8.

[2] Власов А.А. Указ. соч. С. 11.

[3] Энциклопедия уголовного права. Т. 14. СПб., 2010. С. 464.

[4] Там же. С. 468.

потерпевшего – юридического лица. Однако в ч. 1–3 ст. 128^1 УК РФ такое вполне возможно. Но есть существенное обстоятельство, препятствующее признанию юридического лица потерпевшим, – это уже упомянутые родовой и видовой объекты, однозначно указывающие на физическое лицо (личность) как потерпевшего. Таким образом, клевета в отношении юридического лица не может быть квалифицирована по ст. 128^1 УК РФ.

Важна с точки зрения уголовно-правовой оценки клеветы дискуссия о том, может ли являться потерпевшим от клеветы умерший, психически больной, ребенок. М.Д. Шаргородский в свое время пришел к выводу, что умерший, не будучи ни человеком, ни личностью, не может быть объектом клеветы. Представляется, что такой узкий подход некорректен. Обращаясь к истории и зарубежному уголовному праву, можно увидеть, что состав клеветы в отношении умершего встречается достаточно часто. В современном российском уголовном праве этот вопрос не решен на законодательном уровне, однако мы не видим оснований исключать уголовную ответственность за клевету в отношении умерших, психически больных и детей. Их права в уголовном процессе могут представлять наследники, законные представители. Согласно ч. 4 ст. 20 УПК РФ уголовное дело по ч. 1 ст. 128^1 УК РФ может быть возбуждено руководителем следственного органа, следователем, а также с согласия прокурора дознавателем при отсутствии заявления потерпевшего или его законного представителя, если данное преступление совершено в отношении лица, которое в силу зависимого или беспомощного состояния либо по иным причинам не может защищать свои права и законные интересы. Таким образом, полагаем, что потерпевшими от клеветы могут признаваться не только лица, обладающие социальными и психофизическими свойствами личности, но и умершие, психические больные лица, дети.

Статья 298^1 УК РФ предусматривает клевету, совершаемую в отношении особых категорий потерпевших. Таким образом, при квалификации распространения соответствующих касающихся их сведений правоприменитель должен учитывать, что указанная норма является специальной по отношению к ст. 128^1 УК РФ, и руководствоваться положениями ч. 3 ст. 17 УК РФ. Вместе с тем не все авторы поддерживают выделение этого специального вида клеветы. В числе высказываемых аргументов то, что концепция современного уголовного законодательства предполагает приоритет охраны личности. Иными словами, основной и дополнительный объекты преступления должны поменяться местами. В этой связи М.Е. Матросова указывает, что «ущерб авторитету либо нормальной деятельности органов внутренних дел может быть причинен только опосредованно – путем отрицательного воздействия на честь и достоинство их сотрудников в связи с выполнением ими должностных обязанностей. Следовательно, прежде всего вред

причиняется личным интересам сотрудника как представителя органов власти, а уже во вторую очередь – правильной деятельности самих органов либо их авторитету»[1].

Некоторые исследователи предлагают объединить все специальные виды преступлений против чести и достоинства отдельной категории должностных лиц в одной главе «Преступления против чести и достоинства» раздела «Преступления против личности». Так, Т.Н. Нуркаева отмечает, что увеличение числа специальных составов преступлений против чести и достоинства в зависимости от ведомственной принадлежности потерпевшего не является оправданным и вызывает лишние проблемы при квалификации преступлений[2]. Исходя из этого, предложено предусмотреть в ст. 128^1 УК РФ такой квалифицирующий признак, как клевета в отношении лица в связи с осуществлением им своей служебной деятельности или выполнением общественного долга, с одновременным исключением ст. 298^1 УК РФ[3].

Указанный подход вряд ли можно признать обоснованным. Следуя подобной логике, необходимо составы преступлений, предусмотренных, к примеру, ст. 277, 317 УК РФ переместить в ст. 105, исходя из того, что деяния в первую очередь посягают на жизнь, а во вторую – направлены против других дополнительных объектов. Однако законодатель и выделяет специальные составы (298^1 УК РФ), исходя из того, что виновный клевещет не на конкретное лицо (Иванова, Петрова и т. д.), а действует именно против этого лица как наделенного специальным процессуальным статусом. Понятия «служебная деятельность» и «выполнение общественного долга» можно истолковать достаточно широко. К примеру, служебную деятельность могут осуществлять не только одни должностные лица, участвующие в уголовном процессе и исполнении судебных актов, а гораздо более широкий круг субъектов[4].

С другой стороны, в литературе совершенно обоснованно обращено внимание на пробел в плане защиты чести и достоинства должностных лиц с предложением криминализовать клевету в отношении последних (ст. 319^1 УК РФ)[5].

---

[1] Матросова М.Е. Защита чести и достоинства сотрудников органов внутренних дел: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. М., 1997. С. 13.

[2] Нуркаева Т.Н. Личные (гражданские) права и свободы человека и их охрана уголовно-правовыми средствами: вопросы теории и практики. СПб., 2003. С. 151.

[3] Энциклопедия уголовного права. Т. 14. С. 472.

[4] См., напр.: п. 6 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.01.1999 г. № 1 (ред. от 03.03.2015 г.) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/7794/.

[5] Шмарион В.И. Ответственность за преступления против чести и достоинства личности по российскому уголовному законодательству: дис. … канд. юрид. наук. Ростов н/Д., 2001. С. 92.

Важен для квалификации рассматриваемого преступления и вопрос о наличии в его составе такого признака, как предмет. Традиционно в науке указывается, что клевета предмета преступления не имеет. Однако есть и другая точка зрения. Так, Н.Н. Афанасьев указывает, что предметом клеветы выступают заведомо ложные сведения, придуманные самим виновным или основанные на слухах и сплетнях[1]. Вместе с тем это противоречит традиционному пониманию предмета преступления как материального объекта, на который воздействует преступник. В связи с этим полагаем некорректным отказываться от его традиционного понимания. Соответствующие сведения для клеветы – это, скорее, средство совершения преступления, то есть признак объективной стороны ее состава.

Представляется не вполне верным мнение А.А. Жижиленко и иных авторов в том, что клевета может быть выражена в общей форме – в виде общей отрицательной характеристики потерпевшего, указывающей на порочный образ жизни, общих отрицательных отзывов о различных сторонах жизни лица[2]. В этой связи А.А. Власов подчеркивал, что измышления должны обладать признаком определенности, то есть содержать указание на факты, события не вообще, а обязательно в общих родовых чертах[3].

Не влияет на квалификацию авторство ложных измышлений, это может быть как сам распространитель, так и иные лица (сплетни).

Заведомо ложные измышления должны относиться к прошлому или настоящему времени, но не к будущим событиям.

Ложной может быть и интерпретация истинных фактов. Кроме того, ложное измышление может содержать отдельные соответствующие действительности фрагменты, что в целом не устраняет ложности информации.

Интересным представляется вопрос о наличии признаков клеветы при распространении сведений, истинность или ложность которых объективно не может быть установлена (например, при обвинении в наведении порчи, сглаза, связях с нечистой силой и т. д.). Некоторые авторы признают в данном случае наличие признаков клеветы[4]. Однако в данном случае следует согласиться с мнением А.С. Горелика о том, что, признавая в таких действиях клевету, мы «окажемся сторонниками

---

[1] Уголовное право. Особенная часть. М., 1998. С. 116.

[2] Жижиленко А.А. Преступления против личности. Л., 1927. С. 98; Уголовное право Российской Федерации. Особенная часть: учебник / под ред. Б.Т. Разгильдиева. Саратов, 1999. С. 84.

[3] Власов А.А. Указ. соч. С. 114.

[4] Напр.: Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. М., 2004. С. 119.

суеверия»[1]. Иными словами, в рассматриваемом случае состав клеветы отсутствует.

Н.Г. Иванов и А.С. Горелик предположили, что клевета может быть совершена и путем бездействия, то есть умолчания об определенных фактах. При этом чистое бездействие исключается. К примеру, распространяется часть информации, сама по себе правдивая, но одновременно умалчиваются определенные факты, которые существенно изменяют оценку лица в целом[2]. В качестве примера приводится казус, когда лицо было ошибочно привлечено к уголовной ответственности, а затем при переводе на другую работу в характеристике был отмечен факт уголовного преследования, но сокрыта его необоснованность.

Вместе с тем столь широкое истолкование термина «распространение» не соответствует букве закона, который не говорит о совершении деяния в форме умолчания. В приведенном примере факт сокрытия информации об ошибочности обвинения сам по себе не порочит другое лицо. Другое дело, что заведомо ложное указание на якобы имевший место факт привлечения к уголовной ответственности как раз будет являться клеветой.

По поводу момента окончания рассматриваемого преступления в литературе нет единого мнения. Согласно первой позиции, состав преступления является формальным. В.И. Мархотин считает, что деяние образует оконченное преступление вне зависимости от наступления общественно опасных последствий в виде подрыва репутации лица, унижения чести и достоинства, переживаний, обид[3]. Аналогичной позиции придерживается и ряд других авторов[4].

Ю.М. Ткачевский, напротив, указывает [5], что клевета имеет материальный состав. Момент окончания преступления в таком случае увязан с обращением потерпевшего в суд, что свидетельствует о том, что последний считает себя оклеветанным, то есть наличествуют общественно опасные последствия в виде ущерба чести, достоинству и деловой репутации.

---

[1] Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. СПб., 2008. С. 452.

[2] См. напр.: Уголовное право России. Особенная часть: Учебник / под ред. И.Э. Звечаровского. С. 117–118; Полный курс уголовного права: В 5 т. / под ред. А.И. Коробеева. Т. 2. С. 452.

[3] Мархотин В.И. Честь и достоинство советского гражданина. Ростов н/Д., 1978. С. 53.

[4] Курс российского уголовного права. Особенная часть / под ред. В.Н. Кудрявцева, А.В. Наумова. М., 2002. С. 211; Научно-практическое пособие по применению Уголовного кодекса Российской Федерации / под ред. В.М. Лебедева. М., 2005. С. 328; Уголовный закон в практике мирового судьи: научно-практическое пособие. С. 118; Шмарион В.И. Указ. соч. С. 99 и др.

[5] Ткачевский Ю.М. Уголовная ответственность за клевету // Законодательство. 1999. № 11. С. 65.

Стоит согласиться с мнением о том, что состав клеветы относится к числу формальных. Прежде всего, законодатель в диспозиции ч. 1–5 ст. 128[1] УК РФ не указывает на последствия деяния как обязательный признак состава преступления. Указание на опорочивание чести и достоинства потерпевшего и подрыв его репутации характеризует распространяемые сведения, но не указывает на конкретные общественно опасные последствия. Увязывать окончание преступления с моментом обращения потерпевшего в суд также юридически неверно. Само по себе обращение в суд не свидетельствует о том, что лицу причинены моральные страдания. Напротив, он может относиться к клеветническим измышлениям безразлично и использовать данную ситуацию исключительно для судебного взыскания с виновного компенсации. Возвращаясь к ситуации, когда ложные измышления распространяются в отношении умершего, психически больного и ребенка, трудно себе представить, чтобы первые два субъекта могли испытывать моральные страдания от преступления. У умершего может не быть наследников, которые вправе обратиться в суд за защитой чести и достоинства покойного, такая же ситуация может сложиться и в отношении психически больного лица. В конце концов, потерпевший может находиться в розыске и побояться обратиться в правоохранительные и судебные органы, боясь разоблачения. Всё это свидетельствует о том, что состав клеветы должен быть признан формальным. Виновный, распространяя заведомо ложные измышления, осознает, что они могут причинить моральный ущерб потерпевшему, подорвать его репутацию и т. д., и этого вполне достаточно для привлечения к уголовной ответственности.

Однако, с другой стороны, потерпевшему может быть достаточно долгое время неизвестно о распространении клеветнических сведений, и если считать моментом окончания преступления факт сообщения ложных измышлений третьим лицам, то в такой ситуации срок давности привлечения к уголовной ответственности может истечь, что оставляет лицо без публично-правовой защиты его чести, достоинства и репутации. Возможным решением этой проблемы станет привязка начала течения срока давности к моменту, когда потерпевшему стало известно об имевшем место клеветническом действий. Однако такой подход явно противоречит сложившемуся в законе, науке и практике пониманию института давности привлечения к уголовной ответственности. С процессуальной точки зрения, далеко не всегда возможно установить момент, когда потерпевшему стал известен факт клеветы в отношении него.

Таким образом, нами рассмотрены такие аспекты содержания состава клеветы, которые оказывают влияние на квалификацию названного преступления, имеют существенное значение для его правильной уголовно-правовой оценки.

Жинкин Андрей Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
юрисконсульт

Понятие «азартная игра» в уголовном праве

Статьей 171[2] Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ) установлена уголовная ответственность за незаконную организацию и проведение азартных игр. Немаловажным вопросом квалификации, а может быть и ключевым, является определение понятия «азартная игра». Уголовный закон не дает его, в связи с чем необходимо обратиться к законодательству иной отраслевой принадлежности и цивилистической доктрине.

В Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) не содержится и само понятие «игра», которое пытаются раскрыть в научно-практической литературе. Так, под игрой понимают правоотношения, в силу которого одно лицо организует и проводит розыгрыш призового фонда между другими лицами, из взносов которых формируется указанный фонд[1]. Другая дефиниция определяет игру как совокупность действий ее участников и организаторов, с выигрышем в виде денежных средств или иных отчуждаемых объектов гражданских прав[2]. Любой игре, как правило, присуща состязательность ее участников, основанная на определенном опыте и квалификации игрока[3]. В литературе справедливо отмечено, что определения игры в гражданском праве фактически являются дефиницией именно игры азартной[4].

Азартная игра понимается как совершаемая с целью обогащения, результат которой целиком или практически полностью основан на воле случая и не зависит от квалификации и умений игрока[5]. С таким определением в полной мере согласиться сложно. Так в ряде карточных игр сочетаются несколько аспектов, которые могут привести к победе: везение (случай), психология и математический расчет. Все они в равной

[1] Федотов А.Г. Игры и пари в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2011. № 2. С. 25–74.

[2] Гатин А.М. Гражданское право: Учебное пособие. М., 2007. 384 с. // СПС «Консультант Плюс».

[3] Садиков О.Н. Игры и пари. Гражданское право: Учебник / В.Ю. Борисов, Е.С. Гетман, О.В. Гутников и др.; под ред. О.Н. Садикова. М., Т. 2. 608 с. // СПС «Консультант Плюс».

[4] Иванова О.А. Азартные игры: понятие и признаки в концепции российского законодательства // Вестник Волжского университета имени В.Н. Татищева. 2015 URL: https://cyberleninka.ru/article/n/azartnye-igry-ponyatie-i-priznaki-v-kontseptsii-rossiyskogo-zakonodatelstva (дата обращения: 16.10.2020).

[5] Дерюга Н. Пределы правового регулирования азартных игр // Российская юстиция. 1998. № 6. С. 52.

степени необходимы, показательным примером в этом отношении является покер, где присутствуют все три элемента. Это одна из самых распространенных в игровом бизнесе азартных игр. Но, как можно заметить, от воли случая здесь зависит только треть.

Существует и противоположное мнение. Так А.В. Лебедев указывает, что азарт – это психологическое состояние самого игрока, его увлеченность игрой. Применять термин «азартный» можно к человеку, но не к игре. Подобные игры автор называет алеаторной (то есть основанной на случайности). С ним солидарны и некоторые другие исследователи[1].

Встречаются и более «пессимистические» мнения. Так, А.Ю. Кабалкин, и К.П. Победоносцев полагали, что невозможно таким понятиям, как «игра» и «пари», дать универсальное определение. При этом авторы в качестве основных признаков рассматриваемых понятий указывали наличие материальной имущественной выгоды, согласие обеих сторон на проведение игры[2].

В ст. 4 ФЗ «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» дается легальная дефиниция азартной игры. Это основанное на риске соглашение о выигрыше, заключенное двумя или несколькими участниками такого соглашения между собой либо с организатором азартной игры по правилам, установленным организатором азартной игры[3]. Необходимо сразу отметить, что определение является «каучуковым», так как исходя из его буквального толкования к числу азартных можно отнести все игры, где на «кону» стоят определенные материальные либо нематериальные блага, при этом игрок несет риск утери части внесенных в призовой фонд денег. Дефиниция охватывает как традиционные азартные игры (рулетка, игровые автоматы, карточные игры), так и может распространяться в принципе на любую игру. Так, матч по футболу между дворовыми командами, где в качестве приза будет определенная денежная сумма, составленная из вкладов участников, вполне охватывается вышеприведенной легальной дефиницией.

Любая игра предполагает наличие правил ее проведения, которые предполагают, в конечном итоге, условия выигрыша (проигрыша). Это

---

[1] См. напр.: Лебедев А.В. Понятие и признаки игры // Спорт: экономика, право, управление, 2007, № 1 // СПС «Консультант Плюс»; Белов В.А. Игра и пари как институты гражданского права// СПС «Консультант Плюс».

[2] Победоносцев К.П. Курс гражданского права. Часть 3. Договоры и обязательства. СПб., 1890. С. 565.

[3] Федеральный закон от 29.12.2006 г. № 244-ФЗ (в ред. от 31.07.2020 г.) «О государственном регулировании деятельности по организации и проведению азартных игр и о внесении изменений в некоторые законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2007. № 1 (1 ч.). Ст. 7.

характерно для любой без исключения игры, иначе смысл ее проведения теряется. Вместе с тем, для азартных игр важно другое – определение правил внесения денежных сумм в призовой фонд и получение выигрыша в материальном выражении (деньги, имущество и т. д.). Таким образом, это соглашение между организатором (организаторами) и участником (участниками), определяющее именно моменты, связанные с движением призового фонда. Естественно, устанавливается и та часть суммы, которая передается организатору игры. Не всегда она может быть установлена в твердом денежном выражении. Например, денежные суммы, проигранные игроками в казино и составляющие доход последнего, невозможно определить заранее, так же, как и при игре в игровые автоматы.

На основе легальной дефиниции азартной игры в литературе выделены ее признаки:

1) это основывающееся на риске соглашение. При этом под риском понимается «возможность опасности чего-либо»[1]. В данном случае это опасность потери денежных средств в случае проигрыша;

2) это соглашение о выигрыше между собой или с организатором[2].

Следует согласиться с мнением о том, что азарт – это больше качество самого игрока, стремление к риску, наживе. Соответственным образом азартная игра предполагает не просто наличие правил самой игры, но и правил распределения по ее итогам призового фонда, это обязательное условие для признания игры азартной. Думается, что в примечании к ст. 171[2] УК РФ должно быть дано определение азартной игры, в уточненном и расширенном виде, чем это сделано в ст. 4 вышерассмотренного федерального закона. Обязательным условием признания игры азартной, является наличие организатора, который получает определенную прибыль за организацию и проведение игры. Думается, что игры на денежный приз, проводимые непосредственно игроками без привлечения третьих лиц, не могут рассматриваться в качестве части состава преступления, предусмотренного ст. 171[2] УК РФ.

Сомнений в обоснованности установления законодательных ограничений на проведение азартных игры, как и уголовно-правового запрета на их незаконную организацию, быть не может. Игромания (лудомания) является психическим расстройством, стоящим в одном ряду с наркоманией, алкоголизмом, клептоманией и т.п. Всемирная организация здравоохранения определяет это расстройство как патологическое влечение к азартным играм (F63.0 по Международной классификации болезней 10 пересмотра). Суть расстройства заключается в частых повторных эпизодах азартной игры, которые доминируют в жизни

[1] Большой толковый словарь русского языка. 1-е изд-е: СПб., 1998. URL: http://enc-dic.com/kuzhecov/Risk-42554.html (дата обращения: 16.10.2020).

[2] Иванова О.А. Указ. соч.

пациента в ущерб социальным, профессиональным, материальным и семейным ценностям и обязательствам[1].

Таким образом, мы приходим к следующим выводам. Азартную игру в контексте ст. 171[2] УК РФ характеризуют:

1) наличие соглашения о проведении данной игры между ее участником (участниками) и организатором (организаторами), в котором выражается волеизъявление сторон;

2) установление специальных условий о порядке распределения выигрыша и бремени проигрыша между участниками и организаторами;

3) выигрыш обусловлен полностью или в значительной степени случайным стечением обстоятельств, влияющих на исход игры, а не мастерством, опытом и профессионализмом самих игроков;

4) организатор азартной игры получает определенную (заранее фиксированную или нефиксированную) прибыль от проведения такой игры.

Золотарев Сергей Сергеевич,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 206 УК РФ

Необходимость эффективной уголовно-правовой охраны свободы личности определяется значимостью самой категории свободы личности и ее все возрастающей ролью в современном правовом, социальном и демократическом государстве, в котором жизнь и здоровье человека, его права и свободы признаются высшими социальными ценностями.

Несмотря на установленную в уголовном законодательстве ответственность за деяния, посягающие на свободу личности, в науке уголовного права и правоприменительной практике сегодня существует ряд дискуссионных вопросов касающихся токования данных норм, а также практики квалификации соответствующих деяний. В частности, это касается разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127 и 206 УК РФ.

Одним из критериев разграничения данных составов является объект преступления. Так, родовым объектом преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ «Похищение человека» и ст. 127 УК РФ «Незаконное лишение

[1] Международная классификация болезней 10-го пересмотра (МКБ-10). URL: https://mkb-10.com/index.php?pid=4345 (дата обращения: 19.10.2020).

свободы» выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану личности, как совокупность отношений, охраняемых нормами Раздела VII УК РФ «Преступления против личности», видовым объектом – общественные отношения, обеспечивающие свободу, честь и достоинство личности, а непосредственным объектом – общественные отношения, обеспечивающие свободу личности, в плане ее личной неприкосновенности и свободного выбора места пребывания и осуществления перемещения.

В свою очередь, родовым объектом преступления, предусмотренного ст. 206 УК РФ «Захват заложника» выступают общественные отношения, обеспечивающие охрану общественной безопасности и общественного порядка, как совокупность отношений, охраняемых нормами Раздела IX УК РФ «Преступления против общественной безопасности и общественного порядка», видовым объектом – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, а непосредственным объектом – общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, т. е. систему общественных отношений, складывающихся по поводу создания и поддержания безопасных, с точки зрения защищенности от преступных посягательств, условий жизнедеятельности общества.

В силу конструкции диспозиции ст. 206 УК РФ, обязательным дополнительным непосредственным объектом данного преступления выступают общественные отношения, обеспечивающие свободу личности, в плане ее личной неприкосновенности и свободного выбора места пребывания и осуществления перемещения. В то время, как ч. 1 ст. 126 УК РФ, как и ч. 1 ст. 127 УК РФ не предусматривают каких-либо дополнительных признаков, указывающих на дополнительный объект преступления.

Следующим критерием разграничения рассматриваемых составов преступлений является содержание их объективной стороны.

Необходимо отметить, что сложность уголовно-правовой оценки и анализа составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 206 УК РФ, их соотношения и отграничения от иных составов преступлений и квалификации соответствующих деяний определяется, прежде всего, отсутствием законодательного определения самого понятия похищения человека, которое по своей сути является родовым понятием для характеристики объективной стороны данных преступлений.

Объективную сторону похищения человека, образует следующая совокупность последовательно совершаемых действий: 1) завладение (в том числе и захват) человеком, совершаемое любым способом (тайным, открытым, путем обмана или злоупотребления доверием и т. д.); 2) перемещение потерпевшего с места его постоянного или временного пребывания; 3) дальнейшее противоправное удержание лица вопреки ее воле и желанию.

Объективную сторону незаконного лишения свободы образуют: 1) противоправное лишение человека свободного выбора места нахождения (проживания, временного пребывания) и свободы перемещения; 2) возможность осуществления данного лишения путем действия или бездействия; 3) выражение данного деяния в различных приемах и способах, включая насилие и обман.

Указанное позволяет выделить основные содержательные признаки Объективная сторона захвата заложника характеризуется такими признаками, как: 1) захват и (или) удержание лица в качестве заложника; 2) насильственный способ совершения данных деяний; 3) возможность применения насилия как к захваченному или удерживаемому лицу, так и к третьим лицам.

Таким образом, как в случае похищения человека, так и при захвате заложника имеет место противоправное завладение человеком, при этом похищение человека сопряжено с последующим его перемещением, а захват заложника характеризуется исключительно насильственным способом (активными действиями, направленными на подавление сопротивления жертвы путем применения к ней насилия для того, чтобы переместить ее из привычной для нее среды в место, определенное преступником для незаконного содержания вопреки ее воле) завладения человеком.

Диспозиция ст. 127 УК РФ содержит непосредственное указание на отграничение данного деяния от похищения человека посредством указания «не связанное с его похищением», т.е. в данном случае имеет место лишь противоправное удержание человека (лишение его свободного выбора места нахождения и свободы перемещения), как и в случае похищения человека и захвата заложника.

Как можем видеть, при совершении незаконного лишения свободы деяние виновного направлено непосредственно на противоправное удержание человека. Объективная сторона захвата заложника, исходя из диспозиции ч. 1 ст. 206 УК РФ, характеризуется двумя альтернативными деяниями: захватом лица в качестве заложника или удержанием лица в качестве заложника, т.е. деяние может выражаться: 1) только в захвате человека в качестве заложника; 2) только в удержании человека в качестве заложника; 3) в захвате человека в качестве заложника с последующим его удержанием. Похищение человека помимо непосредственного захвата человека, также характеризуется его противоправным удержанием и перемещением.

Согласно п. 2 ППВС РФ от 24 декабря 2019 г. № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми», «похищение человека считается оконченным преступлением с момента захвата и начала его перемещения. В случаях, когда перемещение было осуществлено самим потерпевшим вследствие

его обмана или злоупотребления доверием, преступление признается оконченным с момента захвата данного лица и начала принудительного перемещения либо начала его удержания, если лицо более не перемещалось» [1] . Согласно п. 3 данного постановления, «деяние, предусмотренное статьей 127 УК РФ, представляет собой оконченное преступление с момента фактического лишения человека свободы независимо от длительности пребывания потерпевшего в таком состоянии»[2].

Критерием разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ, ст. 206 УК РФ и ст. 127 УК РФ выступает возраст субъекта преступления. Как известно, достижение лицом определенного законом возраста является необходимым условием наступления уголовной ответственности. В соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ ответственности за совершение преступлений, предусмотренных ст. 126 УК РФ и ст. 206 УК РФ подлежит лицо, достигшее на момент совершения преступления 14 лет. Относительно преступления, предусмотренного ст. 127 УК РФ, законодателем установлен общий возраст наступления уголовной ответственности – 16 лет.

В качестве критерия разграничения данных составов преступлений выступает содержание интеллектуального и волевых элементов прямого умысла.

Интеллектуальный элемент прямого умысла при похищении человека характеризуется осознанием виновным лицом того, что оно совершает общественно опасные действия по завладению человеком вопреки его воли в сочетании с перемещением ее с места пребывания и последующим удержанием, нарушают ее личную неприкосновенность.

Интеллектуальный элемент прямого умысла при незаконном лишении свободы характеризуется осознанием виновным лицом того, что оно совершает общественно опасные действия по ограничению свободного выбора человеком места жительства, временного пребывания или свободы перемещения и помещает или удерживает его в том месте, где он не желает находиться, применяя к нему противоправные действия.

Интеллектуальный элемент прямого умысла при захвате заложника характеризуется осознанием виновным лицом того, что оно совершает общественно опасные действия по насильственному захвату и (или)

---

[1] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 г. Москва «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми». [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2019/12/31/pohisheniya-dok.html.

[2] Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 24 декабря 2019 г. № 58 г. Москва «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» [Электронный ресурс] // URL: https://rg.ru/2019/12/31/pohisheniya-dok.html.

удержанию лица в качестве заложника. Поскольку при захвате заложника виновное лицо не может не осознавать, что своими действиями оно причиняет физический, материальный или моральный вред заложнику, другим физическим и юридическим лицам, обществу, государству, умысел виновного лица при совершении данного преступления объективно выходит за пределы посягательство на свободу личности, то есть не она является основным объектом посягательства.

Волевой элемент умысла при похищении человека охватывает желание субъекта совершить действия по завладению человеком в сочетании с перемещением ее с места пребывания и последующим удержанием. Волевой элемент умысла при незаконном лишении свободы охватывает желание субъекта совершить действия по незаконному лишению человека свободы. Волевой элемент прямого умысла при захвате заложников заключается в том, что виновное лицо, нарушая общественные отношения, обеспечивающие общественную безопасность, посредством посягательства на личную свободу и безопасность человека, желает захватить или держать лицо как заложника с последующим побуждением определенного законом круга адресатов к совершению или воздержанию от совершения определенного действия как условия освобождения захваченного или удерживаемого лица.

Критерием отграничения захвата заложника от похищения человека и незаконного лишения свободы является цель совершения преступления.

Так, исходя из содержания диспозиции ч. 1 ст. 126 УК РФ и ч. 1 ст. 127 УК РФ, похищение человека, как и незаконное лишение свободы, могут совершаться по любым мотивам и с любой целью, то есть мотив и цель на квалификацию данных деяний не влияют. В свою очередь, захват заложника, согласно формулировке диспозиции ч. 1 ст. 206 УК РФ может быть совершен исключительно в целях понуждения государства, организации или гражданина совершить какое-либо действие или воздержаться от совершения какого-либо действия как условия освобождения заложника. Таким образом, лишение потерпевшего свободы путем захвата или удержания в качестве заложника не является самоцелью виновного лица, а выступает условием достижения определенной цели – побуждения третьих лиц (государство, организацию или гражданина) к совершению или воздержанию от совершения определенного действия как условия освобождения заложников. В этом побуждении и проявляется сущность данного преступления, и виновное лицо это осознает.

Разграничивая рассматриваемые составы преступления, следует также учитывать, что в отличие от захвата заложника и незаконного лишения свободы, относительно захвата заложника законодатель, при конструирования состава преступления дополнительно указал на такие квалифицирующие признаки, как совершение данного преступления по найму, а также причинение смерти человеку.

Таким образом, на основании изложенного выше, можем сделать выводы, что основными критериями разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127 и 206 УК РФ, выступают: объект преступления; содержательные признаки объективной стороны преступления, установление которых усложняет отсутствие законодательного определения родового понятия «похищение» человека; возраст субъекта преступления; содержание интеллектуального и волевых элементов прямого умысла; содержание квалифицирующих признаков состава преступления.

Каснова Мария Сергеевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

К вопросу о потреблении психоактивных веществ в условиях COVID-19

По данным экспертных оценок, в России более 500 тыс. ее жителей состоят на учете в наркологической службе[1], кроме того, Россия занимает первое место по количеству вич- инфицированных в Европейском регионе [2], что не может не отражаться на совокупности здоровья российского народа.

В Стратегии национальной безопасности Российской Федерации до 2020 г. обозначена одна из главных угроз национальной безопасности в сфере здравоохранения и здоровья нации – распространение наркомании и повышение доступности психоактивных и психотропных веществ. Данная угроза подвергает опасности здоровье российских граждан. В упомянутом документе отмечено, что для предотвращения угроз национальной безопасности необходимо обеспечить реализацию гражданами Российской Федерации право на здоровье и здоровый образ жизни.

Несмотря на общее снижение наркопреступлений за последние несколько лет, в рамках мониторинга, проводимого Государственным антинаркотическим комитетом, наркоситуация в РФ оценивается как «напряженная».

Неуклонно растет количество наркопреступлений, связанных с незаконным производством наркотических средств или психотропных

[1] Предупреждение преступлений и административных правонарушений органами внутренних дел / под ред. В.Я. Кикотя, С.Я. Лебедева. 3-е изд., перераб. и доп. М.: ЮНИТИ- ДАНА, 2017.

[2] Основные показатели здоровья в Европейском регионе ВОЗ https:// www.euro.who.int/ [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.11.2020).

веществ. За 2019 г. 60% зарегистрированных наркопреступлений связаны с фактами сбыта наркотиков, однако, количество выявленных преступлений, предусматривающих ответственность по ст. 228 УК РФ сократилось на 12,4%. Возросло и количество преступлений связанных с незаконным оборотом сильнодействующих веществ в целях сбыта (ст. 234 УК РФ) на 24,6%, в 2,7 раза увеличилось количество преступлений, ответственность за которые определена в ст. 228.3 и 228.4 УК РФ. По фактам незаконного наркопроизводства в 2019 г. зарегистрировано в 1,6 раза больше преступлений (сведения по ст. 228.1 УК РФ). Более чем в 2 раза возросло количество ликвидированных подпольных лабораторий в основном для изготовления синтетических наркотиков с использованием специального оборудования, прекурсоров или иных химических веществ и реактивов[1].

Ситуация в 2020 году обостряется пандемией, вызванной вирусом COVID-19. В условиях пандемии незаконный оборот наркотиков в России и в мире вырос в десятки раз. Эксперты отметили, что наркотрафик во время пандемии ни только приносил огромную прибыль, но и увеличил оборот, несмотря на закрытые границы. Люди, употребляющие наркотики, стали чаще пользоваться «даркнетом»[2]. Веб- и даркнет-рынки, социальные сети и защищенные шифрованные коммуникационные приложения в период пандемии стали более востребованными в поиске наркотиков. Очевидно, что такая тенденция сохранится и будет востребована еще долгое время.

Настораживает то, что официальная статистика потребления ПАВ упорно продолжает снижаться. На вопросы: «Для кого тогда наращивают производство ПАВ» внятных ответов получить не удается.

За девять месяцев 2020 года выявлено более 144,5 тысячи наркопреступлений, из незаконного оборота изъято почти 18 тонн наркотических и психотропных веществ[3].

Е.А. Брюн, психиатр-нарколог, внештатный специалист Министерства здравоохранения Российской Федерации отмечает, что в период пандемии возросло потребление антидепрессантов более чем в 2,5 раза[4]. Причинами здесь выступили не только депрессивное состояние россиян по поводу эпидемии, но и затруднение достать запрещенные вещества, в том числе, из-за ограничений в передвижении.

---

[1] Официальный сайт Министерства внутренних дел: https://мвд.рф [Электронный ресурс] (дата обращения: 21.11. 2020).

[2] Как пандемия повлияла на оборот наркотиков в России и в мире Российская Газета [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://rg.ru/2020/06/28/kak-pandemiia-povliiala-na-oborot-narkotikov-v-rossii-i-v-mire.html (дата обращения: 21.11.2020).

[3] Борьба со злом: [Электронный ресурс]. Режим доступа: https rg.ru/2020/11/16/vladimir-putin-prizval-zhestko-protivostoiat-narkougroze.html (дата обращения: 21.11.2020).

[4] Нарколог объяснил рост продаж антидепрессантов в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.mk.ru/science/2020/04/14/narkolog-obyasnil-rost-prodazh-antidepressantov-v-rossii.html (дата обращения:21.11.2020).

Опровергая официальную статистику о том, что потребление наркотических и психотропных веществ снижается с каждым годом, независимые эксперты провели исследование: за первые пять месяцев 2019 года на территории России спрятано наркотиков на 348 миллионов рублей, количество запрещенных веществ составило 645,6 кг[1]. В исследовании участвовал 21 крупный город. Москва занимает первое место по весу и стоимости «закладок», далее Санкт-Петербург, третье место у Нижнего Новгорода. Краснодар занимает четвертое место из двадцати одного исследуемого города[2].

Во всех городах виден тренд на увеличение доли новых синтетических наркотиков. Успех популярности прост – низкая цена и не сложный синтез. Помимо официальных данных МВД РФ тенденция к увеличению синтетических наркотиков подтверждает и статистика Министерства здравоохранения Российской Федерации. Первичная заболеваемость психическими расстройствами от психостимуляторов за 4 года выросла в два раза, больше, чем у любой другой группы веществ. Популярность наркотиков в исследуемых крупных городах России за 2019 г. распределилась следующим образом: самый дорогой наркотик кокаин, его доля в г. Москве – 8,7%, второе место по его продаже г. Сочи – 7,21%, самый низкий показатель в г. Севастополь – 0,17%. Вещества группы Альфа-ПВП и мефедрон, традиционные лидеры продаж во всех исследуемых городах [3]. Данные исследования подтвердили, что спрос на все виды наркотиков во всех изученных городах уверенно растет.

По данным Минздрава России, число людей, находящихся на диспансерном лечении от наркозависимости, снижается. Официальная статистика МВД России свидетельствует о снижение преступлений, связанных с незаконным оборотом наркотиков, а также осужденных за данные преступления. Вместе с тем, данные статистики не суммируют торговлю наркотиками в даркнете, в традиционном интернет-пространстве и в офлайне. Несоответствие можно объяснить и отсутствием противодействия со стороны правоохранительных органов торговле запрещенными веществами на интернет- площадках.

Естественная убыль населения, еще одно условие, оказывающее влияние на статистические показатели, связанные с незаконным оборотом наркотиков. Начиная с 1992 года количество умерших значительно превышает число родившихся. Исключение составил 2015 году, где показатель смертности и рождаемости в расчете на 100 тыс. населения равен нулю. С 2016 года естественная убыль населения продолжается, по

[1] Информация собрана по отзывам с площадки «HYDRA».

[2] Цикл «Подпольная Россия» Вся эта дурь. Исследование о том, на чем сидит Россия [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://www.proekt.media/research/ narkotiki-v-darknete (дата обращения: 21.11.2020).

[3] Там же.

состоянию на 1 января 2019 года (-2,2%)[1]. Пандемия, вызванная вирусом COVID-19, ежедневно уносит тысячи жизней российских граждан. Число умерших за январь-август 2020 года выросло по сравнению с аналогичным периодом прошлого года на 5,9%[2].

Люди употребляющие наркотики время от времени, как правило не попадают в официальную статистику. Из 100 человек, прошедших медицинское освидетельствование на наркотики с положительным результатом, под наблюдение нарколога попадают лишь 15 человек[3]. Учитывая тренд на синтетические наркотики, их пагубное воздействие на организм в минимальные сроки, многие умирают, так и не встав на учет как потребители запрещенных веществ.

Очевидно, что в сложившихся условиях необходимы адекватные, эффективные, своевременные, и что важно, современные меры противодействия злоупотреблению ПАВ и их незаконному обороту. Данная сфера предполагает постоянный, разносторонний, а в некоторых условиях и усиленный контроль над уже имеющимися мерами. Это необходимое условие противостояния данной проблеме.

Недостаточная эффективность организации профилактической деятельности, одна из серьезнейших угроз национальной безопасности в сфере контроля за оборотом наркотиков, а также в области противодействия их незаконному обороту.

Правоохранительный контроль в области оборота и потребления наркотиков на сегодняшний день невозможен без использования современных технологий предупреждения преступлений.

Учитывая вышеизложенное, следует сделать вывод о необходимости совершенствования системы профилактики наркопотребления и наркооборота, сделав акцент на криминогенных факторах, опосредованных трансформацией общественных отношений в условиях распространения новой коронавирусной инфекции.

В качестве приоритетных направлений в преодолении данной угрозы необходимы меры, которые бы устранили как традиционные, так и новые криминогенные факторы, обусловленные распространением коронавирусной инфекцией:

– разработка научно-обоснованных показателей уровня наркопотребления и наркооборота в онлайн и офлайн пространстве;

---

[1] Федеральная служба государственной статистики. https://rosstat.gov.ru.

[2] Росстат обновил данные о смертности населения [Электронный ресурс]. Режим доступа https://1prime.ru/state_regulation/20201002/832109611.html (дата обращения: 21.11.2020).

[3] Сборник материалов VI Национального конгресса по социальной психиатрии и наркологии Уфа, 18–20 мая 2016 г. М.: ФГБУ «ФМИЦПН им. В.П. Сербского» Минздрава России, 2016. С. 306.

– усиление правоохранительного контроля за незаконным оборотом наркотиков с использованием ресурсов теневого интернета: создание специализированных подразделений органов внутренних дел, привлечение некоммерческих организаций для контроля онлайн-среды.

Колбасин Владислав Владимирович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Историко-правовой анализ становления и развития зарубежного законодательства об ответственности за сексуальное насилие в отношении малолетних и несовершеннолетних

Исследование проблемы защиты малолетних и несовершеннолетних лиц от сексуального насилия невозможно без историко-правового анализа научных, археологических, литературных и других источников, содержащих информацию о способах противодействия рассматриваемому нами явлению, ведь половая неприкосновенность личности в той или иной интерпретации выступала объектом уголовно-правовой охраны на всех этапах развития цивилизованного человеческого общества.

Следует отметить, что отношение к такому виду сексуального насилия, как педофилия, в настоящее время значительно отличается от весьма либеральных, по теперешним оценкам, взглядов, существовавших на протяжении более двух тысячелетий. Кроме того, весьма отчетливо прослеживается взаимосвязь указанной тенденции с тем, что во многих мировых культурах издавна были распространены не только гетеросексуальные, но и гомосексуальные контакты взрослых с малолетними и несовершеннолетними. Например, в античном мире сексуальный контакт ученика с воспитателем (наставником) был обыденным явлением. Но нельзя забывать о том, что одним из условий вышеуказанного феномена было достижение ребенком определенного возраста и его добровольное согласие[1]. В свою очередь, сексуальная связь с лицами, не достигшими половой зрелости либо совершенная против воли потерпевшего, в Древней Греции, наказывалась порой очень сурово[2]. В частности, в начале IV века до н.э., за совершение деяния исследуемой

[1] См.: Кузнецов В.И. Уголовно-правовая борьба с педофилией // Сибирский юридический вестник. Иркутск. 2010, № 3, С. 69. [Электронный ресурс]. URL: https://cyberleninka.ru.

[2] См.: Лихт Ганс Сексуальная жизнь в Древней Греции / перевод В.В. Федорина. М.: КРОН-ПРЕСС. 1995. [Электронный ресурс]. URL: https://history.wikireading.ru.

нами категории предусматривалось наказание в виде изгнания из государства с конфискацией имущества[1].

Половые отношения с несовершеннолетними не были запрещены и в племенах Майя. По древнему обычаю аристократы этого просвещенного народа обеспечивали своих сыновей малолетними рабами, которые должны были удовлетворять их сексуальные потребности[2].

Приведенные примеры подтверждают предположение о значительном различии во взглядах на сексуальные отношения с несовершеннолетними лицами в древности и в настоящее время. Безусловно, это связано с устоявшимися традициями и обычаями различных народов и культур того времени. В течение долгих веков половое сношение с несовершеннолетними было не только обыденным явлением, но и узаконенным актом в отдельных государствах и среди народов мира.

Рассмотрим подробнее запрещенные способы сексуального поведения. Согласно Кодексу Хаммурапи – основному своду законов Вавилона, созданному более 4000 лет назад, изнасилованием в соответствии со ст. 130 признавалось насильственное овладение чужой женщиной, не познавшей мужчину и проживающей в доме своего отца. За данное деяние применялось наказание в виде смертной казни[3].

В Древней Индии основным источником права выступали Законы Ману, представляющие собой сборник предписаний, определяющих поведение в частной и общественной жизни. Тяжким нравственным преступлением и в то же время великим грехом в рассматриваемом нами своде законов считалось прелюбодеяние. Стоит отметить, что в Законах Ману не проводилось различие между прелюбодеянием и изнасилованием, так как изнасилование выступало своего рода формой совершения прелюбодеяния. Ответственность за сексуальное насилие содержалась в ст. 364, в соответствии с которой лицо «лишившее чести девушку против ее воли, немедленно подлежало телесному наказанию»[4]. При этом, степень назначенного наказания напрямую зависела от социального положения преступника по отношению к жертве. В частности, если изнасилование совершено лицом равным по положению, то на него возлагалась обязанность по уплате штрафа, если же положение потерпевшей было выше, то преступнику отрезали два пальца и обязали выплатить крупный

---

[1] Ольга Филина, Анастасия Шпилько. До и после Гумберта. Огонек, № 30, от 02.08.2010. С. 22–23.

[2] См.: Резников К.Ю. Запросы плоти. Еда и секс в жизни людей. 2014. [Электронный ресурс]. URL:https://www.litres.ru.

[3] См.: Олег Ивик. История сексуалных запретов и предпочтений. М.: Ломоносовъ. 2011.

[4] См.: Законы Ману / перевод С.Д. Эльмановича, проверенный и исправленный Г.Ф. Ильиным. М.: Наука, 1992.

штраф. Особого внимания, на наш взгляд, заслуживают положения ст. 370 исследуемого нами нормативно-правового акта, предусматривающие ответственность в виде «обрития головы и отрезания двух пальцев» за растление девушки, совершенное женщиной[1], что, по сути, является одним из первых упоминаний лица женского пола в качестве субъекта преступления сексуального характера.

Ответственность за половые преступления существовала и в древнееврейском законодательстве. Самым известным источником иудейского права, дошедшим до наших времен, является Библия (Ветхий завет). В соответствии с предписаниями 22-й главы Второзакония изнасилование обрученной девушки каралось смертной казнью. «Если же кто в поле встретится с отроковицею обрученною и схватит ее и ляжет с нею, то должно придать смерти только мужчину, лежавшего с нею»[2]. Ответственность за изнасилование необрученной девушки предусматривалась в виде штрафа в размере 50 сиклей серебра и обязательным вступлением в брак, без права на развод. Важным, на наш взгляд, аспектом при анализе Древнееврейского законодательства в сфере противодействия половым преступлениям, является возможность признания в качестве потерпевшего лица мужского пола. При этом, как за насильственную, так и за ненасильственную гомосексуальную связи, Ветхим заветом предусматривалось наказание в виде смертной казни.

Изучив нормативно-правовые акты древности, мы можем сделать вывод о том, что половая свобода и половая неприкосновенность не выступают обособленным объектом преступного посягательства на данном этапе развития мирового уголовного законодательства. Однако, они входят в состав других преступлений, например – против семьи. При этом честь женщины отождествлялась с честью ее отца или мужа. В то же время следует обратить внимание на тот факт, что в большинстве законов защите от половых преступлений подлежат только лица женского пола. Отметим также, что на квалификацию содеянного и степень тяжести назначаемого наказания могли повлиять следующие показатели: социальный статус и общественное положение потерпевшей, место совершения преступления, физиологические особенности жертвы и др. Возраст как квалифицирующий признак, а с ним и половая неприкосновенность, как объект посягательства, не существовали.

Одним из первых в истории источников права, в котором присутствовали нормы, предусматривающие ответственность за изнасилование или развращение несовершеннолетних и малолетних, является свод правовых норм Юлия Павла «Пять книг сентенций к сыну»,

---

[1] См.: Законы Ману. Памятники литературы народов востока / пер. С.Д. Эльманович

[2] См.: Библия. Книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета. Второзаконие. [Электронный ресурс]. URL:http://bible.by/syn/5/22.

созданный в начале III-го столетия нашей эры. Согласно пункту 12 XXVI раздела «О прелюбодеяниях» Второй книги сентенций «тот, кто развратит свободного мальчика против его воли карается смертью»[1]. Следует отметить, что мальчиками в конце II в. начале III в. н. э. называли лиц мужского пола, не достигших 14-го возраста. В 4 пункте IV раздела «Об оскорблениях» Книги пятой содержались нормы, предусматривающие ответственность в виде смертной казни, за изнасилование и растление несовершеннолетних. В этом контексте интересен подход законодателя того времени к определению воли лица весьма юного возраста, которому предоставлялось право принимать решения большой социальной значимости, в том числе – вступать в добровольные сексуальные отношения вообще и с лицами, значительно превосходящего его по возрасту в частности.

Позже, в середине VI века нашей эры были составлены Дегисты византийского императора Юстиниана I, состоящие из 50-ти книг, включающие в себя труды авторитетных Римских юристов. В Титуле VI 48-й книги Дигестов «К закону Юлия о публичном насилие» предусматривалась ответственность в виде смертной казни за совершение сексуального насилия над ребенком, женщиной или другим лицом[2].

На основании изложенного выше мы можем сделать следующие выводы: в период раннего средневековья законодатель выделял сексуальные преступления против малолетних и несовершеннолетних лиц в отдельную категорию. Но следует обратить внимание на тот факт, что квалификация преступления, в частности – определение объекта посягательства, напрямую зависела от положения в обществе потерпевшего. Ответственность за изнасилование, а также растление малолетнего или несовершеннолетнего лица в полной мере наступала, если это деяние совершено по отношению к свободному человеку. Если же лицо находилось в рабстве, то ущерб наносился хозяину раба и считался имущественным. Заметим, что изнасилование на данном этапе правового развития общества рассматривается как разновидность насилия над личностью в целом, а не как преступление против половой свободы и половой неприкосновенности.

В эпоху классического средневековья законодательные акты, содержащие в себе нормы, регламентирующие ответственность за изнасилование, стали значительно шире. В те времена на квалификацию и определение тяжести совершенного деяния влияли не только социальный статус и общественное положение жертвы, но и ее возраст и физиологические особенности. Так, наказание было более серьезным, если

---

[1] См.: Юлий Павел. Пять книг сентенций к сыну. Фрагменты Домиция Ульпиана / перевод Е.М. Штаерман. М.: ЗЕРЦАЛО. 1998. С. 49.

[2] См.: Дигесты Юстиниана/ Пер. с лат.; Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут 2005. Т. VII, полутом 2 (книга XLVIII-L). С. 76–77.

жертва была девственницей и принадлежала к высшим слоям общества. Например, в эпоху правления Вильгельма Завоевателя (1035–1087 г. н. э.) гражданина, совершившего вышеуказанное деяние, подвергали кастрации и выкалыванию глаз. Несмотря на это, многим преступникам удавалось уйти от наказания, ведь виновность лица, совершившего изнасилование, доказывалась поединком, а у жертв насилия не всегда находился заступник, готовый рискнуть своей жизнью[1].

Византийская Эклога выделяла сексуальные преступления, связанные с посягательством на монахинь, светских девушек, чужих невест и несовершеннолетних. В соответствии с пунктом 30 XVII титула Эклоги, изнасиловавший девушку и обесчестивший ее, подлежал наказанию в виде отсечения носа. В пункте 31 XVII титула вышеуказанного правового источника предусматривалась ответственность в виде отсечения носа и передачи в собственность потерпевшей половины своего состояния за лишение чести несовершеннолетней, то есть девушки, не достигшей тринадцати лет[2].

Таким образом, мы видим, что половая неприкосновенность несовершеннолетних еще в VIII веке выступала объектом правовой охраны, хотя и трактовалась в иной форме.

Впервые изнасилование было рассмотрено как самостоятельный состав преступления в 1532 году с созданием Уголовного уложения Карла V «Каролины». В ст. 119 вышеуказанного нормативно-правового акта ответственность за изнасилование наступала «если кто-либо путем насилия и вопреки ее воли злодейски обесчестит неопороченную замужнюю женщину, вдову или лишит невинности девушку», за что преступник «должен быть, подобно разбойнику, подвергнут смертной казни мечом»[3].

В произведении «Клинки возмездия (мечи правосудия и мечи палачей XVI-XVII веков)» С.В. Ефимова приводятся факты из жизни известного палача Франца Шмидта, который 23 июня 1612 г. казнил педофила Андреса Фейерштейна, обвиненного в изнасиловании шестнадцати девочек в возрасте от 6 до 11 лет, которые являлись ученицами принадлежащей ему школы[4].

Повышенная степень ответственности за совершение преступлений исследуемой нами категории в очередной раз свидетельствует об

---

[1] См.: Мастерс У. Основы сексологии: учеб. / У. Мастерс, В. Джонсон, Р. Колодни. М.: Мир, 1998. С. 538.

[2] См.: Е.Э. Липшиц. Эклога. Византийский законодательный свод VIII века. М.: Наука,1965. [Электронный ресурс]. URL: http://hist.msu.ru/ER/Etext/ecloga.htm.

[3] См.: Каролина. Уголовно-судебное уложение Карла V / Пер., предисл. и примеч. С.Я. Булатова. Алма-Ата, 1967.

[4] См.: Ефимов С.В. Клинки возмездия (мечи правосудия и мечи палачей XVI-XVII в.в.). СПб. [Электронный ресурс]. URL: http://rttnactor.ru/ARH/PDF/Efimov_15.pdf.

однообразном отношении различных государств к проблеме сексуального насилия малолетних и несовершеннолетних в рассмотренный нами исторический период. В то же время следует отметить значительные изменения, произошедшие в определении объекта посягательства и соответственно изменение отношения к лицам женского пола.

Отличительной чертой Европейского законодательства на рубеже XVIII–XIX вв. являлось выделение новых признаков состава преступления. Теперь, при квалификации изнасилования, противоправное действие должно включать в себя не только факт сексуального насилия, но и отсутствие согласия потерпевшего на половой акт. В Уголовном кодексе Голландии 1881 г. за совершение изнасилования привлекалось «лицо, которое актом насилия или другим действием или угрозой насилием или угрозой другим действием заставляет, чтобы другое лицо подчинилось действиям содержащим или включающим проникновение в тело половым путем»[1] и подлежало наказанию в виде тюремного заключения на срок до 12 лет и штрафу пятой категории (сто тысяч гульденов). Также в указанном выше нормативном правовом акте статьей 244 была предусмотрена ответственность в виде тюремного заключения на срок не более двенадцати лет или штрафа пятой категории за половое сношение с лицом, не достигшим 12-ти летнего возраста. Главной особенностью уголовного законодательства Голландии 1881 года, на наш взгляд, является появившаяся возможность выступать в качестве потерпевшего по делам о сексуальном насилии лицам обоего пола, а также законодательное закрепление возраста половой неприкосновенности (12 лет).

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что институт защиты малолетних и несовершеннолетних лиц от сексуальных преступлений, посягающих на половую свободу и половую неприкосновенность, во многих государствах мира, окончательно сформировался в конце XIX века.

В результате проведенного анализа зарубежных историко-правовых источников, мы выяснили, что становление и развитие законодательства об ответственности за сексуальное насилие в отношении малолетних и несовершеннолетних занимает длительный период истории цивилизации. На протяжении тысячелетий многие страны и народы мира по-своему оценивали социальную значимость рассматриваемых проблем и использовали разнообразные пути и средства их преодоления. Следует отметить, что наказуемость половых преступлений на различных этапах развития общества отличалась особой периодичностью в ужесточении и смягчении наказаний. По нашему мнению, это связано с меняющимся отношением социума к сущности совершаемых действий, а также к

[1] См.: Уголовный кодекс Голландии (от 03.03.1881). [Электронный ресурс]. URL: http://law.edu.ru.

положению отдельных социальных групп, в том числе – по гендерному признаку. В основу этого отношения заложены религиозные и правовые нормы, а также обычаи и традиции народов мира. Кроме того, анализируя исторические источники, содержащие в себе нормы об ответственности за половые преступления, мы можем определить уровень развития мирового законодательства в исследуемой нами области и сформировать мнение о дальнейших перспективах и направлениях деятельности подведомственных органов по защите малолетних и несовершеннолетних лиц от насильственных преступлений сексуального характера.

Копейко Тамара Гиевна,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Предупреждение мошенничества при получении выплат: опыт Германии

Для более глубокого понимания происходящих в современном обществе процессов и формирования с учетом их особенностей наиболее эффективных мер по противодействию преступности, при изучении криминологических явлений и процессов, происходящих в одной стране, необходимо также анализировать соответствующие явления и процессы, имеющие место и в других странах со сходной системой. Такой подход будет способствовать заимствованию зарубежного положительного опыта и усилению международного сотрудничества в области борьбы с преступностью.

Важность проведения подобных сравнительных исследований в своих трудах неоднократно подчеркивали различные выдающиеся ученые-криминологи, в числе которых О.Н. Ведерникова, М.П. Клейменов, В.Н. Кудрявцев, Н.Ф. Кузнецова, а также В.В. Лунеев, труд которого послужил мощным толчком для развития такого направления в криминологии, как – сравнительная криминология[1].

Подчеркивая важность проведения таких криминологических исследований, нами предпринята попытка анализа зарубежного опыта предупреждения такого преступления, как мошенничество при получении

[1] Лунеев В.В. Преступность XX века: мировые, региональные и российские тенденции: мировой криминологический анализ. М., 1997; Клейменов М.П. Криминология: учебник для вузов. М., 2011. С. 13; Ведерникова О.Н. Сравнительная криминология: от прошлого к будущему // Государство на рубеже веков: матер. Всерос. конф. М., 2001. С. 16–17; Кудрявцев В.Н. Методологические вопросы сравнительной криминологии // Проблемы сравнительного правоведения. М., 1978. С. 72; Криминология: учебник / под ред. Н.Ф. Кузнецовой, В.В. Лунеева. 2-е изд. М., 2004.

выплат, ответственность за совершение которого в отечественном законодательстве закреплена в статье 159^2 Уголовного кодекса Российской Федерации (далее УК РФ). Ввиду ограниченного объема научной статьи, в ней будут рассмотрены лишь меры криминологического предупреждения, предпринимаемые властями Германии, поскольку её правовая система является для нас наиболее близкой. Проведение подобного исследования видится нам еще более актуальным в связи с увеличением за время введения ограничительных мер, связанных с глобальной пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, числа зарегистрированных фактов мошенничества[1].

Так правительством Германии в целях борьбы с экономическими последствиями пандемии, для помощи лицам, попавшим в сложные жизненные ситуации, было выделено 50 миллиардов евро. На такую помощь могли рассчитывать: самозанятые, малые предприятия, фрилансеры и фермеры. Для обеспечения оказания своевременной помощи указанной категории граждан сознательно была отменена бюрократическая процедура подачи заявок. Упрощенный порядок получения государственных выплат спровоцировал резкий всплеск мошенничества с субсидиями, предусмотренного специальной нормой – § 264 Уголовного кодекса Федеративной Республики Германии (далее УК ФРГ). В этой связи был усилен контроль за исполнением социальной программы со стороны властей. В различных городах для этой цели были сформированы специальные контрольные группы, принято решение о расширении перечня предоставляемых для получения субсидии документов, включая обязательное предоставление налоговых деклараций.

Также у лиц, подавших документы на получение субсидии, появилась возможность корректировать их вплоть до момента непосредственного предоставления услуги, что позволило лицу, имевшему намерение совершить преступление, отказаться от его исполнения. С момента предоставления услуги коррекция документов уже невозможна. Лицо, совершившее мошенничество с субсидиями, может избежать уголовной ответственности, если самостоятельно сообщит о незаконности получения им субсидии.

Вместе с тем для Германии получение субсидии мошенническим путем (§ 264 УК ФРГ) не является новым преступлением. Ежегодно выделяемые из общественных фондов в большом количестве субсидии, прежде всего, предназначенные для укрепления экономики, являются постоянной приманкой для мошенников. В этой связи еще в 1976 году германским законодателем рассматриваемое деяния было включено в

[1] Данные статистики [Электронный ресурс] / Официальный сайт Главного информационно-аналитического центра. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen/Struktura_FKU_GIAC_MVD_Rossii (дата обращения: 16.09.2020).

Уголовный кодекс как преступное. Кроме того, 29 июля того же года вступил в силу Закон о субсидии, который установил сферу применения данного нормативно-правового акта, условия получения субсидий, а также ответственность за совершение мошенничества при получении указанной социальной выплаты.

Помимо уголовно-правой ответственности за неправомерное получение субсидии, понимая необходимость недопущения совершения преступлений, властями Германии предпринималось множество мер, направленных на их предупреждение.

Предупреждение преступлений в ФРГ традиционно происходит в три этапа: первичный – связанный с улучшением условий для жизни человека, повышением образования и принятие других мер, способствующих созданию благоприятной обстановки; вторичный – основанный на устранении криминальных поводов для совершения преступления (как принято называть в отечественной криминологии – детерминирующих факторов совершения преступления); третичный – предполагающий воздействие на правонарушителя путем изоляции от общества или установлением контроля за его поведением, то есть применение мер наказания.

С момента возникновения нормы, устанавливающей ответственность за получение субсидии мошенническим путем, лица его совершившие несли уголовную ответственность в виде лишения свободы на срок до 5 лет либо выплачивали штраф. Максимальный срок лишения свободы за совершение мошенничества с субсидиями в уголовном законодательстве Германии, также как и в отечественном, составляет 10 лет.

В то же время современные немецкие криминологи склоняются к мнению о неэффективности такого вида наказания, как лишение свободы, поскольку оно в действительности не способно достигать его целей[1].

Особую роль в предупреждении мошенничества с субсидиями играет работа Правительства ФРГ, связанная с опубликованием ежегодных отчетов о состоянии преступности и работе государственных органов, связанной с ее сдерживанием. Подобное поведение со стороны государства создает у граждан необходимое ощущение взаимодействия в борьбе с преступными проявлениями и повышает доверие к нему.

Также предупредительная деятельность Германии основана на взаимодействии федерального центра и муниципалитетов. Так, вопросами противодействия преступности занимается более 2 тысяч советов, образованных с этой целью в муниципалитетах[2].

Ученые и практики Германии, как и отечественные криминологи, едины во мнении относительно важности осуществления

[1] Жалинский А., Рерихт А. Введение в немецкое право. М., 2001. С. 637.

[2] Crime Prevention in Germany // URL: http://www.bka/vorbeugung/pub/crim_prev_engl_2006.pdf (дата обращения: 15.08.2020).

предупредительных мер в борьбе с криминальными проявлениями. Именно от того, насколько эффективно происходит профилактика преступности, зависит объем репрессивных мер, к которым в худшем случае придется прибегнуть. Такого рода работа ложится на плечи работников муниципалитетов и власти земель.

Следует также подметить, что Министерство внутренних дел и Министерство юстиции ФРГ в своей работе опираются на криминологические исследования в обозначенной сфере.

При этом, изучением, анализом, прогнозированием преступности, в том числе участием в подготовке специалистов, изданием практических пособий занимается Институт криминологии, включенный в состав Федеральной криминальной полиции. Кроме того, с 2000 года данное подразделение занимается выпуском различных брошюр содержащие результаты проводимых криминологических исследований.

Нельзя обойти вниманием и то, что в начале 80-х годов, был создан департамент, под названием «Криминология», занимающийся реализацией добытых криминологических знаний в государственные проекты. В процесс противодействия преступности, в том числе мошенничеству с субсидиями, вовлечены не только государственные органы, но и общественные объединения и просто отдельные граждане. Для улучшения взаимодействиями между государственными и негосударственными структурами создан, также направленный на предупреждение преступлений, Немецкий форум[1].

Подводя итог изложенному, отметим, что в системе профилактики мошенничеств при получении выплат в Германии, мы можем выделить такие ее положительные аспекты как:

– отведение важной роли муниципальным образованиям, поскольку они лучше всего способны организовать стратегию борьбе с факторами риска, вызывающими преступность в указанной сфере;

– активное взаимодействие всех институтов гражданского общества и граждан Германии в предупреждении мошенничеств при получении выплат;

– проведение глубоких криминологических исследований, на результаты которых в своей работе в последующем опираются органы государственной власти в вопросах профилактики мошенничеств при получении выплат.

Представляется, что обозначенный положительный опыт Германии можно успешно использовать и в отечественной стратегии противодействия мошенничествам при получении различных социальных выплат.

[1] См.: Клеймёнов И.М. Сравнительная криминология: монография. М.: Норма: ИНФРАМ, 2019.

Лапсарь Маргарита Владимировна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для органов предварительного следствия и дознания
Краснодарского университета МВД России

Хун Аслан Зауркановичь,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Несовершеннолетний преступник как субъект уголовно-правового регулирования

К сожалению, статистические данные показывают, что число преступлений, совершаемых лицами, не достигшими восемнадцатилетнего возраста, в нашей стране растёт. На январь 2020 года прирост в процентной составляющей выявленных преступлений, совершённых несовершеннолетними, составил 1,2% (по сравнению с аналогичным периодом 2019 года) [1] . Данная проблема имеет связь со многими факторами: популярность в молодёжной субкультуре преступной идеологии, нестабильность экономики в стране, неустойчивость психики подростка, желающего самоутвердиться за счёт совершения правонарушений, проявление юношеского бунтарства. Немаловажный отпечаток накладывает процесс взросления и социализации ребёнка среди людей, совершающих или совершавших преступления, поддерживающих криминальную субкультуру.

Данное исследование преследует цель анализа уголовно-правовых норм, регулирующих их применение в отношении несовершеннолетнего правонарушителя. В силу специфики лица в уголовном законодательстве имеется ряд особенностей, отличающихся от мер, применяемых к совершеннолетнему преступнику.

К сожалению, несовершеннолетними лицами совершаются такие же по степени общественной опасности деяния, что и людьми старше восемнадцати лет. Конечно, можно сказать, что подросток часто не осознаёт общественной опасности своих действий и не может предвидеть всех последствий, к которым они могут привести в виду отсутствия жизненного опыта. Однако не меньше случаев, когда он умышленно совершает то или иное правонарушение, имея конкретный мотив и руководствуясь поставленной целью.

[1] http://crimestat.ru/offenses_chart (дата обращения: 17.03.2020).

Как показывает статистика, несовершеннолетний преступник начинает свой «путь» с мелких административных правонарушений. Среди подростков нередки случаи совершения:

1) Мелкого хищения – ст. 7.27 КоАП РФ;

2) Мелкого хулиганства – ст. 20.1 КоАП РФ;

3) Потребления алкогольной продукции/наркотических средств в общественных местах – ст. 20.20 КоАП РФ;

4) Появления в общественных местах в состоянии опьянения – ст. 20.21 КоАП РФ.

Совершение всех этих проступков зачастую говорит о неустойчивости психики подростка, желания выделиться/самоутвердиться среди сверстников, получить желаемое более лёгкими способами. Нередки случаи, когда на совершение правонарушения несовершеннолетнего подталкивают действия людей, являющихся для него примером.

Среди молодёжи, склонной к проявлению экстремистских настроений или открыто поддерживающих криминальную субкультуру, является традиционно частым совершение актов вандализма. Действия несовершеннолетнего правонарушителя в этом случае попадают под действие ст. 214 УК РФ.

Также более серьёзным правонарушением, также распространенным среди молодых людей возрастом до 18 лет является нарушение ст. 158 УК РФ – совершение кражи. Получившие водительские права или умеющие водить, но не имеющие прав подростки часто нарушают ст. 166 УК РФ – неправомерное завладение транспортным средством без цели его хищения.

Среди подростков, склонных к яркому и порой необузданному проявлению чувств, что оправдывается спецификой физического и психического состояния в так называемый «переходный возраст», провоцируют ссоры, заканчивающиеся причинением вреда различной тяжести здоровью оппонента или даже посягательством на его жизнь.

Многие подростки становятся жертвами вовлечения в употребление и незаконный оборот наркотических и/или психотропных средств и сами втягивают в совершение преступления своих сверстников или более юных лиц.

На современном этапе развития общества злободневной проблемой стало девиантное и делинквентное поведение несовершеннолетних в Интернете, участие их в группах террористического или суицидального характера, распространения незаконных пропагандистских материалов. Страшные события, связанные с участием несовершеннолетних в террористических актах (например, теракт в городе Керчь, произошедший осенью 2018 года) свидетельствует о том, что подростки могут быть вовлечены в незаконный оборот оружия и боеприпасов.

Вышеперечисленные обстоятельства позволяют подтвердить положение о том, что несовершеннолетние совершают такие же серьёзные по степени общественной опасности деяния, что и взрослые люди.

Обратимся к положениям уголовного законодательства для проведения анализа несовершеннолетнего преступника как субъекта регулирования уголовных норм.

Уголовный кодекс РФ определяет несовершеннолетних как лиц, «которым ко времени совершения преступления исполнилось четырнадцать, но не исполнилось восемнадцати лет». Данное положение обосновано тем, что подростки от 14 до 18 обладают достаточным уровнем социализации, чтобы принимать определённые самостоятельные решения, касающиеся своей жизни, они в состоянии контролировать свои действия и поведение, адекватно реагировать на внешние воздействия, а также тем, что в это время продолжается активная социализация его личности, происходящая через взаимодействие с другими людьми, терпящая определённые испытания (например, поступление в вуз, смена места жительства, возрастание уровня самостоятельности). Этот период является наиболее опасным с точки зрения вовлечения подростка в криминальную среду, так как он ещё не имеет чёткой жизненной позиции и не определился со своим местом в мире.

Согласно ст. 20 УК РФ, минимальный возраст несовершеннолетнего, которого возможно привлечь к уголовной ответственности – шестнадцать лет. Однако существует ряд преступлений, по которым лица и более младшего возраста подлежат уголовному наказанию. Перечень таких деяний дан в части 2 ст. 20 УК РФ и определяется как пониженный – четырнадцать лет.

В силу определённых специфических черт несовершеннолетнего субъекта преступления, о которых было сказано выше, уголовное законодательство предусматривает освобождение от уголовной ответственности в том случае, если лицом было совершено общественно-опасное противоправное деяние небольшой или средней тяжести. В этом случае стороной защиты должно быть доказано, что несовершеннолетний преступник достигнет исправления через меры принудительного воспитательного воздействия. Это же положение относится и к освобождению субъекта от наказания судом.

Уголовным законодательством в отношении несовершеннолетнего, согласно ст. 90, могут быть назначены такие принудительные меры воспитательного воздействия как предупреждение; передача под надзор родителей или лиц, их заменяющих, либо специализированного государственного органа; возложение обязанности загладить причиненный вред; ограничение досуга и установление особых требований к поведению несовершеннолетнего. Допускается совокупность нескольких мер.

К сожалению, далеко не всегда меры принудительного воспитательного воздействия способствуют исправлению несовершеннолетнего преступника. Зафиксированы случаи, когда в подростке пробуждается стойкое неприятие их, проявляется бунтарство,

желание сделать наперекор и назло. В этом случае к нему может быть применено уголовное наказание в виде штрафа, лишения права на занятие определённой деятельностью, обязательные или исправительные работы, его свобода может быть ограниченна или несовершеннолетний может её лишиться на определённый срок. Популярной мерой является помещение несовершеннолетнего осужденного в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа. Другие виды уголовного наказания, предусмотренные УК РФ, к несовершеннолетнему не применяются, в том числе, смертная казнь и пожизненное лишение свободы.

При разбирательстве по уголовному делу, субъектом которого является несовершеннолетний, особое внимание уделяется не только мотив, цель и влияние на преступника более старших по возрасту лиц, но и условия его жизни и развития как личности, определённые внешние факторы, влияющие на формирование характера и интересов. Ведь одной из задач правоохранительных органов является не только расследование преступлений и восстановление нарушенных прав и социальной справедливости, но и пресечение новых. Главным критерием в этих вопросах выступает возраст преступника и его осознание опасности своих действий.

Уголовный Кодекс Российской Федерации содержит нормы, позволяющие применить к данной категории лиц специальные основания условно-досрочного освобождения от отбывания наказания (ст. 93 УК РФ), специальные сроки давности (ст. 94 УК РФ) и погашения судимости (ст. 95 УК РФ). К лицам, не достигшим восемнадцатилетнего возраста, как и к взрослым преступникам, могут применяться амнистия и помилование[1].

Государство в лице правоохранительных органов не только борется с правонарушениями, но и обеспечивает защиту наиболее уязвимой части населения. В этой связи арсенал уголовно-правовой защиты несовершеннолетних включает не только обеспечение их безопасности от противоправных посягательств, но и поддержку лиц в возрасте от 14 до 18 лет преступивших закон в силу различных обстоятельств.

[1] Подчерняев А.Н. Уголовно-правовая защита несовершеннолетних [Электронный ресурс] // Научный вестник Орловского юридического института МВД России им. В.В. Лукьянова. 2017. № 4 (73). С. 76–79. URL: http://elibrary.ru/item. asp?id=30708275 (дата обращения: 13.09.2020).

Лещенко Владимир Павлович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарский университет МВД России

Уголовно-правовая сущность объективных признаков в составе мошенничества, совершаемого с использованием средств электронного платежа

Цифровизация сектора экономики, повлияла на изменение способов хищения чужого имущества, исключением не стало и мошенничество. Отмеченный рост числа преступлений, совершенных в 2019 году, с использованием компьютерных и телекоммуникационных технологий (+68,5%) [1] , свидетельствует о закреплении тенденции адаптации корыстных преступлений к современным реалиям экономических отношений.

В настоящее время идет непрерывный процесс цифровизации имущественной преступности, что отчетливо видно по криминальной статистике. «Традиционным» кражам и мошенничествам на смену приходят кражи электронных денежных средств и мошенничества совершаемые с использованием средств электронного платежа, что требует от органов законодательной власти адекватного реагирования, в том числе и в вопросах дифференцированного подхода к установлению уголовной ответственности за совершенные преступления[2].

Развитие рынка цифровых товаров и услуг, обусловило появление целого ряда альтернативных платежных средств, обладающих качеством меновой стоимости. Ввиду широкого распространения биткоина среди криптовалют и отсутствия существенных различий, в первую очередь в правовом регулировании, понятия «биткоин» и «криптовалюта» рассматриваются в рамках настоящей статьи как синонимичные.

Следует отметить, что на сегодняшний день отечественный законодатель очень настороженно относится к определению правового статуса криптовалютам.

Действительно, если разбираться с правовым статусом криптовалют, то с точки зрения действующего законодательства очень сложно подобрать подходящее для них регулирование и тем самым определить их правовую природу. Биткоин не может быть признан электронными денежными средствами, определение которых дано в п. 18 ст. 3 Федерального закона

[1] Аналитический обзор: Комплексный анализ состояния преступности в Российской Федерации по итогам 2019 года и тенденции ее развития. ВНИИ МВД России. М., 2020. С. 15.

[2] Боровых Л.В., Корепанова Е.А. Направленность обмана в составе мошенничества с использованием платежных карт // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2016. № 1. С. 98–104.

«О национальной платежной системе»[1] (далее ФЗ № 161-ФЗ), так как по нему отсутствует оператор, который может контролировать и обслуживать рассматриваемый вид валюты. Также криптовалюты не подпадают под определение платежной системы.

Трудности с определением правовой природы криптовалют также сопряжены с определением предмета уголовно-правовой охраны. Исходя из проведенного анализа и учитывая вышеизложенное, криптовалюты, в том числе биткоин, можно признать предметом преступлений против собственности только в качестве «иных действий имущественного характера», заключающихся в передаче биткоинов от одного лица другому. Этот вид предмета преступления охраняется только ст. 163 УК РФ (вымогательство). Предметом преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ (мошенничество), ст. 159^3 УК РФ (мошенничество с использованием электронных средств платежа) и ст. 159^6 (мошенничество в сфере компьютерной информации), криптовалюты являться не будут. На наш взгляд, такую ситуацию следует рассматривать как одну из проблем уголовного права, требующую своего решения как на уровне правового статуса (режима) в гражданско-правовом значении, так и в роли предмета преступлений, посягающих на собственность.

В силу обязательственно-правовой природы для защиты от противоправных посягательств на собственность криптовалюты, а также денежные единицы платежных систем, не признаваемых ФЗ № 161-ФЗ в качестве электронных денежных средств, с учетом положений ст. 128 ГК РФ в контексте предмета преступлений против собственности предлагаем относить к имущественным правам. Присвоение криптовалютам данного статуса возможно путем внесения изменений в существующее Постановление Пленума ВС РФ, разъясняющее судам особенности привлечения к уголовной ответственности по делам о мошенничестве, присвоении и растрате от 30.11.2017 № 48.

В случае придания криптовалютам статуса имущественного права их можно будет признать предметом преступлений, предусмотренных следующими статьями УК РФ: 159 (мошенничество); 159^3 (мошенничество с использованием электронных средств платежа); 159^6 (мошенничество в сфере компьютерной информации); 163 (вымогательство), – в качестве права на имущество.

Ввиду относительно высокой разработанности зарубежных технологических и правовых механизмов наиболее яркие преступные деяния в области криптовалюты известны практике иностранных государств.

[1] О национальной платежной системе: Федеральный закон от 27 июня 2011 г. № 161-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 августа 2019 г. № 264-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 июля 2011 г. № 27 ст. 3872.

Так, в конце 2017 года в Буэнос-Айресе обнаружилось, что в местной сети кофеен Starbucks осуществлялись так называемые атаки «Man-in-the-Middle»[1].

Иными словами, злоумышленники перехватывают незащищенный трафик, проходящий через точки доступа в публичный wi-fi, и вставляют в него криптоджекинг-скрипты, позволяющие осуществлять скрытый майнинг криптовалюты при помощи подключившихся к общественной сети устройств.

Очевидно, что перехват трафика предполагает получения доступа к информации, поэтому в данном случае «напрашивается» квалификация по ст. 272 УК РФ, устанавливающая уголовную ответственность за неправомерный доступ к компьютерной информации.

Однако квалификация по ст. 272 УК РФ в рассматриваемой ситуации невозможна по причине того, что предметом преступления является именно компьютерная, а не цифровая информация и деяние считается преступным только если повлекло уничтожение, блокирование, модификацию либо копирование информации. При скрытом майнинге ничего из названного может не происходить.

И что же получается законодатель разрешает осуществлять скрытый майнинг, используя чужие девайсы?

Видится, что действия злоумышленников можно квалифицировать как причинение имущественного ущерба собственнику или иному владельцу имущества путем обмана (ст. 165 УК РФ).

С этой точки зрения показателен отечественный пример скрытого майнинга. Так, в середине декабря 2017 года правоохранительные органы задержали системного администратора Центра управления воздушным движением в подмосковном аэропорту Внуково[2]. Он на рабочем месте собрал ферму для майнинга криптовалюты и подключил ее к электросети. Подозрения руководства центра вызвали скачки напряжения в сети, и оно обратилось в ФСБ.

И в аргентинской кофейне, и в российском аэропорту процесс майнинга связан с расходованием дополнительной электроэнергии, что и будет являться имущественным ущербом.

Уголовная ответственность по ст. 165 УК РФ наступит лишь в том случае, если удастся доказать, что злоумышленники потребили электричество на сумму более 250 000 рублей.

---

[1] Шендяпин А.С., Петров И.С. Исследование методов проведения атаки Man-in-the-Middle в программно-конфигурируемых сетях // Программные системы и инструменты. Тематический сборник Т. 17. М.: МАКС Пресс Москва, 2017 С. 75–84.

[2] ФСБ арестовала сисадмина аэропорта «Внуково» за майнинг криптовалюты // https://safe.cnews.ru/news/top/2017-12-15_sisadmin_aeroporta_vnukovo_majnil_ kriptovalyutu (дата обращения: 18.09.2020).

Нередко майнинг криптовалют, требование передать криптовалюту, тайное и иные виды хищения криптовалюты осуществляются путем использования определенных вредоносных компьютерных программ (черви, троянские кони, кейлоггеры, руткиты и др.).

В таком случае злоумышленники совершают преступление, предусмотренное ст. 273 УК РФ («Создание, использование и распространение вредоносных компьютерных программ»).

Состав преступления, предусмотренный ст. 273 УК РФ, также будет вменяться и тем лицам, которые незаконно требуют передать чужие криптовалюты, используя при этом DDoS-атаки. Несмотря на то, что действующее законодательство и отсутствие какой-либо позиции Верховного Суда РФ не позволяют должным образом оценить эти деяния как вымогательство – поскольку угроза уничтожения компьютерных систем не является признаком этого преступления – в судебной практике встречаются приговоры, в которых требования передачи имущества под угрозой совершения DDoS-атаки оценивались как совокупность вымогательства (ст. 163 УК РФ) и использование вредоносных программ (ст. 273 УК РФ)[1].

Комиссия по ценным бумагам и биржам США совместно с ФБР достаточно давно занимается расследованием ситуаций с распространенными схемами Pump&Dump (P&D) в области криптовалют[2].

Схема заключается в следующем. Трейдеры объединяются в группы в Telegram или Discord, число членов которых достигает нескольких тысяч человек. Затем они выбирают определенную криптовалюту, не имеющую особой ценности и перспектив (такие криптовалюты называют «shitcoin») и начинают одновременно скупать ее, тем самым искусственно взвинчивая курс. Это приводит к тому, что в эту валюту вкладываются жертвы злоумышленников и безвозвратно теряют вложенное.

Не вызывает никаких сомнений обоснованность квалификации описанной схемы по ст. 159 УК РФ - мошенничество. Хищение денежных средств (именно денежных средств, а не криптовалюты) происходит путем введения лиц в заблуждение относительно перспективности и реальной ценности криптовалюты.

Статья 185^3 УК РФ устанавливает уголовную ответственность за манипулирование рынком. И, казалось бы, описанный нами выше пример – это классический пример манипулирования рынком.

Более того, еще в 2000 году ФКЦБ прямо называет схему Pump&Dump как вид рыночной манипуляции. Однако диспозиция статьи сформулирована таким образом, что для квалификации названной схемы в

---

[1] Приговор Хорошевского районного суда города Москвы от 01.12.2014 по делу № 1-587/2014 г.

[2] Уголовная ответственность в области криптовалют в Российской Федерации // https://cryptochan.org/stream/id/1552287600/ (дата обращения: 18.09.2020).

сфере криптовалют по ст. 185[3] УК РФ необходимо установить, что криптовалюта является финансовым инструментом, иностранной валютой или товаром, чего из ФЗ «О рынке ценных бумаг»[1] от 22.04.1996 № 39-ФЗ не следует.

И вот тут мы приближаемся к главному вопросу – хищение криптовалюты не юридический оксюморон. Популярным способом хищения криптовалюты является технология фишинга (phishing), не предусматривающая контакта злоумышленника и жертвы, в основе которой находится рассылка писем на электронную почту владельцев криптовалюты о том, что они якобы стали победителями какой-либо акции. Если владелец переходит на свой кошелек по ссылке, отраженной в этом письме, его данные отсылаются злоумышленникам. Далее единицы криптовалюты потерпевшего без его ведома перемещаются на электронные кошельки, подконтрольные виновным, причем нередко производится коррекция страниц с историей доступного баланса с целью скрыть хищение.

В науке уголовного права существует достаточно популярное мнение, что предметом преступлений, закрепленных в главе 21 УК РФ – преступления против собственности, является имущество или право на имущество. При этом понятие предмета посягательства рассматривается в полном соответствии со ст. 128 ГК РФ и якобы криптовалюта не является объектом гражданских прав, и, следовательно, не может являться предметом хищений.

Не позволяя себе согласиться с высказанной точкой зрения, отметим, что подобный подход оставляет, очевидно, противоправные действия без надлежащей реакции со стороны государства.

Ключевым аргументом нашей позиции является решение Девятого арбитражного апелляционного суда г. Москвы, который признал криптовалюту имуществом, обязав должника передать конкурсному управляющему доступ к криптокошельку, чтобы включить его в конкурсную массу[2].

В связи с вышесказанным хищение криптовалюты является преступлением и подлежит квалификации с учетом иных элементов составов преступлений и может быть квалифицировано по ст. 158 УК РФ, ст. 159 УК РФ, ст. 160 УК РФ, ст. 162 УК РФ и т. д.

В заключение хочется отметить, что разработка правовых механизмов в области криптовалюты нужна, как минимум, для того, чтобы облегчить процедуру доказывания и расширить возможный инструментарий правоприменителя по привлечению «криптозлоумышленников» к уголовной ответственности.

---

[1] О рынке ценных бумаг: Федеральный закон от 22 апреля 1996 г. № 39-ФЗ (в ред. ФЗ от 2 августа 2019 г. № 259-ФЗ) // Собрание законодательства Российской Федерации от 22 апреля 1996 г. № 17 ст. 1918.

[2] 9-й ААС признал криптовалюту имуществом // https://pravo.ru/story/202325/ (дата обращения: 18.09.2020).

Лукошина Полина Андреевна,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для подразделений охраны общественного порядка
и обеспечения общественной безопасности
Краснодарского университета МВД России

Проблемные вопросы субъективной стороны доведения до самоубийства

Неотъемлемым правом каждого человека является гарантированное ему Конституцией РФ право на жизнь. В системе естественных прав оно занимает центральное место, в связи с чем в России осуществляется всесторонний контроль за его соблюдением. Перед правоохранительными органами стоит задача по пресечению преступлений, посягающих на жизнь человека.

В соответствии с официальной статистикой за 2019 год по количеству совершенных суицидов Россия входит в тройку лидеров. Несмотря на это, уголовные дела по статье о доведении до самоубийства заводятся достаточно редко, принимая во внимание, что основной причиной большинства самоубийств является такое воздействие на потерпевших со стороны других лиц, которое приводит к возникновению у них желания уйти из жизни. Кроме того, большая доля самоубийств обусловлена криминальной составляющей со стороны виновных лиц.

Определенные сложности при применении норм об ответственности за доведение до самоубийства вызывает понимание и установление субъективной стороны преступления. В доктрине уголовного права является дискуссионным вопрос о субъективной стороне рассматриваемого преступления. Кроме того, судебная практика также неоднозначно трактует вину по ст. 110 УК РФ, что часто приводит к вынесению оправдательных приговоров и связано это прежде всего с возникающими у правоприменителей сложностями в установлении вины и ее доказанности. Объясняется данный факт юридико-техническим несовершенством рассматриваемой нормы, выражающимся в не указании в ней формы вины. Отсутствие руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда РФ также вызывает дополнительные сложности по вопросам правильной квалификации.

В разные периоды времени над вопросом исследования субъективной стороны доведения до самоубийства работали ряд ученых, таких как: М.К. Аниянц, Р.А. Базаров, Г.Н. Борзенков, С.В. Бородин, А.Н. Красиков, А.С. Михлин, А.В. Наумов, Н.Н. Ярмыш и др., который на сегодняшний день остается не достаточно исследованным, так как однозначного ответа на него нет и по сей день. Так, согласно мнению

М.К. Аниянц, доведение до самоубийства возможно при любой форме вины, как умышленно, так и по неосторожности [1]. С точки зрения Д.И. Эльмурзаева, рассматриваемое преступление в большинстве своем совершается с косвенным умыслом, но им также не исключается его совершение с прямым умыслом[2]. Ю.А. Уколова полагает, что доведение до самоубийства совершается с неосторожной формой вины в виде небрежности[3]. С.В. Бородин и В.Б. Малинин считают, что рассматриваемое преступление возможно только с косвенным умыслом[4]. Следует отметить, что представленные выше позиции являются на сегодняшний день дискуссионными, так как не дают категоричного ответа о форме и виде вины при совершении этого преступления.

Законодателем в ряде норм Особенной части УК РФ прямо названы формы вины при совершении того или иного преступления. Так, преступления, предусмотренные ст. 105, 111, 112, 115, 167 УК РФ и др. могут совершаться только с умышленной формой вины, в то время как в диспозициях ст. 109, 118, 168, 347 УК РФ и др. указана в качестве единственно возможной неосторожная форма вины. Часть 2 ст. 24 УК РФ свидетельствует о том, что если в диспозиции статьи Особенной части УК РФ не указана конкретная форма вины в основном или квалифицированном составе преступления, то вина может быть либо только умышленной (в одних составах) или же умышленной и неосторожной (в других составах).

Установление формы вины при квалификации по отдельным составам преступлений определяется посредством толкования уголовного закона. При этом в обязательном порядке учитываются особенности объективной стороны каждого состава, а также иные обстоятельства, указывающие на форму вины. Поэтому, можно предположить, что в виду отсутствия в диспозиции статьи, предусматривающей ответственность за доведение до самоубийства, указания на конкретную форму вины это должно свидетельствовать о возможности совершения данного преступления как с умышленной, так и с неосторожной формами вины. Однако, по нашему мнению, принимая во внимание основную суть законодательной конструкции, рассматриваемой уголовно-правовой нормы, неосторожность, как одна из вероятных форм вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 110УК РФ, не возможна.

---

[1] Аниянц М.К. Ответственность за преступления против жизни по действующему законодательству союзных республик. М.: Юрид. лит., 1964. С. 152.

[2] Эльмурзаев Д.И. Уголовная ответственность за доведение до самоубийства: дис. … канд. юрид. наук. М., 2004. С. 106.

[3] Уколова Ю.А. Проблемы квалификации доведения до самоубийства как преступного деяния: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008. С. 188.

[4] Бородин С.В., Малинин В.Б. Убийство – общая характеристика: монография. СПб.: МИЭП при МПА ЕврАзЭС, 2013. С. 161.

Буквальное толкование словосочетания, содержащегося в диспозиции ст. 110 УК РФ «доведение до самоубийства» обозначает, что при его совершении лицо целенаправленно совершает деяния, направленные на доведение потерпевшего до такого состояния, когда он принимает решение о совершении самоубийства, в результате направленных в его адрес угроз, жестокого обращения или систематического унижения человеческого достоинства. Перечисленные деяния нацелены на достижение конкретного результата, который в свою очередь свидетельствует о присутствии у виновного лица либо косвенного, либо прямого умысла на самоубийство потерпевшего.

Имеющаяся сегодня судебно-следственная практика свидетельствует о том, что в подавляющем числе случаев, умысел является одной из возможных форм вины при совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ и подкрепляет мнения тех ученых, которые полагают, что рассматриваемое преступное деяние может быть совершено только с прямым или косвенным умыслом. В ходе изучения судебной практики, из 24 приговоров в 15 был указан косвенный умысел, как форма вины при совершении преступления, прямой умысел и неосторожность были указаны в одном приговоре соответственно [1]. В остальных случаях подсудимые были оправданы в связи с отсутствием в их действиях состава преступления, при этом в одном из кассационных определений названо такое обстоятельство, как «не указана форма вины»[2].

В обоснование нашей точки зрения рассмотрим в качестве примера приговор Мещанского районного суда г. Москвы, которым подсудимый гр. К. признан виновным в вымогательстве и доведении гр. Х. до самоубийства путем угроз. Так, в январе 2000 г. гр. К. стало известно об интимных отношениях, существующих между военнослужащим гр. Х. с некой женщиной. За свое молчание он потребовал от потерпевшего одну тысячу рублей и пообещал в будущем не разглашать указанные позорящие его сведения третьим лицам. В день, когда должна была состояться передача денежных средств, гр. Х., находясь на военной службе, совершил суицид. Надзорная инстанция оставила приговор без изменения. В дальнейшем, по протесту заместителя Председателя Верховного Суда РФ приговор в отношении гр. К. в части осуждения его по ст.110 УК РФ был отменен и уголовное дело в части совершения указанного преступления было прекращено в связи с отсутствием в его действиях указанного состава преступления.

[1] Кириенко Н.Г. Суицид и доведение до самоубийства: теория и практика // Актуальные проблемы борьбы с преступлениями и иными правонарушениями, 2018. С. 20.

[2] Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда Кабардино-Балкарской Республики. Д. № 22-192/2011.

Удовлетворяя протест, Президиум Московского городского суда в обоснование своей позиции указал[1], что в соответствии с трактовкой уголовного закона ответственности за доведение до самоубийства подлежит лицо, совершившее это преступление с прямым или косвенным умыслом. Исходя из материалов уголовного дела видно, что гр. К. для поддержания своих требований о вымогательстве имущества потерпевшего, угрожал распространить третьим лицам сведения, которые опозорили бы его. Умысел осужденного был направлен исключительно на завладение имуществом потерпевшего, о чем в том числе свидетельствует и то обстоятельство, что он указал конкретную дату, когда потерпевший должен передать ему деньги. Кроме того, в ходе проведенного следствия не было установлено, что, высказывая в адрес потерпевшего угрозы, гр. К. желал наступления его смерти либо предвидел и сознательно допускал наступления таких последствий. Таким образом, ни в ходе предварительного расследования, ни в ходе судебного разбирательства не были установлены доказательства, подтверждающие наличие у гр. К. прямого или косвенного умысла на доведение гр. Х. до самоубийства.

Таким образом, анализируя изложенное, мы видим, что умысел подсудимого был направлен именно на завладение чужим имуществом путём шантажа. При этом, в его деянии не наблюдается желания довести потерпевшего до самоубийства. Подобные позиции суда о совершении преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ исключительно с умышленной формой вины прослеживаются и в иных обвинительных приговорах (например, приговор Тяжинского районного суда от 19.04.2016 по делу № 1-149/2015, приговор Ломоносовского районного суда г. Архангельска от 29.09.2017 по делу № 1-219/2017, апелляционный приговор Кемеровского областного суда от 11.03.2016 по делу № 22-1338/2016, приговор районного суда г. Казани Республики Татарстан от 19.06.2015 по делу № 1-114/2015 и др.[2]). Таким образом, учитывая изложенные аргументы и преобладающую позицию судебной практики, можно сделать вывод о том, что доведение до самоубийства может быть совершено только с умышленной формой вины.

---

[1] Бюллетень Верховного Суда РФ. 2003. № 4. [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.supcourt.ru/ (дата обращения: 15.03.2020).

[2] См.: Приговор № 1–149/2015 1–6/2016 от 19 апреля 2016 г. по делу № 1–149/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://www.sudact.ru/regular/doc/lNihfz6Fz0VK/ (дата обращения: 06.06.2020); Приговор № 1–219/2017 от 29 сентября 2017 г. по делу № 1–219/2017 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/6yhIfTd8DhYR/ (дата обращения: 06.06.2020); Приговор № 22–1338/2016 от 11 марта 2016 г. по делу № 22–1338/2016 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru/regular/doc/cqPcgKHbhWrb/ (дата обращения: 06.06.2020); Приговор № 1–114/2015 от 19 июня 2015 г. по делу № 1–114/2015 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/uD5xsPHXwdL/ (дата обращения: 06.06.2020).

Следует отметить, что в научной литературе также часто встречаются мнения относительно невозможности совершения данного преступления с прямым умыслом, и необходимости квалификации доведения до самоубийства с прямым умыслом по ст. 105 УК РФ. Однако, учитывая, что виновным лицом деяния, непосредственно направленные на приведение к смерти потерпевшего не совершаются, потерпевший самостоятельно принимает решение о суициде, сам приводит его в исполнение, полагаем, что единственно возможными случаями квалификации по ст. 105 УК РФ являются:

– предусмотренное в ч. 2 ст. 33 УК РФ посредственное совершение преступления, когда потерпевший не отдает отчета своим действиям или не может ими руководить;

– ситуация, когда потерпевший совершает суицид или покушение на него в результате физического и (или) психического принуждения к этому.

Подводя итог изложенному, можем сделать следующие выводы: вопрос о форме вины в доведении лица до самоубийства как среди ученых, так и среди практических работников сегодня является спорным. Принимая во внимание особенности объективной стороны преступления, предусмотренного ст. 110 УК РФ полагаем, что оно может быть совершенно только с умышленной формой вины в виде прямого либо косвенного умысла, что в том числе подтверждается материалами судебно-следственной практики.

Макарова Екатерина Сергеевна,
преподаватель кафедры профессиональной деятельности
сотрудников охраны общественного порядка
Нижегородской академии МВД России

Проблемные вопросы противодействия преступности иностранных граждан в Российской Федерации

Вместе с положительным влиянием на развитие экономики и общественных процессов в стране, возрастающее количество мигрантов, находящихся на территории Российской Федерации, отрицательно сказывается на состоянии преступности. На современном этапе вопросы выявления, раскрытия, расследования, профилактики преступлений, совершаемых иностранными гражданами или лицами без гражданства, приобретают особое значение в связи с постоянно увеличивающимся количеством мигрантов, находящихся в пределах нашей страны, в особенности не имеющих законных оснований для нахождения на территории Российской Федерации. Так, согласно отдельным показателям миграционной ситуации в Российской Федерации, количество фактов

постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства в 2017 году – 10 630 540, в 2018 году – 12 307 948, в 2019 году – 19 518 304 [1], что свидетельствует об увеличение числа въезжающих иностранных граждан в Российскую Федерацию. Наиболее высокие показатели по количеству прибывающих иностранцев характерны для городов федерального значения Москва и Санкт-Петербург, Московской, Иркутской, Свердловской, Новосибирской областей, Приморского и Краснодарского края, республики Татарстан. Преимущественно, иностранные граждане прибывают в Россию, указывая цель въезда «туризм» и «работа».

Такие негативные проявления как сложное экономическое положение в определённых странах, безработица, ужесточение конкуренции на рынке труда, обострение социально-политической обстановки, боевые действия и ряд других причин обусловили усиление миграционных процессов. Исходя из анализа практики регулирования миграционных процессов и современного понимания национальных и глобальных проблем миграции, Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы определены цели, задачи и основные направления деятельности органов государственной власти субъектов Российской Федерации и органов местного самоуправления.

Процесс совершенствования инструментов правового регулирования в сфере миграции, включая меры ответственности за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации и меры противодействия незаконной миграции, имеет особую актуальность. Установлена уголовная ответственность за пересечение государственной границы Российской Федерации иностранными гражданами, въезд которым в страну не разрешен, за фиктивную постановку иностранных граждан на миграционный учет, ужесточены санкции за организацию незаконной миграции, внесены изменения, связанные с ликвидацией в 2016 году Федеральной миграционной службы и передачей функций Министерству внутренних дел[2].

Происходящие процессы в миграционной сфере, существенно оказывают влияние на состояние национальной безопасности государства. При отсутствии качественной миграционной политики, преимущественно нелегальные мигранты становятся участниками организованной преступности, наркобизнеса, терроризма. Наличие данной негативной среды способствует повышению угроз государству и обществу. В обществе имеется сложившийся стереотип, отражающий некоторую ксенофобию

[1] https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/19364859.

[2] Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ от 13 июня 2012 г.) // https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70088244.

относительно мигрантов. Однако особо стоит подчеркнуть, указанное мнение преимущественно возникает относительно незаконно прибывающих иностранцев. Общество достаточно часто представляет преступность мигрантов в более ярко-выраженных объёмах, что не соответствует действительности, так как согласно официальным статистическим данным иностранными гражданами в 2017 году совершено 41 047 преступлений, что составляет 3,7% от общего количества расследованных преступлений, в 2018 году – 33 179 преступлений, что составляет также 3,6%, в 2019 году – 34 917 преступлений, что составляет 3,3% от общего количества расследованных преступлений[1]. Проводимые исследования в области преступности иностранных граждан и лиц без гражданства при определении количественных показателей основываются на удельном весе преступлений, совершенных иностранными гражданами в общем количестве преступлений и следует особо отметить, что преступления, совершаемые иностранными гражданами, характеризуются высокой степенью латентности.

Для наиболее эффективной борьбы с преступностью иностранных граждан необходимо учитывать криминологические исследования, которые позволяют определить условия возникновения, закономерности, развитие преступности, а также особенности личности преступника. По мнению П.Н. Кобец усилия органов внутренних дел необходимо разбить на два направления: а) разрушение незаконных миграционных процессов; б) предупреждение и пресечение преступности мигрантов, в том числе – незаконных[2]. По мнению отечественных криминологов, общественных миграция является основным детерминантом для этнической преступности деятелей, сотрудников правоохранительных органов, в первую очередь нелегальная, непосредственно влияет на коррупционные процессы. Нежибецкая И.Е. отмечает, что в борьбе с преступлениями мигрантов важнейшее практическое значение имеет их профилактика, как деятельность, объектом которой является комплекс факторов, способствующих либо противодействующих совершению преступлений[3].

Ситуация усложняется тем, что участники незаконных миграционных потоков стремятся не попадать в поле зрения правоохранительных органов, что ещё в достаточной степени искажает сведения о состоянии преступности, в особенности, внутри диаспоры либо этнических сообществ. При анализе статистических показателей, поставленных на миграционный учет иностранных граждан за определенный год, явно прослеживается тенденция убытия мигрантов в

[1] https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya.

[2] Кобец П.Н. Причины и условия, детерминирующие преступность незаконных мигрантов из числа иностранцев в России.

[3] Нежибецкая И.Е. Криминологические и уголовно-правовые меры борьбы с преступностью мигрантов в России https://dlib.rsl.ru/viewer/01003176900#?page=19.

свою страну ближе к зимнему периоду и прибытие к началу летнего сезона. Основываясь на указанных закономерностях, можно наблюдать скоррелированность вышеуказанных показателей и влияние их на уровень преступности. Важно отметить, что преступления, совершенные иностранными гражданами, имеют большой общественный резонанс, в связи с тем, что затрагивают интересы межгосударственных отношений, а также являются социально опасными, ввиду возможного наступления конфликтов на национальной почве. В общей системе причин преступности фактор внешней миграции населения с её негативными проявлениями, естественно, не относится к первостепенным, однако зависит от интенсивности проявления иных факторов. В связи с этим, наиболее важным направлением противодействия преступности иностранных граждан является выработка адекватных профилактических мер, позволяющих осуществлять эффективные методы борьбы.

Мельниченко Николай Николаевич,
аспирант кафедры уголовного права и криминологии
Кубанского государственного университета

Проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия

Дифференциация уголовной ответственности в современной правоприменительной практике выступает основой постановления справедливого приговора и назначения соразмерного наказания. В отечественной уголовно-правовой доктрине теории дифференциации уголовной ответственности справедливо придается особое значение[1].

Применительно к посягательствам на сохранность объектов археологического наследия градация уголовной ответственности в зависимости от степени общественной опасности осуществлена лишь в

[1] См.: Курляндский В.И. Уголовная политика, дифференциация и индивидуализация уголовной ответственности // Основные направления борьбы с преступностью. М., 1975; Коробов Л.В. Дифференциация уголовной ответственности и классификация уголовно наказуемых деяний. М., 1983; Кругликов Л.Л. Проблемы теории уголовного права: избр. ст., 2000–2009 гг. Ярославль, 2010; его же. Дифференциация уголовной ответственности: соотношение со смежными понятиями // Legal Concept. 2017. Т. 16. № 3; Лесниевски-Костарева Т.А. Дифференциация уголовной ответственности. М., 2000; Лобанова Л.В. Мерность общественной опасности деяния как основа межотраслевой и отраслевой дифференциации юридической ответственности // Logos et Praxis. 2017. Т. 16. № 4; Мельникова Ю.Б. Юридическая ответственность: сущность, понятие, дифференциация // Дифференциация ответственности в уголовном праве и процессе. Ярославль, 1994 и др.

части составов преступлений (ч. 2 ст. 164, ч. 2 ст. 226[1], ч. 2 и 3 ст. 243[2], ч. 2 ст. 243[3] УК РФ). Для двух из них законодатель ответственность не дифференцировал, сконструировав лишь основной состав преступления (ст. 190 и ст. 243[1] УК РФ).

Отличительной особенностью дифференциации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия выступает то, что она осуществлена на основе признаков объективной стороны состава преступления. Причем в трех нормах закреплен такой признак, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирующий признак – в п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243[3] УК РФ; как особо квалифицирующий (содержащий, однако, указание лишь на организованную группу) – в ч. 3 ст. 226[1], п. «в» ч. 3 ст. 243[2] УК РФ).

Учет различных форм соучастия в качестве квалифицирующего либо особо квалифицирующего признака объективно оправдан. Правоприменительная практика отчетливо свидетельствует о том, что посягательства на объекты археологического наследия традиционно входят в систему организованной преступности, они в большинстве своем из-за сложного механизма подготовки, приискания соответствующего предмета, поиска каналов легализации похищенного не совершаются в одиночку. Кроме того, им присущи именно спланированные сложные формы совместной преступной деятельности. Вместе с тем при анализе квалифицирующих и особо квалифицирующих признаков посягательств на сохранность объектов археологического наследия обращает на себя внимание и то, что законодатель непоследователен в оценке общественной опасности указанных посягательств, совершенных группой лиц по предварительному сговору и организованной группой. В двух составах преступлений это обстоятельство предусмотрено в качестве квалифицирующего и в двух – особо квалифицирующего признака. Подобный подход законодателя следует признать нелогичным и непоследовательным, поскольку нет объективных предпосылок для столь различной правовой оценки указанного обстоятельства.

Возникает, кроме того, вопрос о сопоставимости общественной опасности таких форм соучастия, как группа лиц по предварительному сговору и организованная группа. Безусловно, группа лиц по предварительному сговору обладает меньшей степенью общественной опасности, нежели организованная. Поэтому их объединение в рамках одной нормы следует признать необоснованным. В этой связи необходимо изменить редакции рассматриваемых норм, предусмотрев совершение преступления группой лиц по предварительному сговору в качестве квалифицирующего, а организованной группой – в качестве особо квалифицирующего признака. Совершение же преступления в составе преступного сообщества следует отнести к признакам исключительной тяжести.

Второй унифицировано используемый законодателем квалифицирующий признак для дифференциации ответственности за рассматриваемые посягательства – их совершение «должностным лицом с использованием своего служебного положения» (п. «а» ч. 2 ст. 226[1], п. «а» ч. 2 ст. 243[3] УК РФ). В п. «б» ч. 3 ст. 243[2] УК РФ используется конструкция «лицом с использованием своего служебного положения». Его толкование не вызывает ни в теории, ни на практике особых дискуссий. В данном случае на первый план выдвигается должностное положение, благодаря которому виновный имеет доступ к информации, к помещениям, грузам, обладает необходимыми знаниями и т.п. Вместе с тем в отечественной правовой доктрине на протяжении длительного времени остается крайне дискуссионным вопрос о признаках должностного лица [1]. В действующей редакции уголовного закона примечание к ст. 285 УК РФ содержит широкое и внутренне противоречивое его определение. Достаточно перспективным, на наш взгляд, следует признать предложение, сформулированное В.А. Кочерга, в частности, идею о привязке рассматриваемого определения к Сводному перечню государственных должностей Российской Федерации; Реестру должностей Федеральной государственной гражданской службы; Реестру должностей государственной гражданской службы субъекта Российской Федерации; Реестру должностей муниципальной службы в субъекте Российской Федерации, утверждаемому законом субъекта Российской Федерации[2].

В ч. 2 ст. 164 УК РФ к числу квалифицирующих законодатель отнес такой признак, как «повлекшее уничтожение, порчу или разрушение предметов или документов, указанных в части первой настоящей статьи». Вместе с тем применительно к специфике рассматриваемых предметов преступных посягательств – объектов археологического наследия – надо говорить об их уничтожении и разрушении. От использования категории «порча» следует отказаться, поскольку несанкционированное воздействие на указанные объекты, как правило, в силу логики объективного развития ситуации приводит к их уничтожению или разрушению. Семантика слова «порча» выражается в приведении какого-либо предмета, имущества или документа в полную или частичную непригодность. В этой связи, на наш

[1] См.: Кочерга В.А. Халатность: содержательные, компаративистские, правоприменительные аспекты: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2017; Кузнецов М.П. Должностные преступления, совершаемые в таможенных органах: уголовно-правовой анализ, особенности квалификации: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2010; Симоненко А.А. Уголовно-правовое противодействие заведомо незаконному уголовному преследованию: дис. … канд. юрид. наук. М. 2019; Сулейманов Т.М. Ответственность за злоупотребление должностными полномочиями по уголовному праву России и Германии (уголовно-правовой и криминологический анализ): дис. … канд. юрид. наук. М., 2016 и др.

[2] См.: Кочерга В.А. Указ. соч. С. 8–9.

взгляд, синонимичными выступают категории «повреждение» и «порча». В научных источниках, напротив, авторы усматривают смысловую схожесть между уничтожением и порче[1]. Поэтому считаем обоснованными предложения об отказе от одновременного употребления в уголовном законе указанных категорий.

Возникает также вопрос относительно отсутствия в уголовном законе дифференциации ответственности за хищение предметов, имеющих особую ценность, в зависимости от формы хищения. Не вызывает сомнений тот факт, что насильственные формы хищения обладают большей общественной опасностью и требуют соответствующей правовой оценки. В этой связи нельзя не обратить внимания на необходимость закрепления в ч. 1 ст. 164 УК РФ ответственности за не сопряженные с насилием формы хищения, а в ч. 2 ст. 164 УК РФ установить ответственность за насильственный грабеж и разбой.

Достаточно спорный, с точки зрения его содержания, квалифицирующий признак закреплен в п. «б» ч. 2 ст. 226[1] УК РФ – «с применением насилия к лицу, осуществляющему таможенный или пограничный контроль». Прежде всего, категория насилия, обладая широким наполнением, включает в себя нанесение побоев, причинение легкого, средней тяжести и тяжкого вреда здоровью. В рассматриваемой же норме, вопреки логике, применение насилия любой интенсивности наказуемо в равной мере. Такая ситуация способствует повышению уровня виктимности сотрудников таможни, поскольку виновное лицо, применяя насилие, не будет соизмерять его степень, так как разница в наказании нивелирована. При этом для повышения результативного своих действий преступнику выгоднее применять более опасные формы насилия. Кроме того, достаточно странным выглядит подход, в рамках которого причинение вреда здоровью сотрудника таможни, причем вплоть до тяжкого, расценивается законодателем как менее общественно опасное деяние, нежели совершение контрабанды объектов археологического наследия в составе организованной группы. Поэтому в целях соблюдения принципов дифференциации уголовной ответственности необходимо в ч. 2 ст. 226[1] УК РФ установить ответственность за контрабанду с применением насилия, не опасного для жизни и здоровья, а в ч. 3 этой же нормы – с применением насилия, опасного для жизни или здоровья.

Нуждается в существенной оптимизации дифференциация уголовной ответственности за уничтожение или повреждение объектов культурного наследия (ст. 243 УК РФ). Особо следует подчеркнуть отсутствие в названной норме основания для усиления уголовной ответственности в

[1] См.: Резван А.П., Сенцов А.С. Уголовно-правовые меры борьбы с хищениями предметов, имеющих особую ценность: лекция. Волгоград, 1999. С. 26; Ткачев Ю.Ю. Хищение предметов, имеющих особую ценность: автореф. дис. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2007. С. 21.

зависимости от способа совершения преступного деяния. В частности, применение взрывных веществ либо организация пожара повышают степень общественной опасности уничтожения или повреждения культурных ценностей, поскольку позволяет охватить большие площади, причиняет вред иным объектам и делает процесс уничтожения или повреждения необратимым и окончательным. Помимо этого, рассматриваемый способ совершения преступления создает опасность наступления более тяжких последствий в виде причинения вреда здоровью или гибели людей, повреждения имущества и т. п. В этой связи следует в УК РФ предусмотреть указанное обстоятельство в качестве квалифицирующего признака состава преступления, содержащегося в ст. 243 УК РФ.

Нельзя также согласиться с отсутствием в рассматриваемой норме дифференциации уголовной ответственности на основе учета специфики субъективной стороны, в частности того, чем руководствовался виновный, осуществляя действия по уничтожению или повреждению объекта археологического наследия. Зарубежный опыт представляет нам примеры учета подобного обстоятельства. В частности, в УК Болгарии совершение аналогичных посягательств на объекты археологического наследия по мотивам социальной, национальной, расовой или религиозной вражды влечет наступление более строгой ответственности (ч. 2 ст. 203). Думается, что, поскольку для России проблема сохранения межнационального и межконфессионального равновесия выступает в качестве одной из наиболее важных, актуальность включения подобного квалифицирующего признака в систему дифференциации уголовной ответственности по УК РФ имеет под собой объективные основания. Кроме того, совершение уничтожения или повреждения культурных ценностей по указанным мотивам свидетельствует о крайне негативной характеристике мотивационной окраски деяния, о глубоких искажениях ценностных установок, стереотипов поведения виновного. В данном случае уничтожение или повреждение культурных ценностей выступает лишь как инструмент выражения неуважения либо ненависти к представителям другого народа, национальности, вероисповедания. Подобный «окрас» рассматриваемых деяний всегда имеет более существенный общественный резонанс и может быть использован для дестабилизации социально-политической обстановки в РФ.

Установление более строгой уголовной ответственности за совершение незаконного поиска и (или) изъятия археологических предметов из мест залегания в границах территории объекта культурного наследия (ч. 2 ст. 243² УК РФ) соответствует более высокой степени общественной опасности данного деяния в привязке в указанным местам. Не вызывает сомнений, что осуществление раскопов в местах, наделенных государством особым статусом, обладает особым цинизмом, поскольку у

виновного нет сомнений, что он посягает на культурное наследие народов Российской Федерации, и этот факт его не останавливает. Аналогично к крайне пагубным и необратимым последствиям применительно к культурным слоям и пластам приводит использование землеройных машин. Вред от подобных действий катастрофичен, а потери от него невосполнимы. Использование виновным специальных технических средств для незаконного поиска или изъятия объектов археологического наследия тоже, безусловно, повышает степень общественной опасности деяния, поскольку позволяет виновному действовать более эффективно и достигать преступного результата. Кроме того, этот признак выступает косвенным критерием определения профессионализации преступной деятельности виновного, что также требует применения боле строгой уголовной ответственности.

Таким образом, анализ квалифицированных и особо квалифицированных составов исследуемых преступных посягательств выявил ряд противоречивых моментов, требующих устранения. Между тем нуждается в рассмотрении и вопрос о дифференциации уголовной ответственности за те преступления, в отношении которых она вообще не осуществлена. Так, совершенно не обоснован подобный подход в отношении невозвращения на территорию Российской Федерации объектов археологического наследия. Не вызывает сомнений более высокий уровень общественной опасности, свойственный совершению данного деяния группой лиц по предварительному сговору, организованной группой, а равно преступным сообществом; с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия народов Российской Федерации; в особо крупном размере. В качестве критерия определения последнего следует учитывать стоимость невозвращенных археологических объектов, превышающую 500 тыс. руб.

Вместе с тем нельзя поддержать предложение о включении в перечень указанных признаков такого, как совершение преступления, предусмотренного ст. 190 УК РФ, «лицом с использованием своего служебного положения»[1].

Анализ системы квалифицирующих признаков состава хищения культурных ценностей дает основание для вывода о наличии существенного пробела, обусловленного отсутствием усиления ответственности в зависимости от такого признака, как совершение деяния «с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов

[1] Медведев Е.В. Уголовно-правовая охрана культурных ценностей: дис. ... канд. юрид. наук. Казань, 2003. С. 69.

российской Федерации». На это было обращено внимание и в работах других отечественных авторов. Необходимость конструирования созвучного квалифицирующего признака обосновывалась в трудах Г.В. Вериной[1], Ю.Ю. Ткачева[2] и др.

Подводя итог рассмотрению специфики дифференциации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия, необходимо обратить внимание на следующее:

– дифференциация уголовной ответственности за указанные преступления осуществлена лишь применительно к части из них (ч. 2 ст. 164, ч. 2 ст. 226¹, ч. 2 и 3 ст. 243², ч. 2 ст. 243³ УК РФ). Упущением следует признать отсутствие таковой в отношении невозвращения археологических предметов на территорию Российской Федерации и нарушения требований сохранения или использования объектов культурного наследия (ст. 190, 243¹ УК РФ);

– наиболее часто используемый законодателем квалифицирующий признак для рассматриваемой группы посягательств – совершение их группой лиц по предварительному сговору или организованной группой (как квалифицирующий признак – п. «а» ч. 2 ст. 164, п. «б» ч. 2 ст. 243³ УК РФ; как особо квалифицирующий – ч. 3 ст. 226¹ (в этой норме речь идет только об организованной группе), п. «б» ч. 3 ст. 243² УК РФ). Вместе с тем законодателем не учитывается такой существенно повышающий степень общественной опасности деяния признак, как совершение преступления в составе преступного сообщества, и это несмотря на то, что экспертами признается факт активного участия транснациональных преступных картелей в «черной (теневой) археологии»;

– следует признать синонимичными категории «повреждение» и «порча», что делает бессмысленным одновременное их использование в законе при описании квалифицирующего признака, закрепленного в п. «в» ч. 2 ст. 164 УК РФ. Следует сохранить в данной норме указание на такие преступные последствия, как уничтожение или повреждение предметов, имеющих особую ценность, в том числе объектов археологического наследия;

– следует осуществить дифференциацию уголовной ответственности за хищение объектов культурного наследия в зависимости от его формы: в ч. 1 ст. 164 УК РФ установить ответственность за не сопряженные с насилием формы хищения, а в последующих частях – за насильственный грабеж и разбой;

– анализ системы квалифицирующих признаков состава хищения культурных ценностей дает основание для вывода о наличии

[1] Верина Г.В. Преступления против собственности: проблемы квалификации и наказания. Саратов, 2001. С. 139.

[2] Ткачев Ю.Ю. Указ. соч. С. 8.

существенного пробела, обусловленного отсутствием усиления ответственности в зависимости от такого признака, как совершение деяния «с незаконным проникновением в музейное помещение, музейные хранилища, музейные фонды, научно-исследовательские лаборатории и иные помещения, специально предназначенные для экспонирования, изучения или хранения объектов культурного наследия народов Российской Федерации»;

– заслуживает критики полное отсутствие дифференциации уголовной ответственности за преступление, закрепленное в ст. 190 УК РФ. Полагаем, что в данной норме необходимо предусмотреть такие квалифицирующие признаки, как совершение деяния группой лиц по предварительному сговору; организованной группой или преступным сообществом; с уничтожением или повреждением объектов культурного наследия народов Российской Федерации; в особо крупном размере.

Меретуков Айдамир Гайсович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемные вопросы квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства

Организация общественной жизни напрямую зависит от деятельности органов государственной власти, то есть системы политических институтов. От уровня эффективности деятельности таких институтов зависит успешное развитие нашего государства в целом. Преступная деятельность, посягающая на государственную власть, в том числе на основы конституционного строя и безопасности государства, приводит к значительным общественно-опасным последствиям и является существенной угрозой национальной безопасности.

Одной из главных угроз безопасности Российской Федерации и основ ее конституционного строя выступает экстремизм.

Высокая степень опасности представляется тем, что возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства ущемляет права граждан Российской Федерации, ставит под угрозу их безопасность в зависимости от пола, расы, принадлежности к определенной религии и так далее. Такие преступные деяния все больше набирают обороты благодаря информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». С каждым годом увеличивается количество совершаемых преступлений, а их способы становятся все изощрённее. В настоящее время нет такой сферы деятельности, в которой

злоумышленники не реализовывали бы свои преступные умыслы. Следовательно, совершенствование и оптимизация законодательства, направленного на борьбу с преступностью, является одним из главных направлений государств, в том числе и Российской Федерации.

Криминологическая характеристика преступлений складывается из причин и обстоятельств, способствующих совершению преступления, из последствий, статистических показателей, а также личности как субъекта преступления, так и потерпевшего [1]. Преступления, посягающие на государственную власть, представляет особый интерес, поскольку субъектами ряда таких преступлений являются должностные лица, представители правоохранительных органов, а последствия носят тяжкий характер.

Для начала обратимся к данным правовой статистики. Так, преступлений экстремистской направленности, которые входят в группу преступлений против основ конституционного строя и безопасности государства за 2019 год на территории Российской Федерации зарегистрировано 1265 [2]. За аналогичный период (2014 года) было зарегистрировано 896 преступлений данной направленности[3].

Причины совершения таких преступлений имеют комплексный характер и включают в себя правовые, социальные, политические, экономические и нравственные проблемы. Так, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, куда входят преступления экстремистской направленности и, в частности анализируемое нами преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершаются по следующим причинам:

– на почве информационно-идеологического воздействия на личность извне;

– неправильного толкования действий, предпринимаемых правительством;

– несогласия с официально проводимой политикой правительства, а также с решением отдельных вопросов[4];

– исторически-сложившегося стремления в независимости отдельных Республик.

---

[1] Криминология. Учебник / под ред. В.Н. Кудрявцева, В.Е. Эминова. М., 2002. С. 10–11.

[2] Портал правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Показатели за 2018 год. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map.

[3] Там же. Показатели за 2013 год. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://crimestat.ru/offenses_map. Показатели за 2013 год.

[4] Преступления против государственной власти. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: https://spravochnick.ru/pravo_i_yurisprudenciya/ponyatie_prestupleniya/prestupleniya_protiv_gosudarstvennoy_vlasti/#prichiny-i-usloviya-sovershеniya-gosudarstvennoy-prestupnosti.

В современном обществе также причинами экстремистских действий могут выступать особенности воспитания и социализации человека, индивидуальные и психологические особенности [1]. Ну и конечно первопричиной экстремистской деятельности служит нетерпимость.

Высокая степень опасности представляется тем, что возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства ущемляет права граждан Российской Федерации, ставит под угрозу их безопасность в зависимости от пола, расы, принадлежности к определенной религии и так далее. Такие преступные деяния все больше набирают обороты благодаря информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». В настоящее время большое количество людей совершает преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, ссылаясь на «свободу слова» и далеко не всем известны правовые последствия своих действий. Кроме того, большое количество действий, направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а также на унижение достоинства человека либо группы лиц по признакам пола, расы, национальности, языка, происхождения, отношения к религии, а равно принадлежности к какой-либо социальной группе, совершенных с помощью сети «Интернет» свидетельствует о проблемах правоприменительной практики, связанных с особенностями квалификации ст. 282 УК РФ. Рассматриваемая категория преступлений приводит к следующим последствиям:

– «подтачивают» основы государственной власти и порядка управления;

– дискредитируют и подрывают авторитет их представителей в глазах населения;

– разрушают сложившиеся демократические устои и правопорядок;

– ущемляют конституционные права, а также законные интересы граждан;

– препятствуют проведению социально-экономических реформ в обществе и так далее[2].

Проведенный анализ статистических показателей, а также материалов следственной и судебной практики показал, что, в основном, преступления экстремистской направленности совершаются мужчинами. Субъекты преступлений экстремистской направленности и, в частности, преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, характеризуется агрессивным, зачастую протестующим поведением. Такие лица склоны попасть под давление информационно-идеологического воздействия либо

[1] Аккаев Х.А. Социально-криминологическая характеристика ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений // Юридические науки. 2016. № 3.

[2] Кулешов Р.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства как преступление экстремистской направленности: правовой и криминальный анализ // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 72–74.

мнимых авторитетов. Кроме того, такие лица характеризуется бескомпромиссным проведением черты между «своими» и «чужими»[1].

Выявленные причины и обстоятельства, способствующие совершению преступлений экстремистской направленности, а также сложившийся портрет преступника, позволяют определить некоторые пути решения сложившейся криминогенной обстановки в исследуемой сфере, а также меры, направленные на предупреждение и профилактику таких преступлений. Например, представляется необходимым введение цензуры на иностранные информационные источники, с целью недопущения идеологического воздействия на граждан Российской Федерации; массовое распространение информации, свидетельствующей о военных, политических, экономических и иных достижениях Российской Федерации; принятие мер, направленных на повышения патриотизма.

Кроме того, социально-криминологическая характеристика рассматриваемой категории преступлений и выделенные причины их совершения позволили определить меры, необходимые для предупреждения и профилактики преступлений экстремистской направленности. Так, преступления против основ конституционного строя и безопасности государства, куда входят преступления экстремистской направленности и, в частности анализируемое нами преступление, предусмотренное ст. 282 УК РФ, совершаются по следующим причинам: на почве информационно-идеологического воздействия на личность извне; неправильного толкования действий, предпринимаемых правительством; несогласия с официально проводимой политикой правительства, а также с решением отдельных вопросов; исторически-сложившегося стремления в независимости отдельных Республик. В современном обществе также причинами экстремистских действий могут выступать особенности воспитания и социализации человека, индивидуальные и психологические особенности. Ну и конечно первопричиной экстремистской деятельности служит нетерпимость. Рассматриваемая категория преступлений приводит к следующим последствиям: «подтачивают» основы государственной власти и порядка управления, дискредитируют и подрывают авторитет их представителей в глазах населения, разрушают сложившиеся демократические устои и правопорядок, ущемляют конституционные права, а также законные интересы граждан, препятствуют проведению социально-экономических реформ в обществе и так далее. Проведенный анализ статистических показателей, а также материалов следственной и судебной практики показал, что, в основном, преступления экстремистской направленности совершаются мужчинами. Субъекты преступлений экстремистской направленности и, в частности,

[1] Аккаев Х.А. Социально-криминологическая характеристика ксенофобии и экстремизма как взаимосвязанных явлений // Юридические науки. 2016. № 3.

преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, характеризуется агрессивным, зачастую протестующим поведением. Такие лица склоны попасть под давление информационно-идеологического воздействия либо мнимых авторитетов. Кроме того, такие лица характеризуется бескомпромиссным проведением черты между «своими» и «чужими».

В настоящее время основными мерами борьбы с преступными проявлениями являются уголовно-правовые меры. Однако для их эффективного и правильного применения недостаточно знать только объективные и субъективные признаки составов преступлений. Особенности квалификации преступлений и их отграничения от смежных составов играет

Прежде всего, для правильной безошибочной квалификации содеянного по ст. 282 УК РФ сотрудникам правоохранительных органов следует четко понимать, что понимается под возбуждением ненависти, возбуждением вражды и унижением достоинства:

Возбуждение ненависти – это действия субъекта, направленные на вызывание сильной стойкой неприязни к человеку либо группы лиц, отличающихся каким-либо признаком, указанным в диспозиции ст. 282 УК РФ. При наличии остальным признаков рассматриваемого состава преступления, как возбуждение ненависти следует квалифицировать, например, разрушение культовой архитектуры (зданий), депортация и так далее[1].

Возбуждение вражды – действия, которые направлены на противоборство, в том числе с применением насилия, по отношению к определенной группе лиц в зависимости от их религиозной, половой и иной принадлежности. К таким действиям могут быть отнесены применение насилия по отношению к людям определенной нации, утверждения о необходимости репрессий или геноцида и так далее[2].

Унижение достоинства – это действия, направленные на падение у потерпевшего/ потерпевших тех моральных качеств, которые объединяет в себе человеческое достоинство. К таким действиям относится пропаганда как неполноценности, ущербности людей определенной группы, так и, наоборот, существенного превосходства одной группы людей над другими[3].

---

[1] Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: 10-ое изд. перераб и дополн. М.: Проспект, 2016.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 7. [Электронный ресурс] // Российская газета / Режим доступа: URL: https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html.

[3] Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации: 10-ое изд. перераб и дополн. М.: Проспект, 2016.

Помимо этого, особенности квалификации действий как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства заключаются в обязательном установлении следующих признаков:

Действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение человеческого достоинства должны быть совершены публично. Таким образом, обязательными признаками объективной стороны ст. 282 УК РФ выступает место и обстановка, связанные с нахождением при совершении преступления значительного количества людей.

В соответствии с п. 4 Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности», публичное возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства могут может быть выражено в любой форме – письменной, устной, путем применения технических средств, невербальным способом и так далее. Четкие критерии публичности в Постановлении не определены. При определении публичности совершенного преступления, имеющего признаки ст. 282 УК РФ следует комплексно оценивать время, место и обстановку. Публичным возбуждением ненависти либо вражды, а равно унижением человеческого достоинства будут являться указанные действия, совершенные на митингах, путем развешивания плаката, раздачи листовок, публикации поста в открытом аккаунте и так далее[1].

Указанные действия должны быть совершены с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей. Здесь в качестве обязательного признака объективной стороны выступает способ совершения преступления.

В случае необходимости решении вопроса об использовании средств массовой информации правоприменителям следует учитывать положения Закона Российской Федерации от 27 декабря 1991 года № 2124-I «О средствах массовой информации»

Таким образом, законодателем предложены альтернативные обязательные признаки объективной стороны состава преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ. При отсутствии одного из указанных признаков, действия лица не могут быть квалифицированы по рассматриваемой уголовно-правовой норме[2].

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 4, 7. [Электронный ресурс] // Российская газета / Режим доступа: URL: https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html.

[2] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 г. Москва «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Пункт 7. [Электронный ресурс] // Российская газета / Режим доступа: URL: https://rg.ru/2011/07/04/vs-dok.html.

Кроме того, обязательно установление цели возбуждения вражды или ненависти по экстремистским мотивам либо цели унижения человеческого достоинства по экстремистским мотивам[1].

По результатам проведенного анализа особенностей квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства, а также признаков, позволяющих отграничить состав преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ от смежных составов преступлений, можно сделать следующие выводы. Некоторые особенности квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства отражены в Постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности».

Для правильной безошибочной квалификации содеянного по ст. 282 УК РФ сотрудникам правоохранительных органов следует четко понимать, что понимается под возбуждением ненависти, возбуждением вражды и унижением достоинства, понятия которых были раскрыты и изучены нами в настоящем параграфе. Помимо этого, особенности квалификации действий как возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства заключаются в обязательном установлении следующих признаков: действия, направленные на возбуждение ненависти или вражды, а также на унижение человеческого достоинства должны быть совершены публично; указанные действия должны быть совершены с использованием СМИ или информационно-телекоммуникационных сетей. При отсутствии одного из указанных признаков, действия лица не могут быть квалифицированы по рассматриваемой уголовно-правовой норме.

[1] Кулешов Р.В. Возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства как преступление экстремистской направленности: правовой и криминальный анализ // Проблемы экономики и юридической практики. 2015. № 4. С. 72–74.

Москвичев Алексей Александрович,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Беспилотные летательные аппараты как объекты криминалистического исследования

Еще несколько лет назад никто и представить не мог, что дроны так плотно войдут в нашу жизнь. Конечно, им еще далеко до популярности мобильных устройств, но тем не менее на сегодняшний день они незаменимы во многих областях. Если ранее их применяли только военные, то сегодня они используются также в коммерческих и развлекательных целях. При помощи дрона можно вести топографические и исследовательские съемки, применять его в качестве источника для беспроводной связи и доставлять предметы из одного пункта в другой.

Но, к сожалению, любое техническое устройство может представлять угрозу. Квадрокоптеры также не являются исключением. В нашей статье мы приведем нескольких примеров преступных инцидентов, которые произошли с использованием дронов.

1. Видеосъемка банкомата.

Во время снятия наличных денег из банкомата клиенту необходимо позаботиться о том, чтобы никто не видел, как он вводит свой личный идентификационный номер (ПИН). Именно по этой причине банки устанавливают защитные экраны и разделители. В августе 2016 года над одним из банкоматов в Северной Ирландии был замечен дрон, который снимал людей, стоящих у банкомата. Беспилотный летательный аппарат (БПЛА) фиксировал введенные ими цифровые ПИН-коды[1].

2. Доставка наркотиков в тюрьму.

Вместо того, чтобы пытаться пронести в тюрьму наркотики обычным путем, приятели заключенного подошли к вопросу нестандартно. Они прикрепили к дрону 7 граммов героина, 57 граммов марихуаны и 142 грамма табака, после чего отправили его в полет над стенами исправительного учреждения в г. Мэнсфилде, штат Огайо, США[2].

3. Доставка оружия в тюрьму.

Еще одна преступная группа приняла к сведению упомянутый инцидент в тюрьме г. Мэнсфилда. Однако она расширила «ассортимент доставки», включив в него сотовый телефон, ножовки, наркотики и супер клей. Преступники привязали все это к беспилотнику с помощью лески,

[1] Топ 10: преступления, совершенные с помощью дронов [Электронный ресурс] // Доступ с сайта «Bugaga.ru». URL: https://bugaga.ru/interesting/1146767495-top-10-prestupleniya-sovershennye-s-pomoschyu-dronov.html#ixzz5nn3dHWzA (дата обращения: 26.09.2020).

[2] Там же.

чтобы контрабанду можно было легко вытащить. К несчастью для злоумышленников, дрон зацепился за колючую проволоку тюремных стен и рухнул[1].

4. Военные действия

В распоряжении боевиков запрещенной в России террористической организации «Исламское Государство» оказались сотни недорогих портативных беспилотных летательных аппаратов. Эти устройства использовались для ведения боевых действий в Ираке и Сирии. Когда в 2017 году бастион ИГИЛ в Мосуле был взят, иракские войска нашли множество заводов по производству дронов. Боевики изготавливали два вида дронов. Один мог сбрасывать небольшую по весу взрывчатку, а другой взрывался при приближении к цели. Некоторые беспилотные летательные аппараты, которые сбрасывали взрывчатые вещества, также снимали происходящее на видео. Другие террористические группировки, например Ахрар аш-Шам и Джунд аль-Акса, также взяли на вооружение дроны, но в сравнительно ограниченном масштабе[2].

К сожалению, приведенные выше примеры лишь малая часть всех преступлений, которые были совершены с помощью БПЛА. Помимо всего прочего, с помощью дронов можно взрывать объекты инфраструктуры, промышленности, транспорта. В некоторых странах Азии и Ближнего Востока беспилотники активно используются для совершения преступлений против государственной власти.

В последнее время зафиксирован рост нарушений порядка использования воздушного пространства России гражданами, которые владеют беспилотными воздушными аппаратами. Если в 2015 году было 11 таких случаев, то в 2016 – 41, в 2017 – 84, а за восемь месяцев 2018 года – уже 152[3].

Большинство нарушений происходит рядом с исправительными учреждениями. Например, оперативники управления Федеральной службы исполнения наказаний по Кабардино-Балкарии задержали местного жителя, который пытался перебросить в ФКУ СИЗО-1 г. Нальчика мобильные телефоны и наркотики с помощью квадрокоптера[4].

---

[1] 25 преступлений с использованием дронов [Электронный ресурс] // Доступ с сайта «Интересно и познавательно For Max Fun». URL: https://formaxfun.com/top-25-prestuplenij-s-ispolzovaniem-dronov/ (дата обращения: 27.09.2020).

[2] Там же.

[3] Залетевшие в запретную зону дроны будут уничтожать [Электронный ресурс] // Доступ с официального сайта «Электронное периодическое издание «Парламентская газета». URL: https://www.pnp.ru/social/zaletevshie-v-zapretnuyu-zonu-drony-budut-unichtozhat.html (дата обращения: 29.09.2020).

[4] Запретные полеты в зону [Электронный ресурс] // Доступ с официального сайта «Интернет-портал «Российская газета». URL: https://rg.ru/2017/09/26/reg-skfo/v-nalchike-muzhchina-pytalsia-peredat-narkotiki-v-tiurmu-s-pomoshchiu-drona.html (дата обращения: 30.09.2020).

В г. Москве специально формируют комплексы беспилотников для борьбы со злоумышленниками, которые используют дроны. Так, руководитель департамента региональной безопасности и противодействия коррупции столицы, Владимир Черников, пояснил, что первые аппараты уже поступили в распоряжение полиции. Эксперты отмечают: «Чтобы успешно справляться с криминальными беспилотниками, нужно также создать инфраструктуру для их обнаружения»[1].

Однако, прежде чем обезвредить беспилотник, его нужно найти. Для этого потребуется развитая инфраструктура обнаружения. Сейчас в г. Москве тестируют систему, датчики которой установлены на Останкинской телебашне. Они распознают запуск коптеров по радиосигналу. Кроме того, в Правительстве разработан законопроект, разрешающий правоохранительным органам уничтожать дроны, обнаруженные в аэропортах, над охраняемыми объектами, в местах массовых и публичных мероприятий[2].

Так, например, официальные приложения пилотирования для летательных аппаратов DJIGo, DJIGO4 и DJI Fly имеют широкий функционал[3]. С их помощью можно управлять настройками камеры, выбирать режимы съемки, отслеживать статистику полетов и состояние устройства в полете и на земле, и даже редактировать и создавать клипы по готовым шаблонам. В случае изъятия модели коптера, управляемого с помощью описанных приложений и используемого в преступлении, необходимо произвести его осмотр с участием специалиста или назначить и провести компьютерно-техническую экспертизу с целью получения полной информации из его физического образа, журналов полетов, а также из мобильных приложений и их облачных сервисов, с помощью которых могло вестись управление БПЛА.

Приведенные выше случаи показывают, насколько часто в последнее время дроны используются для совершения противоправных действий, в том числе и на территории Российской Федерации. При расследовании такой категорий преступлений большую роль играет своевременные исследование, фиксация и изъятие криминалистически значимой информации как из самих БПЛА, так и их приложений для мобильных устройств.

---

[1] Дрон захвачен: в Москве начнут бороться с коптерами-нарушителями [Электронный ресурс] // Доступ с официального сайта «Интернет-портал «Российская газета». URL: https://iz.ru/827436/vitalii-volovatov/dron-zakhvachen-v-moskve-nachnut-borotsia-s-kopterami-narushiteliami (дата обращения: 30.09.2020).

[2] О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 2 декабря 2019 г. № 404-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2019. № 49 (части I-V). Ст. 6963.

[3] DJI GO vs. DJI Fly: в чем разница и что лучше [Электронный ресурс] // Доступ с сайта «DJI Гид покупателя». URL: https://www.djimsk.ru/guides/2020/08/11/dji-go-vs-dji-fly-v-chem-raznica/ (дата обращения: 30.09.2020).

Мотин Анатолий Владимирович,
кандидат юридических наук,
адвокат Самарской коллегии адвокатов

О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками

Оптимизация процессов дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности посредством квалифицирующих признаков предполагает не только исключение или коррекцию некоторых обстоятельств, не отвечающих требованиям теории, но и напротив, включение в закон новых и расширение практики использования имеющихся квалифицирующих признаков.

В качестве перспективного направления дифференциации уголовной ответственности следует назвать вытекающий из конституционных обязательств государства курс на усиленную защиту интересов семьи, детей, семейных и детско-родительских отношений[1]. Применительно к проблематике дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности он непосредственно связан с обсуждением одного из острых вопросов уголовной политики – о возможности и целесообразности усиления уголовной ответственности в случае совершения преступлений против членов семьи.

В науке на этот счет высказаны различные суждения. Некоторые авторы, сознавая повышенную опасность внутрисемейных преступлений, полагают достаточным для реагирования на их дополнить список обстоятельств, отягчающие наказание в ст. 63 УК РФ самостоятельным пунктом: «совершение насильственного преступления в отношении члена семьи»[2]. Другие идут дальше, обосновывая, наряду с этим необходимость включения соответствующего обстоятельства в качестве квалифицирующего признака в некоторые составы преступлений против личности (ч. 2 ст. 105, ч. 2 ст. 111, ч. 2 ст. 112, ч. 2 ст. 117, ч. 2 ст. 119 УК РФ)[3].

Однако эти предложения встречают критику, в том числе со стороны специалистов в области семейной криминологии. Так, например, Д.А. Шестаков пишет: «Создание преимуществ или ограничений в

---

[1] См. об этом, например: Харламов В.С. Теория и практика противодействия преступному насилию в семье (системное криминологическое и уголовно-правовое исследование): автореф. дисс. ...д-ра юрид. наук. СПб., 2019.

[2] Фатеев А.Н. Домашнее насилие: опыт криминологического исследования: автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. М., 2006. С. 10.

[3] Пономарев П.Г., Борбат А.В., Ильяшенко А.Н. Насильственная преступность в семье: меры предупреждения // Российский следователь. 2002. № 2. С. 25; Ильяшенко А.Н. Противодействие насильственной преступности в семье: уголовно-правовые и криминологические аспекты: автореф. дисс. … д-ра юрид. наук. М., 2003. С. 16.

уголовно-правовой защите интересов представителей того или другого пола нарушило бы закрепленное в Конституции РФ (ст. 19) равенство прав человека и потому в принципе не должно иметь места. … Мы отрицательно оцениваем как само намерение усилить ответственность, так и введение названных отягчающих – общих и квалифицирующих – обстоятельств. Вообще усиливать и без того жесткое современное законодательство дальше некуда, да это противоречило бы общей тенденции его развития, было бы регрессом уголовного права, тянуло бы его назад» [1] . Ему вторит В.И. Шахов: «сам факт совершения насильственного преступления в отношении члена своей семьи безосновательно расценивать как обстоятельство, отягчающее (равно как и смягчающее) наказание. Предложения об усилении уголовного наказания за насилие в семье не может основываться только лишь на нравственно-этических позициях, либо оправдываться ссылкой на распространенность указанного явления»[2].

Каждая из этих позиций имеет свою систему аргументации и свои «слабые позиции». Представляется, что истина, как всегда, расположена между этими крайними позициями. С одной стороны, законодатель, не может игнорировать опасность внутрисемейного насилия, а с другой стороны, не должен формулировать квалифицирующий признак, исходя из формального наличия семейных отношений между преступником и жертвой. Специфика квалифицирующих признаков, отражающих опасность внутрисемейного насилия, должна предполагать учет: факта наличия семейных отношений, зависимого и беспомощного состояния жертвы, причинения вреда дополнительным общественным отношениям, поставленным под охрану уголовного закона, особую безнравственность и аморальность деяния. Исходя из этого, полагаем, что на роль обстоятельства, дифференцирующего ответственность, может претендовать лишь определенная разновидность семейных отношений, а именно – отношения детско-родительские. Совершение преступления родителями или заменяющими их лицами против детей, равно как и совершение преступления детьми против собственных родителей или лиц, выполняющих внутри семьи воспитательные функции, в полной мере отвечает основным параметрам квалифицирующего признака в преступлениях против личности.

---

[1] Шестаков Д.А. Внутрисемейные насильственные преступления: уголовно-правовой аспект // Правоведение. 2001. № 2. С. 168.

[2] Шахов В.И. К вопросу об ответственности за внутрисемейные насильственные преступления // Право: Теория и Практика. 2003. № 4. С. 59–62. Этой позиции придерживаются и иные специалисты, см., напрмиер: Мамбетов Р.Я. Криминологические и уголовно-правовые проблемы защиты прав и интересов женщин в России: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. М., 2009.

Как показывает исследование, наука давно и настойчиво предлагает законодателю реализовать идею усиления ответственности за преступления, совершаемые при таких обстоятельствах. Определенным откликом на этот призыв может служить ряд рассматриваемых в парламенте законопроектов, которыми, в частности предлагалось:

– дополнить ч. 4 ст. 133, ч. 3 ст. 134 УК РФ и ч. 3 ст. 135 УК РФ квалифицирующим признаком: «то же деяние, совершенное родителем или иным лицом, на которое законом возложены обязанности по воспитанию несовершеннолетнего (несовершеннолетней), а равно педагогом или другим работником образовательного, воспитательного, лечебного либо иного учреждения, обязанным осуществлять надзор за несовершеннолетним (несовершеннолетней)»[1];

– дополнить ч. 2 ст. 115, ч. 2 ст. 116, ч. 2 ст. 117 квалифицирующим признаком «совершение деяния в отношении родственников или лиц, ранее состоявших с виновным в родственных отношениях»[2].

Однако эти законопроекты либо были сняты с рассмотрения, либо приняты в редакции, исключающей усиление ответственности родителей за преступления против детей. Объяснить такую позицию исключительно редакционными неточностями законопроектов, а также ссылками на наличие в УК РФ признаков, позволяющих в полной мере оценить особенности совершения преступления родителем против ребенка (в частности, малолетние, беспомощность и зависимость жертвы) в полной мере нельзя. Надо отметить, некоторые специалисты предлагают вменять ст. 156 УК РФ в тех случаях, когда жестокое обращение с детьми было

[1] Законопроект № 108017-3 «О внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации (об усилении уголовной ответственности за нравственное растление, сексуальное совращение и эксплуатацию несовершеннолетних). Зарегистрирован 28.06.2001. Электронный ресурс: https://sozd.duma.gov.ru/bill/108017-3 (дата обращения: 12.04.2020); Законопроект № 136215-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних и противодействия изготовлению и обороту порнографической продукции». Зарегистрирован 05.12.2008. Электронный ресурс: https://sozd.duma.gov.ru/bill/136215-5 (дата обращения: 12.04.2020); Законопроект № 349188-5 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних». Зарегистрирован 26.03.2010. Электронный ресурс: https://sozd.duma.gov.ru/bill/349188-5 (дата обращения: 12.04.2020).

[2] Законопроект № 665512-6 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации (в части установления повышенной ответственности за преступления, предусмотренные статьями 115-117 УК РФ, совершенные в отношении родственников или лиц, ранее состоявших с виновным в родственных отношениях)». Зарегистрирован 01.12.2014. Электронный ресурс: https://sozd.duma.gov.ru/bill/665512-6 (дата обращения: 12.04.2020).

связано с сексуальным насилием над несовершеннолетним[1]. К такому решению в известной мере располагает конструкция ст. 156 УК РФ, содержащая сложный для комментирования оборот «если это деяние соединено» с жестоким обращением. Это позволяет в известной степени вынести за рамки состава само жестокое обращение и квалифицировать любое преступление, свидетельствующее о жестокости по отношению к ребенку, по совокупности со ст. 156 УК РФ. К этому призывает и Е.В. Пейсикова, требуя квалификации по совокупности по ст. 156 УК РФ даже случаев причинения несовершеннолетнему легкого вреда здоровью, которые, исходя из санкций, заведомо менее опасны, чем неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Однако такое решение, во-первых, не является универсальным, хотя бы потому, что побои в условиях нынешнего законодательства по-прежнему остаются частью состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, а следовательно, «жестокое обращение», по закону хотя и «соединенное» с неисполнением обязанностей, остается все частью этого неисполнения; а во-вторых, не подтверждается практикой применения уголовного закона, которая не склонная применять ст. 156 УК РФ ко всем случаям совершения сексуальных или насильственных преступлений родителями против детей. Отталкиваясь от идеи, что соединенное с неисполнением обязанностей по воспитанию жестокое обращение находится за рамками состава преступления, предусмотренного ст. 156 УК РФ, можно, конечно, утверждать, что квалифицирующий признак, о котором мы рассуждаем, получил «прописку» в законе в качестве самостоятельного состава преступления. И потому любое насилие в отношении ребенка, которое совершается родителями или лицами, их заменяющими, всегда должно квалифицироваться по совокупности с преступлением, предусмотренных ст. 156 УК РФ Но такое решение и не является оправданным с точки зрения теории, и не находит реального подтверждения в правоприменительной практике.

Имеющиеся квалифицирующие признаки, прежде всего, в составах половых преступлений против детей не позволяют в должной мере отреагировать именно на факт семейной связи виновного и жертвы. Между тем должно быть очевидно, что в тех случаях, когда семья (место, где ребенок должен чувствовать себе в защищенности) превращается в источник сексуальных злоупотреблений, происходит не просто нарушение половой неприкосновенности несовершеннолетних, но и глубокая деформация охраняемых законом семейных отношений, грубое попрание конституционной обязанности родителей заботиться о безопасности и здоровье детей. В связи с этим полагаем, что *совершение преступления*

[1] См.: Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. В 4 т. Т. 2. Особенная часть. Разделы VII–VIII / отв. ред. В.М. Лебедев. М.: Юрайт, 2017. С. 164. (автор комментария – Е.В. Пейсикова).

родителями либо лицами, их заменяющими, увеличивая объем и вероятность причиняемого вреда и свидетельствуя об особой аморальности содеянного, должно предусмотреть в качестве квалифицирующих признаков преступлений, предусмотренных статьями 133, 134, 135 УК РФ.

Что касается включения рассматриваемого признака в разряд обстоятельств, квалифицирующих преступления против жизни и здоровья, то здесь вопрос должен решаться с учетом наличия в законе ст. 156 УК РФ, которая призвана охватить собой насилие в отношении детей со стороны родителей. При этом наиболее сложные проблемы в применении данного состава преступления состоят в том, чтобы решить, охватываются ли его рамками случаи разового применения насилия в отношении детей или же «неисполнение обязанностей» и «жестокое обращение» предполагают определенную продолжительность, систематичность в поведении виновного лица, а также в определении объема насилия, которое охватывается нормой и не требует квалификации по правилам совокупности. Как известно, по этому поводу существует широкая дискуссия в науке[1]. Нам в данном случае в большей степени импонирует взгляд на данное преступление как на деяние «растянутое во времени», требующее определенной системы поступков, некоторой общей линии поведения виновного, свидетельствующей о том, что субъект не исполняет или ненадлежащим образом исполняет обязанности по воспитанию. Единичные случаи применения насилия не укладываются в границы объективной стороны ст. 156 УК РФ, при условии, если они не сопровождаются иными обстоятельствами, свидетельствующими о ненадлежащем исполнении обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего. Равно как не укладываются в границы в ст. 156 УК РФ и такие систематические действия, которые свидетельствуют о большей общественной опасности содеянного (в частности, доведение до самоубийства, истязание). И тут возникает проблема учета детско-родительских отношений в качестве обстоятельства, отражающего повышенную общественную опасность содеянного. Если в ст. 111, 112 УК РФ она отчасти может быть решена за счет применения такого квалифицирующего признака, как «малолетние» и «беспомощность» жертвы, в ст. 110, 117 УК РФ – за счет признаков «несовершеннолетие», «беспомощность» и «зависимость», то ст. 115, 116 УК РФ не располагают инструментами для усиления ответственности. Применение во всех случаях для оценки особенностей детско-родительских отношений по

[1] См., например: Пудовочкин Ю.Е. Ответственность за преступления против несовершеннолетних по российскому уголовному праву. СПб: Юридический центр Пресс, 2002 С. 186–187; Западнова Ю.А. Неисполнение обязанностей по воспитанию несовершеннолетнего: уголовно-правовой и криминологический аспекты: дисс. … канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2018. С. 74.

правилам совокупности ст. 156 УК РФ также невозможно. Во-первых, насилие, описанное в ст. 115 и ст. 116 УК РФ полностью охватывается ст. 156 УК РФ (исходя их применения так называемого «санкционного подхода»); во-вторых, применение ст. 156 УК РФ по совокупности со ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ вызывает серьезные вопросы с точки зрения соблюдения принципа «не дважды за одно»[1].

Не обсуждая в данный момент качество предписания, содержащегося в ст. 156 УК РФ, его социальную направленность и границы применения, в качестве «первой линии» в решении проблемы представляется необходимым в п. «б» ч. 2 ст. 111 УК РФ и в п. «б» ч. 2 ст. 112 УК РФ слово «малолетнего» заменить на «несовершеннолетнего» и дополнительно отразить возможность зависимых отношений виновного и жертвы, то есть *необходимо унифицировать квалифицирующие признаки, отражающие беспомощное состояние жертвы в ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ по типу «совершение деяния в отношении несовершеннолетнего или лица, заведомо для виновного находящегося в беспомощном состоянии либо в материальной или иной зависимости от виновного*». В качестве «второй линии» требуется решить вопрос о том, повышается ли принципиально степень общественной опасности данных преступлений в случае совершения их родителями против детей в условиях, когда отсутствуют признаки систематического неисполнения или ненадлежащего исполнения обязанностей по воспитанию (поскольку при наличии такой систематичности содеянное всегда будет требовать оценки по правилам совокупности со ст. 156 УК РФ). На наш взгляд, *ценность здоровья в данном случае намного «перевешивает» ценность детско-родительских отношений и потому между фактами единичных случаев причинения вреда здоровью несовершеннолетнему родителями либо иными лицами нет принципиальной уголовно-правовой разницы*. Увеличение объема применяемых к родителям мер в данном случае способно обеспечить применение положений Семейного кодекса РФ о возможности лишения таких родителей родительских прав (а равно, если речь идет о профессиональных воспитателях – положений Трудового кодекса, позволяющих расторгнуть трудовой договор). В силу этого, отражение факта именно детско-родительских отношений в ст. 110, 111, 112, 117 УК РФ нецелесообразно.

[1] Интересное решение этой проблемы содержится в ст. 260-1 УК Китая, где в части первой установлена ответственность за жестокое обращение с опекаемыми лицами безотносительно причинения вреда их здоровью, а в части третьей сделана специальная оговорка о том, что жестокое обращение, содержащее состав другого преступления, наказывается по санкции за более тяжкое из преступлений. См.: Уголовный кодекс Китая / под ред. А.И, Коробеева, А.И, Чучаева; пер. с кит. Хуан Даосю. М.: Контракт, 2017. С. 123.

Развивая и поддерживая законодательную линию дифференциации уголовной ответственности за преступления против личности, совершенные в отношении наиболее уязвимых и потому подлежащих особой охране лиц, стоит обратить внимание на имеющиеся в законе *резервы в части усиления ответственности за насильственные преступления совершаемые в отношении женщины, находящейся в состоянии беременности*. Законодатель использует соответствующий квалифицирующий признак в ст.ст. 105, 110, 110.1, 117, 126, 127, 127.1 УК РФ. Однако в отсутствие логического и социально-криминологического основания не использует его для усиления ответственности лиц, причиняющих побои, легкий, средней тяжести и тяжкий вред здоровью, осуществляющих эксплуатацию рабского труда. Такое положение вещей, как представляется, нуждается в корректировке за счет расширения спектра квалифицирующих признаков в соответствующих статьях УК РФ.

Следующим актуальным направлением активизации защиты интересов личности от преступных посягательств является надлежащая реакция законодателя на негативные последствия процессов информатизации и компьютеризации, которые сопровождаются переходом части преступлений в виртуальное пространство и использованием средств компьютерной коммуникации для причинения вреда.

Законодатель, надо признать, включил соответствующий квалифицирующий признак в ряд составов преступлений против личности. Хотя при этом и нарушил принцип единообразия в формулировке данного признака. Если в ст.ст. 110, 110.1, 110.2, 151.2 УК РФ ответственность усиливается в случае совершения преступления «в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении, средствах массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть интернет)», то в ст. 128.1 УК РФ усилена ответственность за клевету, содержащуюся лишь в публичном выступлении, публично демонстрирующемся произведении или средствах массовой информации. Оснований для отказа в дифференциации ответственности за клевету в информационно-телекоммуникационных сетях (включая сеть интернет), как представляется, нет. Потому, если законодатель посчитал необходимым специально оговорить информационные сети при описании рассматриваемого признака в одних статьях (хотя при надлежащем толковании понятия «публичность» этого можно было и не делать), то он обязан был сделать это и во всех остальных ситуациях использования данного признака.

Однако анализ показывает, что возможности для дифференциации уголовной ответственности посредством исследуемого признака не исчерпаны в полной мере. Способ совершения преступления, отраженный в признаке «публичность» (в предлагаемой ст. 110 УК РФ трактовке) свидетельствует о большей вероятности причинения вреда объекту

уголовно-правовой охраны за счет широкого и неконтролируемого оборота информации. Соответственно, он должен найти отражение, в первую очередь, в ряду квалифицирующих признаков тех преступлений, которые предполагают информационное воздействие на личность.

Законодателем была предпринята попытка установить данный признак в ч. 3 ст. 133 УК РФ[1]. Однако она не увенчалась успехом, как представляется, по той очевидной причине, что публичность в случае принуждения к действиям сексуального характера не является типичным признаком преступления, которое совершается, во-первых, без широкой огласки, а во-вторых, не способно причинить вред объекту охраны за счет нецеленаправленного широкого информационного воздействия. Гораздо больше оснований для внедрения рассматриваемого признака в закон предоставляет преступление, предусмотренное ст. 135 УК РФ – развратные действия. В своем постановлении от 04.12.2014 № 16. Посвященного вопросам квалификации половых преступлений, Пленум Верховного Суда РФ обращает внимание, что развратные действия могут быть совершены с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть Интернет. В настоящее время в условиях тотальной компьютеризации общества, практически повсеместностью сети Интернет и общедоступностью Интернет-ресурсов (чат, электронная почта, Skype, социальные сети, сайты знакомств, форумы, программы, обеспечивающие текстовую, голосовую и видеосвязь через Интернет между компьютерами, смартфонами и планшетами), сложной контролируемостью телекоммуникационных сетей, удаленное совершение развратных действий стало весьма распространенным явлением, способным беспрепятственно «войти» в любой дом. Все это позволяет преступнику свободно выбрать жертву, поддерживать длительный и интенсивный обмен информацией сексуального содержания, охватить большое количество несовершеннолетних, пользоваться практически неограниченным доступом подростков к Интернет-ресурсам, их любопытством и беззащитностью в интернет-пространстве, оставаться анонимным и безнаказанным. Данные *факты со всей очевидностью свидетельствуют о повышенной степени общественной опасности совершения бестелесных развратных действий с использованием сети Интернет и иных информационно-телекоммуникационных сетей и, следовательно, необходимости предусмотреть указанный способ как квалифицирующий признак состава*.

[1] Законопроект № 388776-7 «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации в части совершенствования механизмов борьбы с преступлениями против половой неприкосновенности несовершеннолетних». Зарегистрирован 14.02.2018. Электронный ресурс: https://sozd.duma.gov.ru/bill/388776-7 (дата обращения: 12.04.2020).

Еще один состав преступления, при выполнении которого объем причиняемого вреда объекту охраны увеличивается в случае совершения деяния публично, с использованием средства массовой информации или коммуникации, – это угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью. Такие деяния оказывают не только особое психотравмирующее воздействие на личность потерпевшего, маскируя в ряде случаев источник угрозы и обеспечивая его анонимность, но вызывают специфическое дестабилизирующее воздействие на общественный порядок и безопасность, способствуя созданию атмосферы всеобщего страха. К тому же они нарушают установленный порядок оборота и предоставления информации, работы средств массовой информации, свидетельствуют о злоупотреблении в использовании интернет-технологий. В связи с этим *совершение преступления публично, с использованием средств массовой информации или информационно-телекоммуникационных сетей должно стать обстоятельством, дифференцирующим ответственность за угрозу убийством или причинением тяжкого вреда здоровью*.

Содержит резервы для совершенствования и система квалифицирующих признаков похищения человека (ст. 126 УК РФ). Пленум Верховного Суда РФ в официальном толковании данной нормы указал, что «по смыслу уголовного закона под похищением человека следует понимать его незаконные захват, перемещение и последующее удержание в целях совершения другого преступления либо по иным мотивам, которые для квалификации содеянного значения не имеют»[1]. Такая трактовка очевидно расходится с буквальным текстом закона, который выделил корыстный мотив в разряд квалифицирующих признаков преступления (п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ). Корыстные мотивы похищения, по мысли законодателя, повышают опасность преступления, а если эти мотивы реализуются дополнительно в требованиях передачи имущества как условия освобождения похищенного, то все содеянное подлежит квалификации по совокупности преступлений (п. «з» ч. 2 ст. 126 УК РФ и соответствующая часть ст. 163 УК РФ). В связи с этим возникает закономерный вопрос: обладают ли одинаковой опасностью случаи похищения человека, совершаемые в целях сокрытия или облегчения иного преступного деяния, не связанного с корыстью. Вопрос о том, как квалифицировать преступление против личности (например, убийство, изнасилование), если ему предшествовало похищение жертвы, является одним из дискуссионных. Высшая судебная инстанция в упомянутом постановлении Пленума указала (п. 10): «В случаях, когда захват и перемещение человека были направлены не на удержание потерпевшего в другом месте, а на его убийство, содеянное квалифицируется по

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.12.2019 № 58 «О судебной практике по делам о похищении человека, незаконном лишении свободы и торговле людьми» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 3.

соответствующей части статьи 105 УК РФ и дополнительной квалификации по статье 126 УК РФ не требует». Это правило, по-видимому, применимо и иным ситуациям совершения преступлений против похищенных лиц. Однако уже в п. 15 постановления значится: «В случаях, когда купле-продаже человека либо совершению с ним иных действий, относящихся к торговле людьми, предшествовало похищение данного лица, содеянное образует совокупность преступлений, предусмотренных соответствующими частями статьи 126 и статьи 127.1 УК РФ». Объяснить противоречие можно, скорее всего тем, что при убийстве Пленум рассматривает похищение человека в качестве элемента применяемого в отношении жертвы насилия. Но такое понимание создает крайне сложные проблемы в квалификации деяний. Получается, к примеру, в случае совершения группового преступления, лицо, похитившее жертву и доставившее ее к месту убийства или к месту изнасилования, должно рассматриваться в качестве соисполнителя убийства или изнасилования, даже в случае, если оно не применяло насилия, непосредственно направленного на лишение жертвы жизни или участвовало в совершении полового сношения. Такая квалификация видится сомнительной. Похищение человека, которое согласно закону, может быть ненасильственным, при совершении которого опасное для жизни или здоровья насилия увеличивает объем ответственности, не может по логике вещей расцениваться в качестве проявления насилия при совершении иных преступлений. Представляется, что более обоснованное и оптимальное решение проблемы содержалось в одном из проектов цитированного постановления, согласно которому «Если виновное лицо посредством похищения человека или незаконного лишения его свободы создало условия для совершения другого преступления (например, для убийства, изнасилования, вымогательства и др.), содеянное им образует совокупность преступлений, предусмотренных статьей 126 УК РФ или статьей 127 УК РФ и статьей УК РФ о соответствующем преступлении».

Но здесь возникает другой вопрос: насколько обоснованно охватывать по общему правилу одной часть статьи 126 УК РФ (частью первой) случаи похищения человека, преследующие цель совершения иного преступления и не преследующие такой цели. Несправедливость ситуации видится нам воочию. Указанная цель отражает особую мотивацию преступника, его ориентацию на выполнение сложносоставных, а потому заранее обдуманных, намеренных действий, она же свидетельствует о глубокой безнравственности виновного. К тому же похищение человека в целях совершения иного преступления значительно облегчает возможность совершения этого «иного» посягательства и увеличивает как вероятность, так и объем причиняемого интересам личности вреда. В этой связи представляется, что *в ст. 126 УК РФ необходимо дифференциация ответственности за похищение человека, совершенное с целью скрыть или облегчить совершение иного преступления*.

Мырзаш Мухтар Маратулы,
аспирант
Самарского национального исследовательского университета
имени академика С.П. Королева

Модель продуктивного уголовного наказания несовершеннолетних в целях ресоциализации

Проблема ресоциализации несовершеннолетних осужденных признается важнейшей проблемой государства и общества. Наказание несовершеннолетних без их ресоциализации не даёт ожидаемых результатов и не удовлетворяет ни носителей государственной власти, ни представителей гражданского общества. По данным портала правовой статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации, с 2016 по 2019 гг. преступность среди несовершеннолетних снизилась, это подтверждается снижением числа уголовных дел по преступлениям с участием несовершеннолетних: с 3 913 до 2 676. При этом никто не отрицает высокую латентность преступлений с участием несовершеннолетних.

Комплексные исследования вопросов уголовного права, уголовно-исполнительного права и криминологии, относящихся к институту ресоциализации несовершеннолетних, в российской юридической науке еще не осуществлялись.

В государстве и обществе по-прежнему популярно понимание наказания, в том числе в отношении несовершеннолетних, с точки зрения возмездия. Г. Гегель, который с полным правом считается автором теории диалектического возмездия, писал: «Как в обычной науке предполагается, что дифиницию определения следует брать из всеобщего представления, основанного на психологическом опыте сознания, то этот опыт, несомненно, показал бы, что вызванное преступлением всеобщее чувство народов и индивидов гласит и всегда гласило, что преступление всегда заслуживает наказания и что с преступником следует поступать так же, как поступил он»[1]. Г. Гегель устанавил подобную ценность наказания как непротиворечащую системе принципов наказания (принципа правомерности – нет наказания без преступления; принципа законности – нет наказания без закона; принципа публичности – наказание применяется только от имени государства по приговору суда; принципа виновной ответственности – подлежит наказанию только лицо, признанное виновным в совершении преступления; принципа соразмерной ответственности – нельзя наказывать дважды за одно и то же; принципа гуманизма – наказание не может иметь целью причинение физических

[1] Гегель Г.Ф.В. Философия права. М.: Мысль, 1990. С. 149.

страданий или унижение человеческого достоинства; и пр.)[1]. Г. Гегель в своих трудах также заключил: если человек своим поступком совершает преступление, и это преступление несет в себе общественную или индивидуальную опасность, то такое преступление нуждается в ответной реакции со стороны общества, то есть в наказании. Именно преступник дает свое согласие на наказание, ибо это согласие выражается в его поступке.

Известна и другая, противоположная позиция, в соответствии с которой наказание не признается ни целесообразной, ни полезной реакцией на преступление. В современной криминологии выразителем этого мнения является И.Я. Гилинский, который пишет, что все мировое криминологическое сообщество крайне обеспокоено «кризисом наказания», неэффективностью его традиционных форм и, прежде всего, лишения свободы: «Тюрьма еще никого не исправляла, а вот искалечить (нравственно, психически и физически), повысить криминальную профессионализацию – да»[2].

Конечно, не стоит переоценивать функциональные возможности наказания. Вместе с тем, в отношении несовершеннолетних преступников, очевидна опасность безнаказанности, когда развивается правовой нигилизм и ослабляется мотивация соблюдения уголовно-правовых запретов.

В современном обществе есть запрос на ответственность несовершеннолетних за совершенные преступления, сопряженную с наказанием в целях ресоциализации.

Так, в 2017 г. кафедрой уголовного права и криминологии Самарского национального исследовательского университета имени академика С.П. Королева был проведен опрос 112 экспертов из государственных и негосударственных учреждений, для выявления факторов, способствующих и препятствующих эффективной ресоциализации осужденных в рамках проекта «Дорожная карта ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывающих уголовное наказание и освобождение от него (2018–2021 гг.)», подготовленного с использованием гранта Президента Российской Федерации на развитие гражданского общества, предоставленного Фондом президентских грантов. Географию проекта составила Самарская область, включая: Волжский и Красноярский муниципальные районы, городские округа Самары, Тольятти, Сызрани и Кинеля. Проект преследовал цель выработки механизмов эффективного

[1] Безверхов А.Г. Понятие наказания в уголовном законодательстве России // Юридический вестник Самарского университета. Т. 4. 2018. № 2. С. 27.

[2] Гилинский Я.И. Преступность и социальный контроль над ней в современном обществе постмодерна: взгляд криминалиста // Криминалистъ. 2016. № 1 (18). С 5.

сотрудничества представителей государства и гражданского общества по направлению ресоциализации лиц, осуждавшихся за преступления.

По нашему мнению, поддержание государством такого рода социального проекта означает политическое движение, с одной стороны, на социализацию осужденных, с другой стороны, на активизацию взаимодействия государства и общества в борьбе с преступностью. Тем более, что, по заключению экспертов, общественный запрос на это есть. Эксперты единодушно указали, что до настоящего времени: «Нет внятной государственной политики в области адаптации лиц, отбывающих уголовное наказание и освобожденных от него», «Нет четкой программы реабилитации», «Отсутствует государственная программа по возвращению лиц, совершивших преступления, в общество», «Отсутствует необходимое нормативно-правовое регулирование», «Отсутствует федеральные целевые программы постпенитенциарной реабилитации», «Проблема в законодательстве до и после освобождения осужденных», «Нет комплексного подхода к ресоциализации бывших заключенных»[1].

В самом деле, законодатель не выделяет цель ресоциализации преступников, и в правоприменительной практике наказание назначается и исполняется не по принципу заботы об осужденном.

Целью ресоциализации является исправление преступника и его интеграция в общество. Л.И. Беляева пишет, что исправление и перевоспитание несовершеннолетнего осуществляется с тем, чтобы несовершеннолетний мог вернуться к активной социальной значимой и полезной жизни. Но противоправное поведение, как водится, связано во многом с разрушением социально-полезных связей, свойственных возрасту: семейных, учебных, досуговых и прочих. В интересах несовершеннолетнего, развития его личности – восстановление этих связей, то есть ресоциализация ребенка, возвращение его к активной социальной жизни. И меры, альтернативные наказанию, и наказание не могут применяться в каких-то других интересах[2].

Необходимо учитывать, что ресоциализация несовершеннолетних является длительным процессом, с применением гуманных методов психологического воздействия, с включением квалифицированных кадров, осуществляющих свою деятельность не только в органах исполнительной власти, включая ФСИН России и МВД России, а также представителей гражданского общества.

---

[1] Кленова Т.В., Щукина Н.П., Адоевская О. А. О дорожной карте ресоциализации и реального включения в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобожденных от него // Вестник Самарского юридического института. 2017. № 4. С 26.

[2] Беляева Л.И. К вопросу об уголовной ответственности несовершеннолетних // Российский следователь. 2014. № 21. С. 12.

Ввиду неэффективности традиционного наказания в виде лишения свободы, возникает необходимость поиска альтернативных мер наказаний. Ближайшей альтернативой являются наказания с трудовым воздействием на осужденных. Под альтернативными наказаниями, связанными с трудовым воздействием, следует понимать основные наказания, не сопряженные с изоляцией от общества, содержание которых составляют трудовое воздействие и (или) ограничение трудовых прав, соответствующие материальные правоограничения, а также морально-психологическое влияние на осужденных, применяемые в целях восстановления социальной справедливости, исправления и ресоциализации осужденного, предупреждения совершения им новых преступлений[1]. Согласно ч. 1 ст. 88 УК РФ, видами наказания с трудовым воздействием, применяемыми к несовершеннолетним, являются обязательные и исправительные работы.

Л.С. Голубничая утверждает: «Понятие личности преступника неразрывно связано с понятием личности в целом. Личность – это относительно устойчивая, динамическая, социально-обусловленная совокупность духовных, общественно-политических и морально-волевых качеств человека, сознание и поступки которого характеризуются определенной степенью социальной зрелости и стремлением проявить свою индивидуальность, индивидуальные особенности. В свою очередь, личность преступника – это совокупность негативных личностно-структурных психических качеств, характерных для преступников определенной криминальной направленности»[2]. С этим утверждением не в полной мере можно согласиться, поскольку не только для несовершеннолетних преступников, но и для других несовершеннолетних свойственны асоциальные качества, отрицательное отношение к общепринятым социальным ценностям, и не всегда они обусловливают совершение преступления. Ввиду психологических и физиологических особенностей, несовершеннолетние проходят сложный период жизни. Подростковый возраст – по-своему опасный период формирования личности, связанный с процессом взросления.

Учитывая особенности личности несовершеннолетнего преступника, наиболее иллюстративной для проблемы ресоциализации является педагогическая система А.С. Макаренко, ориентированная на работу с «трудными» подростками в закрытых учебно-воспитательных учреждениях. Ключевая идея данной педагогической системы лежит в основе воспитания в коллективе и через коллектив, с вовлечением в полезный труд. «Коллектив – это социальный организм в здоровом

[1] Идрисов И.Т. Альтернативные наказания, связанные с трудовым воздействием на осужденных / под ред. Т.В. Кленовой. М.: Юрлитинформ, 2018. С. 208.

[2] Голубничая Л.С. Криминологическая характеристика личности несовершеннолетнего преступника // Амурский научный вестник. 2015. № 1. С. 158.

человеческом обществе», – указывал мастер-воспитатель [1]. Коллектив объединяет несовершеннолетних общей целью, общим трудом, общей организацией труда, имеет свои органы управления, свою структуру, полномочия, ответственность.

До настоящего времени пределы применения к осужденным мер трудового воздействия устанавливаются, исходя из Всеобщей декларации прав человека от 1948 г., Конвенции МОТ № 29 от 28 июля 1930 г. «Относительно принудительного или обязательного труда», Конвенции МОТ № 105 от 1957 г. «Об упразднении принудительного труда», Минимальных стандартах правил ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Минимальных стандартных правил ООН, касающихся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). Применение альтернативных мер наказаний регулируется специальными нормами национального уголовного и уголовно-исполнительного законодательства.

При этом Конституция Российской Федерации предусмотривает, что права и свободы человека и гражданина могут быть ограничены федеральным законом только в той мере, в какой это необходимо для достижения установленных в ч. 3 ст. 55 целей. Исходя из этого, необходимо разработать в юридической доктрине систему правил, предусматривающих пределы уголовно-правового принуждения, включая наказания с принудительным трудом, на несовершеннолетних преступников с установлением ближайших и конечных целей воздействия.

Согласно ч. 1 ст. 37 Конституции Российской Федерации труд свободен. Каждый имеет право свободно распоряжаться своими способностями к труду, выбирать род деятельности и профессию. Вместе с тем ч. 2 ст. 37 Конституции указывает, что принудительный труд находится под запретом. Обратим внимание на ст. 4 Трудового Кодекса Российской Федерации, которая излагается в следующей редакции: «Для целей настоящего Кодекса принудительный труд не включает в себя работу, выполняемую вследствие вступившего в законную силу приговора суда под надзором государственных органов, ответственных за соблюдение законодательства при исполнении судебных приговоров». В то же время ст. 8 УИК РФ закрепляет принцип соединения наказания с исправительным воздействием. Можно заключить, что наказания, связанные с трудовым воздействием, на законных основаниях предусматривают соответствующие правоограничения и соответствуют целям ресоциализации.

Как верно замечает К. Глой: «В отличие от «объекта» естественных наук… феномен наук о духе принимается как целое и во внутреннем

[1] Цит. по: Головина М.С. Аксиологический подход в формировании ценностных ориентаций подростков, осужденных к наказанию без лишения свободы // Педагогическое образование в России. 2012. № 4. С. 159.

процессе истолкования становится предметом понимания во всей своей полноте. Его индивидуальный смысл не устанавливается с самого начала и раз и навсегда, но открывается только в бесконечном процессе, так что единственность и индивидуальность тождественны с бесконечностью процесса истолкования. Обобщая, можно было бы сказать: феномен есть не что иное, как процесс его понимания»[1].

Понимая сильные и слабые стороны подхода государства к реализации альтернативных наказаний, необходимо: 1) развивать нормативно-правовую базу, предусматривающую цели осуществления альтернативных наказаний, расширяющую сферу применения альтернативных наказаний, закрепляющую баланс мер поощрений и взысканий; 2) улучшить организацию и управление службами исполнения наказаний; 3) обеспечить должное финансирование исполнения альтернативных наказаний; 4) провести обучение по специальной программе представителей государства и гражданского общества, включенных в процесс ресоциализации осужденных к наказаниям, связанным с трудовым воздействием; 5) разработать специальные проекты альтернативных наказаний для несовершеннолетних и других групп осужденных, нуждающихся в дополнительной поддержке; 6) осведомить общественность о практике применения альтернативных наказаний.

Важной составляющей процесса ресоциализации является усиление эффекта морально-нравственного воздействия на сознание несовершеннолетних осужденных со стороны общества – семьи, родственников, соседей, друзей и других лиц. Отбывая наказание в среде законопослушных граждан, взаимодействуя с ними в процессе труда, осужденный будет вынужден принять установленные правила общества, в котором он находится.

Необходимо признать, что принятие доктрины применения альтернативных мер наказаний к несовершеннолетним несет в себе определенные риски как для государства и ее представителей, гражданского общества, так и для самого осужденного. Риск заключается в том, что осужденный несовершеннолетний имеет отрицательные характеристики личности, подтверждающие его готовность к новым преступлениям. Кроме того, несовершеннолетний может не иметь трудовых навыков, трудовой дисциплины, или вообще не приспособлен к физическому труду.

При отправлении правосудия суд оценивает характер и степень общественной опасности совершенного преступления, личность преступника, реальные возможности исполнения наказания, которые включают в себя: отсутствие инвалидности или иных физических

[1] Глой К. Проблемы последнего обоснования динамических систем // Вопросы философии. 1994. № 3. С. 97.

ограничений у осужденного; его психологическое здоровье; отсутствие наркологической и алкогольной зависимости; возраст; пол; семейное положение; отношение к труду или учебе; отношение к военной службе и другие. Каждое наказание – индивидуальное. Полагаем, что вид и характер трудового воздействия на несовершеннолетнего, сопряженного с его наказанием, должны быть согласованы с самим несовершеннолетним, иначе такое воздействие будет непродуктивным.

В процессе выполнения возложенных на осужденного обязанностей, присущих наказанию, закладываются основы дальнейшей ресоциализации. Осужденный получает возможность возместить причиненный ущерб потерпевшим. Также может заработать денежные средства для семьи или своих нужд. Однако, при отрицательных качествах личности осужденного и его нежелании трудиться рассматриваемые наказания с трудовым воздействием нецелесообразны, они даже будут способствовать ухудшению внутрисемейных отношений осужденного несовершеннолетнего.

Согласно п. 23 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 1 февраля 2011 г. № 1 «О судебной практике применения законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности и наказания несовершеннолетних» не рекомендуется судам назначать исправительные работы несовершеннолетним, которые обучаются по очной форме обучения, представляется, ввиду возникновения препятствия для успешной социализации в обществе такого осужденного.

Следует признать, что пределы применения наказаний с трудовым воздействием к несовершеннолетним обусловлены не только их личными качествами и состояниями, но и объективными обстоятельствами. Существенной проблемой применения к осужденным альтернативных мер наказаний являются сокращение специализированных рабочих мест, банкротство предприятий и другие факторы, которые создают препятствия в трудоустройстве. При отсутствии мест для исполнения судебного приговора сотрудники уголовно-исполнительной инспекции вынуждены возвращать в суд приговор суда с отметкой «без исполнения».

Модель продуктивного уголовного наказания несовершеннолетних в целях ресоциализации может быть представлена как система, включающая: оценку личности несовершеннолетнего как на стадии досудебного расследования, так и при отправлении правосудия судом; выбор наказания в виде общественных работ или исправительных работ с целью ресоциализации; психологическое и педагогическое воздействие на несовершеннолетних в период отбытия наказания; социальная реабилитация несовершеннолетних, освободившихся из мест лишения свободы; общеобразовательное и профессиональное обучение несовершеннолетних и другие возможности их ресоциализации после отбывания наказания. В связи с этим необходимо в работе с

несовершеннолетними осужденными задействовать многие государственные и негосударственные органы и организации, религиозные конфессии для достижения цели ресоциализации.

В связи с вышеизложенными обстоятельствами предлагается:

Первое. Предусмотреть меры досудебного контроля на стадии предварительного расследования путем сбора полной информации о лице, совершившем преступление, и его социальном окружении в целях оказания помощи суду при определении наиболее эффективного для данного лица наказания[1].

Второе. Назначать наказания, связанные с трудовым воздействием, с согласия несовершеннолетнего осужденного.

Третье. Применять педагогические и психологические меры воздействия на несовершеннолетних в целях ресоциализации и формирования положительного отношения к занятию общественно полезным трудом как в период наказания, так и после него.

Четвертое. Расширять влияние института общественного контроля – семьи, трудового коллектива, других представителей гражданского общества на несовершеннолетних осужденных в период исполнения наказания.

Пятое. Апробировать пилотные проекты по созданию специализированных гражданских организаций для исполнения наказаний с трудовым воздействием.

Полагаем, что предлагаемые меры помогут посредством альтернативных наказаний с трудовым воздействием обеспечить продуктивное наказание несовершеннолетних в целях ресоциализации.

[1] Идрисов И.Т. Включение наказаний, связанных с трудовым воздействием, в процесс ресоциализации // Ресоциализация и реальное включение в гражданское общество лиц, отбывших уголовное наказание и освобождение от него / под ред. Т.В. Кленовой. М: Юрлитинформ, 2019. С. 106.

Намнясева Виктория Вячеславовна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Возмещение причиненного ущерба как критерий эффективности судопроизводства

Одним из критериев эффективности уголовного судопроизводства и утверждения справедливости при отправлении правосудия, несомненно, является защита прав потерпевшего, возмещение причиненного преступлением ущерба, восстановление нарушенного преступлением общественного отношения, охраняемого законодательством. В соответствии со ст. 52 Конституции РФ государство обеспечивает потерпевшим от преступления компенсацию причиненного ущерба. Одной из гарантий данного конституционного положения является совокупность уголовно-правовых норм, регламентирующих вопросы компенсации вреда, причиненного преступлением. О важности данной проблемы свидетельствуют статистические данные о размере причиненного преступлениями материального ущерба (по уголовным делам, находившимся в производстве): в 2016 году ущерб составил 562,6 млрд. руб.; в 2017 – 408,5 млрд.руб.; в 2018 – 562,9 млрд.руб.; в 2019 – 627,7 млрд. руб.

В соответствии со ст. 104.3 УК РФ при решении вопроса о конфискации имущества устанавливается первоочередной характер возмещения ущерба, причиненного законному владельцу имущества, в том числе за счет имущества, подлежащего конфискации. При отсутствии у виновного иного имущества, на которое может быть обращено взыскание, кроме указанного в ч. 1 и ч. 2 ст. 104.1 УК РФ, из его стоимости возмещается вред, причиненный законному владельцу, а оставшаяся часть обращается в доход государства.

Так, П. обвинялся органами предварительного следствия в совершении тайного хищения денежных средств в сумме 90 000 рублей, принадлежащих потерпевшему. При рассмотрении уголовного дела судом установлено, что мобильный телефон марки «Iphone 5S» серо-черного цвета с комплектующими и мобильный телефон марки «Iphone 5S», бело-золотистого цвета с комплектующими, изъятые у П., признанные и приобщенные к делу в качестве вещественных доказательств, были приобретены последним за часть похищенных у потерпевшего денежных средства на сумму 36 800 рублей. В связи с изложенным судом было принято решение о конфискации указанных телефонов с целью дальнейшей реализации и обращения вырученных денежных средств в счет возмещения причиненного потерпевшему материального ущерба[1].

[1] Приговор Евпаторийского городского суда Республики Крым от 13 ноября 2018 г. по делу № 1-326/2018 [Электронный ресурс]. URL: http://sudact.ru (дата обращения: 28.06.2020).

В том случае, если суд не учитывает интересы потерпевшего, приговор может быть изменен в соответствующей части. Так, Суд апелляционной инстанции по уголовным делам Московского городского суда, рассмотрев апелляционное представление заместителя Дорогомиловского межрайонного прокурора г. Москвы и апелляционные жалобы адвокатов и осужденных на приговор Дорогомиловского районного суда г. Москвы от 6 июня 2016 года в отношении С., П. и Р., осужденных за мошенничество, совершенное организованной группой, в особо крупном размере, установил, что при наличии гражданских исков о возмещении материального вреда, причиненного преступлениями потерпевшим, суд обратил в доход государства денежные средства, поступившие от потерпевших по договорам займа, в связи с чем приговор в этой части подлежит изменению, и на данные деньги должно обращено взыскание в счет возмещения причиненного ущерба потерпевшим.

В связи с чем приговор подлежит изменению в части обращения в доход государства денежных средств, изъятых в офисе ООО «В******» в размере 1153750 рублей, 7850 долларов США, 10 евро, а также денежных средств, изъятых в офисе ООО «Д******» в размере 15400 рублей, надлежит обратить взыскание на указанные денежные средства в счет возмещения гражданских исков потерпевших[1].

Закрепленные в ст. 104.3 УК РФ положения можно назвать важным шагом законодателя, поскольку наличие этой нормы означает приоритет интересов лиц, которым был причинен ущерб в результате совершения преступления[2]. Однако и представителями уголовно-правовой доктрины, и представителями правоприменительных и других государственных органов неоднократно отмечалось, что необходимо дальнейшее корректирование законодательства в сфере компенсации ущерба, причиненного преступлением[3], так в силу несовершенства как законодательства, так и

---

[1] Апелляционное определение Московского городского суда от 23 декабря 2016 г. по делу № 10-18792/2016 [Электронный ресурс]. URL: https://www.mos-gorsud.ru (дата обращения: 28.06.2020).

[2] Уголовное право Российской Федерации. Общая часть: учебник / под ред. проф. В.В. Векленко. 3-е изд., перераб. и доп. Омск: Омская академия МВД России, 2016. С. 408.

[3] См., например, монографии З.З. Зинатуллина, Н.А. Колоколова, Е.С. Никулина, С.А. Александрова, В.Г. Власенко, О.Р. Адояна, В.Т. Нора, научные статьи Б.Я. Гаврилова, И.В. Дворянскова, В.И. Комиссарова, С.В. Юношева и др. В.П. Лукин, являвшийся Уполномоченным по правам человека в Российской Федерации в период с 2004 по 2014 г.г., отмечал, что «при неспособности государства обеспечить потерпевшему возмещение ущерба лицом, этот вред причинившим, возместить его должно само государство» (Российская газета. 4 июня 2008 г. № 4676). 10 декабря 2019 года на встрече Президента России с региональными уполномоченными по правам человека было отмечено, что отсутствует эффективный механизм для полноценного восстановления социальной справедливости: потерпевшие часто сталкиваются с проблемами при возмещении вреда, причиненного преступлением.

практики его применения достаточно часто потерпевшему от преступления, по меткому выражению В.И. Комиссарова, «фактически ничего не достается ни от государства, ни от осужденного»[1].

В международных нормативных правовых актах и в законодательстве ряда государств указывается на обязанность государства возмещать ущерб лицам, пострадавшим от преступления. Так, в ст. 2 Европейской конвенции по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений (Страсбург, 24 ноября 1983 года) указано: «Когда возмещение ущерба не может быть обеспечено из других источников, государство должно это взять на себя». По законодательству ряда стран Евросоюза, США и Великобритании, а также иных государств (например, Республики Казахстан и Азербайджанской Республики) для потерпевших от преступления предусмотрена компенсация причиненного вреда за счет средств государственной казны, которая потом возвращается в бюджет причинителем вреда. Кроме этого, в ряде стран провозглашается «приоритет возмещения причиненного преступником ущерба над назначенным судом в качестве наказания штрафом, а равно над взысканием процессуальных расходов»[2]. Во многих государствах «все больше обращают внимание на компенсаторную концепцию, согласно которой основной функцией наказания является возмещение причиненного ущерба»[3]. В рамках данной концепции возмещение вреда потерпевшему в результате совершения преступления представляет собой одну из основных, первоочередных составляющих утверждения справедливости при отправлении правосудия.

[1] Комиссаров В.И. Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства // Российская юстиция. 2010. № 9.

[2] См., например, § 459-а Закона Федеративной Республики Германии «Об обеспечении гражданско-правовых притязаний потерпевшего от преступлений».

[3] Дворянсков И.В. Медиация как элемент компенсаторной модели наказания (обзор зарубежного опыта) // Уголовно-исполнительное право. 2017. Т. 12 (1–4). № 1. С. 25.

Некоз Сергей Сергеевич,
Борзинский транспортный прокурор,
соискатель
Российского государственного университета правосудия

Основания самостоятельной криминализации преступлений, связанных с оказанием содействия в общественно опасной деятельности

Одним из актуальных трендов современной уголовной политики выступает законодательная практика криминализации в качестве самостоятельных преступлений отдельных видов действий, которые традиционно рассматривались в качестве проявления соучастия в преступлении или неоконченного посягательства. Применительно к проблематике криминализации пособничества это нашло отражение в конструировании в Особенной части УК РФ ряда отдельных составов преступлений, связанных с оказанием содействия в совершении преступлений и иных общественно опасных действий (ст. 204.1, 205.1, 291.1 УК РФ и др.). Такое решение законодателя многократно увеличило объем нормативного материала, касающегося оценки совместного участия нескольких лиц в совершении преступления, в пределах Особенной части уголовного закона, и стимулировало известную дискуссию о соотношении подобных норм с институтом соучастия в преступлении. В том числе по причине наличия этой дискуссии, *оценка отдельных составов «пособнических преступлений» не может осуществляться вне контекста общего учения о соучастии и пособничестве как его виде*.

В теории уголовного права проблематика институционализации отрасли является одной из наиболее сложных и одновременно наименее изученных[1]. Не углубляясь в ее анализ, отметим только один значимый для продолжения исследования вопрос – о структуре и внутрисистемном позиционировании института соучастия, в частности, о том, образуют ли этот институт исключительно нормы Общей части уголовного закона или же он включает в себя и предписания Особенной части кодекса.

В его решении нет единого подхода. Если ограничивать понятие института уголовного права лишь совокупностью отраслевых нормативных предписаний, предназначенных для целостного регулирования относительно обособленной разновидности уголовно-правовых отношений, то специалисты предлагают два полярных ответа.

Согласно одной позиции, институт соучастия слагается из соответствующих положений Общей части УК РФ и некоторых

[1] См.: Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: автореф. дисс. … д- ра юрид. наук. Краснодар, 2013.

предписаний Особенной части, в которых общие нормы о соучастии конкретизируются, детализируются, развиваются. Так, например, Р.Р. Галиакбаров утверждал о «фактическом существовании в рамках Общей и Особенной частей уголовного законодательства ряда пока еще не объединенных в общие правила постановлений, с помощью которых на законодательном уровне осуществляется борьба с соучастием в преступлении, оценивается роль и юридическое значение в посягательстве иных типичных разновидностей прикосновенности и причастности к преступлению нескольких физических лиц» [1]. Развивая эту мысль, В.Ю. Шубина полагает, что «базовая структура института пособничества в совершении преступления складывается из группы нормативных предписаний как Общей (ч. 4 ст. 31, ч. 5 ст. 33 и ч. 1, 3-5 ст. 34), так и Особенной частей УК РФ (ст. 205.1 и ст. 291.1), которая дополняется общими нормативными предписаниями о соучастии в преступлении в целом (ст. 32, ч. 2 ст. 34, ст. 35, ст. 36 и ст. 67 УК) и конкретными нормативными предписаниями, устанавливающими запрет на совершение любого умышленного преступления»[2].

В соответствии с другой позицией, предлагается ограничить понимание института соучастия в преступлении только и исключительно предписаниями Общей части закона. Так, А.К. Субачев на основе анализа уяснения природы и основания ответственности соучастников преступления делает вывод о том, что «для эффективного противодействия совместной преступной деятельности нормы института соучастия должны носить универсальный характер, а это предполагает необходимость их закрепления исключительно в нормах Общей части УК РФ» [3]. При этом не игнорируется, но напротив подчеркивается в качестве особого системного явления связь норм Общей и Особенной части уголовного закона. Другое дело, что эта связь (в частности, между институтом Общей и отдельным предписанием Особенной части уголовного права) остается лишь «связью» и не приводит к наполнению института Общей части предписаниями, содержательно и функционально тяготеющими к Особенной части закона[4].

Вопрос о структуре института соучастия не является отвлеченно-теоретическим. Он имеет прямое отношение к пониманию и применению

---

[1] Галиакбаров Р.Р. Квалификация многосубъектных преступлений без признаков соучастия. Хабаровск: Хабаровск. Высш. шк. МВД СССР, 1987. С. 16–17, 43.

[2] Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8.

[3] Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 10.

[4] См.: Жук М.С. Институты Российского уголовного права: понятие, система и перспективы развития: дисс. … д- ра юрид. наук. Краснодар, 2013. С. 248.

норм закона об ответственности за отдельные виды «пособнических» действий. Очевидно, что *если нормы о самостоятельном «пособничестве» включены в институт соучастия, они должны быть подчинены базовым характеристиками этого института, конструироваться и применяться исключительно в контексте общих правил применения норм о соучастии. Если же они находятся за его рамками, то столь жесткая связь и зависимость не является обязательной, а толкование и применение норм Особенной части об ответственности за «пособнические» действия должно быть свободным от ограничений, вытекающих из природы института соучастия в преступлении*.

Анализ литературных источников свидетельствует, что основной методологической платформой для оценки предписаний Особенной части о самостоятельной криминализации пособничества выступает понимание соответствующих норм в качестве либо составной части, либо проявления института соучастия. Такой подход признали и 76% опрошенных нами практикующих юристов. Исходя из этого, и сторонники сложной структуры института соучастия, и специалисты, ограничивающие содержание данного института исключительно предписаниями Общей части уголовного закона, высказывают достаточно критические оценки норм Особенной части о самостоятельной криминализации пособничества.

Так, например, В.Ю. Шубина, выступая за признание сложной структуры института соучастия, указывает на несогласованность норм Общей и Особенной частей уголовного закона при установлении ответственности за совместную преступную деятельность. Она констатирует, что «в настоящее время базовая структура данного института содержит в себе внутреннее противоречие (коллизию) между предписаниями Общей и Особенной частей УК РФ, ибо в рамках последней (ст. 205.1, 290.1) вопреки первой из них (ч. 5 ст. 33) пособничество признается исполнением преступления». Для устранения отмеченной коллизии автором предлагает, с одной стороны, исключить ст. 205.1 и 290.1 из Особенной части УК, а с другой – расширить перечень способов пособничества в ч. 5 ст. 33 УК РФ за счет включения в него указания на посредничество в совершении преступления, предоставление непосредственно относящейся к событию преступления информации, финансирование преступной деятельности и заранее данное обещание не сообщать о преступлении органам власти или не препятствовать его совершению при наличии установленной законом обязанности осуществлять названные действия[1].

В свою очередь, А.К. Субачев, выступая за ограничение содержания института соучастия только нормами Общей части, в принципе признает

[1] Шубина В.Ю. Институт пособничества в совершении преступления: уголовно-правовой и криминологический аспекты: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Краснодар, 2012. С. 8–9.

криминализацию отдельных соучастных действий уголовно-политически неоправданной и избыточной, предлагая исключить из Особенной части УК РФ весь спектр соответствующих уголовно-правовых норм[1]. Многие иные специалисты также признают, что обсуждаемые законодательные решения, в силу которых действия фактических пособников должны квалифицироваться в качестве исполнительских действий, игнорируют существующий институт соучастия в преступлении и разрушают системность положений Уголовного кодекса, порождая дисбаланс в наказуемости деяний исполнителя, с одной стороны, и деяний фактических пособников, подстрекателей и организаторов, с другой стороны, что чревато нарушением принципа справедливости[2].

Оценивая все эти рассуждения и рекомендации представителей научного сообщества, нельзя не отметить, что отправной точкой в их построении, как уже отмечалось, выступает признание нормативной базой самостоятельных составов «пособнических» действий общего состава пособничества, отраженного в ч. 5 ст. 33 УК РФ.

Между тем, такой подход, по нашему мнению, не является верным. Представляется, что *самостоятельная криминализация «пособнических» действий имеет с институтом соучастия в преступлении исключительно генетическую связь. Но как только соответствующее решение законодателя реализовано в законе, связь эта утрачивает свое прикладное значение. Она сохраняет значимость для понимания и объяснения истоков формирования уголовно-правовых норм, но не способна выступать основой для разработки теоретических правил их применения*. Нормы об ответственности за самостоятельные «пособнические» действия, будучи закрепленными в Особенной части уголовного закона, трансформируют свою правовую природу и становятся элементом того или иного правоохранительного института Особенной части уголовного права, подчиняясь его принципиальным установкам и функциональному назначению.

Новая природа самостоятельно криминализированных действий принципиально отличается от природы действий соучастников. Можно сказать больше: самостоятельная криминализация «пособнических»

---

[1] Субачев А.К. Институт соучастия в преступлении и его отражение в нормах Особенной части уголовного кодекса Российской Федерации: автореф. дисс. … канд. юрид. наук. Красноярск, 2019. С. 12.

[2] Ершов С. Пособничество в Особенной части УК // Законность. 2012. № 11. С. 53–55; Рарог А.И. Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 30; Гарбатович Д. Посредничество во взяточничестве: преобразованный вид пособничества // Уголовное право. 2011. № 5. С. 6; Ображиев К.В. Посредничество во взяточничестве: проблемы квалификации // Библиотека уголовного права и криминологии. 2016. № 1. С. 162.

действий специально направлено на то, чтобы лишить их связи с институтом соучастия.

Такой *«разрыв» с соучастием позволяет законодателю решить несколько важных задач и представляет ряд дополнительных возможностей*.

Во-первых, *появляется возможность преследовать в уголовно-правовом порядке содействие совершению не только преступлений, но и иных действий*, криминализация которых невозможна или нецелесообразна по причине недостаточной общественной опасности или другим уголовно-политическим и социально-криминологическим факторам. Так, законодатель установил ответственность за склонение к совершению самоубийства или содействие совершению самоубийства (ст. 110.1 УК РФ), систематическое предоставление помещений для потребления наркотических средств (ст. 232 УК РФ) и занятия проституцией (ст. 241 УК РФ). Сами по себе действия, в совершении которых оказывается пособничество (самоубийство, потребление наркотических средств, проституция) по природе своей не влекут в современных условиях уголовной ответственности, но содействие в их совершении признается настолько опасной деятельностью, что требует от государства уголовно-правовой реакции. В данном случае государство создает своеобразный механизм косвенной уголовно-правовой превенции, в рамках которого устанавливает ответственность за комплекс деяний, связанных с организацией, подстрекательством, пособничеством в совершении уголовно ненаказуемых действий, тем самым профилактируя сами эти действия.

Во-вторых, самостоятельная криминализация действий, связанных с пособничеством в совершении преступления, *позволяет компенсировать ограничения, вызванные акцессорностью соучастия*. Как известно, институт соучастия может быть мыслим только в той ситуации, когда исполнитель преступления приступил к выполнению преступления (согласно устоявшейся практике, хотя бы на стадии приготовления к его совершению). В противном случае, при отсутствии исполнительских действий, деяния соучастников могут быть квалифицированы лишь как приготовление к преступлению с ограничениями, установленными ст. 30 УК РФ, и без учета положений ст. 33 УК РФ. Самостоятельная наказуемость пособничества позволяет преодолеть эти ограничения и привлекать «пособников» к ответственности в тех случаях, когда исполнитель к совершению преступления не приступил, причем вне зависимости от категории предполагаемого преступного деяния исполнителя. Соответствующие правила прямо установлены в п. 14 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 9.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях

террористической направленности» [1] применительно к ситуациям самостоятельно криминализированного склонения к совершению преступлений террористического характера. Однако они в полной мере применимы и для оценки самостоятельно криминализированных «пособнических» деяний, описанных например, в ч. 3 ст. 205.1 УК РФ.

В-третьих, формулирование отдельного состава пособнических действий в отрыве от института соучастия *позволяет игнорировать требование двусторонней субъективной связи соучастников и взаимной осведомленности об их преступной деятельности*. Специалисты справедливо отмечают: «Соучастие в преступлении, благодаря своей акцессорной природе (зависимости от преступной деятельности исполнителя) и объективно-субъективному свойству совместности умышленной преступной деятельности, в значительной мере ограничивает основание уголовной ответственности субъектов, фактически причастных к совершению преступлений другими лицами. Скажем, вооружение или финансирование террориста, который не воспользовался оказанной ему помощью или вообще отказался от осуществления террористической акции, исключает оценку действий неудавшегося пособника как соучастия в преступлении и влечет его ответственность только за приготовление к преступлению террористической направленности. Если же пособник терроризма будет действовать инкогнито для исполнителя преступления, оказывая незримую для последнего, но вполне реальную помощь, он не только не может быть признан соучастником ввиду отсутствия «совместности умысла», но и может оказаться вовсе безответственным из-за отсутствия состава преступления. Сегодняшняя уголовно-правовая политика, однако, исходит из необходимости жесткой уголовно-правовой репрессии в отношении фактических сообщников террористов и взяточников, что достигается путем установления для них в Особенной части УК РФ особых, не связанных с соучастием и, в сравнении с последним, легче доказуемых оснований уголовной ответственности»[2].

В-четвертых, разрыв с содержанием ч. 5 ст. 33 УК РФ при самостоятельной криминализации пособничества *позволяет установить ответственность за такие действий, направление на оказание содействия в совершении преступления, которые прямо не признаются пособничеством в рамках института соучастия*. Так, посредством самостоятельной криминализации установлена ответственность за посредничество во взяточничестве (ст. 291.1 УК РФ), коммерческом подкупе (ст. 204.1 УК РФ) и оказание противоправного влияния на

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2012. № 4.

[2] Шарапов Р.Д., Минин Р.В. Пособничество преступлению: закон, теория, практика // Известия АлтГУ. Юридические науки. 2018. № 6 (104). С. 145.

результат официального спортивного соревнования или зрелищного коммерческого конкурса (ст. 184 УК РФ), за финансирование терроризма (ст. 205.1 УК РФ), экстремистской деятельности (ст. 282.3 УК РФ), незаконного вооруженного формирования (ст. 208 УК РФ), наемника (ст. 359 УК РФ), за систематическое предоставление помещений для незаконных организации и (или) проведения азартных игр (ст. 171.2 УК РФ).

В-пятых, самостоятельная криминализация «пособнических» действий в ряде случаев *позволяет преодолеть ограничения, связанные с общим правилом о наказуемости приготовления только к тяжкому или особо тяжкому преступлению*. Пособнические действия, как известно, по своей объективной характеристике могут не отличаться от приготовительных действий исполнителя преступления (подыскание орудий преступления, сговор на совершение преступления, аккумуляция финансовых ресурсов для совершения преступления и т. д.). Когда эти действия нескольких лиц не приводят к совершению преступления в соучастии, соответствующие лица могут нести ответственность за приготовление, но только к преступлениям определенной категории тяжести. Самостоятельная криминализация снимает это ограничение. Так, например, установление ответственности за предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг в целях совершения любого преступления экстремистской направленности (ч. 1 ст. 282.3 УК РФ) позволяет привлекать к ответственности, по сути, за приготовление к преступлениям небольшой или средней тяжести, если они совершены по экстремистским мотивам (примечание 2 к ст. 282.1 УК РФ).

Таким образом, самостоятельная криминализация «пособнических» действий (равно как и иных соучастных действий) дает законодателю ряд выгод и преимуществ, которые оказываются недостижимыми посредством использования традиционных формул соучастия. Как верно отмечают специалисты применительно к оценке нормы об ответственности за содействие террористической деятельности, «уголовно-правовые нормы о соучастии в совершении преступлений террористического характера не способны заменить нормы о содействии террористической деятельности. … Включение ст. 205.1 УК РФ в российское уголовное законодательство позволило существенно расширить арсенал уголовно-правовых средств противодействия террористической деятельности, создать нормативную основу для раннего уголовно-правового реагирования на факты содействия террористической деятельности даже в случаях отсутствия признаков соучастия в совершении террористического преступления»[1]. Такие оценки, как полагаем, могут носить обобщенный характер и быть экстраполированными на общую практику самостоятельной криминализации пособнических деяний.

[1] Докуев А.А. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 47.

Нестеренко Дмитрий Александрович,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Несистемность уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом и проблемы их реализации

Определяя терроризм как идеологию и практику насилия, не остается сомнений в том, что он представляет серьезную угрозу международной и национальной безопасности[1]. Терроризм преследует цели насильственного изменения конституционного строя Российской Федерации, дестабилизации работы органов государственной власти, уничтожения или нарушения функционирования объектов критической инфраструктуры, объектов жизнеобеспечения населения, транспортной инфраструктуры, устрашения населения, а также создает препятствия для реализации основных прав и свобод человека и гражданина, включая право на жизнь.

Статистические данные демонстрируют постоянный прирост количества террористических преступлений. Так, с января по октябрь 2020 года зарегистрировано около 2 тыс. преступлений террористического характера, что на 30% больше, чем в аналогичном периоде прошлого года[2]. Необходимость выработки и совершенствования мер, направленных на борьбу с данным видом преступлений, не вызывает сомнения.

Одним из эффективных средств борьбы с терроризмом были и остаются уголовно-правовые меры, которые находят свое отражение в нормах Уголовного кодекса Российской Федерации (далее – УК РФ), предусматривающих ответственность за преступления террористического характера. В то же время, содержание некоторых существующих норм, а также системность их законодательного закрепления порождает ряд трудностей в токовании закона и его применении.

Так, ст. 205 УК РФ предусмотрена ответственность за совершение террористического акта, объективная сторона которого состоит в «совершение взрыва, поджога или иных действий, устрашающих население и создающих опасность гибели человека, причинения значительного имущественного ущерба либо наступления иных тяжких последствий, в целях дестабилизации деятельности органов власти или

[1] Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // СЗ РФ. 2016. № 1 (ч. II). Ст. 212.

[2] Статистические сведения // ЦСИ ФКУ «ГИАЦ МВД России». Режим доступа: URL: http://10.5.0.16/csi/modules.php?name=books (дата обращения: 20.10.2020).

международных организаций либо воздействия на принятие ими решений, а также угроза совершения указанных действий в целях воздействия на принятие решений органами власти или международными организациями».

Формулировка объективной стороны данного состава преступления, а точнее выделение ее конструктивных признаков, к сожалению, не отвечает сущности деяния. В частности, формулировка, используемая при описании объективной стороны рассматриваемого преступления «устрашение населения» законодателем используется как характеристика действий, составляющих объективную сторону террористического акта. В свою очередь, полагаем, что приведенная формулировка является по сути характеристикой одного из мотивом совершения террористического акта.

К сожалению, до настоящего времени этот вопрос остается открытым. Для его решения предлагается обратиться к зарубежному опыту, согласно которому устрашающие действия признаются либо альтернативной целью, либо мотивом совершения террористического акта, что справедливо в условиях его широкого применения (взрывы, поджоги и иные насильственные действия, совершенные с целью нагнетания атмосферы страха, паники и нестабильности в обществе на той или иной территории)[1].

Согласно ст. 205.1 УК РФ, предусматривающей ответственность за содействие террористической деятельности, содействие данному виду деятельности осуществляется посредством следующих альтернативных действий: склонение, вербовка или иное вовлечение лица в совершение хотя бы одного из преступлений, предусмотренных ст.ст. 205, 205.2, 205.3, 205.4, 205.5, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, вооружение или подготовка лица в целях совершения хотя бы одного из указанных преступлений, а равно финансирование терроризма.

Как видим, законодатель в диспозиции данной статьи предусматривает довольно обширный перечень альтернативных действий, совершение которых признается содействием террористической деятельности, что не совсем обоснованно и понятно. Толкование данной уголовно-правовой нормы вводит в заблуждение научное сообщество и правоприменителей.

Формулировка данной уголовно-правовой нормы слишком конкретизирована и дифференцирована формами вовлечения в террористическую деятельность, а более того в ней прослеживается

[1] Игнатов А.Н. Определение цели совершения преступления, предусмотренного ст. 205 Уголовного кодекса Российской Федерации // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 7. С. 129–135.

смешение с иными видами соучастия, что представляется нецелесообразным[1].

Целесообразней было бы предусмотреть в указанной статье лишь уголовную ответственность за вовлечение в террористическую деятельность, поскольку вовлечением бы по своей форме охватывалось совершение любого из вышеназванных деяний. Такое положение вещей, способствовало бы конкретизации данной уголовно-правовой нормы и ухода от противоречий при ее применении.

В свою очередь ст. 205^3 УК РФ предусматривает ответственность за прохождение лицом обучения, заведомо для обучающегося проводимого в целях осуществления террористической деятельности или совершение хотя бы одного из вышеперечисленных преступлений.

Интересным представляется подход законодателя к установлению санкции за прохождения обучения в целях совершения преступлений террористического характера. Так, законодатель определил санкцию за данное преступление в виде пожизненного лишения свободы, предусмотрев при этом лишение свободы сроком на пятнадцать лет за обучение, т.е. подготовку лица в целях совершения хотя бы одного из преступлений террористического характера, как форму содействия террористической деятельности. Полагаем, указанная позиция законодателя является необоснованной и противоречит принципу справедливости и соразмерности уголовного наказания за совершенное преступление. На наш взгляд, более суровое наказание должно быть предусмотрено за подготовку лица (ч.ч. 1, 1.1, 2 ст. 205.1 УК РФ), поскольку прохождение обучения в целях совершения преступления террористического характера еще не означает его совершение.

Еще один недостаток уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом состоит в законодательном смешении таких понятий, как «террористическое сообщество» и «террористическая организация». В ст. 35 УК РФ термины «преступное сообщество» и «преступная организация» определены как тождественные. Соответственно, законодательная дифференциация данных понятий в ст. 205.4 и ст. 205.5 УК РФ противоречит базовым положениям Общей части УК РФ, что порождает многочисленные научные дискуссии и правоприменительные дилеммы[2]. В целях недопущения введения подобным образом правоприменителей в заблуждение необходимо либо устранить данное терминологическое противоречие в формулировках уголовного закона,

[1] Игнатов А.Н., Сапрунов А.Г. Уголовная ответственность за содействие террористической деятельности: совершенствование законодательной регламентации // Общество и право. 2018. № 2 (64). С. 39–45.

[2] Поличной Р.В. Соотношение террористической организации, террористического сообщества, экстремистской организации и экстремистского сообщества // Пробелы в российском законодательстве. 2017. № 2. С. 1–3.

либо закрепить дефиниции данных понятий в соответствующих нормах или в примечаниях к соответствующим статьям с указанием конкретных отличительных признаков.

Заслуживающим внимания при рассмотрении вопроса несовершенства уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом является вопрос отнесения ст. 207 УК РФ, предусматривающей ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма, к преступлениям террористического характера. Считаем справедливыми указания правоведов на то, что законодатель сделал непродуманные шаги в указанном направлении, которые внесли деструктивный характер в понимание и применение указанной нормы.

В частности, в диспозицию ч. 1 ст. 207 УК РФ были внесены изменения, согласно которым в качестве конструктивного признака данного состава преступления было предусмотрено «совершение заведомо ложного сообщения об акте терроризма из хулиганских побуждений»[1]. Практика применения данного «новшества» привела к искусственному и неоправданному устранению преступности заведомо ложного сообщения об акте терроризма, совершенного до вступления рассматриваемых изменений в законную силу, по иным, кроме хулиганских побуждений, мотивам, а также к тому, что с учетом условности и неопределенности данной категории, суды вынуждены при квалификации содеянного по ч. 1 ст. 207 УК РФ сводить к «незначительному поводу» самые разнообразные мотивы и цели совершения преступления[2].

Согласно данному нововведению, обязательность «хулиганского» мотива игнорирует террористический характер и общественную опасность заведомо ложного, сообщения об акте терроризма, хотя террористический характер заведомо ложного сообщения об акте терроризма на лицо, поскольку совершение данного преступления посягает на общественные отношения в сфере обеспечения общественной безопасности.

Общественная опасность данного преступления и ее фактическое выражение в причиняемом человеку, обществу и государству вреде наличествуют и при заведомо ложном, сообщении об акте терроризма, совершаемом из «личных» мотивов (например, совершенном лицом

[1] Федеральный закон от 31 декабря 2017 г. № 501-ФЗ «О внесении изменений в статьи 205 и 207 Уголовного кодекса Российской Федерации и статью 151 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации» // URL: http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201712310018 (дата обращения: 18.11.2020).

[2] Игнатов А.Н. О террористическом характере заведомо ложного сообщения об акте терроризма // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 5. С. 157–165.

(воспитанником детдома, ветераном боевых действий и пр.) из мести органам власти (за не предоставленные жилье, льготы и пр.)[1].

Ввиду сказанного, полагаем обоснованной необходимость исключение из ст. 207 УК РФ «хулиганского» мотива, как признака состава преступления с тем, чтобы учесть террористический характер и общественную опасность данного преступления и эффективно использовать данную норму как уголовно-правовую меру борьбы с терроризмом.

Что касается несистемности уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом, то хотелось бы отметить, что на это указывает, прежде всего, отсутствие системного и единообразного подхода законодателя к определению такого ключевого понятия в данной сфере, как «террористическая деятельность».

Содержанию понятия «террористическая деятельность», указанному в ст. 205.1 УК РФ, не соответствует содержание данного понятия при его указании в иных нормах УК РФ. Так, понятие «террористическая деятельность» указанное в примечании 2 к ст. 205.2 УК РФ ограничено законодателем в его применении только в отношении названной статьи. Кроме того, оно содержит указание на преступление, предусмотренное ст. 205^6 УК РФ «Несообщение о преступлении», что неоправданно с точки зрения «вклада» недоносительства в террористическую деятельность. Формулируя диспозицию ст. 205ю3 УК РФ законодатель пошел дальше разнообразия толкования понятия террористической деятельности в соответствии с его закреплением в ст. 205.1 и 205.2 УК РФ и противопоставил цель осуществления террористической деятельности цели совершения одного из преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 206, 208, 211, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ, альтернативно указав на нее в диспозиции ст. 205.3 УК РФ посредством использования союза «либо». Еще более оригинальный подход относительно определения и понимания террористической деятельности обнаруживается в ст. 205.4 УК РФ, в которой в качестве альтернативных целей совершения преступления выделяет: 1) осуществление террористической деятельности; 2) подготовку или совершение одного либо нескольких преступлений, предусмотренных ст. 205.1, 205.2, 206, 208, 211, 220, 221, 277, 278, 279, 360 и 361 УК РФ; 3) подготовку или совершение иных преступлений в целях пропаганды, оправдания и поддержки терроризма. Не менее разнообразен

[1] Игнатов А.Н. Уголовная ответственность за заведомо ложное сообщение об акте терроризма: совершенствование законодательной регламентации // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2018. № 2 (40). С. 7–11.

подход законодателя к определению категории «террористическая деятельность» в нормах Общей части УК РФ[1].

Подводя итоги, отметим, что, несмотря на законодательное закрепление уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом, все же имеют место пробелы и недостатки их законодательного регламентирования и систематизации, которые в ряде случаев вводят правоприменителей в заблуждение относительно правильности вменения того или состава преступления виновному и, нередко, приводят к ошибкам в толковании содержащихся в них положений. В связи с этим существует реальная необходимость совершенствования уголовно-правовых норм в целях эффективного противодействия преступлениям террористического характера.

Опанасенко Александр Сергеевич,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Гражданско-правовая ответственность сотрудников органов внутренних дел

Формирование правового государства включает в себя процесс установления законности и правопорядка, эффективным средством обеспечения которых от незаконных посягательств является юридическая ответственность. Органы внутренних дел являются составной частью государственного аппарата, деятельность которых осуществляется в публичной сфере. Однако в случае осуществления незаконной деятельности, вред, причиненный лицам, возмещается в рамках гражданско-правовой ответственности.

Вопросы о гражданско-правовой ответственности сотрудников органов внутренних дел (далее – сотрудников ОВД), в том числе относительно оснований возникновения и содержания такой ответственности не оставлены без внимания ученых. Однако с учетом существования значительного количества проблемных аспектов по возмещению вреда государством, возникновения регрессного обязательства между государством и сотрудником ОВД, вопросы правовой природы ответственности непосредственно сотрудников ОВД по

[1] Игнатов А.Н. Понятие террористической деятельности и его уголовно-правовое закрепление // Вестник Дальневосточного юридического института МВД России. 2018. № 2 (43). С. 80–87.

возмещению вреда, причиненного в результате их незаконных действий сохраняют свою актуальность и требуют исследования.

Одной из важнейших гарантий прав потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью, является установление в Конституции РФ (ст. 45, 46, 52, 53) права на компенсацию вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц, государством. Данное конституционное положение конкретизируется в Гражданском кодексе РФ (ст. 1069, 1070) (далее – ГК РФ), Федеральном законе от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции» (ч. 3 ст. 33), Федеральном законе от 30 ноября 2011 г. № 342- ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (ч. 5 ст. 15).

Согласно действующему законодательству, в обязательствах по возмещению вреда, причиненного сотрудником ОВД, последний рассматривается как непосредственный причинитель вреда (делинквент), непосредственным субъектом обязательства по возмещению вреда (должником) выступает государство.

В этой связи определенный интерес представляет ст. 15 Федерального закона от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», которая предусматривает наступление уголовной, административной, дисциплинарной, материальной ответственности сотрудника ОВД. Имущественная (гражданско-правовая) ответственность сотрудника ОВД федеральным законом не устанавливается.

Сказанное подтверждается и судебной практикой, которая в качестве ответчика по иску о возмещении вреда, причиненного государственными органами, а также их должностными лицами, рассматривает соответствующее публично-правовое образование[1].

В силу ст. 125 ГК РФ государство приобретает имущественные права и обязанности через органы государственной власти в рамках их компетенции, установленной актами, определяющими статус этих органов. Соответственно признание государства участником гражданских правоотношений, в том числе деликтных, означает, что государство

[1] Информационное письмо Президиума ВАС РФ от 31 мая 2011 г. № 145 «Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел о возмещении вреда, причиненного государственными органами, органами местного самоуправления, а также их должностными лицами» // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. http://www.garant.ru.

принимает на себя ответственность за действия каждого должностного лица или органа[1].

В соответствии с Положением о Министерстве внутренних дел Российской Федерации, утвержденным Указом Президента РФ от 1 марта 2011 года № 248, МВД России является федеральным органом исполнительной власти, осуществляющим функции по выработке и реализации государственной политики и нормативно-правовому регулированию в сфере внутренних дел, а также по выработке государственной политики в сфере миграции[2]. Свою деятельность МВД России осуществляет непосредственно через органы внутренних дел и органы управления внутренними войсками. Соответственно сотрудники ОВД выполняют свои функции не в собственных интересах как частные лица (ст. 9 ГК РФ), а в интересах и от имени государства (ст. 125 ГК РФ).

Законом при причинении вреда незаконными действиями государственными органами и их должностными лицами устанавливается гражданско-правовая ответственность. Государство в исследуемых обязательствах возмещает вред не в качестве субсидиарной стороны, а основного должника. В основе находится отсутствие обеспечения надлежащей деятельности государственных органов и должностных лиц.

В рамках обязательства по возмещению причиненного вреда сотрудник ОВД несет ответственность в порядке регресса (регрессного обязательства) (п. 3.1. ст. 1081 ГК РФ), что подтверждает абсолютный характер ответственности государства за вред, причиненный его государственными органами, должностными лицами. В то же время при возникновении регрессного обязательства между сотрудником ОВД и государством, осуществившим возмещение вреда, встает вопрос о характере ответственности непосредственно сотрудника ОВД, которая наступает в рамках такого обязательства.

В системе имущественных правоотношений регресс выполняет те же функции, что и гражданско-правовая ответственность в сфере обязательств из причинения вреда. Однако механизм осуществления регрессного обязательства сотрудника ОВД на практике отличается от осуществления обязательства, регулируемого нормами гражданского законодательства.

Так, в судебной практике регрессное обязательство сотрудника ОВД рассматривается как вид материальной ответственности – компенсации ущерба государству, возместившему за сотрудника ОВД причиненный им вред. При этом предполагается возможность добровольного возмещения

---

[1] Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М.: Юридическая литература, 1974. С. 166–167.

[2] Положение о Министерстве внутренних дел Российской Федерации**,** утверждено Указом Президента Российской Федерации от 1 марта 2011 г. № 248 // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. http://www.garant.ru.

ущерба, причиненного казне Российской Федерации, виновными лицами путем перечисления денежных средств в доход федерального бюджета[1].

В юридической литературе относительно правовой природы регрессной ответственности сотрудников ОВД не сложилось единого подхода. Некоторые цивилисты исходят из того, что регрессная ответственность наступает на основании норм трудового законодательства и связана с неисполнением или ненадлежащим исполнением сотрудников ОВД должностных обязанностей[2]. Другие отмечают, что предъявление регрессного требования государством к виновным должностным лицам вытекает из гражданских правоотношений[3].

Гражданско-правовая ответственность и материальная ответственность, как виды юридической ответственности, имеют схожие основания возникновения. В то же время различными являются субъектный состав обязательств и размер возмещаемого вреда. Материальная ответственность устанавливается при причинении вреда лицом во время осуществления деятельности в пределах трудовых правоотношений, ее размер зависит от состава правонарушения и ограничивается среднемесячным заработком работника (ст. 241 Трудового кодекса РФ). Гражданско-правовая ответственность имеет место в случаях, когда лицо не состоит в трудовых или служебных отношениях с потерпевшим, либо вред был причинен не при выполнении служебных обязанностей, действует принцип полного возмещения вреда (ст. 15, 1064 ГК РФ).

Если говорить о сотрудниках ОВД, то материальная ответственность наступает за служебный проступок, которым сотрудник ОВД причинил вред непосредственно имуществу органа внутренних дел, выданному сотруднику в служебное пользование (транспортные средства, организационная и компьютерная техника, средства связи, специальная техника, инструменты, оружие, специальная одежда и др.).

В силу прямого указания закона право регресса у Российской Федерации в лице МВД России может возникать в отношении должностных лиц органов дознания и предварительного следствия за действия, перечисленные в п. 1 ст. 1070 ГК РФ, а также должностных лиц по основаниям ст. 1069 ГК РФ (п. 3.1. ст. 1081 ГК РФ). Соответственно, применение к регрессным обязательствам сотрудников ОВД, в результате

---

[1] О добровольном возмещении вреда, причиненного казне Российской Федерации: указание ДПД МВД России от 13 августа 2018 г. № 25/20922 // Гарант: комп. справ. правовая система [Электронный ресурс]. URL: http://www.garant.ru.

[2] Андреев Ю.Н. Гражданско-правовая ответственность государства по деликтным обязательствам: теория и судебная практика. СПб.: Изд-во Р. Асланова «Юридический центр Пресс», 2006.

[3] Песин С.В. Государство как субъект юридической ответственности (теоретико-правовой аспект): автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2002. С. 13.

незаконных действий которых причинен ущерб казне, положений о материальной ответственности является нецелесообразным.

Таким образом, при исполнении служебных обязанностей сотрудники ОВД наделяются государственно-властными полномочиями, действуют от имени государства. Государство, отвечая за свою деятельность перед гражданами и юридическими лицами в соответствии с основным законом, несет гражданско-правовую ответственность. Сотрудники ОВД, в свою очередь, также несут гражданско-правовую ответственность, которая возникает в результате причинения вреда вследствие их незаконных действий (бездействия) и возлагает на них обязанность возместить государству причиненный вред в порядке регресса.

Панасенко Вероника Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
ведущий научный сотрудник
научно-исследовательского центра
Академии управления МВД России

Профилактика экстремизма и терроризма: опыт Великобритании

Проблема экстремизма по-прежнему остается актуальной не только для России, но и для всего мирового сообщества. Предпринимаемые попытки борьбы с этим явлением дают определенные результаты, но останавливаться на достигнутом нельзя, поскольку потери от преступлений экстремистской направленности слишком масштабны. Экстремизм подобен вирусу, распространяемому по всей планете, от которого гибнут люди и вера в светлое будущее.

Проблема экстремизма и крайней его формы проявления – терроризма тревожит умы ученых, политических и общественных деятелей, государственных служащих и граждан.

Изучение зарубежного опыта профилактики экстремизма и терроризма способствует выявлению лучших практик, которые можно адаптировать к условиям российского общества для успешного решения рассматриваемой в работе проблемы.

Для противодействия экстремизму и терроризму в Великобритании разработана программа «четырех «П» – предупреждения, преследования,

протекции, подготовки»[1]. В статье мы остановимся на рассмотрении предупреждения экстремизма.

Правительство Великобритании рассматривает предупреждение радикальных проявлений как самую важную часть работы, направленную на снижение риска террористических атак. Предупреждение включает в себя:

– работу с населением, в том числе антитеррористическую коммуникацию (информационные кампании),

– укрепление потенциала местных сообществ по противодействию радикальным проявлениям, специальную программу (Channel programme), направленную на работу с лицами из группы риска[2].

Усилия государства и гражданского общества также направлены на противодействие молодежным экстремистским группировкам[3]. Профилактическая работа с молодежными радикально-настроенными группировками основана на:

1. Активном привлечении местных общин.

2. Активном вовлечении образовательных организаций в предупреждение экстремистской пропаганды среди молодежи и студентов.

3. Усиленной работе правоохранительных органов по пресечению распространения экстремизма в Интернете.

Правительство Великобритании считает, что для создания антиэкстремистского общества, необходимо всем общественным организациям вносить свой вклад в предупреждение терроризма и экстремизма. И это справедливо, поскольку именно взаимодействие правоохранительных органов и институтов гражданского общества – залог успеха в деле защиты граждан от экстремистских и террористических посягательств.

Основной акцент в этом направлении делается на образовательные учреждения – школы, колледжи и другие учебные заведения, поскольку именно они играют ключевую роль в подготовке молодых людей к вызовам экстремистов.

Во всех государственных образовательных организациях в обязательном порядке:

1. В процессе обучения создаются необходимые условия и предпринимаются меры, направленные на формирование и развитие у обучающихся системы ценностей.

2. Выявляются молодые люди, склонные к радикализации.

---

[1] Кравцов Д.Ю. Практика противодействия экстремизму в разных странах // NB: Административное право и практика администрирования. 2019. № 4. С. 22–28. DOI: 10.7256/2306-9945.2019.4.29819 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=29819.

[2] Годованюк К. Профилактика радикализации: Опыт Великобритании // Научно-аналитический вестник ИЕ РАН, 2018, №5. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-radikalizatsii-opyt-velikobritanii.

[3] Брюхнов А.А., Вакуленко Н.А., Щербаченко А.К. Положительные аспекты зарубежного опыта противодействия экстремизму // Юристъ-Правоведъ. 2016. № 1 (74).

3. Ведется комплексная профилактическая работа, направленная на противодействие экстремизму и терроризму.

Все это в совокупности формирует иммунитет молодежи к экстремизму, способствует развитию толерантности и интернационализма.

Руководство Великобритании уделяет значительное внимание развитию толерантного отношения к представителям разных религий в образовательной среде, снабжая образовательные организации подробными инструкциями о поведении в случаях выявления фактов насилия и экстремизма на религиозной почве[1].

Государство инициирует различные программы по работе с молодежью, направленные на профилактику экстремизма.

Проекты и программы для формирования устойчивости к экстремистским и радикальным идеям:

– трехмесячный проект «Думай» («Think»), в котором предусмотрен ролевой характер взаимодействия участников и ознакомление их с широким спектром тем: экстремизм, расизм, нацизм, права человека и так далее. Согласно независимой оценке, данный проект изменил мнение почти 90 % участников о национальных меньшинствах и взаимодействии с ними в положительную сторону [2]. Проект реализован совместно с агентствами, работающими с подростками и молодыми людьми, которые были исключены из школы, а также с теми, кто не трудоустроен и не обучается в учебных заведениях. В процессе курса подростки с девиантным поведением «примеряют на себя» различные роли (например, роль человека, ищущего убежище и т. д.) [3].

– курс программы «Действуй сразу» («Act now»), в рамках которого под кураторством опытных полицейских школьникам предоставляется возможность сыграть роль правоохранителя при имитации теракта и составить психологический портрет потенциального террориста[4]. Помимо

---

[1] Айтжанова Д. Противодействие религиозному радикализму: зарубежный опыт. // «Профилактика экстремизма. Успехи и трудности»: Материалы международной научно-практической конференции (г. Нур-Султан, 4 апреля 2019 г.) / Под общ. ред. З.К. Шаукеновой. Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. С. 55–56.

[2] Open democracy free thinking for the world. URL: https://www.opendemocracy.net/tedcantle/why-paris-will-happen-again-if-wrely-onempathy-and-outrage.

[3] Таланова Т.В., Морова Н.С., Кузнецова Л.В. Программы профилактики девиантного поведения молодежи в США и Великобритании как средство противодействия экстремизму в образовательной среде // КПЖ. 2015. №6-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-molodezhi-v-ssha-i-velikobritanii-kak-sredstvo-protivodeystviya-ekstremizmu-v (дата обращения: 31.08.2020).

[4] Сериков А.В., Венцель С.В. Опыт противодействия молодежному экстремизму в Германии, США и Великобритании: сравнительный анализ [Электронный ресурс] // Философия права. 2017. № 4 (83). Научная электронная библиотека КиберЛенинка. ООО «Итеос». URL: https://cyberleninka.ru/article/n/opyt-protivodeystviya-molodezhnomu-ekstremizmu-v-germanii-ssha-i-velikobritanii-sravnitelnyy-analiz.

этого, школьников обучают правильному восприятию средств массовой информации. В результате освоения программы школьники научились обсуждать и решать проблемы толерантности и экстремизма[1].

– программа «Предотвращение» («Prevent»). Основным исполнителем программы является полиция[2]. Курс программы проходит в рамках учебных предметов истории, географии, религиозного обучения и драматического искусства с использованием различных способов обучения: например, «проигрывание ролей фильма», специально подготовленного сотрудниками полиции. Эта программа нацелена на учеников 9–10 классов.

Все уроки проводят сотрудники полиции. Учителя отмечают их положительный эффект и объясняют это тем, что занятия по программе хорошо подходят учебным дисциплинам, закрепляют уроки по безопасности в Интернете, а также учат подростков правильно реагировать на запугивания. На уроках стимулируется стремление школьников к самоидентификации.

Изучение личностей ряда экстремистов в Сирии подтвердило отсутствие их полноценной самоидентификации. Это вызвано расхождением семейных и традиционных ценностей с ценностями общества, в котором они живут, в результате чего молодые люди не приемлют объединения общества[3]. Поэтому в рамках программы педагоги и сотрудники полиции, стараются найти способы, чтобы научить молодых людей самоидентификации. Некоторые исследователи считают, что развитие самоидентификации личности является ключевым направлением развития образования для предотвращения экстремизма[4].

Помимо этого, в Великобритании разработана программа «Выведение и Отделение» (Desistance and Disengagement Programmes), которая направлена на реабилитацию лиц, причастных к террористической

---

[1] Таланова Т.В., Морова Н.С., Кузнецова Л.В. Программы профилактики девиантного поведения молодежи в США и Великобритании как средство противодействия экстремизму в образовательной среде // КПЖ. 2015. №6-3. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-molodezhi-v-ssha-i-velikobritanii-kak-sredstvo-protivodeystviya-ekstremizmu-v (дата обращения: 31.08.2020).

[2] Там же.

[3] Open democracy free thinking for the world. URL: https://www.opendemocracy.net/ourkingdom/ted-cantle/statehood-and-problem-of-flux-case-forinterculturalism (https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-molodezhi-v-ssha-i-velikobritanii-kak-sredstvo-protivodeystviya-ekstremizmu-v/viewer).

[4] Alexander, J., Pugh, C., Parsons, B., Barton, C., Gordon, D., Grotpeter, J., Hansson, K., Harrison, R., Mears, S., Mihalic, S., Schulman, S., Waldron, H., & Sexton, T. (1998). Functional family therapy. In D. S. Elliott (Series Ed.), Blueprints for violence prevention. Boulder, CO: University of Colorado at Boulder, Institute of Behavioral Science, Center for the Study and Prevention of Violence. (https://cyberleninka.ru/article/n/programmy-profilaktiki-deviantnogo-povedeniya-molodezhi-v-ssha-i-velikobritanii-kak-sredstvo-protivodeystviya-ekstremizmu-v/viewer).

деятельности[1]. Целью программы является устранение коренных причин терроризма, повышение устойчивости к экстремистской идеологии и содействие дерадикализации людей. В декабре 2018 года была создана тюрьма для лиц, осужденных за террористические акты, а также лиц, которые были определены как «проявляющие экстремистское поведение», тюремным персоналом.

В некоторых случаях Программа «Выведение и Отделение» (далее – Программа) является обязательной. За нарушение условий Программы лицами, осужденными за террористические акты, предусмотрена уголовная ответственность.

В рамках реализации Программы лицам оказывается психологическая помощь, содействие в трудоустройстве и решении социально-бытовых вопросов, при необходимости осуществляется теологическое, правовое просвещение и т. д. Эти меры призваны повысить устойчивость к экстремистской идеологии, а также помочь лицам, которые хотят, но по определенным причинам не способны самостоятельно прекратить экстремистскую или террористическую деятельность.

На наш взгляд, меры, предусмотренные Программой и направленные на дерадикализацию лиц с сопутствующей их реинтеграцией в общество, очень значимы и актуальны, поскольку в экстремистских и террористических группах зачастую применяются угрозы и насилие по отношению к людям, вышедшим из их состава.

Превентивная система Великобритании направлена не только на лиц, ранее не совершавших преступления экстремистской направленности, но и на лиц, имеющих экстремистские взгляды, установки, входящие в состав экстремистских групп, совершавшие преступления экстремистской направленности, в целях их окончательного отказа от дальнейшей преступной деятельности. Совокупность первичной и вторичной профилактики – залог успешного противодействия экстремизму и терроризму.

[1] Fact sheet: Desistance and Disengagement Programme. 05.11.2019. [Электронный ресурс] // Веб-сайт правительства Великобритании. URL: https://homeofficemedia.blog.gov.uk/2019/11/05/fact-sheet-desistance-and-disengagement-programme/ (дата обращения: 31.08.2020).

Пархоменко Дмитрий Александрович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
и криминологии Иркутского института (филиала)
Всероссийского государственного
Университета юстиции (РПА Минюста России)

Об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые в отношении отдельных преступлений

Законодательная практика установления юридически значимой связи факта совершения преступления впервые с отдельными преступлениями на предмет более льготной уголовно-правовой оценки лиц, их совершивших, обнаруживала себя в отечественном уголовном законодательстве достаточно давно и по-разному. Анализ уголовного законодательства в этом вопросе показывает примеры того, как определенность преступления, избираемого при этом законодателем, осуществлялась указанием не на само преступление, а на характер его наказуемости («по которому Судом определено наказание в виде заключения под стражу», «по которому определено наказание в виде лишения свободы») либо на характер вновь совершенного преступления («тождественное или однородное с совершенным деянием») (Руководящие начала по уголовному праву РСФСР 1919 г., УК РСФСР 1922 г).Только в Положении о воинских преступлениях от 31 октября 1924 г. уголовно-правовая значимость факта совершения преступления впервые определялась в отношении совершенно конкретного преступления – побега (ст. 6)[1].

Отмеченное многообразие способов «увязки» совершенного преступления с признанием, его совершенным впервые проявилось и в ст. 51 УК РФСР 1960 г. Здесь мы видим и пример того, как уголовно-правовая значимость совершения преступления впервые определялась указанием не просто на конкретное преступление определенного вида, но и на конкретный состав преступления (п. 1 ст. 51). Содержание ст. 51 УК РСФСР 1960 г. интересно еще и другим.

[1] Который в Положении определялся как «самовольное… оставление военнослужащим своей части или места службы, продолжающееся свыше 6 суток, хотя бы военнослужащий и явился добровольно, а равно и продолжающееся менее 6 суток, если военнослужащий в течение указанного срока не возвратился добровольно, или неоднократная (не менее 3 раз) самовольная отлучка признаются побегом. Всякое самовольное оставление военнослужащим своей части или места службы в боевой обстановке влечет за собой применение мер социальной защиты, как за побег» (ст. 5) (Сборник документов по истории уголовного законодательства СССР и РСФСР. 1917–1952. М., 1953. С. 207–208).

Употребление понятия лица, впервые совершившего преступление, при регламентации уголовной ответственности за конкретные преступления характерно для Особенной части Уголовного кодекса РФ. Однако такая законодательная практика и в прежнем (п. 1 ст. 51 УК РСФСР 1960 г.), и в действующем Уголовном кодексе в одном случае отражалась и отражается еще и в Общей части. В УК РФ 1996 г. это имеет место в ч. 1,2 ст. 76[1] «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». Сама по себе такая законодательная практика, наверное, нареканий вызывать не должна, хотя вопрос об уголовной ответственности за конкретные преступления и уж тем более конкретные составы преступлений – это вопрос Особенной части УК РФ. Однако в ст. 76[1] УК РФ изъяны рассматриваемого законодательного решения очевидны настолько, что не замечать их нельзя. Главное же в том, что эти недостатки затрудняют в целом применение уголовного закона в этой части и что не менее важно – единообразное его применение.

Статистика говорит о том, что, несмотря на многообразие оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных в различных частях ст. 76[1] УК РФ (в связи с возмещением ущерба бюджетной системе Российской Федерации – ч. 1; в связи с возмещением ущерба бюджетной системе Российской Федерации и (или) перечислением в федеральный бюджет денежного возмещения – ч. 2; в связи с подачей специальной декларации – ч. 3[1]), суммарный итог их применения, мягко говоря, оставляет желать лучшего. За семь последних лет действия этой статьи (2013–2019 гг.) максимальный показатель количества уголовных дел, прекращенных судом «в связи с возмещением ущерба по делам *о преступлениях* [2] экономической направленности (ст. 28[1] УПК РФ)») пришелся на 2019 г., составив 62 дела (по предыдущим годам, начиная с 2013 г., – 9, 21, 29, 40, 39, 31 дело, соответственно). Если на долю тяжких и особо тяжких преступлений в общем числе выявленных преступлений экономической направленности по итогам 2019 г. приходится 60,3%, то на долю преступлений небольшой и средней тяжести (о которых идет речь в ч. 1,2 ст. 76[1] УК РФ) около 40 %. При общем количестве преступлений экономической направленности в 105 тыс. (5,2% в общем числе зарегистрированных)[3] и при условии, что за каждым таким преступлением

[1] В связи с чем Е.В. Благов говорит о трех самостоятельных видах освобождения от уголовной ответственности, требующих отдельной законодательной регламентации (Благов Е.В. Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 8 (105). С. 119).

[2] Курсивом выделен текст, отсутствующий в названии этого основания в Форме № 10.2 «Отчет об особенностях рассмотрения уголовных дел, применения реальных видов наказания и оснований прекращения уголовных дел».

[3] Состояние преступности в России за январь-декабрь 2019 года. М.: ГИАЦ МВД РФ, 2020. С. 3, 42–46.

«свое» уголовное дело, получается, что названные 62 дела, прекращенные по ст. 76[1] УК РФ (ст. 28[1] УПК РФ), это не более 2% от общего количества дел по преступлениям небольшой и средней тяжести экономической направленности, к тому же безотносительно факта совершения их впервые. Результаты может быть «грубого» подсчета, но и они показательны.

Анализ данных судебной статистики показывает и другое. Среди уголовных дел, прекращенных по рассматриваемому основанию, присутствуют, как правило, дела о преступлениях не только небольшой и средней тяжести, но и тяжкие преступления. Причем, количество последних нередко превышает количество вторых: по годам, начиная с 2019 г. эти показатели равны соответственно 48, 3, 11; 15, 2, 14; 20, 5, 14; 30, 3, 7; 25, 2, 2; 19, 0, 2; 4, 0, 5. В 2019, 2017 и 2013 гг. среди лиц, в отношении которых уголовные дела были прекращены по ст. 76[1] УК РФ (ст. 28[1] УПК РФ), есть и лица, с неснятыми и непогашенными судимостями (по 2, 1 и 1 делу, соответственно), что, с учетом требований ч. 1, 2 ст. 76[1] УК РФ, недопустимо.

На фоне приведенных показателей, а также с учетом известного разъяснения Пленума Верховного Суда РФ о приоритете примечаний к налоговым статьям УК РФ над положениями ч. 1 ст. 76[1] УК РФ невольно напрашивается вывод об отсутствии какой-либо необходимости вообще этих положений в законе[1]. Также обосновано, по нашему мнению, в литературе делается упрек законодателю в том, что переименование этой статьи Федеральным закономот27 декабря 2018 г. № 533-ФЗ, как и прежнее ее название, – не отражают ее действительного содержания, хотя бы потому, что возмещение ущерба от преступления выступает основанием применения и других видов освобождения от уголовной ответственности (ст. 75, 76, 76[2] УК РФ)[2]. Это не может не дезориентировать лицо, совершившее преступление, и правоприменителя.

Перечисленные обстоятельства[3], на наш взгляд, все-таки в большей мере сказываются на позиции правоприменителя, весьма сдержано прекращающего уголовные дела по основаниям, предусмотренным в различных частях ст. 76[1] УК РФ. Сдержанность лица, впервые совершившего преступление, в этом случае объясняется, наверное, другим: необходимостью осуществления дополнительных денежных выплат помимо возмещения ущерба, причиненного преступлением. Попытку

---

[1] Иной позиции по этому вопросу придерживается Е.В. Благов. Указ. соч. С. 122–123.

[2] Благов Е.В. Указ.соч. С. 118–119.

[3] А в литературе называются и другие недостатки ст. 76[1] УК РФ (См., напр.: Власенко В.В. Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности: автореф. дис. …канд. юрид. наук. М., 2014. С. 8, 19; Звечаровский И.Э., Иванов А.Л. Освобождение от уголовной ответственности // Уголовное право. 2015. № 4. С. 13–18; Благов Е.В. Указ.соч. С. 118–127).

снижения таких выплат, состоявшуюся в 2016 г., как и другие корректировки ч. 2 этой статьи в 2018, 2019 и 2020 гг. вряд ли можно признать успешными.

Сказанное выше приводит к выводу о том, что наличие в УК РФ ст. 76^1 УК РФ носит символический характер демонстрации сдерживания уголовно-правового воздействия на бизнес. Как представляется, более ощутимый позитивный результат такое воздействие имело бы место в том случае, когда уголовно-правовое стимулирование деятельного раскаяния в конкретных преступлениях, в том числе перечисленных в ч. 2 этой статьи, осуществлялось бы традиционным для российского уголовного законодательства способом – через примечания к соответствующим статьям (частям статей) Особенной части УК РФ. Тем более, что по справедливому замечанию А.И. Ситниковой, нормативные предписания, содержащиеся в ст. 76^1 УК РФ, по структуре и содержанию являются типичными примечаниями-исключениями, место которых в конкретных статьях Особенной части УК РФ[1].

Рассматривая законодательную практику отражения факта совершения преступления впервые в нормах Особенной части УК РФ на предмет ее совершенствования и дальнейшего развития, следует заметить, что ни одно из примечаний к статьям Особенной части УК РСФСР 1960 г. (к ст. 64, 77^2, 174, 218, 224) не содержало указания на лицо, впервые совершившее преступление. На сегодняшний день из аналогичных примечаний к 44 статьям (частям статей) Особенной части УК РФ (110^2, 126, 127^1, 145^1, 178, 184,198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 200^1, 200^3, 200^5, 204, 204^1, 204^2, 205, 205^1, 205^3, 205^4, 205^5, 206, 208, 210, 212, 222, 222^1, 223, 223^1, 228, 228^3, 275, 282^1, 282^2, 282^3, 284^1, 291, 291^1, 291^2, 322^2, 322^3, 337, 338), принятых законодателем в развитие установления, предусмотренного ч. 2 ст. 75 УК РФ[2], 14 таких примечаний (к ст.127^1, 145^1 198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1, 282^2, 282^3, 337, 338) содержат указание на факт совершения преступления впервые. И в этой связи, наверное, следует попытаться ответить на вопрос, а почему в том или ином случае в УК РФ появляется ссылка на такое лицо.

При прочих равных условиях, предусмотренных в примечаниях, рассчитанных на лицо, совершившее преступление впервые, и лицо, сделавшее это не в первый раз, напрашивается вывод о более серьезной общественной опасности преступлений первого рода. Если придерживаться такой логики, а другая – здесь вряд ли применима, можно

---

[1] Ситникова А.И. Законодательная текстология уголовного права // Lex russica. 2017. № 3. С. 118.

[2] А в Особенной части УК РФ предусмотрены примечания и другого рода, например, содержащие нормы-дефиниции (примечания к ст. 158), нормы-правила (примечание ст. 134), нормы об обстоятельствах, исключающих уголовную ответственность (примечание к ст. 308). Подробнее об этом см.: Ситникова А.И. Указ. соч. С. 116–118.

сделать и другой вывод, например, о большей общественной опасности преступлений, предусмотренных, в ч. 1, п. «а» ч. 2 ст. 127^1 УК РФ, в сравнении с преступлениями, предусмотренными ст. 126 УК РФ. Однако примечание к ст. 127^1 УК РФ не предусматривает ожидаемого освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших другие преступления из числа предусмотренных в этой статье, сделавших это не в первый раз. Если действие примечания 3 к ст.198 УК РФ рассчитано на лицо, впервые совершившее преступление, то не совсем ясно, почему такое ограничение не предусмотрено в примечаниях к статьям УК РФ об уголовной ответственности за терроризм (205, 205^1, 205^3, 205^4). Вряд ли такую законодательную практику можно объяснять и стремлением законодателя предупредить наступление более тяжких последствий, чем те, которые уже наступили, как это порой предлагается в литературе[1], потому, что по характеру и степени общественной опасности преступления последнего рода более социально опасны, что подтверждается отнесением большей части из них к категории тяжких и особо тяжких преступлений.

Во-вторых, среди примечаний об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, нет единообразия в определении границ уголовно-правового значения данного обстоятельства. Ни одно из примечаний об освобождении от уголовной ответственности лиц, впервые совершивших преступление, не распространяется на лиц, впервые совершивших любое преступление. Законодатель решает данный вопрос весьма точечно, ориентируясь, судя по всему, не на типовую и даже не на видовую принадлежность преступления (принадлежность преступления к определенной категории или к определенному виду, соответственно), а на совершенно конкретные преступления. В этой связи чаще всего действие рассматриваемых примечаний распространяется на лиц, совершивших впервые преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена отдельной статьей Особенной части УК РФ (ст.198, 199, 199^1, 199^3, 199^4, 205^5, 208, 282^1-282^3, 337, 338), и значительно реже – на лиц, впервые совершивших преступления, подпадающие под признаки лишь отдельных составов из всего множества, предусмотренных статьей Особенной части УК РФ (примечания к ст. 127^1, 145^1). В последнем случае неизбежно возникает коллизия в уголовно-правовых последствиях при деятельном раскаянии в преступлениях, предусмотренных различными частями одной и той же статьи. Не всегда однозначно на практике решается вопрос о возможности освобождения от уголовной ответственности лиц, совершивших впервые одно из преступлений первой группы, по правилам ст. 75 УК РФ.

[1] См., напр.: Босхолов С.С. Основы уголовной политики: конституционный, криминологический, уголовно-правовой и информационный аспекты. М.,1999. С. 148; Фильченко А.П. Возникновение, смягчение и прекращение уголовной ответственности: монография / под ред. А.В. Наумова. М., 2014. С. 205.

В-третьих, не всегда последователен законодатель и в решении вопроса о дополнении факта совершения преступления впервые дополнительными обстоятельствами, а также в их описании. Так, в большинстве случаев таким дополнительным условием выступает деятельное раскаяние, характер которого обусловлен, как правило, объективными признаками преступления. Вместе с тем Пленум Верховного Суда РФ в развитие ч. 1 ст. 28^1 УПК РФ дополняет это требование временными рамками применительно к деятельному раскаянию в налоговых преступлениях, когда разъясняет, что возмещение ущерба, причиненного бюджетной системе Российской Федерации в результате преступлений, предусмотренных ст. 198-199^1 УК РФ, влекущее за собой освобождение от уголовной ответственности, допускается только до назначения судом первой инстанции судебного заседания; позже – лишь возможность признания данного обстоятельства смягчающим наказание (п. 12 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48). При постановке вопроса о приоритете возмещения ущерба от преступления данное временное ограничение представляется необоснованным, поэтому и здесь, как и в ч. 2 ст. 25^1 УПК РФ, разумнее было бы руководствоваться правилом о том, что прекращение уголовного дела или уголовного преследования допускается в любой момент производства по уголовному делу до удаления суда в совещательную комнату для постановления приговора, а в суде апелляционной инстанции – до удаления суда апелляционной инстанции в совещательную комнату для вынесения решения по делу.

Таким образом, изложенное выше, подтверждая в целом на конкретных примерах обоснованность введения в уголовное законодательство факта совершения преступления впервые в качестве основания дифференциации и индивидуализации уголовной ответственности, обнаруживает определенные недостатки в решении этой проблемы. Как представляется, они в немалой степени производны от того, что при этом не решен на законодательном уровне главный вопрос: об определении понятия факта совершения преступления впервые и лица, его совершившего.

Пачулия Нестор Анзорович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности субъективных признаков преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений

Тенденция слишком широкого толкования признаков состава преступления хулиганства наблюдается еще со времен становления теории и практики уголовного права. Однако последние годы, такие ошибки в практике применения ст. 213 действующего УК РФ настолько распространены, что по сути нивелируют принцип «nullem crimen sine lege» и принцип законности в целом. Как и ранее, причины данного явления кроются в пробелах действующего законодательства, недостаточности теоретических рекомендаций по его применению, а также в результате недостатков их практического воплощения.

По нашему мнению, объективной причиной ошибочного решения многих правовых вопросов в аспекте преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений, является то, что законодательное определение хулиганства содержит целый ряд оценочных признаков, а в фактических проявлениях – хулиганские действия отличаются чрезвычайным разнообразием и наличием в них признаков, характерных для других правонарушений.

Как указывает В.Г. Павлов, в доктринальном толковании понятия хулиганства есть значительные различия и на сегодняшний день – до сих пор не определены четкие критерии разграничения хулиганства, смежных преступлений и административных проступков, а субъективным признакам таких преступлений уделяется недостаточно внимания[1].

Относительно субъективных признаков элемента состава преступления, совершаемого из хулиганских побуждений и его субъективной стороны в целом, в науке издавна идут дискуссии. Считаем, что разработать единую универсальную концепцию, отражающую объективные реалии, возможно лишь с учетом особенностей, динамичности, взаимосвязи и взаимозависимости всех наличествующих признаков хулиганства. Именно с такой точки зрения, для хулиганства характерны не отдельные черты, а определенные комплексы тесно взаимодействующих признаков. Так, конструкцию основного юридического базиса хулиганства, как правовой категории, составляют две группы признаков – динамичных и относительно статических.

[1] См.: Павлов В.Г. О факультативных признаках субъективной стороны хулиганства // Ленинградский юридический журнал. 2016. №. 3 (45). С. 191–201.

К группе динамических признаков относятся действия, преступные последствия, а также причинная связь между ними. Группу статических признаков составляют место, время, обстановка совершения преступления. Как подчеркивает О.В. Журкина, их особенностью является то, что действие не только причинно связано со следствием, но и сливается с ним на определенной стадии развития[1]. Это происходит потому, что действие при хулиганстве совершается в сфере влияния характерного сочетания признаков второй группы – статических.

Обладая относительной стабильностью и являя собой определенные совокупности условий, при которых совершается хулиганство, статические признаки и обусловливают преступную метаморфозу, однако субъективные признаки преступления при этом игнорируются.

Рассмотрим субъективные закономерности преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений более детально. Хулиганским действиям свойственны следующие основные черты: способность грубо нарушать общественный порядок; объективно выражать явное неуважение к обществу.

Вторгаясь в отрасль урегулирования социального уклада, правил межличностного взаимодействия и закрепленных правовыми и этическими нормами упорядоченного человеческого общения, хулиганские действия выступают в роли их дезорганизатора. Вследствие этого, социальные отношения разлаживаются (иначе говоря, грубо нарушается общественный порядок) и таким образом, действия хулигана становятся частью дезорганизованных отношений.

Следовательно, грубое нарушение общественного порядка является не только обязательным, но и неизбежным следствием хулиганства. Между действием и следствием имеется такая причинная связь, которая предполагает неотвратимость грубого нарушения общественного порядка.

Данная закономерность обусловлена тем, что хулиганство совершается, как уже отмечалось выше, только в сфере указанных социальных отношений между людьми, которые возникают в определенном месте, времени и обстановке. Поэтому в специальной литературе[2] при квалификации хулиганских действий анализируются и учитываются все субъективные признаки.

Важно отметить, что сами по себе данные признаки в составе преступления необязательны и важны только в совокупности с объективной стороной. Однако, сочетаясь в определенном комплексе, они могут создавать характерную для хулиганства ситуацию, при которой

---

[1] См.: Журкина О.В. Мотив совершения хулиганства: теория и практика // Балтийский гуманитарный журнал. 2018. Т. 7. №. 3 (24). 346–349.

[2] См. например: Тараканов И.А., Пичугин С.А. Хулиганские побуждения как признак субъективной стороны состава преступления // Пенитенциарное право: юридическая теория и правоприменительная практика. 2018. №. 1. С. 103–107 и др.

существует нарушение социальных связей, требующего дополнительно уголовно-правового анализа.

Поскольку для хулиганских действий характерными чертами является грубое нарушение общественного порядка, совершенное по мотивам явного неуважения к обществу, их субъекту свойственно чувство неприязни к общественному порядку и обществу в целом. Находясь в ситуации наступления неминуемого следствия, хулиган осознает необходимость соблюдения общественного порядка, но он пренебрегает данными общественными требованиями, что и становится внутренним стимулом, толчком, который порождает его волевой процесс.

Субъективно возникает внутренняя цель – выявить явное неуважение к обществу внешне. Такое намерение предопределяет выбор и преступного поведения: демонстрация дебоширом окружающим своей силы, различные непристойные поступки и тому подобное. Именно поэтому мотив является обязательным признаком субъективной стороны данного состава преступления.

Анализ динамики эмоциональной и волевой деятельности субъекта хулиганских действий, показывает, что процесс формирования у него умысла грубо нарушить общественный порядок происходит наряду с восприятием им сдерживающих факторов ситуации: то есть, он предвидит и осознает неотвратимость грубого нарушения общественного порядка в результате преступного действия. При таких условиях хулиган не может не желать этого следствия. Поэтому хулиганство совершается лишь с прямым умыслом.

Таким образом, проследив процесс формирования признаков субъективной стороны хулиганства, можно согласиться с выводами А.С. Романовой, что их своеобразие обусловлено, с одной стороны, определенным отношением субъекта к социальному порядку и обществу, а с другой, – влиянием комплекса объективных признаков, которые представляют ситуацию неизбежного следствия[1].

Указанные закономерности должны быть положены в основу отграничения хулиганства от других смежных преступлений, в частности, от преступных деяний, совершенных по личным мотивам. В этих случаях лицо, попадая в ситуацию неизбежного следствия, также преодолевает своеобразный психологический барьер. Если действия лица грубо нарушают общественный порядок, внешне они выражают явное неуважение к обществу и имеют психологическую основу – это является ключевой субъективной характеристикой данного вида преступления.

Поэтому, при разграничении хулиганства и смежных преступлений должны учитываться не только объективные, но и субъективные признаки.

[1] См.: Романова А.С. Отграничение хулиганства от смежных составов // Сибирский юридический вестник. 2020. №. 2 (89). С. 76–70.

В связи с тем, что хулиганский мотив воплощается в цели выразить явное неуважение к обществу, он должен быть доминирующим и в том случае, когда рядом с ним действия субъекта побуждаются и другими внутренними стимулами. Поэтому личные мотивы возможны в составе хулиганства либо как первичные побуждения, либо как совокупные, но второстепенные.

В первом случае – личные мотивы перерастают в хулиганские и поглощаются последними. Во втором – полного слияния мотивов не происходит, но хулиганские побуждения преобладают.

Критерием классификации хулиганских мотивов в аспекте поставленной проблемы является мера сдерживающего воздействия ситуации, в которой совершается действие. Так, когда хулиганское действие имеет место в ситуации особо сильного сдерживающего фактора, это свидетельствует о том, что степень враждебности субъекта к общественному порядку очень высока. Совершение хулиганства в обстановке сильного сдерживающего фактора говорит о меньшей степени неприязни виновного к социуму. Однако действия субъекта побуждаются при этом также сильными хулиганскими мотивами.

Преодоление влияния ситуации слабого сдерживающего фактора практически может расцениваться как слабый хулиганский мотив. Личные мотивы, с точки зрения меры их силы, можно также условно поделить на три группы: особенно сильные, сильные и слабые. Но прежде чем осветить вопрос о критериях такой классификации, целесообразно, как считает С.А. Сараджанц важно определить их понятия и характерные черты[1]. Личные мотивы – это внутренние побуждения, возникшие на почве определенных отношений субъекта с конкретным лицом.

По источнику возникновения они могут дифференцироваться следующим образом: мотивы, возникшие на почве негативного или позитивного поведения пострадавшего; на почве неопределенной неприязни к пострадавшему. По характеру порождаемой цели личные побуждения делятся на мотивы, воплотившиеся в намерении навредить жизни или причинить тяжкие телесные повреждения или иной вред лицу. По степени воздействия на эмоциональное состояние субъекта своеобразием обозначаются мотивы, которые повлекли сильное душевное волнение. Очевидно, такие мотивы следует отнести к группе исключительно сильных личных мотивов.

Исходя из изложенного, можно дать примерный перечень вариантов квалификации действий, которые побуждаются личными мотивами и влекут грубое нарушение общественного порядка. Так, когда преступление совершено в обстановке особо сильного сдерживающего фактора, а

[1] См.: Сараджанц С.А. Проблемы квалификации хулиганства // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2019. №. 4. С. 48–49.

действия субъекта изначально побуждалось сильными или слабыми личными мотивами, оно квалифицируется как хулиганство (ст. 213 УК РФ). Действия виновного должны расцениваться как хулиганские и тогда, когда они совершены в ситуации сильного сдерживающего фактора и инициированы слабыми личными мотивами. В указанных случаях, как указывает К.А. Быкова, сила воздействия ситуации, которая сдерживает виновного от действий, которые грубо нарушают общественный порядок, больше, чем личный мотив субъекта, который побуждает его действовать[1].

Поэтому личные мотивы не могут обусловить его решимость совершить преступление. Но подобные внутренние стимулы пробуждают свойственные хулигану новые чувства неприязни к обществу, его извращенным моральным установкам по отношению к правопорядку. Эти эмоции перерастают в побуждение действовать, порождают интеллектуальный и волевой процесс, постановку цели, выбор формы преступного поведения.

Преступник ставит цель выразить явное неуважение к обществу, это и предопределяет направленность его умысла. Когда же силы сдерживающего влияния ситуации и личных мотивов равнозначны или последние являются более весомым фактором, влияющим на волевую деятельность субъекта, его действия не образуют состав хулиганства.

В таких случаях личные побуждения влекут более повышенную эмоциональную возбудимость, чем неприязнь к обществу. Это предопределяет интеллектуальную сосредоточенность виновного на определенном неприязненном отношении к конкретному лицу. При таких условиях его действия направлены, прежде всего, против личности. Цели выразить явное неуважение к обществу у него не возникает. Именно поэтому, не могут расцениваться как хулиганство преступления, совершенные с особыми сильными личными мотивами в любой ситуации, а также в ситуации сильного сдерживающего фактора и из-за личных мотивов в ситуации слабых сдерживающих факторов.

На основании изложенного можно прийти к следующим выводам.

1. Исследование вопросов относительно субъективных признаков хулиганских действий необходимо проводить с учетом того, что преступления, как явления реальной действительности, и составы преступлений, как законодательные конструкции, являются близкими, но не тождественными категориями, поэтому указанные вопросы следует рассматривать комплексно, как с позиции элементов преступления, так и с позиции субъективных признаков соответствующего состава преступления

2. При квалификации хулиганства важно учитывать закономерности взаимосвязи объективных и субъективных признаков: мотив явного неуважения к обществу характеризуется осознанным побуждением

[1] См.: Быкова К.А. Актуальные проблемы законодательной регламентации хулиганства // Устойчивое развитие науки и образования. 2019. №. 4. С. 257–259.

обесценивающего отношения к общественному порядку, игнорированием существующих в обществе элементарных правил поведения, нравственности, морально-этических основ. Такое отношение проявляется в поступках человека, становится открыто выраженным, очевидным как для самого виновного, так и для других лиц. То есть такой элемент хулиганских преступлений, как явное неуважение к обществу, является универсальным объективно-субъективным обстоятельством, который оказывается в действительности ключевым мотивом, который является очевидным и для окружающих, и для виновного лица.

4. Субъективная особенность хулиганского мотива заключается в стремлении виновного открыто противопоставить себя, свое поведение общественному порядку, общественным интересам, показать свое пренебрежение к окружающим, проявить цинизм, жестокость, дерзость, учинить буйство, показать грубую силу или поддаться ряду иных низменных импульсов, субъективную сторону которых уголовное право должно исследовать совместно с судебной психиатрией и психологией девиантного поведения.

5. Несмотря на то, что мотив является обязательным признаком, характеризующим субъективную сторону хулиганства, в ч. 1 ст. 213 УК РФ он не уточнен. Это дает основания утверждать, что хулиганство может совершаться не из хулиганских, а из иных личных побуждений. Отсутствие в диспозиции нормы указания на мотив преступления мы считаем законодательным пробелом формально-логического характера, позволяющим в некоторых случаях дать оценку деяния, совершенного не из стремления противопоставить себя окружающим, как хулиганства. В этой связи было бы уместно законодателю конкретизировать субъективную сторону хулиганства, что позволит, на наш взгляд, рассматривать его как деяние, совершенное по соответствующему мотиву.

Присич Ирина Владимировна,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного и уголовного права
Воронежского института ФСИН России

Средства обеспечения предупреждения преступлений в процессе исполнения наказания в виде ограничения свободы

В криминологии под предупреждением преступлений принято понимать систему общих и специальных мер, используемых государством, обществом, представителями власти, физическими и юридическими лицами, направленных на ликвидацию причин и условий преступности в целях предотвращения совершения новых преступлений, ресоциализации потенциальных преступников, недопущения совершения новых

криминальных деяний и расширения криминализации общественных отношений[1].

Анализ криминологической литературы[2] позволяет прийти к выводу о том, что предупреждение преступлений состоит из трех составляющих:

1) профилактика (воздействует на причины и условия совершения преступлений);

2) предотвращение (система мер, применяемая на стадии приготовления к преступлению);

3) пресечение (система мер, применяемая к уже начавшемуся преступлению до достижения цели деяния, причинения вреда).

Например, такой позиции придерживается А.Ф. Зелинский, который в своих работах предупреждение преступлений определяет как систему мер, предпринимаемых обществом для того, чтобы сдержать рост преступности посредством устранения ее детерминант (то есть профилактики), а также предотвращения и пресечения конкретных преступлений. Профилактика, с его точки зрения, это деятельность по устранению, нейтрализации или ослаблению факторов, порождающих преступность или способствующих ей. Предполагается устранение криминальных факторов безотносительно к конкретному замышляемому преступлению. Предотвращение преступления автором рассматривается как система действий, направленных на воспрепятствование осуществлению преступного намерения конкретного лица до начала посягательства при обнаружении умысла либо на стадии приготовления к преступлению. Пресечение представляет собой совокупность действий, направленных на прекращение уже начавшейся преступной деятельности и предотвращение преступного результата[3]. Таким образом, профилактика, предотвращение и пресечение преступлений как самостоятельные дефиниции составляют систему борьбы с преступностью и являются составляющими цели предупреждения совершения новых преступлений.

Определив, в ч. 1 ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации (далее – УИК РФ) предупреждение преступлений в качестве основной цели наказания, законодатель установил своего рода ориентиры для деятельности по исполнению уголовного наказания. В свою очередь инструментами в достижении указанной цели могут служить основные средства исправления осужденных, сформулированные в ст. 9 УИК РФ, в числе которых особое значение имеет установленный порядок исполнения и отбывания назначенного судом наказания, именуемый режимом. Именно режим, обеспечивая надлежащий порядок деятельности

[1] Долгова А.И. Криминология. 4-е изд., перераб. и доп. М.: Норма, 2016. С. 266.

[2] Бурлаков В.Н., Кропачев Н.М. Криминология: учеб. пособие. СПб., 2013; Клеймёнов М.П. Криминология: Учебник. М., 2018; Кудрявцев В.Н. Популярная криминология: монография. М., 2018 и др.

[3] Зелинский А.Ф. Криминология: курс лекций. Харьков, 1996. С. 140–141.

субъектов уголовно-исполнительных отношений, является системо-образующим элементом в достижении цели исправления осужденного, в том числе к наказанию в виде ограничения свободы.

Анализ уголовно-исполнительного законодательства, а также иных нормативных правовых актов позволяет определить следующие меры предупредительного воздействия, применяемые сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в процессе исполнения наказания в виде ограничения свободы:

– социальные – социальная адаптация и реабилитация осужденных к ограничению свободы, осуществление социального контроля за такими осужденными;

– правовые – установленные УИК РФ и иными нормативными актами, обеспечивающие установленный порядок исполнения и отбывания наказания в виде ограничения свободы;

– организационные – направленные на координацию превентивных действий субъектов, участвующих в процессе исполнения наказания в виде ограничения свободы. К таким мерам можно отнести: оптимизацию деятельности и расширение полномочий сотрудников уголовно-исполнительных инспекций по предупреждению совершения новых преступлений; межведомственное сотрудничество;

– информационные-правовое просвещение и информирование граждан.

Стоит отметить, что И.Н. Смирнова и Э.Р. Мехтиев, наряду с указанными, дополнительно выделяют воспитательно-профилактические и исправительные меры, обеспечивающие противодействие преступности среди осужденных, состоящих на учете в уголовно-исполнительных инспекциях [1]. На наш взгляд, указанные меры являются несколько дискуссионными, так как воспитательные и исправительные категории больше применимы к процессу достижения исправления таких осужденных.

Предупредительное воздействие, направленное на сдерживание криминальной активности должно обеспечиваться в процессе исполнения наказания, исключением в этом смысле, не является ограничение свободы. Его направленность должна обеспечивать воздействие не только на осужденных, но и на неопределенный круг лиц, способных при определенных обстоятельствах совершить преступление.

Круг таких лиц в науке определен по-разному. По мнению С.В. Полубинской, общая превенция направлена на граждан, желающих

[1] Смирнова И.Н., Мехтиев Э.Р. Теоретические и организационные аспекты деятельности специализированных государственных органов, исполняющих наказания, альтернативные лишению свободы, в сфере предупреждения преступлений подучетных лиц // Юридическая мысль. 2017. № 6 (104). С. 85.

совершать преступные деяния[1]. В.И. Зубкова общее предупреждение определяет двояко: как устрашающее воздействие на лиц, склонных к совершению преступлений, и как воспитание всех членов общества с выработкой у них позитивной морали, убеждений, взглядов и, наконец, нравственности[2]. Схожей позиции придерживаются А.В. Наумов и А.Г. Кибальник, полагая, что общая превенция направлена на всех членов социума, но в большей мере на потенциальных преступников[3]. С точки зрения А.В. Уткина, эффективность общей превенции распространяется как на граждан, склонных к совершению противоправных деяний, так и на «пограничные» ситуации, когда человек решается на совершение преступления, но сомневается[4].

Соглашаясь с представленными мнениями, заметим - осознание того, что за совершение преступления в действительности последует наказание, может стать причиной отказа от задуманной преступной деятельности. Основное предназначение общей превенции при исполнении наказания в виде ограничения свободы – это воздействие охранительных норм уголовно-исполнительного права на всех членов общества, но в большей мере на социально неустойчивых граждан. Такой же позиции придерживается и законодатель, определяя в ст. 15 Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации»[5].

Анализ сущности предупреждения преступлений, которое основывается на страхе перед наказанием, а также положений Федерального закона «Об основах системы профилактики правонарушений в РФ» позволяет сделать вывод, что общепредупредительное воздействие уголовно-исполнительных инспекций обеспечивается угрозой применения уголовных наказаний без изоляции осужденного от общества (а также иных мер уголовно-правового характера) и носит информационный характер, направленный на повышение уровня общей правовой грамотности населения и развитие правосознания граждан.

Необходимость достижения общей превенции при исполнении наказаний без изоляции осужденного обусловлено возникновением

---

[1] Полубинская С.В. Соотношение общего и специального предупреждения как целей наказания: дис. … канд. юрид. наук. М., 1987. С. 107.

[2] Зубкова В.И. Уголовное наказание и его социальная роль: теория и практика: монография. М.: Норма, 2002. С. 88.

[3] Наумов А.В., Кибальник А.Г. Уголовная ответственность и наказание: учебное пособие для вузов. М.: Издательство Юрайт, 2020. С. 56.

[4] Уткин В.А. Проблемы теории уголовных наказаний: курс лекций. Томск: Издательский Дом Томского государственного университета. 2018. С. 41–42.

[5] Федеральный закон от 23 июня 2016 г. №182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2016. № 26 (Ч. I). Ст. 3851.

социальных, экономических, правовых и иных причин и условий, способствующих совершению гражданами преступлений. Заранее доподлинно неизвестно, кто из них намерен совершить преступление, однако нельзя отрицать и тот факт, что в определенный отрезок времени на определенной территории совершаются конкретные преступления, о чем свидетельствуют ежегодные статистические данные. В этом случае общепредупредительное воздействие следует понимать так: «на угрозу совершения преступления государство отвечает угрозой применения наказания»[1].

Более адресными, а потому наиболее эффективными являются меры частного предупреждения, реализуемые в процессе исполнения ограничения свободы. Данные меры призваны оказать позитивное воздействие непосредственно на лиц, осужденных к данному виду наказания.

Анализ частнопредупредительных мер, применяемых сотрудниками уголовно-исполнительных инспекций в рамках осуществления профилактики рецидивной преступности осужденных к ограничению свободы, позволяет разделить их на две группы.

Первая группа – общепрофилактические меры, которые сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций целесообразно применять ко всем осужденным независимо от того, добросовестно ли они отбывают назначенное наказание или нет. К таким мерам полагаем возможным отнести: учет осужденных; разъяснение осужденным порядка и условий отбывания наказания; проведение первичной и (или) профилактических бесед; контроль за поведением осужденных; надзор за осужденными; использование аудиовизуальных, электронных и иных технических средств надзора и контроля; посещение в любое время суток (за исключением ночного времени) жилища осужденного; посещение осужденного по месту работы (учебы); истребование по месту жительства, работы или учебы осужденного сведений о его поведении; дактилоскопирование осужденных; взаимодействие с органами внутренних дел и органами прокуратуры.

Приведенные меры в основном содержат в себе элементы убеждающего и надзорного характера и позволяют сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций контролировать должное соблюдение осужденными установленных ограничений. Их особенность обусловлена тем, что сотрудники ведут лишь контрольно-разъяснительную работу по соблюдению требований режима наказания в виде ограничения свободы, не применяя при этом «жестких» мер по профилактике рецидивной преступности таких осужденных. Применение только таких мер будет

[1] Мицкевич А. Ф. Механизмы реализации общего предупреждения преступлений средствами уголовного наказания // Вестник Томского государственного университета. 2004. № 5. С. 75.

вполне достаточным в отношении осужденных, характеризующихся положительно.

Вторая группа – специально-криминологические меры. Их сотрудники уголовно-исполнительных инспекций могут применять к осужденным с деструктивным поведением во время отбывания назначенного наказания. Такие осужденные изначально отрицательно относятся к отбыванию наказания, систематически нарушая его порядок и условия, имеют высокий уровень криминальной зараженности, желают продолжать противоправный образ жизни.

В заключение рассмотренных вопросов касающихся нормативно-правовой, а также организационной сущности превентивной функции наказания в виде ограничения свободы, считаем возможным определить, что предупредительной целью исполнения данного наказания является установленный уголовно-исполнительным законодательством результат, к которому посредством должной реализации правовых норм, с учетом применения закрепленных законом средств исправления осужденных (режим, воспитательная, социальная и психологическая работа с осужденными, общественное воздействие на осужденных), а также общепрофилактических мер, применяемых ко всем осужденным, и специально-криминологических, применяемых к осужденным, нарушающим порядок и условия отбывания наказаний мер предупреждения совершения преступлений, должны стремиться уголовноисполнительные инспекции (при необходимости во взаимодействии с другими правоохранительными органами) при исполнении указанной категории наказаний.

Применение общепрофилактических и специально-криминологических мер к каждому конкретному осужденному должно исходить из личностных качеств последнего. На наш взгляд, для полной и всесторонней реализации частнопревентивных мер сотрудникам уголовно-исполнительных инспекций следует владеть информацией о личностных качествах каждого осужденного.

Подводя итог отметим, что для обеспечения реализации целей наказания обозначенные в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве, необходимо в процессе исполнения наказания в виде ограничения свободы реализовывать все средства направленные на конечный результат – исправление осужденного и исключение в дальнейшем, или минимизировать, рецидив с его стороны.

Раненкова Елена Анатольевна,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Мельников Никита Сергеевич,
курсант 2 курса
Московского областного филиала
Московского университета МВД России
имени В.Я. Кикотя

Актуальные вопросы реализации уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия наркопреступности

Борьба с незаконным оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров является одной из наиболее актуальных проблем в Российской Федерации в сфере защиты жизни и здоровья населения, а также общественной нравственности. Для достижения стойкого снижения числа наркозависимых лиц, Российская Федерация проводит наркополитику – совокупность принципов, приоритетов и мер государства, обеспечивающих контроль за оборотом наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, противодействие их незаконному обороту, профилактику потребления наркотиков без назначения врача, сохранение человеческого потенциала общества путем формирования идеологии антинаркотического поведения[1].

Отсутствие наркотиков в обществе, обеспечиваемое государственной политикой в их отношении, является одним из факторов, обеспечивающих стабильность и благополучие развития общества и государства.

Министерство внутренних дел Российской Федерации ежегодно публикует данные о состоянии наркопреступности в России, исходя из которых можно понять, что тенденции не являются позитивными: за 2010 год было выявлено 26,4 тысячи наркозависимых, за 2019 год – 63,4 тысячи наркозависимых, что может свидетельствовать о неэффективности мер,

[1] Указ Президента Российской Федерации № 690 от 9 июня 2010 года «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года».

принимаемых для борьбы с этим явлением[1]. Кроме того, стоит учитывать, что часть людей не обращается за специализированной помощь по разным причинам. Также данная статистика не учитывает тех людей, которые проходили реабилитацию платно в анонимных центрах. Таким образом, полные масштабы проблемы наркозависимости учесть сложно. Эксперты также отмечают, что проблема усугубляется значительной скоростью, с которой создаются новые виды наркотиков. Правительство Российской Федерации не успевает вносить новые вещества в список наркотических средств и психотропных веществ, оборот которых в Российской Федерации запрещен[2].

К положительными моментам стоит отнести лишь снижение числа пациентов с психическими расстройствами, вызванными приемом наркотиков, на 25% в сравнении с 2010 годом.

Наркотики, помимо негативных юридических последствий, влекут за собой массу иных последствий, проявляющихся в различных сферах жизни общества. Так, например, наркомания является одной из причин распространения ВИЧ и иных венерических заболеваний (в большей степени у инъекционных наркоманов). Более того, средний возраст лиц, употребляющих наркотики – совершеннолетние, но не достигшие 30 лет[3].

Проблема борьбы с незаконным оборотом наркотиков не возникла из ниоткуда: Г.В. Зазулин и Н.А. Фролова выделяют три этапа в истории российского антинаркотического законодательства.[4]

1. Начало XX века – 1991 г. Данный этапа характеризуется началом законотворчества в сфере ограничения оборота наркотиков, а первые нормативно-правовые акты были направлены на снижение распространения опия, поставляемого в основном из Китая. С развитием химической промышленности, к середине 60-х годов XX века, принимается Уголовный кодекс РСФСР, который расширяет список

---

[1] МВД отметило рост зависимых от новых психоактивных веществ: МИА «Россия сегодня»: [сайт]. Москва, 2013 – 2020. URL: https://ria.ru/20200215/1564813933.html (дата обращения: 20.10.20).

[2] Постановление Правительства РФ от 01.10.2012 № 1002 (ред. от 29.07.2020) «Об утверждении значительного, крупного и особо крупного размеров наркотических средств и психотропных веществ, а также значительного, крупного и особо крупного размеров для растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, для целей статей 228, 228.1, 229 и 229.1 Уголовного кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

[3] Сунами А.Н. Борьба с наркотиками как совокупность социальной, уголовной и антинаркотической политики // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2009. № 3.

[4] Фролова Н.А. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт.

преступлений, связанных с наркотиками, более того, в этот период активно развивается международное законодательство при поддержке ООН.

2. 1991–1998 гг. являются годами значительной «оттепели» в законодательстве о наркотиках, возникшей в связи с распадом СССР: была ослаблена ответственность за употребление наркотических препаратов без назначения врача, а также отменена уголовная ответственность за повторное употребление наркотических средств после административного правонарушения смежного состава.

3. 1998– н. в. гг. в данный период происходят процессы, отличные от того, что происходило в 90-х годах: усиление контроля началось с вступления в силу ФЗ от 08.01.1998 «О наркотических средствах и психотропных веществах», были вновь криминализированы преступления, отмененные ранее. Процесс ужесточения контроля оборота наркотиков продолжается до сих пор без тенденции к снижению.

Говоря о современном состоянии противодействия незаконному обороту наркотиков и эффективности проводимой государством политики, стоит обратиться к опыту г. Москвы. Городская межведомственная комиссия при Правительстве г.Москвы по противодействию злоупотреблению наркотическими средствами и их незаконному обороту является координирующим органом в сфере профилактики наркомании, отвечающим за антинаркотическую пропаганду (в СМИ, образовательных организациях), антинаркотическое обучение граждан (в процессе деятельности образовательных организаций и культурно-досуговых учреждениях), выявление и учет лиц, незаконно потребляющих наркотики и прочие функции, указанные в законе[1]. Евгений Брюн – главный специалист психиатр-нарколог Департамента здравоохранения города Москвы 27 июня 2019 года в рамках ежегодной конференции, связанной с проблемой наркотиков, констатировал устойчивое снижение уровня наркозависимых в Москве. По его словам, «в 2018 году в наркологической службе города Москвы зарегистрировано 23887 больных синдромом зависимости от наркотиков, годом ранее – 27044 больных»[2]. По состоянию на 2014 год по преступлениям ст. 228-234 УК РФ в Москве было изъято[3]: 29% амфетаминов, 18% каннабиноидов, 21% героина, 21% синтетических каннабиноидов, 4% кокаина, 3% опиатов, 2% экстази (MDMA), 3% других видов наркотиков, что свидетельствует о большем спросе на «легкие» и

[1] Закон города Москвы от 28.03.2007 № 6 «О профилактике наркомании и незаконного потребления наркотических средств, психотропных веществ в городе Москве» (с изм. На 20.03.2019). // СПС «Консультант Плюс».

[2] Заболеваемость наркоманией в Москве снизилась на 11,7%: «Мосгорздрав»: [сайт]. Москва, 2019. URL: https://mosgorzdrav.ru/ru-RU/news/default/card/2810.html (дата обращения: 20.10.20).

[3] Атлас правосудия: «Институт проблем правоприменения»: [сайт]. Москва, 2014. URL: http://atlasjustice.com.

«средние» наркотики жителями Москвы, употребляющими наркотики, что в значительной мере отличается от большинства субъектов РФ, где преобладают героин и синтетические каннабиноиды. Вышеприведенные данные Мосгорздрава о состоянии наркомании в субъекте позволяют утверждать, что проводимая Москвой политика является эффективной.

16 января 2020 г. в Государственную думу Федерального Собрания Российской Федерации был внесен законопроект указа Президента РФ № 01/03/01-20/00098716 «О стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года»[1].

В настоящее время данный проект прошел этап общественных обсуждений в отношении текста проекта нормативного правового акта и независимую антикоррупционную экспертизу. Разработка проекта нормативного правового акта завершена, документ находится на стадии формирования окончательного варианта текста проекта нормативного правового акта[2]. С большой вероятностью, данный проект будет принят.

Определение государственной политики в сфере незаконного оборота наркотиков в новой стратегии осталось без изменений (в сравнении со стратегией 2010 года), также как и ее генеральная цель, однако в тексте содержатся качественно новые направления для ее достижения.

Для решения задачи авторы законопроекта разделяют борьбу с наркотиками на три уровня, на основании территориального признака. Федеральный уровень предполагает проведение антинаркотических мероприятий федеральными органами исполнительной власти в соответствии со Стратегией, а также иными межведомственными нормативно-правовыми актами.

Региональный уровень предусматривает осуществление антинаркотической политики в соответствии с разработанной антинаркотической комиссией субъекта РФ программой с конкретными особенностями и задачами, применимыми в рамках данного региона.

На муниципальном уровне мероприятия проводятся на основании утвержденных руководителем муниципального образования планов, включенные в муниципальные программы.

Такое разделение позволит возложить ответственность за эффективность реализации, исполнение или неисполнение данной стратегии на конкретных должностных лиц на территории субъекта Российской Федерации, а именно на высшего должностного лица субъекта РФ.

---

[1] МВД обнародовало проект антинаркотической стратегии до 2030 года URL: https://www.interfax.ru/russia/695462 (дата обращения: 20.10.20).

[2] Федеральный портал проектов нормативных правовых актов URL: https:// regulation.gov.ru/projects#search=антинаркотической%20&npa=98716 (дата обращения: 20.10.20).

Для того, чтобы оценить эффективность проводимой антинаркотической политики, авторы стратегии определили количественные показатели, содержащиеся в части 11 статьи 7 ФЗ от 28 июня 2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации».

Авторы документа уделяют больше внимания ранней превенции незаконного потребления наркотиков, особенно в образовательных учреждениях (из-за возросшей подверженности школьником и студентов к потреблению наркотических средств), создаются условия для привлечения обучающихся в мероприятиях по раннему выявлению наркотиков. Более того, особая роль выделяется нравственному воспитанию, обязанность на исполнение которого лежит на педагогах.

Стратегия 2010 года практически не обращается к проблеме незаконной реализации наркотиков через сеть «Интернет» ввиду непопулярности данного способа в начале 2010-х годов. К 2020 году ситуация кардинально изменилась: в европейской части России торговля наркотиков, в большей степени, перешла в «онлайн» – доля продаж в темном сегменте интернета «даркнет» достигает 70%, а с наступлением пандемии COVID-19, можно с уверенностью сказать о росте данного вида торговли. В связи с этим новая стратегия предполагает комплекс мероприятий по снижению незаконного оборота наркотиков через сеть «Интернет» путем пресечения функционирования интернет-ресурсов, направленных на пропаганду и реализацию наркотиков. Для этого формируется антинаркотическая пропаганда в средствах массовой информации, привлекаются волонтерские движения.

Ввиду значительного объема денежных средств, находящихся в обороте в сфере наркотиков, документ предусматривает ужесточение контроля над финансовыми операциями, которые гипотетически могут стать средством оплаты наркотиков, недопущение распоряжения денежными средствами, полученными от деятельности по продаже и изготовлению наркотиков.

Лечение наркозависимых является одним из важнейших столпов снижения наркопотребления в России. Стратегией 2020 года, в соответствии с положениями Стратегии 2010 года, запрещается лечение наркомании заместительным методом (т. е. применение наркотических средств в незначительном объеме для избавления пациента от зависимости), не допускается легализация наркотиков с целью их рекреационного употребления. Государством должно поощряться (или, как минимум, не наказываться) обращение наркозависимых в специализированные медицинские учреждения, необходимо совершенствовать систему учета наркопотребителей, а также сокращать количество смертей из-за передозировки или отравления наркотиками, принимаемыми без назначения врача.

Более того, в рамках информационного развития России, предусмотрено создание «единого цифрового контура системы мониторинга наркоситуации», который позволит объединить всю информацию, связанную с наркотиками в единую базу данных, предусматривающую работу на международном, федеральном и региональном уровнях.

Все вышеперечисленные меры, согласно замыслам законодателя, должны снизить, во-первых, уровень наркопотребителей до 230,8 на 100 тысяч человек, во-вторых, вовлеченность населения в незаконный оборот наркотиков до 113,1 на 100 тысяч человек, в-третьих, сократить смертность от употребления наркотиков до 2,4 на 100 тысяч человек.

Для воплощения вышеперечисленных мер предусмотрено ежегодное совокупное финансирование органов, ведущих антинаркотическую деятельность около 1 миллиарда рублей (в 2018 году – 1,1 млрд. рублей, в 2019 году – 1,23 млрд. рублей)

В заключении хотелось бы обратиться к опыту иностранных государств, решающих проблему наркомании не путем ужесточения мер по контролю за оборотом наркотиков, а за счет частичной (в разной степени) либерализации и депенализации. Большинство европейских стран проводит свою антинаркотическую политику, основываясь на том, что наркоман – жертва, нуждающаяся в медицинской помощи (за исключением тех государств, где антинаркотическое законодательство нельзя отнести к либеральным), соответственно обращение зависимого в медицинские организации приветствуется и не несет никакой наказуемости. Так, например, Португалия, вплоть до середины 2000-х являясь страной с неконтролируемой наркоманией, декриминализировала хранение наркотиков для личного употребления, создала специальные центры для лечения и реабилитации больных наркоманией – в результате страна получила самый низкий показатель уровня смертности от наркотиков, снизила количество героиновых наркоманов в четыре раза, в двадцать раз уменьшилось количество заражений ВИЧ-инфекцией среди лиц, зависимых от наркотиков.

По нашему мнению, с целью снижения уровня наркопреступности и иных негативных последствий наркомании в России также не следует полностью игнорировать возможность частичного «смягчения» антинаркотического законодательства, уделяя внимание лишь его ужесточению, ведь до сих пор нет ни одного государства, в котором даже после минимальной либерализации законодательства о наркотиках происходили процессы, ухудшившие ситуацию, наоборот – в основном такие тенденции позволяют снизить уровень наркопотребителей и наркопреступников.

Подводя итог вышесказанному, считаем, что проводимая на федеральном уровне политика Российской Федерации не является

одинаково эффективной на всей территории нашей страны ввиду постоянного увеличения количества наркопотребителей и преступлений, связанных с оборотом наркотиков. Опыт политики регионального уровня г. Москвы необходимо учитывать при реализации будущей стратегии государственной антинаркотической политики РФ на период до 2030 года.

В случае принятия новой Стратегии 2020–2030 гг., в предложенной авторами редакции, считаем необходимым внесение некоторых дополнительных изменений в уголовно-правовую политику РФ в сфере противодействия наркопреступности. Во-первых, требуется создание медицинской инфраструктуры, обеспечивающих безопасное, доступное и при необходимости анонимное лечение наркозависимых лиц. Во-вторых, основываясь на положительном зарубежном опыте, рассматривать возможность либо смягчения уголовно-правовых последствий употребления и хранения наркотиков, либо частичной декриминализации некоторых составов. В-третьих, обеспечить достаточный уровень социальной занятости населения с целью его отвлечения от употребления наркотических средств и психотропных веществ, особенно это касается подрастающего поколения.

Рясов Дмитрий Алексеевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Уголовно-правовая сущность признака экстремистской направленности

Формируя правовую основу противодействия экстремистской деятельности, законодатель определил основные сущностные признаки, образующие экстремистскую направленность преступлений.

Экстремистскую направленность получили и отдельные преступления, посягающие на общественный порядок. Так, например, совершенные по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти, или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы хулиганство (п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ) и вандализм (ч. 2 ст. 214 УК РФ).

Отмеченное обстоятельство обусловило возникновение частично совпадающих, по объективным признакам норм уголовного законодательства (ст. 282 и п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ), что вызвало определенные затруднения в правоприменительной деятельности, преодоление которых требует углубленного научного анализа

соответствующих норм Особенной части УК РФ, содержащих признаки экстремистской направленности.

Одной из проблем, в практике применения нормы, об ответственности за возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства (ст. 282 УК РФ), является её отграничение от хулиганства (ст. 213 УК РФ). Пункт «б» части 1 статьи 213 УК РФ предусматривает уголовную ответственность за хулиганство: грубое нарушение общественного порядка, выражающее явное неуважение к обществу, совершенное по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы.

Основным непосредственным объектом хулиганства, является совокупность общественных отношений, складывающихся в сфере общественного порядка, как комплекса правил общественного и взаимного поведения, а также взаимоотношений между людьми, сложившихся в обществе и регулируемых законодательством, нравственными и моральными нормами, обычаями и традициями[1].

Дополнительный непосредственный объект преступления, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в его основных признаках, совпадает с основным непосредственным объектом преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ, его образует совокупность общественных отношений, складывающихся в связи с уголовно-правовой охраной конституционных прав человека, обеспечивающих его гражданское равенство, независимо от национальности, расы, исповедуемой религии, принадлежности к политической партии, избранной социальной позиции.

В теории уголовного права некоторыми авторами обращается внимание на то, что экстремистский характер действий чаще всего связан с национально-этническими либо религиозными конфликтами[2]. Анализ материалов судебной практики о преступлениях, содержащих признаки возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, позволил сделать вывод, что в большинстве материалов уголовных дел, наряду с указанными обстоятельствами, действия виновного содержали призывы к совершению в отношении представителей определенных расовых, этнических и иных групп противоправных деяний, в том числе насильственных преступлений.

---

[1] Иванов Н.Г. Уголовное право. Особенная часть. Учебник. М.: Гриф УМО СПО. 2017. С. 345–346.

[2] См.: Антонян Ю.М., Юрасова Е.Н. Экстремистское и террористическое поведение с позиций глубинной психологии // Научный портал МВД России. 2010. № 2. С. 3; Кабанов П.А. Политический терроризм: причины и некоторые меры предупреждения // Следователь. 1999. № 3. С. 32.

Приговором Солнечногорского городского суда Московской области был признан виновным в совершении преступления, предусмотренного п. «а, б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, то есть в грубом нарушении общественного порядка, выражающем явное неуважение к обществу, совершенном с применением оружия, по мотивам национальной ненависти гражданин Б. Обстоятельства уголовного дела следующие: гражданин Б., находясь в вечернее время суток в состоянии алкогольного опьянения в общественном месте на территории туристической базы, в присутствии отдыхающих там граждан, следуя внезапно возникшему умыслу, направленному на совершение хулиганский действий, грубо нарушая общественный порядок, выражая явное неуважение к обществу, стремясь возвысить себя над окружающими и выразить свое пренебрежение к гражданину другой национальности, при отсутствии какого-либо повода к выяснению межличностных отношений с гражданином М., демонстрируя свое мнимое превосходство над ним, используя оружие – газовый пистолет, направил его в сторону гражданина М., сопровождая свои действия высказываниями в адрес последнего, характер которых определял его национальною принадлежность. Действия виновного вызвали у гражданина М. тревогу и опасение за неприкосновенность своих законных прав и интересов, и в продолжении своего преступного умысла, Б. произвел из газового пистолета один выстрел в сторону гражданина М. не причинив вреда здоровью последнего[1].

Одним из криминообразующих признаков преступления экстремистской направленности, является «социальная группа» к представителям которой адресованы общественно опасные действия. При этом уголовное законодательство не содержит легального определения данного признака, оставляя его толкование в формате уголовно-правовой доктрины.

При хулиганстве, лицо стремится продемонстрировать вызов обществу (в нашем случае – определенной части), желая противопоставить себя обществу и продемонстрировать пренебрежительное отношение к сложившимся нормам поведения и взаимоотношений между людьми[2].

Следовательно, мотив хулиганства – это внутреннее побуждение человека, основу которого составляет неуважение к обществу. Как свидетельствует судебная и следственная практика, наиболее частыми мотивами хулиганства являются озорство, стремление проявить грубую силу, открыто показать пренебрежение к обществу и окружающим

[1] Приговор Солнечногорского городского суда Московской области от 04.10.2011 по уголовному делу № 1-215/2011. [Электронный ресурс] // Режим доступа: URL: http://docs.pravo.ru/document/view/20123802/19016620.

[2] Рарог А.И. Комментарий к Уголовному кодексу Российской Федерации. 10-е издание. М.: Проспект, 2016. С. 249.

бесчинством, бахвальством, наглостью, дерзостью, цинизмом, путем «удали», «ухарства», буйства, бесстыдства и так далее.

Для преступления, предусмотренного ст. 282 УК РФ свойственно устремление виновного сформировать у неопределенного круга людей стойкое убеждение в отрицательной оценке представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии, а также других групп и формирование в отношении них негативной установки, враждебности и ненависти.

Другим объективным признаком, рассматриваемого преступления, является вражда, определяемая как отношения и действия, проникнутые неприязнью, ненавистью, а ненависть – как чувство сильной вражды, злобы[1]. Этимологически – ненависть является одной из форм вражды и никакого значения для квалификации рассматриваемого преступления возможные их отличия не имеют.

Возбуждение ненависти или вражды следует рассматривать, как процесс активной деятельности, результатом которого должно стать стойкое убеждение в отрицательной оценке представителей какой-либо нации, расы, приверженцев той или иной религии, а также других групп и формирование в отношении них негативной установки.

С точки зрения этимологии призыв следует понимать как обращение, выраженное в лаконичной форме, воспроизводящее политический лозунг, руководящую политическую идею, а также какое-либо требование[2].

Общим для рассматриваемых преступлений является публичный характер, как хулиганства, так и действий направленных на возбуждение ненависти либо вражды, а равно унижение человеческого достоинства, И в одном, и в другом случаях, виновный обращается к неопределенному кругу лиц, с целью демонстрации своего превосходства, либо превосходства социальной группы с которой он себя отождествляет над лицами в отношении которых совершаются преступные посягательства. При этом юридическая квалификация экстремистских действий, которыми сопровождается грубое нарушение общественного порядка, может быть любой и не обязательно уголовно-правовой.

В контексте рассматриваемых вопросов, следует обратить внимание на тот факт, что на ряду с преступлениями, предусмотренными статьями Особенной части УК РФ, экстремистскую направленность могут образовывать административные правонарушения (ст. 20.3.1 КоАП РФ).

---

[1] Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка: 80 000 слов и фразеологических выражений / Российская академия наук. Институт русского языка им. В.В. Виноградова. 4-е изд., дополненное. М.: «А ТЕМП», 2004. С. 102, 408.

[2] См.: Ожегов С.И., Шведова Н.Ю. Толковый словарь русского языка. 4-е изд., доп. М., 2005. С. 591.

Однако, совершение хулиганских действий, сопровождаемых призывами к осуществлению административных правонарушений, образующих экстремистскую направленность, не могут рассматриваться как преступление, предусмотренное ст. 280 УК РФ, поскольку административные правонарушения не образуют общественной опасности и не относятся к предмету уголовно-правового регулирования.

Изложенные обстоятельства побудили законодателя к изменению редакции ст. 282 УК РФ. В целях исключения случаев привлечения к уголовной ответственности за деяния, совершенные однократно и не представляющие серьезной угрозы для основ конституционного строя и безопасности государства, Федеральным законом от 27 декабря 2018 г. № 519-ФЗ [1] были внесены поправки в данную ст. 282 УК РФ, в соответствии с которыми указанные в части первой данной статьи деяния будут признаваться уголовно наказуемыми в случае, если они совершены лицом после его привлечения к административной ответственности за аналогичное деяние в течение одного года.

Изменение редакции ч. 1 ст. 282 УК РФ фактически декриминализировало впервые совершенные действия, состоящие в возбуждении ненависти или вражды, а равно унижении человеческого достоинства, что поставило правоприменителя в достаточно непростую ситуацию при квалификации данных деяний их хулиганских побуждений.

Совокупность преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 282 и ст. 213 УК РФ возможна, лишь в случае если виновный ранее, в течение года, был привлечен к административной ответственности за правонарушение, предусмотренное ст. 20.3.1 КоАП РФ. Если же данное лицо совершило указанные действия впервые, то возникают основания для его привлечения к уголовной ответственности по основаниям, предусмотренным п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ, в то время как экстремистская направленность содеянного будет учтена судом в качестве отягчающего обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

При этом законодательная конструкция состава хулиганства, предусмотренного п. «б» ч. 1 ст. 213 УК РФ является сомнительной относительно установления степени общественной опасности, которую образует совокупность действий, каждое из которых в отдельности не образует общественной опасности.

В случае если публично совершенные действия, были направлены на возбуждение ненависти или вражды, а равно на унижение человеческого достоинства и сопровождались осквернением зданий или иных сооружений, порчей имущества в общественном транспорте или иных общественных местах, при наличии квалифицирующих признаков (ч. 2 ст. 282 УК РФ), могут образовывать идеальную совокупность со ст. 214 УК РФ.

---

[1] О внесении изменения в статью 282 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 27 дек. 2018 г. № 519-ФЗ // Собр. законодательства РФ. 2018. № 53, ч. I. Ст. 8445.

Савенко Ирина Алексеевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека, от убийства и причинения смерти по неосторожности

Среди преступлений против здоровья одними из наиболее опасных и распространенных являются причинение тяжкого вреда здоровью, предусмотренного статьей 111 УК РФ.

Юридическая техника построения указанной нормы позволила предусмотреть в особо квалифицированном составе дополнительное тяжкое последствие в виде причинения смерти и одномоментно различные формы вины: неосторожность по отношению к указанному последствию и умысел к совершенному деянию.

Детализация и аккумуляция разнородных деяний в рамках одной правовой нормы в обязательном порядке предполагает квалифицированный юридический анализ со стороны практических работников, который не всегда грамотно проводится и приводит к ошибкам при отграничении от простого убийства (ч. 1 ст. 105 УК РФ) и причинения смерти по неосторожности (ч. 1 ст. 109УК РФ).

Сложившаяся ситуация способствует снижению эффективности уголовно-правового регулирования в сфере охраны здоровья и жизни личности и указывает на то, что уголовная политика в отношении одного из важнейших благ человека оказалась недостаточно продуманной.

Некоторыми авторами вообще отвергается конструкция состава, предусмотренного ч. 4 ст. 111 УК РФ. Например, Д. Корецкий и Е. Стешич считают, что указанный состав не позволяет назначать преступникам то, наказание которое они заслуживают и тем самым препятствует соблюдению принципа законности, так как убийства уходят в сферу латентности, маскируясь под состав, предусмотренный ч. 4 ст. 111 УК РФ[1].

Нам кажется такое утверждение ошибочным, поскольку общественная опасность данного деяния нашла свое отражение в санкции – «лишение свободы на срок до 15 лет».

Норма, предусмотренная ч. 4 ст. 111 УК РФ относится к единичному преступлению с дополнительными тяжкими последствиями, одним из обязательных признаков которой является наличие причинной связи,

[1] Корецкий Д., Стешич Е. Гомицид: преступления, связанные с убийством // Уголовное право. М.: АНО «Юридические программы», 2016, № 1. С. 95.

указывающей на неизбежность наступления смерти как результата совершенных действий. В связи с чем, представляется невозможным квалифицировать преступление как умышленное причинение тяжкого вреда здоровью вообще и в частности, как повлекшее причинение смерти потерпевшему по неосторожности.

Судебная практика на сегодняшний день знает немало примеров ошибочной квалификации деяния, связанного с неосторожным причинением смерти потерпевшему, по статье 111 ч. 4 УК РФ и принятии диаметрально противоположных решений о квалификации действий виновных лиц.

Например, лицо, не знавшее о наличии у потерпевшего заболевания, связанного со свертываемостью крови, нанес ему телесное повреждение, в результате которого наступила смерть от внутреннего кровотечения. Причинение вреда здоровью связано с противоправными действиями виновного, но не находятся в прямой причинной связи с наступившими последствиями в виде смерти, так как исходя из интенсивности воздействия не могло вызвать смерть. В данном случае ключевым моментом, повлиявшим на наступление более тяжких последствий, послужило наличие заболевания. Следовательно, действия виновного необходимо квалифицировать по ст. 109 УК РФ, а не по ч. 4 ст. 111 УК РФ.

Так, действия Федосеева А.М., по итогам предварительного расследования квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ, однако судом оценка его действиям дана с позиции ч. 1 ст. 109 УК РФ. Судья указал, что из показаний Федосеева А.М., полученных в ходе предварительного расследования следует, что у него отсутствовал умысел на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего и причинение смерти. Опровергающих доказательств суду не предоставлено. Принимая во внимание, что Федосеевым А.М. нанесен один удар в область живота потерпевшего, учитывая, что его действия никем не пресекались, он ограничился одним ударом.

Судья квалифицировал действия Федосеева А.М. по ч. 1 ст. 109 УК РФ, указав, что виновный не предвидел наступление последствий в виде смерти потерпевшего, однако при необходимой внимательности мог и должен был предвидеть, поскольку нанес ему удар обутой ногой в область передней брюшной стенки справа (где располагаются жизненно-важные органы человека), от которого могут наступить любые последствия, в том числе и смерть потерпевшего[1].

Одним из критериев при отграничении рассматриваемых составов служит развитие причинно-следственной связи, которая устанавливается путем проведения судебно-медицинской экспертизы. Так, Иванов А.В. был

[1] Приговор Октябрьского районного суда г. Владимира № 1-103/2015 от 15 мая 2015 г. по делу № 1-103/2015 [Электронный ресурс] // http://sudact.ru/ (дата обращения: 23.09.2020).

признан судом виновным в том, что, находясь на тротуаре, поссорившись с Соркиным нанес ему сильный удар в область головы, от которого последний упал и ударился об металлическое и бетонное ограждение тротуара. В результате действий виновного у потерпевшего наступила смерть и его действия квалифицированы по ч. 4 ст. 111 УК РФ. Судья указал, что в обвинительном акте содержатся ссылки на заключения судебно-медицинских экспертиз, дающие основания для иного вывода о дате причинения телесных повреждений потерпевшему. Этот факт нашел свое подтверждение и в ходе судебного разбирательства в показаниях свидетелей, сообщении скорой медицинской помощи. Установленные доказательства создают неопределенность в сформулированном органами предварительного следствия обвинении, препятствующую постановлению приговора или вынесению иного решения, отвечающего принципу справедливости.

В жалобе осужденный просил отменить приговор и оценить его действия с позиции ч.1 ст.109 УК РФ мотивируя тем, что суд не в полном объеме оценил обстоятельства произошедшего и заключение судебно-медицинской экспертизы. По ее заключению телесные повреждения, вызвавшие причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего «могли быть причинены прижизненно, как от удара тупым предметом, так и от падения с высоты собственного роста».

Суд апелляционной инстанции приговор оставил без изменения, указав на то, что все повреждения в области головы не менее 2-х причинены воздействием тупого объекта и могли быть образованы как при ударах, так и при падении, но все они входят в единый комплекс закрытой черепно-мозговой травмы, результатом которой стала смерть потерпевшего[1].

Принимая решение о виновности Иванова, суд дал оценку локализацию удара в жизненно важный орган в связи с чем, исключил возможность квалификации его действий по ст. 109 УК РФ.

Анализ судебной практики показал, что наличие умысла, на причинение тяжкого вреда здоровью может свидетельствовать:

1. Принимал ли виновный (после нанесенного основного удара) другие действия, направленные на причинение тяжкого вреда здоровью, или высказывал последующие угрозы причинения такого вреда.

[1] Апелляционное постановление суда апелляционной инстанции Алтайского краевого суда от 05.01.2011 по уголовному делу № 1-36/2011 в отношении Иванова А.В. [Электронный ресурс] // Архив Алтайского краевого суда, 2011 г. // http://sudact.ru/ (дата обращения: 23.09.2020).

В Пленуме указано, что установление умысла, одним из важных признаков подлежащих установлению является характер и локализация телесного повреждения, а также способ его нанесения[1].

2. Был ли удар нанесен с использованием каких-либо средств или предметов. Причина наступления смерти результат непосредственных действий виновного или результат иных обстоятельств.

3. Требует тщательной оценки применение в судебной практике квалификации по совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1–3 ст. 111 УК РФ и ст. 109 УК РФ. Например, если между причинением тяжкого вреда здоровью и неосторожной смертью, нет прямой причинной связи.

Доводы сторон не должны основываться на каких-либо предположениях, например о наличие определенных физических возможностях лица, наличии у него определенных навыков и умений. Так, в деле Мирзаева суд отклонил доводы потерпевшей стороны о том, что виновный владел боевым искусством. Данная позиция суда противоречит рекомендациям Верховного судадавать оценку специальным навыкам и умениям при причинении вреда здоровью[2].

4. Так, в одном из постановлений сказано, что из материалов дела следует, что осужденный специальным приемом единоборства не обучался и ими не владел.

Безусловно, наличие у виновного специальных навыков владения единоборств должно учитываться судами, это обстоятельство повышает общественную опасность данного преступления и подлежит юридической оценке.

5. В каждом уголовном деле важное значение имеет судебно-медицинская экспертиза, которая необходима при расследовании данных преступлений и которая должна установить характер телесного повреждения, а также установить причину смерти[3].

Главные отличительные признаки преступления, предусмотренного ч. 4 ст. 111 (в отличие от ст. 109 УК) можно охарактеризовать следующим образом:

– лицо имеет прямой или косвенный умысел на причинения тяжкого вреда здоровью человека, т. е. преследует цель причинение тяжкого вреда либо сознательно допускает, либо относится безразлично к причинению такого вреда. При причинении смерти по неосторожности такой цели нет;

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.01.1999 № 1 (ред. от 03.03.2015) «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» // СПС Гарант [Электронный ресурс] URL: http: // www.garant.ru. (дата обращения: 20.09.2020).

[2] Борисенко М.А. История развития института уголовной ответственности за причинение тяжкого вреда здоровью в Российском уголовном законодательстве // Право: история, теория, практика. 2015. № 19. С. 48–57.

[3] Гаухман Л.Д. Квалификация преступлений: закон, теория, практика. М., 2011. 462 с.

– совершенные действия виновного до наступления смерти потерпевшего должны быть направлены на причинение тяжкого вреда здоровью, т. е. их характер должен быть – несомненный и очевидный;

– в преступлении, предусмотренным ч. 4. ст. 111 УК смерть является последствием, выходящим за пределы умысла виновного, результатом его противоправного действия, тогда как при неосторожном причинении смерти (ст. 109УК РФ) отсутствует умысел на причинение тяжкого вреда здоровью, а смерть является результатам самих неосторожных действий виновного[1].

Разграничение ч. 1 ст. 105 УК РФ и ч. 4 ст. 111 УК РФ необходимо проводить по критериям, характеризующим как само деяние, так и иные обстоятельства. Обобщение судебной практики позволило выявить, что в большинстве случаев направленность действий виновного, а также способ и орудие причинения вреда могут совпадать, поэтому наибольшее внимание среди критериев следует уделить интенсивности. Как правило, количество ударов, их сила свидетельствуют об отсутствии умысла на причинение тяжкого вреда здоровью. Критерии, отнесенные ко второй группе, так же могут служить критерием разграничения данных составов преступлений.

Изучение приговоров по ч. 4 ст. 111, ч. 1 ст. 105 и ч. 1 ст. 109 УК РФ показало, что судебная практика сама порождает проблемы при разграничении указанных смежных составов преступлений. Необходимо выработать единый подход при решении вопроса о квалификации деяния, разъяснений данных в Постановлении недостаточно[2].

Предлагаем расширить п. 3 данного постановления, определив, что необходимо понимать под «локализацией», «интенсивностью», «способом» и «орудием» преступления, необходимо указать так же на то, что наличие единичного критерия второй группы не достаточно для правильного решения вопроса о квалификации деяния (например, данных о хороших взаимоотношениях между виновным и потерпевшим) необходимо исследовать все обстоятельства дела, при которых совершалось указанное деяние, в первую очередь, руководствоваться критериями, характеризующими само деяние.

Для правильной квалификации деяния следует определить характер телесных повреждений, при которых наступила смерть потерпевшего, причинно-следственную связь данных повреждений с наступлением смерти, наличие или отсутствие умысла лица на причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего.

---

[1] Кудрявцев В.Н. Общая теория квалификации преступлений. М., 2009. С. 27.

[2] Обобщение судебной практики, рассмотрения уголовных дел о преступлениях против жизни и здоровья за 2015 [Электронный ресурс] // Сайт Бийского городского суда Алтайского края // http://sudact.ru/ (дата обращения: 23.10.2020).

Сачков Андрей Николаевич,
арбитражный управляющий Ассоциации
евросибирской саморегулируемой организации
арбитражных управляющих «Евросиб»

Общественная опасность преступлений, связанных с функционированием финансовых пирамид

Действующее отечественное уголовное законодательство не оперирует термином «финансовая пирамида». Однако, несмотря на это, в нём предусмотрена ответственность за организацию их деятельности (ст. 172^2 УК РФ). Проблема уголовно-правового противодействия деяниям, связанным с их функционированием, назрела уже довольно давно. В России «финансовые пирамиды» стали бурно развиваться в 90-х годах, но лишь в 2016 г. российский уголовный закон пополнился соответствующим специальным предписанием.

Следует отметить, что появление нового уголовно-правового запрета зачастую связано с криминализацией определённого деяния. Как правило, это происходит в силу происходящих в обществе изменений, обусловливающих возникновение потребности уголовно-правовой борьбы с конкретным вариантом поведения человека. С составом преступления, регламентированным ст. 172^2 УК РФ, ситуация выглядит иначе – общественная опасность данного деяния была осознана ещё в прошлом веке, но противодействие ему осуществлялось в рамках нормы об ответственности за мошенничество. Вероятно, такой подход не был абсолютно точен и эффективен, что и обусловило конструирование соответствующей самостоятельной уголовно-правовой нормы.

В то же время появление специального уголовно-правового запрета непременно требует устанавливать его соответствие критериям криминализации деяний. В особенности в регулярной проверке нуждается вопрос об уровне общественной опасности определённого деяния, его достаточности для уголовно-правового противодействия.

В отличие от многих других деяний, запрещённых уголовным законом, с деянием в виде организации деятельности финансовых пирамид не всё так просто и однозначно. Прежде всего, следует выяснить, действительно ли законодатель поставил под запрет в ст. 172^2 УК РФ именно организацию деятельности финансовых пирамид, ведь последние в ней даже не упоминаются. В названной норме закона речь ведётся о противоправном привлечении денежных средств при условии, что доход выплачивается за счёт последующих вкладчиков, а организация не осуществляет правомерную экономическую деятельность в объёмах привлекаемых средств.

Описывая финансовые пирамиды, В.А. Бублик, И.Я. Козаченко и А.В. Губарева, отмечают, что, например, в сравнении с правомерными схемами сетевого маркетинга, «в пирамидах жертвы сами подталкиваются к привлечению новых жертв путём выплаты комиссий за вербовку. В более узком смысле слова пирамиды – это мошенничество в сфере инвестиций или маркетинга, когда лицу предлагается дистрибьюторство или франшиза для продвижения определённого продукта. Реальная прибыль получается не от продажи продукта, а от продажи статуса дистрибьютора. Упор на продажу франшизы вместо самого продукта в конечном счёте ведёт к моменту, когда прекращается приток новых инвесторов, и пирамида рушится. Каждая пирамида, как правило, основана на том, что новые участники могут вернуть свои инвестиции привлечением в неё двух или более лиц. Промоутеры не сообщают будущим участникам пирамиды, что математически все они не могут сделать это, поскольку некоторые члены уходят, а другие выходят, вернув свои инвестиции»[1].

В юридической литературе указывается, что «и пирамиды, и схемы Понци весьма привлекательны для населения в силу того, что они могут обеспечивать высокий доход нескольким первым инвесторам за короткий промежуток времени. Однако на деле они являются нелегальными, так как неминуемо ведут к финансовому краху. Следует знать, что ни одна программа не может вербовать новых членов бесконечно. Любая пирамида или схема Понци обречена, так как количество её членов не может превысить население земного шара. В силу этого во время краха той или иной схемы большая часть инвесторов несёт невосполнимые финансовые потери»[2].

Получается, что финансовая пирамида предполагает привлечение денежных средств или иного имущества с условием доходности за счёт последующих участников такой организации. Прикрытием такого механизма могут выступать самые разнообразные схемы, идеи и объяснения. Поэтому очевидно, что в ст. 172^2 УК РФ криминализована именно организация деятельности финансовых пирамид. По нашему мнению, законодатель избежал использования в этой статье термина «финансовая пирамида» ввиду отсутствия его легального определения. Кроме того, такой подход позволяет избежать казуистичности и характеризуется определённым запасом «прочности» в контексте потенциальных изменений схем выражения на практике схожих по сути деяний. Вместе с тем отсутствие в ст. 172^2 УК РФ упоминания финансовых пирамид в некоторой степени снижает превентивный потенциал

[1] См.: Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 71–87.

[2] Там же.

исследуемого уголовно-правового запрета, поскольку затрудняет его восприятие на уровне обыденного правосознания.

Анализ уголовно-правового предписания, сформулированного в указанной статье уголовного закона, приводит к ещё одному выводу: в этой статье под запрет поставлена именно организация деятельности финансовой пирамиды, но не сама деятельность по незаконному привлечению денежных средств или иного имущества. Это означает, что ст. 172^2 УК РФ не осуществляется охрана отношений собственности. В случае причинения вреда собственности потребуется дополнительная уголовно-правовая оценка содеянного в рамках нормы об ответственности за совершение мошенничества.

Как пишут В.А. Бублик, И.Я. Козаченко и А.В. Губарева, «деятельность таких организаций, объединений представляет реальную угрозу экономической безопасности государства по целому ряду факторов: они препятствуют притоку денежных средств в реальный сектор экономики, подрывают доверие граждан к легальным финансовым операциям, обязательства по которым обеспечиваются законом, порождают социальные конфликты»[1].

В теории уголовного права отмечается, что «опасность такого рода теневых структур связана в первую очередь с тем, что она оказывает отрицательное воздействие на российский финансовый рынок и подрывает доверие граждан к финансовым инструментам, формирует негативное отношение к деятельности органов государственной власти. Кроме того, их деятельность не связана с производством товаров и услуг и увеличением ВВП, она не создает добавленной стоимости, зато ведёт к социально несанкционированному и несправедливому перераспределению национального богатства за счёт обманного присвоения денежных средств или иного имущества вкладчиков, к замедлению темпов экономического роста за счёт изъятия из сферы денежного оборота значительных средств, которые могли быть применены в качестве инвестиций в легальной экономике»[2].

Кроме того, организация деятельности финансовых пирамид всегда, как минимум, таит в себе угрозу причинения значительного имущественного ущерба «вкладчикам», а в случаях результативности деятельности такого «предприятия» – фактически причиняет объёмный урон собственности. При этом имеются основания утверждать, что

---

[1] См.: Бублик В.А., Козаченко И.Я., Губарева А.В. Финансовая составляющая криминальной пирамидальной экономики // Всероссийский криминологический журнал. 2017. № 1. С. 71–87.

[2] См.: Гутрова М.М., Селезнёва В.А. Влияние финансовых пирамид на экономическую безопасность России // Молодой ученый. 2018. № 15 (201). С. 14–17; Зубарева А.М. Понятие и признаки финансовых пирамид // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. № 2 (66) 2015. С. 135–138.

способом завладения чужим имуществом в этих ситуациях является обман или злоупотребление доверием. Такая взаимосвязь, несомненно, отражается на уровне общественной опасности деяний, связанных с функционированием финансовых пирамид, безусловно в сторону его повышения.

Может показаться, что финансовые пирамиды – это удел 90-х годов прошлого века. Но на самом деле это отнюдь не так. Например, в июне 2019 г. сотрудниками Главного управления экономической безопасности и противодействия коррупции МВД России задержаны участники межрегиональной организованной группы, подозреваемые в создании финансовой пирамиды. Установлено, что злоумышленники, действуя от имени зарубежной инвестиционной компании, привлекали денежные средства граждан под предлогом выплаты высоких дивидендов – до 36% годовых. Вкладчикам обещали, что их сбережения будут инвестированы в строительный бизнес и сферу жилищно-коммунального хозяйства. Бенефициаром указанной противоправной деятельности являлось юридическое лицо, зарегистрированное в одной из стран Южной Америки, которая является международной оффшорной зоной. В целях привлечения большего количества клиентов производились частичные выплаты процентов по ранее заключённым договорам займа за счёт денежных средств, привлечённых от новых вкладчиков. Остальные средства похищались и выводились за пределы Российской Федерации, а также вкладывались в подконтрольный бизнес на территории Рязанской области. По предварительным данным, потерпевшими от указанной деятельности за период с 2016 по 2019 годы стали более двух тысяч граждан, которым причинён ущерб на сумму свыше миллиарда рублей[1].

Стоит отметить, что ЦБ РФ в 2019 году обнаружил 237 организаций с признаками финансовых пирамид, в основном общества с ограниченной ответственностью и интернет-проекты, а также кредитные потребительские кооперативы. Это заметно больше, чем в 2018-м (168) и 2017-м (137). В целом за 2015–2019 годы регулятор выявил 922 вероятные пирамиды.

Значительная доля выявленных пирамид (88) была зарегистрирована в Центральном федеральном округе. Среди интернет-пирамид все больше доля зарубежных: 43% из них были зарегистрированы в Великобритании. Как правило, это компании, неподнадзорные местному регулятору: просто их домен зарегистрирован в этой юрисдикции.

Средства такие организации привлекают в основном через интернет-сайты и социальные сети. Часть пирамид по-прежнему открывает «живые» офисы: это позволяет придать солидности и собирать непосредственно денежные средства, а не только переводы. Деньги финансовые пирамиды

[1] Сотрудниками МВД России выявлена крупная финансовая пирамида, жертвами которой стали более двух тысяч вкладчиков / Официальный сайт МВД России / URL: https://мвд.рф/news/item/17400034 (дата обращения: 30.08.2020).

привлекают в первую очередь в криптовалюте, рекламируя доверительное управление средствами и криптоактивами. Есть и классические предложения: вложения в строительство недвижимости, выращивание сельскохозяйственных культур, инвестирование в акции компаний, которые не торгуются на бирже, но должны вот-вот выйти[1].

Такая масштабность функционирования финансовых пирамид, на наш взгляд, является самостоятельным фактором, влияющим на уровень общественной опасности анализируемого деяния. Вследствие привлечения значительного количества участников финансовых пирамид и нередко громадные цифры причинённого ущерба подчёркивают значительный уровень общественной опасности деяния, поставленного под уголовно-правовой запрет в ст. 172[2] УК РФ. Важно заметить, что, как свидетельствуют результаты анализа материалов правоприменительной практики, ущерб в результате функционирования финансовых пирамид, как правило, не возмещается.

На основании изложенного необходимо сделать вывод о весьма существенном уровне общественной опасности деяний, связанных с функционированием финансовых пирамид. Вредоносность таких преступлений обусловливается подрывом финансовой стабильности государства, дискредитацией его официальных структур и органов, регулирующих финансово-кредитную деятельность. Рассматриваемое деяние подрывает доверие к банковским учреждениям, другим легальным финансовым институтам. Организация деятельности финансовых пирамид причиняет значительный имущественный ущерб или создаёт угрозу такого вреда.

Смирнов Максим Андреевич,
помощник прокурора
Пестовского района Новгородской области

Правовая оценка действий сотрудников правоохранительных органов в состоянии необходимой обороны

Как показывает проведенный анализ, в теории уголовного права нет единства мнений по поводу оценки действий сотрудников «силовых» структур, совершенных в состоянии необходимой обороны.

Учитывая сложность вопроса, в науке, судебной и следственной практике сформировалось два подхода.

[1] ЦБ отчитался о росте числа финансовых пирамид в России / РБК / URL: https://www.rbc.ru/finances/04/02/2020/5e3953949a79471f668954c9?from=materials_on_subject (дата обращения: 17.07.2020).

Согласно первому подходу, правомерность причинения вреда во всех случаях должна оцениваться на основе норм гл. 8 УК РФ, которая включает в себя обстоятельства, исключающие преступность деяния.

Так, Н. Скорилкина и П. Коломенский указывают, что правовую основу вынужденного применения сотрудниками органов внутренних дел оружия, специальных средств и физической силы составляют институты необходимой обороны и задержания лица, совершившего преступление, а регулирующие деятельность правоохранительных органов законы базируются на вышеназванных уголовно-правовых институтах и развивают их в соответствии со спецификой деятельности[1].

В свою очередь, К. А. Волков отмечает, что нормы, регламентирующие основания и порядок применения сотрудниками правоохранительных органов физической силы и оружия, лишь конкретизируют пределы необходимой обороны к определенным правовым ситуациям. Автор приходит к выводу, что приоритет при определении правомерности причинения вреда в результате применения физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия в деятельности сотрудников полиции должен отдаваться уголовному законодательству о необходимой обороне[2].

Такой же позиции придерживаются и некоторые другие авторы, обычно ссылаясь на ч. 3 ст. 37 УК РФ, в соответствии с которой положения нормы гл. 8 УК РФ о необходимой обороне в равной мере распространяются на всех лиц независимо от их профессиональной или иной специальной подготовки и служебного положения[3].

Заслуживающей внимания является позиция В.Ф. Щепелькова, который отмечает следующее: «Преступность и наказуемость деяния определяются уголовным законом. А потому вопросы исключения преступности деяния, по-видимому, должны в полном объеме регулироваться Уголовным кодексом. В нормативных актах иной отраслевой принадлежности обстоятельства, исключающие преступность деяния, могут при необходимости дублироваться, либо в них может быть сделана ссылка на предписания уголовного закона. В противном случае имеет место своеобразная коллизия, которая будет решаться при применении законодательства с помощью правил системосохраняющего механизма. Будет реализован закон, в меньшей степени усугубляющий

---

[1] Скорилкина Н., Коломенский П. Значение уголовно-правового института задержания лица, совершившего преступление в практической деятельности органов внутренних дел // Уголовное право. 2000. № 4. С. 33–34.

[2] Волков К.А. Необходимая оборона в деятельности полиции: вопросы теории и судебной практики // Российский судья. 2013. № 4. С. 13.

[3] Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб.: Юридический центр Пресс, 2005. С. 175.

положение лица, совершившего деяние, формально содержащее состав преступления»[1].

Как мы видим, в основе такого подхода лежит понимание того, что материально-правовую основу применения мер принуждения сотрудниками правоохранительных органов составляют положения УК РФ об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. В свою очередь, нормативные правовые акты, регламентирующие порядок и основания применения силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов, имеют вспомогательное значение и конкретизируют пределы применения силы и оружия в определенных правовых ситуациях.

Анализ положений законов, определяющих основания и порядок применения силы и оружия сотрудниками правоохранительных органов, показывает, что данные нормативно-правовые акты в основном развивают, уточняют, конкретизируют положения ст. 37 УК об основаниях и о порядке применения силы, оружия, специальных средств сотрудниками правоохранительных органов. Законодатель, можно так сказать, заранее определил те ситуации, в которых может оказаться сотрудник правоохранительных органов, пресекая то или иное общественно опасное посягательство. Например, пресекая административное правонарушение, сотрудник вправе применить физическую силу либо специальные средства, а вот при пресечении посягательства, сопряженного с насилием опасным для жизни или здоровья самого сотрудника либо других лиц, он вправе применить оружие.

Согласно второму подходу, правомерность вреда, причиненного в ходе реализации профессиональных (должностных) функций, должна определяться на основе нормативных правовых актов, непосредственно регулирующих данный вид деятельности[2].

Так, Ю.В. Баулин считает, что правомерность причиненного вреда устанавливается законодательством, определяющим права, обязанности и уполномочивающим определенных лиц на совершение соответствующих действий. Эти нормы, отмечает автор, имеют самостоятельное значение, и нет оснований считать, что они каким-то образом конкретизируют положения уголовного закона о правомерности причинения вреда объектам уголовно-правовой охраны[3].

Суть данного подхода сводится к тому, что правомерным должен признаваться любой вред, причиненный сотрудником правоохранительных

---

[1] Щепельков В.Ф. Уголовный закон: преодоление противоречий и неполноты. М., 2003. С. 276–277.

[2] См., напр.: Михайлов В.И. Уголовное право. Общая часть. Преступление. Академический курс. В 10 т. Т. X: Обстоятельства, исключающие преступность деяния / под ред. д-ра юрид. наук, проф. Н.А. Лопашенко. М.: Юрлитинформ, 2016. С. 331.

[3] Баулин Ю.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния. Харьков: Основа, 1991. С. 87.

органов при применении силы и оружия, если были соблюдены порядок и основания применения физической силы, специальных средств, огнестрельного оружия боевой и специальной техники, установленные соответствующими нормативно-правовыми актами.

Самое интересное, что аналогичное указание закреплено в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда РФ. В п. 28 постановления сказано, что «сотрудники правоохранительных органов, военнослужащие и иные лица, которым законодательством разрешено применение оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы для исполнения возложенных на них федеральными законами обязанностей, не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если они действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной техники или физической силы»[1].

На самом деле сложно представить, что законодатель, наделяя сотрудников правоохранительных органов правом на применение силы и оружия, и предполагая, что в результате применения силы и оружия может быть причинен как тяжкий вред здоровью, так и смерть, не определил границы правомерного причинения вреда.

В то же время, подвергнув критическому анализу п. 27 и 28 Пленума, мы приходим к выводу о том, что закон допускает привлечение сотрудников правоохранительных органов к ответственности за причинение вреда при превышении пределов необходимой обороны, даже в том случае, если сила и оружие применялись исключительно в соответствии с законами, которые устанавливают основания и порядок применения силы сотрудниками правоохранительных органов.

Следует поддержать точку зрения тех ученых, которые предлагают дополнить перечень обстоятельств, исключающих преступность деяния, еще одним обстоятельством. В теории уголовного права его называют по-разному: «исполнение закона», «выполнение профессиональных функций»[2], «исполнение профессиональных функций и обязанностей»[3], «осуществление служебных или профессиональных обязанностей»[4]. Все

---

[1] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27 сентября 2012 г. № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление».

[2] Михайлов В.И. О социально-юридическом аспекте содержания обстоятельств, исключающих преступность деяния // Гос-во и право. 1995. № 12. С. 68.

[3] Кадников Н.Г. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: учеб. пособие. М., 1998. С. 42–44

[4] Изотов Д.М. Необходимая оборона и крайняя необходимость как обстоятельства, исключающие преступность деяния в условиях военной службы: Дис. ... канд. юрид. наук. М., 2009. С. 8.

формулировки, по сути, идентичны, и описывают одни и те же ситуации правомерного причинения вреда в рамках реализации предоставленных отдельным категориям граждан особых полномочий.

Включение в уголовный закон подобной нормы позволило бы признавать правомерными действия лиц, специально уполномоченных государством защищать те или иные охраняемые уголовным законом интересы (военнослужащих, сотрудников правоохранительных органов, а также государственных и муниципальных служащих, спасателей и др.), если такие действия повлекли за собой причинение вреда иным объектам уголовно-правовой охраны.

Но в настоящее время, пока гл. 8 УК не дополнена обстоятельством, исключающим преступность деяния, необходимо искать иные пути возможного решения данной проблемы.

Мы полностью разделяем точку зрения ученых, которые полагают, что правовой первоосновой применения силы (правомерного причинения вреда) сотрудниками правоохранительных органов являются нормы уголовного права[1], при этом необходимо изменить нормы административного (специального) законодательства таким образом, чтоб они не выходили за пределы действия уголовного закона и не служили его расширительному толкованию[2].

Считаем, что одним из путей решений данной проблемы является внесение изменений в постановление Пленума Верховного Суда РФ. Анализ п. 27 и п. 28 Пленума наталкивает на мысль о том, что при составлении данных пунктов были нарушены языковые правила юридической техники, что привело к тому, что п. 27 и п. 28 Пленума вступают в противоречие друг с другом.

В свою очередь, руководящие разъяснения Пленума Верховного Суда РФ обязательны для судов, других органов и должностных лиц, применяющих закон, по которому дано разъяснение, поэтому п. 27 и 28 Пленума необходимо объединить и изложить, учитывая правила

---

[1] Якубович М.И. Основания и порядок применения оружия участковым инспектором милиции. М., 1973. С. 37; Побегайло Э.Ф. Необходимая оборона // Энциклопедия уголовного права. Т. 7. 2-е изд. СПб., 2014. С. 75; Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативно-разыскной деятельности: теоретико-прикладные и законодательные аспекты: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.08, 12.00.12. М., 2018 С. 18–19; Шкабин Г.С. Уголовно-правовое обеспечение оперативного внедрения: монография. М.: ИД «Юриспруденция», 2018. С. 37–38; Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: концептуальные основы уголовно-правовой регламентации. Дисс. … докт. юрид. наук. СПб., 2019. С. 29; Милюков С.Ф., Никуленко А.В. Причинение вреда при задержании лица, совершившего общественно опасное деяние. 2-е изд. СПб.: Изд-во «Юридический центр», 2020. С. 202 и другие ученые.

[2] Смирнова Л.Н. Уголовно-правовое регулирование задержания лица, совершившего преступление. СПб., 2005. С. 176.

юридической техники, в следующей редакции: «Положения статей 37 и 38 УК РФ распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей могут принимать участие в пресечении общественно опасных посягательств или в задержании лица, совершившего преступление. Не является преступлением причинение вреда при применении физической силы, специальных средств и огнестрельного оружия представителями власти, работниками правоохранительных органов, военизированной охраны и иными лицами в соответствии с требованиями уставов, положений или иных нормативных актов, предусматривающих основания и порядок применения силы и оружия в целях пресечения общественно опасных посягательств и задержания правонарушителей, если при этом не было допущено превышения пределов необходимой обороны либо превышения мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление. При этом если в результате превышения пределов необходимой обороны или мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, указанные лица совершат убийство или умышленное причинение тяжкого или средней тяжести вреда здоровью, содеянное ими при наличии соответствующих признаков подлежит квалификации по статье 108 или по статье 114 УК РФ».

Полагаем, что положения Общей части УК РФ о необходимой обороне должны полностью распространяться на применение физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники военнослужащими Российской армии, военнослужащими (сотрудниками) Росгвардии, сотрудниками полиции и уголовно-исполнительной системы и других силовых ведомств.

В связи с этим предлагается внести изменения следующего содержания в ст. 37 УК РФ: «Положения настоящей статьи в равной мере распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, которые в связи с исполнением своих служебных обязанностей принимают участие в охране общественного порядка, обеспечении общественной безопасности и пресечении общественно опасных деяний». Подобное уточнение позволит избежать соответствующих практических ошибок при рассмотрении дел изучаемой категории.

Снyткин Руслан Иванович,
кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы определения целей уголовного наказания

По абсолютно справедливому и аксиоматичному замечанию профессора В.Ф. Лапшина, «человечество со времён древнейших цивилизаций пыталось решить проблему определения цели наказания, которое выступает реакцией общества и государства на совершение преступления»[1]. Анализируя эту проблему, профессор А.В. Наумов в своё время отмечал, что вопрос цели наказания за преступление в большей степени относится к категории философского, нежели юридического характера[2], с чем сложно не согласиться. Размышляя о цели наказания, известный итальянский гуманист и реформатор уголовного права, апологет классической школы криминологии Чезаре Беккариа (1738–1794) определял, что цель наказания должна заключаться только в том, «чтобы воспрепятствовать виновному вновь нанести вред обществу и удержать других от совершения того же; следует употреблять только такие наказания, которые при сохранении соразмерности с преступлениями производили бы наиболее сильное и наиболее длительное впечатление на душу людей и были бы наименее мучительными для тела преступника»[3]. Подобные же доктринальные новеллы эпохи Просвещения прослеживались и в размышлениях его соратника по времени Жан-Жака Руссо (1712–1778). Важно заметить, что в основе этого интеллектуального движения в области юриспруденции лежали рационализм и свободомыслие. Как писал в своём фундаментальном монографическом исследовании, посвященном той эпохе, французский философ Мишель Фуко, начинается «эра карательной сдержанности» [4], правосудие поступательно отказывается от телесного характера наказания, эффективность уголовных санкций понимается через парадигму его неотвратимости, а не устрашения, публичности и зрелищности. Высказанные более двухсот лет назад реформаторские идеи того времени

[1] Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография / под ред. докт. юрид. наук В.Ф. Лапшина. М., 2018. С. 118.

[2] См. подробнее: Наумов А.В. Российское уголовное право. Общая часть: курс лекций. 6-е изд., перераб. и доп. М., 2018. С. 551.

[3] Беккариа Ч. О преступлениях и наказаниях / Сост. и предисл. В.С. Овчинского. М., 2009. С. 103.

[4] См. подробнее: Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. М. 2016. С. 89–91.

оказали существенное влияние не только в области научной мысли, но и в практическом законотворчестве, структуре и принципах деятельности органов правосудия и юстиции всех европейских стран, включая и российскую юриспруденцию. Развитие пенологии, института уголовного наказания, всевозможных форм и видов уголовно-правовых санкций, и, конечно, сопровождающих этот процесс проблем целеполагания, продолжается и сегодня.

Современные процедуры совершенствования отечественного уголовно-правового законодательства и пенитенциарной системы обусловлены социальной тенденцией гуманизации и либерализации уголовно-правовой политики. Это не национальная особенность, а общемировой тренд развития соответствующих отраслей права. Передовые традиции теории и практики реализации принципов уважения основных прав и свобод человека, и убеждений о возможностях людей к самосовершенствованию в аспекте пенитенциарной политики, формируемые правовой культурой западноевропейских юридических школ (предтечи которых возникли в Западной Европе и США еще в конце 18-го – начале 19-го веков), оказали значительное влияние на развитие уголовно-правовых и криминологических учений в нашей стране. К числу специализированных международных актов, содержащих стандарты обращения с лицами, подвергающимися уголовной ответственности, следует отнести Минимальные стандартные правила ООН в отношении мер, не связанных с тюремным заключением (Токийские правила), Европейские пенитенциарные (тюремные) правила и Конвенцию против пыток и других жестоких, бесчеловечных и унижающих достоинство видов обращения и наказания, Минимальные стандартные правила ООН, касающиеся отправления правосудия в отношении несовершеннолетних (Пекинские правила). В современных условиях, на фоне широкого распространения гуманистических и демократических идей, указанные акты и ряд других подобных международных правовых соглашений определяют парадигму развития пенитенциарных систем многих стран и их место в политике государства по противодействию преступности. Как отмечается в современных исследованиях, в свете либерализации государственной уголовной политики в нашей стране достигнут самый низкий количественный показатель численности лиц, содержащихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы Российской Федерации[1].

Однако несмотря на всю фундаментальность и глубину научно-практической разработки проблемы определения целей уголовного наказания, до сих пор среди экспертного сообщества и специалистов в области права нет ясно определенного единства и согласованности в

[1] См.: Азархин А.В., Дроздов А.И. Гуманизация условий содержания осужденных в исправительных колониях как средство реализации уголовно-исполнительной политики // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 3 (43). С. 113–117.

дефинитивном толковании целей наказания, споры и дискуссии на этот счёт не утихают из года в год ни в научном сообществе, ни среди практикующих юристов. В сложившейся ситуации можно смело констатировать, что сущность целей уголовного наказания, с точки зрения, единообразного их понимания, остаётся для нас *terra incognita*.

Более того, исходя из философского принципа экстраполяции, возникает умозаключение, что процесс этот, даже в долгосрочной перспективе, будет иметь перманентный характер, чем, кстати, так же непременно будет возбуждать и научно-исследовательский интерес молодых учёных в области уголовного права и криминологии.

Согласно положениям общих частей действующих сегодня отечественных уголовного и уголовно-исполнительного кодексов, формально-юридически закон предполагает следующие три цели всех, без исключения, тринадцати видов уголовных наказаний[1]:

восстановление социальной справедливости,

исправление осужденного,

предупреждение совершения новых преступлений.

Как известно, целеполагание предполагает положительную динамику достижения конкретных результатов, выражающихся в содержательном изменении текущего состояния объекта воздействия в сторону улучшения. Основная проблематика в предмете нашего анализа заключается в том, что все признаки реализации или, скажем так, достижения этих целей, а также их содержательные свойства, носят характер исключительно оценочных социально-правовых категорий. Определить коэффициент эффективности достижения такого рода многоплановых и комплексных результатов по каким-либо нормативным критериям *de facto* невозможно. Именно эта сущностная коллизия формы и содержания является основным детерминантом всех научно-практических, доктринальных и законотворческих споров и дискуссий на тему определения целей уголовного наказания. Отсюда – и поиски в формировании актуальной системы мер наказания, отвечающей современным реалиям и требованиям времени.

Вместе с тем, следует согласиться с мнением ряда современных учёных[2], что по отдельным аспектам дефиниции целей уголовного наказания среди юристов всё же прослеживается относительная солидарность мнений. Прежде всего, это касается вопроса предупреждения

[1] См. подробнее статьи 43 и 44 Уголовного кодекса и ст. 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

[2] См., например: Подройкина И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М., 2017; Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография. М., 2014.

совершения новых преступлений[1] как осужденными, так и иными лицами. То есть, речь идёт строго об общесоциальной и индивидуальной криминологической профилактике, идейно заложенной в целеполагании уголовного наказания.

Кроме того, современный Уголовно-исполнительный кодекс РФ отчасти облегчил доктринальную дискуссию по вопросу формализованного понятия исправления осужденного, внеся некоторую ясность в определение этого критерия уголовного наказания. В статье 9 УИК РФ раскрываются основные шесть признаков исправления, в смысловом своём значении, кстати, замкнутые на психолого-педагогических, а не юридических аспектах, и выражающихся в формировании у осужденного уважительного отношения к человеку, обществу, труду, общественным нормам, правилам и традициям, а также – стимулировании правопослушного поведения осужденного.

Широкое применение оценочных категорий в современном российском законодательстве вызывает различные, иногда совершенно противоположные отклики российских ученых. Критическое отношение к этим категориям было заложено уже в дореволюционной российской юридической литературе[2]. Коллизионность их применения в судебно-следственной и криминологической практике связана с закономерными рисками возникновения предпосылок для ограничительного или расширительного (экстенсивного) их толкования правоприменительными, правоохранительными и судебными органами власти. Вместе с тем, важно учитывать точку зрения авторов, которые справедливо отмечают, что, несмотря на некоторые неизбежные коллизии в таком правотворческом процессе и правоприменительной практике, данный прием юридической техники обладает определенными преимуществами. Социально-правовые категории оценочного характера позволяют учитывать складывающуюся динамику общественных отношений, придают гибкость и, вместе с тем, стабильность правовому регулированию, создают возможности для поднормативного правового регулирования общественных отношений[3]. Подобный подход нам представляется вполне актуальным и в прикладном разрешении проблем определения целей уголовного наказания, учитывая значение специальной и общей криминологической превенции.

Несмотря на существующий в настоящее время научный, научно-практический и даже философский плюрализм мнений и взглядов в

---

[1] Как это гипотетически и диспозитивно и сформулировано в положениях статьи 43 Уголовного кодекса и статьи 1 Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации.

[2] См., например: Познышев С.В. Основные вопросы учения о наказании. М., 1904.; Таганцев Н.С. Русское уголовное право. Лекции. Часть общая. СПб., 1902.

[3] См. подробнее: Медная Ю.В. Поднормативное правовое регулирование общественных отношений: дис. … канд. юрид. наук. Саратов, 2008.

вопросе дефиниции целей уголовных наказаний и их видов, справедливости ради следует отметить, что по фундаментальным вопросам уголовного наказания отечественная школа криминологии и уголовно-правовая доктрина за последние несколько десятилетий сформировали три базовые теории уголовного наказания: абсолютные теории, относительные (утилитарные) теории и смешанные теории уголовного наказания, анализу и исследованию которых сегодня посвящено множество монографических, очень серьёзных и интересных научных работ[1]. Вместе с тем, учитывая динамичное развитие современных социальных, социально-экономических и политических отношений, вызванных модернизацией, перенаселением крупных городов, урбанизацией и глобализацией, следует согласиться с мнением профессора М.М. Бабаева и профессора Ю.Е. Пудовочкина, что эволюционные процессы требуют нового прочтения идей уголовного наказания, поиска его новой сущности и внешних признаков, содержания и формы[2].

Соколова Юлия Сергеевна,
слушатель 5 курса Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Современное состояние размещения государственных заказов для нужд органов внутренних дел

На сегодняшний день система государственных заказов для государственных и муниципальных нужд в части обеспечения публично-правовых образований материально-техническими средствами для выполнения ими своих функций является однозначно необходимой для всестороннего развития экономики в Российской Федерации. В полной мере указанное относится и к системе органов внутренних дел. В рамках эффективности, своевременности и правильности исполнения своих функций в сфере обеспечения общественной безопасности и правопорядка, органы внутренних дел нуждаются в постоянном пополнении и обновлении материально-технической базы, именуемой как тыловое обеспечение деятельности органов внутренних дел. Помимо этого, участие

[1] См., например: Подройкина И.А. Уголовные наказания в современной России: проблемы и перспективы. М., 2017; Орлов В.Н. Уголовное наказание: понятие, система, объект назначения, состав отбывания: монография. М., 2014; Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография / под ред. докт. юрид. наук В.Ф. Лапшина. М., 2018.

[2] См. подробнее: Уголовное наказание: социально-правовой анализ, систематизация и тенденции развития: монография / под ред. докт. юрид. наук В.Ф. Лапшина. М., 2018. С. 60–61.

органов внутренних дел в договорных правоотношениях, в том числе по государственному заказу, является несколько отличным от общего порядка, что актуализирует исследование современного состояния размещения государственных заказов для нужд органов внутренних дел.

В настоящее время система нормативно-правового регулирования государственных заказов, порядок их размещения и исполнения регулируется базовым для указанной отрасли законодательным актом – Федеральным законом от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд»[1]. Помимо этого, основой для развития финансово-хозяйственной деятельности является Федеральный Закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе»[2]. Закрепляя фундаментальные положения, связанные с целевым назначением экономических отношений, возникающих в сфере государственных заказов, указанные нормативно-правовые акты имеют прямое отношение и к системе государственного заказа в органах внутренних дел. Помимо этого, финансово-хозяйственная деятельность в части особенностей заключения и исполнения государственных контрактов для нужд органов внутренних дел регулируется рядом ведомственных правовых актов.

Современный этап развития договорных отношений с участием органов внутренних дел в части заключения и исполнения государственных заказов для их нужд характеризуется в целом как удовлетворительный. Тем не менее, на практике в процессе их осуществления, с момента подготовки государственных контрактов до их исполнения конкретным хозяйствующим субъектом, отмечается ряд трудностей. Наиболее существенной из них является особый режим подразделений органов внутренних дел, связанный с ограничением доступа на их территорию по различным обстоятельствам, в том числе и ввиду работы с охраняемой государством информацией. По мнению К.И. Осиповой, такой подход приводит к непреднамеренному ограничению конкуренции и, как следствие, росту цен на тот или иной продукт, наличие пропускного режима может привести к несвоевременному исполнению обязанностей, возложенных на поставщика[3].

---

[1] Федеральный закон от 05.04.2013 № 44-ФЗ «О контрактной системе в сфере закупок товаров, работ, услуг для обеспечения государственных и муниципальных нужд» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] Федеральный закон от 29 декабря 2012 г. № 275-ФЗ «О государственном оборонном заказе» [Электронный ресурс]. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[3] Осипова К.И. Экономический и правовой анализ закупочной деятельности в системе МВД России // Вестник Московского университета МВД России. 2019. № 2. С. 252.

Еще одной трудностью, с которой сталкиваются подразделения органов внутренних дел, отвечающие за обеспечение необходимыми материально-техническими средствами, является усложненная система планирования финансово-хозяйственной деятельности, которая проявляется в следующем. Органы внутренних дел, обобщая свои потребности в части материально-технических средств, формируют план, который совместно с другими планами, предоставляемыми иными органами внутренних дел, утверждаются и тем самым включаются в состав единого плана снабжения на следующий календарный год. Проблема заключается в том, что все потребности, не вошедшие в состав указанного единого плана, удовлетворяются путем заключения государственных контрактов теми подразделениями, у которых указанные потребности возникли, предварительно составляя план-график закупок на следующий год. По мнению некоторых исследователей, такой подход, именуемый двойным планированием, является обременительным для органов внутренних дел, ответственных за материально-техническое снабжение[1].

Особое внимание обращает на себя проект реформирования системы органов внутренних дел, в котором немаловажную роль играет та часть, которая непосредственно связана с системой государственных закупок, создаваемой Министерством внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России). На сегодняшний день Министерство финансов Российской Федерации предлагает достаточно неоднозначный с точки зрения действующей системы государственных закупок проект – создание единого органа – расчетного центра, а также единой системы материально-технического (тылового) обеспечения с целью централизации хозяйственной деятельности всех правоохранительных органов[2]. Неоднозначность указанного подхода к рассмотрению финансово-хозяйственной деятельности публично-правовых образований, осуществляемой через систему правоохранительных органов, проявляется в его последствиях, которые могут иметь как положительный, так и отрицательный эффект. Так, с одной стороны, создание единой системы для ведения всей финансово-хозяйственной деятельности государственных органов, ответственных за обеспечение реализации правоохранительной функции, в том числе и МВД России, будет способствовать более эффективному осуществлению договорных правоотношений в части обеспечения необходимыми материально-техническими средствами указанных правоохранительных органов для своевременного и

[1] Федина Л.М. Специфика планирования поставки товаров для органов внутренних дел Российской Федерации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2015. № 1. С. 324.

[2] Урезание «силового блока». Минфин предложил реформы силовых ведомств. URL: https://www.svoboda.org/a/30904951.html.

эффективного тылового обеспечения всех силовых структур. С другой стороны, такой подход может привести к бюрократизации ведения финансово-хозяйственной деятельности, в том числе и по причине того, в ведении какого органа будет находиться указанное подразделение.

Таким образом, система государственных закупок в МВД России и ее нормативное закрепление позволяют отметить определенные трудности в части заключения и исполнения государственных контрактов, а также формирования и обобщения потребностей органов внутренних дел в тех или иных материально-технических средствах, связанные как с особым режимом подразделений органов внутренних дел, так и чрезмерным планированием закупочной деятельности, что обременяет ответственные за это подразделения. Современные предложения по реформированию системы подразделений, ответственных за снабжение и ведение финансово-хозяйственной деятельности в правоохранительных органах, могут как способствовать разрешению вышеуказанных проблем, так привести к возникновению новых.

Соломоненко Иван Геннадьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права и криминологии
Ставропольского филиала
Краснодарского университета МВД России

Проблемы квалификации заражения венерической болезнью

Одной из основных проблем квалификации заражения венерической болезнью является выяснение вопроса о форме вины в составе исследуемого преступления. К сожалению, судебная практика не дает разъяснений по данному вопросу. Однако существует положение ч. 2 ст. 24 УК РФ, которое, на наш взгляд, дает однозначный ответ на этот вопрос. Исходя из этой нормы, форма вины в исследуемом преступлении может быть только умышленной, поскольку в тексте ст. 121 УК РФ отсутствует указание на неосторожную форму вины.

Несмотря на это Пленум Верховного суда РФ, дает довольно странное разъяснение. Так, в пункте 12 своего постановления № 16 от 4 декабря 2014 г. «О судебной практике по делам о преступлениях против половой неприкосновенности и половой свободы личности» указывается, что ответственность по пункту «в» части 2 ст.131 УК РФ и (или) по пункту «в» части 2 ст. 132 УК РФ наступает в случаях, когда лицо, заразившее потерпевшее лицо венерическим заболеванием, знало о наличии у него этого заболевания, предвидело возможность или неизбежность заражения

и желало или допускало такое заражение, а равно когда оно предвидело возможность заражения потерпевшего лица, но самонадеянно рассчитывало на предотвращение этого последствия[1].

Следовательно, Пленум Верховного суда РФ прямо говорит о том, что отношение к последствию в виде заражения венерической болезнью может выражаться в виде преступного легкомыслия, что прямо противоречит ч. 2 ст. 24 УК РФ.

Уголовное законодательство России, в ч. 2 ст. 121 УК РФ, предусматривает два признака, отягчающих уголовную ответственность за заражение венерической болезнью. Речь идет о том же деянии, совершенном в отношении двух или более лиц либо в отношении несовершеннолетнего.

Ранее УК РСФСР 1960 г., содержал еще один квалифицирующий признак данного состава. Однако сегодня, совершение указанного преступления лицом, ранее судимым за заражение другого лица венерической болезнью, не отягчает ответственность за данное преступление.

Такая позиция законодателя вызывает недоумение. Всем известен факт, что в тексе уголовного закона, на момент его принятия, было, в ряде случаев, указание на специальный рецидив, как на обстоятельство, существенно отягчающее наказание. Норма, содержащаяся в ст. 121 УК РФ изначально не содержала данный квалифицирующий признак.

В 2003 году, данный вид рецидива был удален из текста уголовного закона. Дискуссии по этому поводу еще долго велись в науке уголовного права. Однако со временем, законодатель стал возвращать указание на специальный рецидив в текст УК РФ, в качестве квалифицирующего признака ряда составов. Не исключением стали и преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности.

Оставим в стороне рассуждения о факультативном объекте заражения венерической болезнью, в случае его совершения в отношении несовершеннолетнего, поскольку они не являются предметом нашего исследования. Но мы не можем оставить в стороне тот факт, что некое отношение к половой неприкосновенности или к половой свободе, заражение несовершеннолетнего венерической болезнью, все же имеет. Тем не менее, в настоящее время, данный квалифицирующий признак в ст. 121 УК РФ отсутствует. При этом, даже дискуссия о его необходимости не ведется.

Однако обратимся к тем квалифицирующим признакам, которые содержатся в ч. 2 ст. 121 УК РФ.

В теории уголовного права моментом окончания исследуемого преступления принято считать не момент поставления в опасность

[1] Российская газета. № 284, 12.12.2014.

заражения, а сам факт попадания инфекции венерического заболевания в организм потерпевшего, при этом должно произойти дальнейшее развитие инфекционного процесса. Причем сам текст уголовного закона именно это имеет в виду.

В случае заражения венерической болезнью двух или более лиц, преступление, совершенное одновременно или в разное время, не образует совокупности преступлений и подлежит квалификации по ч. 2 ст. 121 УК РФ, при условии, что ни за одно из этих заражений виновный ранее не был осужден.

Этот вывод основывается на законодательном определении совокупности преступления, представленном в ч. 1 ст. 17 УК РФ.

Не менее интересен вопрос о квалификации случаев заражения одного лица и покушение на заражение другого лица. Однозначно, что подобная ситуация не должна рассматриваться как оконченное преступление, а именно заражение венерической болезнью двух и более лиц.

Следует отметить, что Пленум Верховного суда РФ не давал разъяснений по данному вопросу. Последние разъяснения по данному составу предоставил еще Пленум Верховного суда СССР в своем постановлении № 15 от 8 октября 1973 г. «О судебной практике по делам о заражении венерической болезнью»[1].

К сожалению, и там не был разъяснен возможный вариант квалификации рассматриваемой совокупности. В данном случае следует признать справедливость формулы квалификации, предложенной Пленумом Верховного суда РФ, в аналогичных ситуациях, по отношению к убийству.

В своем постановлении от 27 января 1999 г. № 1 «О судебной практике по делам об убийстве (ст. 105 УК РФ)» Пленум Верховного суда РФ рекомендует, что убийство одного человека и покушение на убийство другого не может рассматриваться как оконченное преступление – убийство двух лиц. В таких случаях независимо от последовательности преступных действий содеянное следует квалифицировать по ч. 1 или ч. 2 ст. 105 и по ч. 3 ст. 30 и п. «а» ч. 2 ст. 105 УК РФ[2].

В силу изложенного, применительно к заражению двух и более лиц венерической болезнью, вне зависимости от порядка преступных действий, содеянное надлежит квалификации по ч. 1 или ч. 2 ст. 121 УК РФ и по ч. 3 ст. 30 и ч. 2 ст. 121 УК РФ.

Вторым квалифицирующим признаком заражения венерической болезнью является заражение несовершеннолетнего.

Следует согласится с утверждением, что «у подавляющего большинства несовершеннолетних отсутствуют даже минимальные знания

[1] Бюллетень Верховного Суда СССР. 1973. № 6.

[2] Российская газета. № 24, 09.02.1999.

по самосохранению, практически у всех из них не хватает чувства опасности, тревожности даже при явной угрозе преступного посягательства, не достает осторожности в общении с окружающими, тем более незнакомыми людьми. Эта категория слишком доверчива и внушаема, а, следовательно, виктимна»[1].

Вследствие этого, несомненно, совершение деяния, предусмотренного в ч. 1 ст. 121 УК РФ, в отношении несовершеннолетнего существенным образом повышает степень общественной опасности и требует более жесткой реакции со стороны государства, отраженной в санкции ч. 2 ст. 121 УК РФ.

Федеральным законом № 14-ФЗ от 29.02.2012 г. «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации в целях усиления ответственности за преступления сексуального характера, совершенные в отношении несовершеннолетних», из текста ч. 2 ст. 121 УК РФ было исключено слово «заведомо» применительно к заражению несовершеннолетнего[2].

В соответствии с данными изменениями предполагалось, что если ранее для квалификации содеянного по ч. 2 ст. 121 УК РФ было необходимо, чтобы виновное в преступлении лицо доподлинно знало или было осведомлено о том, что потерпевшее лицо не достигло совершеннолетия, то после этих изменений подобного осознания не требуется.

После внесенных изменений стало очевидным, что законодатель подразумевал, что для квалификации по ч. 2 ст. 121 УК РФ при заражении венерической болезнью несовершеннолетнего не требуется, чтобы виновный знал о возрасте потерпевшего.

Более того некоторыми исследователями приветствовался подобный подход к квалификации заражения венерической болезнью несовершеннолетнего.

Так в литературе указывалось, что исключение такого признака как «заведомость» в отношении возраста лица, не достигшего совершеннолетия дает право говорить о тенденции усиления уголовной ответственности за сексуальные преступления против несовершеннолетних[3].

Однако судебная практика, совершенно справедливо, пошла по иному пути. Практически сразу после вступления в законную силу данных

---

[1] Зарипова Г.А. Противодействие преступлениям в отношении несовершеннолетних // Уголовное право. 2012. № 7. С. 31.

[2] Собрание законодательства РФ, 05.03.2012. № 10. Ст. 1162.

[3] Епихин А.Ю. Проблемы исключения признака «заведомости» из диспозиций отдельных составов преступлений на основании закона № 14-ФЗ от 29.02.12 // Российский следователь, 2016. № 14. С. 13.

изменений, были приняты ряд решений, нивелировавших указанные новеллы в тексте уголовного закона. Основанием для таких решений, естественно, стал принцип вины, который гарантирует строгий запрет на объективное вменение, то есть уголовную ответственность за невиновное причинение вреда.

Вне всякого сомнения, можно говорить, что совершение преступления в отношении лица не достигшего совершеннолетия всегда имеет повышенную опасность, и не только потому, что такое лицо еще не может в полной мере обезопасить и защитить себя, но еще и потому, что это очень отрицательно характеризует самого виновного. Однако игнорировать принципы уголовного права, в целом, и уголовного закона, в частности, не следует.

И последний момент, на который хотелось бы обратить внимание. Речь идет о возможности освобождения от уголовной ответственности за исследуемый состав преступления. Ее попросту нет. Тем более странно такое решение законодателя, поскольку в составе заражения ВИЧ-инфекцией, предусмотренном в ст. 122 УК РФ такая возможность существует. Причем такое освобождение от уголовной ответственности является не правом, а обязанностью правоприменителя, если другое лицо, поставленное в опасность заражения либо зараженное ВИЧ-инфекцией, было своевременно предупреждено о наличии у первого этой болезни и добровольно согласилось совершить действия, создавшие опасность заражения.

Нелогичность такого решения законодателя прямо вытекает из сопоставительного анализа санкций статей 121 и 122 УК РФ. Совершенно очевидно, что заражение ВИЧ-инфекцией, значительно более общественно-опасное деяние по сравнению с заражением венерической болезнью.

Возникает вполне закономерный вопрос, связанный с возможностью освобождения от уголовной ответственности за более общественно-опасное деяние, при отсутствии такой возможности за совершение, по сути аналогичного, но менее общественно-опасного деяния.

Нам понятны обоснования введения такой нормы в примечание к ст. 122 УК РФ, однако совершенно не ясна аргументация отсутствия аналогичного примечания к ст. 121 УК РФ.

На основании вышеизложенного, предлагаем законодателю, внести изменения в ст. 121 УК РФ, путем включения в указанную норму, примечания, которое бы содержало обязанность освобождения от уголовной ответственности, при наличии осведомленности потерпевшего о наличии такого заболевания и его добровольном согласии на совершение деяний, которые могли повлечь заражение такой болезнью.

Сорокун Николай Сергеевич,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России

Девятовская Светлана Викторовна,
кандидат юридических наук,
преподаватель кафедры уголовного права и криминологии
Ростовского юридического института МВД России

Причины возникновения насильственной преступности в молодежной среде

В российском уголовном законодательстве насчитывается более чем 50 статей, которые предусматривают преступления, совершаемые с применением насилия. Важную роль на всей территории Российской Федерации отводят насильственным преступлениям, которые совершаются несовершеннолетними и молодежью. Преступления, которые совершаются молодежью увеличивают общее число насильственных смертей, различных увечий, а также растет число инвалидностей. Насилие в молодежной среде наносит огромный вред не только жертвам преступления, но также и их семьям. Насильственные последствия измеряют не только числом телесных повреждений, убийств, но также и значительным ухудшением качества жизни жертв.

Насилия в молодежной среде являются очень жестокими и беспощадными, а также регулярно усиливается их виктимность. Проблемы насилия в молодежной среде касаются не только роста насильственных преступлений, совершаемых несовершеннолетними, а также изменений структуры насильственных преступников. По статистическим данным, наиболее высокими темпами растет криминализация подростков в возрасте от 13 до 15 лет, по сравнению с криминальной активностью 16-летних.

Достаточно отметить, что за последние пять лет число преступлений, совершенных несовершеннолетними, возросло на 32,2%. Остаётся стабильно высоким, около 63% удельный вес преступлений, совершаемых подростками в группе. Многие преступления осуществляются продуманно и преднамеренно. Всё большее число преступлений совершается с особой жестокостью. Растёт доля насильственных преступлений: убийств, тяжкого вреда здоровью, грабежей, разбоев и так далее.

Актуальность темы насилия в молодежной среде заключается в том, что на сегодняшний день насильственная преступность несовершеннолетних и молодежи вызывает серьезную тревогу в российском обществе, так как на протяжении последних десяти лет количество насильственных преступников в подростково-молодежной среде непрерывно растет.

Рост насильственной преступности несовершеннолетних в нашей стране заставляет все чаще задумываться о ее печальном будущем[1], так как несовершеннолетние насильственные преступники по мере своего взросления чаще всего органично встраиваются в мир взрослой преступности, уже имея опыт осуждения за проявленные акты насилия.

Большая часть несовершеннолетних преступников достаточно осознанно идут на совершение антиобщественных действий, более того, они преследуют определенную цель. В основном совершаются преступления с целью ограбления, вымогательства, но также присутствуют и преступления, которые совершают подростки по причине вовлечения их в совершение данных действий[2].

По итогам исследования многих лет, можно сделать вывод, что рост преступности несовершеннолетних обуславливается влиянием на них взрослых, которые используют молодежь для реализации своих криминальных целей.

Больше половины подростков идут на преступления повторно. Зачастую, в момент совершения преступления они находятся в наркотическом или алкогольном состоянии, а каждый 3-й подросток из неблагополучной семьи.

В современном мире происходит такое явление, как появление в молодежной среде насилия, которое является опасным для общества, и в свою очередь, формирует патологию в социальной сфере. С помощью которой, можно выявить тип несовершеннолетнего насильственного преступника, а также его специальные свойства личности, отличающие его от других людей не несущих опасность для общества.

Возникновение этой проблемы следует искать в объективных причинах, которые формируют насильственное поведение у несовершеннолетних. Как считают известные психологи и криминологи: «основная причина появления насилия у несовершеннолетних – это воспитание в семье».

Равнодушие родителей к жизни подростков и молодежи, к их проблемам и успехам, становлению их психологического и эмоционального фона, приводит к тому, что детям сложно или совсем невозможно контролировать свое поведение в обществе. Также, для ребенка становится вредным излишняя опека и ограничения родителей, когда они слишком сильно пекутся о нем и слишком ограничивают его развитие как личность. Нередко, в семьях происходят конфликты между

[1] Казакова А.С. Причины возникновения и роста преступности несовершеннолетних [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-vozniknoveniya-i-rosta-prestupnosti-nesovershennoletnih.

[2] Коровин Е.П. Особенности субъективной стороны вовлечения несовершеннолетнего в совершение действий, представляющих опасность для его жизни // Российский следователь, 2019, № 4. С. 3.

родителями и детьми, которые выводят ребенка из себя и могут в дальнейшем превратить его в «бунтаря», способного к совершению насилия в обществе. Так же, тяга к насилию у подростков, чаще происходит в семьях, в которых царит неблагополучная обстановка, а именно: насилие, употребление алкоголя, ссоры, скандалы, все это влияет на психологическое состояние ребенка[1].

Насильственная преступность в молодежной среде является наиболее тревожной, чем преступность других возрастных групп. Несовершеннолетние – это лица от 14 до 18 лет, характеризующиеся как общественная группа населения страны, отличающаяся от других возрастом, физическим, психологическим и социальным развитием, а также характером общения.

Поэтому, важной частью по предупреждению преступности несовершеннолетних и по их воспитанию, в настоящее время, является профилактика.

Для решения данной проблемы на федеральном уровне и на уровне субъекта Российской Федерации, необходимо создать организованную сеть служб социальных программ, а также было бы уместно организовать институт ювенальной юстиции, который поможет разобраться в решении проблем совершения преступлений подростками и молодежью.

Каждая преступность имеет свои причины, которые свойственны только ей. Рассматривая насильственную преступность несовершеннолетних, следует отметить, что она имеет свои «особые» причины. Причинами являются, неблагоприятные психологические и социальные детерминанты, которые включают части правовой, экономической, политической и бытовой психологии на разных уровнях общественного восприятия, вследствие порождающие преступность[2].

Такие факторы, как безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних, являются причинами преступности. Они являются одними из самых тревожных характеристик современного общества России.

Каждый год фиксируется более 100 тысяч детей, которые остаются без попечения родителей. Большинство из них, являются сиротами или отбираются у родителей из-за невыполнения ими обязанностей по воспитанию своих детей[3]. Дети из «плохих семей», которые лишены средств к существованию, зачастую вовлекаются в криминальные сферы

---

[1] Антонян Ю.М., Бражников Д.А., Гончарова М.В., Коваленко В.И., и др. Комплексный анализ состояния преступности в РФ и расчетные варианты ее развития.

[2] Лукащук С.В., Тепляшин П.В. Общественная опасность и криминологическая детерминация насильственной преступности несовершеннолетних // Научно-образовательный потенциал молодежи в решении актуальных проблем XXI века. 2017. № 6. С. 355.

[3] Статистика лишения родительских прав. [Электронный ресурс] URL: https:// www.kp.by/daily/26803/3838742.

деятельности, такие как: торговля алкоголем или табачной продукцией, кражи, занятие проституцией и другое. Все это связано с негативным психологическим и социальным влиянием на развитие подростков, а также на их здоровье.

Безнадзорностью, называют отсутствие необходимого и тщательного контроля за своими детьми (за их поведением, то, чем они занимаются, что им интересно, с кем общаются), со стороны семьи и образовательных учреждений.

Также, появление безнадзорности, возможно, из-за отсутствия желания у родителей выполнять обязанности, которые возложены на них законом, а именно: воспитывать и содержать своих детей.

Отсутствие необходимой требовательности к ребенку, неопределенность круга его обязанностей, контроля за его учебой и досугом, все это приводит к появлению опасных форм безнадзорности, ребенок попадает в криминогенные компании, которые легко привлекут его и начнут подчинять себе. Негативное влияние на несовершеннолетних криминогенных компаний, в дальнейшем приведут к совершению им насильственного преступления, даже не одного, а нескольких.

Крайней стадией безнадзорности является беспризорность, невозможность контроля за ребенком из-за отсутствия у него не только родителей, но и жилья.

Для борьбы с беспризорностью, органы полиции ловят детей и отвозят их в больницу, где их моют и отправляют в приют, откуда они зачастую снова убегают. Эта проблема до сих пор не решена и является одной из важных причин преступности несовершеннолетних, которая становится явлением, представляющим собой, нарушение прав ребенка: воспитание, семейное окружение, а также, развитие[1].

Следует отметить, что насильственная преступность несовершеннолетних развивается под воздействием тех же причин, что и преступность в целом, но в то же время имеет некоторые свои особенности.

Чаще всего несовершеннолетние совершают насильственные преступления вследствие следующих причин:

– влияние плохого отношения родителей к своим детям;

– провокация на совершение насильственных преступлений, которая исходит от преступников взрослого возраста;

– отсутствие возможности у родителей обеспечить детей самым необходимым;

– отсутствие у несовершеннолетних интересов к литературе, искусству, учебе, работе.

[1] Декларация прав ребенка (провозглашена Резолюцией 1386 (14) Генеральной Ассамблеей ООН от 20 ноября 1959 г.) [Электронный ресурс] URL: http:// base.garant.ru/2562501.

Наряду, с вышеперечисленными причинами формирования насилия в подростково-молодежной и антиобщественного поведения, влияют условия воздействия со стороны общества, такие как:

– отсутствие необходимого контроля со стороны семьи и образовательных учреждений, о том, как и где подросток проводит свое время;

– неэффективная работа образовательных учреждений по воспитательной работе несовершеннолетних;

– отсутствие хорошей и интересной работы для подростков и молодежи;

– прибавление несовершеннолетних с сильным отставанием в интеллектуальном развитии.

За последние 5 лет в России сформировалось мнение о том, что возможной и главной причиной совершения насильственных преступлений несовершеннолетними, является сильная напряженность в гражданском обществе и существенное ухудшение в экономической сфере.

Из-за отсутствия возможности у подростков заработать деньги законным путем, для приобретения продуктов, необходимых вещей, несовершеннолетние начинают приобретать эти вещи путем насилия, активно участвуют в различных бандах и незаконном бизнесе и другой преступной деятельности.

К негативным последствиям и формирование у подростков и молодежи влечения к совершению преступлений приводит семейное неблагополучие (постоянная нужда в чем-либо, нищета, социальная деградация). Среди подростков и молодежи из неблагополучных семей преступность становиться наиболее высокой. В таких семьях напрочь отсутствуют культура, семейные обычаи и традиции, а процветают наркомания и пьянство. Расстройство эмоционального и психического фона детей, происходит из-за непристойного поведения их родителей.

В таких семьях разрешается насилие и оно там процветает по отношению к своим родным и близким, следовательно, происходит рост опасных и очень жестоких насильственных преступлений, которые совершаются подростками и молодежью.

Массовое потребление спиртных напитков уменьшается лицами, употребляющими их в возрасте 16–17 лет, и возрастает, лицами, употребляющими в 14–15 лет, это все оказывает сильное влияние на развитие несовершеннолетних, их интеллект и социальное поведение.

Если говорить об экономической неустойчивости и сокращении рабочих мест, то это привело к снижению возможности найти работу подростком и молодежи, а также тем несовершеннолетним, которые уже отбыли наказание за совершенное преступление.

Контроль над становлением подрастающего поколения в обществе Российской Федерации зависит от многих институтов социализации, таких

как: школа, семья, молодежные организации, но в настоящее время они начинают терять свое значение и на смену им ничего не приходит.

Оценивая поведение любого человека, мы сравниваем его с определенной нормой. Поведение может быть отклоняющимся от нормы, нестандартным, его еще называют девиантным[1]. Можно сказать, что преступники подростково-молодежной среды являются девиантами, так как это люди, которые явно откланяются от общепринятых норм и правил, по большей части это несовершеннолетние из неблагополучных семей.

Большая часть несовершеннолетних преступников достаточно осознанно идут на совершение антиобщественных действий, более того, они преследуют определенную цель. В основном совершаются преступления с целью ограбления, вымогательства, но также присутствуют и преступления, которые совершают подростки по причине вовлечения их в совершение данных действий.

Больше половины подростков идут на преступления повторно. Зачастую, в момент совершения преступления они находятся в наркотическом или алкогольном состоянии, а каждый третий подросток из неблагополучной семьи.

Также, следует учесть, что степень развитости общества в сфере культуры, тоже влияет на совершения несовершеннолетними преступлений. Её можно определить его социальным статусом, развитием и материальным благополучием. Коммуникативные каналы информации, являются одним из современных способов окультуривания общества, благодаря которым население страны может спокойно получать и передавать от поколения к другому поколению жизненные и накопленные знания. У человека с недостаточным доступом к информационным каналам, может складываться небольшой уровень культуры, а сам человек может начать деградировать от общества.

Следовательно, в данный момент, современные информационные каналы, такие как к примеру: Интернет, которые в настоящее время являются важнейшей составляющей культуры российского общества, могут стать носителями рекламы среди молодых людей всевозможных наркотических средств, которые в дальнейшем приведут к зависимости у несовершеннолетних, а следовательно, под действием таких веществ будут совершаться насильственные преступления.

Таким образом, все рассмотренные выше причины, способствующие возникновению преступности подростков и молодежи – это не весь перечень явлений, влекущих совершение преступлений несовершеннолетними. Необходимо полное профилактическое воздействие на все эти

[1] Комлев Ю.Ю. Подростково-молодежная девиантность: объяснительный потенциал субкультурного подхода на примере теории нейтрализации [Электронный ресурс] // https://cyberleninka.ru/article/n/podrostkovo-molodezhnaya-deviantnost-obyasnitelnyy-potentsial-subkulturnogo-podhoda-na-primere-teorii-neytralizatsii.

сферы, основанное на признании и действенной защите прав самих несовершеннолетних, которое даст положительный результат при предупреждении насильственной преступности подростков и молодежи. Профилактические мероприятия для несовершеннолетних представляют собой организованный процесс, с определенной целью – недопущение конфликта несовершеннолетнего с законом.

Старостенко Олег Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Об особенностях дифференциации способов совершения информационно-телекоммуникационного мошенничества в период пандемии COVID-19 и основных мерах безопасности в киберпространстве

Вспышка COVID-19 продолжает оказывать разрушительное воздействие на весь мир. Количество инфицированных увеличивается, вводятся ограничения передвижений как внутри стран, так и за их пределами, фондовые рынки переживают кризис.

Сочетание финансовых угроз и угроз здравоохранения делают людей более уязвимыми и создают благоприятную почву для мошеннических действий. По данным Федеральной торговой комиссии США (далее – FTC), в этом году на фоне пандемии коронавируса, резко возросло количество жалоб на мошенничество с определенными возможностями для работы и бизнеса. Согласно последним доступным данным FTC, во втором квартале 2020 года увеличилось количество сообщений о функционировании мошеннических агентств по трудоустройству, работе за границей, многоуровневых маркетинговых схемах и электронных письмах. Жалобы на мошеннический бизнес также увеличились по сравнению с прошлым годом.

По прошествии шести месяцев после начала пандемии, количество рабочих мест в Америке сократилось примерно на 12 миллионов. В настоящее время 27 миллионов американцев получают пособия по безработице.

Адвокат и помощник директора по маркетингу в отделе маркетинговых практик FTC Кати Даффан констатирует следующее: «Всякий раз, когда мы видим периоды больших финансовых трудностей и высокого уровня безработицы, мы, к сожалению, видим всплеск мошенничества, нацеленного на людей, испытывающих финансовые затруднения. В настоящее время такого рода мошенничество сопряжено с

использованием информационно-телекоммуникационных технологий». Также Даффан подчеркнула, что посредством сети Интернет-мошенники стремятся обогатиться в основном за счет получения предоплат при продажи несуществующего товара или услуги[1].

Анализ статистических данных штата Флорида [2] позволяет зафиксировать преимущество Интернет-мошенничества, основанного на получении гарантированного дохода, по сравнению с другими видами киберпреступности. Лица, лишившиеся, ввиду сложившихся обстоятельств, основной работы или желающие найти дополнительный источник заработка, в период действия ограничений, подавали заявки на удаленную работу в компанию под названием Supreme Purchase. Веб-портал данной компании, действительно, внушал доверие и соответствовал основным критериям безопасного сайта: корректная работа сервера; стройный внутренний код; отсутствие дубля станиц и четко настроенная внутренняя оптимизация; высокий индекс доверия поисковой системы; длинная позитивная история домена.

Работа в компании Supreme Purcase обещала платить 3600 долларов в первый месяц и 1800 долларов каждые две недели после этого. Всем трудоустроившимся предлагалась одинаковая работа – получать посылки, заменять внешнюю этикетку и отправлять их через UPS, после чего подготавливать сопроводительное письмо посредством электронной почты. Ближе к концу рабочего месяца менеджер компании предлагал способ получения заработной платы через прямой депозит или PayPal. Прямой депозит требовал обязательные реквизиты всех персональных данных, включая логин и пароль; в систему PayPal необходимо было входить по ссылке, присылаемой данной компанией. Ссылка точно копировала подлинный сайт платежной системы, и была рассчитана также как и прямой депозит, на кражу персональных данных с целью незаконного обогащения. FTC называет такие случаи мошенничеством с пересылкой.

В России одними из самых популярных способов мошеннических действий в Интернете являются предложения о продаже несуществующих товаров, услуг и социальных льгот. Мошенники предлагают купить очистители воздуха, удаляющие возбудители вируса, а также маски с фильтром, который отсеивает вирус. Эффективность данных средств не доказана, а стоимость сильно завышена. Наряду с этим, появились

[1] Официальный сайт Федеральной торговой комиссии. [Электронный ресурс] URL: https://ftc.vin/ (дата обращения: 10.11.2020).

[2] Crime in the United States: Statistics & Facts [Электронный ресурс] URL: https://www.gov.us/ (дата обращения: 10.11.2020).

предложения о продаже «лекарств», «бесплатное» тестирование на дому или «вакцинация»[1].

Для классификации способов кибермошенничества могут быть использованы далеко не все криминологические основания. Так, например, А.А. Комаров отмечал, что не может быть использован критерий вины, подразделяющий преступность на умышленную и неосторожную. Совершение преступлений, предусмотренных ст. 159 УК РФ, возможны только с прямым умыслом. Также автор отклоняет такие критерии, как мотивация, ввиду корыстной направленности кибермошенничества, и типы поселений, ввиду трансграничности «Всемирной паутины»[2].

По нашему мнению, для дифференциации способов мошеннических действий в сети Интернет, особенно в период пандемии COVID-19, должна быть использована криминологическая группировка явлений и процессов по следующим критериям:

– особенности личности киберпреступника, если представляется возможным ее установить;

– социальная сфера жертв;

– средства достижения преступниками целей преступления;

– мотивация преступного поведения;

– метод познания IT-мошенничества.

Также необходимо различать форму совершения Интернет-мошенничества: преступление, которое совершалось ранее в повседневной жизни, но с развитием информационно-телекоммуникационных технологий распространились с аналогичной скоростью в кибер-пространстве (изготовление поддельных знаков соответствия, марок, клише и т. д.), и преступления, распадающиеся на детальные формы совершения, без возможности их свода к классификационному основанию (дистанционный заработок, фиктивная благотворительность, виртуальная продажа и т. д.).

На основе собранного и проанализированного эмпирического материала, нами предложена универсальная инструкция для пользователей сети Интернет на тему – «Как не стать жертвой кибермошенничества в период пандемии COVID-19».

1. Изучать перед тем, как подавать заявку. Перед отправкой какой-либо персональной или конфиденциальной информации, необходимо проявлять осмотрительность и изучить сторонний сайт, проанализировать отзывы, активность, зрителей, контент, контактную информацию. Нельзя доверять указанному на сайте номеру телефона, так как в большинстве

[1] Федеральная служба по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека, 2 июня 2020 года). [Электронный ресурс]. URL: https://www.rospotrebnadzor.ru/about/info/news/news_details.php (дата обращения: 17.09.2020).

[2] Комаров А.А. Криминологические аспекты мошенничества в глобальной сети Интернет: дис. … канд. юрид. наук. 2010. С. 46.

случаев они поддельные. Заявки необходимо подавать строго через веб-сайт компании, а не по ссылке, отправленной или опубликованной в другом месте.

2. Вовремя сообщить. Заметив мошеннические действия, следует сообщить об этом на веб-сайт, на котором был размещен фальшивый листинг, предупредить правоохранительные органы и прокуратуру. Если же злоумышленникам удалось взломать личный кабинет, необходимо в срочном порядке воспользоваться системой восстановления данных.

3. Защитить свою личность и финансы. В случаях денежного перевода в пользу мошенников, необходимо срочно уведомить компанию, через которую был произведен платеж с целью отслеживания и возврата денежных средств. Кредитные и дебетовые карты имеют право на возврат платежа, а средства, отправленные с помощью подарочных карт или банковского перевода, могут быть заблокированы. Также периодически следует проверять выписки из банка и кредитной карты на предмет любых мошеннических списаний денежных средств.

4. Предупредить других. Если лицо, стало жертвой IT-мошенничества, следует произвести обмен опытом и предупредить близких, как посредством социальных сетей и телекоммуникационной связи, так и на чат-форумах, оставив негативные отзывы.

Стрилец Олег Валентинович,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного права
Волгоградской академии МВД России

Проблемы регламентации наказания в виде принудительных работ в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве

Наказание является основным институтом уголовного права, действенным средством правового реагирования в отношении лиц, совершивших преступления.

Уголовное наказание – это мера государственного принуждения, которая может быть применена только судом и заключается в предусмотренном Уголовным кодексом РФ (далее – УК РФ) лишении или ограничении определенных прав и свобод осужденного, что означает принудительное причинение ему страданий, ущемления, стеснения морального, физического и имущественного характера. Вместе с тем, данное положение полностью отвечает требованиям ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, согласно которой каждый член общества может быть подвергнут ограничениям, установленным законом в целях

обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе[1].

В соответствии с требованиями концепции уголовно-правовой политики на период до 2025 г. «Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.)» приоритетным направлением ее развития является гуманизация уголовного законодательства, а его основным постулатом – утверждение, что «уровень репрессивности уголовного закона может и должен быть понижен с сохранением при этом таких целей уголовного наказания, как восстановление социальной справедливости, исправление осужденного и предотвращение совершения новых преступлений. Это понижение возможно за счет, во-первых, расширения применения наказаний, не связанных с лишением свободы»[2].

Одно из основных мест в системе наказаний, не связанных с изоляцией от общества, по праву принадлежит принудительным работам.

Принудительные работы как вид уголовного наказания имеет глубокие исторические корни. Сущность этого наказания на всех этапах развития законодательства неразрывно связана с привлечением осужденного к труду. Так, в Соборном уложении 1649 г. принудительный труд получил выражение в каторге. Именно этот вид наказания станет на ближайшие три столетия одним из основных выразителей работ, носящих принудительный характер[3]. В Артикуле Воинском 1715 г. широкий размах получила практика лишения свободы, связанная с использованием труда заключенных на принудительных работах, впоследствии получивших название арестантских рот[4]. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных 1845 г., закрепляет ссылку на каторгу как основную форму принудительных работ. Принудительные работы в форме каторги также получили закрепление в Уголовном уложении 1903 г. Принудительные работы в царской России выступали не только как форма государственного принуждения, но и как «неиссякаемый источник, из которого черпались рабочие силы для тех мест, где это необходимо для службы гражданской и военной, для заселения и укрепления границ, для добывания хлебных запасов на продовольствие служилым людям и т. д.»[5].

---

[1] См.: Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

[2] См.: Уголовная политика: дорожная карта (2017–2025 гг.) / Г.А. Есаков, Р.О. Долотов, М.А. Филатова, М.А. Редчиц, К.А. Цай. М.: Центр стратегических разработок, 2017. [Электронный ресурс]. URL: http://csr.ru/news/ugolovnaya-politika-dorozhnaya-karta-2017-2025-gg/ (дата обращения: 15.09.2020).

[3] См.: Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII–XX в.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр «Пресс», 2004. С. 146.

[4] Детков М.Г. Тюрьмы, лагеря и колонии России. М.: Вердикт-1М, 1999. С. 14.

[5] Сергеевский Н.Д. Наказание в русском праве XVII века. СПб., 1887. С. 256.

В советском уголовном законодательстве применение принудительных работ произошло с принятием Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, повторяя название из предыдущего кодекса, закреплял наказание в виде: «принудительные работы без лишения свободы»[1].

По мнению Р.З. Усеева, в советский период развития нашего государства труд заключенных превратился в источник бесконтрольного использования рабочей силы осуждённых для решения производственно-хозяйственных задач общегосударственного значения[2].

Уголовный кодекс РСФСР 1960 года не регламентировал данный вид наказания и других альтернатив лишению свободы.

В первоначальной редакции УК РФ 1996 г. система наказаний (ст. 44 УК РФ) также не предусматривала такой вид наказания как принудительные работы.

Принудительные работы как вид наказания вернулись в отечественное законодательство с принятием Федерального закона от 07.12.2011 № 420-ФЗ «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации». Однако эта инициатива сопровождается проблемами регламентации данного наказания в уголовном, а также и в уголовно-исполнительном законодательстве.

В ст. 53.1 УК РФ законодатель ограничил возможность назначения принудительных работ, поставив основанием назначения вывод суда о возможности исправления осужденного без реального отбывания наказания в местах лишения свободы, при этом закрепляя условие – категорию преступления небольшой или средней тяжести либо тяжкое преступление, совершенное впервые. Часть вторая данной статьи устанавливает дополнительное, довольно спорное условие с учетом содержания части первой ст. 53.1 УК РФ: «При назначении судом наказания в виде лишения свободы на срок более пяти лет, за исключением случаев замены наказания в виде лишения свободы принудительными работами в соответствии со статьей 80 УК РФ, принудительные работы не применяются».

Российский законодатель относит принудительные работы к основным видам наказаний, но не содержит положений об исключительной заменяемости его действия. Согласно общим положениям назначения наказания более строгий вид наказания из числа

[1] Уголовный кодекс РСФСР 1926: Постановление ВЦИК от 22.11.1926 «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. Доступ из справ.-правовой системы «Консультант Плюс».

[2] Усеев Р.З. Исполнение уголовного наказания в виде принудительных работ: исторические аналогии // Уголовно-исполнительная система: право, экономика, управление. 2012. № 6. С. 18–22.

предусмотренных за совершенное преступление назначается только в случае, если менее строгий вид наказания не сможет обеспечить достижение целей наказания. В итоге конструкция реализации сводится к тому, что суд приходит к выводу, что цели наказания могут быть достигнуты только путем назначения лишения свободы, и сразу же отказывается от этого вывода и заменяет лишение свободы на принудительные работы, хотя последний вид тоже имеется в санкции статьи Особенной части УК РФ.

По своей юридической конструкции принудительные работы имеют похожие черты с институтом условного осуждения, данный тезис относится и к сходным основаниям, и к условиям его применения.

Принципиальным их различием является то, что условное осуждение не представляет собой отдельного вида наказания, а только обеспечивает достижение целей наказания через систему запретов под угрозой приведения в исполнение назначенного, но не исполненного наказания в виде исправительных работ, ограничения по военной службе, содержания в дисциплинарной воинской части либо лишения свободы на срок до восьми лет.

В свою очередь принудительные работы представляют собой отдельный вид наказания, хотя в уголовном законе указывается, что принудительные работы являются альтернативой лишению свободы.

Цели наказания при этом достигаются путем привлечения виновного к выполнению трудовых работ, места исполнения которых, определяются органами уголовно-исполнительной системы.

Вместе с тем наблюдается значительное увеличение сроков исполнения принудительных работ (от двух месяцев до пяти лет), по сравнению с советским периодом (от одного дня до одного года). Однако в отличие от советских предшественников, в ст. 53.1 УК РФ закрепляются элементы положений о верховенстве прав и свобод личности. Так, из оплаты труда виновного удержания могут производиться только в пределах от пяти до двадцати процентов.

В этом аспекте, а также для достижения целей «гуманизированной» уголовно-правовой политики нашего государства справедливым является предложение М.В. Ковалева о дополнении ч. 5 ст. 53.1 УК РФ указанием следующего содержания: «При хорошем поведении, добросовестном отношении к труду, отсутствии нарушений порядка и условий отбывания наказания суд по представлению учреждения или органа, исполняющего наказание в виде принудительных работ, вправе снизить размер удержаний из заработной платы осуждённого»[1].

[1] Ковалев М.В. Институт поощрения осужденных в уголовном и уголовно-исполнительном праве: дис. … канд. юрид. наук. Курск, 2020. С. 119.

Несомненно, это далеко не полный перечень проблем связанных с законодательной регламентацией принудительных работ[1].

Вместе с тем, учитывая обоснованную необходимость назначения данного вида наказаний, в условиях ряда экономических санкций, нестабильности курса национальной валюты, отметим, что государство не готово к его реализации. Кроме того, несовершенство комплекса норм, регулирующих порядок исполнения принудительных работ, оставляет ряд нерешенных вопросов.

Согласно ст. 60.2 Уголовно-исполнительного кодекса РФ (далее – УИК РФ) осужденные к принудительным работам, находящиеся к моменту вступления приговора в законную силу на свободе, а также осужденные, которым неотбытая часть наказания в виде лишения свободы заменена принудительными работами, следуют за счет государства к месту отбывания наказания самостоятельно. Однако в соответствии с ч. 3 ст. 60.2 УИК РФ категория осужденных к данному виду наказания, находящихся к моменту вступления приговора в законную силу под стражей, направляются к месту отбывания наказания в порядке, установленном для лиц, осужденных к лишению свободы (под конвоем). При всей альтернативности принудительных работ к лишению свободы по российскому законодательству содержание этого вида наказания, порядок и условия его отбывания не предусматривает требование об изоляции осужденных от общества. После вступления приговора суда в законную силу правовое положение осужденных к принудительным работам равное и на него не может влиять фактор их нахождения под стражей. В связи с этим норма, регламентирующая порядок направления осужденных в исправительные центры под конвоем, противоречит принципам как уголовного, так и уголовно-исполнительного законодательства.

Следующая проблема, на которую следовало бы обратить внимание, состоит в том, что уголовно-исполнительное законодательство не определят принцип раздельного содержания осужденных к данному виду наказания. К примеру, не установлен порядок проживания осужденных мужчин и женщин в общежитиях исправительных центров.

Уголовный и уголовно-исполнительный закон основным средством исправления осужденных к принудительным работам определяют труд. Так, ч. 3 ст. 53.1 УК РФ гласит: «Принудительные работы заключаются в привлечении осужденного к труду», ч.1 ст. 60.7 УИК РФ закрепляет: «Каждый осужденный к принудительным работам обязан трудиться в местах и на работах, определяемых администрацией исправительных центров». Факт отказа от работы по нормам, закрепленным в ст. 60.15 УИК РФ может повлечь за собой замену неотбытой части наказания

[1] См.: Стрилец О.В. Проблемы и эффективность отдельных видов наказаний на современном этапе развития уголовного законодательства // Научный портал МВД России. № 3 (43). 2018. С. 27–31.

лишением свободы. Вместе с тем законодатель, противоречит себе и в ч. 5 ст. 60.8 УИК РФ закрепляет положение, которое допускает возможность необеспечения работой осужденных.

Представляется крайне неудачной позиция законодателя о привлечении осужденных к труду только в организациях (ч. 1 ст. 60.7 УИК РФ). Трудовое законодательство регламентирует равные права для работодателей, т.е. физических лиц и юридических лиц, независимо от их организационно-правовых форм и форм собственности (ст. 11 Трудового кодекса РФ), а также для работников. В связи с этим, вполне оправдана позиция А.В. Давыденко, что для «расширения возможности трудоустройства осужденных к принудительным работам у индивидуальных предпринимателей следует, по нашему мнению, исключить из части первой ст. 60.7 УИК Российской Федерации норму о том, что осужденные к принудительным работам привлекаются к труду только в организациях»[1].

Существуют проблемы и в реализации осужденным к принудительным работам конституционного права на образование, в ч. 8 ст. 60.4 УИК РФ осуществление этого права ограничено только заочной формой и образовательными организациями, находящихся в пределах муниципального образования, на территории которого расположен исправительный центр. При этом по смыслу ст. 108 УИК РФ к осужденным к лишению свободы таких ограничений нет. Процесс локализации данного права может быть связан только с порядком и условиями отбывания наказания.

Правовая регламентация наказания в виде принудительных работ в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве остается достаточно неопределенной, а также существует ряд экономических вопросов, связанных с исполнением данного вида наказания. Вместе с тем устранение коллизий правового характера и создание качественной материальной составляющей при исполнении позволят принудительным работам занять достойное место в российской системе наказаний.

[1] Давыденко А.В. Проблемы исполнения уголовного наказания в виде принудительных работ // Российская юстиция. 2018. № 10. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Суровец Дмитрий Викторович,
преподаватель кафедры огневой подготовки
Краснодарского университета МВД России

Особенности концентрации внимания стрелка как часть его психологической подготовки при обучении сотрудников органов внутренних дел

Психолого-педагогическая подготовка стрелков является основой, способствующей достижению высоких целей и задач в процессе обучения стрельбе из боевого оружия.

По сравнению с другими видами деятельности деятельность сотрудников органов внутренних дел является наиболее сложной и опасной. Специфика службы в органах внутренних дел определяется высоким уровнем риска, напряжения и постоянной готовности к выполнению задач в экстремальной ситуации. Стратегия формирования психологической подготовки стрелков основывается на реализации комплекса мероприятий не только нормативно-правового и тактико-технического, но и психологического и воспитательного характера.

Психологическая подготовка стрелка – это многоступенчатый процесс, направленный на подготовку внутренней концентрации, уверенности и готовности к выполнению заложенных в стрелка задач. Данное действие основывается на благоприятном (спокойном) психологическом состоянии, что ведет к достижению хороших показателей результатов в стрельбе.

Психологическая подготовка стрелка также включает в себя мероприятия, направленные на формирование, прежде всего, морально-волевых качеств, способствующих выполнению поставленных задач в любой экстремальной ситуации или обстановке.

Важным показателем психологической готовности стрелка является эмоциональная стабильность, которая позволяет в экстремальных условиях сохранять способность к быстрой концентрации внимания.

Осуществление прицельного выстрела из боевого оружия – это сложнейший зрительно-двигательный процесс, требующий от стрелка максимально точной координации, концентрации внимания и согласованности действий.

Концентрация – это важная часть дисциплинированного сознания. Концентрация выражается, как умение усилием воли сфокусировать внимание и сосредоточить его на нужном процессе или объекте [1]

[1] Пономарев Н.Н., Никитин К.И., Якоб А.А. Идеомоторная тренировка в системе подготовки спортсменов по летнему служебному биатлону // Актуальные проблемы физической культуры и спорта курсантов и слушателей: сборник статей / под ред. С.Н. Баркалова, А.В. Алдошина. Орел: ОрЮИ МВД России имени В.В. Лукьянова, 2017. С. 145–149.

достаточно долгое и продолжительное время. Организм человека устроен таким образом, что акцент зрительной фокусировки внимания на объекте (действии объекта) вскоре вызывает слияние с ним на уровне сознания.

Поэтому сознание человека стремится своевременно осуществить разрыв установившейся связи организма и объекта. При длительной концентрации внимания запускаются определенные процессы и механизмы в сознании и психике человека. Например, это могут быть мысли, различные внешние и внутренние раздражители, а также внезапно возникшие физиологические потребности. Вследствие чего человек может отвлекаться на возникшие события или объекты, рассеивая свое внимание.

Но, тем не менее, умение концентрировать и удерживать внимание на определенном объекте или мысли – это важный и необходимый навык, который позволит работать над духовным развитием и достижением сверх способностей.

При обучении сотрудника основополагающими составными частями, которые предшествуют осуществлению выстрела, являются: удержание оружия, прицеливание, нажатие на спусковой крючок и отметка выстрела[1].

Удержание оружия является обратной связью от необходимого направленного положения тела и указывает на то, как долго стрелок может удерживать нужное положение.

Прицеливание – это указатель того, куда стрелок должен направить свое оружие.

Нажатие на спусковой крючок представляет собой действие, которое реализуется без нарушения первоначальной изготовки, т.е. направления ориентации тела в течение того времени, когда удержание неподвижно.

Отметка выстрела – это контроль положения оружия в течение времени отдачи. Следовательно, сосредоточенность при выполнении данных элементов выстрела – это и есть концентрация на управлении телом.

Концентрация внимания для стрелка основывается на одновременном, быстром и четком продумывании выполняемых действий. Управление мышечным корсетом не может быть достигнуто концентрацией только на одной группе мышц.

Мозг при мыслительных процессах подает определенные сигналы с помощью нейронов через нервные окончания импульсы телу. Именно в этот момент стрелок находится в лучших условиях, при которых усиливается его способность к концентрации внимания, и выполняемые им действия становятся скоординированными, максимально слаженными и безошибочными.

Обучаемому с оружием в таком состоянии может казаться, что его внимание не может сфокусироваться ни на одном отдельном блоке

[1] Таран А.Н., Напалков Ю.А. Обучение стрельбе из пистолета в стрессовых ситуациях. Учебно-методическое пособие. Краснодар, 2018. С. 13–15.

элемента выстрела. В действительности в этом промежутке работы все элементы выполняются легко и непринужденно, действия становятся отлаженными и сбалансированными, создается впечатление, что все выполняется без особых усилий. Именно в этом состоянии у стрелка все выполняемые действия автоматически получается правильно.

Состояния, при котором достигается максимальная концентрации внимания, достигнуть не просто, и оно наступает не часто. Стрелки обычно могут долго концентрироваться только на какой-то одной, отдельной группе мышц, управлять которой им труднее всего.

Можно сделать вывод, что нет какого-то универсального способа правильной концентрации. Стрелки в большинстве случаев замечают, что несколько раз в ходе стрельбы из одного определенного положения меняют точку концентрации. Это необходимо и происходит закономерно, когда концентрация сосредоточена на выполняемом действии и обращена к той части тела, которая действует не так, как необходимо.

Важную роль для стрелков при преодолении психологического напряжения играет тренировка уверенности в своих действиях. Это достигается такими мероприятиями, как:

– ознакомление стрелков с нормами поведения и правилами безопасности при работе с боевым оружием;

– регулярные занятия, мероприятия и тренировки по технике ведения стрельбы из боевого оружия;

– формирование навыка просчитывать обстановку в экстремальной ситуации.

Тренировка концентрации внимания стрелка осуществляется в несколько этапов. Первый этап представляет собой наблюдение стрелком за мишенями, при этом стрелок только фокусирует взгляд на мишени и сопровождает ее взглядом и движением тела. На втором этапе стрелок фокусирует взгляд на мишени, сопровождая ее взглядом и движением тела, и производит подготовку оружия. Третий этап – с использованием патрона. На этом этапе стрелок фокусирует взгляд на мишени, сопровождает ее взглядом и движением тела, производит подготовку оружия и производит выстрел.

В процессе тренировки операции каждого этапа повторяют многократно. На каждом этапе перед началом тренировки производится выбор программы, исходя из уровня тренированности стрелка. Навыки концентрации внимания оцениваются по приближению точки выстрела к мишени и по времени, в течение которого стрелок может безошибочно выполнять упражнение.

Результат заключается в развитии у стрелка навыков автоматических движений путем многократного повторения упражнений. Отработка базовых движений при прицеливании и производстве стрельбы позволяет сконцентрироваться на выполнении упражнения, следовательно, быстрее

довести необходимые для стрельбы базовые рефлексы до автоматизма. В результате многократного повторения тренировок и отработки навыков стрельбы у стрелка развивается рефлекторное движение глаз, рук и тела, направленное на сопровождение цели и принятие оптимальной позы перед выстрелом.

В процессе тренировки необходимо формировать у стрелков такие навыки, как: сосредоточение на задании и контроль выполняемых действий; ориентированность на фиксацию двигательных навыков и доведение их до автоматизма.

Стрелкам необходимо учиться правильной концентрации внимания продолжительное время. Из этого можно сделать вывод, что концентрация внимания – это важный принцип в оттачивании мастерства. Научиться правильной концентрации внимания возможно, только осуществляя полный психологический контроль посредством усилия воли. Психологический контроль и концентрация внимания могут возникнуть только изнутри сознания и должны быть развиты правильными тренировками и усилиями воли.

Таким образом, можно сделать вывод, что в процессе обучения стрельбе из боевого оружия стоит особенно учитывать психологические факторы, влияющие на концентрацию внимания стрелков, от которых напрямую зависит качество профессиональной огневой подготовки.

Табакова Наталья Александровна,
старший преподаватель кафедры
уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Особенности освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления

В условиях нестабильной рыночной экономики преступления в сфере экономической деятельности [1] требуют особого внимания законодателя, что связано с большим количеством совершаемых преступлений данного вида, огромным причиняемым ими ущербом, а также их крайне высоким уровнем латентности. Ежегодно уголовное законодательство России в сфере экономической деятельности подвергается многочисленным

[1] В науке уголовного права под преступлениями в сфере экономической деятельности понимаются, предусмотренные статьями гл. 22 УК РФ умышленные общественно опасные деяния, посягающие на экономическую безопасность государства, на установленный законом порядок производства, распределения, обмена, потребления материальных благ и (или) услуг и причиняющие вред или создающие угрозу причинения вреда материальным интересам личности, общества, государства.

изменениям и дополнениям, что отображает общее направление проводимой государством политики по обеспечению экономической безопасности. Вносимые изменения относятся к криминализации и декриминализации, их пенализации, принятию новых мер уголовно-правового характера.

В последние годы прослеживается тенденция к гуманизации уголовного законодательства по противодействию преступлениям в сфере экономической деятельности. Это связано, прежде всего с тем, что в обществе сложилось устойчивое мнение о необоснованном давлении на отечественный бизнес со стороны правоохранительных органов. Кроме того, основной акцент уголовной политики в сфере противодействия экономической преступности сегодня ориентирован на финансовую составляющую – возмещение причиненного бюджету ущерба. Одним из беспрецедентных результатов либерализации уголовного закона стало дополнение Общей части УК РФ нормой, предусматривающей новый вид освобождения от уголовной ответственности при совершении экономических преступлений, – ст. 76.1 УК РФ «Освобождение от уголовной ответственности по делам о преступлениях в сфере экономической деятельности»[1]. В 2018 году действие указанной нормы было расширено в связи с добавлением в ч. 2 статьи ряда деяний, относящихся к преступлениям против конституционных прав и свобод человека и гражданина, а также к преступлениям против собственности, в связи с чем законодателем наименование статьи было изменено на «Освобождение от уголовной ответственности в связи с возмещением ущерба». В рамках данной статьи нами будут рассмотрены особенности освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления.

В первую очередь следует отметить, что в отличие от иных общих оснований освобождения от уголовной ответственности, предусмотренных ст. 75, 76, 76.2 УК РФ, перечисленные в ч. 1 и 2 ст. 76.1 УК РФ преступления необязательно должны быть небольшой или средней тяжести. Так, например, преступление, предусмотренное ч.2 ст. 199 УК РФ относятся к тяжким.

Исчерпывающие основания освобождения от уголовной ответственности за совершение указанной категории преступлений перечислены в ст. 76.1 УК РФ, ими, в частности, являются:

– совершение преступления, предусмотренного ст. 198-199.1, 199.3, 199.4 УК РФ (ч. 1 ст. 76.1 УК РФ), ч.2 ст. 76.1 УК РФ (перечень исчерпывающий);

[1] О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 7 дек. 2011 г. № 420-ФЗ // Рос. газ. 2011. 9 декабря.

– совершение преступления впервые (в п. 2 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19[1] в отношении ст. 76.1 УК РФ указано какие лица считаются «впервые совершившими преступление». Кроме того, для применения ст. 76.1 УК РФ, лицо считается впервые совершившим преступление, если оно не имеет непогашенной либо неснятой в установленном законом порядке судимости за совершение преступления по той же статье, по которой оно освобождается)[2];

– возмещение виновным лицом причиненного ущерба в полном объеме.

Обязательным условием освобождения лица от уголовной ответственности по ст. 198–199.1, 199.3 и 199.4 УК РФ законодатель называет в ч. 1 ст. 76.1 УК РФ возмещение в полном объеме ущерба, причиненного бюджетной системе России в результате противоправных деяний, а именно уплату в полном объеме недоимки, пеней и штрафов с учетом представленного налоговым органом или территориальным органом страховщика размера пеней и штрафов. Положения названной нормы корреспондируют с примечаниями к указанным статьям о налоговых преступлениях, что свидетельствует о целесообразности их исключения с учетом существования общей универсальной нормы.

Следует отметить, что законодателем допускается возмещение ущерба, заглаживание вреда не только лицом, которым было совершено преступление, но и по его просьбе либо с его согласия другими лицами. Кроме того, при совершении преступлений, предусмотренных ст. 199 и 199.1 УК РФ, возмещение ущерба возможно и со стороны самой организации, уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с которой вменяется виновному лицу. При этом различного рода обещания о возмещении ущерба или заглаживании вреда в будущем не должны учитываться в качестве оснований для освобождения виновного лица от уголовной ответственности[3].

Кроме того, действующим законодательством установлена возможность освобождения от ответственности лица за совершение им налогового преступления на любой стадии уголовного процесса. При сложившейся сегодня устойчивой тенденции уклонения от уплаты налогов освобождение от уголовной ответственности по указанному основанию

---

[1] См.: О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности: ППВС РФ от 27 июня 2013 г. № 19. Доступ из справочной правовой системы Консультант Плюс.

[2] См.: п.11 постановления Пленума Верховного суда РФ от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства, регламентирующего особенности уголовной ответственности за преступления в сфере предпринимательской или иной экономической деятельности» // Рос. газ. 2016. 24 ноября.

[3] См.: п. 3 постановления Пленума Верховного суда РФ от 27 июня 2013 г. № 19 «О применении судами законодательства, регламентирующего основания и порядок освобождения от уголовной ответственности» // Рос. газ. 2013. 5 июля.

вряд ли сможет оказать существенное влияние на «недобросовестных» налогоплательщиков. Помимо этого, необходимо учитывать, сколько рабочего времени сотрудниками правоохранительных органов будет потрачено зря. С учетом внесенных в НК РФ изменений, позволяющих налогоплательщику в течение двух месяцев после налоговой проверки уплатить суммы недоимки, пеней и штрафа, часть 1 ст. 76.1 УК РФ, а также примечание 3 к ст. 198, примечание 2 к ст. 199, примечание 2 к ст. 199.1, примечание 2 к ст. 199.3 и примечание 2 к ст. 199.4 УК РФ необходимо дополнить словами «до возбуждения уголовного дела». Следует также отметить, что уплата недоимки и пени, которая является мерой, направленной на компенсацию потерь бюджета от несвоевременной уплаты налогов, сборов, страховых взносов представляет собой обязанность лица, которая в любом случае не прекратится, даже если он будет привлечен к уголовной ответственности.

Что касается освобождения лица от уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов, сборов, страховых взносов с организации или за неисполнение обязанностей налогового агента – организации, то, как указано выше, основанием для освобождения от уголовной ответственности, является уплата недоимки, пени и штрафа как самим виновным лицом (руководителем организации или иным лицом, который от ее имени должен был исполнить соответствующие обязанности), так и организацией – налогоплательщиком или налоговым агентом. Однако в соответствии с п. 4 ст. 108 НК РФ налоговые санкции организации обязаны уплачивать независимо от уголовного преследования их должностных лиц. В данном случае, в отличие от ситуации с физическими лицами – налогоплательщиками или налоговыми агентами, не происходит замены уголовной ответственности на ответственность за совершение налогового правонарушения. Указанная организация обязана исполнять законные требования налогового органа об уплате недоимки, пени и штрафа, тем самым автоматически исключая уголовное преследование своего руководителя (главного бухгалтера и т. д.).

Кроме того, сама эта организация может быть по сути государственной (публичной), а не частной, так как ст. 199 и 199.1 УК РФ распространяются и на хозяйственные общества с преобладающим государственным (муниципальным) участием, и на государственные или муниципальные унитарные предприятия, и на государственные корпорации, и на государственные или муниципальные учреждения, т. е. в таком случае фактически само государство (или муниципальное образование) будет «оплачивать» освобождение виновного лица от уголовной ответственности за совершение налогового преступления.

На практике возможна и обратная ситуация, когда, не совершая действий по уплате налогов, пени и штрафа до окончания предварительного следствия, действующее руководство организации будет

сводить счеты с бывшим директором (главным бухгалтером и т. д.) по причинам, имеющим отдаленное отношение к желанию защитить финансовые интересы государства.

В соответствии с ч. 2 ст. 76.1 УК РФ лицо освобождается от уголовной ответственности, если возместило в полном объеме ущерб, причиненный гражданину, организации или государству либо перечислило в федеральный бюджет полученный доход или денежную сумму, эквивалентную размеру убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, или денежную сумму, эквивалентную размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ. Кроме того, виновное лицо должно перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба, полученного дохода, либо суммы убытков, которых удалось избежать в результате совершения преступления, либо в двукратном размере от суммы, эквивалентной размеру совершенного деяния, предусмотренного соответствующей статьей Особенной части УК РФ.

Для определения размера причиненного ущерба в рамках уголовного дела может быть назначена судебная бухгалтерская экспертиза. Также размер ущерба может быть определен на основании первичных бухгалтерских документов, гражданско-правовых договоров и т. д.

Под доходом понимается общая сумма противозаконной прибыли, полученной виновным лицом в результате совершения общественно опасного деяния, без вычета произведенных расходов, которая устанавливается как в денежной, так и в натуральной форме.

Уплата ущерба и возмещения должна быть совершена до удаления суда в совещательную комнату.

Анализируя условия освобождения от уголовной ответственности, предусмотренные ч. 2 ст. 76.1 УК РФ следует отметить, что указанные законодателем размеры вызывают сомнения в реальной возможности уплаты возмещения для большинства количества виновных лиц. Так как, например, причинив ущерб в крупном размере в результате мошеннических действий в сфере предпринимательской деятельности на сумму 10 млн. руб., виновное лицо для возможности освобождения от уголовной ответственности по анализируемым основаниям должно возместить потерпевшему причиненный преступлением ущерб в сумме 10 млн. руб., а также перечислить в федеральный бюджет денежное возмещение в размере 20 млн. руб. Всего для освобождения от уголовной ответственности виновному потребуется заплатить 30 млн. рублей, что в условиях нынешнего финансового кризиса в стране представляется маловероятным. Данной поощрительной нормой в итоге могут воспользоваться только имущие слои населения, что в данном случае вызывает обоснованные сомнения в реализации принципа равенства граждан перед законом. Кроме того, учитывая возможное наказание за

совершение указанного преступления (ч. 6 ст. 159 УК РФ) в виде: штрафа в размере от 100 до 500 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период от 1 года до 3 лет; принудительных работ на срок до 5 лет с ограничением свободы на срок до 2 лет или без такового; лишения свободы на срок до 6 лет со штрафом в размере до 80 тыс. рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до 6 месяцев либо без такового и с ограничением свободы на срок до 1,5 лет либо без такового, многие могут задуматься, что лучше в данной ситуации: оплатить причиненный ущерб, а также денежное возмещение в размере двукратной суммы причиненного ущерба либо понести наказание , учитывая, что по делам в сфере экономической деятельности основным наказанием является штраф.

Указанные выше факты свидетельствуют о необходимости дальнейшей проработки данного уголовно-правового преобразования. Кроме того, после введения в УК РФ ст. 76.1, нормы статей, устанавливающие уголовную ответственность за экономические преступления, практически лишились своего профилактического значения. Сам процесс прекращения уголовного дела фактически принимает облик сделки между следователем и правонарушителем, при этом создаются все благоприятные условия для злоупотребления служебным положением со стороны должностных лиц.

Титов Александр Александрович,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры организационно-аналитического
обеспечения деятельности и управления в органах
прокуратуры Университета прокуратуры РФ

Тенденции развития правовой культуры противодействия коррупции

Современное законодательство о противодействии коррупции представляет собой кросс-отраслевой институт, находящийся на стыке различных отраслей права, таких как административное, уголовное, гражданское право, а также включающий в себя международно-правовые стандарты в данной области[1].

Выделяя антикоррупционное законодательство в отдельный сложный институт права следует отметить, что оно очень активно

[1] См.: Бугаевская Н.В. Совершенствование антикоррупционного законодательства: основные тенденции современного этапа // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2019. № 1. Ч. 2. С. 42–47.

изменяется и развивается, поскольку антикоррупционные меры, предпринимаемые различными государствами, в настоящее время несовершенны и вынуждены, зачастую, «бить по хвостам», реагируя на коррупционное поведение субъектов, а не предупреждая его.

В этой связи, необходимо вести постоянный мониторинг правотворческой и правоприменительной практики в различных государствах, чтобы повышать эффективность антикоррупционной деятельности в России.

Одним из основополагающих международных правовых актов в сфере противодействия коррупции является «Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции" (принята в г. Нью-Йорке 31.10.2003 Резолюцией 58/4 на 51-ом пленарном заседании 58-ой сессии Генеральной Ассамблеи ООН) (далее – Конвенция), цели которой заключаются в следующем:

1) содействие принятию и укрепление мер, направленных на более эффективное и действенное предупреждение коррупции и борьбу с ней;

2) поощрение, облегчение и поддержка международного сотрудничества и технической помощи в предупреждении коррупции и борьбе с ней, в том числе принятии мер по возвращению активов;

3) поощрение честности и неподкупности, ответственности, а также надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом[1].

В силу статьи 5 Конвенции каждое Государство-участник, в соответствии с основополагающими принципами своей правовой системы, разрабатывает и осуществляет или проводит эффективную и скоординированную политику противодействия коррупции, способствующую участию общества и отражающую принципы правопорядка, надлежащего управления публичными делами и публичным имуществом, честности и неподкупности, прозрачности и ответственности. Каждое Государство-участник стремится устанавливать и поощрять эффективные виды практики, направленные на предупреждение коррупции[2].

Согласно статье 33 Конвенции каждое Государство-участник рассматривает возможность включения в свою внутреннюю правовую систему надлежащих мер для обеспечения защиты любых лиц, добросовестно и на разумных основаниях, сообщающих компетентным органам о любых фактах, связанных с преступлениями, признанными таковыми в соответствии с настоящей Конвенцией, от любого несправедливого обращения. Вместе с тем, различные юрисдикции по-разному подошли к исполнению взятых на себя обязательств.

---

[1] URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/corruption.shtml (дата обращения: 20.08.2020).

[2] Там же.

В начале 2020 года вступили в силу схожие по своей природе антикоррупционные мер о защите осведомителей в различных юрисдикциях, которые следуют из положений статьи 33 Конвенции.

Так, в Европейском союзе вступила в силу и начала применяться Директива о защите осведомителей от 26.11.2019 (далее – Директива), которая направлена на создание в национальных законодательствах системы юридической защиты лиц, сообщающих о фактах в том числе коррупционных нарушений, о которых им стало известно при служебной деятельности. Директива предусматривает широкий круг лиц, подпадающих под ее защиту, в том числе самозанятые, волонтеры и стажеры, акционеры и высший менеджмент корпоративных структур, работники по найму, работники организаций-контрагентов (подрядчиков, субподрядчиков и поставщиков) и др., а также членов семей, деловые партнеры таких лиц, поскольку их права могут быть нарушены из-за раскрытия осведомителем информации[1].

При этом в Директиве отмечается, что ее действие распространяется на случаи сообщения о коррупционных нарушениях в сфере государственных закупок, легализации денежных средств и финансирования терроризма и других важнейших для интересов Европейского союза стратегических сферах.

Пунктом 33 Директивы предусмотрены основные способы донесения информатором соответствующих сведений: по внутренним каналам организации, по внешним каналам (сообщение в правоохранительные органы) и раскрытие информации публичными каналами через средства массовой информации.

Также Директивой определяются основные направления, требующие в ближайшее время закрепления в национальных законодательствах государств-членов Европейского союза, среди которых такие как создание в крупных организациях внутренних каналов сообщения о нарушениях а также специальное обучение их сотрудников, обеспечение в необходимых случаях информаторов бесплатной правовой помощью.

В Украине вступили в силу изменения в профильный закон «О предотвращении коррупции». Обращает на себя внимание определенное сходство некоторых положений с вышеназванной Директивой Европейского союза от 26.11.2019. В частности, украинским законодателем предусмотрены 3 схожих способа (канала) подачи информации и коррупционных проявлениях: внутренние каналы, внешние каналы и регулярные каналы. Также допускается подача анонимных сообщений и вводится обязательность проверки указанных в них фактах коррупции[2].

---

[1] URL: https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/2019/1937/oj (дата обращения: 20.08.2020).

[2] URL: https://zakon.rada.gov.ua/laws/main/198-IX?lang=ru (дата обращения: 20.08.2020).

Согласно пункта 1 части 1 данного закона заявителем о коррупции является физическое лицо, сообщающее о фактах возможных коррупционных правонарушений, которые стали ему известны в ходе трудовой, профессиональной, хозяйственной, общественной или научной деятельности, при прохождении службы или обучении либо в ходе участия в процедурах, предшествующих началу такой деятельности, и полагающее, что раскрываемая им информация является достоверной[1].

Также законом возлагаются дополнительные обязательства на государственные органы, органы местного самоуправления и организации, участвующие в государственных закупок. К таким обязательствам, в частности, относится принятие мер к формированию культуры поощрения действий по раскрытию информации о коррупции, предоставление работникам методической поддержки по вопросам, связанным с раскрытием такой информации и защите осведомителей, обеспечение функционирования трех вышеназванных каналов сбора и обработки информации о фактах коррупции.

Статьей 53.7 данного закона введен механизм денежного вознаграждения за сообщение о фактах коррупции для заявителей, информирующих о коррупционном преступлении, если получаемый в результате такого преступления незаконный доход или нанесенный государству ущерб в пять тысяч и более раз превышает минимальный размер оплаты труда в Украине.

Говоря о российской практике государственной защиты лиц, сообщивших о фактах коррупции, следует отметить, что федеральным законом от 08.03.2006 № 40-ФЗ ратифицирована Конвенция Организации Объединенных Наций против коррупции. Согласно данному федеральному закону Россия обязуется принять Конвенцию за договорно-правовую основу для обеспечения защиты лиц, сообщающих о фактах коррупции[2].

В рамках осуществления государственной антикоррупционной политики издан Указ Президента Российской Федерации от 02.04.2013 № 309 «О мерах по реализации отдельных положений Федерального закона «О противодействии коррупции», согласно которому государственный служащий, сообщивший в правоохранительные или иные государственные органы или средства массовой информации о ставших ему известными фактах коррупции, может быть привлечен к дисциплинарной ответственности (в случае совершения этим лицом в течение года после указанного сообщения дисциплинарного проступка) только по итогам рассмотрения соответствующего вопроса на заседании комиссии по соблюдению требований к служебному поведению и

[1] Там же.

[2] YRL: https://base.garant.ru/12145648/ (дата обращения: 20.08.2020).

урегулированию конфликта интересов (аттестационной комиссии). В таком заседании комиссии может принимать участие прокурор[1].

При этом до настоящего времени более существенных мер для защиты прав лиц, сообщивших о коррупционных преступлениях либо правонарушениях, в России не принято, несмотря на подготовленные законопроекты, в том числе «О защите лиц, сообщивших о коррупционных правонарушениях, от преследования и ущемления их прав и законных интересов со сторон должностных лиц, действия (бездействие) которых обжалуются», подготовленный Минтрудом России на основе рекомендаций, выработанных по итогам заседания в Общественной палате Российской Федерации по вопросу о защите лиц, сообщивших о фактах коррупции, в декабре 2014 года, с участием членов Экспертного совета при Управлении Президента Российской Федерации по вопросам противодействия коррупции, депутатов Государственной Думы, а также представителей научного и экспертного сообщества[2]. Этот и другие законопроекты отклонены[3].

На основании изложенного можно сделать вывод о том, что нормотворческая работа в сфере противодействия коррупции, в частности защиты лиц, сообщивших о возможных фактах коррупционных преступлений либо правонарушений, ведется весьма активно в различных государствах, в том числе в России. В некоторых государствах приняты и действуют соответствующие нормы, в связи с чем имеются все основания полагать, что практика по защите таких осведомителей будет иметь дальнейшую регламентацию и развитие в российской правовой системе.

[1] Собрание законодательства РФ, 08.04.2013, № 14, ст. 1670.

[2] URL: https://rosmintrud.ru/labour/public-service/102?wb48617274=A0C926D5 (дата обращения: 20.08.2020).

[3] URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/286313-7 (дата обращения: 20.08.2020).

Тихонов Алексей Алексеевич,
курсант 4 курса
факультета по подготовке специалистов
для подразделений полиции
Краснодарского университета МВД России

Буз Стелла Ивановна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Краснодарского Университета МВД России

К вопросу о правомерной необходимой обороне

Необходимая оборона является правомерной защитой прав и интересов человека, государства и других лиц от посягательства при помощи причинения вреда лицу, не превышая пределов необходимой обороны. Необходимая оборона относится к обстоятельствам, которые исключают преступность деяния и предстаёт как сдерживающий фактор преступности. Так как получение отпора от обороняющегося больше воздействует на лицо, причиняющее вред, чем вероятность наказания.

Согласно ст. 45 Конституции РФ каждый человек может защищать свои права любыми способами, но при этом способы не должны противоречить законам РФ. Статусу личности необходимо иметь возможность использования необходимой обороны. На это указывает Уголовный кодекс РФ, который говорит о том, что в целях обороны, сохранения имущества, здоровья и жизни предоставляется право причинить нападающему вред нападающему лицу.

Необходимая оборона в равной мере распространяется на всех лиц и своим позитивным содержанием и полезной направленностью направлена на профилактику преступных посягательств.

Необходимая оборона не влечёт уголовной ответственности для обороняющегося лица, если соблюдены определённые условия. К таким правомерным условиям относятся наличность и действительность посягательства, а также его общественная опасность. Также необходимая оборона признается правомерной даже если действия посягающего лица не образуют признаков состава преступления, но представляют опасность.

Состояние необходимой обороны возникает не только с момента совершения общественно опасного посягательства, которое сопряжено с насилием опасным для жизни, но и в том случае, когда имеется реальная угроза совершения такого посягательства. При этом необходимо установить знало ли обороняющееся лицо о такой реальной угрозе.

Условиями правомерности необходимой обороны являются:

а) своевременность защиты (временные пределы обороны);

б) вред был причинён только в отношении лица, совершающего посягательство;

в) защитные меры равны причинённому ущербу (соразмерность характеру и степени посягательства).

Интенсивность защитных действий следует устанавливать по признакам, исключающим противоправность деяния:

1. Защита интересов, только охраняемых законом.

2. Вред при защите должен причиняться только самому нападающему (не третьим лицам).

3. Оборона правомерна когда допущено превыщение её пределов. (Это условие вызывает наибольшие трудности в правоприменительной практике – наибольшее количество ошибок допускается при его определении).

Рассматривая данное обстоятельство, исключающее преступность деяние (необходимая оборона), наиболее точным пояснением превышения ее пределов будет следующее – это причинение тяжкого вреда здоровья лицу, непосредственно посягающему, а также его летальный исход, обязательно в условиях, когда данное причинение вреда не соответствовало степени и характеру посягательства.

За данные последствия предусмотрена уголовная ответственность.

Этому институту в уголовном законодательстве уделено большое внимание, которое направлено на следующие основные критерии, определяющие виновность лица:

– явность;

– непосредственно само посягательство;

– соответствие защиты степени и характеру посягательства.

Законодатель реформировал ст. 37 УК РФ посредством введения изменений и дополнений в уголовно-правовую норму (ФЗ от 14.03.2002 № 29-ФЗ). Данные действия были направлены на решения ряда вопросов, возникающих при квалификации деяний, связанных с превышением пределов необходимой обороны, а именно расширение прав граждан в части касающейся их возможностей при защите от посягательства.

Рассматриваемые нововведения полностью не решили существующие вопросы, возникло некоторое количество новых вопросов в отношении субъекта необходимой обороны.

Основной проблемой осталось неосновательные осуждения граждан по ст. 108 УК РФ, конечно же российское законодательство очень точно установило, что обороняющемуся лицу необходимо определить на кого направлено посягательство, характер и степень общественной опасности. Законодатель считает, что лицо в условия необходимой обороны обязано понимать и решать вопросы, на которые затрудняются ответить многие специалисты в данной области.

Дело в том, что ситуаций в нашей жизни несчетное количество, и каждой из них присущи свои особенности, в связи с чем случаются ошибки в квалификации действий защищавшегося лица от посягательства. Проблема заключается в установлении пределов необходимой обороны. Превышая данные пределы, действия обороняющегося лица перестают быть общественно-полезными и автоматически становятся уголовно-наказуемыми.

Из-за недостаточной разработанности законодательства в исследуемой сфере необходимо установить и зафиксировать на законодательном уровне гарантии, предоставляемые гражданам, на реализацию права на необходимую оборону.

Важно понимать, что в настоящее время необходимо дать более точные разъяснения в данной сфере правоприменительной деятельности, улучшить и усовершенствовать его, установить понятные для граждан критерии, объясняющие гражданам при каких обстоятельствах у них есть возможность воспользоваться правом на необходимую оборону.

Токарчук Роман Евгеньевич,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника кафедры
тактико-специальной и огневой подготовки
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Соотношение обстоятельств, исключающих преступность деяния, отраженных в уголовном законе и отраслевых законах о силовых структурах

Вопрос соотношения (конкуренции) норм, определяющих полномочия сотрудников и военнослужащих силовых структур по применению физической силы, специальных средств, оружия и боевой техники (далее – мер физического принуждения или МФП) в специальных (отраслевых) законах, и обстоятельств, исключающих преступность деяния уголовного закона (далее – ОИПД) в настоящее время не в полной мере урегулирован. Первые определяют полномочия сотрудников и военнослужащих на применение МФП, а значит и право на причинение вреда, при определенных опасных обстоятельствах и в установленном порядке. Вторые определяют обстоятельства (условия), при которых причинение вреда и его объем не является преступным. Регулируя общую сферу общественных отношений, эти положения нормативных правовых актов не согласованы и конкурируют между собой.

Рассматриваемые положения так или иначе, дополняют друг друга, взаимосвязаны и взаимозависимы, но эти взаимосвязи не отличаются согласованностью, не регламентированы качественно ни в специальных законах о полномочиях государственных органов по поддержанию правопорядка, ни в Уголовном кодексе Российской Федерации (далее – УК РФ). Не определено влияние ОИПД на полномочия правоохранителей и наоборот, обратное влияние рассматриваемых полномочий на положения уголовного закона.

Так, например, статья 37 УК РФ в части 3 определяет, что урегулированные в ней положения распространяются в равной мере и на должностных лиц по поддержанию правопорядка, занимающих соответствующее служебное положение и имеющих соответствующую профессиональную, специальную подготовку. При этом, такого указания не сделано в ст. 38 УК РФ, почему возникают справедливые сомнения в том, что это положение относится и к случаям задержания лиц, совершивших преступления. Более того, в последней статье указывается на специальную цель причинения вреда лицу при задержании, а именно – доставление органам власти и пресечение возможности совершения им новых преступлений. Это положение еще больше подвергает сомнению мысль о том, что данная статья распространяется на сотрудника полиции, так как последний и является представителем органа власти, которому доставляются лица, совершившие преступления[1]. Вместе с тем, в п. 27 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19 [2] (далее постановление ПВС № 19-2012) Верховный Суд РФ разъяснил, что положения ст. 38 УК РФ, распространяются на сотрудников правоохранительных органов и военнослужащих, участвующих в поддержании правопорядка, так же, как положения ст. 37 УК РФ.

Так как в Постановлении ПВС № 19-2012 рассматриваются вопросы применения судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление, то и ограничено оно только вопросами применения этих «дозволительных

[1] Токарчук Р.Е. Вопросы уголовно-правового воздействия на пресечение побегов из-под стражи лиц, совершивших преступления // Уголовно-правовое воздействие и его роль в предупреждении преступности (IV Саратовские уголовно-правовые чтения): сб. статей по материалам IV Всеросс. научно-практ. конф. (Саратов, 30 сентября–1 октября 2019 г.) / под общ. ред. Н.А. Лопашенко. Саратов: Издательство ФГБОУ ВО СГЮА, 2019. С. 358.

[2] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 сентября 2012 г. № 19. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: http://base.garant.ru/70233558/ (дата обращения: 12.10.2020).

норм»[1] уголовного закона. Между тем, можно предположить, что такое же отношение Верховный Суд РФ выразил бы, если предметом его рассмотрения было применение норм, регламентирующих другие ОИПД, например, крайнюю необходимость и обоснованный риск. Эти нормы, также как ст. 38 УК РФ, не содержат рассматриваемого положения о распространении их силы на правоохранителей.

Несмотря на то, что в рассматриваемых нормах и рекомендациях Верховного Суда разъяснено, что требования статей 37 и 38 УК РФ распространяются на всех сотрудников и военнослужащих правоохранительных органов, характер их влияния на полномочия должностных лиц по поддержанию правопорядка не раскрывается и не является очевидным. Еще более непонятно обратное влияние норм, определяющих полномочия на причинение вреда, на силу и пределы действия положений уголовного закона.

Рассмотрим несколько примеров, которые указывают на определенные закономерности в соотношении ОИПД и полномочий на применение МФП правоохранителей, на примере полномочий сотрудников полиции, определенных Федеральным законом от 7 февраля 2011 № 3-ФЗ «О полиции» (далее – ФЗ «О полиции»).

1. Статьей 20 ФЗ «О полиции» определяются основания применения сотрудниками полиции физической силы, в том числе боевых приемов борьбы, в различных случаях, например, для преодоления противодействия законным требованиям сотрудника полиции или пресечения преступления или административного правонарушения. При этом с помощью физической силы можно переломать кости, сделать инвалидом, задушить, то есть нанести любой вред здоровью или жизни.

Аналогичную ситуацию можно отметить и в вопросах регламентации оснований применения специальных средств (статьи 21 и 22 ФЗ «О полиции»).

Вместе с тем, рассматриваемые нормы совершенно не определяют верхних пределов того вреда, который может быть причинен. Этот вред определяется закономерной вредоносностью примененной МФП и ограничениями в их применении. Применение физической силы или палки специальной, с учетом ограничений в их применении (например, запрета ударов палкой специальной по голове или ключице), закономерно приводит к синякам и отекам, которые являются результатом умышленных действий, к переломам хрупких костей, но вовсе не обязательно к причинению тяжкого вреда здоровью, который, впрочем, может наступить по неосторожности. Более того, применение палки

[1] Токарчук Р.Е. Актуальные проблемы дозволительной роли уголовного закона в предупреждении терроризма // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 30 сент. 2016 г.: в 2 т. Краснодар: Краснодарский университет МВД России, 2016. Т. I. С. 347.

специальной может стать и способом убийства, как и применение физической силы для удушающего приема или нанесения точных ударов в жизненно-важные органы.

Чтобы исключить избыточные случаи умышленного причинения вреда при применении МФП, в ч. 3 ст. 19 ФЗ «О полиции» закреплено положение, обязывающее сотрудника полиции при их применении: действовать с учетом создавшейся обстановки, характера и степени опасности действий лиц, в отношении которых они применяются, характера и силы оказываемого ими сопротивления; стремиться к минимизации любого ущерба. Эта норма направляет при определении пределов применения МФП для причинения умышленного вреда. Вместе с тем, никаких крайних пределов, верхних границ умышленного причинения вреда эта норма не устанавливает. Важное значение придается подтверждению факта стремления к минимизации ущерба, т. е. подтверждению того обстоятельства, что сотрудник не оказывал умышленно избыточно-вредоносного воздействия на жизненно-важные органы, так как допустимое применение физической силы или специальных средств по своим характеристикам не предполагает умышленного причинения смерти или тяжкого вреда здоровью.

Исключение из этой неопределенности для сотрудников полиции составляют случаи применения подручных средств, не стоящих на вооружении полиции. В соответствии с ч. 3 ст. 18 ФЗ «О полиции» применение любых подручных средств допускается при отсутствии необходимых специальных средств или огнестрельного оружия «в состоянии необходимой обороны, в случае крайней необходимости или при задержании лица, совершившего преступление». Соответственно, в отношении применения любых подручных средств, пределы допустимого причинения вреда четко ограничены перечисленными ОИПД. В отношении же применения служебных МФП такого определения верхних границ причинения возможного вреда не сделано.

Иная ситуация имеет место в ч. 3 ст. 24 Федерального закона от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ «О государственной охране»[1]. В соответствии с положениями этой статьи сотрудники органов государственной охраны не несут ответственность за причинение вреда в предусмотренных этим Федеральным законом случаях применения физической силы, специальных средств или оружия, «если при этом не было допущено превышение пределов необходимой обороны либо крайней необходимости, или превышение мер, необходимых для задержания лица, совершившего преступление, или совершение умышленного преступления во исполнение заведомо незаконного приказа или распоряжения, а также в

[1] О государственной охране: федер. закон от 27 мая 1996 г. № 57-ФЗ. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: https://base.garant.ru/10105588/ (дата обращения: 12.10.2020).

условиях обоснованного риска». В этой норме, перечислены все ОИПД, последовательно закреплено соотношение уголовного закона с основаниями и порядком применения МФП сотрудниками органов государственной охраны. Определено, что только нарушение установленных пределов ОИПД, влечет за собой уголовную ответственность. Такой подход нельзя не признать полезным обстоятельством для определенности «основных инструкций» по применению соответствующих мер воздействия, каковыми являются все нормы, определяющие основания (случаи) и порядок применения МФП федеральными государственными служащими, отвечающими за поддержание правопорядка.

В ФЗ «О полиции» такого четкого указания на то, что сотрудники полиции не несут ответственности в случае отсутствия превышения ОИПД, нет. Между тем, это положение действует и в отношении них, определяя тот верхний предел допустимого умышленного причинения вреда, нарушение которого повлечет за собой наступление уголовной ответственности. Если положения ФЗ «О полиции» определяют нижний предел допустимого причинения вреда, то ОИПД верхний, иначе сотрудники полиции могли бы убивать любого нарушителя путем применения физической силы или специальных средств.

2. ФЗ «О полиции» определяет обстоятельства, при которых сотрудник полиции имеет право на применение огнестрельного оружия, то есть оружия летального действия, применение которого на поражение (ч. 1 ст. 23 ФЗ «О полиции») допускает причинение смерти, вне зависимости от ее непосредственной причины: от болевого шока, потери крови, повреждения жизненно важных органов и т. п. Соответственно, если огнестрельное оружие применено на поражение в соответствии с требованиями этого закона, то законным является даже убийство. Вне зависимости от того, нарушает оно пределы, установленные ОИПД, или нет. Нижний предел допустимого вреда от причинения огнестрельного оружия в соответствии с положениями ФЗ «О полиции» уже охватывает умышленное причинение смерти. Данное положение подтверждено в п. 28 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19[1]. В этом пункте разъяснено, что сотрудники полиции не подлежат уголовной ответственности за причиненный вред, если действовали в соответствии с требованиями законов, уставов, положений и иных нормативных правовых актов, предусматривающих основания и порядок применения оружия, специальных средств, боевой и специальной

[1] О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление: постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27.09.2012 № 19. Доступ из справ. правовой системы «Гарант». URL: http://base.garant.ru/70233558/ (дата обращения: 12.10.2020).

техники или физической силы. Получается, что если огнестрельное оружие (летальное средство) применялось в соответствии с порядком и по основаниям, предусмотренным ФЗ «О полиции», то возможная смерть лица, в отношении которого оно применяется, охватывается полномочием сотрудника полиции. Следовательно, полномочия сотрудника полиции по применению МФП, устанавливают нижние пределы допустимого причинения умышленного вреда, продиктованные вредоносностью используемого средства и ограничениями в его применении.

3. ФЗ «О полиции» предусматривает право сотрудников полиции на применение огнестрельного оружия в отношении лица, совершающего побег из-под стражи, тогда как в уголовном законе такого ОИПД, нет, несмотря на очевидную социальную обоснованность применения огнестрельного оружия для пресечения побега лица, совершившего преступление, и допустимость причинения вреда здоровью или жизни беглеца. Соответственно, не определены пределы допустимого вреда и границы, за которыми имеет место их превышение. В результате такой ситуации, когда верхние пределы допустимого причинения вреда в легализованном ОИПД для таких случаев уголовным законом не определены, любой вред, если он согласован с полномочиями на применение огнестрельного оружия, априори признается законным[1].

Даже убийство лица, совершающего побег из-под стражи, вне зависимости от того, насколько он был опасен и что он совершил (например: кражу, неосторожное причинение тяжкого вреда здоровью и т.п.), признается законным, так как уголовный закон не определяет никаких условий правомерности этого вреда. Судебной практике известны случаи признания правомерным убийства беглеца, который находился под стражей только за совершение краж[2].

В-четвертых, основанием уголовной ответственности может стать нарушение определенных ФЗ «О полиции» порядка и оснований применения МФП, но ответственность за нарушение этих пределов, а, следовательно, и верхние пределы допустимого причинения вреда для таких случаев, также устанавливает уголовный закон. Так, в соответствии с п. 28 постановления ПВС № 19-2012 федеральные государственные служащие правоохранительных органов могут нарушать установленный

---

[1] Токарчук Р.Е. Вопросы соотношения принципов применения силы и огнестрельного оружия должностными лицами по поддержанию правопорядка и обстоятельств, исключающих преступность деяния УК РФ // Уголовная политика и культура противодействия преступности: материалы Междунар. науч.-практ. конф., 21 сент. 2018 г.: в 2 т. / редкол.: А.Л. Осипенко, К.В. Вишневецкий, И.А. Паршина, В.С. Соловьев, П.В. Максимов, А.З. Хун. – Краснодар: КрУ МВД России, 2018. Т. II. С. 177–179.

[2] Апелляционное постановление № 22-2164/2016 от 12 декабря 2016 г. по делу № 22-2164/2016 // Судебные решения РФ. URL: http://судебныерешения.рф/22860770 (дата обращения: 27.05.2019).

действующим законодательством «порядок» применения оружия, если исходя из конкретной обстановки промедление в его применении создавало непосредственную опасность для жизни людей или могло повлечь за собой иные тяжкие последствия. То есть, соблюдение порядка применения МФП, закрепленного в отраслевых нормативных правовых актах, признается не столь важным (второстепенным) элементом в тех случаях, когда имеет место быть реальная угроза жизни. Положения уголовного закона при определении уголовной ответственности признаются более значимыми в отношении допустимости причинения вреда.

Например, если при применении физической силы или специальных средств сотрудник полиции не стремился к минимизации ущерба, но причиненный вред не превышает допустимых пределов ОИПД, с которым было связано применение МФП, то в действиях сотрудника полиции не будет ни превышения должностных полномочий, ни состава преступления против личности. Получается, что положения федеральных законов, которые оправдывают действия правоохранителя, выполнявшего служебную задачу с применением МФП, имеют большую юридическую силу.

Из вышеизложенного следует, что отраслевые законы, определяя основания и порядок применения силовыми структурами тех или иных МФП, закрепляют нижние пределы допустимого причинения вреда, не считаясь с ОИПД. В этом случае они имеют большую юридическую силу и являются основанием для признания причиненного вреда правомерным, исключающим преступность деяния. Размер этого правомерного нижнего предела причинения умышленного вреда, априори допускаемого нормой отраслевого закона, производен от вредоносности правомерно использованного средства МФП. В свою очередь ОИПД, определяют верхние пределы допустимого, при применении этих МФП, причинения вреда, имея большую юридическую силу. В случае, если порядок и основания применения МФП нарушены, но при этом имело место ОИПД, пределы которого нарушены не были, то в действиях должностного лица не будет преступного деяния. Положения рассматриваемых норм, оправдывающие действия правоохранителя, выполнявшего служебную задачу с применением МФП в той или иной ситуации, имеют большую юридическую силу.

Трапаидзе Константин Заурович,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры государственного управления
МГИМО МИД России

О некоторых особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних

В УК РФ несовершеннолетнее лицо имеет два статуса: виновный (осужденный) и потерпевший. Виновными в совершении большей части предусмотренных в УК РФ преступлений признаются несовершеннолетние, достигшие 16 лет, и лишь в некоторых, прямо перечисленных в УК РФ случаях (ч. 2 ст. 20), виновными могут быть признаны несовершеннолетние, достигшие 14 лет.

От возраста несовершеннолетнего лица (14 или 16 лет) зависит не только наступление уголовной ответственности, но и назначение наказания, поскольку ряд его видов не может быть назначен такому лицу, а те, которые могут быть назначены, отличаются как по сроку (размеру), так и по порядку и основаниям назначения.

Уголовный закон непосредственно перечисляет четыре вида наказания, которые не могут быть назначены несовершеннолетнему:

принудительные работы (ст. 53^1 УК РФ);

арест (ст. 54 УК РФ);

пожизненное лишение свободы (ст. 57 УК РФ);

смертная казнь (ст. 59 УК РФ).

Еще четыре вида наказаний несовершеннолетнему не могут назначаться фактически:

лишение права занимать определенные должности (ст. 47 УК РФ);

лишение специального, воинского или почетного звания, классного чина и государственных наград (ст. 48 УК РФ);

ограничение по военной службе (ст. 51 УК РФ);

содержание в дисциплинарной воинской части (ст. 55 УК РФ).

Для назначения последних четырех видов наказаний необходимо, чтобы лицу исполнилось 18 лет.

Здесь также необходимо обратить внимание на то, что хотя формально статья 47 УК содержит один вид наказания, однако редакция ч. 1 (п. «б») ст. 88 УК РФ не оставляет сомнений в том, что лишение права занимать определенные должности и лишение права заниматься определенной деятельностью – два разных вида наказания. В этой связи представляется целесообразным в ст. 47 УК РФ указать на то, что лишение права занимать определенные должности несовершеннолетним не назначается (так, как это сделано в тех статьях УК РФ, в которых оговариваются категории осужденных, включая несовершеннолетних, которым определенные виды наказаний не назначаются).

Несовершеннолетний возраст лица оказывает влияние не только на выбор вида наказаний (ст. 88 УК РФ), но также может повлечь за собой освобождение от наказания и применение к нему принудительных мер воспитательного воздействия (ч. 2 ст. 87 УК РФ). При этом закон содержит исчерпывающий перечень преступлений, за совершение которых несовершеннолетнее лицо освобождению от наказания не подлежит (ч. 5 ст. 92 УК РФ).

Несовершеннолетнему лицу уголовный закон предоставляет возможность освобождения не только от наказания, но и уголовной ответственности (ч. 1 ст. 90 УК РФ). В последнем случае, правда, сохраняется возможность для привлечения несовершеннолетнего к уголовной ответственности (ч. 4 ст. 90 УК РФ).

Наконец, несовершеннолетний возраст оказывает влияние на основания применения к нему условно-досрочного освобождения (ст. 93 УК РФ), условия освобождения от уголовной ответственности и наказания (ст. 94 УК РФ) и погашения судимости (ст. 95 УК РФ).

Вместе с тем, во всех вышеперечисленных случаях сохраняются сомнения относительно последовательности содержащихся в УК РФ положений и наличия корреляции между ними.

Прежде всего, раздел V УК РФ, посвященный несовершеннолетним, называется «Уголовная ответственность несовершеннолетних», хотя он включает главу (14), название и содержание которой свидетельствуют фактически о наличии в разделе норм не только об уголовной ответственности, но также и наказании. При этом в этой же главе имеются нормы, которые касаются принудительных мер воспитательного воздействия, не являющихся, как известно, наказанием (видами наказаний). Поэтому, в таком случае, наиболее правильным было бы называть единственную главу V раздела УК РФ – 14 – «Особенности уголовной ответственности несовершеннолетних». Возможно, так же следовало бы называть и сам V раздел (тем более что УК РФ знает пример полного совпадения названий раздела и входящей в него единственной главы).

Следующее, на что предлагаем обратить внимание, это ситуация, в которой, по сути, произошло смешение оснований применения принудительных мер воспитательного воздействия. Согласно ч. 1 ст. 90 УК РФ, несовершеннолетний, совершивший преступление небольшой или средней тяжести, может быть освобожден от уголовной ответственности, если будет признано, что его исправление может быть достигнуто путем применения принудительных мер воспитательного воздействия, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК РФ. Далее, если несовершеннолетний не может быть освобожден от уголовной ответственности, он, согласно ч. 1 ст. 92 УК РФ, может быть судом освобожден от наказания. Однако в таком случае к нему надлежит

применять те же самые принудительные меры воспитательного воздействия, предусмотренные ч. 2 ст. 90 УК РФ, от применения которых ему уже было отказано в связи с тем, что он не мог быть освобожден от уголовной ответственности. Таким образом, получается, что законодатель предлагает правоприменителю применять к несовершеннолетнему, совершившему преступление небольшой или средней тяжести, одни и те же уголовно-правовые меры – не важно, в результате ли освобождения от уголовной ответственности или освобождения от наказания.

На наш взгляд, настала пора законодателю вносить определенную ясность в данном вопросе: очевидно, в случае освобождения от уголовной ответственности следует применять одни меры, а в случае освобождения от наказания – другие. Применение одних и тех же мер не учитывает основания, их вызвавшие: в одном случае – освобождение от уголовной ответственности, во втором – освобождение от наказания. Представляется, что принудительные меры воспитательного воздействия должны быть результатом освобождения от уголовной ответственности. В случае освобождения от наказания к несовершеннолетнему должны быть применены более строгие меры, чем принудительные меры воспитательного воздействия. Это можно объяснять тем, что освобождение от уголовной ответственности и применение к нему принудительных мер воспитательного воздействия должного результата не дали. Возможно, в случае освобождения от наказания несовершеннолетний должен находиться исключительно под надзором специализированного государственного органа.

Согласно ч. 2 ст. 92 УК РФ, несовершеннолетний, осужденный к лишению свободы за совершение преступления средней тяжести, а также тяжкого преступления (за исключением преступлений, перечисленных в ч. 5 ст. 92 УК РФ), может быть освобожден судом от наказания и помещен в специальное учебно-воспитательное учреждение закрытого типа.

Здесь необходимо отметить, что в перечне преступлений, за совершение которых осужденный к лишению свободы освобождению от наказания не подлежит (ч. 5 ст. 92 УК РФ), помимо преступлений средней тяжести и тяжких преступлений, имеются также особо тяжкие преступления. Речь, правда, всего о двух преступлениях – предусмотренных ч. 1 ст. 205^1 и ч. 2 ст. 208 УК РФ. В связи с изложенным, возникает вопрос: следует ли из действующей редакции части 5 ст. 92 УК РФ, что осужденный к лишению свободы освобождению от наказания за особо тяжкие преступления (кроме предусмотренных ч. 1 ст. 205^1 и ч. 2 ст. 208 УК РФ) не подлежит.

С одной стороны, в ч. 2 ст. 92 УК РФ ничего не говорится об особо тяжких преступлениях, что можно принимать как отрицательный ответ на поставленный вопрос. С другой стороны, в ч. 5 прямо названы особо тяжкие преступления, за совершение которых осужденный к лишению

свободы освобождению от наказания не подлежит. Данное обстоятельство, наоборот, можно понимать как утвердительный ответ на вопрос о возможности освобождения от наказания за отдельные особо тяжкие преступления.

Представляется, что в рассматриваемой ситуации имеет место законодательный пробел, возникший из-за бессистемного дополнения и изменений в последние годы УК РФ. Начнем с того, что сама ч. 5 ст. 92 УК РФ, установившая исключение из правил, предусмотренных ч. 2 ст. 92 УК РФ, появилась только в 2003 г. (Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ) [1]. В то время санкция ч. 1 ст. 205^1 УК РФ предусматривала лишение свободы на срок от 5 до 10 лет, то есть преступление, предусмотренное данной нормой, первоначально относилось к тяжким преступлениям. В 2017 году (Федеральный закон от 29.12.2017 № 445-ФЗ) данное преступление было переведено в категорию особо тяжких преступлений (максимальный срок лишения свободы увеличен до 15 лет). Что касается преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 208 УК РФ, то его изначально вообще не было в ч. 5 ст. 92 УК РФ: оно появилось в ней лишь в 2016 году (Федеральный закон от 06.07.2016 № 375-ФЗ). После всех этих изменений часть 5 ст. 92 УК РФ получила нынешнюю свою редакцию, вступив, тем самым, в противоречие с ч. 2 ст. 92 УК РФ.

На наш взгляд, возникший пробел следует устранить путем исключения из перечня, установленного в ч. 5 ст. 92 УК РФ, особо тяжких преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 205^1 и ч. 2 ст. 208 УК РФ. В таком случае часть 5 не будут вступать в противоречие с положением, закрепленным в ч. 2 ст. 92 УК РФ. Правда, возможен второй вариант решения проблемы – это распространение положений ч. 2 ст. 92 УК РФ на несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы за особо тяжкие преступления. В таком случае, однако, их нельзя будут освобождать от лишения свободы только за преступления, предусмотренные частями 1 статей 205^1 и 208 УК РФ, что, по нашему мнению, будет необоснованным, поскольку в таком случае нивелируется общественная опасность особо тяжких преступлений в целом, и значение лишения свободы в уголовно-правовом противодействии им в частности.

[1] До 08.12.2003 года часть 2 ст. 92 УК предусматривала освобождения от наказания несовершеннолетних, осужденных к лишению свободы, только за преступления средней тяжести.

Урда Маргарита Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
г. Курск

Значение крайней необходимости в юридической оценке миграционных правонарушений, совершаемых в период пандемии[1]

2020 год высветил новую проблему оценки миграционных правонарушений, созданную уникальными условиями объявленной 11.03.2020 г. Всемирной организацией здравоохранения пандемией коронавирусной инфекции COVID-19, осложнившей миграционную обстановку в стране и мире закрытием межгосударственных границ в целях предотвращения распространения инфекции.

Статья 1 Федерального конституционного закона от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) «О чрезвычайном положении» предусматривает возможность ограничения прав и свобод иностранных граждан и лиц без гражданства в случае введения чрезвычайного положения. Статья 28 определяет, что меры, их ограничивающие, должны осуществляться в тех пределах, которых требует острота создавшегося положения[2].

В соответствии с Федеральным законом от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (от 23.06.2020 г. № 185-ФЗ.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» Правительство РФ вправе принимать решение о введении режимов повышенной готовности или чрезвычайной ситуации с установлением обязательных для исполнения правил поведения (пункты «а.1» и «а.2» статьи 10 Закона). При введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации губернаторы наделены полномочиями по ограничению доступа людей и транспортных средств на территорию, на которой существует угроза возникновения чрезвычайной ситуации, а также в зону чрезвычайной ситуации (пункт «б» части 8, пункт «а» части 2 статьи 4.1 ФЗ-68)[3].

---

[1] Статья выполнена в рамках государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

[2] Федеральный конституционный закон от 30.05.2001 г. № 3-ФКЗ (в ред. от 03.07.2016 г.) «О чрезвычайном положении» // СЗ РФ.2001. № 23. Ст. 2277.

[3] Федеральный закон от 21.12.1994 г. № 68-ФЗ (в ред. от 01.04.2020 г.) «О защите населения и территорий от чрезвычайных ситуаций природного и техногенного характера» // СЗ РФ.1994. № 35. Ст. 3648.

В конце марта – начале апреля 2020 г. в режиме повышенной готовности в большинстве субъектов РФ в зависимости от сложившейся эпидемиологической обстановки были установлены различные по объему и строгости ограничения. Во многих из них введены так называемые «правила самоизоляции», выраженные в установлении обязанности не покидать места проживания (пребывания).

Гарантией обеспечения соблюдения правил поведения при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации являются нормы об административной и уголовной ответственности (статьи 6.3, 20.6.1 КоАП, статья 236 УК).

Введение мер противодействия коронавирусной инфекции послужило причиной небесспорного освобождения апатридов из центров временного содержания иностранных граждан (далее – ЦВСИГ), принудительное возвращение которых в страну происхождения стало затруднительным.

В то же время невозможно и соблюдение освобожденными из ЦВСИГ иностранцами установленных ограничений: по некоторым данным в 96% случаев подлежащие выдворению апатриды привлекаются к ответственности за нарушение порядка въезда, пребывания или проживания в РФ (статья 18.8 КоАП), либо за незаконное осуществление трудовой деятельности (статья 18.10 КоАП)[1]. Освобождение незаконных мигрантов из ЦВСИГ не легализует их дальнейшее нахождение на территории государства: у них по-прежнему нет законного места проживания (пребывания) и возможности трудоустройства. Они социально не адаптированы, а в правовом отношении – не защищены. Это делает незаконных мигрантов крайне уязвимыми перед криминалом. В условиях пандемии их и без того опасное будущее становится еще более драматичным.

Уникальность возникшей ситуации в том, что принятые меры предотвращения коронавирусной инфекции привели к увеличению числа формально-вынужденных нарушений правил пребывания в РФ. Очевидно, что это не должно влечь за собой привлечение к ответственности мигрантов, оказавшихся в трудной жизненной ситуации. При таких обстоятельствах едва ли не единственным способом стабилизации миграционной ситуации стало сохранение статус-кво до нормализации эпидемиологической обстановки в стране и мире.

Осознавая остроту проблемы и сложность положения мигрантов, власти предприняли попытку разработать меры поддержки иностранных граждан, находящихся на территории РФ в период пандемии.

[1] Обзор статистики судебных решений о выдворении из РФ // URL: https:// refugee.ru/dokladyi/kratkij-obzor-statistiki-sudebnyh-reshenij-o-vydvorenii-iz-rf.

Указом Президента РФ от 18.04.2020 г. № 274 «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» был установлен льготный режим пребывания указанных лиц на территории государства в условиях пандемического кризиса. Указом Президента РФ 15.06.2020 г. от № 392 в него были внесены изменения. В результате иностранным гражданам, находящимся в период с 15 марта 2020 года по 15 июня 2020 года на территории российского государства было разрешено работать без патента и разрешения на трудовую деятельность, а работодателям соответственно – их трудоустраивать. Иностранным гражданам, пребывающим на территории российского государства на условиях безвизового режима в период с 15 июня 2020г. по 15 сентября 2020 г. предписано обратиться с заявлением о выдаче (продлении, переоформлении) патента без относительно заявленной цели въезда и срока подачи необходимых документов. Корреспондирующие положения предусмотрены в отношении получения соответствующих разрешений на трудоустройство этой категории иностранных граждан российскими работодателями. Указанными нормативными актами на период с 15 июня 2020 г. по 15 сентября 2020 г. приостановлены сроки временного пребывания, временного и постоянного проживания, действия виз, миграционных карт, удостоверения беженца, свидетельств о рассмотрении ходатайства о признании беженцем, предоставлении временного убежища, свидетельств участника Государственной программы; предписано не выносить решения о нежелательности пребывания (проживания) в РФ, о депортации и реадмиссии, об аннулировании виз, разрешений на временное проживание, видов на жительство, разрешений на работу, патентов и свидетельств участника Государственной программы по оказанию содействия добровольному переселению в Российскую Федерацию соотечественников, проживающих за рубежом о сокращении срока временного пребывания; о лишении статуса беженца и временного убежища, не применять меры административного воздействия[1].

Не оценивая законность указанных нормативных правовых актов, которыми фактически введен временный мораторий на привлечение к ответственности за нарушение многих миграционных правил пребывания, отметим, что социально и политически такое решение представляется верным. Полагаем, что с учетом данных обстоятельств действиях лиц,

[1] Указ Президента РФ от 18.04.2020 № 274 (в ред. от 15.06.2020 г. № 392) «О временных мерах по урегулированию правового положения иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации в связи с угрозой дальнейшего распространения новой коронавирусной инфекции (COVID-19)» // СПС «КонсультантПлюс».

оказывающих помощь иностранным гражданам в условиях чрезвычайного положения или ситуациях, приближенных к нему, должны оцениваться с позиции крайней необходимости (статьи 39 УК, 2.7 КоАП).

В частности, лицо, предоставляющего иностранным гражданам (лицам без гражданства) жилье без постановки на учет и (или) возможность трудиться, обеспечивает их бытовые нужды в период чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации или ситуации повышенной готовности, может находиться в состоянии крайней необходимости. Это исключает наличие в его действиях признаков организации незаконной миграции.

Разумеется, это не относится к организованным формам совершения рассматриваемого преступления, включающего в качестве элементов подделку официальных документов, организацию фиктивных браков с иностранными гражданами, фиктивную сдачу комплексных экзаменов, незаконные въезда и транзитного проезд, рекламу подобного рода услуг и прочее.

Ввиду возникшей ситуации Верховному Суду Российской Федерации целесообразно дать соответствующие разъяснения в постановлении Пленума от 09.07.2020 г. № 18, дополнив его пунктом следующего содержания: «Действия лиц, оказывающих содействие иностранным гражданам (лицам без гражданства) в трудоустройстве, а также предоставляющих им жилье и обеспечивающих их бытовые надобности в условиях чрезвычайного положения, чрезвычайной ситуации или ситуации повышенной готовности, подлежат оценке на наличие (отсутствие) признаков организации незаконной миграции с учетом положений статьи 39 УК РФ».

Хохлов Евгений Евгеньевич,
адъюнкт факультета подготовки научных
и научно-педагогических кадров
Академии управления МВД России

Стратегическая антинаркотическая деятельность как перспективное направление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях онлайн-наркотизации

В Российской Федерации создана правовая основа противодействия незаконному обороту наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров, новых потенциально опасных психоактивных веществ[1], что обусловлено распространенностью данного вида преступлений и их общественной опасностью. Согласно п. 43 действующей Стратегии национальной безопасности Российской Федерации[2], в перечень основных угроз государственной и общественной безопасности входят и названные противоправные деяния. Особое беспокойство вызывает преступная деятельность организованной преступности, имеющей в названной сфере транснациональный характер и причиняющей существенный вред национальным интересам страны, человеческому потенциалу общества, а самое главное, как отмечает Л.В. Готчина «лидирующей тенденцией наркотизма является приобщение к нему уже на протяжении третьего десятилетия основной группы российского населения – молодежи, что в свою очередь позволяет включить выделенную тенденцию в сущностный

[1] Федеральные законы: от 28.12.2010 № 390-ФЗ «О безопасности» (с изм. и доп.) // Российская газета, № 295, 29.12.2010, Собрание законодательства РФ, 03.01.2011, № 1, ст. 2, Парламентская газета, № 1-2, 14-20.01.2011; от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» (с изм. и доп.) // Российская газета, № 146, 03.07.2014, Собрание законодательства РФ, 30.06.2014, № 26 (часть I), ст. 3378; от 08.01.1998 № 3-ФЗ «О наркотических средствах и психотропных веществах» (с изм. и доп.) // Собрание законодательства РФ, 12.01.1998, № 2, ст. 219, Российская газета, № 7, 15.01.1998 и иные федеральные законы РФ; Указ Президента РФ от 09.06.2010 № 690 (с изм. и доп.) «Об утверждении Стратегии государственной антинаркотической политики Российской Федерации до 2020 года» // Собрание законодательства РФ, 14.06.2010, № 24, ст. 3015, Российская газета, № 128, 15.06.2010 и иные Указы Президента РФ, Постановление Правительства РФ от 30.06.1998 № 681 (с изм. и доп.) «Об утверждении перечня наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров, подлежащих контролю в Российской Федерации» // Российская газета, № 134, 17.07.1998, Собрание законодательства РФ, № 27, 06.07.1998, ст. 3198 и иные нормативные правовые акты Российской Федерации.

[2] Указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

признак явления и, на основании этого, рассматривать наркотизм как молодежный»[1].

В настоящее время, комплексные научно-теоретические исследования криминологов и правоведов о состоянии незаконного оборота наркотиков, дают основания полагать о профессиональной выработке знаний и умений в использовании и применении информационно-телекоммуникационных технологий, компьютерной техники, программных средств, средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая сеть «Интернет»), средств мобильной связи среди представителей преступных формирований.

Слияние исследуемого вида преступности в сфере незаконного оборота наркотиков и ее структурных элементов с информационно-телекоммуникационной средой позволило перестроить рынок сбыта наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ и сместить спектр традиционного оказания «наркоуслуг»: «из рук в руки» на «анонимный наркоклад», что не требует физического контакта при сбыте или приобретении вышеуказанных средств или веществ. Высокую активность лиц, участвующих в незаконном обороте наркотиков, мы можем наблюдать на скрытых или анонимных Интернет-площадках. Они объединяют анонимных поставщиков, сбытчиков, анонимных наркозависимых лиц (наркопотребителей) и иных лиц участвующих в незаконном обороте наркотиков.

В связи со сложившейся наркоситуацией в информационно-телекоммуникационной сети Интернет и переходом наркоторговли в киберпространство, с 2019 г. ФКУ «ГИАЦ МВД России», в ходе формирования сведений о состоянии преступности в России, детализирует сведения о преступлениях, совершенных с использованием информационно-телекоммуникационных технологий и указывает среди них преступления связанные с незаконным производством, сбытом или пересылкой наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, а также незаконным сбытом или пересылкой растений, содержащих наркотические средства или психотропные вещества, либо их частей, содержащих наркотические средства или психотропные вещества (ст. 228.1 УК РФ).

Так, за январь-декабрь 2019 г. зарегистрировано 24 677 преступлений, совершенных с использованием средств массовой информации либо электронных или информационно-телекоммуникационных сетей (включая

[1] Готчина Л.В. Молодежный наркотизм в современной России: криминологический анализ и профилактика: дис. … докт. юрид. наук: 12.00.08. СПб, 2011.

сеть «Интернет»), регламентированных п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ[1], что свидетельствует о росте количества этих преступлений по сравнению с предыдущим годом. 2020 г. не стал исключением, только за 8 месяцев 2020 г. количество зарегистрированных преступлений по п. «б» ч. 2 ст. 228.1 УК РФ составило 25724[2], что превышает количество преступлений, зарегистрированных аналогичных преступлений в целом за 2019 г. на 4,24%.

Несмотря на все принимаемые меры со стороны федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, и институтов гражданского общества по реализации государственной антинаркотической политики, новый отраслевой вектор развития онлайн-наркотизма[3], должен детальным образом прорабатываться в научно-исследовательской деятельности, связанной с противодействием незаконному обороту наркотиков, с учетом реального времени. А диссертационные исследования и их результаты[4], научные труды[5], разработки и рекомендации[6] должны в обязательном порядке анализироваться и использоваться в ходе реализации антинаркотической политики Российской Федерации для достижения целей стратегического характера.

Как ранее отмечал В.В. Зиновьев, вопрос «о специфическом социально-правовом феномене, получившем различные наименования, такие как государственно-правовая политика противодействия наркотизации российского общества, антинаркотическая политика,

---

[1] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-декабрь 2019 г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/19412450/ (дата обращения: 31.10.2020).

[2] Краткая характеристика состояния преступности в Российской Федерации за январь-август 2020 г. [Электронный ресурс]. URL: https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/21244698/ (дата обращения: 31.10.2020).

[3] Сидоренко Э.Л. Наркопреступность в сети «Интернет»: современные криминологические тренды // Наркоконтроль. 2018. № 4. С. 13–18.

[4] Гузеева О.С. Предупреждение размещения информации, способствующей распространению наркотических средств, в российском сегменте сети Интернет: криминологические и уголовно-правовые проблемы: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. М, 2008; Щурова А.С. Уголовно-правовое противодействие незаконному обороту наркотиков в России и США: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.08. СПб., 2017. и др.

[5] Дремлюга Р.И. Незаконный оборот наркотиков в DarkNet: угрозы и вызовы правоохранителю» // Наркоконтроль. 2017. № 2. С. 37–40; Баньковский А.Е., Деринг А.В. Актуальные проблемы незаконного оборота наркотических средств посредством сети Интернет: современное состояние и перспективы противодействия // Наркоконтроль. 2019. № 1. С. 11–16; Хохлов Е.Е. Пронаркотический сегмент в сети «DarkNet»: от истоков до современности // Полицейская и следственная деятельность. 2020. № 2. С. 10–31. DOI: 10.25136/2409-7810.2020.2.32672 и др.

[6] Особенности борьбы с наркопреступностью в сфере информационно-телекоммуникационных технологий [Электронный ресурс]. URL: http://pda.ormvd.ru/pubs/102/drug-control/ (дата обращения: 31.10.2020).

наркополитика, государственная политика в сфере оборота наркотических средств, психотропных веществ и в области противодействия их незаконному обороту, политика защиты населения от наркотизации» [1] диктует необходимость его постоянного исследования и рассмотрения.

Разрабатываемая и проектируемая Стратегия государственной антинаркотической политики Российской Федерации на период до 2030 года как отмечает сенатор А.А. Клишас, акцентирует внимание «не только на пресечение незаконного распространения наркотиков и формирование системы защиты территории Российской Федерации от незаконного перемещения наркотиков через государственную границу, но и на профилактику наркопотребления. Проект Стратегии предусматривает формирование единой системы комплексной антинаркотической профилактической деятельности, а также создание условий для формирования идеологии антинаркотического поведения на основе российских традиционных духовно-нравственных ценностей, культуры народов России»[2].

Резюмируя вышеизложенное, обозначив проблему сложившейся наркоситуации в Российской Федерации, федеральным органам государственной власти, органам государственной власти субъектов Российской Федерации, а также органам местного самоуправления необходимо усилить работу по выявлению и пресечению функционирования в информационно-телекоммуникационной сети Интернет ресурсов, используемых для пропаганды и распространения наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ. Дополняя и укрепляя традиционную систему профилактики правонарушений в сфере незаконного оборота наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, прекурсоров, сильнодействующих веществ, новых потенциально опасных психоактивных веществ, стоит обратить внимание на развитие антинаркотического медиапространства. Именно с помощью детальной модернизации киберпространства мы сможем приостановить наркотизацию населения и сформировать устойчивое антинаркотическое поведение подрастающего поколения, в том числе в информационно-телекоммуникационной сети Интернет.

---

[1] Зиновьев В.В. Антинаркотическая политика России: уголовно-правовые и криминологические аспекты реализации: дис. … канд. юрид. наук: 12.00.08. Саратов, 2016; Воронин М.Ю. Криминологическая политика защиты населения от наркотизации: дисс. … д-ра юрид. наук: 12.00.08. М., 2010. С. 14; Фролова Н.А., Зазулин Г.В. Актуальные вопросы антинаркотической политики: отечественный и зарубежный опыт. М., 2003. С. 17 и др.

[2] А. Клишас Противодействие потреблению наркотиков – одно из приоритетных направлений деятельности государственных органов [Электронный ресурс]. URL: http://council.gov.ru/events/news/113640/ (дата обращения: 31.10.2020).

В заключение отметим, что в условиях новой «наркоэры» производства, изготовления, сбыта и немедицинского потребления наркотиков, нам необходимо поддерживать имеющиеся, а также разрабатывать и создавать новые модели обмена знаниями с учетом коллективного генерирования идей, по использованию информационно-телекоммуникационной сети Интернет в предупредительных целях: проводить антинаркотическое консультирование, интегрировать, апробировать и внедрять цифровые антинаркотические данные в репозитории инновационных Web-платформ, создавать и пропагандировать, в соответствии с национальным законодательством, профилактические программные продукты, через социальные средства массовой информации и другие социальные сети, в частности с целью защиты детей и молодежи от злоупотребления контролируемыми наркотическими средствами и психотропными веществами, новыми психоактивными веществами, а также от вовлечения в незаконное производство и торговлю такими средствами и веществами через информационно-телекоммуникационную сеть Интернет.

Хрони Евгений Вячеславович,
слушатель факультета заочного обучения,
переподготовки и повышения квалификации
Крымского филиала
Краснодарского университета МВД России

Перспективы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с экстремизмом

Пожалуй, наиболее актуальной для современного российского общества остается проблема экстремизма и противодействия ему. Как известно, экстремизм порождает дестабилизацию общественной обстановки, создающую угрозу территориальной целостности и конституционному порядку государства наряду с подрывом стабильности, ущемлением прав граждан, что особенно актуально для Российской Федерации, ввиду многонационального состава ее населения[1]. Преступления экстремистской направленности для Российской Федерации стали одной из внутренних проблем, угрожающих ее стабильности и национальной безопасности. Решения проблем экстремистской преступности является

[1] Головин А.Ю., Аристархова Т.А. Сущность экстремизма и особенности его проявления в молодежной среде // Известия Тульского государственного университета. Экономические и юридические науки. 2013. № 3-2. С. 3.

одной из приоритетных задач государства, которая отражена в официальных источниках и программных документах.

Уголовный закон включает комплекс правовых запретов и мер государственного принуждения (наказаний и иных мер уголовно-правового характера), а также уголовно-правовых дозволений и поощрений. В совокупности они образуют превентивные и охранительные уголовно-правовые средства защиты безопасности общества и государства от посягательств экстремистского характера[1].

Среди распространенных и широко применяемых направлений противодействия экстремизму можно назвать следующие:

– принятие профилактических мер, направленных на предупреждение экстремистской деятельности, в том числе на выявление и последующее устранение причин и условий, способствующих осуществлению экстремистской деятельности;

– выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности общественных и религиозных объединений, иных организаций, физических лиц.

Несмотря на предпринимаемые меры по совершенствованию законодательства в сфере противодействия экстремизму, все же остаются неурегулированными некоторые аспекты борьбы с рассматриваемым общественно опасным явлением. Ввиду чего, вопросом, требующим незамедлительного решения, остается вопрос совершенствования общегосударственной системы предупреждения экстремизма как уголовно-правового явления.

Для определения направлений совершенствования уголовно-правовой политики в рассматриваемой сфере, полагаем целесообразным обозначить проблемные аспекты противодействия экстремизму.

Главным проблемным аспектом является законодательное несовершенство в регламентации рассматриваемого вида преступлений и ответственности за него[2]. Так, экстремизм как таковой не отнесен законодателем к категории тяжких преступлений, а обладает степенью общественной опасности несколько выше, нежели хулиганство. Хотя, по нашему мнению, должен обладать более повышенной степенью общественной опасности в системе преступления, ввиду следующих причин.

---

[1] Шатунов Е.А., Жерноклеева М.М., Кузовникова К.А. Меры уголовно-правового предупреждения терроризма и экстремизма // Исторические исследования: материалы III Междунар. науч. конф. (г. Казань, май 2015 г.). Казань: Бук, 2015. С. 126–128.

[2] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13. Июня 1996 г. № 2 63-ФЗ (с изменениями и дополнениями) // СПС «Гарант». – Режим доступа: URL: http:// www.garant.ru (дата обращения: 21.08.2020); Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // СПС «Гарант». Режим доступа: URL: http://www.garant.ru (дата обращения: 21.08.2020).

Экстремистская деятельность, в основном, осуществляется в соучастии. Наиболее распространенными формами соучастия, при этом, являются экстремистское сообщество и экстремистская организация. Нередки случаи совершения данного вида преступлений молодежными группировками экстремистского толка, рядовыми и наиболее активными участниками которых являются лица возраста от 13 лет[1]. Более того, экстремизм посягает не только на основы конституционного строя нашего государства, но и на его безопасность, что недопустимо в условиях развития правового государства.

Изложенное свидетельствует о необходимости законодательного урегулирования данного вопроса путем ужесточения санкции за совершение экстремистского преступления[2]. Одновременно с этим, целесообразно понижение возраста уголовной ответственности за экстремистские преступления, установив минимальный возраст наступления уголовной ответственности – 14 лет.

Не менее важным вопросом в сфере противодействия экстремизму является вопрос единообразного толкования уголовно-правовых норм. В науке уголовного права и практике его применения сложилась тенденция различного толкования норм, регламентирующих сущность экстремизма, что обусловлено малой информативностью соответствующей уголовно-правовой нормы. В частности, отсутствуют законодательные определения терминов, используемых в тексте уголовного закона. Применительно к рассматриваемому вопросу, непонятно, что понимать под термином «преступное сообщество», возможно ли его сочетать с такими терминами, как «организованная группа» и «экстремистское сообщество». На практике имеют место несколько позиций на этот счет. Согласно первой позиции, такое отождествление недопустимо, согласно второй – необходимо рассматривать его как разновидность экстремистского сообщества с некоторыми различиями и вследствие принятия за основу всей статьи этого термина, отказаться, от никаким образом, не сочетающегося с ним термина «организованная группа»[3].

---

[1] Аминев Д.И. Молодежный экстремизм / Р.Э. Огонян; под науч. ред. Р.А. Адельханяна. М.: Триада ЛТД, 2005. 194 с.; Борисов С.В. Уголовно-правовые нормы об ответственности за преступления экстремистской направленности: проблемы правотворчества // Юридическая наука. 2013. С. 97–102.

[2] Хлебушкин А.Г. Преступный экстремизм: понятие, виды, проблемы криминализации и пенализации: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2007. 27 с.

[3] Постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 20 сентября 2018 г. № 32 «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 28 июня 2011 г. № 11 «О судебной практике по уголовным делам о преступлениях экстремистской направленности». Документ размещен на официальном интернет-портале Верховного суда Российской Федерации. Режим доступа: URL: https://www.vsrf.ru/documents/own/27145/ (дата обращения: 22.08.2020).

В целях ухода от различного толкования указанного, а также предупреждения аналогичных ситуаций с иными дефинициями и терминами, считаем целесообразным указание определений необходимых терминов [1]. Полагаем, это возможно несколькими путями: указанием разъяснения термина в соответствующей статье; в примечании к статье; в специальной статье УК РФ, посвященной собранию всех дефиниций и терминов, как например это сделано в УПК РФ (ст. 5). Решение данного вопроса будет не только способствовать реализации сущности законодательной техники, но и правильному толкованию и применению уголовно-правовых норм.

Для эффективной реализации уголовно-правовых мер противодействия экстремизму необходима качественная и эффективная деятельность правоохранительных органов. К сожалению, в нынешних условиях, отсутствует системное профилактическое воздействие со стороны всех органов, задействованных в противодействии экстремизму, в предупреждении вовлечения молодежи в совершение преступлений экстремистского характера. Как правило, деятельность сводится к проведению бесед и встреч, чаще, органами прокуратуры, реже – органами внутренних дел.

Думается, что деятельность всех правоохранительных органов в данном направлении должна быть отлаженной и согласованной, а более того, сопровождаться четким распределением ролей, использованием сил и средств, форм и методов работы, адекватных складывающимся угрозам и тенденциям их развития, поскольку лишь продуманная координация способна снизить количество экстремистских преступлений и минимизировать вред, причиненный ими.

Таким образом, ныне существующие проблемные вопросы эффективной реализации уголовно-правовых мер борьбы с экстремизмом обусловлены различными причинами, которые требуют устранения. Совершенствование уголовного законодательства в сфере борьбы с экстремизмом и практики его применения позволят существенно минимизировать проявления данного вида преступности.

[1] Костромичева М.В. Экстремизм: определение понятия в правовом дискурсе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 31 (322). С. 100–102.

Хун Аслан Зауркановић,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Проблемы легализации эвтаназии в России

Жизнь – это самое ценное, что есть у человека. Сегодня мы стали острее чувствовать огромную ответственность за судьбу людей на всей планете, лучше понимать бесценность жизни каждого человека.

Жизнь человека в Российской Федерации и во всем мире признается наивысшей социальной ценностью, а право на жизнь является важнейшим среди личных неимущественных прав. Согласно ст. 20 Конституции Российской Федерации «каждый имеет право на жизнь».

Право на жизнь закреплено во всех демократических конституциях мира, а также в различных международных документах. В ст.3 Всеобщей декларации прав человека, провозглашенной 10 декабря 1948 г. Генеральной Ассамблеей ООН, определяются гражданские права и свободы человека: право на жизнь, на свободу и личную неприкосновенность[1].

В ч. 1 ст. 6 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. декларируется: «Право на жизнь есть неотъемлемое право каждого человека. Это право охраняется законом. Никто не может быть произвольно лишен жизни»[2].

Однако в XXI веке в обществе уже открыто обговаривается право человека на эвтаназию. Эвтаназия – это деяние, которое сознательно и умышленно совершается медицинским работником по неоднократным и категорическим просьбам неизлечимо больного с целью прекращения физических страданий, в результате которого наступает смерть пациента.

Понятие эвтаназии можно рассматривать с различных точек зрения: медицинской, правовой, морально-этической, философской, религиозной и т. д. Каждая точка зрения наполнена противоположным смыслом, что вызывает многочисленные споры в обществе. Все это свидетельствует о том, что проблема эвтаназии, несмотря на довольно продолжительное время своего существования, сегодня особенно актуальна. Необходимость изучения правовых проблем эвтаназии обосновывается ее сложной природой, где тесно переплелись вопросы медицины и права.

Если человек здоров, его жизнь активна и полноценна. Смерть обрывает не только то, что прекрасно и приятно в жизни, но также ее

[1] Всеобщая декларация прав человека (принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948).

[2] Международный пакт о гражданских и политических правах (принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 г.).

горечи, страдания и боли. Смерть может быть благом и спасением для неизлечимо больного человека. Но разве редко врачи ошибаются в своем диагнозе? А если даже он правильный, то разве мало было случаев, когда «безнадежные больные» выздоравливали?

Даже если смерть освобождает кого-то от мучений, она все равно жестока по отношению к живым. Мертвым не больно, но живые от этого страдают. Согласно «Декларации об эвтаназии» эвтаназия, как акт преднамеренного прерывания жизни пациента, даже сделанная по просьбе самого пациента или по просьбе его близких родственников, является неэтичной[1].

Так что же такое эвтаназия – помощь безнадежно-страдающему больному или разрешение на убийство? Поэтому обсуждение необходимости легализации эвтаназии вызывает такую заинтересованность в большинстве государств мира. Россия также не является исключением.

Сегодня на определенных условиях эвтаназия узаконена в Нидерландах, Бельгии, Люксембурге, Голландии, Швейцарии, Финляндии, Швеции, в некоторых штатах США, а во многих странах обсуждается вопрос о ее легализации. В 2020 году в Германии разрешено содействие эвтаназии[2]. Европейский суд по правам человека в этом вопросе сохраняет нейтральную позицию, признавая за государствами право на самостоятельное урегулирование данного вопроса.

Отдельного обсуждения заслуживает детская эвтаназия. В настоящее время она легализована в Бельгии и в Нидерландах. Например, в более чем 200 аптеках Бельгии продают специальный набор для совершения эвтаназии, рецепт на который может выписать только лечащий врач с указанием точной дозировки смертельного вещества[3].

В России эвтаназия законодательно запрещена ст. 45 Федерального закона № 323 «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации». Медицинским работникам запрещается осуществление эвтаназии, то есть ускорение по просьбе пациента его смерти какими-либо действиями (бездействием) или средствами, в том числе прекращение искусственных мероприятий по поддержанию жизни пациента[4].

Добровольное согласие человека на лишение его жизни в нашей стране не исключает противоправности и наказуемости деяния и обычно квалифицируется по УК РФ. В соответствии со ст. 105 действующего

---

[1] Декларация об эвтаназии (принята 39-ой Всемирной Медицинской Ассамблеей, Мадрид, Испания, октябрь 1987 г.).

[2] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Эвтаназия.

[3] URL: https://evtanazija.ru/v-kakix-stranax-razreshena.

[4] Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ (ред. от 27.12.2019, с изм. от 13.01.2020) «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (с изм. и доп. вступ. в силу с 08.01.2020).

Уголовного кодекса Российской Федерации эвтаназия рассматривается как убийство – умышленное причинение смерти другому человеку. Есть, конечно, обстоятельства смягчения наказания – учитывается мотив сострадания (п. «д» ч. 1 ст. 61 УК РФ).

Однако уголовное законодательство нашего государства не содержит специальной нормы, которая регулировала бы ответственность за убийство по мотивам сострадания к неизлечимому больному. Также в российском обществе остается открытым вопрос: возможна ли в нашей стране легализация эвтаназии?

Цивилизованное общество, как утверждают сторонники эвтаназии, просто обязано дать возможность людям безболезненно и с достоинством следовать по жизни, а также позволить другим людям помогать уходить из жизни тем, кто переживает невыносимые страдания от неизлечимых болезней, хочет лишить себя жизни, но не может самостоятельно сделать это.

Вопрос о том, является ли эвтаназия гуманной, потому что прекращает страдания и муки смертельно больного человека, является предметом разногласий уже много лет. Тогда каким же образом в нашем правовом демократическом государстве обеспечить реализацию одного из основополагающих принципов права – принципа гуманизма? Для того чтобы решить данную проблему, необходимо, прежде всего, взвесить все «за» и «против».

Смерть – это личное дело каждого, если не причиняется вред другим людям. Существует мнение, что мы являемся хозяевами своих тел и сами имеем право, в случае неизлечимой болезни распоряжаться ими. Поэтому правильно ли продлевать жизнь человеку, страдающему от невыносимой боли и желающему это прекратить?

Правильно ли квалифицировать ст. 105 УК РФ лицу, совершившему убийство из милосердия? Когда человека принуждают продолжать жить и лечиться, несмотря на мучения и адские боли, которые он претерпевает, фактически происходит нарушение его личных прав и свобод. Почему эвтаназия считается преступлением, а самоубийство – нет?

Современное общество постоянно движется вперед, меняются взгляды и отношения к устаревшим мыслям и теориям. Тогда почему врач, продолжающий давать лекарства смертельно больному человеку, заставляя его дальше страдать, считается гуманным, а врач, который ввел пациенту препарат, вызвавший быструю и безболезненную смерть, избавив от мучений, считается убийцей?

Вопрос эвтаназии очень неоднозначен. С одной стороны, использование эвтаназии – это подтверждение права человека на гуманное отношение, которое дает возможность избавляться от невыносимых страданий, а также на самостоятельное распоряжение своей жизнью. При этом уважение к свободе человека, желающего своим уходом из жизни облегчить моральное и финансовое состояние родных и близких, заслуживает самой высокой положительной оценки.

Сторонники применения эвтаназии часто сравнивают ее с закрепленным законодательно отказом от лечения. Кроме того, в обществе бытует мнение относительно того, что права смертельно больных имеют определенные ограничения по сравнению с правами остальных людей. Например, в трудной жизненной ситуации человек может совершить самоубийство, в то время как неизлечимо больные по состоянию здоровья нередко не имеют возможности свести счеты с жизнью.

Однако существуют не менее убедительные аргументы против эвтаназии. Клятва Гиппократа, которую дают все медицинские работники гласит: «Я не дам никому смертельного средства, которого у меня просят, и не укажу пути для подобного замысла»[1]. Считается, что на врача ляжет клеймо убийцы, если он проведет процедуру эвтаназии.

Против законодательного закрепления эвтаназии резко выступает духовенство. С религиозной точки зрения жизнь дана человеку Богом, и только Бог вправе ее забрать.

Как утверждают противники эвтаназии, что если ее узаконить, то могут пострадать не желающие смерти невинные люди, например, слабоумные или инвалиды. Принимая эвтаназию, общество автоматически принимает утверждение, что жизнь некоторых людей менее ценна, чем жизнь других. Таким образом, может осуществляться постепенная легализация убийств неудобных людей. В результате утрачивается такое понятие как ценность жизни.

Добровольная эвтаназия – начало опасного пути, который ведет к принудительной эвтаназии, что, в свою очередь, может привести к убийствам. Нет более тяжкого преступления, чем лишить жизни человека, независимо от того, делают ли это отдельные люди или общество, государство. История знает немало подобных примеров.

Секретная программа эвтаназии лиц с физическими и психическими недостатками Т-4 – одна из череды бесчеловечных акций нацистского режима в Германии. Во имя «высшей государственной морали» осуществлялось уничтожение «существ, не достойных жизни», которые были признаны балластом для Германии. Документально установлено, что в результате преступных действий врачей-убийц погибло до 400 тыс. людей. Осуждение нацистской эвтаназии прозвучало не только во время Нюрнбергского процесса, но и по сей день является предметом критики на страницах научных изданий[2].

В настоящее время способа, который позволяет корректно управлять процедурой эвтаназии, не существует. Если эвтаназия будет официально разрешена в мире, отпадет необходимость в разработке новых видов медикаментов, ученым-биологам и генетикам не придется изобретать

[1] URL: https://national-travel.ru/klyatva-gippokrata.

[2] URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Программа_умерщвления_Т-4.

новые средства борьбы с раком, СПИДом и другими тяжелыми болезнями. Многие дорогостоящие лекарства станут просто не востребованы.

Эта проблема требует, прежде всего, уголовно-правовой регламентации. Необходимо не только создать правовую норму, но и обеспечить четкий механизм реализации эвтаназии. Для этого важно:

– установить наличие непререкаемости поставленного смертельного диагноза;

– иметь в наличии письменное, нотариально заверенное, добровольное согласие пациента;

– наличие четко очерченного круга субъектов такого деяния – только врача или медицинского работника;

– обязательным квалифицирующим признаком таких действий должен быть мотив, который заключается в добровольной, неоднократной и категорической просьбе больного о причинении ему смерти.

Процедура эвтаназии может способствовать совершению противоправных деяний путем различных злоупотреблений должностным положением, подкупа медицинского персонала, мошенничества, психологического или физического давления на пациента. Кроме того, эвтаназия может служить средством умерщвления детей-инвалидов, одиноких стариков и других неизлечимо больных лиц с целью завладения их имуществом.

Таким образом, принимая во внимание особенности социально-экономического и правового статуса человека и гражданина в Российской Федерации, легализация эвтаназии в нашей стране не является достаточно обоснованной.

С учетом мирового и отечественного опыта, в настоящее время законодательно урегулировать процесс эвтаназии в России, не затрагивая этику и профессиональный гуманизм медицинских работников, по моему мнению, не представляется возможным.

К большому сожалению, современное восприятие российским обществом медицинской сферы лишено доверия. С целью разрешения эвтаназии могут увеличиться взятки медицинским работникам со стороны заинтересованных лиц. Также существует угроза увеличения в больших масштабах так называемой «черной» торговли донорскими органами.

От решения проблемы эвтаназии на законодательном уровне зависит судьба многих безнадежно больных людей, которые последние годы находятся в больницах, физическое состояние которых диагностируется как промежуточное между жизнью и смертью, а психическое – как беспомощность или состояние глубокого отчаяния.

Однако следует учитывать, что недопустимость эвтаназии в России не лишает мыслей, связанных со страданиями неизлечимо больных людей. В связи с этим дальнейшее исследование данной темы, по-моему, имеет большое значение для нашей страны.

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Особенности осуществления мер безопасности участников уголовного процесса как вида государственной защиты

Государство обеспечивает безопасность граждан в различных сферах жизни общества и различными способами, при этом одним из важнейших направлений ее обеспечения является безопасность в сфере уголовного судопроизводства, оказывающая значительное влияние, в том числе на борьбу с существующей преступностью.

Понятие «безопасность» в современном мире играет едва ли не самую главную роль во всех жизненных процессах: биологических, политических, экономических, социальных, правовых, технических и др. Поэтому важным моментом является не только корректное определение данного понятия и его производных, но и правильное их применение.

Безопасность представляет собой определенную систему, которая может рассматриваться на различных уровнях и масштабах, а также в различных аспектах. В источниках можно встретить различные трактовки понятия «безопасность».

В словаре Д.Н. Ушакова безопасность предлагается определять как «отсутствие опасности»[1], в то же время в Большом толковом словаре русского языка безопасность определяется как «отсутствие опасности, угрозы, безвредность»[2]. Словарь С.И. Ожегова трактует безопасность как «состояние, при котором не угрожает опасность, есть защита от опасности»[3]. Данное определение представляется нам наиболее полным ввиду расширенного толкования.

Соответственно, безопасность представляет собой обеспечение сохранности чего-то, ограждение от возможных и существующих опасностей, угроз. Наряду с понятием «безопасность» рассматривается понятие «безопасный». По словарю В.И. Даля, понятие «безопасный»

[1] Ушаков Д.Н. Большой толковый словарь русского языка / под ред. О.А. Щеглова. М., 2017. С. 152.

[2] Большой толковый словарь русского языка / под ред. С.А. Кузнецова. СПб., 2000. С. 68.

[3] Ожегов: Толковый словарь русского языка / под ред. Л.И. Скворцова. М., 2014. С. 139.

трактуется как «неопасный, не угрожающий, не могущий причинить зла или вреда; безвредный, сохранный, верный, надежный[1]».

Авторские трактовки безопасности, приведенные выше, дают основания также рассмотреть ее с законодательной точки зрения. Так, в российском законодательстве понятие «безопасность» давалось лишь в утратившем силу Законе Российской Федерации «О безопасности» [2]. Согласно ст. 1 указанного Закона безопасность представляет собой состояние защищенности жизненно важных интересов личности, общества и государства от внутренних и внешних угроз. Тем самым законодатель подчеркивает, что безопасность является определенным социальным явлением со всеми присущими ему свойствами социального блага, для поддержания и сохранения которого государство и общество предпринимают различные меры.

Действующий Федеральный закон «О безопасности»[3] общее понятие «безопасность» не определяет, устанавливая при этом лишь основные принципы и содержание деятельности по обеспечению безопасности. По мнению Т.И. Ежевской гарантией стабильности в обществе является обеспечение его безопасности, которая представляет собой одну из общественных ценностей [4]. Стоит отметить, что при обеспечении безопасности не допускается ограничение прав и свобод граждан, за исключением случаев, прямо предусмотренных законом[5].

Безопасность личности понимается как система мер, направленных на защиту личности от различных угроз, возможность управления ими, а также умение предупреждать и предотвращать опасные ситуации[6].

С точки зрения Ф.К. Мугулова «…безопасность определяется через совокупность различного рода признаков, которые позволяют обеспечить защищенное состояние объекта от возможных и имеющихся опасностей, негативным образом на него влияющих и могущих привести к уничтожению и разрушению объекта»[7].

---

[1] Даль В: Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / под ред. И.А. Бодуэн де Куртенэ. М., 2014. Т. 1. С. 67.

[2] О безопасности: Федеральный закон от 5 марта 1992 № 2446-1 (утратил силу) // Российская газета. 1992. 6 мая. № 103.

[3] О безопасности: Федеральный закон от 28 декабря 2010 г. № 390-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 1. Ст. 2.

[4] Ежевская Т.И. Безопасность личности: система понятий // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2008. № 4. С. 50.

[5] Терехова Н.Н. Система обеспечения безопасности личности в общей структуре обеспечения национальной безопасности Российской Федерации // Вестник Удмуртского университета. Серия «Экономика и право». 2012. № 1. С. 150.

[6] Ежевская Т.И. Указ. соч. С. 49.

[7] Мугулов Ф.К. Безопасность личности: теоретические и прикладные аспекты социологического анализа: монография. Сочи, 2013. С. 128.

Таким образом, безопасность можно рассматривать как положение, состояние, иногда ощущение, при котором отсутствует какая-либо опасность, боязнь чего-либо, чувство тревоги, беспокойства.

Считаем необходимым отметить, что «безопасность» является относительным понятием, так как невозможно достигнуть и обеспечить полную безопасность от любых угроз. В связи с этим стоит согласиться с позицией Г.А. Атаманова, полагающего, что безопасность никогда не является абсолютной, невозможно обеспечить полную безопасность объекта ввиду того, что какие-либо угрозы безопасности существуют всегда, независимо от качества, уровня и степени обеспечения безопасности[1].

Одной из разновидностей понятия «безопасность» является понятие «безопасность в уголовном судопроизводстве», являющаяся одним из важнейших прав его участников и представляющая собой их защищенность от противоправных посягательств, совершаемых по причине участия в уголовном деле в различных уголовно-процессуальных статусах[2]. На основании чего можно сделать вывод, что обеспечение безопасности в уголовном процессе является тем правом, задача обеспечения которого возлагается на государство в лице его органов и должностных лиц.

Обеспечение участникам уголовного процесса права на безопасность – одна из основных задач, возложенных на государство в области уголовного судопроизводства.

В рамках уголовного судопроизводства содержание безопасности его участников представляет собой состояние их защищенности от каких-либо посягательств, обеспеченное деятельностью уполномоченных государственных органов, позволяющее в полной мере реализовать права и обязанности лиц, вовлеченных в уголовное судопроизводство, в соответствии с положениями УПК РФ.

Статья 2 Федерального закона от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства»[3] установила перечень участников уголовного судопроизводства, подлежащих государственной защите.

Создав систему гарантий, позволяющих обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства, возможно, повысить

---

[1] Атаманов Г.А. Азбука безопасности. Определения понятий «опасность» и «безопасность» // Защита информации. Инсайд. 2018. № 5. С. 12.

[2] Ревягин А.В., Бойко О.А., Жайворонок А.В., Теохаров А.К. Обеспечение криминологической безопасности личности // Психопедагогика в правоохранительных органах. 2014. № 2 (57). С. 54.

[3] О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства: федеральный закон от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ // Российская газета. 2004. 25 августа. № 182.

эффективность производства по уголовным делам. Система гарантий должна функционировать при попытках воспрепятствовать выполнению своих функций участниками уголовного судопроизводства, пресекая возможность осуществления в отношении них противоправных посягательств.

Одним из факторов, препятствующих созданию эффективной системы судопроизводства, является опасение участников уголовного судопроизводства за жизнь и здоровье, а также имущество, как свое, так и своих близких, в результате чего они уклоняются либо полностью отказываются от участия в расследовании и рассмотрении дел.

Следственная практика показывает, что «…члены преступной группировки, чтобы принудить предпринимателей к уплате «дани», осуществляли запугивание тех, кто отказывался платить, если это не помогало, то их избивали, вывозя в безлюдные места, а также проводили разъяснительную работу. Когда предприниматели обращались в правоохранительные органы, то привлекались лица, которые не входили в преступную группировку, но продолжавшие угрожать и избивать потерпевших, требуя при этом уплатить «дань» и забрать заявление, отказавшись от данных показаний[1].

Возможность доказывания в уголовном процессе зачастую зависит от участия в уголовном деле потерпевших, свидетелей, а также иных лиц. Именно поэтому обеспечение безопасности участников уголовного судопроизводства представляет собой важный инструмент в борьбе с существующей преступностью [2]. Так, например, в соответствии с положениями УПК РФ в рамках уголовного процесса на потерпевших и свидетелей возлагается функция оказания помощи в расследовании преступлений. При этом они не вправе отказаться от этого, за исключением случаев, предусмотренных ст. 51 Конституции РФ. В связи с этим, потерпевшие, свидетели, а также их родственники и близкие лица могут подвергаться как запугиванию, так и физическому насилию со стороны преступных элементов, что, соответственно, влечет необходимость применения к ним мер государственной защиты.

Так, например, «…гражданин М., знавший, что А. и С. являются свидетелями по уголовному делу и дали показания, изобличающие преступную деятельность К., являющегося его родным братом, с целью освобождения К. от уголовной ответственности потребовал от свидетелей дать ложные показания, которые позволят К. избежать уголовной

[1] Агильдин В.В. Организованная преступность: понятие, признаки, вопросы, требующие разрешения // Криминологический журнал Байкальского государственного университета экономики и права. 2013. № 3 (25). С. 50–55.

[2] Богатова О.В., Гачава М.Л. Меры обеспечения безопасности потерпевших и свидетелей в уголовном судопроизводстве // Вестник Владимирского юридического института. 2015. № 4 (37). С. 82–84.

ответственности за совершенные преступления. При этом М. высказал свидетелям, что в случае осуждения К. к лишению свободы, им отомстят. Данную угрозу свидетели восприняли реально, испугались за своё здоровье, сохранность принадлежащего им имущества. М. был признан виновным в совершении преступления предусмотренного ч. 2 ст. 309 УК РФ»[1].

Д.Н. Лозовский приходит к выводу, что производство по уголовным делам будет результативно только в том случае, если функционирует система гарантий безопасности участников уголовного судопроизводства от противоправных посягательств со стороны по причине их участия в уголовном деле[2]. Согласимся с данной позицией и добавим, что создание данной системы гарантий необходимо в правовом государстве и должно обеспечиваться с его стороны.

Таким образом, обеспечить безопасность участников уголовного судопроизводства – значит определить важные гарантии достижения целей уголовного процесса. Проблемы обеспечения безопасности участников уголовного процесса приобрели в настоящее время довольно острый характер, что также обусловлено современным состоянием преступности.

Участники уголовного судопроизводства зачастую подвергаются преступным воздействиям: испытывают давление со стороны подозреваемых, обвиняемых, потерпевших, их родственников или знакомых, могут стать жертвами новых преступлений, совершаемых по причине их вовлечения в сферу уголовного судопроизводства.

В следственной практике встречаются случаи, когда свидетелю требуется срочная государственная защита, так «…на первом этаже дома в одной квартире проживали мужчина пожилого возраста и молодой человек, занимавшийся профессионально спортом – борьбой. Между ними постоянно возникали конфликты по различным причинам. В один из дней в комнате пожилого мужчины что-то громко упало, молодой человек разозлился, зашел в его комнату и нанес ему множество ударов. Мужчина потерял сознание и в последующем скончался от полученных телесных повреждений. В связи с тем, что квартира располагалась на первом этаже, момент избиения заметил проходящий мимо человек, который знал обоих жильцов квартиры. Очевидец, опасаясь за свою жизнь и здоровье, отказывался от дачи официальных показаний, т. к. был уверен, что ему отомстят за это. Для обеспечения участия данного лица в уголовном деле

[1] Приговор Фировского районного суда Тверской области по делу № 1-2/2014 от 11 февраля 2014 года [Электронный ресурс]. URL: https://rospravosudie.com (дата обращения: 18.01.2019).

[2] Лозовский Д.Н., Ульянова И.Р. Актуальные вопросы обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства уголовно-процессуальными мерами в досудебном производстве // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2016. № 11. С. 113.

ему была обеспечена защита, в результате чего свидетель согласился на дачу показаний, а преступник привлечен к уголовной ответственности»[1].

Принципы реализации мер государственной защиты определены в ст. 4 Федерального закона «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства». В соответствии с приведенной статьей, государственная защита осуществляется в соответствии с принципами «законности, уважения прав и свобод человека и гражданина, взаимной ответственности органов, обеспечивающих государственную защиту, и защищаемых лиц».

Данные принципы позволяют определять основные положения и направления обеспечения безопасности, именно от их соблюдения зависит достижение поставленных перед государственной защитой целей – обеспечение и соблюдение прав и свобод лиц, которые являются участниками уголовного судопроизводства.

Соглашаясь с выводами Л.В. Брусницына, в той части, что в настоящий момент в России актуальна тенденция формирования законодательства, которое направлено на обеспечение безопасности лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, можно сделать вывод о том, что, порой подвергая себя риску, представляющему опасность для жизни и здоровья, они всё равно выполняют возложенные на них государством обязанности в сфере уголовного судопроизводства. Однако действующее в данной области законодательство нуждается в дальнейшем совершенствовании[2].

Интересен подход зарубежных государств, где обеспечение защиты участников уголовного судопроизводства рассматривается и как одна из гарантий обеспечения прав человека, и как возможность получения доказательств, необходимых для расследования преступления, установления виновного и его дальнейшего привлечения к установленной законом ответственности[3].

Во многих зарубежных странах в целях совершенствования правового регулирования принимаются законы и реализуется политика, согласно которым участникам уголовного судопроизводства обеспечивается защита, если их взаимодействие с правоохранительными и судебными органами могут повлечь за собой угрозу их жизни, здоровью,

---

[1] Чаплыгина В.Н. Проблемы обеспечения мер безопасности участников уголовного судопроизводства, содействующих правосудию // Деятельность органов внутренних дел по обеспечению безопасности лиц, подлежащих государственной защите в современных условиях: вопросы теории и практики. 2015. № 2. С. 199.

[2] Брусницын Л.В. Обеспечение безопасности лиц, содействующих уголовному правосудию: мировой опыт и развитие российского законодательства (процессуальное исследование): монография. М., 2012. С. 88–89.

[3] Бобков Я.И. Уголовно-процессуальный статус лиц, к которым применяются меры государственной защиты и безопасности: дисс. … канд. юрид. наук. М., 2015. С. 144.

либо имуществу, а также угрозу их родственникам. При этом необходимо отдельно отметить, что законодательство Российской Федерации несколько отличается от законодательства зарубежных стран, особенно европейских, в части обеспечения безопасности свидетелей, потерпевших и других участников уголовного судопроизводства, наибольшая же схожесть законодательства в данной области наблюдается со странами ближнего зарубежья.

Посягательства, совершаемые в отношении участников уголовного судопроизводства, обладают высокой общественной опасностью, поскольку влекут причинение существенного вреда не только их правам и свободам, но и создают непосредственную угрозу надлежащему исполнению уголовного судопроизводства. Все это не только подрывает основы безопасности участников уголовного процесса, но и влечет за собой совершение новых преступлений, тем самым дестабилизируя общественную безопасность.

Участники уголовного судопроизводства смогут должным образом исполнять возложенные на них обязанности только при том условии, если будут уверены, что государство способно обеспечить как их личную безопасность, так и безопасность их близких, а также сохранность имущества.

Необходимость обеспечения надлежащей безопасности со стороны государства обусловила принятие ряда нормативных правовых актов в данной сфере. Так, осуществление государственной защиты участников уголовного судопроизводства регламентируется УПК РФ, Федеральным законом «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства», а также рядом иных подзаконных нормативных правовых актов.

В связи с тем, что институт обеспечения безопасности участников уголовного судопроизводства является относительно новым для отечественного законодательства и в настоящее время продолжает находиться на этапе своего становления, стоит отметить проблему незавершенности формирования правовых основ обеспечения безопасности участников уголовного процесса.

Чаплыгина Виктория Николаевна,
кандидат юридических наук, доцент,
начальник кафедры криминалистики
и предварительного расследования в ОВД
Орловского юридического института МВД России
имени В.В. Лукьянова

Москвичев Алексей Александрович,
преподаватель кафедры криминалистики
Краснодарского университета МВД России

Проблемы получения доказательств из поврежденных мобильных устройств

Отличительной особенностью жизни в современном социуме является «обитание» человека в цифровой среде, что привело к существенным изменениям, в том числе в преступной деятельности. С использованием компьютерных средств и систем сегодня совершаются преступления практически любых видов: против жизни и здоровья, государственной власти, собственности, половой неприкосновенности и свободы личности, общественной безопасности и др[1]. В криминалистике для объединения преступлений, совершаемых с использованием компьютерных средств и систем, используется дефиниция «компьютерные преступления», которая связана не с квалификацией, а со способом преступления и, соответственно, с методикой его раскрытия и расследования[2].

Анализ данных правового портала статистики Генеральной прокуратуры Российской Федерации свидетельствует о прогрессирующей тенденции роста числа киберпреступлений, зарегистрированных на территории России. Так, только за январь–март 2020 г. было зарегистрировано около 102 тыс. преступлений, совершённых с использованием информационно-телекоммуникационных средств или в сфере компьютерной информации, что составляет около 41% от общего числа киберпреступлений, зарегистрированных за весь предыдущий год[3].

---

[1] Россинская Е.Р. Проблемы использования специальных знаний в судебном исследовании компьютерных преступлений в условиях цифровизации // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2019. № 5 (57). С. 33–44.

[2] Россинская Е.Р. Криминалистика. Учебник для вузов. М.: Норма-ИНФРА-М, 2016. 464 с.

[3] Россинская Е.Р., Сааков Т.А. Проблемы собирания цифровых следов преступлений из социальных сетей и мессенджеров // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2020. № 3 (15). С. 106–123.

На электронных носителях информации, зачастую, содержатся сведения, имеющие значение для раскрытия и расследования преступлений, размещенные и опубликованные в закрытых группах в социальных сетях, блогах, пабликах, мессенджерах, собственно в памяти устройства и т. д.

Современные смартфоны представляют собой компактные компьютеры с высокой производительностью, огромным объемом памяти и расширенными функциональными возможностями. Сегодня они уже используются не только для выполнения простых коммуникационных задач, таких как звонки и текстовые сообщения, но и для поиска информации в интернете, управления различными бизнес-задачами, игр и многого другого. По мере того, как новые функции и приложения внедряются в смартфоны, объем сведений, хранящихся на этих устройствах, постоянно растет, и как следствие они становятся портативными носителями почти всех личных данных владельца, включая все его перемещения.

С ростом распространенности смартфонов в повседневной жизни людей, данные, полученные из них, уже давно стали бесценным источником фактов при расследовании различного рода преступлений, а злоумышленники, понимая это, всячески пытаются избавиться от улик. Вследствие чего, правоохранительные органы сталкиваются с проблемой извлечения данных из мобильных телефонов, где барьером выступают не его аппаратные или программные возможности, а целенаправленная механическая поломка гаджета.

К типовым неисправностям, с которыми приходится сталкиваться, относят следующие:

– попадание влаги или грязи (утоплен, выброшен);

– температурное воздействие (расплавлен в микроволновке, брошен в огонь);

– умышленное нарушение физической целостности (устройство согнуто пополам, разбит экран и корпус, поврежден USB-порт и т. д).

В большинстве случаев есть шанс получить ключевые сведения даже из таких устройств, ведь огонь, повреждение корпуса или экрана не всегда являются достаточными условиями для полной аннигиляции информации. Гаджет может быть неработоспособным, но данные, находящиеся на нем, по-прежнему останутся нетронутыми.

Если информация хранится на SD-карте, то извлечение данных из смартфона дается достаточно легко. Достаточно извлечь карту памяти и вставить ее в ридер на компьютере. Однако обычно для хранения таких данных, как контакты, сообщения, журнал вызовов, данные приложений, изображения и аудиофайлы, используется сочетание внутренней и внешней памяти. С внутренней памятью невозможно проделать такую же

процедуру, как с внешней, так как она припаяна к основной плате телефона, что еще больше усложняет процесс извлечения информации.

Если требуется получить материалы именно из внутренней памяти, то самая кропотливая работа предстоит, конечно, с самыми поврежденными гаджетами – сгоревшими, утонувшими и согнутыми пополам. Чтобы получить данные, для начала придется найти так называемое «устройство-донор» и переставить в него процессор и ROM исследуемого объекта, предварительно аккуратно очистив их от следов гари или окиси. Если смартфон был в воде совсем небольшое количество времени или «тонул» не полностью (например, лежал в кармане пиджака трупа в коллекторе канализации), то после тщательной очистки от окисей и просушки телефона, есть шанс извлечения информации прямо из него. К сожалению, стопроцентной гарантии того, что данная операция сработает, нет, но, если иного способа получить данные не предвидится, то другого выхода не остается.

Смартфон с разбитым/неработающим экраном вовсе не представляет какой-либо сложности и не угрожает невозможностью извлечения данных для анализа. Во-первых, многие программные продукты, предоставляют такие методы извлечения, которые, чаще всего, не требуют вовсе какого-либо взаимодействия с экраном устройства. Во-вторых, если этого все-таки не избежать, а иные пути доступа к информации отсутствуют, экран всегда можно заменить. Скорее всего, это потребует дополнительных временных и денежных затрат, но все зависит от степени важности сведений на исследуемом гаджете для дальнейшего расследования, к тому же всегда в запасе есть вариант с использованием «устройства-донора».

Наконец, самая простая неполадка – проблемы с USB-портом. Для того, чтобы восстановить работоспособность, его, чаще всего, достаточно просто почистить от пыли и грязи.

Подводя итог вышеизложенному, можно заключить, что в повседневной работе правоохранительным органам приходится сталкиваться с самыми разными и необычными случаями повреждений мобильных устройств, из которых не всегда, к сожалению, возможно извлечь важную для расследования преступлений информацию. Однако это предоставляет специалистам в данной области широкое пространство для исследований и создания новых инновационных решений.

Чахов Георгий Николаевич,
кандидат юридических наук,
судья Калининского районного суда
Краснодарского края

Культурологические аспекты совершенствования системы субъектов противодействия криминальному насилию в современном обществе

Система предупреждения преступности представляет собой сложную совокупность значительного числа элементов, каждый из которых в определенной мере обеспечивает, в конечном итоге, эффективность превентивного воздействия на определенный вид преступлений, либо на преступность в целом. Общеизвестно, что сущность указанного воздействия заключается в выявлении и нейтрализации причин и условий криминального поведения, что признается одним из наиболее эффективных способов борьбы с рассматриваемым негативным социальным явлением[1]. Особого внимания в данном случае заслуживают меры предупреждения преступности, составляющие инструментарий превентивной работы уполномоченных на это субъектов – государственных органов, общественных формирований, отдельных граждан.

В связи с исключительным разнообразием сфер социальной жизни, в которых необходимо профилактическое воздействие, предупредительные меры также отличаются друг от друга своими специфическими признаками. Вместе с тем их совместное применение и взаимодополнение в криминологических методиках является обязательным условием, обеспечивающим результативность правоохранительной системы. В этом контексте считаем необходимым оценить возможности позитивного влияния культуры противодействия преступности в целом на функционирование субъектов профилактической деятельности. Рассмотрим эту проблему применительно к профилактике одного из наиболее опасных проявлений криминального поведения, заключающегося в применении насилия в отношении жертв преступлений.

Укрупненными частями системы субъектов предупреждения преступности традиционно представляются общество и государство, они во многом определяют основополагающие характеристики превентивной работы, в том числе и культурологического характера. Прежде всего, именно посредством культуры устанавливаются цели и задачи борьбы с

[1] См. напр.: Криминология: учебник для бакалавриата, специалитета и магистратуры / О.С. Капинус [и др.]; под общ. ред. О.С. Капинус; науч. ред. В.В. Меркурьев; Университет прокуратуры Российской Федерации. М., 2019. С. 287.

преступными проявлениями, в частности – с криминальным насилием. В значительной мере именно культура формирует у общества представления о рамках объекта предупреждения, в которых и происходит выявление и нейтрализация факторов, воспроизводящих преступное насильственное поведение. Например, криминализация деяний, связанных с физическим или психическим воздействием на личность жертвы, осуществляется путем сопоставления важности нарушаемых преступлением прав и свобод человека и гражданина с принятыми в обществе культурными ценностями. С другой стороны, так называемая культура правоохранительной деятельности определяет перечень и интенсивность воздействия мер борьбы с преступностью, в том числе – предупредительных. Безусловно, культурологические параметры мер пресечения насильственных преступлений видятся большинству исследователей наиболее важными и острыми, достаточно обратиться к регламентации обстоятельств, исключающих преступность деяния (необходимая оборона, причинение вреда при задержании лица, совершившего преступление, крайняя необходимость). Вместе с тем, меры предупреждения преступности и профилактики отдельных видов криминального насилия также характеризуются специфическими параметрами, которые зачастую вызывают существенные затруднения в практическом применении. Причиной тому в большинстве случаев неоднозначное отношение социума к запретам и ограничениям, подразумеваемым в каждой конкретной ситуации осуществления профилактических действий субъектами и участниками данной работы.

Инкультурация населения в Российской Федерации, протекающая под воздействием значительного количества негативных социальных явлений и процессов социально-экономического, политического, правового, идеологического, морально-психологического характера, приводит к формированию отрицательного отношения к деятельности правоохранительных органов в плане оценки ее обоснованности и необходимости. Многие авторы указывают на высокий потенциал культуры в плане формирования системы противодействия преступности в современном обществе. Нет никакого сомнения в том, что культура должна рассматриваться как одно из основных средств борьбы с криминалом, поскольку именно она знакомит человека со стандартами поведения, принятыми в обществе, в том числе уголовно-правовыми запретами [1], предотвращающими или нейтрализующими механизм становления и развития личности преступника. Однако, на протяжении достаточно длительного времени мы упоминаем и криминогенные факторы этого феномена, проявляющиеся иногда в прямой популяризации преступного образа жизни и в некорректной оценке эффективности

[1] Бибик О.Н. Культурологические аспекты противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России 2016. № 2 (32) С. 21–28.

органов государственной власти, которые допускают и средства массовой информации, и частные сетевые ресурсы. Не последнее место в этом информационном поле занимают примеры насильственных действий сотрудников правоохранительных органов, осуществляющих мероприятия по поддержанию общественного порядка и обеспечению общественной безопасности. Непрофессиональное и необъективное освещение этой деятельности также приводит к деформации общественного сознания относительно содержания и необходимости предпринимаемых силовыми структурами мер.

Исследователи отмечают, что средства массовой коммуникации, в погоне за востребованностью, популярностью и высокими рейтингами зрительского внимания вольно или невольно популяризируют криминальную культуру, оказывают тем самым разрушительное воздействие на духовную жизнь общества. Давно установленным фактом является использование методов и приемов, прямо противоречащих международным и отечественным стандартам содержания информации. Многие из этих приемов сводятся к манипуляциям с традиционными духовными, социальными и правовыми ценностями, привлечению внимания к человеческим слабостям, подробному описанию и восхвалению пороков, уничтожению нравственности[1]. Насилие в обществе возводится в ранг вполне допустимого инструмента урегулирования межличностных конфликтов, социальных, экономических, политических, идеологических проблем. Обращение к правоохранительным органам за помощью в защите своих законных прав и интересов преподносится необязательным и даже постыдным, свидетельствующим о собственном бессилии и несостоятельности. В свою очередь, правоохранительная деятельность оценивается как эффективная, если подразумевает избыточное насилие в отношении правонарушителей. Таким образом, существующее информационное поле оказывает явно выраженное криминогенное воздействие на массовое сознание и, как следствие, препятствует инкультуризации значительной части населения.

Нельзя сказать, что в нашей стране приведенная ситуация сложилась недавно. Правовой нигилизм, отрицание необходимости соблюдения установленных нормами права правил поведения, сострадательное отношение к «притесняемым законом» правонарушителям являются скорее многовековой традицией и могут рассматриваться как трудно-преодолимая преграда формирования эффективного функционирования еще одного очень важного субъекта профилактической деятельности – общественности, без помощи которой возможности системы предупреждения преступности катастрофически снижаются.

[1] Иванова А.А. Криминальная культура как детерминант преступности // Всероссийский криминологический журнал. 2016. Т. 10, № 4. С. 671–681.

Многие известные ученые-криминологи приходят к выводу о том, что общественная поддержка является важнейшим условием эффективности противодействия преступности [1] . Рассматриваемая проблема также во многом определяется причинами культурологического характера, которые, как уже было отмечено, определены неспособностью государства обеспечить действие основных принципов правоприменения, таких как законность, справедливость, публичность, дифференцированный подход к избранию наиболее эффективных мер нейтрализации уголовно-правового конфликта. В полной мере это относится и к предупреждению насильственных преступлений.

Оценивая результативность профилактики преступлений, совершение которых связано с применением насилия, будь то основной целью преступного поведения, или же «инструментальным» элементом, приходится признать, что реакция субъектов этой деятельности на определенный образ поведения правонарушителя основана на традиционной идее возмездия, продолжающей оставаться основополагающей в национальной уголовной политике, не смотря на идеологические постулаты о необходимости ресоциализации оступившегося члена общества.

Субъекты предупреждения насильственной преступности, будучи ориентированными в своей деятельности на указанные выше стереотипы, часто допускают просчеты в процессе формирования и использования криминологических методик выявления и устранения криминогенных факторов по причине неспособности объективно оценить складывающуюся ситуацию и особенности объекта профилактического воздействия.

Недостаточное усвоение культурных ценностей, отсутствие требуемых стереотипов реагирования на повышение уровня агрессивности в обществе, приводит к использованию традиционных инструментов уголовно-правовой репрессии вместо попыток разобраться в проблеме и решить ее на принципиальном уровне, без применения излишнего насилия со стороны правоохранительных органов путем устранения источника конфликта. В современном информационном социуме, построенном на процессах глобализации наиболее важных общественных отношений, принуждение в профилактике криминального насилия должно отойти на второй план, освобождая место медиативным соглашениям, основанным, в том числе, на максимальном усвоении субъектами культурологических правил поведения в обществе, обеспечивающих интеграцию его членов на добровольных началах.

[1] Квашис В.Е., Морозов Н.А. Полиция Японии: организация, функции, эффективность // Науч. портал МВД России. 2015. № 1 (29). С. 120–126.

Российская Федерация на протяжении своей многовековой истории является полиэтническим многоконфессиональным государством, на территории которого многие народности и представители различных вероисповеданий мирно сосуществовали, сохраняя свои обычаи, традиции, культуры. Однако и России на рубеже веков пришлось вплотную столкнуться с таким явлением, как «преступления ненависти». Среди специалистов в области противодействия преступлениям террористического характера и экстремистской направленности, как виду насильственной преступности, отмечается высокий уровень культурологических различий и противоречий в его детерминации. Значительное число из них сложно устранить полностью по причине наличия в большинстве наиболее развитых стран мирового сообщества господствующей культуры, сформировавшейся под воздействием явления глобализации. Увеличение среди населения удельного веса малых народностей (мигрантов) и национальных групп, обладающих собственными представлениями о нормах общежития, неизбежно привело к конфликту интересов, порождающему насилие.

Значительное давление криминогенная ситуация в России испытывает со стороны внешних источников экстремистских и террористических проявлений, возникающих и распространяющихся и в сопредельных странах, и в дальнем зарубежье. В этой обстановке субъектам предупреждения криминального насилия следует помнить, что эффективное устранение причинного комплекса рассматриваемого вида преступности возможно только на основе культурного диалога, устраняющего поляризацию интересов различных слоев населения и препятствующего экстремистским настроениям конфликтующих сторон.

Официальные статистические данные, характеризующие современное состояние насильственной преступности в Российской Федерации, указывают на преобладание в ее структуре так называемых «бытовых преступлений», совершаемых членами семьи, родственниками, соседями, знакомыми. Часто указанные преступления носят ситуативный характер, инициируются внезапно сложившимися или длительно существующими неприязненными отношениями, сопровождаются употреблением спиртных напитков, наркотических либо сильнодействующих веществ.

Причинный комплекс рассматриваемого вида преступности также представлен такими факторами, как деформация или полная утрата традиционных культурных ценностей, высокий уровень тревожности и агрессивности, правовой нигилизм, виктимизация населения, не имеющего необходимой социальной защищенности. Заметную роль среди причин и условий бытового насилия играет криминальная субкультура, которую многие ученые причисляют к наиболее значимым компонентам его

детерминации[1]. Действительно, влияние криминальной субкультуры на межличностные отношения наложило свой отпечаток на социальное общение: стало обыденным применение ее элементов в разговорной речи, в средствах массовой информации. Жаргонными выражениями пользуются политики, государственные служащие, общественные деятели. Развитие рассматриваемого процесса происходит в установлении в обществе особых, «по понятиям» отношений, обычаев и традиций криминального оттенка. Как уже было отмечено, насилие в этих отношениях также становится способом общения и решения любых проблем.

Классификация факторов распространения криминальной субкультуры в современной России позволяет выделить следующие основные их категории, позволяющие представить себе структуру предупредительной деятельности общества и государства в рассматриваемом направлении[2]:

Во-первых, дифференциация населения на обособленные группы по признаку социальной защищенности и материальной обеспеченности привела к выделению значительной части населения в так называемую маргинальную общность, максимально подверженную воздействию таких фоновых явлений преступности как алкоголизм, наркомания, бродяжничество, проституция, безнадзорность и беспризорность несовершеннолетних. В данной группе криминальная культура выступает своеобразным способом компенсации негативного влияния общества, отторгающего маргиналов, а также защиты от него, в том числе – путем применения насилия в отношении представителей иных социальных страт.

Во-вторых, деформация общепринятых социальных ценностей стимулировала развитие новой материальной культуры, замкнутой на идеалы общества потребления, где довольно часто представления о необходимых условиях жизни весьма далеки от правомерного способа их приобретения.

В-третьих, криминальная культура популяризуется практически во всех слоях населения через средства массовой информации, что исключает защищенность какой-либо социальной группы от ее тлетворного влияния. В условиях резкого ослабления культурно-воспитательного и идеологического воздействия, в первую очередь с подрастающим поколением, указанный источник криминального заражения порождает извращенность культуры потребления, отдыха и развлечений, особенно в подверженной его влиянию среде незрелых в нравственном и правовом отношении.

Опираясь на приведенную выше классификацию можно выделить перспективные направления использования культурологических элементов

---

[1] Старков О.В. Криминальная субкультура: спецкурс. М., 2010. С. 46.

[2] Тулегенов В.В. Криминальная культура: понятие, структура и соотношение со смежными понятиями // Вестник Астраханского государственного технического университета. 2005. № 5 (28). С. 220–226.

в деятельности субъектов предупреждения насильственной преступности в современной России. Прежде всего, это, конечно же, социально-экономические меры, направленные на общее оздоровление ситуации, повышение социальной защищенности и экономического благосостояния нуждающихся слоев населения. Это необходимо для устранения самой почвы формирования и укрепления криминогенных элементов культуры общества; кроме того, практика показывает, что применение иных мер профилактического воздействия невозможно без соответствующей материальной базы.

Очень важным направлением общесоциального предупреждения криминального насилия является также формирование новой государственной идеологии и политики противодействия преступности в целом и отдельным ее видам. И в заключение следует упомянуть о необходимости активного противодействия популяризации криминальной субкультуры, осуществляемой любыми способами. Отдельные положительные примеры уже имеются в законотворческой и правоприменительной практике, такие, как причисление одного из движений, инициированных представителями криминального сообщества, к экстремистским и привлечение к реальной уголовной ответственности лиц, участвовавших в его пропаганде. Однако эти меры станут максимально эффективными только тогда, когда обществу и государству удастся придать данной деятельности систематизированный и комплексный характер.

Шахбазов Рамиз Физулиевич,
преподаватель кафедры уголовного права
Юго-Западного государственного университета
г. Курск

Значение дифференциации пособничества в истории российского уголовного законодательства[1]

По общему правилу ответственность за пособничество опирается на положения института соучастия и обусловлена поведением исполнителя. Предполагается, что она должна быть менее строгой в сравнении с основным виновником. В то же время пособнические действия обретают самостоятельный характер вне связи с исполнителем в случаях, когда

[1] Статья выполнена под научным руководством М.Н. Урда, к.ю.н., доцента кафедры уголовного права ЮЗГУ в рамках выполнения государственного задания на 2020 г. «Трансформация частного и публичного права в условиях, эволюционирующих общества и государства» (№ 0851-2020-0033).

закон придает им форму уголовно-наказуемого деяния. В этом случае за субъектом пособнической деятельности закрепляется статус исполнителя.

Регламентация пособничества в качестве самостоятельного уголовно-наказуемого деяния вызывает неоднозначную реакцию среди ученых. Некоторые исследователи высказывают небесспорное суждение о том, что ответственность за выполнение пособнических действий должна определяться исключительно нормами Главы 7 УК РФ. Составы криминализированного пособничества способствуют лишь возникновению противоречий между Общей и Особенной частями уголовного закона[1].

В тоже время дифференциация пособничества обусловлена исторически. Изучение памятников российского уголовного права свидетельствуют о том, что криминализация пособнических действий существовала задолго до образования института, функционируя параллельно с ним.

Учение о соучастии берет начало с принятием Соборного Уложения 1649 г. Документ содержал указание на виды соучастников: 1) главные виновники – лица, совершившие преступления и 2) товарищи – лица, помогавшие главным виновникам действием или бездействием. По общему правилу главный виновник признавался наиболее опасным соучастником преступления и подвергался более строгому наказанию, чем товарищ.

Вместе с тем статья 63 главы XXI Соборного Уложения 1649 г. устанавливала равную ответственность исполнителей (разбойников) и пособников (подводников, поноровщиков и становщиков)[2].

Аналогичный подход в дифференциации ответственности исполнителей и пособников обнаруживает Артикул воинский. Содействие в совершении преступлений влекло менее строгое наказание. В то же время документ содержал исключения из правила, определяя равным образом наказуемость исполнительских и пособнических действий. Например, артикул 155 предписывал применение в отношении лица, содействовавшего убийству, такого же наказания, которое предусматривалось для убийцы[3].

---

[1] Ершов С.А. Пособничество в Общей и Особенной частях УК РФ: дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2014. С. 9. Шеслер А.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых норм о соучастии в преступлении // Lex Russica. 2015. № 6. Том 103. С. 32–33. Косарева Т.И. Пособничество совершению преступления: дис. ... канд. юрид. наук // URL.: http://www.dslib.net/kriminal-pravo/posobnichestvo-sovershenju-prestuplenija.html; Качество уголовного закона: проблемы Общей части / Клепицкий И.А., Понятовская Т.Г., Рарог А.И., Соктоев З.Б., Цепелев К.Ф.; отв. ред.: Рарог А.И.; Моск. гос. юрид. ун-т им. О.Е. Кутафина (МГЮА). М.: Проспект, 2016. С. 123.

[2] Соборное Уложение 1649 года царя Алексея Михайловича. URL.: http://www.bibliotekar.ru/sobornoe-ulozhenie-1649/ (дата обращения: 17.07.2020).

[3] Артикул воинский 1715г. URL: http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm (дата обращения: 20.07.2020).

Дальнейшее развитие институт соучастия получил в Своде законов Российской Империи 1833 года, выделившим пособника в качестве одного из соучастников преступления (статья 13 Тома XV)[1]. Ответственность за пособничество в совершении преступления стала зависеть от существенности оказанного содействия, т. е. от того, насколько оно было необходимо для реализации преступного умысла. Статьей 121 Тома XV предписывалось приговаривать пособника, выполнившего необходимые для совершения преступления действия, к такому же наказанию, как и исполнителя. Если данные действия не были необходимы, то назначаемое пособнику наказание подлежало снижению на одну степень по сравнению с наказанием иных соучастников[2].

Несмотря на общие правила определения ответственности за соучастие в преступлении, Свод содержал и специальные нормы – запреты вспомогательной деятельности сообщников, в том числе пособника, уравнивая их уголовно-правовое значение.

В соответствии со статьями 241, 243 предписывалось, что все участвующие в преступлении против Священной Особы Государя Императора, против прав Самодержавной власти: сообщники, пособники, подговорщики, подстрекатели или попустители приговариваются к смертной казни и лишению всех прав[3].

Определение пособничества как разновидности соучастия и самостоятельной преступной деятельности прослеживалось и на последующих этапах развития российского уголовного законодательства.

В соответствии со статьей 51 Уголовного уложения 1903 года ответственность пособника зависела от существенности оказываемого им содействия и тяжести уголовно наказуемого деяния, в совершении которого была предоставлена помощь [4]. При содействии в тяжком преступлении, за совершение которого законом устанавливалось максимальное наказание в виде смертной казни, каторги или ссылки на поселение, пособник подвергался наказанию наравне с иными соучастниками, если оказанная помощь была существенной. В противном случае, наказание за пособничество подлежало обязательному смягчению. При содействии в проступке, за совершение которого законом устанавливалось максимальное наказание в виде ареста или денежной пени, пособник подвергался уголовному наказанию только в специально указанных Уложением случаях. Так, статья 191 устанавливала

[1] Свод Законов Российской Империи 1833 года. Том XV. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/13.html (дата обращения: 20.07.2020).

[2] Там же.

[3] Свод Законов Российской Империи 1833 года. Том XV. URL: https://civil.consultant.ru/reprint/books/229/13.html (дата обращения: 20.07.2020).

[4] Уголовное уложение 1903 года (перевод). URL.: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003714958/ (дата обращения: 11.08.2020).

ответственность в виде заключения в тюрьму за пособничество в побеге лица с действительной военной службы. Согласно статье 190 побег с военной службы приравнивался к неявке подлежащего призыву лица на такую службу без уважительных причин, что означало и уравнивание наказаний за совершение данных преступлений. По статье 187 неявка подлежащего военному призыву лица на службу влекла за собой заключение в тюрьму на срок не свыше шести месяцев. Отсутствие верхнего предела срока заключения в тюрьму в санкции статьи 191 позволяет говорить о более строгой ответственности за пособничество в побеге военнослужащего, чем за сам побег.

С установлением советской власти ответственность за пособничество в совершении преступления стала регламентироваться различными декретами и Руководящими началами по уголовному праву РСФСР от 12 декабря 1919 года.

Так, в Обращении № 33 Совета Народных Комиссаров РСФСР (далее – СНК) Военно-Революционному Комитету от 15.11.1917 г. говорилось о необходимости немедленных арестов и заключений в тюрьму Кронштадта пособников спекулянтов и мародеров[1]. Согласно Декрету СНК о взяточничестве от 08.05.1918 г. пособники в даче взятки и исполнители данного деяния подвергались равному наказанию[2]. В соответствии с пунктом 11 Декрета СНК о спекуляции от 22.07.1918 г. пособник наряду с подстрекателем и иными прикосновенными к деяниям лицами относился к разряду неглавных виновников, но нес такую же ответственность, как исполнитель преступления[3].

Определение пособника как соучастника преступления было сформулировано лишь с принятием Руководящих начал по уголовному праву РСФСР 1919 года и закреплялось в пункте 24[4]. Согласно статье 21 влияние на уголовное наказание соучастников оказывала лишь степень опасности преступника и совершенного им деяния.

Со вступлением в законную силу Уголовного кодекса РСФСР 1922 г. наказуемость соучастников стала зависеть еще и от степени их участия в совершении преступления (статья 15)[5].

---

[1] Совет Народных Комиссаров Военно-Революционному Комитету. О борьбе с спекуляцией от 15.11.1917 г. URL.: https://istmat.info/node/27969 (дата обращения: 17.08.2020).

[2] Декрет СНК РСФСР от 08.05.1918 г. «О взяточничестве» // СУ РСФСР. 1918. № 35. Ст. 467.

[3] Декрет Совета Народных Комиссаров «О спекуляции» от 22.07.1918 г. № 605. URL.: https://istmat.info/node/30706 (дата обращения: 17.08.2020).

[4] Постановление от 12 декабря 1919 года Руководящие начала по уголовному праву Р.С.Ф.С.Р. // СУ РСФСР. 1919. № 66. Ст. 590.

[5] Постановление ВЦИК «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» от 01.06.1922 г. // СПС «КонсультантПлюс».

В то же время Особенной части УК РСФСР 1922 года статьей 94 предусматривалась ответственность за содействие в побеге арестованного из под стражи или мест заключения виде лишения свободы на срок не ниже одного года. Такое же наказание было установлено за совершение побега (статья 95)[1]. Данный состав криминализованного пособничества сохранился и в статье 81 Уголовного кодекса РСФСР 1926 года[2].

В УК РСФСР 1960 года, по сути, сохранился тот же подход.

При наличии норм общего характера о соучастии Особенная часть предусматривала самостоятельную ответственность за пособническую деятельность в форме посредничества во взяточничестве (статья 174.1)[3], которая позволяла избежать двойного осуждения за одно и то же деяние: пособничество и в даче взятки, и в ее получении.

Исторический анализ норм уголовного законодательства позволяет заключить, что на всем протяжении существования института соучастия и определения в его рамках признаков пособничества, законодатель устанавливал самостоятельную ответственнотсь за пособнические действия, вне связи и обусловленности с этим институтом. До его появления пособнические действия регламентировались исключительно как отдельные виды преступных деяний.

Криминализация пособничества находила отражение в уравнивании или усилении ответственности пособника в сравнении с наказуемостью исполнителя. С уголовно-политической точки зрения на разных исторических этапах развития уголовного права это обусловливались следующими обстоятельствами:

1) насильственным способом совершения преступления (пособничество в разбое по Соборному Уложению 1649 г.; пособничество в убийстве по Артикулу воинскому 1715 г.);

2) приоритетом уголовно-правовой охраны государственного строя (пособничество в совершении преступления против Императора и его власти в Своде законов Российской Империи 1833 г.; пособничество в мародерстве и спекуляции в Декретах СНК);

3) уголовно-правовыми традициями (содействие в побеге из-под стражи или мест заключения в Уголовном уложении 1903г, УК РСФСР 1922 г. и УК РСФСР 1926 г.);

4) необходимостью обеспечения принципа справедливости посредством установления уголовной ответственностии за посреднеческую деятельность, позволяющую избежать удвоения ответстеннотси за фактическое пособнечество в совершении одновременно нескольких преступлений (посредничество во взяточничестве по УК 1960 г.).

---

[1] Там же.

[2] Там же.

[3] Уголовный кодекс РСФСР от 27.10.1960 г. // СПС «КонсультантПлюс».

Шегабудинов Равиль Шайхлисланович,
кандидат юридических наук,
заместитель начальника УВД по ЮВАО
ГУ МВД России по г. Москве

К вопросу об уголовной политике в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией

Составной частью социальной политики государства выступает уголовная политика, которая во многом способствует практической реализации государственной стратегии экономической безопасности.

Одной из задач уголовной политики является защита собственности от преступных посягательств.

Анализ многолетней практики убедительно показывает, что на сегодняшний день повышенную общественную опасность в этом плане представляет организованная экономическая преступность, сопряженная с коррупцией.

Одним из приоритетных направлений уголовной политики в сфере противодействия проявлений указанной преступности является недопущение использования доходов, полученных преступным путем, в экономической сфере, в том числе путем:

– совершенствования системы выявления сомнительных финансовых операций, обеспечивающих вывод денежных средств за рубеж, на основе укрепления взаимодействия между правоохранительными органами, Росфинмониторингом и институтами гражданского общества, а также принятия комплекса мер, направленных на снижение криминального использования электронных платежных инструментов посредством усиления контроля над финансовыми операциями по внесению денежных средств на банковские счета, электронные средства платежа;

– установления подконтрольных членам организованных групп и преступных сообществ, действующих в экономической сфере, объектов легальной и теневой экономической деятельности;

– дальнейшей модернизации тактических приемов и способов подрыва экономических и финансовых основ организованной преступности.

Уголовная политика в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией, будучи составной частью единой политики борьбы с преступностью, в своем составе имеет цель, задачи и основные направления. Целью, на наш взгляд, является защита, прежде всего, экономических интересов добросовестных

предпринимателей и их собственности от преступных посягательств. Как нам представляется, достижение указанной цели должно осуществляться путем реализации на федеральном, региональном и муниципальном уровнях мер организационного и правового характера, разрабатываемых с учетом результатов мониторинга состояния складывающейся криминогенной ситуации в сфере экономики в разрезе: а) преступлений против собственности; б) преступлений в сфере экономической деятельности; в) преступлений против интересов службы в коммерческих и иных организациях.

Изучение и анализ монографической юридической литературы, законодательных и иных нормативных правовых актов, а также судебно-следственной практики позволили сформулировать основные задачи уголовной политики в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. Ими, на наш взгляд, являются:

– создание единой системы мониторинга в рассматриваемой сфере;

– совершенствование в ней законодательных и иных актов, а также правоприменительной практики;

– консолидация усилий федеральных органов государственной власти, органов государственной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления, институтов гражданского общества и организаций, а также правоохранительных органов (включая органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность) и контрольно-надзорных органов в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией. По нашему мнению, сюда же следует включить как субъектов негосударственные структуры правоохранительной направленности (например, частную детективную и охранную деятельность);

– информационное сопровождение анализируемого вида деятельности посредством использования возможностей средств массовой информации, информационно-телекоммуникационных сетей, включая сеть «Интернет»;

– наконец, разработка и осуществление комплекса уголовно-правовых, криминологических и иных мер по повышению эффективности предупредительно-профилактической деятельности, выявления и пресечения преступлений экономической и коррупционной направленности.

Что же касается основных направлений уголовной политики в рассматриваемой области деятельности, то их, на наш взгляд, условно можно разбить на три сферы: 1) в сфере нормативно-правовой деятельности; 2) в сфере противодействия организованной экономической преступности; 3) в сфере противодействия коррупции. Остановимся на более подробном их рассмотрении.

Основными направлениями уголовной политики в сфере нормативно-правовой деятельности являются:

– обеспечение на основе глубокого анализа судебно-следственной практики по делам об экономических и коррупционных преступлениях эффективного применения норм уголовного закона[1];

– проведение систематического мониторинга судебно-следственной практики[2]. Полученные при этом результаты следует принимать во внимание при анализе и оценки оперативной обстановки на объектах обеспечения экономической безопасности, в том числе объектах инфраструктуры, имеющих бюджетообразующее и стратегическое значение, а также при прогнозировании вызовов и угроз экономической безопасности;

– совершенствование уголовного законодательства в указанной области и приведение его требованиям времени;

– принятие на региональном и муниципальном уровнях целевых программ по защите бюджетных средств, выделяемых на реализацию национальных проектов (программ)[3];

– принятие управленческих решений на ведомственном и межведомственном уровнях в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией по защите экономических интересов предпринимательских структур и их собственности;

– своевременное рассмотрение обращений, поступивших с цифровой платформы для приема обращений субъектов предпринимательской деятельности в связи с оказанием на них давления со стороны правоохранительных органов, функционирование которой обеспечивается автономной некоммерческой организацией «Платформа для работы с обращениями предпринимателей».

Сфера противодействия организованной экономической преступности предполагает следующие основные направления:

---

[1] Иванов П.И., Шитов А.С. Проблемы межотраслевых связей уголовного и оперативно-розыскного законодательства // Уголовное и оперативно-разыскное законодательство: проблемы межотраслевых связей и перспективы совершенствования: материалы V Межведомственной научно-практической конференции (Москва, 15 ноября 2019 года). М.: ИД «Юриспруденция», 2020. С. 64–69.

[2] Иванов П.И. Система мониторинга в деятельности подразделений БЭП (теоретико-правовая модель) // Вестник Академии экономической безопасности МВД России. 2007. № 2. С. 7–11.

[3] «Развитие АПК», «Демография», «Здравоохранение», «Образование», «Жилье и городская среда», «Экология», «Производительность труда и поддержка занятости», «Наука», «Цифровая экономика», «Культура», «Малое и среднее предпринимательство и поддержка индивидуальной предпринимательской инициативы», «Международная кооперация и экспорт», а также комплексный план модернизации и расширения магистральной инфраструктуры.

– координацию действий правоохранительных и контрольно-надзорных органов по своевременному выявлению, предупреждению, пресечению и раскрытию преступлений экономической и налоговой направленности, совершаемых в организованной форме;

– создание необходимых условий для реализации принципа неотвратимости наказания за совершение указанных видов преступлений[1];

– проведение совместно с Росфинмониторингом комплекса организационных и практических мероприятий по противодействию, преступлениям, предусмотренным ст.ст. 193, 193.1 УК РФ. Здесь речь идет о реализации мер по деофшоризации национальной экономики;

– разработка и проведение комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий по пресечению фактов перевода безналичных денежных средств в теневой оборот наличных и легализации доходов, полученных преступных путем от предикатных экономических преступлений;

– недопущение негативных явлений, связанных с рейдерским захватом, иными преступными противоправными действиями в хозяйственно-финансовой сфере, осуществляемыми в том числе с вовлечением представителей правоохранительных органов, регулирующих и контрольно-надзорных органов, государственных корпораций и компаний;

– предотвращение попыток преднамеренного банкротства, в том числе стратегических предприятий и иных противоправных действий в отношении объектов экономической деятельности;

– осуществление мероприятий в отношении преступных групп, обеспечивающих транзит криминальных средств через счета созданных ими фиктивных организаций.

Кроме того, к числу основных направлений рассматриваемой сферы следует отнести:

– выявление и расследование преступлений, совершенных в финансово-кредитной сфере, в том числе связанных с незаконной банковской деятельностью, а также осуществление противодействия преступлениям, связанным с выводом за рубеж капитала и активов кредитных организаций, мошенничеством в банковской сфере;

– предупреждение и пресечение фактов неправомерного расходования и хищений бюджетных средств, выделенных на ликвидацию последствий чрезвычайных ситуаций;

– обеспечение подготовки сотрудников правоохранительных органов и проведение ими дополнительного профессионального образования по утвержденным в установленном порядке типовым учебным программам по

[1] Иванов П.И. О разработке отечественной системы оперативно-розыскного обеспечения экономической безопасности социально-бюджетной сферы // Труды Академии управления МВД России. 2019. № 3 (51). С. 60–67.

вопросам выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений экономической и коррупционной направленности;

– недопущение вовлечения криминальных доходов в прибыльные отрасли экономики, в том числе стратегические;

– обеспечение взаимодействия субъектов противодействия на пресечение проявлений транснациональной организованной экономической преступности [1]. Для этого важно налаживать тесное сотрудничество с международными правоохранительными организациями и правоохранительными органами иностранных государств;

– выявление и устранение источников финансовой подпитки организованных преступных групп и сообществ, орудующих в сфере экономики.

Имеющиеся материалы и уголовные дела позволяют сделать вывод о том, что злоупотребления в сферах экономической деятельности, где в том или ином виде участвуют бюджетные средства довольно распространены не только среди чиновников, но и частных предпринимателей и управленцев, так как чтобы получить деньги из бюджета всего лишь нужно представить необходимые документы, пусть и чисто по формальному признаку, в которых указать для каких, в том числе мнимых, целей требуется финансирование. Далее бюджетные средства при государственных закупках, необоснованном завышении объемов реально выполненных строительных работ, закупке товаров и услуг для государственных учреждений по заведомо завышенным ценам, а также искусственно завышенной цепи посредников похищаются и становятся источником наживы «нечистых» на руку должностных лиц и представителей бизнес-сообщества.

Анализ имеющихся материалов и уголовных дел, а также законодательства, регулирующего бюджетную сферу, в том числе в области защиты бюджетных средств, выделенных на крупные инвестиционные проекты с государственным участием, позволяет сделать вывод о том, что в настоящее время посягательства на бюджетные средства в большинстве случаев осуществляются путем необоснованного увеличения цен на материально-технические ценности и оказываемые услуги, а также завышения объемов выполненных работ, в том числе с использованием служебного положения должностными лицами органов власти и управления, имеющими отношение к выделению, распределению и освоению бюджетных средств.

Наконец, основными направлениями уголовной политики в сфере противодействия коррупции являются:

---

[1] Иванов П.И. О понятии «этническая организованная преступность в сфере экономики» // Оперативник (сыщик). 2013. № 2 (35). С. 48–55.

– обеспечение совместно с органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, комплекса оперативно-розыскных и иных мероприятий, направленных на своевременное получение оперативно значимой информации о совершении взяточничества, в первую очередь высокопоставленными чиновниками;

– проведение мониторинга состояния коррупционной преступности, рисков и угроз со стороны ее проявлений, а также минимизации их последствий[1];

– реализация мер правового и информационного характера по недопущению проявлений коррупционной преступности путем административного давления со стороны должностных лиц в виде ограничения конкуренции в сферах размещения государственных и муниципальных контрактов, воспрепятствования законной предпринимательской деятельности, покровительства «теневой» экономике;

– мотивирование граждан к информированию правоохранительных органов о ставших им известными фактах совершения коррупционных преступлений, а также о любых обстоятельствах, которые могут способствовать своевременному их пресечению и минимизации последствий;

– своевременное реагирование правоохранительных органов на факты правонарушений и преступлений коррупционной направленности;

– предупреждение формирования коррупционных схем и противоправного взаимодействия должностных лиц бизнес-структур и представителей органов государственной власти.

Таким образом, уголовная политика в сфере противодействия организованной экономической преступностью, сопряженной с коррупцией, является неотъемлемой частью системы единой политики в сфере борьбы с преступностью. Она нацелена на снижение организованной экономической преступности и коррупции до социально-приемлемого уровня.

[1] Иванов П.И., Шитов А.С. Коррупция и борьба с ней в исторической ретроспективе // Вопросы истории. 2020. № 10-4. С. 236–244.

Шерстюков Сергей Александрович,
адъюнкт кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Основание уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества

Установление уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества обусловлено стремлением государства обеспечить эффективные меры противодействия групповой преступности экстремистской направленности, осуществление которой способно причинить вред всей совокупности общественных отношений, образующих содержание непосредственного объекта рассматриваемого преступления.

В уголовно-правовой литературе встречаются мнения отдельных авторов, предлагающих рассматривать в качестве основного объекта данного преступления совокупность общественных отношений, обеспечивающих стабильность государства, его устоев и территориальной целостности[1].

Объективная сторона преступления характеризуется совершением альтернативно определенных действий, состоящих: а) создании экстремистского сообщества или его структурного подразделения; б) руководстве экстремистским сообществом; в) руководстве экстремистским сообществом или одним из его структурных подразделений.

Принимая во внимание юридико-технические особенности конструкции состава рассматриваемого преступления, а именно предусмотренность трех альтернативных составов, каждый из которых представляет самостоятельное основание уголовной ответственности, необходимо отметить, что объективная сторона состава преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 2821 УК РФ представляет собой действие состоящее в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в деятельность экстремистского сообщества. Деяние, закрепленное в ч. 2 ст. 2821 УК РФ, также как и предыдущие, предполагает активную форму поведения, заключающуюся в осуществлении функций участника экстремистского сообщества.

Необходимо отметить, что экстремистскому сообществу присущи следующие признаки:

[1] См.: Мыльников Б.А. Противодействие преступлениям экстремистской направленности: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005. С. 116.

1) устойчивость (стабильность состава, высокая коммуникация между ее участниками, организованность и предварительная согласованность, наличие двух и более лиц);

2) незаконность (отсутствие какой-либо законодательной нормативной регламентации создания и деятельности экстремистской организации);

3) противоправность (направленность деятельности на нарушение законодательно закрепленных правил и норм, на нарушение основных конституционных прав и свобод).

Таким образом, экстремистское сообщество представляет собой какое-либо объединение, группу (постоянную или временно действующую), созданную и осуществляющую свою деятельность вопреки установленным федеральным законодательством нормам, обладающую признаками устойчивости, незаконности и противоправности и посягающую на основы конституционного строя и безопасность государства.

Созданием экстремистского сообщества следует признавать действия, в результате которых удалось образовать группу лиц, характеризующуюся признаками, указанными в ч. 3 ст. 35 и ст. 282^1 УК РФ. Такими действиями являются: приискание участников экстремистского сообщества; распределение ролей; определение направлений преступной деятельности; формирование идеологии; материальное обеспечение и т.п.

Под руководством экстремистским сообществом, его частью или входящими в такое сообщество структурными подразделениями следует понимать осуществление управленческих функций как в отношении экстремистского сообщества в целом, так и его структурных подразделений. Как руководство экстремистским сообществом следует рассматривать координацию деятельности отдельных его участников в совершении конкретных преступлений экстремистской направленности, а также деятельности по подготовке к их осуществлению (например, в распределении ролей между членами сообщества, в организации материально-технического обеспечения, в разработке способов совершения преступлений, в принятии мер безопасности в отношении членов экстремистского сообщества) (п. 15 ППВС РФ «О преступлениях экстремистской направленности»).

Руководство деятельностью экстремистского сообщества характеризуется следующими признаками: а) обязательны для исполнения участниками группы; б) способствуют достижению преступных целей, стоящих перед экстремистским сообществом; в) обеспечивают координацию деятельности как групп, входящих в экстремистское

сообщество, так и отдельных его участников; г) осуществляются лицом, занимающим высшее положение в иерархии преступного сообщества[1].

Следует отметить, что для признания рассматриваемого преступления оконченным, достаточно совершения любого из указанных действий.

Объективная сторона преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 282[1] УК РФ, характеризуется действиями, состоящими в склонении, вербовке или ином вовлечении лица в деятельность экстремистского сообщества.

Под вовлечением в деятельность экстремистского сообщества следует понимать умышленные действия, направленные на возбуждение у лица решимости к выполнению функций участника экстремистского сообщества путем убеждения и (или) принуждения. Оказываемое на вовлекаемого воздействие не парализует его волю и оставляет свободный выбор его последующего поведения.

По законодательной конструкции объективной стороны преступления, предусмотренного ч. 1.1 ст. 282[1] УК РФ, состав является формальным. Преступление признается оконченным с момента совершения одного из альтернативно определенных действий, направленных на возбуждение решимости у вовлекаемого лица к участию в экстремистском сообществе в целях совершения преступлений экстремистской направленности, независимо от того, смог ли виновный достичь желаемого результата.

Так, например, сотрудниками МВД по Карачаево-Черкесской Республике совместно с сотрудниками Управления ФСБ России по Карачаево-Черкесской Республике выявлено экстремистское сообщество, действовавшее на территории г. Черкесска и Усть-Джегутинского района до ноября 2012 г. под руководством А.

Реализовать преступные замыслы, направленные на совершение тяжких и особо тяжких преступлений экстремистской направленности, участники экстремистского сообщества не смогли, так как их противоправная деятельность в ноябре 2012 г. была пресечена сотрудниками правоохранительных органов. Управлением ФСБ по Карачаево-Черкесской Республике в отношении группы лиц возбуждено уголовное дело по ч. 2 ст. 282[1] УК РФ[2].

Под участием в экстремистском сообществе (ч. 2 ст. 282[1] УК РФ) следует понимать выполнение лицом действий, составляющих функциональную активность в подготовке либо непосредственном участии в совершении преступлений экстремистской направленности, а равно

[1] Малиновский В.В. Организационная деятельность в уголовном праве России (виды и характеристика) / отв. ред. А.И. Чучаев. М.: Проспект, 2009. С. 28.

[2] Архив Черкесского городского суда Карачаево-Черкесской республики.

обеспечение деятельности такого экстремистского сообщества (финансирование, снабжение информацией, ведение документации и т. п.) (п. 16 ППВС РФ «О преступлениях экстремистской направленности»).

Учитывая, что состав преступления ст. 282[1] УК РФ является формальным, прямой умысел данного преступления будет заключаться в том, что лицо осознает общественно опасный характер своих действий и желает их совершить. Впрочем, прямой умысел лиц, руководящих, участвующих, склоняющих людей в экстремистские сообщества, может несущественно разниться. Так, прямой умысел руководителя экстремистского сообщества характеризуется осознанием общественной опасности своих действий по объединению усилий его членов (сюда может входить и осознание значимости сохранения и функционирования экстремистского сообщества, и осознание противоправности создания сообщества экстремистской направленности)[1].

Прямой умысел члена (участника) экстремистского сообщества имеет характерный отличительный признак. Он характеризуется осознанием общественной опасности совершаемых им действий непосредственно в качестве члена данного формирования (компонентами в этом случае могут являться и осознание внесения существенного вклада в деятельность сообщества, и социальная значимость своих действий, необходимых для сохранения функциональности экстремистского сообщества.

Прямой умысел лиц, склоняющих окружающих в данные сообщества, может быть охарактеризован как осознание общественной опасности своих действий (куда входит осознание фактического характера своих действий по внесению существенного вклада в деятельность экстремистского сообщества, осознание важности и необходимости склонения лиц для функционирования сообщества).

Целями экстремистского сообщества следует признавать подготовку или совершение преступлений экстремистской направленности.

Необходимо признать верным законодательное решение относительно признания экстремистской направленности преступных посягательств с учетом мотива его совершения на стадии назначения наказания. Несмотря на то, что мотив политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы предусмотрен в качестве квалифицирующего или особо квалифицирующего признака большинства насильственных преступлений, в некоторых он отсутствует. Так, например, изнасилование (ст. 131 УК РФ)

[1] См.: Бехоева Х.Л.А. Организация незаконного вооруженного формирования или участие в нем: масштабы явления // Бизнес в законе. 2013. № 6. С. 74–78.

или насильственные действия сексуального характера (ст. 132 УК РФ) в числе квалифицирующих признаков не содержат экстремистского мотива, хотя в ряде случаев таковой может быть побуждающим. В данной ситуации мотив совершенного преступления должен быть учтен судом при назначении наказания в качестве отягчающего обстоятельства (п. «е» ч. 1 ст. 63 УК РФ).

Субъект преступления общий, им является вменяемое физическое лицо, достигшее 16-летнего возраста.

Лица в возрасте от 14 до 16 лет, совершившие в составе экстремистского сообщества преступления, подлежат уголовной ответственности за каждое при условии, что в соответствии с ч. 2 ст. 20 УК РФ возраст ответственности установлен с 14 лет (например, убийство по мотивам политической, идеологической, расовой, национальной или религиозной ненависти или вражды либо по мотивам ненависти или вражды в отношении какой-либо социальной группы – п. «л» ч. 2 ст. 105 УК РФ).

Законодатель стимулирует позитивную посткриминальную деятельность лица, совершившего преступление, и мотивирует его не только на прекращение совершаемых им противоправных деяний, но и на сотрудничество со следствием, способствуя раскрытию и пресечению аналогичных преступлений.

Таким образом, подводя итог отметим, что в ст. 208 УК РФ, как и в ст. 282^1 УК РФ, содержится положительная мера в виде освобождения лица от уголовной ответственности. В примечании 1 предусмотрено императивное основание освобождения от уголовной ответственности при следующих условиях: а) лицо является впервые совершившим преступление, предусмотренное ст. 282^1 УК РФ; б) лицо, добровольно прекратило участие в деятельности экстремистского сообщества; в) в действиях лица не содержится иного состава преступления.

Шкаплеров Юрий Павлович,
кандидат юридических наук, доцент,
первый заместитель начальника
Могилевского института МВД Республики Беларусь

Первое нормативное закрепление порядка оказания международной правовой помощи по уголовным делам в уголовно-процессуальном законе Российского государства

О давности существования межгосударственных отношений по вопросам борьбы с преступностью на территориях, ныне входящих в состав России, Беларуси и других стран Восточной Европы, свидетельствует ряд документов, в том числе – договоры киевских князей с Византией 911 г., 945 г. и 971 г., Мирный договор 1323 г. Великого князя литовского Гедимина с Орденом, датским наместником Ревельской земли, епископами и Ригой[1] и др. Однако, подобные документы вплоть до XIX в. в подавляющем большинстве лишь указывали на возможность исполнения просьб иностранных государств (чаще всего о выдаче) без регламентации соответствующего процессуального механизма. В свою очередь, действовавшие уголовно-процессуальные законы в нашем регионе в силу отсутствия надобности также не регулировали правоотношения в рассматриваемой сфере.

Вторая половина XIX в. во всем мире охарактеризовалась бурным развитием института международной правовой помощи по уголовным делам. Не осталась в стороне от этого процесса и Российская империя, которая уже в 1804 г. заключила договор о выдаче с Пруссией, а в 1808 г. – с Австрией[2]. После этого руководство России, как и других государств, проводило активную политику по заключению таких договоров. Учитывая общемировую тенденцию, ратифицируемые договоры касались, в большей части, выдачи, а другие процессуальные отношения в них упоминались как второстепенные. Во времена действия УУС Российской империей международные договоры о выдаче были подписаны с Данией (1866 г.), Италией (1871 г.), Бельгией (1872 г.), Швейцарией (1873 г.), Нидерландами (1880 г.), Монако (1883 г.), Великобританией (1886 г.), Португалией, США (1887 г.), Испанией (1888 г.), Люксембургом (1892 г.), Данией (1909 г.),

[1] Матвейчев Ю.А. Международная правовая помощь по уголовным делам: монография / Ю.А. Матвейчев, Ю.П. Шкаплеров; М-во внутр. дел Респ. Беларусь, учреждение образования «Могилевский институт МВД Республики Беларусь». Могилев: Могилев. институт МВД Респ. Беларусь, 2017. С. 4.

[2] Плотников А.В. История становления и развития института экстрадиции в современном международном праве (на примере РФ и США) // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. № 4. 2009. С. 70.

Японией (1911 г.), Болгарией (1912 г.)[1] и др. Названные международные договоры были схожи между собой по структуре и содержанию. В них перечислялись преступления, влекущие выдачу (при этом особо отмечалась невозможность выдачи за преступления политической направленности), регламентировался порядок направления необходимых документов в запрашиваемое государство. Как правило, договоры содержали нормы о взаимном исполнении требований о допросе свидетелей (договоры с Австрией, Италией, Нидерландами, Монако и др.) и передаче на время содержащихся под стражей лиц для проведения очных ставок[2]. Также многие договоры содержали нормы, устанавливавшие порядок компенсации издержек по уголовным делам. Например, в соответствии с договором с Германией, судебные издержки, понесенные при передаче и вручении повесток о вызове к следователю, либо исполнении поручений, относились «на счет того государства, к которому обращено было требование»[3].

Уголовно-процессуальные законы Российской империи в XIX в. не регламентировали оказание международной правовой помощи по уголовным делам. Не являлся изначально исключением из этого правила и Устав уголовного судопроизводства (далее – УУС), утвержденный 20 ноября 1864 г. Однако, в последующем, следуя в русле складывающихся тенденций, Российская империя вывела уголовно-процессуальное регулирование данного правового института на мировой уровень Так, в начале XX в. общий порядок выдачи иностранных граждан уже был закреплен в ст. 13 Уголовного уложения 1903 г. в, а затем положения данной нормы были ретранслированы в Закон «О выдаче преступников по требованию иностранных государств» от 12 декабря 1912 г., которым УУС был дополнен новой двенадцатой главой «О выдаче преступников по требованиям иностранных государств».

Общий порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам в рассматриваемый период состоял в следующем. Согласно ст. 852[1] УУС международная правовая помощь (в свете данной статьи – экстрадиция) могла оказываться как на основании заключенного договора, так и на основании принципа взаимности.

Согласно ст. 190 Учреждения судебных установлений и 852[1] УУС сношения уполномоченных должностных лиц империи с компетентными органами иностранных государств производились посредством Министерства юстиции через Министерство иностранных дел.

---

[1] Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах; Доп. В.П. Ширковым. В 2-х ч. 7-е изд. (посмертное). Петроград: тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2. С. 173.

[2] Там же. С. 176–177.

[3] Соколов А.А. Практическое руководство для судебных следователей: в 3 т. Вильна: тип. А.Г. Сыркина. Т. 1. 1891. С. 220.

Зарубежные органы, запрашивающие правовую помощь, также были обязаны направлять свои требования только через МИД Российской империи[1]. Исключение из этого правила составляли правовые отношения с Китаем, на территории которого судебный следователь имел право обратиться к российскому консулу с требованием о производстве следственных действий с участием российских подданных[2]. Сегодня подобный порядок предусмотрен ст. 12 Минской конвенции.

При необходимости обращения к иностранному государству в рамках расследования уголовного дела судебный следователь передавал соответствующий процессуальный документ, именовавшийся требованием, местному прокурору, с приложением копий постановлений, в которых указывалось «по какому делу, кого, о чем и где следует допросить, или какие именно сведения о откуда следует им доставить»[3]. К требованию о выдаче следователи были обязаны прилагать «постановление о привлечении к следствию» и постановление о заключении под стражу. Закон допускал объединение в одном постановлении содержания двух названных документов. Также к требованию приобщались необходимые выписки из уголовного закона, фотографии разыскиваемого лица, описание его примет и иная информация, «могущая служить к удостоверению его личности (ст. 852^{13} УУС)[4]. Все направляемые зарубежным компетентным органам документы, в т. ч. – фотографии, должны были быть заверены подписью и печатью судебного следователя[5] (ст. 852^{13} УУС). Но, как и сегодня, из общих правил были исключения, так, согласно договору с Великобританией, к требованию о выдаче, помимо постановления о заключении под стражу прилагались протоколы допросов свидетелей «и вообще все те документы, на которых основано постановление» в оригинале или заверенных копиях[6]. Похожее правило, касающееся оригиналов направляемых документов, имелось в договоре с Румынией[7].

Полученные из-за рубежа требования о выдаче также должны были быть заверены в установленном порядке и переведены на русский либо французский языки (ст. 852^{13} УУС).

---

[1] Соколов А.А. Практическое руководство для судебных следователей: в 3 т. Вильна: тип. А.Г. Сыркина. Т. 1. 1891. С. 212; Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 302.

[2] Макалинский П.В. Практическое руководство для судебных следователей, состоящих при окружных судах; Доп. В.П. Ширковым. В 2-х ч. 7-е изд. (посмертное). Петроград: тип. М. Меркушева, 1915. Ч. 2. С. 183.

[3] Соколов А.А. Указ. соч. С. 212, 220.

[4] Случевский В.К. Учебник русского уголовного процесса. Судоустройство – судопроизводство. 4-е изд., доп. и испр. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. С. 302.

[5] Соколов А.А. Указ. соч. С. 219.

[6] Там же. С. 228.

[7] Там же. С. 231.

В требованиях о оказании правовой помощи судебные следователи указание конкретного органа, которому оно адресовалось («местного суда»), должны были дополнять фразой «или иной подлежащей власти», т. к. запрашиваемые органы ряда стран, например, Франции, при невозможности выполнения требования в рамках своей компетенции, возвращали его без исполнения обратно в Российскую империю, не передавая по территориальности или подведомственности[1].

В повестках о вызове из-за границы иностранных подданных в качестве свидетелей по уголовным делам запрещалось предупреждать их об ответственности за неявку к следователю. При этом Сенат в одном из своих разъяснений указывал, что согласно ст. 642 УУС от явки в суд освобождались свидетели «живущие в… такой отдаленности, что им без особенного затруднения явиться в суд [было] невозможно»[2].

УУС и международные договоры (за исключением договора с Данией), как и сегодня, позволяли предварительно задерживать разыскиваемое лицо на территории другой страны на основании заявления, переданного по почте или телеграфу с последующим предоставлением в общем порядке требования о выдаче[3]. В Российской империи такие заявления компетентных иностранных органов передавались Министерством иностранных дел в Министерство юстиции, которое, в свою очередь, издавало распоряжение о задержании лица на срок до двух месяцев, а по заявлению «внеевропейских государств» – до трех месяцев. Однако, если запрашивающая сторона не предоставляла в указанный срок необходимых документов, задержанное лицо освобождалось из-под стражи, а выдача не осуществлялась (ст. 852^{19} УУС).

Как отмечалось ранее, в рассматриваемый период времени основным институтом оказания международной правовой помощи по уголовным делам являлась выдача, поэтому нет ничего удивительного в том, что большинство положений, содержащихся в главе 12 УУС было посвящено именно ей. Согласно ст. ст. 852^{14} УУС если при рассмотрении поступившего из Министерства иностранных дел требования о выдаче Министр юстиции принимал решение о его удовлетворении, он сообщал об этом Министру внутренних дел, который, в свою очередь, отдавал распоряжение о розыске, задержании и выдаче соответствующего лица, а также о передаче иностранному государству предметов, являющихся орудиями преступления и вещественными доказательствами по делу.

Разрешая вопрос о выдаче, Министр юстиции имел право: 1) запросить у запрашивающего государства дополнительные сведения и документы; 2) обязать соответствующего прокурора собрать необходимые сведения по месту нахождения лица, выдача которого требуется (ст. 852^{16} УУС).

---

[1] Соколов А.А. Указ. соч. С. 223.

[2] Там же. С. 218.

[3] Макалинский П.В. Указ. соч. С. 176.

В последнем случае такие сведения собирались путем дознания либо проведения следственных действий в соответствии с УУС (ст. 852^{17} УУС). Однако окружной прокурор мог лично и не проводить такие следственные действия, т.к. согласно ст. 852^{18} УУС он имел право поручить их производство судебному следователю.

В случае принятия решения об отказе в исполнении требования о выдаче об этом уведомлялась запрашивающая сторона, а задержанное в целях экстрадиции лицо освобождалось из-под стражи (ст. 852^{15} УУС).

УУС отдельно регламентировал процесс фактической передачи подлежащего выдаче лица. Так, в соответствии со ст. 852^{20} такое лицо передавалось запрашивающей стороне российскими административными властями в пограничном пункте по согласованию с министерствами внутренних и иностранных дел. А выдача лиц в государства, с которыми Российская империя не имела общей границы осуществлялась по предварительной договоренности со всеми заинтересованными странами, в т. ч. – транзитными (ст. 852^{21} УУС).

Статья 852^{21} УУС содержала положения о транзитной перевозке экстрадируемых третьими странами лиц по территории Российской империи. Для реализации такой перевозки законодатель требовал наличия тех же документов и тех же условий, которые были необходимы при выдаче, в частности, гарантии запрашивающей стороны, что дело обвиняемого не будет рассмотрено в чрезвычайном суде, а также что уголовное преследование в отношении него будет осуществляться только по факту совершения деяния, относительно которого запрашивается выдача (ст. 852^{8}, 852^{23} УУС).

Расходы, связанные с выдачей, погашались за счет казны Российской империи, а расходы за транзитную перевозку лиц, подлежащих выдаче, компенсировались запрашивающей стороной (ст. 852^{24} УУС).

Таким образом, подводя итог изложенному, необходимо отметить, что первым уголовно-процессуальным законом Российского государства, который устанавливал порядок оказания международной правовой помощи по уголовным делам, являлся УУС. В нем, а также перечисленных выше и других межгосударственных договорах названный правовой институт был урегулирован на довольно высоком уровне, сопоставимом в определенной мере с сегодняшним днем. Однако, интенсивное развитие международной правовой помощи по уголовным делам в Российской империи на рубеже XIX-XX в. фактически прекратилось с началом Первой мировой войны и последовавших за ней событий октября 1917 г.[1].

[1] Струк Ю.Б. История формирования института выдачи лиц, совершивших преступление // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. №. 7. С. 35.

Шумаков Сергей Александрович,
старший преподаватель кафедры уголовного права
Северо-Кавказского филиала Российского
государственного университета правосудия

Конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением

Восстановление социальной справедливости, нарушенной в результате совершения преступления, во многих случаях предопределяется фактом возмещения причиненного преступлением ущерба. При этом вопросы компенсации вреда имеют под собой соответствующие материально-правовые основания. Так, в качестве задач уголовного права закреплена, в частности, охрана прав и свобод человека и гражданина, а также собственности. Важно заметить, что данная задача и корреспондирующие ей права человека гарантированы Основным законом РФ. Согласно ст. 52 Конституции РФ «права потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью охраняются законом. Государство обеспечивает потерпевшим доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба»[1]. Как видно, изложенное конституционно-правовое правило носит декларативный характер. В обозначенной норме отсутствует привязка к механизму возмещения ущерба, к его материально-правовой или процессуальной природе.

В контексте материально-правовых оснований возмещения ущерба указанное конституционно-правовое предписание является базовым. Реализация задачи охраны прав и свобод человека и гражданина, а также собственности возможна, в том числе, на основании предписаний Конституции РФ. Государство гарантирует компенсацию причиненного ущерба. Вместе с тем, нормативная основа возмещения ущерба, причиненного преступлением, не ограничивается Конституцией РФ, рассматриваемое положение Основного закона РФ во многом предопределено международными нормативными правовыми актами.

Главенствующим юридическим актом международного характера о возмещении причиненного преступлением ущерба является Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. В данном документе предусмотрено, что потерпевшие от преступления имеют право на доступ к механизмам правосудия и скорейшую компенсацию за нанесенный им ущерб в соответствии с национальным законодательством. В тех случаях, когда это

[1] Баглай М.В. Конституционное право Российской Федерации: учебник. 6-е изд., изм. и доп. М.: Норма, 2007. С. 306.

необходимо, следует создать и укрепить судебные и административные механизмы с тем, чтобы обеспечить жертвам возможность получать компенсацию с помощью официальных или неофициальных процедур, которые носили бы оперативный характер, являлись бы справедливыми, недорогостоящими и доступными[1].

В этом международно-правовом акте провозглашены два основных направления возмещения ущерба: реституция и компенсация. Отметим, что под реституцией (от латинского restitutio – восстановление) в юриспруденции понимается «возврат сторонами, заключившими коммерческую сделку, всего полученного по условиям этой сделки в случае признания ее недействительной»[2]. То есть в разрезе изучения международно-правовых оснований возмещения ущерба реституция означает восстановление исходного состояния, возврат всего незаконно полученного виновным в результате совершения преступления.

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. указывается, что при соответствующих обстоятельствах правонарушители или третьи стороны, несущие ответственность за их поведение, должны предоставлять справедливую реституцию жертвам или иждивенцам. Такая реституция должна включать возврат собственности или выплату за причиненный вред или ущерб, возмещение расходов, понесенных в результате виктимизации, предоставление услуг и восстановление в правах.

Как видно, анализируемым международным нормативно-правовым документом реституция трактуется расширительно, поскольку включает в себя не только восстановление прав в виде возврата незаконно полученного вследствие совершения преступления, но и возмещение расходов потерпевшего, связанных с преступлением. Представляется, что именно такой смысл вкладывается в формулировку «справедливая реституция».

В Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. предписывается правительствам рассмотреть возможность включения реституции в свою практику, положения и законы в качестве одной из мер наказания по уголовным делам в дополнение к другим уголовным санкциям[3].

---

[1] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) / Справочная правовая система «Консультант плюс».

[2] Крысин Л.П. Толковый словарь иноязычных слов. М.: Изд-во Эксмо, 2005. С. 672.

[3] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) / Справочная правовая система «Консультант плюс».

Необходимо заметить, что российскому уголовному законодательству не известны виды наказания, связанные с возмещением потерпевшему причиненного преступлением ущерба. Имущественные взыскания в отношении осужденного в пользу потерпевшего не имеют характер наказания.

Второй путь возмещения причиненного преступлением ущерба поименован в Декларации основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. как компенсация. По сути, это направление возмещения выступает альтернативной первому пути. В документе оговаривается, что компенсация применяется тогда, когда невозможно получить возмещение в полном объеме от правонарушителя. В этих случаях государствам рекомендовано принимать меры к предоставлению финансовой компенсации:

a) жертвам, которые в результате тяжких преступлений получили значительные телесные повреждения, или существенно подорвали свое физическое или психическое здоровье;

b) семьям, в частности, иждивенцам лиц, которые умерли или стали физически или психически недееспособными в результате такой виктимизации.

В анализируемой Декларации говорится, что следует содействовать созданию, укреплению и расширению национальных фондов для предоставления компенсации жертвам. При необходимости в этих целях могут создаваться и другие фонды, в том числе в тех случаях, когда государство, гражданином которого жертва является, не в состоянии возместить жертве причиненный ей ущерб[1].

Таким образом, Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью 1985 г. призывает государства-участники закрепить возмещение ущерба в качестве вида наказания, наряду с иными предусмотренными санкциями. Возмещение ущерба подразумевает не только, например, возврат незаконно изъятого, то есть прямого ущерба, но и возмещение расходов, понесенных потерпевшим в связи с совершением в отношении него преступления (реституция). В случае невозможности полного возмещения ущерба самим правонарушителем или ответственными за него лицами, данная Декларация рекомендует осуществлять компенсацию со стороны государства или негосударственных образований в случаях причинения тяжкого вреда здоровью или смерти.

Подобные идеи получили развитие и в некоторых других международных нормативных правовых актах. Так, Рекомендациями Комитета министров Совета Европы государствам-членам «О положении

[1] Декларация основных принципов правосудия для жертв преступлений и злоупотреблений властью (Принята 29.11.1985 Резолюцией 40/34 Генеральной Ассамблеи ООН) / Справочная правовая система «Консультант плюс».

потерпевшего в рамках уголовного права и процесса» 1985 г. провозглашено: «законодательство должно предусматривать, что компенсация может быть или уголовным наказанием, или заменой его, или назначена в дополнение к нему»[1]. По нашему мнению, такого рода положения непременно подчеркивают значимость возмещения ущерба в разрезе вопросов уголовной ответственности. Значение возмещения ущерба может возрастать до степени наказания, то есть, по сути, подменять собой уголовное наказание.

В данном международном документе также указывается на то, что «если компенсация является уголовным наказанием, то ее следует взимать так же, как и штрафы, и дать приоритет над любой другой финансовой санкцией, налагаемой на преступника. Во всех других случаях потерпевшему следует помогать как можно больше в получении денег»[2].

Специфичное развитие в международном праве получают вопросы возмещения ущерба в случае причинения серьезного вреда здоровью или смерти. Данной сфере посвящена Европейская конвенция по возмещению ущерба жертвам насильственных преступлений 1983 г. В этом юридическом акте также излагается рекомендация по возмещению ущерба жертвам преступлений. А тем из них, кому причинен тяжкий вред здоровью или иждивенцам лиц, лишенных жизни, при невозможности возмещения ущерба виновным, он должен быть компенсирован государством[3].

Помимо собственно международно-правовых документов, важность и значимость возмещения ущерба, причиненного преступлением, регулярно подчеркивается в ходе Конгрессов ООН по предупреждению преступности и уголовному правосудию[4].

Как отмечается Д.А. Ивановым, «международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением, исходят прежде всего из здравых канонов синхронно выстроенной цепи звеньев: «преступник» – «жертва» – «вред» – «компенсация» – «наказание». Суть данной модели заключается в том, что лицо, виновное в совершении уголовно наказуемого деяния, будет однозначно нести наказание, но суровость санкций зависит от компенсационных элементов, предпринятых виновным в счет возмещения вреда потерпевшему. Очевидна зрелость, стабильность и эффективность именно такого судопроизводства, в

[1] Сборник документов Совета Европы в области защиты прав человека и борьбы с преступностью. М.: СПАРК, 1998. С. 114-116.

[2] Там же.

[3] Там же. С. 81–85.

[4] Варпаховская Е.М. Вопросы правового регулирования возмещения вреда жертвам преступлений в международно-правовых стандартах и законодательстве отдельных государств // Сибирский юридический вестник. 2012. № 3 (58). С. 91–95.

котором взаимно дополняют друг друга как черты карательного, так и восстановительного правосудия»[1].

Поддерживая рассуждения подобного рода, следует обратить внимание на то значение, которое придается возмещению ущерба в международном праве. Оно не ограничивается процедурными, процессуальными вопросами, а напрямую затрагивает материально-правовые аспекты, в том числе и уголовное право. В международном праве указывается на первостепенное значение восстановления интересов потерпевшей стороны, включая возмещение ущерба. Более того, акты международного права допускают возможность установления зависимости назначаемого уголовного наказания от степени компенсации причиненного преступлением ущерба.

На основании изложенного представляется возможным утверждать, что конституционная гарантия о том, что государством обеспечивается компенсация причиненного преступлением ущерба, основывается на фундаментальных положениях международного права. Нормативные акты международного права устанавливают возмещение ущерба в качестве одной из приоритетных мер воздействия на виновное лицо. При этом допускается регламентация возмещения ущерба в качестве альтернативы наказанию или в дополнение к нему.

Эльгайтаров Султан Юрьевич,
соискатель кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Социально-правовая обусловленность модернизации и совершенствования уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств

Как следует из сформулированной в Постановлении Конституционного Суда Российской Федерации от 19.03.2003 № 3-П, «закрепление в законе уголовно-правовых запретов и санкций за их нарушение не может быть произвольным. (…) Уголовно-правовые институты защиты личности, общества и государства, а также предупреждения преступлений должны основываться на конституционных принципах справедливости и соразмерности уголовной ответственности защищаемым уголовным законодательством ценностям при безусловном соблюдении конституционных гарантий личности в этой области

[1] Иванов Д.А. Современный взгляд на международные правовые стандарты возмещения вреда, причиненного преступлением и необходимость их имплементации в российское законодательство // Вестник экономической безопасности. 2017. № 3. С. 22–25.

публично-правовых отношений» [1]. Таким образом, предопределяя необходимость законодательного регулирования правоотношений, социальная обусловленность уголовной ответственности, как компромисс между уголовно-правовым ограничением прав личности и правовой защитой интересов общества и государства, приобретает особую актуальность и значимость в период происходящих сегодня интенсивных социально-политических и, в первую очередь, уголовно-правовых преобразований.

С момента вступления в силу УК РФ принято более 250 Федеральных законов, а также восемь Постановлений Конституционного Суда России о внесении изменений и дополнений в Уголовный кодекс Российской Федерации. При этом, к примеру, Федеральный закон от 08.12.2003 № 162-ФЗ содержит 226 пунктов об изменении содержания УК России и, в частности, его дополнения статьей 285.1 «Нецелевое расходование бюджетных средств». Позднее, ст. 285.1 УК РФ подвергалась неоднократному редактированию в соответствии с положениями Федеральных законов от 07.03.2011 № 26-ФЗ и от 07.12.2011 № 420-ФЗ. Электронные средства обработки информации позволяют определить число поправок внесенных в УК РФ, которые (подчеркнем) действуют на момент запроса: на середину мая 2020 г. – это 1916 законодательных решений. При этом необходимо учесть, что приведенные цифры не учитывают действительного общего числа внесенных в одни и те же нормы УК РФ «маятниковых», т. е., диаметрально противоположных, отменяющих предыдущие, изменений, иногда фактически «реанимирующих» первоначальную, ранее отмененную, редакцию уголовно-правовых норм, неоднократно подвергавшихся «совершенствованию». Обозначенные «маятниковые» изменения и дополнения уголовного законодательства, являясь, по сути, результатом социальной необусловленности, как минимум, половины из них, нарушают стабильность законодательства, безусловно, негативно влияя не только на единообразие практики его правоприменения, но и, как следствие, что немаловажно, на формируемый ею уровень правосознании граждан. «Маятниковые», бессистемные и социально необоснованные изменения уголовного законодательства, безусловно, не способствуют уяснению «духа закона» общественным правосознанием и не согласуются с

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 19.03.2003 № 3-П «По делу о проверке конституционности положений Уголовного кодекса Российской Федерации, регламентирующих правовые последствия судимости лица, неоднократности и рецидива преступлений, а также пунктов 1–8 Постановления Государственной Думы от 26 мая 2000 года «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» в связи с запросом Останкинского межмуниципального (районного) суда города Москвы и жалобами ряда граждан» // Российская газета, № 61, 02.04.2003.

догматическими представлениями о его содержании. Рожденное Цицероном в эпоху становления романо-германской системы права, выражение «Scire leges non hoc est verba earum tenere, sed vim ac potestatem» (Знание законов заключается не в том, чтобы помнить их слова, а в том, чтобы понимать их смысл) [1], избранное доктором уголовного права Н.С. Таганцевым в качестве эпиграфа к одному из созданных им памятников отечественного уголовного права [2], требует максимально взвешенного подхода к процессу редактирования действующего законодательства и внесения в него лишь тех изменений и дополнений, которые действительно обоснованы как теоретической, так и прикладной значимостью. Постоянно и бессистемно изменяющиеся нормативные предписания не способствуют, а напротив, вредят процессу формирования в обществе устойчивых представлений о содержании законодательства и о существе государственно-правовой оценки той или иной формы поведения. В связи с этим представляется, что основой единообразного правоприменения законодательства, а также основным условием формирования и поддержания необходимой степени общественного правосознания, является стабильность правовой системы, исключающая реакционные, социально не обусловленные и, тем более, изначально бесперспективные изменения действующего законодательства, превращающие законотворческую деятельности в «работу ради работы».

Не будучи обусловленными действительной необходимостью и, тем более, «маятниковые» изменения и дополнения текста уголовного закона вредят не только практике его единообразного правоприменения, но и влекут весьма существенные негативные последствия для его толкования в доктрине уголовного права. Актуальные еще вчера, труды известных ученых сегодня утрачивают свою теоретическую значимость и не могут в полном объеме использоваться ни в учебном процессе, ни в научной деятельности, как теоретическая основа для дальнейших научных исследований других ученых виду возникшей с изменением законодательства фактической неполнотой и нормативной необоснованностью содержания и результатов проведенных ими исследований. Таким образом, следует согласиться с А.Л. Савенком, В.П. Бодаевским и Е.А. Соловьевым, высоко оценивающими актуальность изучения вопросов социальной обусловленности уголовно-правовых положений. Научная основа осуществляемого уголовного правообразования «позволяет избежать или значительно уменьшить

[1] Латинско-русский и русско-латинский словарь крылатых слов и выражений. М.: Русский Язык. Н.Т. Бабичев, Я.М. Боровской, 1982.

[2] Таганцев Н.С. Русское уголовное право: Лекции. Часть Общ.: В 2 т. / Сост. и отв. ред. Загородников Н.И.; РАН. Ин-т государства и права. М.: Наука, 1994. Т. 1. 380 с.

количество не вызванных реалиями жизни произвольных законодательных решений»[1].

Безусловно, не смотря на три Федеральных закона о внесении изменений и дополнений в УК РФ, установивших, а позже скорректировавших уголовно-правовые последствия нецелевого расходования бюджетных средств, обозначенные изменения и дополнения можно охарактеризовать как последовательную государственную политику по криминализации в 2003 году самого общественно опасного деяния, а также совершенствования в марте и декабре 2011 года первоначально регламентированной системы наказаний за его совершение, ввиду дополнения УК РФ принудительными работами, как новым, на тот момент, видом наказания. Вместе с тем, не смотря на, с нашей точки зрения, действительную социальную обусловленность уголовной ответственности, как таковой, за нецелевое расходование бюджетных средств, считаем крайне неудовлетворительной форму ее реализации в содержании ст. 285.1 Уголовного кодекса России. Данный вывод подтверждается значительным числом специальных научных исследований, содержащих критические оценки полноты и системности положений ст. 285.1 УК РФ, а также соответствия ее содержания принципам юридической техники[2].

Безусловно, какая-то часть критики может быть расценена как авторское видение вопросов дискуссионного характера и, на наш взгляд, представляется не вполне обоснованной. Другая часть критических замечаний, будучи актуальной на момент опубликования результатов научных исследований, утратила свою актуальность в связи с изменениями и дополнениями, внесенными в содержание бюджетного законодательства. Вместе с тем, остается неразрешенной значительная часть действительно, как представляется, принципиальных вопросов, касающихся степени социально-правовой обусловленности, системности и полноты содержания существующих мер уголовно-правового противодействия нецелевому расходованию бюджетных средств. Так, в частности, А.В. Никифоров[3], соглашаясь с Ю.И. Ляпуновым определяет прямую зависимость эффективности правового воздействия от степени совершенства закона, а

---

[1] Бодаевский В.П., Соловьёв Е.А. Социальная обусловленность уголовно-правового положения // Научный вестник Омской академии МВД России. 2020 № 1 (76); Савенок А.Л. Социальная обусловленность уголовного закона // Вестник Академии МВД Республики Беларусь. 2011. № 1 (21).

[2] См., к примеру, диссертационные исследования К.С. Арутюняна, Д.А. Бойкова, Р.С. Ефремова; А.Я. Казакова, А.Г. Карпова, А.В. Макарова, А.А. Марзагановой, В.А. Минеева, С.Л. Нуделя, О.С. Русаковой, А.В. Офицеровой, В.Г. Саркисянца, А.С.-У. Теунаева, Р.Р. Фазылова, А.К. Щегулиной и др.

[3] Никифоров А.В. Социально-правовая обусловленность уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и (или) сборов с организации // Вестник Московского университета МВД России. 2008. № 12. С. 38.

также от его социальной обусловленности и практической значимости: «Чем совершеннее закон, чем он более социально обусловлен и чем полнее он отражает потребности практики, тем сильнее и эффективнее его регулирующее воздействие на определенные группы общественных отношений»[1]. Таким образом, соглашаясь с приведенными взглядами, мы также считаем, что социально-правовая обусловленность закона, его внутри- и межотраслевая согласованность, а также практическая значимость выступают важнейшими критериями, по сути, предопределяющими степень эффективности правоприменения норм закона и решения стоящих перед ним задач.

Представляется, что бланкетный характер диспозиции ст. 285.1 УК РФ, по отношению к статьям 306.1, 306.4 БК РФ, содержащей законодательные определения, соответственно, бюджетного правонарушения и незаконного использования бюджетных средств, предопределяет необходимость унификации соответствующих положений «бюджетного законодательства Российской Федерации и иных правовых актов, регулирующих бюджетные правоотношения» [2] , т. е., в числе прочего, положений УК РФ, регулирующего вопросы уголовной ответственности за существенное нарушение наиболее значимых бюджетных правоотношений.

Рассуждая о необходимости внутри- и межотраслевой систематизации взаимосвязанных законодательных норм, как о проблеме социально-правовой обусловленности содержания предлагаемых в процессе законотворческой деятельности изменений и дополнений, профессор А.В. Иванчин отмечает, что «межотраслевые системные правила нацеливают законодателя на необходимость соблюдения при построении состава Конституции РФ, норм международного права, иноотраслевого законодательства, а также учета проблем доказывания преступления, а внутриотраслевые – на обязательность согласования признаков проектируемого состава с предписаниями Общей и Особенной частей УК»[3]. Таким образом, интересы межотраслевой систематизации законодательства предопределяют необходимость обеспечения взаимо-связанности элементов, его составляющих, в том числе, посредством унифицированного подхода к используемой законодательной терминологии.

---

[1] Ляпунов Ю.И. Общественная опасность деяния как универсальная категория советского уголовного права. Учебное пособие. М.: Изд-во ВЮЗШ МВД СССР, 1989. С. 10.

[2] Бюджетный кодекс Российской Федерации от 31.07.1998 № 145-ФЗ (ред. от 25.05. 2020), ст. 306.1, ч. 1, п. 1 // Официальный интернет-портал правовой информации [Электронный ресурс] URL: http://www.pravo.gov.ru (дата обращения: 25.05.2020) .

[3] Иванчин А.В. Концептуальные основы конструирования состава преступления: автореферат дис. ... докт. юрид. наук: 12.00.08; [Место защиты: Ур. гос. юрид. акад.]. Екатеринбург, 2015. С. 11–12.

Вместе с тем, диспозиция ст. 285.1 УК РФ при описании составообразующих признаков нецелевого расходования бюджетных средств оперирует терминами и определениями, отличными от терминологии, используемой в соответствующих нормах бюджетного законодательства, которые, к тому же, неоднократно изменялись в период действия ст. 285.1 УК РФ. В частности, Федеральным законом от 23.07.2013 № 252-ФЗ Бюджетный кодекс Российской Федерации был дополнен специальными главами «Общие положения о бюджетных нарушениях и применении бюджетных мер принуждения» (глава 29 БК РФ) и «Виды бюджетных нарушений и бюджетные меры принуждения, применяемые за их совершение» (Глава 30 БК РФ). При этом в связи с принятием Федеральных законов от 26.07.2019 № 199-ФЗ, а также от 31.07.2020 № 263-ФЗ в статьи 306.1 и 306.4 указанных глав БК РФ, регламентирующие понятие, виды и содержание бюджетных правонарушений и, в частности, определение и признаки нецелевого использования бюджетных средств, были внесены изменения и дополнения, которые, равно как и предыдущая редакция ст. ст. 306.1, 306.4 БК РФ не вполне согласуется с определением и составообразующими признаками нецелевого расходования бюджетных средств, регламентированными ст. 285.1 УК РФ. Это, на наш взгляд, нарушает системность законодательства, как один из принципов юридической техники, что создает социально-правовые предпосылки для редактирования содержания бланкетной диспозиции ст. 285.1 БК РФ и обуславливает необходимость приведения ее содержания в соответствие с положениями ст. ст. 306.1, 306.4 БК РФ.

Аналогичные выводы представляется возможным сформулировать при оценке соотношения соответствующих норм Уголовного кодекса РФ и Кодекса об административных правонарушениях РФ в части межотраслевой дифференциации ответственности за бюджетные правонарушения. При этом необходимо отметить, что с внесением вышеобозначенных изменений и дополнений в БК РФ, нормы Кодекса РФ об административных правонарушениях подверглись значительным корректировкам, однако, соответствующие номы УК РФ остались неизменными, что свидетельствует о бессистемности законодательного подхода к межотраслевой дифференциации ответственности за рассматриваемые правонарушения.

Кроме того, необходимо отметить действительную, на наш взгляд, внутриотраслевую несогласованность положений ст. 285.1 УК РФ с отельными положениями Общей и Особенной частей УК России. В частности, представляется необходимым обратить внимание на отсутствие в ст. 285.1 УК РФ возможности дифференциации ответственности виновного в зависимости от квалифицирующих признаков, существенно влияющих на характер и степень общественной

опасности деяния, учитываемых при квалификации иных должностных преступлений, но проигнорированных законодателем в процессе регламентации ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств.

Р.С. Ефремов, говоря о проблеме криминализации нецелевого расходования бюджетных средств в современном уголовном законодательстве, отмечает, что законодателем соблюдены все критерии криминализации нецелевого расходования бюджетных средств, поскольку «противодействие этому деянию исключительно бюджетно-правовыми и административными санкциями на практике доказало свою неэффективность» [1]. Вместе с тем, представляется, что в процессе уголовно-правовой регламентации репрессивных мер борьбы с нецелевым расходованием бюджетных средств, законодателем незаслуженно оставлены без внимания не менее, а зачастую даже более эффективные компромиссно-поощрительные меры уголовно-правового характера, позволяющие обеспечить осуществление задач уголовного кодекса, что не согласуется с общими направлениями современной уголовной политики России об экономии мер уголовной репрессии.

Таким образом, с нашей точки зрения, обозначенная бессистемность в процессе регламентации уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств в ряду иных должностных преступлений влечет нарушение принципа справедливости в процессе уголовного правоприменения, снижая эффективность государственно-правовых мер обеспечения защищенности бюджетных правоотношений от противоправных посягательств, что, априори, обуславливает необходимость систематизации обозначенных законоположений.

[1] Ефремов Р.С. Проблема криминализации нецелевого расходования бюджетных средств в современном уголовном законодательстве // Дифференциация и индивидуализация ответственности в уголовном и уголовно-исполнительном праве. Рязань, 11 января 2015 г. Материалы международной научно-практической конференции, посвященной 75-летию доктора юридических наук, профессора заслуженного деятеля науки Российской Федерации Льва Леонидовича Кругликова / под редакцией В.Ф. Лапшина. 2015. С. 235.

Яковлев Виталий Валерьевич,
кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры уголовного права и криминологии
Краснодарского университета МВД России

Правовая культура в сфере борьбы с коррупционными проявлениями: современное состояние и перспективы развития

Результаты исследований культурологических аспектов современных проблем противодействия преступности свидетельствуют о быстром развитии нового направления в отечественной криминологии – культурологии преступности, что отмечается рядом известных ученых-криминологов России[1]. Основополагающей идеей данного направления научной мысли выступает тесная взаимосвязь (взаимозависимость) уровня общей культуры социума и состояния преступности. Эта взаимосвязь проявляется, с одной стороны, влиянием культуры на складывающуюся в обществе криминогенную ситуацию, динамику, структуру, тенденции развития преступности, характеристики личности преступника. С другой стороны, сама преступность, как негативное социальное явление, оказывает разрушительное воздействие на культурные составляющие общественной жизни и процессы становления культурологических стереотипов поведения конкретной личности. Яркой иллюстрацией этой взаимозависимости выступает криминальная субкультура, как продукт деструктивного воздействия преступного мира на общественную жизнь и как фактор воспроизводства преступности.

Опираясь на сказанное выше, мы можем рассматривать культуру как один из действенных инструментов борьбы с преступными проявлениями, который может быть использован и в процессе применения общих мер противодействия криминалу на уровне общества в целом, и в индивидуальном воздействии на конкретную личность. Это позволяет нам рассматривать данный феномен как универсальное средство, которое может быть эффективным в различных сферах функционирования общества и государства. В первую очередь речь идет о выявления и нейтрализации причин и условий преступности, или о ее предупреждении.

Обратимся к терминологии в рассматриваемой проблематике и отметим, что само понятие «культура» без каких-либо привязок к направлению общественной деятельности чаще всего используется для обозначения сложных категорий в самых различных отраслях научного знания. Однако специфика обсуждаемых в науке вопросов требует

[1] См. напр.: Квашис В.Е. К проблеме культуры противодействия преступности // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2016. № 2 (32). С. 13–21.

существенного уточнения используемого понятия в зависимости от тематики затрагиваемых проблем. Вместе с тем практически всегда при употреблении данного понятия его смысловая нагрузка такова: следование каким-то правилам и нормам, которые, проникая в различные человеческие способы материального и духовного производства, обеспечивают, тем самым, определенный тип социальной организации данного конкретного социума, где и развиваются важнейшие элементы социального организма общества[1].

Борьба с преступностью относится к правоохранительной сфере общественной жизни, поэтому речь пойдет о правовой культуре, как совокупности представлений социума в целом и каждого индивида в частности о значимости права, необходимости соблюдения норм и правил поведения в соответствии с требованиями законодательства. Соответствующее отношение к нарушению закона, к преступлению, к реакции общества и государства на преступные проявления и т. д. – все это определенные критерии оценки правовой культуры, в конечном итоге характеризующие эффективность функционирования правовой системы.

Проблема борьбы с коррупцией, как видом преступности, признаваемой в Российской Федерации одной из основных угроз национальной безопасности [2], давно уже приобрела комплексный и системный характер и требует соответствующего подхода в определении эффективных мер противодействия. Общественная опасность данного явления в настоящий момент обосновывается реальной возможностью при определенных обстоятельствах распада существующей социальной системы со всеми вытекающими катастрофическими последствиями.

Безусловно, государством предпринимаются значительные усилия для стабилизации складывающейся ситуации и преодоления обозначенной опасности. Существует систематизированное антикоррупционное законодательство; специализированные органы государственной власти, призванные организовывать и координировать деятельность по борьбе с коррупцией; ряд государственных структур наделен соответствующими полномочиями. Уголовная политика государства ориентирована на поиск и реализацию перспективных направлений противодействия коррупции. Однако говорить о каких-либо существенных сдвигах в работе по снижению уровня коррупционной пораженности общества не приходится. Многие ученые и практические работники – специалисты в сфере противодействия коррупции – приходят к мнению, что для успешности предпринимаемых усилий, с одной стороны, необходима реконструкция

[1] Шаталов С.А. Антикоррупционная правовая культура // https://center-yf.ru/data/Yuristu/antikorrupcionnaya-pravovaya-kultura.php.

[2] О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: Указ Президента РФ от 31 декабря 2015 года № 683 // Собрание законодательства РФ, 04.01.2016, № 1 (часть II), ст. 212.

общественного сознания, восприятия стандартов антикоррупционного поведения государственных служащих, адекватного отношения к данной проблеме со стороны населения Российской Федерации. С другой стороны, в сознании каждой конкретной личности должны утвердиться устойчивые поведенческие стереотипы, однозначно определяющие коррупционные проявления как неприемлемые вне зависимости от любой ситуации, в которую попадает индивидуум. Таким образом, речь идет о формировании антикоррупционной культуры, как неотъемлемой части правовой культуры общества.

Основной целью правовой культуры в сфере противодействия коррупционным отношениям нам представляется формирование ценностных установок, способностей, знаний и умений, обеспечивающих адекватную реакцию человека на факты коррупционных правонарушений, проявляющуюся в активных действиях, направленных на их предупреждение и пресечение, а также на выявление и устранение детерминантов коррупции. Безусловно, указанная цель может быть достигнута только при соблюдении определенных требований, предъявляемых к личности, обладающей активной жизненной позицией.

Прежде всего, это информированность о сущности и содержании коррупции, как негативном социальном явлении, оказывающем деструктивное воздействие на общественные отношения, обеспечивающие нормальное развитие общества, соблюдение законных прав и интересов граждан. Это также объективное представление о возможных последствиях коррупционных проявлений. Не последнее место среди рассматриваемых условий занимает практический навык критического осмысления складывающейся коррупционной ситуации, подразумевающий правильное реагирование личности на происходящее. Наконец, это устойчивая мотивация к антикоррупционному поведению, обусловленная общепринятыми в социуме морально-нравственными нормами.

Формирование правовой культуры личности, достижение необходимого ее уровня, обеспечивающего стабильность восприятия коррупциогенной ситуации и адекватного реагирования на факты коррупционных отношений, является сложным многоэтапным процессом, во многом зависящим от общей культуры социума на определенном этапе его развития.

Криминологическая наука как совокупность знаний о преступности, ее причинах и условиях, специфических характеристиках личности преступника и эффективности применения мер предупреждения преступных проявлений накопила большой опыт оценки криминогенной ситуации, складывающейся в обществе. Закономерность преступности как один из категоризирующих ее признаков, в частности, указывает, что состояние, динамика, тенденции развития изучаемого негативного социального явления во многом зависят от социально-экономических,

правовых, политических, морально-психологических и иных характеристик существования общества. Если общество переживает определенные кризисные процессы, негативно сказывающиеся на его развитии, преступность в нем трудно поддается превентивному воздействию, контролю и прогнозу.

Данная закономерность, по нашему мнению, характерна и для культурологических параметров противодействия преступности. Упомянутые кризисные явления снижают общий уровень культуры в обществе, замещают ее составные части всевозможными суррогатами, образцами псевдокультуры, такими, например, как криминальная субкультура. Они проявляются как способы адаптации определенных социальных групп к суровой действительности, обеспечивают способность сопротивляться негативному воздействию тех или иных явлений и процессов, происходящих в объективной реальности (резкая социальная дифференциация общества, конфликты интересов разных социальных страт, низкий уровень жизни, непопулярные меры государственной власти и др.). Однако в конечном итоге эти заменители разрушают имеющиеся мировоззренческие стереотипы, общечеловеческие ценности, меняют правила поведения на недопустимые и неприемлемые с точки зрения настоящей культуры. Рассмотренные тенденции существенно затрудняют изучаемый нами процесс формирования стандартов антикоррупционного поведения населения, что не может не сказаться соответствующим образом на уровне коррупционной пораженности общества. Рассмотрим наиболее значимые факторы, оказывающие негативное влияние на этот процесс.

Прежде всего, следует упомянуть социально-экономические явления кризисного характера, в основе которых лежат недопустимо низкий уровень жизни основной части населения государства, катастрофическая дифференциация общества по признаку материальной обеспеченности, высокий уровень безработицы, практическое отсутствие социальной защищенности тех членов общества, которые наиболее в этом нуждаются. В таких условиях формирование верных ценностных установок видится весьма сомнительным, так как значительная часть населения ориентирована на обеспечение минимальных средств существования и часто не имеет возможности задуматься о пагубности коррупции для благосостояния общества.

Факторы правового характера, оказывающие влияние на воспроизводство криминальных проявлений, чаще всего заключаются в неэффективности законодательного оформления защиты общественных отношений, на которые осуществляется преступное посягательство. Отсутствие необходимых нормативных правовых актов, несовершенство законодательных формулировок, отставание законов от требований времени, стремительно изменяющихся общественных отношений – вот примерный перечень причин такой ситуации.

Обсуждая правовые детерминанты воспроизводства преступности нельзя обойти вниманием дефекты формирования правоохранительной культуры общества. Их существование во многом определяет устойчивость коррупционной пораженности правовой системы государства. Использование своего должностного положения, предписывающего осуществлять полномочия по всемерной охране и защите от преступных посягательств законных прав и свобод граждан, в целях получения необоснованной материальной выгоды многократно увеличивает общественную опасность преступных последствий и усиливает разрушающее воздействие на формирование позитивных культурных стереотипов антикоррупционного поведения населения.

Нами уже было отмечено, что нормативная база противодействия коррупции в целом может быть охарактеризована как достаточно полная, в некоторых случаях даже избыточная, если принимать во внимание недавние новеллы уголовного законодательства. Поэтому рассмотренный фактор, казалось бы, не играет никакой роли в рассматриваемой проблеме. К сожалению, наличие эффективного закона не является единственным условием успешного решения какой-либо правовой задачи, необходимо результативное применение имеющихся норм. А вот эта проблема как раз-таки и является исключительно актуальной в нашем государстве. Подтверждением тому служит отмечаемый большинством специалистов высокий уровень латентности коррупционной преступности, по самым осторожным подсчетам на порядок превышающий по абсолютным величинам официальные ее показатели, представляемые в статистических отчетностях МВД России и Генеральной прокуратуры Российской Федерации. Общепризнано, что высокая латентность уголовно-наказуемых деяний вызывает серьезные последствия, в числе которых имеются и несущие культурологическую нагрузку:

– в общественном сознании порождается и развивается сомнение в способности государственных институтов (в первую очередь – правоохранительных органов) обеспечить общественную безопасность, в нашем случае – действенную защиту от произвола коррумпированных чиновников и от иных проявлений коррупционных связей в различных сферах общественной жизни; в свою очередь в сознании отдельных граждан укрепляется уверенность в допустимости нарушения антикоррупционного законодательства, основанная на убежденности индивида в своей неуловимости для субъектов противодействия коррупции;

– населением ставится под сомнение реализация принципа неотвратимости ответственности за совершение коррупционных правонарушений; одним из аспектов этой проблемы является убежденность граждан в невозможности устранения коррумпированных

представителей власти, в их неприступности и «непотопляемости», подобная ситуация воспринимается как общепринятое негласное правило;

– значительно осложняется реализация государственной антикоррупционной политики, содержащей основополагающие идеи противодействия рассматриваемому явлению; данное обстоятельство также является катализатором развития криминальной культуры, отрицающей в принципе возможность эффективного воздействия на преступность со стороны общества и государства.

Морально-психологические и культурно-воспитательные факторы разрушения культурных стереотипов антикоррупционного поведения проявляются посредством оценки степени и характера развития конкретной личности, по которым выясняется уровень правомерности ее деятельности. Отношение человека к совершаемым им поступкам происходит через понятия «хорошо» и «плохо», «допустимо» и «недопустимо» оцениваемые через призму общечеловеческих ценностей, которые поддерживаются или отрицаются им.

Мотивация коррупционного поведения, рассматриваемая как совокупность внутренних мотивов человеческих поступков и ситуации, складывающейся из тех или иных обстоятельств окружающей действительности, формируется на протяжении относительно обособленных этапов становления личности преступника-коррупционера. Субъекты профилактики коррупционной преступности, в чьи функции входит выявление и нейтрализация негативного воздействия общества на личность, должны объективно оценивать степень этого влияния на уровень антикоррупционной культуры. По мнению специалистов каждый человек в той или иной мере сохраняет элементы антикоррупционного поведения, пусть даже на уровне порицания коррумпированности продажных чиновников, вымогающих взятки от преступников за увод их от справедливого возмездия государства. В этом плане основная задача превентивного воздействия – привитие и стимулирование культурных стереотипов, обеспечивающих возможность личности строить свое поведение в соответствии с нормами права, что в конечном итоге приведет к способности осознанно останавливать любое правонарушение коррупционного характера. В идеале результатом культурологического воздействия должен стать осознанный отказ личности от коррупционных действий не потому, что она опасается наказания, а прежде всего потому, что человек сам считает такие действия недостойными и противоречащими жизненным принципам[1].

Безусловно, достижение указанной цели затрудняется перечисленными выше факторами объективного характера, однако

[1] Шаталов С.А. Указ. раб. // https://center-yf.ru/data/Yuristu/antikorrupcionnaya-pravovaya-kultura.php.

существенное отличие ее от категорий исправления и перевоспитания правонарушителей заключается в безальтернативности предполагаемого результата. Специфические признаки коррупционных преступлений, касающиеся взаимного соглашения коррупционера и коррупртера, подтверждают этот вывод.

В заключение следует отметить, что в основе антикоррупционной культуры каждого члена социума должна находиться его правовая культура, основанная на уважении закона, уверенности в его верховенстве над другими правилами поведения в обществе. Именно это ведет к устойчивости правовой системы государства, обеспечивающей поступательное его развитие. Формирование правовой культуры представляет сбой длительный и сложный процесс, начинающийся на ранних стадиях социализации личности, формирования его мировоззрения, где главная роль принадлежит воспитанию, образовательной деятельности, приобретению навыков социального взаимодействия на основе принципов законности, справедливости, гуманизма, открытости и обеспечения демократических начал функционирования гражданского общества.

Оглавление

Бабаев М.М., **Пудовочкин Ю.Е.** Противоречия между национальными и международными судебными инстанциями……. 3

Вишневецкий К.В., Кашкаров А.А., Голубихина Н.В. Криминология соучастия. Постановка проблемы…… 13

Иванов П.И., Шитов А.С. Уголовная политика в области борьбы с налоговой преступностью и особенности ее реализации подразделениями экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации……. 15

Иванцов С.В. Приоритетные направления развития системы мер предупреждения преступлений террористической направленности, совершаемых с использованием сети интернет…….. 25

Игнатов А.Н., Найденов Р.И. Проблемы статистического учета преступлений против жизни……. 31

Карнаушенко Л.В. Социокультурные аспекты противодействия противоправному поведению……... 37

Козаев Н.Ш. Современное уголовное право и проблема искусственного интеллекта……. 44

Никуленко А.В. Обстоятельства, исключающие преступность деяния: возможности совершенствования правовой регламентации…….. 50

Пихов А.Х.-А. Противодействие транснациональной преступности: отдельные вопросы…… 56

Чечель Г.И. Убийство из корыстных побуждений, сопряженное с разбоем: особенности квалификации…….. 62

Абисова К.С. Деятельностный подход в исследовании террористических форм преступного поведения……. 66

Аведян А.А. О ненасильственном характере оскорбления представителя власти (ст. 319 УК РФ)…….. 69

Акаева К.А. Детерминанты преступности несовершеннолетних и особенности личности несовершеннолетнего преступника……... 74

Акопов С.М. Анализ обоснованности законодательного решения о дифференциации мошенничества в специальных нормах Уголовного кодекса Российской Федерации…… 80

Алексеева Е.Э. К понятию нравственности как фундаментальной основы уголовного судопроизводства Российской Федерации…… 87

Алихаджиева И.С. О соотношении нравственности и уголовного права: осмысление теоретических подходов……. 91

Андрейчик А.О. Содействие террористической деятельности как специальный вид соучастия……. 106

Антонов А.Н. К вопросу о разделении юрисдикции международных органов правосудия на постконфликтных территориях……. 110
Бабакина Д.В. Криминальная субкультура как фактор детерминации преступности несовершеннолетних……. 118
Бадалов А.Э. Конфискация имущества как иная мера уголовно-правового характера в борьбе с преступлениями коррупционного характера: проблемы полноты и системности правовых предписаний…… 123
Баландин В.И. К вопросу об уголовной ответственности за публичное распространение заведомо ложной информации в средствах массовой информации и информационно-телекоммуникационных сетях…… 128
Бархатова Е.Н., Меликян Н.П. Соотношение оснований освобождения от уголовной ответственности с принципами справедливости и равенства перед законом……. 133
Башинская И.Г. Теоретико-правовые основы противодействия коррупции в сфере культуры…… 135
Бикмашев В.А. Стратегия противодействия экстремизму в нормативных правовых актах Российской Федерации……. 144
Буз С.И., Сарапкина Ю.К. Актуальные проблемы квалификации фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности……. 149
Булгакова В.Р. Особенности института уголовной ответственности за подделку документов в период существования Российской империи…… 155
Габрусь Н.Н. Географические и геополитические факторы детерминации преступности на территории Республики Крым……. 158
Горбенко Т.В. Уголовно-правовые основания реализации института ускоренного досудебного производства……. 165
Гринберг С.А. Профессиональная преступность и ее предупреждение……... 168
Грошев С.Н. Революционный террор: к вопросу о деятельности партии «Народная воля»…….. 174
Гузеева О.С. Иерархия конституционных ценностей и объект уголовно-правовой охраны……. 177
Густова Э.В. Тяжкие последствия в уголовном праве: толкование и правоприменение……. 185
Данилов Д.Б. Уголовно-правовые средства минимизации криминальных рисков в сфере производства и распределения объектов недвижимого имущества…… 189
Добренков А.И. Административная преюдиция как средство обеспечения безопасности дорожного движения: современное состояние и пути развития…….. 194

Долин В.А. Специфика культуры противодействия религиозному экстремизму: российский контекст……... 197
Дубницкая А.В. Криминологический подход к исследованию влияния психического насилия на преступное и виктимное поведение несовершеннолетних…….. 204
Елец С.А. Проблемные вопросы квалификации клеветы……. 209
Жинкин А.А. Понятие «азартная игра» в уголовном праве…. 217
Золотарев С.С. Критерии разграничения составов преступлений, предусмотренных ст. 126, 127, 206 УК РФ……. 220
Каснова М.С. К вопросу о потреблении психоактивных веществ в условиях COVID-19…….. 225
Колбасин В.В. Историко-правовой анализ становления и развития зарубежного законодательства об ответственности за сексуальное насилие в отношении малолетних и несовершеннолетних…… 229
Копейко Т.Г. Предупреждение мошенничества при получении выплат: опыт Германии…… 235
Лапсарь М.В., Хун А.З. Несовершеннолетний преступник как субъект уголовно-правового регулирования……. 239
Лещенко В.П. Уголовно-правовая сущность объективных признаков в составе мошенничества, совершаемого с использованием средств электронного платежа…… 243
Лукошина П.А. Проблемные вопросы субъективной стороны доведения до самоубийства……. 248
Макарова Е.С. Проблемные вопросы противодействия преступности иностранных граждан в Российской Федерации……. 252
Мельниченко Н.Н. Проблемные аспекты дифференциации уголовной ответственности за посягательства на сохранность объектов археологического наследия…… 255
Меретуков А.Г. Проблемные вопросы квалификации возбуждения ненависти либо вражды, а равно унижения человеческого достоинства……. 262
Москвичев А.А. Беспилотные летательные аппараты как объекты криминалистического исследования…… 269
Мотин А.В. О дополнении предписаний раздела VII УК РФ новыми квалифицирующими признаками…… 272
Мырзаш М.М. Модель продуктивного уголовного наказания несовершеннолетних в целях ресоциализации……. 282
Намнясева В.В. Возмещение причиненного ущерба как критерий эффективности судопроизводства…….. 290
Некоз С.С. Основания самостоятельной криминализации преступлений, связанных с оказанием содействия в общественно опасной деятельности…… 293

Нестеренко Д.А. Несистемность уголовно-правовых мер борьбы с терроризмом и проблемы их реализации…….. 300
Опанасенко А.С. Гражданско-правовая ответственность сотрудников органов внутренних дел…… 305
Панасенко В.Н. Профилактика экстремизма и терроризма: опыт Великобритании……. 309
Пархоменко Д.А. Об отражении в уголовном законе факта совершения преступления впервые в отношении отдельных преступлений…… 314
Пачулия Н.А. Особенности субъективных признаков преступлений, совершаемых из хулиганских побуждений……. 320
Присич И.В. Средства обеспечения предупреждения преступлений в процессе исполнения наказания в виде ограничения свободы…….. 325
Раненкова Е.А., Мельников Н.С. Актуальные вопросы реализации уголовно-правовой политики Российской Федерации в сфере противодействия наркопреступности…….. 331
Рясов Д.А. Уголовно-правовая сущность признака экстремистской направленности…… 337
Савенко И.А. Проблемы отграничения умышленного причинения тяжкого вреда здоровью, повлекшего по неосторожности смерть человека, от убийства и причинения смерти по неосторожности……. 342
Сачков А.Н. Общественная опасность преступлений, связанных с функционированием финансовых пирамид…… 347
Смирнов М.А. Правовая оценка действий сотрудников правоохранительных органов в состоянии необходимой обороны… 351
Снyткин Р.И. Проблемы определения целей уголовного наказания……... 357
Соколова Ю.С. Современное состояние размещения государственных заказов для нужд органов внутренних дел……. 361
Соломоненко И.Г. Проблемы квалификации заражения венерической болезнью……... 364
Сорокун Н.С., Девятовская С.В. Причины возникновения насильственной преступности в молодежной среде…… 369
Старостенко О.А. Об особенностях дифференциации способов совершения информационно-телекоммуникационного мошенничества в период пандемии COVID-19 и основных мерах безопасности в киберпространстве…… 375
Стрилец О.В. Проблемы регламентации наказания в виде принудительных работ в уголовном и уголовно-исполнительном законодательстве…….. 378

Суровец Д.В. Особенности концентрации внимания стрелка как часть его психологической подготовки при обучении сотрудников органов внутренних дел…… 384
Табакова Н.А. Особенности освобождения от уголовной ответственности за экономические преступления…… 387
Титов А.А. Тенденции развития правовой культуры противодействия коррупции…….. 392
Тихонов А.А., Буз С.И. К вопросу о правомерной необходимой обороне……. 397
Токарчук Р.Е. Соотношение обстоятельств, исключающих преступность деяния, отраженных в уголовном законе и отраслевых законах о силовых структурах…… 399
Трапаидзе К.З. О некоторых особенностях уголовной ответственности несовершеннолетних……. 406
Урда М.Н. Значение крайней необходимости в юридической оценке миграционных правонарушений, совершаемых в период пандемии…….. 410
Хохлов Е.Е. Стратегическая антинаркотическая деятельность как перспективное направление обеспечения национальной безопасности Российской Федерации в условиях онлайн-наркотизации…….. 414
Хрони Е.В. Перспективы совершенствования уголовно-правовых мер борьбы с экстремизмом…….. 418
Хун А.З. Проблемы легализации эвтаназии в России……... 422
Чаплыгина В.Н. Особенности осуществления мер безопасности участников уголовного процесса как вида государственной защиты……. 427
Чаплыгина В.Н., Москвичев А.А. Проблемы получения доказательств из поврежденных мобильных устройств……. 434
Чахов Г.Н. Культурологические аспекты совершенствования системы субъектов противодействия криминальному насилию в современном обществе……. 437
Шахбазов Р.Ф. Значение дифференциации пособничества в истории российского уголовного законодательства……. 443
Шегабудинов Р.Ш. К вопросу об уголовной политике в сфере противодействия организованной экономической преступности, сопряженной с коррупцией……... 448
Шерстюков С.А. Основание уголовной ответственности за организацию экстремистского сообщества…….. 454
Шкаплеров Ю.П. Первое нормативное закрепление порядка оказания международной правовой помощи по уголовным делам в уголовно-процессуальном законе Российского государства…… 459

Шумаков С.А. Конституционно-правовые и международно-правовые предпосылки обеспечения возмещения ущерба, причиненного преступлением…… 464
Эльгайтаров С.Ю. Социально-правовая обусловленность модернизации и совершенствования уголовной ответственности за нецелевое расходование бюджетных средств…….. 468
Яковлев В.В. Правовая культура в сфере борьбы с коррупционными проявлениями: современное состояние и перспективы развития…….. 475

Научное издание

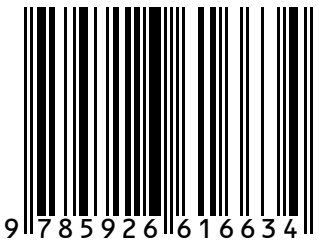
УГОЛОВНАЯ ПОЛИТИКА И КУЛЬТУРА ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ ПРЕСТУПНОСТИ

Материалы
Международной научно-практической конференции

(11 сентября 2020 г.)

В авторской редакции
Компьютерная верстка *С. В. Коноваловой*

ISBN 978-5-9266-1663-4



Подписано в печать 15.10.2020. Формат 60x84 1/16.
Усл. печ. л. 28,4. Тираж 150 экз. Заказ 90.

Краснодарский университет МВД России.
350005, г. Краснодар, ул. Ярославская, 128.